3 1761 08114618 5

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p3russkaiamy36mosk

122424

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

МАРТЪ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ
1915

Продолжается подписка на 1915 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Конст. Эрберга** 1

II. ПЫЛЬ. Романъ.—**Андрея Соболя**. *Продолженіе* 5

III. ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА. Романъ **Гвидо да Верона** (*Guido da Verona*. „La vita comincia domani"). Съ итальянскаго. — Перев. **З. Н. Журавской**. *Продолженіе* 29

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Маріи Моравской** 77

V. ЮДОЛЬ. Разсказъ.—**Вл. Лидина** 79

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Валеріана Бородаевскаго** 93

VII. ИМПЕРАТОРЪ ПОРТУГАЛЬСКІЙ. Вермландская повѣсть **Сельмы Лагерлефъ**. Съ шведск.—Пер. **М. П. Благовѣщенской**. *Продолженіе* . 94

VIII. НЕТЛѢННОЕ. Разсказъ.—**О. П. Руновой** 140

IX. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Вадима Гарднера** 151

X. СЕСТРА.—**Н. Бромлей** 153

XI. РУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ ПОСЛѢ 1863 ГОДА.—**А. А. Корнилова** 1

XII. ИЗЪ РУМЫНСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—**И. О. Левина** 37

XIII. ПАРИЖЪ И ВОЙНА. Письмо изъ Франціи.—**М. Лотъ-Бородиной** . 49

XIV. АНГЛИЧАНЕ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ.—**Инны Любименко** . . 67

XV. РОМАНЪ О ГОЛУБОМЪ ЦВѢТКѢ.—**В. М. Жирмунскаго** 94

XVI. БОЛГАРСКІЯ НАСТРОЕНІЯ. Письма въ редакцію. I. О болгарскомъ нейтралитетѣ. — **Сем. Волчанова**. II. Голосъ македонца. — **Георгія Стоянова** 102

XVII. ФИЛОСОФІЯ КАКЪ ДУХОВНОЕ ДѢЛАНІЕ.—**Ивана Ильина** . . . 112

XVIII. ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ. Опытъ характеристики.—**Петра Струве** . . 129

XIX. ПЕРЕПИСКА ГРАФА С. Ю. ВИТТЕ И П. А. СТОЛЫПИНА.—**Л. Львова** 134

XX. НА ПЕРЕВАЛѢ. С. Ю. Витте.—**А. С. Изгоева** 153

XXI. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ**. Книги: I. Литература, исторія литературы и литературная критика.—Языкознаніе. — Философія и религія. — Исторія.—Политическая экономія, статистика и финансы. — Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе и математика. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 15 февраля по 1 марта 1915 г. 1

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Продолжается подписка на 1915 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.**
2. **Въ Россіи и за границей.** (Обзоры и замѣтки.) Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. **Критическое Обозрѣніе** (Библіографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.**

Въ ближайшіе мѣсяцы наступившаго года „Русская Мысль" удѣлитъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной. Въ рядѣ статей будетъ данъ самый разнообразный матеріалъ для историческаго и политическаго пониманія великихъ событій нашихъ дней.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **25** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи . **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ **Петроградѣ**, въ главной конторѣ журнала: **Нюстадская, д. 6** (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у П. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

ПОСТАВЩИК ДВОРА
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПАБЕЛЪ БУРЕ
С. ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
НЕВСКІЙ ПР. 23 | КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ
СОБСТВЕННАЯ ФАБРИКА...
Иллюстрированный прейсъ-курантъ за № 203 высылается безплатно.
СОБСТВЕННАЯ ...ФАБРИКА

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ.

Багетнаго съ 13 рис.—30 к. Бочарнаго съ 50 рис.—40 к. Булочнаго—35 к. Выжиганія съ 46 рис.—30 к. Выпиливанія съ 75 рис.—30 к. Женск. рукодѣлія съ 65 рис.—30 к. Жестяного съ 98 рис.—40 к. Зеркальнаго съ 5 рис.—30 к. Золоченія и серебренія по дереву и металлу съ 14 рис—30 к. Кожевеннаго съ 5 рис.—30 к. Корзиночнаго съ 52 рис.—30 к. Краснодеревнаго съ 117 рис.—30 к. Кузнечнаго съ 62 рис.—30 к. Кровельнаго съ 103 рис.—30 к. Лаковъ и замазокъ—30 к. Литейнаго съ 54 рис.—50 к. Луженія, паянія и никкелированія—30 к. Малярнаго—30 к. Мукомольнаго съ 28 рис.—50 к. Мыловареннаго съ 37 рис.—40 к. Обойнаго съ 67 рис.—30 к. Переплетнаго съ 76 рис.—40 к. Печного съ 30 рис.—40 к. Плотничнаго съ 104 рис.—30 к. Полированія и лакированія—50 к. Починки галошъ и шинъ—30 к. Прачечнаго и красильнаго—40 к. Выдѣлки ваксы и гуталина—30 к. Лампаднаго масла—30 к. Колесной мази—30 к. Чернилъ—30 к. Протравки дерева подъ дубъ, орѣхъ и т. п.—50 к. Рѣзчика по дереву съ 62 рис.—30 к. Сапожнаго съ 20 рис.—50 к. Слесарнаго съ 94 рис.—40 к. Скорняжнаго—30 к. Столярнаго съ 118 рис.—50 к. Тележно-колеснаго съ 26 рис.—40 к. Токарнаго по металлу съ 103 рис.—50 к., по дереву съ 143 рис.—30 к. Часового съ 43 рис.—50 к. Чемоданнаго съ 39 рис.—40 к. Черепичнаго съ 59 рис.—50 к. Чучельнаго съ 44 рис.—40 к. Шорнаго съ 44 рис.—30 к. Штемпелей кауч. съ 11 рис.—40 к. Штукатурн. съ 52 рис.—30 к. Щеточнаго съ 39 рис.—30 к.

Альбомы для ремесленниковъ. Мебели въ новомъ и др. стиляхъ 20 разн. вып. Токарн. раб.—4 вып. Дверей въ разн. стил.—5 вып. Рѣзьбы по дереву—7 вып. Кузнечно-слесарн. раб.—8 вып. Мотивы для выжиганія русск. стиль—7 вып. Мягкой мебели и драпировокъ—10 вып.,—каждый выпускъ по 40 к.

Фотографъ-любитель. Апцова подр. руков. съ 61 рис.—50 к. Спутникъ фотографа съ 98 рис. Давида—1 р. Ретушь для фотогр. Грасгофа—50 к.

Живопись масляными красн.—80 к. Живопись акварелью—50 к. Живопись по фарфору—50 к. Лѣпка съ 25 рис.—50 к. Металлопластика съ 35 рис. обр. раб.—50 к.

Книги по электротехникѣ. Домашній электротехн., съ 66 рис. — 30 к. Гальванопласт., съ 27 рис. — 40 к. Постр. маленьк. аккумулятор., съ 37 рис. — 30 к. Постр. маленьк. динамо-машины, съ 25 рис.—30 к. Постр. мал. электр. двиг., съ 35 рис.—30 к. Устр. дешев. электр. освѣщ. лампочк. накаливан., съ 39 рис. — 30 к. Никелированіе собственноручнымъ приб., съ 6 рис. — 30 к Сухіе гальваническіе элементы, съ 12 рис.—30 к. Спутникъ электромонтера, съ 40 рис.—40 к. Устройство спирали Рункорфа и опыты, съ 26 рис.—30 к. Школа электротехн., съ 59 рис. — 40 к. Электрическіе звонки и сигнализація: проводка, ремонтъ, съ 92 рис.—40 к. Электрич. освѣщеніе: устройство, попости, съ 100 рис.—40 к. Устройство карман. фонарей, съ 29 рис.—30 к. Обмотка якорей динамо-машинъ, съ 13 рис. — 30 к. Постр. динамо-машины съ кольцеобр. якоремъ, съ 48 рис. — 30 к. Какъ построить безпровол. телеграфъ съ 49 рис.—40 к. Галванопласт. и галванические элементы съ жидк., съ 64 рис.—40 к.

Спортъ-книги съ рисунками. Боксъ англ.—30 к. Франц. борьба — 40 к. Джіу-Джицу—35 к. Лаунъ-теннисъ—20 к. Футболъ—30 к. Охотникъ—30 к. Рыболовъ уд.—30 к. Рыбная ловля во всѣ вр. года—60 к.

Высылаетъ наложеннымъ платежомъ. Въ Москвѣ, книжный складъ **М. П. Петрова,** бл. Охотнаго ряда, Тверская ул., 13, кв. 13, въ Петроградѣ. Книгоиздательство **Сухова.** Б. Подъяческая ул., 19.

Пересылка одной книги—18 к., 2 кн.—22 к., 3 кн.—26 к., 4 кн.—30 к. и 5 кн.—34 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. При выпискѣ на 3 р. пересылка безплатно. Каталогъ высылается безплатно.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Изданіе Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Москва.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 6 рублей, на полгода 3 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца 1 руб. 80 коп., на 1 мѣсяцъ 65 коп. ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЧИТАЕТСЯ СЪ 1 ФЕВРАЛЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ *МОСКВѢ:* Пименовская, 16 и Никольская, 8 въ *ПЕТРОГРАДѢ*, Фонтанка, 117, въ *КІЕВѢ*, Караваевская, 5.

ЖУРНАЛЪ СТАВИТЪ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ отраженіе всего, что въ данный моментъ останавливаетъ вниманіе широкихъ круговъ русскаго общества.

ЖУРНАЛЪ БУДЕТЪ ОТМѢЧАТЬ новыя явленія въ области науки, литературы, искусства и общественности краткими статьями, замѣтками, обзорами и беллетристическими очерками.

ВЪ КАЖДОМЪ НОМЕРѢ 14—16 отдѣльныхъ страницъ будетъ занято тщательно подобранными и художественно исполненными иллюстраціями.

ГЛАВНОЕ ВНИМАНІЕ журналъ обратитъ на русскую жизнь: народное хозяйство, бытъ и культуру различныхъ народностей, населяющихъ Россію, красоты и богатства ея природы, русскую старину, главныя явленія русской культуры духовной и матеріальной и пр.

СОБЫТІЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ займутъ въ журналѣ должное мѣсто и будутъ иллюстрированы фотографіями собственныхъ корреспондентовъ со всѣхъ театровъ военныхъ дѣйствій.

Новости, поступившія на складъ.

„Наблюдай природу". Тетрадь для лѣтнихъ самостоятельныхъ работъ и наблюденій. **Б. Игнатьева и С. Соколова.** Вып. I. Неживая природа и начальная географія. Съ 20 рисунк. въ текстѣ. Ц. 30 к.

„Война и культура". Серія брошюръ, посвященныхъ войнѣ и различнымъ связаннымъ съ ней вопросамъ, издаваемая подъ редакціей Исторической комиссіи при Учебномъ отдѣлѣ о-ва распр. техн. знаній. Поступили въ продажу слѣдующія: Политическій строй Германіи. Ц. 10 к. Политическій строй Англіи и Франціи. Ц. 10 к. Красный Крестъ. Ц. 10 к. Россія и Турція. Ц. 15 к. Отмѣна капитуляцій въ Турціи. Ц. 8 к. Голландія. Ц. 12 к. Англія. Ц. 10 к. Англія наканунѣ войны. Ц. 12 к. Польша. Ц. 12 к. Поляки подъ германскимъ владычествомъ. Ц. 15 к. Галиція въ ея прошломъ и настоящемъ. Ц. 15 к. Англія и Германія. Ц. 15 к. Германія. Ц. 15 к. Румынія. Ц. 12 к. Борьба за колоніи. Ц. 15 к. Что такое международное право? Ц. 10 к. Евреи въ Россіи. Ц. 10 к. Имперія Франца-Іосифа. Ц. 10 к. Желѣзный канцлеръ Бисмаркъ—творецъ германской имперіи. Ц. 18 к. Прибалтійскій край. Ц. 15 к. Политическая жизнь Германіи. Ц. 10 к. Печатаются другія брошюры.

Задача серіи—дать широкимъ массамъ рядъ недорогихъ и доступныхъ по языку и содержанію книжекъ, въ которыхъ можно было бы найти отклики на всѣ событія текущаго момента.

„Подробная карманная карта военныхъ дѣйствій". Цѣна въ папкѣ 60 к.

Не уступая по числу названій самымъ подробнымъ изъ имѣющихся въ продажѣ картъ, эта карта имѣетъ то преимущество, что исполнена въ 5 красокъ, въ масштабѣ 1 : 2,500,000; имѣетъ отчетливый рельефъ и небольшой форматъ, который, благодаря особой системѣ складыванія, даетъ возможность пользоваться картой въ любыхъ условіяхъ. Карта содержитъ: 1. Политическую карту европейскихъ державъ. 2. Карту восточно-прусскаго театра военныхъ дѣйствій. 3. Карту галиційскаго театра военныхъ

Научно-популярные очерки. Эр. Маха, профес. Вып. II. (Самостоятельное цѣлое.) Этюды по естествознанію. Перев. съ нѣмецк. А. Мейера, подъ ред. П. Энгельмейера. Съ прилож. трехъ табл. рисунк. и портретомъ автора. Ц. 1 р. 20 к.

Первые шаги въ наукѣ о землѣ. I. Вальтера, проф. геологіи и палеонтологіи въ университ. въ Галле. Общедоступное введеніе и наставленіе къ производству наблюденій. Съ 102 рис. и 123 задачами. Переводъ А. К. Носкова. Изд. 2-е, подъ ред. А. А. Чернова и проф. Д. Н. Анучина. Ц. 70 к.

Солнце, его строеніе и силы изъ него исходящія. С. Меча. Съ рисунк. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Наука о погодѣ или основы метеорологіи. Ф. Піотровскаго. Перев. съ польск. Р—аго. Съ 47 рис. и чертеж. въ текстѣ. Ц. 70 к.

Натуралистъ подъ тропиками. Э. Геккеля. Извлеченіе изъ Indische Reisebriefe. Подъ ред. проф. К. Тимирязева. Ц. 60 к.

Чудеса птичьяго міра. Р. Шарпа. (Wonders of the Bird World.) Перев. съ англ. М. А. Л. Съ 104 рис. въ текстѣ. Содержаніе: Замѣчательныя птицы. Украшенія птицъ. Мѣста забавы. Постройка гнѣзда. Замѣчательныя гнѣзда. Ухаживаніе и пляска птицъ. Миметизмъ и предохранительная окраска. Птицы-паразиты. Перелетъ птицъ. Географическое распространеніе. Ц. 2 р.

Естественная исторія домашнихъ животныхъ. К. Келлера, проф. зоологіи. Перев. Э. Тентъ, подъ ред. и съ пред. проф. Моск. сел.-хоз. инстит. Н. М. Кулагина. Съ 51 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р.

Изъ жизни звѣрей и птицъ. М. А. Мензбира, проф. Популярные очерки. Съ 20 рисунк. худ. I. Вольфа. Ц. въ папкѣ 3 р.

Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи. С. Т. Аксакова. Изд. подъ ред. проф. М. А. Мензбира. Съ 10 хромолитографіями и 89 рис. въ текстѣ. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 75 к.

Хлѣбный вопросъ и особенно вопросъ о производствѣ и о потребленіи пшеницы. Вил. Крунса. Перев. со 2 изд. Н. Маракуева при участіи В. Маракуева. Ц. 1 р.

Черепичное и кирпичное производство. Ф. И. Варакина. Съ 45 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р.

Ацетиленъ, какъ освѣтительный матеріалъ. Его же. Ц. 45 к.

Архитектура. В. Г. Залѣсскаго, адъюнктъ-профессора. Краткій курсъ построенія частей зданій, читанный въ Императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ. Съ дополненіемъ популярнаго изложенія способовъ провѣрочнаго расчета и опредѣленія размѣровъ конструкцій. Съ 655 чертежами въ текстѣ и отдѣльнымъ атласомъ частей зданій въ 27 хромолитографированныхъ таблицъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Цѣна въ перепл. на веленев. бум. 7 р.

Художественный сборникъ работъ русскихъ архитекторовъ и инженеровъ. Съ рисунками и чертежами. Всѣ выпуски 1891—1894 гг. включительно. Ц. каждаго вып. 3 р. 50 к.

Техника черченія. М. А. Нетыкса, инж.-мех. Счетная линейка. Правила разметки. 3-е, совершенно переработанное и значительно увеличенное, изданіе. Съ 757 политипажами въ текстѣ и 7 литографированными таблицами. Ц. 3 р. 50 к.

Курсъ проекціоннаго черченія. M. Kleiber. Руководство для техническихъ училищъ, ремесленныхъ и художественно-промышленныхъ профессіон. школъ, а также для самообученія. Съ 50 + 5 чертежами въ краскахъ. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакц. М. А. Нетыкса. Ц. 5 р.

Противъ „Капитала" К. Маркса. Ученіе о технической рентѣ. А. И. Трофимова, инженера-технолога. Ц. 2 р.

Новый взглядъ на природу и причины богатства народовъ. Его же. Попытка обращенія къ сужденію здравомыслящихъ людей изъ народа. Ц. 20 к.

Техническая рента какъ источникъ прибыли (къ кризису интеллигенціи). Его же. Ц. 50 к.

Теорія прибавочной стоимости К. Маркса съ технической точки зрѣнія. Его же. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Матеріалистическое пониманіе исторіи. Что такое интеллигенція? Его же. На основѣ закона технической ренты. Цѣна предметовъ рѣдкихъ къ вопросу о голодѣ. Ц. 20 к.

Сборникъ геометрическихъ задачъ на вращеніе различныхъ фигуръ. В. Полидорова. Ц. 25 к.

Рѣшеніе „Сборника алгебраическихъ задачъ В. М. Ипатова". П. А. Ситковскаго и В. В. Черновскаго. Ц. 1 р.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

Борьба съ безкормицей при помощи воздѣлыванія добавочныхъ кормовыхъ растеній. Штеблера и Лаура. Перев. съ нѣмецк. В. Н. Маракуева. Ц. 20 к.

Картофель, земляная груша и бататы. В. Н. Маракуева. Съ 11 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Ц. 10 к.

Помидоры или томаты. Вил. Трэси, члена Департам. земледѣл. въ Соед. Штат. Разведеніе ихъ съ промышленной цѣлью и для домашняго употребленія. Перев. съ англ. М. А. Л., подъ ред. В. Н. Маракуева. Съ 46 рис. и указателемъ. Ц. 1 р.

Разведеніе кукурузы. Сочин. Г. Мирина. Перев. съ англ. подъ ред. и съ предисл. В. Н. Маракуева. Съ 100 рис., 2 отдѣл. таблицами и приложеніемъ. Ц. 2 р.

Крымское промышленное плодоводство. Л. П. Симиренко. I томъ, заключающій отдѣлы: общая часть, яблонь и груша. Изданіе Комитета при Симферопольскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства. Эта роскошно изданная книга in 4° заключаетъ 746 страницъ текста и иллюстрирована 250 рисунк. въ текстѣ и 80 отдѣльными таблицами. Цѣна книги въ обложкѣ—8 руб., въ переплетѣ изъ дермантина—9 р. 70 к., въ полукожаномъ № 1—11 р. 10 к., въ полукожаномъ № 3—12 р. 30 к., на веленев. бум. 13 р. 80 к. Въ роскошномъ кожаномъ переплетѣ съ тисненіемъ и золот. обрѣзомъ ц. 20 р.

Посадка деревьевъ въ средн. полосѣ Россіи. В. Лясковскаго. Ц. 20 к.

Разведеніе лѣсныхъ деревьевъ. М. К. Турскаго. Изд. 9-е, съ 53 рисунк. въ текстѣ. Ц. 30 к.

Лѣсоводство. Его же. Съ 193 рис. въ текстѣ и 3 таблиц. Изд. 5-е. Ц. 3 р.

Таблицы для таксаціи лѣса. Его же. Изд. 7-е, съ добавл. Ц. 1 р.

Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. М. Турскаго и Л. Яшнова. Изд. 3-е, съ 55 рис. въ текстѣ и 2-мя табл. рис. Подъ ред. Г. Турскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Устройство Никольской лѣсной дачи владѣнія т-ва Вознесенской мануфактуры. Г. Сычева. Ц. 1 р. 75 к.

Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Э. Э. Керна. Съ 57 рис. въ текстѣ. Изд. 5-е, перераб. и допол. Ц. 1 р.

Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Его же. Съ 29 рис. въ текстѣ. Изд. 4-е, вновь переработанное. Ц. 1 р.

Растенія и среда. (Приспособленіе.—Эволюція.) Ж. Константена. Перев. съ франц. Подъ редакц. К. Тимирязева. Ц. 1 р. 50 к.

Растительный міръ. Гастона Боннье, члена института, проф. въ Сорбоннѣ. Съ 230 фигурами въ текстѣ. Пер. Н. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Общая ботаника. Л. Жерардена. Дополненная О. Томе. Перев. съ 23 изд. „Книги природы". Съ 68 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Ботаника для садовниковъ и огородниковъ. Л. А. Золотарева. Пособіе для практиковъ, любителей, учителей народныхъ школъ и учениковъ школъ садоводства. Часть первая. Съ 101 рис. въ текстѣ. Цѣна 70 к.

Очерки изъ жизни растеній. О. Шмейля. Перев. съ нѣм. С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 520 стр., со многими рис. въ текстѣ и 38 цвѣтными табл. на отд. листахъ. Ц. 3 р., въ изящн., тиснен. золот. и краск. переплетѣ 3 р. 75 к.

Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Страсбургера, Э., д-ра, Нолль, Ф., д-ра, Карстена, Г., д-ра, Шенка, Г., д-ра и Шимпера, д-ра. Перев. съ 9-го нѣмец. изд. М. И. Голенкина и В. А. Дейнеги. Изд. 3-е, полное, съ 802 рисунками, отчасти въ краскахъ. Ц. 4 р.

Земледѣліе и физіологія растеній. К. А. Тимирязева, проф. Сборникъ общедоступныхъ лекцій съ фигурами въ текстѣ. Содержаніе: Предисловіе.—Наука и земледѣлецъ.—Ж. Б. Буссенго.—Ленъ.—Полвѣка опытныхъ станцій.—Экономическое значеніе электрическаго свѣта для культуры растеній.—Борьба растенія съ засухой.—Происхожденіе азота растеній.—Опытная станція на выставкѣ въ Н.-Новгородѣ.—Физіологія растеній, какъ основа разумнаго земледѣлія.—Точно ли человѣчеству грозитъ близкая гибель? Стр. 356+8. Ц. 1 р. 50 к.

Наслѣдственность у растеній. Г. Вильморена. Лекція, съ предисловіемъ профессора К. А. Тимирязева. Ц. 25 к.

Наслѣдственность. И. Дежажа. Извлеч. подъ ред. проф. К. Тимирязева. Ц. 50 к.

Основы біологіи или науки о живыхъ существахъ. Проф. І. Нусбаума. Пер. съ польск. В. Н. М. Съ 38 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к.

Основныя понятія современнаго естествознанія. Ф. Ауэрбаха. Перев. съ нѣмецк. А. Н. Дьякова. Подъ ред. прив.-доц. Н. А. Розанова. Ц. 80 к.

Насущныя задачи современнаго естествознанія. К. А. Тимирязева, проф. Публичныя рѣчи. 3-е дополненное изданіе. Ц. 2 р.

Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Его же. Изд. 6-е. Съ приложеніемъ: „Наши антидарвинисты". Ц. 1 р. 50 к.

Ученіе о происхожденіи видовъ и дарвинизмъ. Рихарда Гессе, проф. зоологіи въ Тюбингенѣ. Пер. съ 3-го изд. Н. Маракуева. Съ 37 фиг. въ текстѣ. Ц. 1 р.

дѣйствій. 4. Карту франко-бельгійскаго театра военныхъ дѣйствій. 5. Карту сербско-австрійскаго театра военныхъ дѣйствій. 6. Карту восточной части Балканскаго полуострова и западнаго побережья Малой Азіи. 7. Карту кавказскаго театра военныхъ дѣйствій.

Карта военныхъ дѣйствій въ Закавказьѣ и Азіатской Россіи. Размѣръ 15×24, на плотной бумагѣ, въ 5 красокъ. Масштабъ 1:1,000,000. Цѣна 50 к.

Елена Павловна и Сережка. А. Вербицкой. (Лѣтняя идиллія.) Романъ. Цѣна 2 руб.

Москва. Путеводитель. Историческая комиссія учебнаго отдѣла общ. распр. технич. знаній. Подъ редакціей Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленскаго, М. С. Сергѣева и К. В. Сивкова. Съ 54 иллюстраціями, 6 планами и 4 діаграммами. 702 стр. Ц. въ мягк. коленкор. перепл. съ рис. худ. П. Афанасьева 2 р. 50 к.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Лѣтнія загородныя прогулки дѣтей. И. Н. Морозова. Подъ ред. и съ предисл. д-ра медиц. В. Е. Игнатьева. Съ 3 иллюстр. на мѣлов. бум. Ц. 40 к.

Путеводители-сборники изданія „Образовательныхъ экскурсій". **Парижъ.** 286 стр., съ 49 иллюстр. на мѣлов. бум. **Италія.** 222 стр., съ 51 иллюстр. на мѣлов. бум. **Римъ.** 256 стр., съ 36 иллюстр. на мѣлов. бум. **Швейцарія.** 193 стр., съ 48 иллюстр. на мѣлов. бум. Ц. каждой книги въ полукож. перепл. 1 р. 50 к.

Римъ. Справочникъ-путеводитель. Б. Грифцова. 154 стр. съ планомъ города и музеевъ. Изд. „Образовательныя экскурсіи". Ц. 75 к.

Англія, Уэльсъ и Ирландія. Е. Астори. (Изъ личныхъ замѣтокъ и наблюденій.) Ц. 60 к.

Вѣчный городъ. (Итоги пережитаго.) П. Д. Боборыкина. Ц. 1 р.

Очерки современной Италіи. М. Осоргина. Ц. 1 р. 50 к.

Италія. С. Меча. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

Русская военная сила. А. Н. Петрова. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени, съ рисунками одеждъ и вооруженій, картами, планами сраженій и укрѣпленій. Изд. 2-е. 2 тома. Ц. 5 р.

Четыре войны. П. Алабина. Походн. записки въ 1849, 53, 54—56, 1877—78 годахъ. Ч. I. Венгерская война 1849 г. Ц. 2 руб. Тоже, ч. II. Восточная война 1853—54 гг. Ц. 3 р. Тоже, ч. III. Защита Севастополя 1854—56 гг. Ц. 4 р.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. В. В. Верещагина, художн. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

Кавказъ. С. Меча. Географическій очеркъ. Изд. 13-е. Ц. 50 к.

Руководство прикладной тактики. А. Безрукова, гев.-м. Пособіе для офицеровъ Свыше 550 стр. текста и 61 схема. Ц. 3 р. 50 к.

По Азіатской и Европейской Турціи. Гроте Гуго. Перев. О. Романовой, подъ редакц. С. Григорьева. Со многими рисунк. и картой. Ц. 1 р.

Удобреніе фосфоритомъ. А. П. Яновскаго. Ц. 20 к.

Искусственное удобреніе и сидерація въ Россіи и Германіи. Л. Ф. Альтгаузена. Ц. 2 р.

Практическое примѣненіе навоза и искусственныхъ удобреній. Р. Гейнриха, проф., д-ра. Перев. съ нѣмецк. Л. Ф. Альтгаузена. Ц. 1 р. 50 к.

Чѣмъ пахать? Ф. И. Варакина. Ц. 45 к.

Что нужно дѣлать въ садахъ, чтобы не было червивыхъ яблокъ? Л. А. Золотарева. 4-е изд., дополн. Ц. 10 к.

Когда и какъ нужно поливать сады и огороды. Его же. Издан. 3-е, исправленное и дополненное. Ц. 20 к.

Борьба съ весенними заморозками въ садоводствѣ и огородничествѣ. Его же. Съ 3 рисунками. 2-е изд., исправл. и доп. Ц. 25 к.

Разведеніе подсолнечника. Его же. 3-е изд., исправл. и дополн. Съ 8 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к.

Конопля. Его же. Изд. 2-е, исправл. и дополн., съ 14 рис. Ц. 40 к.

Какъ растетъ хлѣбъ въ полѣ. Общедоступный очеркъ жизни хлѣбныхъ злаковъ. Его же. 3-е изд., исправл. и дополн., съ 20 рисунк. въ текстѣ. Ц. 10 к.

Самообразованіе сельскихъ хозяевъ. Его же. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 30 к.

Сорныя травы на поляхъ и ихъ истребленіе. Его же. Засоренность полей.—Вредъ отъ этого.—Наиболѣе распространенныя сорныя травы.—Борьба съ ними. Съ 35 рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Ц. 1 р.

Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. Карбе. Ц. 20 к.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

289

122424

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

КНИГА III

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

AP
50
R8
9.36
кн.3

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Конст. Эрберга** 1

II. ПЫЛЬ. Романъ.—**Андрея Соболя.** *Продолженіе* 5

III. ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА. Романъ **Гвидо да Верона.** (*Guido da Verona.* „La vita comincia domani". Romanzo). Съ итальянскаго.—Перев. **З. Н. Журавской.** *Продолженіе* 29

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Маріи Моравской** 77

V. ЮДОЛЬ. Разсказъ.—**Вл. Лидина** 79

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Валеріана Бородаевскаго** 93

VII. ИМПЕРАТОРЪ ПОРТУГАЛЬСКІЙ. Вермландская повѣсть **Сельмы Лагерлефъ.** Съ шведскаго. — Перев. **М. П. Благовѣщенской.** *Продолженіе* 94

VIII. НЕТЛѢННОЕ. Разсказъ.—**О. П. Руновой** 140

IX. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Вадима Гарднера** 151

X. СЕСТРА.—**Н. Бромлей** 153

XI. РУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ ПОСЛѢ 1863 ГОДА.—**А. А. Корнилова** 1

XII. ИЗЪ РУМЫНСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—**И. О. Левина** . . 37

XIII. ПАРИЖЪ И ВОЙНА. Письмо изъ Франціи. — **М. Лотъ-Бородиной** 49

XIV. АНГЛИЧАНЕ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ. — **Инны Любименко** 67

XV. РОМАНЪ О ГОЛУБОМЪ ЦВѢТКѢ.—**В. М. Жирмунскаго** . 94

XVI. БОЛГАРСКІЯ НАСТРОЕНІЯ. Письма въ редакцію. I. О болгарскомъ нейтралитетѣ.—**Сем. Волчанова.** II. Голосъ македонца.—**Георгія Стоянова** 102

XVII. ФИЛОСОФІЯ КАКЪ ДУХОВНОЕ ДѢЛАНІЕ. — **Ивана Ильина** 112

Стр.

XVIII. ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ. Опытъ характеристики. — **Петра Струве** 129

XIX. ПЕРЕПИСКА ГРАФА С. Ю. ВИТТЕ И П. А. СТОЛЫПИНА.—**Л. Львова** 134

XX. НА ПЕРЕВАЛѢ. С. Ю. Витте.—**А. С. Изгоева** 153

XXI. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика. — Языкознаніе. — Философія и религія. — Исторія. — Политическая экономія, статистика и финансы. — Педагогика и народное образованіе. — Естествознаніе и математика. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 февраля по 1 марта 1915 г.** 1

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ отъ 2—5 ч.

Секретарь—по четвергамъ отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

Земля и небо.

I.

Бродяги.

На эѳирныхъ дорогахъ,
На небесныхъ тропахъ,
Между звѣздъ рыщетъ много
Легкокрылыхъ бродягъ.

То, что нѣкогда было,—
Знаю,—будетъ опять.
Будетъ духъ легкокрылый
Надъ землей пролетать,
И полюбитъ онъ землю,
И захочетъ въ полонъ,
И воскликнетъ: пріемлю!
И, землею плѣненъ,
Будетъ воли онъ жаждать,
По крыламъ тосковать...
То, что было однажды,—
Знаю,—будетъ опять.

На земныхъ на дорогахъ,
На кремнистыхъ тропахъ
Много стонетъ у Бога
Дерзновенныхъ бродягъ.

II.

Ложь.

— Тучамъ не вѣрь летучимъ,
Гулкимъ не вѣрь громамъ,
Вѣтрамъ не вѣрь пѣвучимъ,—
Вѣрь вольнымъ мечтамъ.

Ими зелены нивы,
Ими жиренъ черноземъ,
Развѣ всѣ мы не живы
Ихъ жгучимъ огнемъ?

— Нѣтъ, я въ мечты не вѣрю,—
Вѣрю я въ землю-мать.
Мнѣ ли, земному звѣрю,
Матери измѣнять?

— Знай: на землѣ не измѣнишь,
Если повѣришь въ ложь.
Если крѣпко повѣришь,—
Мать-землю спасешь
Жертвой своей сыновней.
Ложью духъ окрыля,
Землю люби—и любовнѣй
Приметъ тебя земля.

III.

Ядъ.

Полдень. Несутся звучно
Мѣрной чредой удары
Съ сельской церкви въ поля.
Люди съ землей неразлучны,—
Въ полѣ и малый, и старый:
Всѣхъ призвала земля.

Будь, человѣкъ, и съ небомъ
Такъ же ты неразлученъ,
Какъ со своей землей.
Живъ не единымъ хлѣбомъ
Будетъ тотъ, кто измученъ
Злою земной судьбой.

Хлѣбъ посыпай не солью,—
Есть иная приправа:
Сладостный ядъ небесъ.
Ту, вкушая отраву,
Духъ учи своеволью,—
И дождешься чудесъ.

IV.

Илья.

Ишь, въ раскатистомъ разбѣгѣ,
Въ дальніе края,
Въ громыхающей телѣгѣ
Покатилъ Илья.

Эй, Илья, да не гони ты,
Насъ ты захвати,
Захвати, мужикъ сердитый,
Намъ вѣдь по пути!

Нѣтъ,—куда тамъ!—дальше гонитъ
Дальше тарахтитъ.
Искры молній мечутъ кони
Съ кованыхъ копытъ.

Погоди, и мы, земные,
Если побѣдимъ,—
Въ небеса свои родныя
Вихремъ полетимъ.

Мы тебя не позабудемъ
И съ собой возьмемъ,
Вмѣстѣ всѣ тогда прибудемъ
Въ нашъ небесный домъ.

V.

Предчувствіе.

Слышу—гремитъ пѣвучс
Преображенный громъ,
Вижу—цѣлуютъ тучи
Бархатный черноземъ.

Небо вспоило землю,
Съ небомъ земля слилась...
Я и тебя пріемлю,
Преображенная грязь!

Древняя сбудься, сага,—
Слейтесь въ одно русло
Преображенное благо,
Преображенное зло!

Стань ты, земля, небесной,
Небо, стань ты земнымъ...
Край, о край неизвѣстный,
Скоро буду твоимъ.

Конст. Эрбергъ.

ПЫЛЬ [1]).

Романъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, что же это такое? Понимаешь, вотъ не могу понять. Неужели на нее такъ подѣйствовала наша неудача? Объясни мнѣ, ради Бога. Была неудача—вѣрно, но развѣ изъ-за этого надо отъ всего дальнѣйшаго отказываться? Была неудача—правильно, и я виноватъ. Подожди, подожди, не перебивай меня: это ужъ фактъ: моя вина! Я могъ бы остаться на своемъ мѣстѣ. Задавили бабу,—такъ что же? Не въ этой бабѣ суть, а во мнѣ. Я виноватъ, чувствую это, покоя себѣ не нахожу и такъ размышляю и этакъ и все къ одному прихожу: моя вина. Не легко было прійти къ такому выводу. Ладно, ну, и ругайте меня, злитесь на меня, но не отказывайтесь же изъ-за этого. Гдѣ сказано, что и впредь не повезетъ намъ? Вотъ объясни мнѣ по-хорошему, почему она не хочетъ поѣхать. Все вмѣстѣ дѣлали, вмѣстѣ болѣли однимъ—и вдругъ врозь. Почему такъ? Въ одинъ день. Въ понедѣльникъ еще съ нами была, а во вторникъ отъ всего отказалась: отъ насъ, отъ дѣла. Сегодня нравится, а завтра не нравится. Понять не могу, понимаешь, понять не могу. Вотъ хожу, какъ ошалѣлый, и не могу прійти въ себя. Ударили меня ея слова, какъ будто кто-то подошелъ сзади и полѣномъ меня по затылку. Держусь за ушибленное мѣсто и не понимаю, за что огрѣли, за какія такія дѣла. Шатаюсь я, понимаешь, Александръ, какъ пьяный, а вѣдь, кажется, я не изъ слабыхъ, привыкъ къ ударамъ, а видишь, зашатался.

Замолкъ и жалобно улыбается. Акимъ и жалобная улыбка—какъ это не вяжется.

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. I и II.

— Акимъ!

Онъ встрепенулся.

— Что?

— Ты бы...

Я ищу слова, мнѣ трудно говорить. Не знаю, быть можетъ, я боленъ, всѣ эти дни было сыро, холодно, дождь пробирался за воротникъ, колючія струйки стекали по тѣлу. Я забылъ слова. Акимъ ждетъ: вѣдь я ему хотѣлъ что-то сказать.

— Ты бы... поговорилъ съ Эстеръ, спросилъ бы... Конечно.

— Я говорилъ.

— Что же?

Онъ болѣзненно морщитъ лобъ.

— Отвѣтила мнѣ. Говоритъ, что мнѣ этого не понять, что я чужой.

— Чужой?

Еще мигъ—и я закричу. Надо уйти къ себѣ, остаться одному, быть въ тишинѣ, а здѣсь душно, люди курятъ, пьютъ, смѣются, звенятъ стаканы, шаркаютъ ноги.

II.

— Ты ему такъ и сказала, что онъ чужой? Да?

Эстеръ молчитъ. Я продолжаю:

— Почему Акимъ чужой, а не я?

— Я уже тебѣ говорила.

— А третьяго дня, недѣлю тому назадъ онъ не былъ чужимъ?

— Всегда былъ чужимъ.

Спокойно и прямо глядитъ мнѣ въ лицо, только губы побѣлѣли. Я низко опускаю голову, не знаю, куда дѣть руки, ноги. Мнѣ тяжело выпрямиться. За стѣной стучитъ молотокъ: Акимъ заколачиваетъ ящики. Вчера мы рѣшили, что безъ фотографіи нельзя переѣхать въ К. Днемъ Акимъ составилъ объявленіе о закрытіи фотографіи, завтра это объявленіе появится въ газетѣ. Акимъ раньше всѣхъ уѣдетъ въ К., будетъ снята новая квартира, станутъ приходить новые посѣтители, будутъ новыя улицы, я поселюсь въ новой гостиницѣ и...

— Слышишь?—шопотомъ спрашиваю я Эстеръ и прислушиваюсь, какъ чутко и увѣренно выстукиваетъ молотокъ.

— Слышу.

— Это Акимъ работаетъ. Въ субботу уѣзжаетъ.

— Знаю.

Въ ея голосѣ неприкрытая враждебность. Я пытаюсь засмѣяться:

— Національная вражда?

Молчитъ. Я еще ближе подвигаюсь къ ней.

— Не ѣдешь? Акимъ чужой, дѣло чужое? Эстеръ еврейка, а потому...

Горестно перебиваетъ меня:

— Развѣ ты не понимаешь, почему я отказываюсь ѣхать, почему я не могу поѣхать?

Опять вздрагиваютъ синія жилки подъ ея подбородкомъ, точно такъ же, какъ вздрагивали въ день ея пріѣзда изъ Лондона, и тотчасъ же я догадываюсь, что надо спросить:

— Это давно началось?

Она ничего не отвѣчаетъ, только глубоко вздохнула. Мнѣ кажется, что такъ вздыхаетъ человѣкъ, освободившись отъ огромной, ненужной тяжести, и я еще настойчивѣе спрашиваю:

— Въ Лондонѣ? Послѣ того разговора?

— Раньше.

Стучитъ молотокъ. Вѣтеръ зашумѣлъ за окномъ, не то завылъ, не то заскулилъ, какъ обиженный бездомный щенокъ.

— Раньше. Уже давно, Саша. Потомъ все больше и больше. Помнишь разговоръ о рабочихъ? Помнишь, Акимъ говорилъ, что это наша цѣлина и нельзя ее попирать? Надо ѣхать въ К., а тамъ три четверти жителей евреи. Подумай. Это вѣдь искра для пожара... Со всѣхъ сторонъ загорится. Набросятся, какъ волки, сдавятъ со всѣхъ сторонъ и бить будутъ, убивать. Погромъ будетъ. На всѣхъ упадетъ, все населеніе еврейское. Это тоже цѣлина, моя цѣлина. Не могу... Давно началось, еще до Лондона. Послѣднее пришло—это К., и я больше не хочу. К.— это послѣдняя ступенька, и я не переступлю ея, я не поѣду туда. Знаешь, бываютъ минуты, когда приходится особенно глубоко подумать, и тогда заглядываешь во все, повсюду, и тогда нельзя лгать себѣ, тогда широко раскрываешь глаза и все видишь. Знаешь, вотъ идешь по дорогѣ, попадается одно препятствіе, другое, преодолѣешь ихъ, идешь дальше и вдругъ видишь пропасть, огромную, глубокую, и сразу ясно становится, что шелъ не по той дорогѣ. Пропасть расколола ее надвое. Тогда что, Саша? Въ пропасть? Милый, нельзя въ пропасть, нельзя. Не страхъ за свою жизнь, ахъ, это мелочь въ сравненіи съ другимъ. Подумай, десятки жизней. Ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— Подходишь къ такой пропасти, и все, что позади, сразу озаряется. Все тогда понимаешь. Что оставилъ, отъ чего ушелъ. Не только боязнь уничтожить десятки жизней—любовь къ нимъ.

Моя цѣлина, Саша. И твоя и Бориса. Кровная, родная. Народъ нашъ. Тысячи нитей, и онѣ связываютъ насъ съ нимъ. Не могу... Будутъ убивать, мучить. Вѣдь это мое. Будутъ бить Залмана, Шолома—это меня будутъ бить; насиловать Хаю, Лею—меня. Не могу, не поѣду! Саша, только что ты усмѣхался и, усмѣхаясь, сказалъ: національная вражда. Ты смѣялся, а я...

Встаетъ.

— Посмотри на меня: я не смѣюсь. Видишь, я не смѣюсь. Вражда? Да! Онъ говоритъ, что надо ѣхать въ К. Скажи ему, что погромъ неизбѣженъ. Что онъ отвѣтитъ тебѣ? Онъ тебѣ скажетъ: глупости. Нѣтъ, ты долженъ сказать ему. Ты внимательно смотри на него, когда онъ будетъ говорить съ тобой. Онъ не запнется, онъ скажетъ, что такъ надо. Онъ даже не поморщится. Онъ—чужой. Не поморщатся другіе—десять, двадцать Акимовъ. Всѣ чужіе. Почему ты не глядишь на меня, Саша?

Я поднимаю голову. Молотокъ стучитъ, не переставая, и вдругъ къ нему присоединяется новый звукъ: Акимъ что-то насвистываетъ. Мы оба прислушиваемся, и внезапно Эстеръ съ силой дергаетъ меня за плечо:

— Слышишь, онъ свиститъ? Слышишь, Саша, они насъ никогда не любили, они насъ не любятъ.

III.

До утра мы просидѣли въ лѣсу. Эстеръ попросила меня куда-нибудь пойти съ ней:

— Пойдемъ, куда хочешь, только не сидѣть въ этомъ домѣ.

Мы ушли, оставили Акима съ его ящиками. За городомъ зачернѣлъ лѣсъ. По знакомой тропинкѣ я повелъ Эстеръ. Было холодно. Я укрылъ ее своимъ пальто, но она все же дрожала. Я глядѣлъ, какъ таетъ день, какъ робко идетъ вечеръ, и такъ же робки были мои мысли о Эстеръ, о самомъ себѣ. Когда въ сумерки сквозь деревья замелькали огоньки слободки, я вспомнилъ Бориса и только тогда понялъ, что отказъ Эстеръ—это явь, и что съ сегодняшняго дня я перешагнулъ какую-то черту. Хотѣлось спросить себя: заповѣдную? Было глухо и жутко на душѣ. Я обернулся къ Эстеръ: она плакала, спрятавъ лицо въ воротникъ моего пальто. Я пошевельнулся. Она освободила лицо и спросила:

— Куда ты? Не уходи.

Схватила мою руку.

— Пожалѣй меня.

...Въ осеннюю ночь лѣсъ шумитъ особымъ шумомъ—тревожно-грустнымъ. Въ осеннюю ночь лѣто хоронитъ себя въ лѣсу, и листья и вѣтви никнутъ отъ жалости. Жутко, когда плачетъ взрослый человѣкъ, страшно, когда плачетъ женщина. А лѣсъ шумитъ, не переставая. Все—дѣйствительность. Я и Акимъ везли чемоданы, стучали колеса, въ М. насъ ждали Борисъ и Эстеръ, Нина въ Парижѣ читала мое письмо, губернаторъ принималъ рапорты чиновниковъ, и гдѣ-то Шурка звалъ: папа. Изъ синагоги шли молящіеся, еврей въ гостиницѣ говорилъ мнѣ „ваше благородіе". Все дѣйствительность. Эстеръ отказывается ѣхать, Акимъ заколачиваетъ ящики, нѣсколько дней тому назадъ я сидѣлъ у окна гостиницы съ снарядомъ, а сегодня провожу ночь въ лѣсу и слушаю, какъ плачетъ Эстеръ. Она проситъ: пожалѣй меня. Ее пожалѣть, пожалѣть жителей города К., Бориса пожалѣть, рабочихъ, пожалѣть лошадь губернатора. (Ее тоже надо пожалѣть, вѣдь она тоже будетъ убита.) Нисходящія ступени жалости. Все—дѣйствительность. И все жалость?

— Эстеръ, тебя пожалѣть, себя пожалѣть, лошадь пожалѣть?

Она испуганно вскрикиваетъ:

— Что съ тобой?

— Со мной? Ничего.

— Тебѣ холодно.

— Ничуть.

— Неправда. Я вижу, что тебѣ холодно. Прижмись ко мнѣ, согрѣйся.

— Эстеръ, ого, и тутъ жалость?

— Да... Нѣтъ... Больно за тебя, Саша, за тебя. Бѣдный ты мой... Жалкій мой, жалкій... Милый... жалѣю и плачу надъ тобой... Не уѣзжай, не надо... Пока не поздно... Ты себя не знаешь... Саша, мы всѣ запнулись... Мы—трое... Объ огромный камень. А ты хочешь оттолкнуть его... Этого... не можетъ сдѣлать человѣкъ, а ты хочешь... Сломитъ тебя, согнетъ...

Рѣзко отбрасываю ея руку.

— Рано ты меня хоронишь.

Словно невинно наказанный ребенокъ, она всхлипываетъ безнадежно.

IV.

Если все жалость, то я перешагну черезъ нее. Я тороплю Акима:

— Можно обойтись безъ фотографіи.

— Нельзя безъ нея,—упорствуетъ Акимъ.

— Ничего подобнаго. Ты всегда говорилъ, что надо какъ можно проще, поменьше маскарада. Не такъ ли?

— Такъ-то такъ. Но...

Я вижу, онъ хочетъ что-то сказать, но не рѣшается. Я помогаю ему:

— Я слушаю, говори.

— Видишь ли, можно и безъ фотографіи, но если Эстеръ поѣдетъ...

— Ты еще надѣешься?—спрашиваю я насмѣшливо и не стараюсь скрыть насмѣшки.—Надъ ней надо крестъ поставить.

Онъ быстро, быстро мигаетъ глазами. Я отворачиваюсь, я не могу этого видѣть. Если бы онъ зналъ, что она говорила.

Тороплю Бориса, Акима. Изъ-за фотографіи боюсь пробыть лишнихъ три дня и отказываюсь отъ нея. Борису нездоровится, онъ еле ходитъ, а я уговариваю его ѣхать поскорѣе. Каждый день кажется мнѣ длиннѣе ночи, а ночь — безконечной, какъ уходящая даль неба. Утромъ я жду съ нетерпѣніемъ вечера, а вечеромъ считаю удары часовъ, и тогда мнѣ кажется, что кто-то мнѣ на зло лѣнится отбивать часы. Когда наступаетъ ночь, я засыпаю быстро, сразу и сновъ не вижу, но все, происходящее днемъ и вечеромъ, я принимаю, какъ сонъ и какъ во снѣ хожу по мокрымъ улицамъ, заглядываю въ чужія освѣщенныя окна. Такимъ же чужимъ окномъ, но темнымъ, я считаю Эстеръ. Я пересталъ заглядывать въ него. Она остановилась предъ камнемъ, я отброшу его. Все это время я спокоенъ, только почему-то все чаще и чаще вспоминаю Нину, Шурку и Парижъ. И этого не нужно. Нѣтъ Нины, нѣтъ Шурки. Я самъ ихъ оставилъ, ушелъ и самъ же долженъ уничтожить въ себѣ всякую память о нихъ. Когда я вспоминаю Нину, я забываюсь, я становлюсь растеряннымъ, вмѣсто словъ Акима о паспортахъ, о будущей квартирѣ, я слышу другія и вижу аллеи парижскаго парка, синій конвертъ на подушкѣ Нины, ея косы. Это слабость, а я не хочу ея. Эстеръ говоритъ, что мы споткнулись о камень. Нужны силы оттолкнуть его. Я оттолкну.

Тороплю Акима. Онъ утѣшаетъ меня:

— Мы не опоздаемъ.

Мнѣ не нужны его утѣшенія, я самъ знаю, что мы не опоздаемъ. Почти съ ненавистью взглядываю на него, но тотчасъ же ловлю себя на этомъ, и мнѣ становится стыдно, совѣстно, мнѣ хочется чѣмъ-нибудь загладить, что-нибудь сказать ему хорошее, ласковое, но молчу, словно я позабылъ всѣ слова и потерялъ всю любовь къ нему.

Тороплю Бориса, и, когда я твержу: „надо скорѣе, скорѣе уѣхать“,—онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Мы съ тобой помѣнялись ролями.

— Какъ такъ?—спрашиваю я небрежно.

— Вспомни, какъ въ Парижѣ я тебѣ говорилъ то же самое?

— Что же слѣдуетъ изъ этого?

— Помнишь, когда это было? Я сказалъ тебѣ, когда мы услыхали про Бергмана. Помнишь? А я это говорилъ тебѣ со страху. Понимаешь, я испугался и заторопилъ тебя. Мнѣ казалось, если мы сейчасъ не уѣдемъ, то я... то я останусь. Господи, вѣдь это я... со страху. Такъ гонитъ лошадей перепуганный ямщикъ... Вѣдь это какъ у меня было... Боязнь, что силъ нехватитъ и останешься. Зачѣмъ ты торопишь? Саша, ты себя не видишь... Это боязнь будущаго...

— Перестань!—говорю я шопотомъ.

— Не надо ломать себя, нельзя ѣхать.

— Ради Бога перестань, — повторяю я. — Это неправда. Если и ты трусишь,—оставайся съ Эстеръ.

Онъ умоляюще протягиваетъ руки, точно защищаясь отъ удара.

Ухожу отъ него.

Въ городскомъ саду тѣ же воробьи, та же слизко-зеленоватая скамья, тѣ же дорожки, та же куча сырыхъ опавшихъ листьевъ. Все по-старому.

Вечеромъ въ фотографіи я отзываю Бориса и спрашиваю:

— Ѣдешь или не ѣдешь?

— О чемъ вы шушукаетесь?—кричитъ Акимъ.

Я, смѣясь, отвѣчаю:

— Заговоръ противъ тебя.

А Борису быстро говорю на ухо:

— Отвѣть сейчасъ же... Не можешь? Колеблешься?

— Ѣду.

Онъ отвѣтилъ съ усиліемъ. Пусть, мнѣ все равно, но зато мы ѣдемъ.

V.

Акимъ и Борисъ уѣзжаютъ ночью, Акимъ не прощается съ Эстеръ.

— Не могу, что-то мѣшаетъ мнѣ, — говоритъ онъ. — Хотѣлъ себя заставить, даже ругалъ себя не разъ, а не идетъ. Не могу— и только. Не обиженъ я, ну, считаетъ чужимъ, Богъ съ ней, хоть это и чудно, вѣдь вмѣстѣ на одной полочкѣ сидѣли, а другое тутъ, посерьезнѣе обиды. Что-то нутряное, непонятное, но крѣп-

кое. Вотъ оно и не позволяетъ. Вѣришь? Право, не обида и не потрясенное самолюбіе.

Гляжу на него, онъ старается быть веселымъ, и думаю: разсказать ему или не разсказать? Откажется поѣхать?

— Акимъ.

— Что?

Нѣтъ, не надо говорить. Пусть все остается попрежнему... иначе у меня нехватитъ силъ.

Да, я знаю, и это ясно, я побоялся разсказать Акиму, да, всѣ мы шатаемся. Онъ уѣхалъ. Я увижу его только черезъ недѣлю, тогда уже будетъ поздно. Тогда онъ не броситъ дѣла, сочтетъ это позоромъ, даже если согласится съ Эстеръ. Поздно—и это я зналъ, какъ знаю другое: я одинъ. Эстеръ отошла, Борисъ поѣхалъ, насилуя себя; Акимъ... Я не увѣренъ, что завтра онъ не отшатнется. Я одинъ. Но и путь одинъ, нѣтъ другого. Я пройду его, я долженъ пройти и, если бы я вѣрилъ въ Бога, я бы сейчасъ молилъ обо одномъ:

— Дай мнѣ силы дойти.

VI.

На окнахъ фотографіи бѣлѣютъ ярлычки о сдачѣ квартиры, Эстеръ временно въ какой-то гостиницѣ. Я не знаю, когда и куда она ѣдетъ. Поздно вечеромъ она стучится ко мнѣ. Я, не удивляясь, впускаю ее. Я ей говорю, что уѣзжаю завтра, гдѣ-нибудь пробуду 6—7 дней, а затѣмъ прямо въ К. Она осматриваетъ мою комнату, перелистываетъ книгу на столѣ, потомъ открываетъ окно и спрашиваетъ:

— Ты отсюда хотѣлъ бросить?

— Да.

Перегибается и глядитъ на улицу. Долго, долго, а когда я окликаю ее, она, не оборачиваясь, проситъ:

— Поѣдемъ со мной.

Я коротко отвѣчаю:

— Я ѣду въ К.

Она объясняетъ мнѣ:

— Ты меня не понялъ. Не то. Я знаю, ты ѣдешь все равно. Я тебя о другомъ прошу. Тебѣ безразлично, гдѣ пробыть эти шесть дней, а мнѣ... нѣтъ... Такъ побудь со мной. Вотъ только эти дни. Но не здѣсь. Я здѣсь, какъ въ тискахъ. Все напоминаетъ. Поѣдемъ со мной. Вѣдь мы навсегда разстаемся, а я

такъ не могу. Я хочу, чтобы ты меня выслушалъ. Ты долженъ меня выслушать. Подожди, я знаю, что ты хочешь сказать: все равно, будетъ одно и то же. Возможно. Но поѣдемъ со мной. Ты не бойся... не уговаривать, не убѣждать... Я зову тебя не для этого.

Я молчу. Она робко спрашиваетъ:

— Не хочешь?

Вся потемнѣла. Но я не поѣду: мы уже достаточно говорили, и послѣдніе дни до К. я хочу побыть безъ словъ и безъ думъ.

— Излишне,—отвѣчаю я.

— Для кого?

Равнодушно отвѣчаю:

— Для меня.

— А если я ради себя прошу? А если я тебя...

Не докончивъ, роняетъ голову на подоконникъ.

...Тихо успокаиваю ее, тихо провожу рукой по ея волосамъ и, слушая, какъ она заглушенно плачетъ, говорю ей о томъ, что поѣду съ ней, что я готовъ все выслушать. Говорю ей о Парижѣ, о каштанахъ въ паркѣ, безсвязно, запутанно, о своемъ письмѣ къ Нинѣ, зову ее на улицу, такъ какъ уже поздно и неудобно оставаться въ гостиницѣ, и вновь повторяю, что поѣду съ ней, куда хочетъ, поѣду, выслушаю... поѣду...

VII.

Эстеръ спрашиваетъ, есть ли у меня паспортъ на имя еврея. Я ей показываю бумажку, гдѣ я зовусь Айзикомъ Блумбергомъ, виленскимъ мѣщаниномъ. Тогда она говоритъ, что хочетъ поѣхать со мной въ какое-то мѣстечко, что ей не хочется быть въ городѣ. Мнѣ все равно, куда. Мѣстечко ли, городъ ли, все это такъ безразлично. Она спрашиваетъ меня, смѣюсь ли я надъ ея желаніемъ побыть среди евреевъ. Нѣтъ, не смѣюсь, но я такъ же покорно поѣхалъ бы въ русскую деревню. Именно со мной она хочетъ. Хорошо, я ѣду. Не думаю ли я, что она это дѣлаетъ намѣренно, ради какихъ-то опытовъ? Нѣтъ, не думаю, вѣдь въ К. тоже евреи. Я ни о чемъ не думаю, я засну, когда застучатъ колеса, они мнѣ опротивѣли,—еще такъ недавно они стучали о другомъ, а гдѣ проснуться—не все ли равно? Радъ ли я увидѣть Днѣпръ? Днѣпръ? А развѣ К. не на Днѣпрѣ?... Это мѣстечко въ другой губерніи, въ смежной. Такъ?... Значитъ, недалеко отъ К.? Хочу ли я подальше отъ К.? Я отвѣчаю:

— Какъ ты хочешь.

Это мѣстечко она знаетъ, когда-то была тамъ. Тамъ еще сохранились соломенныя крыши и наивныя мѣстечковыя дѣвушки. Мѣстечко въ десяти верстахъ отъ желѣзной дороги, придется взять лошадей... Развѣ не всѣ мѣстечки одинаковы, не всѣ лежатъ далеко отъ рельсъ? Не всѣ похожи другъ на друга, какъ бобы изъ одного стручка?

Качается вагонъ, качаются скамьи, лица пассажировъ... Хочу ли я спать? Очень. Она мнѣ мѣшаетъ? Ничуть. Почему же я не сплю? Не знаю...

— Спи, а я почитаю немного.

Въ одной рукѣ книга, а другую положила на мое плечо. Она сидитъ возлѣ меня, на той же скамьѣ. Дребезжатъ стекла. Остановка... Чужіе крикливые голоса.

— Пріѣхали?—спрашиваю я.

— Что ты? Еще далеко.

Нагнулась ко мнѣ, что-то поправила подъ изголовьемъ, и на мигъ задержалась маленькая, твердая рука. Ѣдемъ дальше. Вновь остановка. Другая...

И, открывая глаза, вижу склоненную голову Эстеръ и одну и ту же неперевернутую страницу.

VIII.

Все, что говоритъ Эстеръ, я выслушиваю. Иногда молча, иногда отвѣчаю, но всегда равнодушно. Я вижу, какъ это ей больно. Порой у нея вырывается:

— Что же ты молчишь?

Но тотчасъ же нѣжно-боязливо говоритъ:

— Ну, хорошо, хорошо. Не надо.

И улыбается, а я понимаю, что ей хочется плакать и съ тоской глядѣть на убѣгающую дорогу, но я никакъ не могу помочь ей. Я чувствую, какая у меня вялая рука. Мнѣ даже трудно пожать ея руки въ тѣ минуты, когда она съ болью сплетаетъ ихъ вокругъ колѣнъ. Мнѣ кажется, у меня и взглядъ вялый. Я съ безразличіемъ пропускаю мимо себя поля съ запоздалой рожью, домики, похожіе на сказочные, золотистый отблескъ осеннихъ листьевъ. Мнѣ все равно, куда глядѣть и что видѣть. Такимъ же взглядомъ я гляжу на Эстеръ. Я вижу ея муку, ее бы могъ увидѣть даже слѣпой, знаю и помню, что это страдаетъ Эстеръ— и нѣтъ во мнѣ ни одного душевнаго движенія, съ которымъ я могъ бы подойти къ ней. Только когда она плачетъ, я иногда теряюсь. Тогда я отчетливо вспоминаю плачъ Шурки и стукъ парижскаго дождя о стекла автомобиля.

Я живу у какой-то черной, какъ негритянка, еврейки. Въ другомъ домикѣ, рядомъ, поселилась Эстеръ. Она сняла комнату надолго, и моя хозяйка зоветъ ее учительницей. Я, повидимому, считаюсь женихомъ Эстеръ и, когда мы проходимъ по улицѣ, на насъ указываютъ пальцами, а дѣвушки отворачиваются, смѣясь. Къ восьми часамъ вечера все мѣстечко засыпаетъ. Тогда только изрѣдка лаютъ собаки, и ничѣмъ ненарушаемая тишина виситъ отъ неба до земли. На небѣ торопливо бѣгутъ облака, неспокойно мерцаютъ осеннія пугливыя звѣзды, а на землѣ тихо, какъ на кладбищѣ. Осень какъ будто притаилась—замолчали дожди, гдѣ-то спрятался холодъ. Мелькомъ показывается вѣтеръ. Пошумитъ немного, поворчитъ и тоже спрячется. Когда темно становится, Эстеръ стучитъ въ окно. Я выхожу къ ней. Можно говорить громко, можно кричать—никто не услышитъ, нигдѣ не скрипнетъ дверь. Но днемъ я живу точно подъ стекломъ, сотни вопрошающихъ любопытныхъ глазъ ощупываютъ, изучаютъ, приглядываются. Не понимаю, зачѣмъ Эстеръ привезла меня сюда; днемъ мы оба подъ стеклянным колпакомъ. Но мнѣ все равно, все равно, гдѣ бѣгутъ часы.

Сегодня пятница. Лишь темнѣетъ, повсюду загораются свѣчи. Отъ домика къ домику потянулась тонкая, свѣтлая лента, точно кто-то опоясалъ ею мѣстечко.

Эстеръ зоветъ меня въ синагогу. Я отказываюсь. Она, ничего не говоря, уходитъ, а поздно вечеромъ стучится въ окно. Впускаю ее.

— О чемъ ты думалъ?—спрашиваетъ она.

— Ни о чемъ. Слушалъ, какъ тикаютъ часы.

Колышется истрепанная занавѣска. Иду прикрыть окно, но возлѣ стола задерживаюсь; Эстеръ спрашиваетъ, почему я отказался пойти въ синагогу. Сажусь къ столу и слушаю. Мигаетъ лампа, и еще сильнѣе треплется занавѣска.

— Почему? Столько лѣтъ не былъ и даже не потянуло?

— Молиться?—усмѣхаюсь я. За удачу? Богу Авраама, Исаака и Іакова?

— Не говори такъ. Нельзя смѣяться надъ этимъ. А въ Парижѣ... Вспомни, какъ ты и многіе другіе бѣгали на Пасхѣ въ русскую церковь. Ты тогда тоже смѣялся? Тебя потянуло? Тогда ты былъ взволнованъ. Помнишь, ты говорилъ о какой-то сладкой грусти. А здѣсь у тебя только усмѣшка. Вѣдь это чудовищно, это слѣпота.

Я внимательно гляжу на нее. Она нѣсколько мгновеній колеблется и уходитъ, ничего не говоря, не прощаясь. Я не иду

за ней, не зову. Тушу лампу и остаюсь въ темнотѣ. День прожитъ, канулъ, и я имѣю право на отдыхъ. Ночью всѣ отдыхаютъ: и тѣ, кто въ синагогахъ молятся, и тѣ, кто въ церквахъ.

IX.

Наступаетъ новый день, пасмурный, какъ больной старикъ, и, словно старческія безсильныя слезы, падаютъ рѣдкія капли дождя.

— Зачѣмъ ты привезла меня сюда? — спрашиваю я Эстеръ. Улавливаю тоску въ своемъ голосѣ и заранѣе знаю, что тоскливъ будетъ ея отвѣтъ. Вспоминаю, какъ нѣкогда я называлъ ее „сѣверной". А сейчасъ она въ платочкѣ, поникшая, грустная, въ черной коротенькой жакеткѣ и до страннаго похожа на здѣшнихъ дѣвушекъ, кажется мнѣ ихъ родной сестрой, неотдѣлимой. „Евреечка",—вспоминается мнѣ. И хочется обнять ее, утѣшить въ чемъ-то, въ чемъ-то разувѣрять любовно, ласково и куда-то увести, а вмѣсто этого я настойчиво и сухо спрашиваю, зачѣмъ она привезла меня, говорю ей, что ничего новаго я отъ нея не жду. Съ каждымъ словомъ я дальше и дальше отхожу отъ нея и только изрѣдка, взглядывая, припоминаю: „евреечка". Тогда мои собственныя слова кажутся мнѣ ненужными, но я продолжаю говорить.

— Ничего новаго. Ново было твое приглашеніе въ синагогу, но и это въ сущности старо. Очень старо: я долженъ покаяться, и для этого прежде всего необходимо вернуться къ своему Богу, забытому, старому Богу. Ты идешь къ Нему, я не иду, я не знаю Его. Въ Парижѣ, когда ты разсказывала мнѣ о своей поѣздкѣ въ Лондонъ, я подумалъ: я останусь одинъ. Но потомъ я самъ надъ собой разсмѣялся. И видишь, напрасно: я одинъ. Тебя нѣтъ, нѣтъ Бориса. Акимъ тебѣ чужой. Все не еврейское ты принимаешь, какъ враждебное. Они насъ не любятъ, говорила ты. А ты ихъ любишь? Да почему, наконецъ, не заглянуть правдѣ въ глаза? Сотни лѣтъ евреи твердятъ: антисемитизмъ, антисемитизмъ, но почему они боятся такъ же открыто, какъ открыто заподозрѣваютъ и обвиняютъ другихъ, сознаться въ своей нелюбви къ другимъ? Евреевъ должны всѣ любить. Почему такъ? А если не любишь, то ты конченный человѣкъ. Говорить объ отрицательныхъ сторонахъ евреевъ преступно, а самимъ о другихъ можно. Погляди на себя... Во всемъ и всюду ты видишь враговъ, болѣзненно, какъ только могутъ одни евреи. Придираться къ каждому слову, къ каждому движенію, выискивать, подходить ко всему съ подозрѣніемъ, болѣзненно и унижая самого себя. Развѣ это не

униженіе? Кто гордъ, тотъ не подозрѣваетъ и не выискиваетъ. А ты ихъ любишь? Ты уже въ Парижѣ знала, что Акимъ будетъ съ нами. И тогда онъ былъ чужимъ? Глаза у тебя открылись? Новообращенная? А гдѣ они были раньше? Слѣпой была? Теперь ты зрячая, а я слѣпой? Ты говорила мнѣ въ лѣсу: бѣдный ты мой. Ты меня жалѣешь, ты плакала надо мной. Почему ты надъ собой не плачешь, потерявшей все, чѣмъ жила раньше? Ты отказываешься отъ дѣла при словѣ погромъ. А если такъ? Но ты вѣрила въ наше дѣло. Сегодня нельзя изъ-за посторонняго лица—кучера, жены, рабочаго, все равно. Завтра снова препятствіе—будутъ избивать интеллигенцію; потомъ опять нельзя—будетъ погромъ. Но ты говоришь, что русскимъ можно, только не евреямъ. Нельзя евреямъ, еврей не смѣетъ шагу сдѣлать, иначе пострадаютъ другіе евреи. Какая-то круговая порука, рабская, трусливая. Такая мысль можетъ появиться только среди трусовъ, только среди рабовъ, покорныхъ и въ то же время злобствующихъ. Но вѣдь высшее есть. Должно быть, иначе все нуль, иначе надо заранѣе сложить руки. Я не хочу и не складываю руки. Ты меня пугала послѣдствіями, о нихъ напоминалъ мнѣ Борисъ. Я ихъ не боюсь, я ихъ не знаю и не хочу считаться съ ними. И оба вы отошли. Борисъ поѣхалъ въ К., но съ какимъ чувствомъ—я знаю. Я заставилъ его поѣхать. Что-жъ, упрекай меня, я себя не упрекаю. Если бы я могъ заставить тебя,—я бы это сдѣлалъ, не колеблясь. Ты отошла—я иду дальше, я съ тѣми, кого ты не любишь. Ты остановилась на полпути, а я дойду, Эстеръ, во что бы то ни стало. О чемъ еще говорить? Все сказано и все ясно.

Опять, какъ въ лѣсу, она тянется ко мнѣ, хочетъ взять мои руки; опять, какъ въ лѣсу, она съ болью говоритъ:

— Я не могу такъ... Ты ничего не видишь.

Я отдергиваю руки.

— Саша, всей очевидности.

Въ ея глазахъ слезы. Она сейчасъ уйдетъ и у себя въ крошечной комнаткѣ, гдѣ висятъ портреты знаменитыхъ раввиновъ, будетъ долго и глухо плакать, а за стѣной пронзительно заголосятъ грязныя дѣти; но мнѣ все равно, рыдаетъ она или радуется: мнѣ холодно, и я не знаю, для чего люди плачутъ и радуются.

X.

Мучительно, но я слушаю. Иногда хочется взглянуть на Эстеръ и улыбнуться, показать ей, какъ я спокоенъ; но не отхожу отъ окна и слѣжу за грудами темныхъ облаковъ. Сталки-

ваясь, они поднимаются горой и вдругъ исчезаютъ, оставляя за собой горсть сиротливыхъ мелкихъ звѣздъ. Эстеръ говоритъ, я ее не перебиваю. Она проситъ выслушать ее. Развѣ я этого не дѣлаю? Я выслушивалъ ее, Бориса. Я слушалъ и видѣлъ, какъ растутъ слова, точно снѣжный комъ. И онъ покатился, онъ катится; онъ отбиваетъ ноги, мѣшаетъ въ пути, но я слушаю.

— Говори, Эстеръ, говори.

Она прячетъ тревогу, но я вижу ее, какъ вотъ это шоссе, бѣгущее мимо моего окна. Въ такую ночь хорошо попасть на неизвѣстную дорогу, бродить по ней, не знать, куда она приведетъ, и только видѣть, какъ скользятъ по небу облака, какъ проходятъ неторопливо верстовые столбы.

— Говори, Эстеръ, говори.

— Ты былъ слѣпъ...

Накинула платокъ на голову, сидитъ съежившись. Выступили узенькія плечи. Бѣдная, обиженная всѣми евреечка. За окномъ, такъ же съежившись, притулилось мѣстечко... Евреечка... евреечка...

— Руки мои слабы... Удержать тебя... Не пустить тебя...

Ниже опускаетъ голову, выбились волосы изъ-подъ платка.

— Эстеръ, я слушаю тебя.

— Какъ ты это говоришь!

— Просто.

— Неправда. Я вѣдь чувствую.

Измученными, но горящими глазами останавливается на моемъ лицѣ, и тогда я думаю: „еврейскіе глаза“.

— Мнѣ хоть не лги. Вѣдь я вижу все. Слишкомъ хорошо. Ты не можешь быть спокоенъ, ты не можешь отнестись равнодушно. Ты другой, не прежній. Я плакала надъ тобой. Да, и буду. Ты измученъ, разбитъ. Вотъ... расколотъ ты. А ты намѣренно гнешь себя. Вѣдь я вижу. Хочешь заставить себя быть прежнимъ и не видишь, что прежнее уже умерло. Ты хочешь отвернуться отъ того, отъ чего нельзя отворачиваться, преступно. Пришло новое, помѣшало, раскололо тебя, а ты... Ты хочешь отвернуться. Какъ будто ничего не было. А вѣдь оно есть. Оно напоминаетъ о себѣ на каждомъ шагу и будетъ напоминать. Неизбѣжно, настойчиво. Когда я говорю тебѣ: бѣдный ты мой—это такъ. Но ты хочешь скрыть, показать, что все благополучно. Благополучно? Посмотри на меня, посмотри. Вѣдь все, что происходитъ въ тебѣ, было во мнѣ, поэтому меня не обманешь. Вѣдь это мое, твое, наше... еврейское. Ты не знаешь, ты даже не подозрѣваешь, какъ твердо сидитъ въ тебѣ еврей. Это упорство,

вопреки очевидности, эта... изступленность и разладъ, вѣчный разладъ. Ты говорилъ, кто гордъ, тотъ не подозрѣваетъ. Неправда. Не подозрѣнія—очевидность. А ты боишься ея. Ты не можешь согласиться, потому что тогда надо отойти отъ всего того, съ чѣмъ былъ связанъ раньше. Все это происходило со мной, но я женщина и не могла скрыть. Иногда мы въ своемъ безсиліи болѣе сильны, чѣмъ вы. А ты скрываешь, ты насильственно коверкаешь себя. Ты уже не прежній. Новымъ пахнуло, и это новое, родное, кровное, къ чему должно потянуть. Не думай, не тотъ трусъ, кто сознается. Вѣдь это новое — великое. Вѣдь это то, чѣмъ жива жизнь, а въ этомъ признаться развѣ преступно? А ты хочешь попрать живое. Я знаю, мучительно узнать вдругъ, что все прежнее было построено на лжи. Мнѣ легко было? Если бы я знала, что дальше дѣлать! Но я еще не знаю, я еще не пришла въ себя, я еще не вижу дальнѣйшей дороги. Я только узнала, что съ прежней надо свернуть. Я свернула. Я сейчасъ полумертвая, но гдѣ-то въ душѣ, глубоко, глубоко есть надежда найти эту дорогу. Надо только съ силами собраться. Я сейчасъ такъ устала. Вѣдь даромъ не проходятъ такія перемѣны. Но то новое, что я сознала, несетъ въ себѣ живые соки. Они напоятъ меня, дадутъ мнѣ силы. Не могутъ не дать; иначе, гдѣ же правда? Ты смѣялся, когда я говорила: мой народъ. Ты усмѣхался, когда я говорила, что есть тысячи нитей. Саша, ты ихъ почувствуешь.

— Говори, Эстеръ, говори.

— Ты будешь продолжать дѣло—знаю, ты на все идешь, знаю. Но помни, этимъ ты такъ туго натянешь нити, что не сможешь не почувствовать ихъ. Я знаю, онѣ не порвутся, не объ этомъ моя боль, ихъ много разъ туго натягивали, а онѣ живы до сихъ поръ... За тебя боль, за твою будущую муку. Ты не знаешь, что̀ ждетъ тебя. Ты не знаешь, какой ужасъ будетъ. За тебя боль. Ты не выдержишь, ты надорвешься, не хочу, не хочу этого. Не могу! Ты не знаешь, что ты берешь на себя. Ты не знаешь, что встрѣтишь. А тѣ... къ кому ты вернешься... поймутъ тебя? О, нѣтъ! Оцѣнятъ твой поступокъ? Пройдутъ мимо твоей души, не остановятся, не заглянутъ и за тобой не увидятъ, не примутъ твоей тяжести. Они не согнутся. Ты согнешься. Тебѣ не помогутъ нести. Имъ она чужда. На тебѣ останется, тебя пригнетъ. Я уже не говорю о тѣхъ, кого ты въ мукѣ оставишь на улицахъ К. Страшно говорить, страшно подумать объ этомъ. Да, возможно, что погрома не будетъ. Но развѣ, развѣ отъ этого твое безуміе становится оправданнымъ? Ты вѣдь идешь на это. Ничто не мѣ-

няется. И въ этомъ весь ужасъ. А тѣ, къ кому ты вернешься... Что они дадутъ тебѣ? Саша, я ихъ не виню... Вѣдь это просто... какъ сытый не понимаетъ голоднаго. Они чужіе. Ты говоришь, что я ихъ не люблю. Можетъ голодный любить сытаго? Но они... всегда не любили насъ, даже когда сажали за свой столъ. Всегда считали насъ прихлебателями. Даже когда мы шли съ ними рядомъ и, какъ они, несли свои жизни, свои души. Но это чувство они прятали отъ насъ. Кипѣло кругомъ, все казалось въ розовомъ свѣтѣ и не до того было. Революція кончилась, и съ ней кончилась идиллія. Теперь можно не прятать. И многіе, многіе не прячутъ. Остальные—это только вопросъ времени. Но ты ничего не видѣлъ.

Я насмѣшливо перебиваю ее:

— Ты убѣждена?—и прячу глаза. Не хочу слушать и прислушиваюсь.

— Сегодня слова о еврейскихъ деньгахъ... Завтра о чрезмѣрномъ количествѣ евреевъ-революціонеровъ... Потомъ о специфическихъ отталкивающихъ чертахъ... Политика запрещаетъ говорить объ этомъ; нельзя, мы подъ однимъ флагомъ. Но когда флагъ немного спущенъ... Тогда... Но ты не прислушивался, ты проходилъ мимо. А вѣдь это были искреннія слова... Нѣтъ эллина и іудея... Это политика, флагъ. А жизнь, голая обыденная жизнь... Она показываетъ другое: чужіе и вѣчно будутъ другъ другу чужіе... Но ты видѣлъ только флагъ. Вспомни... Мнѣ тяжело объ этомъ говорить. Я хочу сказать про Нину... Когда Шурку надо было отвезти въ Россію. Вспомни, какъ Нина не хотѣла отдавать его твоей матери. А вечеромъ... Я пришла... Тебя не было дома. Нина, волнуясь, забыла, кто я, забыла о своей нелюбви ко мнѣ и стала говорить... Я помню каждое слово. Такъ отчетливо, такъ ясно. Предо мной сидѣлъ человѣкъ, душевно не любящій еврейскую среду, евреевъ, считавшій, что ея сынъ не долженъ быть тамъ. Но вѣдь это и твой сынъ,—сынъ русскаго революціонера. Твоя жена, скажешь ты. Господи, конечно, твоя жена,—жена еврея, но и мать. И мать не хочетъ свое кровное видѣть среди... Не буду больше, прости...

Жалобно улыбается.

— Прости, ради Бога.

— Договаривай, не бойся.

— О Нинѣ мнѣ тяжело...

Съ усиліемъ говорю:

— А я тебя очень прошу. Ну, что еще было съ Ниной?

— Это все.

— Ты говоришь неправду.

— Все, Саша, право, все. О Нинѣ—все! А когда Бергманъ говорилъ на собраніи. Я пріѣхала позже. Но успѣла, какъ успѣла въ Лондонѣ... Офиціально все обстояло благополучно. Но за кулисами? Не въ офиціальныхъ кругахъ, а тамъ, въ глубинѣ, гдѣ все не казенное, не напоказъ? Вся горечь разбитыхъ надеждъ кому предназначалась? Бергману, мнѣ, тебѣ, всѣмъ намъ. Ты говорилъ о круговой порукѣ. Но есть еще одна круговая порука, и ею насъ связали. Они, съ кѣмъ мы шли рука объ руку. Когда выдаетъ Никитинъ или Архиповъ,—нѣтъ этой круговой поруки. А вѣдь революціонеры-то мы всѣ. Но если вмѣсто Никитина еврей? Ты прислушивался? Тогда забывали о революціонерѣ, а только помнили, что провокаторъ—еврей, и высчитывали, сколько было такихъ негодяевъ-евреевъ. И каждаго ставили намъ въ вину, намъ, какъ еврейству. И каждый такой негодяй являлся лишнимъ камнемъ въ нашъ огородъ. Да, да! И кто? Свои же товарищи, словно вся суть въ томъ, что предатель—еврей. Но ты этого не видѣлъ, и многіе изъ насъ, а, наоборотъ, даже среди насъ, евреевъ, бывали такіе, что сами себя грызли за это, сами же себя унижали: ахъ, представьте себѣ, опять еврей, ужасъ! Да, ужасъ, но не въ этомъ, какъ нѣтъ ничего ужаснаго для русскихъ, какъ для русскихъ, что и среди нихъ бываютъ негодяи. А для насъ ужасъ, насъ можно за это обвинять, коситься на насъ, высчитывать, какъ велико ихъ число.

— Говори, Эстеръ, говори.

Съ усиліемъ повторяю все:

— Я тебя не перебиваю.

— Ты не хочешь открыть глазъ. Я это дѣлала, но боялась повѣрить себѣ, а когда наступила темнота предательства, намъ утроили эту темноту. Во имя круговой поруки. Мы были изгоями среди своихъ. Свои! Ложь это. Сейчасъ она еще не часто напоминаетъ себя, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше она растетъ. Идетъ изъ Россіи въ Парижъ, изъ Парижа обратно въ Россію, питается какими-то соками, и между ними и нами кладется кирпичъ за кирпичомъ. Да, чужіе. Да, мнимая любовь, Саша, а ты вѣришь. Ты заставляешь себя вѣрить. Ты пошелъ и уже не хочешь оглянуться. Оглянись, только оглянись! Милый, что ты дѣлаешь? Ты душу убиваешь. То живое, то великое, чѣмъ она живетъ. Ты усмѣхаешься, когда я произношу „еврейскій народъ“, а, говоря „Россія“, усмѣхался? Найди въ себѣ такія же силы понять и это слово. Вѣдь это свое, такое кровное, такое неотдѣлимое, а ты хочешь оторваться. Ты знаешь, что свершится, и ты

все же идешь. Это безуміе. Гони меня, кричи на меня, что хочешь дѣлай, но это такъ. Хоть разъ открой глаза, пойми себя. Господи, и въ этомъ безуміи скрывается еврей. Только еврей можетъ на это руку поднять... Словно какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ нами. Ты слышишь? Саша, ты слышишь?

— Слышу.

Я все слышу. Я слышу, какъ минуты бѣгутъ, какъ шуршитъ за окномъ опавшій листъ. Такой же шорохъ въ душѣ. Слышу, какъ Шурка произноситъ „бабушка!“ Слышу, какъ Эстеръ плачетъ. Нина тоже плакала. Но это было такъ давно, когда-то... Когда-то я переѣзжалъ границу, услышалъ вечерній звонъ и хотѣлось радостно заплакать. Радость, которой нѣтъ названія. Потомъ я стоялъ у дверей синагоги. Горѣли свѣчи, покачивались головы. Когда-то мой отецъ, мой дѣдъ такъ же покачивались, и тоже горѣли свѣчи, робко, боязливо, какъ взоры павшихъ. Я постоялъ недолго и отошелъ. Ничто не шевельнулось во мнѣ. Еврей въ грязномъ воротничкѣ открылъ мнѣ дверь гостиницы и подобострастно улыбнулся. Онъ тоже способенъ на безуміе? Я ему далъ на чай. Я все слышу.

— Саша, только не молчи!

Это проситъ Эстеръ. Когда-то Нина просила меня не уѣзжать, а я уѣхалъ. Я подхожу къ Эстеръ. Я помню: „гони меня, кричи на меня, что хочешь дѣлай...“

— Есть средство,—говорю я.

Она силится понять меня.

— Возьми свои деньги.

Молчитъ.

— Возьми свои деньги,—повторяю я.—Онѣ твои. Этимъ ты меня обезоружишь. Безъ нихъ я человѣкъ съ голыми руками. Смѣшно что-нибудь дѣлать голыми руками.

— А если... я возьму?—она спрашиваетъ неслышно, только рѣсницы дрогнули, а руки, словно крошечныя, безпомощныя дѣти, зашевелились подъ платкомъ.—Только правду говори.

Я помню: „кричи на меня, что хочешь дѣлай...“

— Я покончу съ собой.

Молчитъ. Тѣнь пробѣжала по ея лицу, смѣнилась растерянной улыбкой, и снова лицо потемнѣло.

— Что же ты не отвѣчаешь?—спрашиваю я. Все ближе иду къ ней, вижу, какъ она неловко и угловато согнулась.

Нагибаюсь къ ней:

— Теперь удобная минута. Ты можешь сразу прекратить это... какъ ты называешь, безуміе. Только стоитъ тебѣ сказать: отдай.

Я отдамъ, деньги твои, еврейскія деньги... Требуй же ихъ, бери ихъ обѣими руками, онѣ твои.

— Я не возьму.

Я изумленно останавливаюсь, хочу усмѣхнуться.

— Ты?

...Подняла голову, какъ-то свѣтло посмотрѣла на меня немигающими глазами, были они измученные, потухшіе, и тихо сказала:

— Я не могу... Я думала объ этомъ... Не могу. Я люблю тебя.

Я хочу забыть послѣднія слова Эстеръ. Я ихъ забуду, иначе я не дойду: они подавляютъ меня, они тянутъ меня назадъ, а я долженъ дойти. Я долженъ, другой долженъ, третій. Всѣ мы должны. Кому? Я ихъ забуду. Бываетъ такая тяжесть, которая самымъ крѣпкимъ плечамъ не подъ силу. Но я сказалъ ей правду: если бы она взяла деньги, я бы покончилъ съ собой. „Свѣтъ, свѣтъ",—какъ давно это было. Стелется вдоль окна дорога. Голая, непривѣтливая. До станціи десять верстъ, но я успѣю досвѣтла дойти. Мнѣ бы хотѣлось, уходя, заглянуть къ Эстеръ въ окно. Не надо, не надо! Дорога лежитъ позади ея дома, огибаетъ мѣстечко. Смѣшно заглядывать въ чужія окна. Смѣшно, когда террористъ разсуждаетъ въ заброшенномъ мѣстечкѣ о томъ, кто онъ: еврей или... Или-или. Все смѣшно, все слова, но я ей сказалъ правду: я бы покончилъ съ собой.

Какъ хочется пить! Но вода въ сѣняхъ, я боюсь разбудить хозяйку. Я напьюсь гдѣ-нибудь по дорогѣ. Вонъ она за окномъ— близкая и чужая. Лампа догораетъ. Гаснетъ. Значитъ, время бѣжитъ, значитъ, все ближе часъ.

XI.

Мнѣ казалось: прошло столько лѣтъ, и я, конечно, не смогу узнать улицу, гдѣ я жилъ, домъ, гдѣ родился. Мнѣ казалось, на меня глянетъ чужой городъ. Но какъ все памятно. Противъ почты та же горбатая старуха, тотъ же лотокъ сластей. Еще жива! Мы ее звали „спичкой". Дразнили, и она вспыхивала, гналась за нами, шипѣла, а потомъ благосклонно вступала съ нами въ переговоры. И вывѣска та же. Ванна, а въ ней двое голыхъ ребятъ... Старательно выведенный указательный палецъ... Сихъ дѣлъ мастеръ... Тогда ее только что нарисовали. Взрослые смѣялись втихомолку, а мы бѣгали къ ней ежеминутно. Милая, смѣшная вывѣска! Мимо, мимо! День идетъ къ концу, надо торопиться.

Если я буду останавливаться на каждомъ углу, я не дойду сегодня. Развѣ я пріѣхалъ разсматривать старыя, глупыя вывѣски? Разговаривать съ горбатыми сморщенными еврейками? Вотъ эта... она жила на нашемъ дворѣ, я сразу узналъ ее. Я помню ее, приходила къ намъ, къ моей матери. Помню ея мужа токаря. Въ его мастерской мягко шуршали пахучія стружки, нѣжно отдаваясь рукамъ, а добрые глаза хозяина смѣялись и говорили: бери, бери. Шарики деревянные, изумительные шарики для игры, палка съ настоящимъ набалдашникомъ въ крапинкахъ, гладкая, точеная. Гдѣ же онъ? Умеръ? Подойти къ ней, спросить? Мимо, мимо! Шарики теряются, люди умираютъ... и тихія радости души.

— Городовой, гдѣ Житомирская улица?

Отъ городового несетъ водкой и ваксой. И его я знаю, и его помню. Круглый, какъ тумба, и эти памятные раскосые глаза.

— Выпилъ?

— Такъ точно. Съ пріѣздомъ, баринъ.

— Что?

— Съ пріѣздомъ, говорю. Видать, что новый. Очень вамъ благодарствую. Направо, а тамъ ужъ и Житомирская.

— Спасибо, Жижелюкъ.

Подвыпившіе глаза, недоумѣвая, заморгали, задвигался жирный, добродушный подбородокъ.

Быстро ухожу. Теряются шарики, люди умираютъ, знакомые, добродушные городовые избиваютъ. Все объяснимо, все просто. Сорокъ третій номеръ, сорокъ третій... Еще два дома. Грязная, мокрая лѣстница. Дверь, обитая рваной клеенкой. Стучу и слышу, какъ за нею кричатъ:

— Минке, стучатъ!

— Слышу.

— Поди, открой!

— Сама открой.

Снова стучу. За дверью что-то упало, прогремѣло.

— Вамъ кого? Что?

Спрашиваютъ по-русски.

— Симоховичъ здѣсь?

— Симоховичъ? Онъ уже взялъ и уѣхалъ.

— Когда?

— Это вамъ нужно знать? Вчера. Вы ему родственникъ? Ну, я не знаю, куда. Минке!

Я опять на улицѣ. Борисъ уѣхалъ, вчера... Изъ города, навсегда? Не можетъ быть! Онъ здѣсь, онъ долженъ быть здѣсь. Усмѣхаюсь: а гдѣ я былъ? Хочется что-то стряхнуть съ себя,

что-то забыть. Когда-то въ дѣтствѣ я укралъ у взрослыхъ папиросу и закурилъ. Было гадко и тошно... какъ сейчасъ. Иду дальше... Одни ворота, другія, третьи. Скоро ихъ закроютъ—уже суетятся дворники. Темнѣетъ. Но я найду его! Съѣхалъ съ квартиры, но будетъ ждать на улицѣ. Я уже прошелъ всю улицу, надо снова обратно. Замѣтятъ? Глупости. Городъ большой, людей много. И вдругъ вспоминаю: родной городъ. Кто-то трогаетъ меня за рукавъ, оглядываюсь и вижу Бориса. Не удивляюсь и беру его подъ руку:

— Я тебя не видѣлъ.

Онъ нерѣшительно мнется на мѣстѣ, хочетъ обнять меня и тревожно оборачивается:

— Я стоялъ за воротами. Весь день я тутъ. Пришлось съѣхать съ квартиры... Потомъ разскажу. Какъ по-твоему, мы не обратимъ на себя вниманіе?.. Ты давно здѣсь?

— Часа два. Идемъ, можешь успокоиться.

Золотыми точками разсыпались фонари, людскія фигуры какъ-то уменьшились, улица сузилась, и глуше стали голоса. Изъ оконъ лавчонокъ потянулись жалкія блѣдныя полосы керосиновыхъ лампъ.

— Что, все идетъ хорошо?

Онъ не отвѣчаетъ, а когда мы, свернувъ съ площади, подходимъ къ почтѣ, онъ спрашиваетъ:

— Узнаешь?

Крѣпко, до боли сжимаетъ мою руку.

— А наши ворота ты узналъ? А „спичку“ ты видѣлъ? Я у нея вчера купилъ маковку. Такую же твердую, какъ мы всегда покупали. А ты видѣлъ наши окна? Тамъ теперь висятъ красныя гардины, а у насъ были бѣлыя занавѣски. А вывѣску ты видѣлъ? Когда я вышелъ изъ вагона, я похолодѣлъ. Все, каждый переулокъ, каждое лицо дорого. До сихъ поръ холодно и страшно.

— Одѣвайся потеплѣе.

Онъ останавливается, негодующе вырываетъ руку.

— Идемъ,—тяну я его.—Видишь, кто-то оглянулся. Не забывай, кто мы. Разъ—и крышечка.

Тяну его и говорю:

— Идемъ. Не забывай, а все остальное сказки. Слышишь, бредни и сказки. Старые дома, старыя вывѣски, старыя еврейки, старые добродушные городовые. Все сказки. Сантиментальныя старыя сказки. Даже молодыя еврейки. Итакъ, все идетъ хорошо?

Онъ, молча, киваетъ головой.

XI.

Въ двухъ-трехъ словахъ Акимъ разсказываетъ о томъ, что было сдѣлано за эти дни. Онъ поступилъ сторожемъ въ гимназію. Удалось легко. Для Бориса нашлась квартира поблизости. Теперь районъ таковъ: гимназія, садъ, двѣ боковыхъ улицы и въ углу губернаторскій домъ. Возиться съ фотографіей не стоитъ, разъ нѣтъ Эстеръ. Акиму отведена въ гимназіи отдѣльная комната. Замѣнитъ фотографію. Крошечная, почти негдѣ повернуться, но зато просто и незамѣтно.

— Первое время я не буду вылѣзать на свѣтъ Божій, только иногда. Придется вамъ двоимъ разгуливать. Когда все сдѣлаю, присоединюсь къ вамъ, тогда раздѣлимъ между собой. Надо одну испробовать. Въ слѣдующее воскресенье я свободенъ весь день. Успѣю испробовать, это нетрудно. Я уже себѣ мѣсто намѣтилъ, за рѣкой, возлѣ старыхъ дачъ. Вотъ тутъ...

Бѣгаетъ палецъ по плану. Нагибаясь, прислоняюсь головой къ плечу Акима. Онъ торопливо отодвигается. Мнѣ кажется, онъ досадливо повелъ плечомъ, но тотчасъ же забываю объ этомъ и слушаю внимательно. Коротко условливаемся, гдѣ намъ завтра встрѣтиться, и собирается уходить. Я его не удерживаю:

— Прощай!

Ушелъ. Ни о чемъ не разспрашивалъ. Если бы онъ зналъ, какъ я ему за это благодаренъ. Когда-то и я разспрашивалъ, но вѣдь это было много лѣтъ тому назадъ. Сейчасъ придетъ Борисъ. Онъ будетъ разспрашивать! Про Эстеръ, про мѣстечко, будетъ говорить о холодѣ, о томъ, что страшно быть въ родномъ городѣ. Если бы можно было прикрыть голову и ничего не слышать. Ничего! Дребезжитъ звонокъ. Онъ идетъ. Вздоръ, ничего нѣтъ страшнаго, нѣтъ никакого мѣстечка, нѣтъ Эстеръ. Есть только врагъ, и мы, нападающіе. Если врагъ не спитъ—не спятъ нападающіе, не спятъ и не копаются другъ у друга въ душѣ. Я твердо помню одно: двѣ боковыхъ улицы, а въ углу домъ. Теперь очередь за мной. Надо наверстать ушедшее время. Семь дней меня не было, цѣлыхъ семь дней. Я ихъ отнялъ у дѣла. Нельзя простить себѣ. Въ эту минуту я ненавижу себя, съ отвращеніемъ гляжу на свои руки. И хочется заломить ихъ. Скрипитъ лѣстница... Я быстро прихожу въ себя, а когда входитъ Борисъ, я уже спокоенъ. Но я не ошибся: сказавъ нѣсколько словъ о дѣлѣ, онъ тотчасъ же спрашиваетъ про Эстеръ. Осторожно, стараясь это сдѣлать незамѣтно, я отклоняю его вопросъ, но онъ снова возвращается къ нему. Я встаю.

— Ты для этого пришелъ? Не стоило.

Онъ пытливо глядитъ на меня.

— Почему?

— Излишне. Всѣ эти разговоры о родныхъ городахъ, о Эстеръ, объ ея отказѣ и о прочемъ мнѣ надоѣли.

— Для тебя это только „прочее“.

Волнуясь, онъ краснѣетъ.

— А что же? Я пріѣхалъ не для этого. Хочется думать, что и ты не для этого покинулъ Парижъ. Это болѣе, чѣмъ смѣшно. Слушай!

Я стараюсь говорить мягко, но что-то сдавливаетъ горло. Хочется крикнуть.—Гостиница,—вспоминаю я и продолжаю негромко и самъ прислушиваюсь къ своимъ словамъ.

— Слушай! Ѣздили до насъ другіе, зная, на что они ѣдутъ. А пріѣхали мы и склоняемъ: еврей, еврея, еврею. Спрягаемъ: они могутъ, мы не можемъ... Одно другого стоитъ. Что же тогда наконецъ? Надъ нами всѣми виситъ какое-то предопредѣленіе? Всѣ мы должны теряться? До Вержболова все ясно, а за нимъ туманъ? Не хочу, понимаешь, не хочу вѣрить въ предопредѣленіе. Эти разговоры—разъѣдающая ржавчина. Оставь ихъ!

— Боишься?

Весь изогнулся и настойчиво твердитъ:

— Боишься, ты боишься. Хочешь скрыть это. Голову запрятать. Боишься!

Внѣ себя отталкиваю его.

XII.

Сегодня я хочу безконечной ночи. Ночью можно громко спрашивать самого себя: боишься?—Ночью никто не услышитъ отвѣта. Никто не будетъ злорадствовать, только еще глубже станетъ тишина. И никого не придется отталкивать.

Я говорю себѣ: отвѣчай же, вѣдь день наступитъ и днемъ тебѣ придется многимъ заглянуть въ глаза, или ты будешь отворачиваться? Я вспоминаю: Бергманъ отвѣтилъ себѣ, ночью открылъ дверь и исчезъ незамѣтно, какъ незамѣтно пришелъ. Отворачиваюсь отъ двери, стараюсь не глядѣть на нее, но словно тянетъ меня кто-то, неизвѣстный, стоящій внизу, и у него длинныя, сильныя руки. Я съ дрожью передергиваю плечами. Холодно... И Борисъ говорилъ: холодно. Я ему посовѣтовалъ одѣваться потеплѣе. Но когда страшно?

Утро идетъ. Сверкаетъ иней на крышахъ, серебряной полос-

кой протянулся на краю троттуара. Чье-то окно искрится подъ солнцемъ. Задорно стучатъ на мостовой подковы. Иду внизъ. Девятый часъ, въ девять свиданіе съ Борисомъ. Надо отвѣтить себѣ... Возлѣ собора часы показываютъ девять. Надо отвѣтить себѣ... Но я не хочу опоздать: онъ опять станетъ спрашивать. Изогнется. „Опоздалъ, о чемъ ты думалъ?“

— Берегись!

Щелкаетъ кнутъ, ударило въ плечо. Я перехожу на другой тротуаръ. Иней растаялъ, на землѣ мокрыя полосы. Прежнія, уродливыя крыши. Вхожу въ чайную и уже съ порога вижу въ углу Бориса, а надъ нимъ портретъ Пушкина. Дѣлаю надъ собой усиліе и, не торопясь, подхожу къ Борису. Я отвѣчу себѣ.

— Здравствуй. Ну, нашелъ?

Онъ сообщаетъ мнѣ о моей будущей квартирѣ. Запинается.

— Очень... удобно... потомъ... близко.

И вдругъ говоритъ:

— За вчерашнее... Прости меня.

Нѣтъ силъ взглянуть на него. Устало подпираю голову руками. Я хотѣлъ безконечной ночи, но утро пришло. Есть другое безконечное—дорога. Надо свести жизнь къ молчанію и итти.

Андрей Соболь.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА. [1])

Романъ **Гвидо да Верона.**

Съ итальянскаго.

Guido da Verona. „La vita comincia domani". Milano, 1913.

VIII.

— Право лишить жизни...—медленно выговорилъ Андреа голосомъ, казалось, измѣрявшимъ значеніе каждаго слога этой темной дилеммы, разглядывая на свѣтъ маленькую бутылочку, наполненную безцвѣтной жидкостью. Эта жидкость была прозрачна, какъ вода, и, однако-жъ, въ ея чистотѣ было что-то подозрительное, зловѣщее. Ни цвѣта, ни запаха, но роковая возможность—убить, лишить жизни; между тѣмъ какъ вода говоритъ о невинности и знаменуетъ собою безвредность. Свѣтъ небольшой лампочки ложился лучистымъ кружкомъ на стекло ампулы, и отраженіе этого свѣта горѣло на пальцахъ Андреа, бросало отблескъ, какъ бы отъ рефлектора, на весь обликъ самого изслѣдователя.

Онъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, запертой на ключъ, среди высокихъ полокъ, заставленныхъ книгами, и стеклянныхъ шкафовъ, въ которыхъ хранились всевозможныя банки и склянки. Его рабочій столъ изъ клена, ничѣмъ не покрытый, заваленный блокъ-нотами, пробирками, шприцами, ретортами, закупоренными бутылочками, былъ такъ великъ, что одинъ занималъ треть комнаты. Въ нишѣ, имѣвшей форму глубокой арки, вдавленной въ толщу стѣны, вдоль по стѣнѣ, стояла кровать, завѣшанная пологомъ съ балдахиномъ, не покрывавшимъ ея цѣликомъ.

На немъ былъ надѣтъ поверхъ платья сѣрый полотняный халатъ, стянутый у кистей рукъ и шнуркомъ по таліи, словно ряса монаха; въ этомъ одѣяніи его высокая фигура казалась еще суровѣе.

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. I и II.

Кругомъ была тишина; домъ, казалось, забылся первымъ сномъ, хотя, по всей вѣроятности, его обитатели, хотя и разошлись по своимъ комнатамъ и погасили свѣтъ, еще не спали. Изъ сада внизу налетавшій вѣтеръ доносилъ запахъ жасмина.

— Право лишить жизни...—повторилъ онъ, еще медленнѣе, растягивая каждое слово.—„Убить". Красивое, страшное слово, котораго никто не посмѣлъ вставить въ законъ человѣческій. „Ты не можешь убивать, потому что не можешь творить", говорятъ евангелисты... Но развѣ вся природа не представляетъ собой зрѣлища убійства, непрерывной рѣзни? И развѣ смерть не есть въ то же время неистощимая производительница?

Принято думать: это зло, а это добро. Но какъ же провести грань? Какъ и кто проведетъ ее?

Узелъ туго затянутъ, но развязывается онъ просто: для того, чтобъ моя жизнь могла продолжаться, мнѣ нужна чья-то смерть. Вы допускаете, что есть случаи, когда двѣ жизни неразрывно связаны между собою? Вы допускаете далѣе, что могутъ быть случаи, когда двѣ жизни несовмѣстимы, такъ какъ обоимъ необходимо одно и то же, а принадлежать оно можетъ только одному? Если лодка, на которой спасаются утопающіе, не можетъ поднять больше одного человѣка, естественно, хотя и мерзко, что между двумя желающими сѣсть въ нее идетъ борьба, не знающая пощады и жалости; во время пожара болѣе сильные опрокидываютъ слабыхъ и топчутъ ихъ ногами. Посмотрите вокругъ себя—міръ полонъ такихъ примѣровъ.

Теперь я вамъ такъ скажу: не одна жизнь, а три заразъ, также неразрывно связанныя между собой, переживаютъ мучительную агонію. Женщина, которую я люблю, ребенокъ, который у нея долженъ родиться отъ меня, и я самъ — крѣпко сплоченная группа, полная силъ и энергіи, остановилась и не можетъ итти дальше изъ-за того, что обреченный на смерть умираетъ слишкомъ долго.

Законъ?—Законъ выработанъ такими же людьми, какъ и я; это—цѣпь, необходимая для сдерживанія слабыхъ; я сильный—я разрываю ее; я хитрый — я ее обхожу. Совѣсть? — Совѣсть — это малодушіе, трусость, атавистическій низменный страхъ, живущій въ человѣкѣ,—ее надо научить чувствовать согласно съ тѣмъ, какъ мыслитъ нашъ умъ. Для чего же тогда росли бы на землѣ ядовитыя растенія, выдѣляющія медленные вѣрные яды, не оставляющіе слѣдовъ, если-бъ сама Природа не приберегла для человѣка возможности безнаказанно и незамѣтно лишать жизни? И чего же стоила бы Любовь, если-бъ ради нея мы не были спо-

собны совершить геройскій поступокъ, хотя бы и жестокій? Я не могу устранить себя, ибо *моя* смерть не спасетъ ихъ, а погубитъ. Я любилъ женщину, которая не была моей, и сдѣлалъ ее матерью: мнѣ невозможно освободить *ее* отъ беременности—это было бы также преступленіемъ... Что же мнѣ—дать ей убить себя? О, судьи, неужели же я буду такъ низокъ, что не сдѣлаю для нея того, что могу сдѣлать?

— Ты не долженъ былъ любить ея,—скажете вы;—твой грѣхъ ведетъ начало издалека.

— Ну, такъ скажите голодному: ты не долженъ хотѣть ѣсть. Велите зажженному факелу: не гори. Все можно сдѣлать въ этомъ мірѣ, одного только нельзя: не любить того, что любишь.

И потомъ, какъ вы сами говорите: грѣхъ ведетъ начало издалека. И вотъ, теперь на одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ право на жизнь двухъ существъ, въ которыхъ отнынѣ единственный смыслъ жизни для меня; на другой—вѣрная, но затяжная агонія, медлительная, но безнадежная... двѣ молодости—и могила, два богатства съ одной стороны—и нищета, убожество съ другой. И выборъ въ моей власти. Одно смѣлое движеніе руки, невидимая капля яда, потомъ скрытыя муки моей совѣсти—и узелъ разрубленъ. Такъ вотъ, передъ такой дилеммой что̀, по-вашему, честнѣе: понимать ли совѣсть, какъ рабью трусость, бѣгущую отъ преступленія потому только, что она боится кошмаровъ *потомъ*... или же какъ жестокое мужество, которое гонитъ и душитъ эти кошмары, ради счастья тѣхъ, кто ему дорогъ?...

О вы, невидимо присутствующіе, ужасайтесь, сколько хотите, но я скажу вамъ безтрепетнымъ голосомъ:—Я отдаю на закланіе самого себя, во имя своей любви, своего долга отца передъ ребенкомъ, и, если-бъ былъ на свѣтѣ иной судъ, кромѣ исповѣдальни и присяжныхъ, судья, свободный отъ всякаго предубѣжденія, сказалъ бы мнѣ:—Ты анархистъ — и святой. Если ты въ состояніи жить, неся бремя своего преступленія, твоя собственная сила оправдываетъ тебя. Съ людьми же молчи и скрывай, ибо они не поймутъ...

И, словно въ отвѣтъ, издали донеслись рыдающіе звуки скрипки юродиваго и его пѣснь отчаянія:

Я—странникъ, не зная покою, идущій изъ царства умершихъ, неся
свой скелетъ за спиною;
Онъ горло сдавилъ мнѣ руками; ногами въ колѣни мнѣ бьется...
„Иди!“ говоритъ мнѣ со смѣхомъ, „иди... жизнь завтра начнется“...
И вотъ, я спросилъ у скелета: „ты можешь сказать мнѣ: куда“?...
Отвѣтилъ: „въ царство живущихъ, а имя ему—Суета...“

Ты былъ съ ней въ душистой постели; могучею скована силой,
Дрожа, она въ робкомъ смущеньи въ измятое пряталась ложе...
Зачѣмъ — коль не хочешь побоевъ—ты далъ мнѣ отвѣдать той дрожи?...

Я — странникъ, не знающій цѣли, идущій изъ царства умершихъ
Навстрѣчу далекимъ потомкамъ, чьи души уже отлетѣли...

Жизнь начинается завтра
Завтра, да, завтра. Иди!...

Пѣсня приближалась, трагическая, зловѣщая, среди ночной тишины и на порогѣ двери вдругъ оборвалась... За дверью стоялъ юродивый, стучалъ въ дверь костяшками пальцевъ и со смѣхомъ кричалъ:

— Отвори!

Андреа быстро спряталъ въ шкафъ нѣсколько бутылочекъ, но не откликнулся и не отперъ двери.

— Отвори же!—настаивалъ юродивый, вертя ручку двери; но дверь была заперта изнутри, на ключъ.

— Что тебѣ?

Глухо и упрямо голосъ Маркуччіо повторялъ:—Впусти меня!...

Андреа повернулъ ключъ въ замкѣ и посторонился, чтобы пропустить юродиваго. Маркуччіо, зажимая въ рукѣ смычокъ, съ перекошеннымъ ртомъ, дошелъ до середины комнаты, озираясь кругомъ, потомъ сообщилъ:

— Новелла плачетъ.

— Откуда ты знаешь?

— Плачетъ,—со злостью повторилъ юродивый.

— Скажи, откуда ты знаешь?

— Видѣлъ въ замочную скважину. Ну-да, видѣлъ. Сидитъ въ углу, въ своей комнатѣ, и реветъ.

— Такъ. Дальше?—помолчавъ, выговорилъ Андреа.

— Ничего. Я только хотѣлъ сказать, что она плачетъ,—повторилъ Маркуччіо, почему-то повышая голосъ.

— Ты, значитъ, подсматриваешь въ замочныя скважины?

— Всегда.

— Зачѣмъ?

Онъ опять захохоталъ, кривя губы, и сдѣлалъ рукой какой-то неопредѣленный жестъ.

— Въ замочную скважину я много разъ видѣлъ Берту въ одной рубашкѣ. Берта носитъ чулки съ красными бантами—вотъ здѣсь...—онъ указалъ на верхнюю часть ноги.

Андреа пристально, съ жалостью смотрѣлъ на него.

— Тебѣ не спится, Маркуччіо?

— Весенними ночами никому не спится.—Потомъ, глупо ухмыляясь, онъ прибавилъ:—Я часто потихоньку подсматриваю за Бертой въ замочную скважину, когда она раздѣвается. Она толстенькая.

— Ты и въ охотничьемъ павильонѣ подсматривалъ разъ, тоже въ замочную скважину...—строго началъ Андреа.

Маркуччіо грубо захохоталъ.

— Нѣтъ; я взлѣзъ на каменный столъ, который стоитъ возлѣ него, и подсмотрѣлъ въ окно. Тамъ была Новелла...

— Неправда!

— Нѣтъ, была!—разсердился юродивый и, указывая на него пальцемъ, добавилъ:—съ тобою.

— Берегись, Маркуччіо! горе тебѣ, если ты вздумаешь повторять это,—воскликнулъ Андреа, стиснувъ его руки.

— Новелла была почти голая, а ты... ай! Мнѣ же больно!—А ты ее осыпалъ маргаритками... у тебя были полны руки маргаритокъ... ай!... и ты... ай!... сыпалъ ихъ ей на грудь...

— Это ложь! Не смѣй повторять этого вранья. Ты плохо смотрѣлъ; меня тамъ не было и ея не было,—понялъ?

Онъ трясъ юродиваго за руку, повторяя: „Понялъ?“ Но тотъ упорно твердилъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... ты былъ тамъ... и она была... И маргаритки были такія красивыя... ай! ай!... такія красивыя...

Андреа схватилъ его за плечи и, пристально глядя ему въ глаза, говорилъ:

— Слушай, Маркуччіо; все это ты видѣлъ во снѣ, а сны никому никогда не надо разсказывать, иначе — бѣда! Понимаешь... бѣда тому, кто разсказываетъ свои сны постороннимъ.

Юродивый раскрылъ ротъ отъ изумленія:

— Правда?

— Правда; разсказывать ихъ можетъ только неразумный человѣкъ, который самъ себя не бережетъ, понимаешь, Маркуччіо? Ибо горе тому, кто разсказываетъ, что ему снится.

Онъ легонько трясъ его за плечи, сдерживая гнѣвъ, въ надеждѣ заставить его понять или же внушить ему суевѣріе, какъ онъ уже внушилъ ему многое...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Правда?

— Конечно; если ты будешь разсказывать это, я всѣмъ скажу, что твои книги надо сжечь, потому что онѣ лживыя, и тогда ты не добьешься славы, понимаешь, Маркуччіо... *славы!*

Юродивый, весь дрожа, повторялъ:

— Не добьюсь славы... А если я ничего не скажу?

— О чемъ?

— О снахъ.

— Ахъ, о снахъ... тогда... — Заслышавъ шумъ, Андреа обернулся:—Кто тамъ?

Голосъ папа Стефано отвѣтилъ:

— Это я. Можно войти?

— Входите, входите.

— Это Маркуччіо своимъ пѣніемъ заставилъ меня спуститься внизъ. — Онъ усмѣхнулся. — А вы все разсуждаете о матеріяхъ важныхъ? Ахъ вы, мыслители!

— А ты всегда мѣшаешь намъ, отецъ, — надменно замѣтилъ Маркуччіо.

— Я думалъ, ты уже въ постели, сынокъ, и вдругъ слышу твою пѣсенку.

— Въ постели? Я?... Какъ бы не такъ! Въ весеннія ночи мнѣ хочется ходить, ходить безъ конца, въ лѣсу, по берегу рѣки, со скрипкой, и играть... Но я боюсь... Всѣ женщины, которыя не спятъ въ апрѣльскія ночи, соскочили бы съ кроватей и, съ распущенными волосами, босыя, пошли бы за мной... Но я боюсь совъ и филиновъ... Мнѣ хотѣлось бы бродить по лѣсу, по берегу рѣки, играя на скрипкѣ самую красивую пѣсню, какую я знаю, и чтобъ за мной ходили полуобнаженныя женщины... Но я боюсь вампировъ... Уфъ!... у вампировъ войлочныя крылья, и они сосутъ кровь, кровь... Ты знаешь, отецъ, пѣсню о вампирахъ. Нѣтъ? такъ слушай...

Онъ медленно вышелъ изъ комнаты своей походкой автомата, ударившись спиной о косякъ двери, и скрылся во тьмѣ коридора... Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ скрипка его опять зарыдала, и пѣсня отчаянія оборвалась жуткимъ смѣхомъ...

— Бѣдный я!—тяжело вздохнулъ папа Стефано.—Бѣда за бѣдою валится на мой домъ. Подумайте сами, Андреа. Былъ у меня сынъ, которымъ я гордился, и вотъ что отъ него осталось. Выдалъ я замужъ дочь за хорошаго, честнаго человѣка, прекраснаго работника: болѣзнь подкосила его въ цвѣтѣ лѣтъ... Отъ такихъ ударовъ намъ, старикамъ, уже не оправиться. Но и этого недостаточно: а Новелла? Развѣ вы не видите, какъ измѣнилась за послѣднее время Новелла? Въ этомъ домѣ всѣ живутъ подъ какой-то глухою угрозой; я такъ и жду съ минуты на минуту, что на насъ обрушится новая напасть—не знаю, какая, но, можетъ быть, страшнѣй всѣхъ предыдущихъ.

— Не отчаивайтесь, Стефано. Вѣдь вы же вѣрите въ Бога?

— О да! Всей душой.

— Молитесь Ему, разъ вы умѣете молиться. Я вѣрю въ силу времени и въ человѣческую волю; и потому думаю, что отъ всѣхъ невзгодъ у насъ одно только прибѣжище—наше собственное мужество.

Но Стефано качалъ головой и смотрѣлъ на Ференто такъ, какъ будто что-то хотѣлъ сообщить ему. Очевидно, разъ онъ явился въ такой поздній часъ, у него была опредѣленная цѣль, а не одно только желаніе поплакаться на свою участь, и эти разговоры были только подходомъ...

— Кстати, о Джіорджіо, — сказалъ онъ, наконецъ, — какъ вы его находите? Очень онъ плохъ?

Андреа приводилъ въ порядокъ столъ, переставлялъ бутылочки, перекладывалъ бумаги, шарилъ въ ящикахъ, все время переходя отъ шкафа къ письменному столу и обратно.

— Вѣчно одинъ и тотъ же вопросъ! — нервно поморщился онъ.—Если-бъ вы знали, какъ ничтожна наука врача передъ такой сложной проблемой, какъ жизнь человѣка.

— Но вѣдь я же вижу, что онъ умираетъ,—перебилъ Стефано, понижая голосъ.

— Это только ваше мнѣніе, ничего больше,—возразилъ Андреа, холодно пожимая плечами.

— Нѣтъ, не обманывайте меня, Андреа. Я старикъ, но я еще мужчина, и я хочу знать правду. Скажите, скажите мнѣ правду: онъ безнадеженъ?

— Нѣтъ еще, но положеніе очень серьезное.

— Знаете, давеча онъ мнѣ говоритъ, и такъ, знаете, спокойно, почти весело: „Послушайте, папа Стефано, надо бы намъ съ вами привести въ порядокъ наши дѣла—такъ, на всякій случай,—всегда лучше быть предусмотрительными...“

— Ну, это меня не касается,—рѣзко вскричалъ Андреа.—Если вы объ *этомъ* хотѣли посовѣтоваться со мной, то въ это я не вхожу.

— О, Андреа, я вѣдь не изъ корысти... Но у меня двѣ дочери, сынъ и старуха жена. А вы же знаете, что и усадьба, и земля—все принадлежитъ Джіорджіо, который спасъ меня отъ банкротства, купивъ мое имѣніе, когда кредиторы мои готовы были продать его съ аукціона.

— Повторяю, это меня не касается. Онъ честный человѣкъ и самъ подумаетъ о женѣ.

— Но у Джіорджіо есть братъ, человѣкъ жадный и распут-

ный, доставлявшій Джіорджіо немало огорченій... Онъ постоянно выманивалъ у него деньги...

— Короче говоря, Стефано, если я правильно васъ понялъ, вы хотѣли бы, чтобъ я какъ-нибудь понудилъ Джіорджіо сдѣлать завѣщаніе или узналъ бы, сдѣлано ли оно и въ чью пользу? Такъ?

Старикъ понурилъ голову, не отвѣчая.

— Ну такъ слушайте: я очень люблю и уважаю васъ, отецъ Стефано; и побужденія ваши нахожу вполнѣ оправдываемыми, но объ *этомъ* вы, пожалуйста, со мной не говорите. Дѣлайте, что хотите, но я въ *это* не вступаюсь. И еще одно рѣшительно вамъ заявляю: я не допущу къ Джіорджіо ни поповъ, ни нотаріусовъ, если онъ самъ этого не попроситъ. И будетъ объ этомъ.

— Зачѣмъ такъ горячиться? Я никогда не видалъ васъ такимъ взволнованнымъ.

— Надо предоставить человѣческой душѣ свободу, отецъ Стефано, особенно, когда человѣкъ стоитъ одной ногою въ гробу. Ничего этого я не стану дѣлать и полагаю, что и Новелла того же мнѣнія.

— Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, и это, по-моему, прямо удивительно.

— Не огорчайтесь, отецъ Стефано. Часъ кончины есть часъ признательности или мести; надо только, чтобы человѣкъ самъ выбралъ, чего именно; а Джіорджіо въ полномъ разумѣ и памяти. И, наконецъ, еще разъ повторяю вамъ: это меня не касается. Одно только скажу вамъ: пока я живъ, ни вы, ни ваши дѣти не будете терпѣть нужды.

— Вы лучше меня, Андреа, — восторженно воскликнулъ старикъ,—и теперь мнѣ стыдно, что я...

— Стыдиться нечего: вы думали о вашихъ дѣтяхъ,—это свойственно человѣку. Оставимъ этотъ разговоръ; вмѣсто того я лучше отвѣчу откровенно на вашъ вопросъ: Джіорджіо, дѣйствительно, плохъ, очень плохъ. Возможно, что моей помощи окажется недостаточно,—призовите другихъ врачей. Я самъ ему это предлагалъ, но онъ не хочетъ.

— Кто же можетъ спасти его, если вы не можете, — развелъ руками Стефано.—Что пользы звать врачей? Я же вижу, что онъ умираетъ, а мы, старики, умѣемъ распознавать смерть издали... Ну... до свиданья Андреа, доброй ночи. Если ему плохо будетъ, позовите меня. Доброй ночи.

Андреа долго еще стоялъ за дверью, прислушиваясь къ старческимъ тяжелымъ шагамъ, поднимавшимся по каменнымъ сту-

пенямъ. Потомъ опять присѣлъ къ столу, заваленному и заставленному всякой всячиной, и склонилъ на руки мучительно болѣвшую голову; въ недвижной тишинѣ онъ отчетливо слышалъ біеніе своего пульса; какъ пыль на дорогѣ, буря подхватила его горестное сердце и увлекла его за собою.

Свѣтъ электрической лампы съ рефлекторомъ падалъ на микроскопъ и, отраженный полированнымъ блестящимъ металломъ, сверкалъ на маленькихъ хрустальныхъ шприцахъ, на тончайшихъ иголкахъ, на разныхъ блестящихъ предметахъ, лежавшихъ на столѣ.

Мало-по-малу страшная физическая усталость овладѣла имъ, притупляя душевныя муки; голова его постепенно клонилась все ниже и ниже и, наконецъ, совсѣмъ легла на руку; онъ задремалъ. Немало долгихъ ночей онъ провелъ, не смыкая глазъ до разсвѣта, но есть моменты, когда тѣло наше, созданное изъ грубой матеріи, нуждающееся и въ пищѣ, и въ отдыхѣ, побѣждаетъ духъ и спасаетъ его забвеніемъ отъ всѣхъ его бѣдствій.

— Слушай, Андреа!...

Новелла вошла почти неслышно и нагнулась надъ нимъ.

Онъ тотчасъ встрепенулся, вскочилъ на ноги и, испуганно глядя на нее, спрашивалъ:

— Что такое? Что случилось?

— Ничего. Говори тише. Почему ты озираешься вокругъ? Что ты дѣлалъ? Уснулъ? Ты усталъ, а я тебя разбудила, мой бѣдный, милый!

Тогда онъ взялъ ее за руку, пожалъ, поцѣловалъ ее, почти съ признательностью, за то, что именно она, а не кто другой, разбудила его и что она не принесла страшной вѣсти.

— Ахъ, ты!... ты!... — Онъ смотрѣлъ на нее и улыбался. — Но только теперь ты уходи, будь добренькая... *онъ* можетъ услышать... Это неосторожно, очень неосторожно, что ты приходишь сюда.

— Ты всегда гонишь меня!

— Я не гоню тебя, зачѣмъ ты такъ говоришь?... Но видишь ли, это опасно... Я задремалъ за работой; но я чувствую, что сегодня ночью Джіорджіо не спитъ и наблюдаетъ за нами.

— Хорошо; я сейчасъ уйду, но прежде... Какъ ты блѣденъ, любимый мой!

— Я усталъ.

— Прежде скажи, почему ты вотъ ужъ нѣсколько дней оставляешь меня все время одну, не говоришь со мной, не смотришь на меня, какъ будто всячески избѣгаешь меня.

Онъ снова упалъ въ кресло и стиснулъ кулаками виски.

— Молчи!... молчи!...

— Что я тебѣ сдѣлала? Развѣ ты не видишь, въ какомъ я отчаяніи?... Ты больше не любишь меня?

Тогда онъ воскликнулъ порывисто, страстно, безумно:

— Люблю! больше, чѣмъ когда-либо! какъ никогда не любилъ! Развѣ ты не чувствуешь этого?... Но ты вся окутана тѣнью, и я не могу коснуться тебя.

— Закрой глаза, чтобы не видѣть меня, и цѣлуй меня, цѣлуй! ..—страстно прошептала она.

Ея платье лежало у него на колѣняхъ, ея волосы щекотали ему лобъ; цѣлуя, она говорила:

— Что же намъ дѣлать?

Онъ отвѣтилъ ей на ухо, едва слышно:

— Ждать.

Она хотѣла еще что-то спросить, но онъ не далъ:

— Тсс! Молчи! Оставь меня одного и, если я не позову тебя самъ, не возвращайся сюда.

Она повиновалась: въ ушахъ ея звенѣло это маленькое и страшно огромное слово: *ждать*.

— Ты къ нему пойдешь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я боюсь; боюсь быть съ нимъ одна; никогда еще онъ не былъ такъ ласковъ; поминутно беретъ мои руки... цѣлуетъ ихъ... и руки у меня холодѣютъ...

Она инстинктивно прижала руки къ платью, какъ будто въ нихъ и сейчасъ еще сохранилось это ощущеніе холода.

— Поминутно гладитъ мои волосы, словно ребенокъ... Никогда онъ не былъ такъ кротокъ...

Онъ, не мигая, смотрѣлъ на нее и слушалъ...

— Знаешь, часъ тому назадъ, онъ уснулъ, держа мою руку въ своихъ; но въ комнатѣ горѣла свѣча, да и отъ окна свѣта было достаточно, чтобы видѣть его лицо. О, какой ужасъ!... Онъ судорожно сжималъ мою руку, а въ лицѣ у него была такая напряженность, такая застывшая мука... И во снѣ изъ угловъ рта у него поминутно текла слюна... какой ужасъ!... Потомъ онъ раскрылъ одинъ глазъ, одинъ только, такъ что зрачка не было видно, и остался такъ... Я думала, что онъ умеръ... хочу вырваться—силъ нехватаетъ; хочу крикнуть — голоса нѣтъ... до того жутко было смотрѣть на одинъ этотъ незакрытый глазъ и на эти мертвыя губы, которыя какъ будто смѣялись надъ моимъ страхомъ...

— Довольно, довольно!...

Оба вздрогнули, услыхавъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ, мо-

жетъ быть, въ комнатѣ больного... Новелла безшумно выскользнула за дверь, прислушалась и исчезла въ коридорѣ, крадучись вдоль стѣны. Андреа остался стоять посреди комнаты, выпрямившись, готовый встрѣтить того, чьи шаги, знакомые ему, приближались къ его двери. Но не успѣлъ подумать: „это онъ", какъ дверь отворилась.

На порогѣ стоялъ Джіорджіо...

IX.

Джіорджіо былъ страшенъ. Блѣдный, какъ мертвецъ, онъ едва держался на ногахъ. Съ минуту оба смотрѣли другъ на друга, затѣмъ Андреа спросилъ:

— Тебѣ худо?

Джіорджіо покачалъ головой. Онъ былъ совсѣмъ одѣтъ, въ пиджакѣ изъ легкой шерсти, темной съ красноватымъ отливомъ; шея была обмотана шелковымъ шарфомъ. Нетвердой поступью онъ дошелъ до середины комнаты, потомъ указалъ пальцемъ на дверь и молвилъ:

— Закрой на ключъ, прошу тебя.

Изумленный Андреа не трогался съ мѣста.

— Запри дверь; мнѣ надо поговорить съ тобой наединѣ.

Машинально, какъ бы склоняясь передъ непреодолимою силой, Андреа повиновался.

Ключъ повернулся въ замкѣ, и они остались одни, лицомъ къ лицу. Послѣ нѣсколькихъ секундъ мучительно-тягостнаго молчанія Джіорджіо выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Здѣсь была Новелла.

— Нѣтъ.

— Она *была* здѣсь.

— Ну да,—сконфуженно поправился Андреа,—она проходила мимо, коридоромъ... и зашла на минутку поговорить со мною...— И, помолчавъ, прибавилъ:—Поговорить со мною... о тебѣ.

Потомъ придвинулъ Джіорджіо большое кожаное кресло, подталкивая его за спинку; больной въ изнеможеніи опустился въ кресло и прижалъ обѣ руки къ груди, какъ бы силясь утишить нестерпимую боль.

Его лихорадочно горящіе глаза встрѣтились съ острымъ и твердымъ взглядомъ человѣка, который когда-то былъ ему братомъ, и замерли въ нѣмомъ созерцаніи...

— Андреа!—неожиданно горестно воскликнулъ больной, и въ голосѣ его звучало всепрощеніе.—Андреа! Не надо больше лгать. Это безполезно, потому что я умираю. Не надо больше лгать.

Ференто весь подобрался, съежился, словно собирая силы для отчаянной защиты и, не умѣя выбрать между правдой, въ которой нельзя было сознаться, и ложью, которая стала нестерпимой, машинально отступилъ въ тѣнь стѣнного шкафа и остался тамъ стоять, молча, понуривъ голову, въ ожиданіи слова, которое разлучитъ ихъ навсегда.

— Ты боишься меня—или ненавидишь меня?—спросилъ Джіорджіо и съ трудомъ приподнялся, держась за ручки кресла.

И, такъ какъ Андреа молчалъ, онъ разгорячился:

— Ты не можешь отвѣтить мнѣ? Не хочешь взглянуть мнѣ въ глаза? Въ былое время глаза твои умѣли смотрѣть.

Его голосъ звучалъ насмѣшкою и явнымъ вызовомъ. Подъ этимъ ударомъ Ференто выпрямился. Человѣкъ, который никогда ни передъ кѣмъ не клонилъ головы, никогда никого не боялся, понялъ, что и тутъ онъ долженъ дать отпоръ, какъ всегда—смѣло и дерзко.

— Между нами, думается мнѣ,—отвѣтилъ онъ,—молчаніе—самое лучшее.

Въ его голосѣ не было дрожи; онъ былъ холоденъ, суровъ, остеръ, какъ хорошо отточенное лезвіе. И, уже мягче, почти ласково, больной повторилъ свой вопросъ:

— Ты боишься или ненавидишь меня?

— Ни то, ни другое, Джіорджіо.

— Такъ что же?

— Я чувствую, что между нами пропасть, что по отношенію другъ къ другу мы теперь, какъ два автомата,—какіе ужъ тутъ разговоры!

— Нѣтъ, Андреа... твоя жизнь не кончена, и для тебя это превращеніе въ автомата—игра, которая затянется всего на нѣсколько часовъ; я же кончаю свою, и для меня эта игра нелѣпа. Я собралъ остатки силъ, чтобы прійти къ тебѣ поговорить съ тобой; не препятствуй же мнѣ, вѣдь мы оба всегда были мужественны.

Жуткій блескъ засвѣтился въ глазахъ Ференто. Онъ выступилъ изъ тѣни на свѣтъ.

— Хорошо. Если ты хочешь этого, поговоримъ.

— Не какъ враги, Андреа,—взмолился Джіорджіо съ грустной улыбкой.—Правда, прошлое разбито вдребезги,—и воспоминанія—ядовитые пауки, которыхъ лучше гнать подальше... Но есть въ мірѣ одно, что можетъ быть всегда отраднымъ—это увѣренность, что ты любилъ человѣка настолько выдающагося, что, какъ бы онъ потомъ ни обидѣлъ тебя, сколько бы зла тебѣ ни причинилъ, хотя бы судьба сдѣлала его твоимъ непримиримымъ врагомъ, по

совѣсти, душой ты не можешь возненавидѣть его... Это—первое, что я хотѣлъ тебѣ сказать.

Андреа бровью не повелъ, не шевельнулся, не отвѣтилъ слова.

— Ты помнишь... — продолжалъ больной глухимъ, далекимъ голосомъ.—Мы въ жизни дѣлили все по-братски,—помнишь, какъ въ нашей студенческой каморкѣ, на хромоногомъ столикѣ, дѣлили пополамъ нашъ скудный обѣдъ? Потомъ, когда на Коннигангэтскомъ рудникѣ вспыхнулъ пожаръ и сгорѣло триста человѣкъ, и компанія всю отвѣтственность свалила на меня, я цѣлый годъ жилъ у тебя и тебѣ одному обязанъ—да, тебѣ одному обязанъ тѣмъ, что могъ подняться на ноги и начать сызнова.

— Если ужъ сводить счеты, такъ я тебѣ обязанъ столько же и даже больше,—рѣзко возразилъ Андреа.

— Вотъ теперь я узнаю тебя! — воскликнулъ Джіорджіо, съ улыбкою качая головой. — Ты сейчасъ стоишь передо мной совсѣмъ, какъ тогда, въ Римѣ, передъ собраніемъ, на которомъ товарищи обвиняли тебя въ томъ, что ты измѣнилъ имъ и продалъ ихъ дѣло тѣмъ, кто сулилъ тебѣ власть... Ты былъ блѣденъ, но смѣялся и стоялъ, сложивъ руки на груди, подъ градомъ негодующихъ криковъ и оскорбленій... пока, наконецъ, не схватилъ одного за горло, ближайшаго. И тогда сразу водворилось молчаніе и тебѣ дали говорить. Помню: голосъ твой звучалъ такъ, какъ будто ты ковалъ слова изъ звонкаго металла и сдавливалъ ихъ всей силой твоихъ кулаковъ, прежде чѣмъ швырнуть ихъ въ лицо противникамъ, въ безмолвный полукругъ, медленно разступавшійся; въ тебѣ было что-то магнетическое, электризующее, покоряющее толпу... и это покорило ихъ, сначала одного, потомъ другого, потомъ всѣхъ, и кончилось тѣмъ, что я увидѣлъ тебя надъ живымъ моремъ людей, кричащихъ и неистовствовавшихъ, съ торжествомъ несшихъ тебя на плечахъ...

— Скажи мнѣ: развѣ сейчасъ ты не тотъ же?

Красныя пятна выступили на лбу Ференто; глаза его загорѣлись.

— Тотъ же, и еще сильнѣе, чѣмъ былъ,—гнѣвно отчеканилъ онъ,—ибо самыя жестокія битвы — тѣ, которыя разыгрываются внутри насъ.

Онъ нервно зашагалъ по комнатѣ, какъ человѣкъ, котораго тѣснятъ со всѣхъ сторонъ и который, пригнувъ голову, какъ быкъ, бросается въ толпу, чтобъ проложить себѣ дорогу. И вдругъ порывисто заговорилъ:

— Пойми, я не хочу оправдываться. Нашъ договоръ нарушенъ: если ты пришелъ допрашивать меня, я отказываюсь отвѣ-

чать; если ты пришелъ обвинять меня—опять-таки отказываюсь слушать; если даже ты пришелъ сказать мнѣ, что ты меня прощаешь,—и прощенія я не приму. Незачѣмъ переводить на слова то, чего душа сильнаго не можетъ ни стерпѣть, ни измѣнить.

Джіорджіо хотѣлъ прервать его, но тотъ жестомъ остановилъ его.

— Дай мнѣ сказать: ни стерпѣть, ни измѣнить. Ты напомнилъ мнѣ боевые дни моей жизни, когда, подъ вліяніемъ честолюбія или по наивности, я еще вѣрилъ, что можно дѣлать добро толпѣ, покоряя ее волшебствомъ словъ и увлекая за собой и, дѣйствительно, былъ во мнѣ тогда этотъ демагогическій талантъ, это актерство, которое теперь мнѣ смѣшно. Впослѣдствіи я понялъ, что добро надо дѣлать въ тѣни, наединѣ съ собой, надъ книгами, или же съ голыми по локоть руками, врачуя душу человѣка, или его тѣло, изъѣденное всякой скверной. Я предоставилъ кричать другимъ; я сталъ выше ихъ, пошелъ своей дорогой; и сейчасъ, какъ я уже сказалъ тебѣ, я — тотъ же и еще сильнѣе; теперь мнѣ ясно, что въ нашемъ союзѣ, въ нашемъ договорѣ вѣчной дружбы не было предусмотрѣно одной возможности: почувствовать, что въ насъ зарождается ненависть—ненависть брата къ брату, злѣйшая изъ всѣхъ.

— Ты давеча поставилъ мнѣ вопросъ: боюсь я тебя или ненавижу. На минуту я смалодушествовалъ и отвѣтилъ: ни то, ни другое. Но я солгалъ, и разъ ты мнѣ напомнилъ о тѣхъ дняхъ, когда я былъ полонъ мужества и силы, я съ тѣмъ же мужествомъ отвѣчу тебѣ: да, я ненавижу тебя.

Въ его стальныхъ глазахъ сверкалъ зловѣщій блескъ; губы его смѣялись, радуясь, что высказали правду.

— Вотъ это хорошо, что ты не лжешь, вотъ такимъ я тебя предпочитаю, — съ спокойной гордостью отвѣтилъ Джіорджіо. — Будь это въ другое время моей жизни, я принялъ бы твои слова за вызовъ...

Андреа покачалъ головой.

— Ты, можетъ быть, не понялъ меня.

— Нѣтъ, понялъ. Ты хотѣлъ сказать, что между людьми все ненадежно и непрочно, какая-нибудь случайность все можетъ измѣнить, потому что и сами мы измѣнчивы и ненадежны, рабы чувства, которое тиранически властвуетъ надъ нами.

Но Андреа, все время съ горечью качавшій головой, прервалъ его:

— Я хотѣлъ сказать, что моя ненависть къ тебѣ, Джіорджіо, нѣчто вродѣ безмолвнаго угрызенія, остатокъ добросовѣстнаго

отношенія къ тебѣ, въ которомъ я ищу прибѣжища, растративъ всѣ свои силы на безплодную борьбу съ судьбою, разлучившей насъ... Я ненавижу тебя—да, но такъ, что, если бы своею смертью я могъ искупить свою вину передъ тобой или сдѣлать тебѣ какое-нибудь добро, хотя бы минимальное,—я, не колеблясь, не задумываясь, отдалъ бы тебѣ свою жизнь.

— Тогда зачѣмъ же ты прячешься за этими словами? Маску долой! Назови все своимъ настоящимъ именемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Будемъ говорить о насъ, только о насъ однихъ. Какъ я всегда уважалъ твою вѣру, которой не могъ дѣлить, такъ ты уважай мою волю, потому что она—единственное прибѣжище невѣрующаго. Не забывай, что мнѣ, можетъ быть, легче стало бы, если-бъ я исповѣдался передъ тобой, какъ вамъ, вѣрующимъ, легче становится, когда вы исповѣдуете свой грѣхъ передъ тѣмъ, кто вамъ можетъ отпустить его. Прощенія твоего я не хочу, но вмѣсто этого скажу тебѣ: „Да, я любилъ ее... это было написано мнѣ на роду: я полюбилъ ее...“

Слова эти прозвучали вѣско и жутко, какъ признаніе преступника, который говоритъ судьѣ: *да, я убилъ*. И Джіорджіо, подавленный, какъ если бы за этими словами не было ужъ ничего, кромѣ безпредѣльной пустоты, безмолвно склонилъ голову. Наступила долгая пауза, но въ тихой комнатѣ какъ будто еще звучалъ отголосокъ этихъ словъ... Андреа заговорилъ первый:

— Видишь, и я боролся. Ты знаешь: я силенъ; всей силою своею я боролся съ этими чарами, но тщетно. Все можно раздавить тисками нашей воли, но только не любовь, которая завладѣваетъ нашимъ тѣломъ, нашимъ духомъ и не допускаетъ въ насъ даже того акта возмущенія, который обрываетъ все,—добровольной смерти.

— Я знаю это,—глубоко вздохнулъ Джіорджіо.

Потомъ, съ трудомъ вставъ съ кресла, подошелъ къ Андреа совсѣмъ близко.

— Я это знаю; съ перваго дня, когда ты посмотрѣлъ на нее съ любовью, я зналъ. Это было... хочешь, я напомню тебѣ, когда?

— Къ чему, Джіорджіо? Это было такъ давно!...

— Дѣйствительно, давно... И то уже было большимъ несчастьемъ, что ты полюбилъ ее... — продолжалъ Джіорджіо, медленно отчеканивая каждый слогъ, — но и она полюбила тебя, еще раньше, чѣмъ ты ее, и *это* было ужъ непоправимо.

Андреа недовѣрчиво покачалъ головой.

— Раньше... много раньше... въ сущности, она, можетъ быть,

никогда и не была по-настоящему моей. Но мнѣ было достаточно того, что она не любила и никого другого... И горе мнѣ, если-бъ тогда я могъ надѣяться хоть когда-нибудь, хоть какъ-нибудь вернуть ее, потому что тогда моя ненависть пошла бы дальше твоей... и, въ силу инстинкта, присущаго каждому живому существу—отстаивать свое добро, хотя бы цѣной преступленія, я погубилъ бы свою душу, поставивъ свою любовь—а она была велика—превыше Бога. Но... она слишкомъ любила тебя, и безполезно было пробовать.

— Ты бы сдѣлалъ это... ты и на это пошелъ бы?—пролепеталъ Андреа.

— Да. И ты не усомнишься въ этомъ, если вспомнишь полностью всю мою жизнь. Но я вѣрю въ Бога, и моя вѣра спасла меня отъ ослѣпленія и безполезнаго грѣха. Ибо и въ великомъ грѣхѣ можетъ быть красота, какъ въ великомъ прощеніи... Я простилъ вамъ обоимъ—не устами, не тѣми словами, которыхъ ты давеча не хотѣлъ слушать, но душою своей, своей вѣрой, всѣмъ, что еще живетъ и дышитъ во мнѣ. Пойми: не по-христіански, но по человѣчеству простилъ, не изъ милосердія, но по велѣнію разсудка, не ради того, чтобъ купить себѣ райское блаженство, которое сулятъ попы, но ради вашего счастья.

— Нашего счастья?—удивленно и подозрительно переспросилъ Андреа.

— Да. И не приписывай мнѣ за это святости, которой во мнѣ нѣтъ. Будь я настоящимъ человѣкомъ, я бы жаждалъ жить, и, чтобы жить, мнѣ было бы необходимо устранить тебя, но теперь что я такое? Развалина, испорченная машина, которая перестала дѣйствовать... хуже: клочокъ расползающейся матеріи, отъ котораго скоро ничего не останется. Для меня гаснетъ солнечный свѣтъ, который зовется жизнью; и если слабые, жадные и малодушные именно подъ конецъ отчаянно цѣпляются за блага, оставляемыя ими здѣсь, я—именно потому, что и я былъ сильнымъ, какъ ты, и гордымъ, какъ ты—покидаю ихъ безъ ненависти къ тѣмъ, кто еще можетъ жить, человѣколюбиво и кротко говоря имъ: вы въ своемъ правѣ... живите...

Андреа задумался на мигъ, потомъ воскликнулъ:

— Я не вѣрю тебѣ, слишкомъ большія слова ты говоришь, такія слова не подъ силу человѣку.

— Слова, быть можетъ, и большія, но правда, скрытая въ нихъ, не такъ ужъ возвышенна. Въ самой безмятежной философіи, въ самомъ высокомъ самоотреченіи на днѣ таится тяжкая обида на жизнь. Такъ и со мной. Ну, хорошо, я умалю себя, совлеку съ

себя всѣ покровы,—гляди. Развѣ это живое тѣло—то, что у меня осталось? Развѣ есть у меня надежда исцѣлиться и начать сызнова? Нѣтъ; моя мука можетъ быть только болѣе длительной или болѣе краткой, но все же будетъ только мукой, и наукѣ не обмануть предчувствія близости смерти, отъ котораго стынетъ кровь, когда смерть уже влачится за нами, прячась въ нашей тѣни. Такъ и хочется крикнуть ей: „Подходи же и бери меня!...“ Развѣ это жизнь—не вставать съ кресла, кутаться въ платки и шали, глотать лѣкарства, страдать морально и физически, быть въ тягость и другимъ, и самому себѣ? И, наконецъ, пойми же. Я люблю женщину, какъ любишь ее ты, и знаю, что ей я внушаю только ужасъ. Я иногда желаю ея, я, обреченный, какъ ты желаешь ея, сильный и живой. Но ты можешь цѣловать ее... я—нѣтъ. Ты можешь взволновать ее своею страстью... я ужъ не могу... Все это, сознайся самъ, не такъ уже возвышенно, какъ показалось тебѣ въ первую минуту...

Онъ волновался, сжималъ кулаки; трагическій румянецъ окрасилъ его увядшія щеки; голосъ его былъ полонъ сарказма, направленнаго противъ самого себя.

— Такъ вотъ, видишь ли, я, изъ тщеславія, по малодушеству, и предпочитаю исчезнуть раньше, чѣмъ опротивлю ей окончательно, до того, что и самая память обо мнѣ станетъ ей ненавистной. Твоя красота для нея—въ твоей силѣ; я хочу, чтобъ и во мнѣ была для нея красота, хочу использовать послѣднее, что у меня остается,—доброту. Хочу, чтобъ ты не вытѣснилъ меня цѣликомъ изъ ея души, понимаешь? потому что и я ненавижу тебя... да! и я тоже—и еще сильнѣй, чѣмъ ты меня... Ты видишь самъ: все это не такъ красиво и не такъ благородно, какъ тебѣ казалось.

Но Андреа, рѣзкимъ движеніемъ какъ бы отодвигая отъ себя эти слова, вскричалъ:

— Нѣтъ! Все это неправда. Ты хотѣлъ „знать“, только „знать“. Ты говоришь о своей слабости, чтобъ сковать мою силу. Хорошо, разъ ты этого хочешь, взглянемъ еще разъ вмѣстѣ, какъ товарищи, въ лицо и этой опасности. Мы стоимъ вдвоемъ на узкомъ мостикѣ, который можетъ выдержать только одного...

Лицо Джіорджіо преобразилось.

— Какъ товарищи, сказалъ ты? Да, Андреа! Да, Андреа!...

Отъ волненія у него дрожали кончики пальцевъ.

— Да, Андреа,—повторялъ онъ.—Выслушай меня внимательно: все человѣческое тлѣнно и непрочно; все гніетъ и разлагается. И наша дружба, которая была красивымъ союзомъ двухъ сво-

бодныхъ душъ, не ушла отъ этого. Я не виню тебя, Андреа; это было неизбѣжно; такъ должно было случиться. Но есть нѣчто такое, что выше этого всего, это—воспоминаніе о томъ, чѣмъ мы были другъ для друга, ты и я, въ былое время, въ молодости... Въ этомъ клочкѣ разлагающейся матеріи еще живетъ что-то, быть можетъ, нелѣпое—сердце... И если я притащился сюда, то не затѣмъ, чтобъ разставлять тебѣ ловушки, не затѣмъ, чтобъ „знать", ибо теперь ничто ужъ больше отъ меня не скрыто, но потому, что мнѣ не хотѣлось умереть, не завершивъ конечнымъ договоромъ нашъ дружескій союзъ, и хотѣлось сказать тебѣ то, что я говорю теперь: протяни мнѣ руку, Андреа. Разстанемся друзьями.

— Нѣтъ! ни за что! Смотри: если ты хочешь, я стану передъ тобою на колѣни, но не протягивай мнѣ руки, Джіорджіо, это нѣтъ...

— До какой степени ты ненавидишь меня?

— Себя ненавижу, себя самого, не тебя!

— Ты раздуваешь маленькую драму. Женщина, въ конечномъ счетѣ, только женщина... Она разъединила насъ; она же и соединитъ. Дай руку.

Тотъ, кто нѣкогда былъ ему братомъ, долго угрюмо смотрѣлъ на него. И, наконецъ, спросилъ:

— А если я не могу?... если *теперь* я уже не могу?... Понимаешь ты, какая сила въ этомъ словѣ: *не могу?*

— Слова, только слова, не больше... а кошмары... прогони ихъ.

Онъ кротко улыбался; какая-то царственная величавость была въ чертахъ его лица; въ его улыбкѣ и глазахъ была такая одухотворенность, такая отрѣшенность отъ земнаго, что блѣдное лицо его струило свѣтъ, какъ солнце, скрытое за тучами. Теперь онъ чувствовалъ себя болѣе сильнымъ и зналъ, что сумѣетъ повелѣвать.

— Дай мнѣ руку,—повторилъ онъ.—Ты мнѣ нуженъ.

— Я? Зачѣмъ? Чего ты хочешь отъ меня?

— Помощи. Ты видишь, какъ я слабъ... Я нуждаюсь въ помощи, и ты одинъ мнѣ можешь дать ее.

— Какую?

— Твою руку, дай мнѣ твою руку.

— Не могу.

— Можешь, можешь!... если еще чувствуешь себя способнымъ сдѣлать мнѣ подарокъ.

— *Ее?*...—пролепеталъ Андреа, и въ этомъ краткомъ словѣ прорвались наружу весь ужасъ, вся тревога, которые наполняли его душу.

— Нѣтъ, не ее... другое, болѣе прекрасное... Дай руку.

Внезапно, порывисто, Андреа протянулъ руку бывшему своему другу и брату, стоявшему на краю могилы... человѣку, который былъ когда-то для него святыней... Оба вздрогнули и поблѣднѣли, словно это пожатіе, въ послѣдній разъ соединившее ихъ руки, было священнымъ обрядомъ, навѣки нерушимо связавшимъ ихъ въ одно цѣлое...

— Теперь слушай, — сказалъ Джіорджіо. — Высшее благо—не жизнь, а покой. Посмотри мнѣ въ глаза: ты прочтешь въ душѣ моей, что я не лгу. Я простилъ тебѣ,—тебѣ и ей; поставилъ ваше благо, ваше счастье выше своего. Разъ вы любите, разъ грѣхъ оказался сильнѣе вашей честности, разъ въ мірѣ для васъ еще возможно счастье, такъ будьте же счастливы хоть вы... Жизнь, которая стала въ тягость себѣ самой, должна исчезнуть. Но это великая жертва, и хотя душа способна на нее, тѣло не хочетъ, тѣло ревнуетъ, завидуетъ, отчаянно цѣпляется за жизнь... И вотъ, я прошу тебя: Андреа, братъ мой, освободи меня отъ этой жалкой плоти... Дай мнѣ яду.

— Яду?!..—въ ужасѣ пробормоталъ Андреа.

— Да, потому что высшее благо—не жизнь, а покой. Я прошу у тебя покоя, и, если ты не откажешь мнѣ въ этомъ дарѣ, я скажу, что ты честно выполнилъ долгъ дружбы. Я не хочу нарушить вульгарною трагедіей покой этого дома, но я всетаки хочу умереть, знать, что вы счастливы,—и не видѣть васъ больше.

Онъ говорилъ, не заботясь о томъ, слушаютъ его или нѣтъ; голосъ его былъ тусклъ и холоденъ, какъ зимній день; слова падали изъ устъ его тихо, какъ хлопья снѣга на лугъ.

— Яду...—растерянно повторялъ Андреа, не въ силахъ стряхнуть съ себя магнетическое оцѣпенѣніе, въ которое повергло его это слово.

— Да, Андреа. Что же ты такъ поблѣднѣлъ? Это такъ просто—былъ человѣкъ и нѣтъ его—что можетъ быть проще?

Онъ улыбался далекой улыбкой; въ его усталыхъ рѣчахъ была неотразимая убѣдительность.

— Видишь ли: выброситься изъ окна—это какъ-то противно; да и тѣло мое такъ ослабло, что у меня, пожалуй, не хватило бы духу этого сдѣлать, хотя я уже думалъ объ этомъ. Оружія у меня нѣтъ, да и такой конецъ, шумный и драматическій, не соотвѣтствуетъ моимъ намѣреніямъ. Я, наоборотъ, хочу исчезнуть такъ, чтобъ никто, кромѣ тебя, не зналъ причины—какъ будто смерть просто пришла на нѣсколько дней раньше... Помни, что я сказалъ тебѣ: я прошу у тебя дара, и ты одинъ можешь мнѣ дать

его—и *долженъ* дать, ибо я дошелъ до послѣдней крайности, я не въ силахъ больше вынести ни одного лишняго дня этой пытки. Вѣдь я люблю ее! люблю, какъ ты, съ отчаяніемъ, со всей бѣшеной страстью агоніи умирающаго, и тѣло мое возмущается при мысли, что она—твоя.

— Видишь, Андреа, я говорю съ тобой, какъ говорятъ только съ самимъ собой... нашъ договоръ выше мелкихъ соціальныхъ условностей: есть случаи, когда благороднѣе отнять жизнь, чѣмъ спасти ее. Ты, самъ того не желая, отнявшій у меня все, не можешь отказать мнѣ въ этомъ: дай мнѣ яду.

Ференто слушалъ, не глядя на него, не сводя глазъ съ видимой только ему точки въ темнотѣ, приковавшей къ себѣ его взглядъ; слушалъ, и когда Джіорджіо молчалъ, но ни одна черточка въ его лицѣ не дрогнула: съ ногъ до головы онъ словно весь застылъ въ своей зловѣщей неподвижности.

Потомъ медленно подошелъ къ больному, пристально глядя ему прямо въ глаза своими стальными глазами, въ которыхъ вспыхивали темные огоньки.

— Твоя просьба—изъ тѣхъ, которыя люди въ здравомъ умѣ рѣдко рѣшаются высказывать; но это не пугаетъ меня. Провѣрь себя хорошенько, прежде чѣмъ отвѣтить: увѣренъ ли ты, что хочешь того, о чемъ просишь?

Джіорджіо прижалъ руку къ груди, точно присягая на Евангеліи.

— Я прошу у тебя смерти съ той же ясностью духа, съ какой пылкій юноша проситъ, чтобъ его послали въ бой, зная, что онъ съ высоко поднятой головой, смѣясь, встрѣтитъ опасность. И прошу ея *у тебя*, потому что ты одинъ, изъ всѣхъ, кого я знаю, способенъ безтрепетной рукою поднести мнѣ этотъ даръ.

— Ты думаешь?

— Я это знаю.

Наступила пауза, но отголосокъ этихъ словъ еще носился въ воздухѣ, и оба слышали, какъ стучатъ ихъ сердца, все громче. Неожиданно Андреа схватилъ больного за руку и заговорилъ скороговоркой:

— Джіорджіо... Я, дѣйствительно, способенъ не дрогнуть и передъ этимъ простымъ разрѣшеніемъ величайшей проблемы, которую можетъ поставить человѣку его совѣсть. Я врачъ, и моя миссія исцѣлять—не убивать. Но не разъ у меня бывало искушеніе по собственной иниціативѣ сдѣлать то, о чемъ ты меня теперь просишь, чтобъ избавить обреченнаго отъ жестокой и безцѣльной муки умиранія. Если я этого не дѣлалъ, то лишь под-

даваясь предразсудку, лишь потому, что не умѣлъ побѣдить въ себѣ ненавистнаго мнѣ ощущенія страха. Было время, когда я еще не былъ виноватъ передъ тобой... если-бъ тогда ты пришелъ ко мнѣ съ этой просьбой, я смѣло отвѣтилъ бы тебѣ: ты правъ! Ты такъ и долженъ поступить. Я помогу тебѣ. Но теперь есть нѣчто между нами, что мѣшаетъ мнѣ... Можно украсть чужую жизнь, можно измѣной взять ее... но принять ее въ даръ, какъ ты мнѣ предлагаешь,—нѣтъ!

— Андреа, не разсуждай. Мы дошли до такого момента, когда разсужденія ужъ не помогутъ. Передъ тобою человѣкъ, который нѣкогда былъ дорогъ тебѣ, которому и ты былъ дорогъ и который страдаетъ, страдаетъ ужасно... Всей своей изстрадавшейся душой человѣкъ этотъ кричитъ тебѣ: „Мой путь оконченъ... я хочу исчезнуть!“... Такъ что же пользы разсуждать?... Мое рѣшеніе все равно принято: я, все равно, убью себя, такъ или иначе, и если ты спасешь меня, какъ это столько разъ удавалось тебѣ съ другими, ты только продлишь мои страданія... Неизбѣжнаго ни ты, ни я не въ силахъ измѣнить. Ты былъ мнѣ въ жизни другомъ и товарищемъ—такъ помоги же мнѣ... еще разъ помоги! Мнѣ нужна твоя помощь. Я хочу уйти, не запятнавъ кровью этого дома, гдѣ я былъ только гостемъ, не подложивъ терноваго вѣнца подъ траурный вуаль моей вдовы... Это останется тайной между тобой и мной—мы достаточно сильны оба для того, чтобы снести ее.

— Знаешь, что ты сдѣлалъ?—мрачно выговорилъ Андреа.— Ты мнѣ подставилъ зеркало и сказалъ: смотри. Я взглянулъ—и ужаснулся.

— Нечего ужасаться. Ты—живой и борешься за свою жизнь: въ этомъ вся разница между нами.

— Но вѣдь ты вѣрующій,—какъ же ты рѣшаешься убить себя?—снова прервалъ его Андреа, какъ бы выискивая новыя препятствія къ свершенію того, что становилось неизбѣжнымъ.

— Моя вѣра—иная,—спокойно отвѣтилъ Джіорджіо.—Мой Богъ не жестокъ.

Онъ смотрѣлъ вверхъ, какъ бы уже далекій, уже освобожденный отъ всей скверны, которой загрязнены сердца людскія; прозрачные голубые глаза его были полны спокойной увѣренности, словно уже созерцали ясное видѣніе послѣдняго покоя...

Онъ протянулъ обѣ руки Андреа, какъ бы прощаясь:

— Прощай... ты былъ мнѣ дорогъ... можетъ быть, всего дороже въ этомъ мірѣ... и, если ты поможешь мнѣ, это только докажетъ твою вѣрность дружбѣ...

Ференто позеленѣлъ. И его стальные нервы дрогнули; и въ немъ заговорило сердце человѣческое, трепетное, хрупкое и боязливое, тающее подъ лучами доброты.

Съ устъ его готово было сорваться признаніе, послѣднее, самое ужасное...

— Слушай... Джіорджіо...

Но непобѣдимая сила сковала его голосъ, отбросила обратно въ трепетное сердце слова, которыя рвались наружу, и, думая о возлюбленной, о той, ради кого онъ „долженъ“ былъ пойти на преступленіе, онъ прошепталъ чуть слышно, словно спрашивая самого себя:

— Кто изъ насъ сильнѣй любилъ ее?...

Она встала между ними, прекрасная, обвѣянная желаніемъ обоихъ, и каждый чувствовалъ ея невидимую близость, терзался ею и желалъ ея, какъ если-бъ она прижималась къ нему своимъ роскошнымъ тѣломъ...

— Ты, вѣроятно, — выговорилъ Джіорджіо, — потому что ты остаешься, я же убѣгаю... а, главное, потому, что она—твоя.

Воспоминаніе о ней горячей волной пробѣжало по жиламъ обоихъ, и оба почувствовали, что между ними пропасть, шире и глубже самой смерти. Но оба еще молчали, выжидая, какъ будто въ этомъ оттягиваніи была непредвидѣнная надежда... Съ невѣроятной быстротой мысль ихъ переносилась отъ смерти къ жизни, отъ начала къ концу человѣческаго бытія...

— Итакъ?...—послѣ долгаго молчанія спросилъ Джіорджіо.

Андреа не сразу отвѣтилъ: онъ искалъ въ самомъ себѣ опоры противъ своей воли.

— Одинъ вопросъ. *Ты* сдѣлалъ бы для меня то, о чемъ ты просишь?

— Если-бъ это могло принести больше пользы, чѣмъ то, что я отдамъ тебѣ свою жизнь,—да, я это сдѣлалъ бы.

— Но для того, чтобы такъ поступить, надо быть достойнымъ... А я, можетъ быть, уже недостоинъ...

Языкъ его былъ скованъ, но изъ глазъ говорила душа, обвинявшая себя съ правдивостью отчаянія.

— Чѣмъ больше препятствій ты преодолѣешь, тѣмъ большимъ будетъ для меня твой даръ...

— Но, Джіорджіо... если Новелла... если я... если что-нибудь, чего ты не знаешь... приковываетъ меня къ жизни, связываетъ меня, не дастъ мнѣ покарать себя тою же рукой, которая поможетъ тебѣ, если...

— Молчи, молчи! Есть вещи, о которыхъ надо молчать и послѣ

смерти. Одно ты долженъ сдѣлать для меня: исполнить мою просьбу и потомъ—жить, чтобъ никто не узналъ объ этомъ.

Андреа неожиданно тряхнулъ головой—онъ рѣшился.

— Да? Ты хочешь этого?

Тотъ, кто въ жизни былъ ему братомъ, неповиннымъ передъ нимъ, положилъ ему руку на плечо, и отвѣтилъ:

— Вся жизнь моя свидѣтельствуетъ объ искренности моего отвѣта: да, я хочу этого.

Андреа схватилъ его за руки и судорожно стиснулъ ихъ.

— Да будетъ!

Онъ повернулся. Въ тѣни поблескивали стеклянныя бутылочки въ шкафу; на столѣ лучъ рефлектора ослѣпительно сверкалъ на граняхъ хрусталя, на стали инструментовъ...

Порывистымъ движеніемъ, быстрымъ и ловкимъ, врачъ пальцами сломалъ герметическіе затворы двухъ скляночекъ, тоненькихъ, какъ стебель тростника, накапалъ изъ каждой понемногу въ вогнутое блюдце, гдѣ уже было налито на палецъ воды, и медленно, стиснувъ губы, этой жидкостью наполнилъ шприцъ. Жидкость, постепенно поднимаясь по стеклянной трубочкѣ, отливала радужнымъ блескомъ, то блѣдно-фіолетовымъ, то красно-желтымъ, но когда дошла доверху, радужный блескъ погасъ.

Тогда врачъ встряхнулъ шприцъ, чтобы лучше смѣшалось содержимое, и дважды внимательно изслѣдовалъ его на свѣтъ. На кончикѣ тонкаго лезвія сверкнула искорка.

Потомъ положилъ шприцъ на край стола и сталъ глядѣть на него.

Глядѣлъ долго, какъ будто былъ одинъ въ комнатѣ, какъ будто неизбѣжное уже свершилось.

Обреченный медленно приблизился—безъ страха, но медленно...

— Это и есть ядъ?

И дотронулся пальцемъ до шприца.

Онъ говорилъ размѣренно, какъ автоматъ; по губамъ его скользила легкая улыбка.

Врачъ кивнулъ головой въ знакъ подтвержденія и продолжалъ, какъ околдованный, смотрѣть на блестящій шприцъ, наполненный жидкостью, безцвѣтной, безвредной на видъ, прозрачной, какъ вода.

Обреченный медленно обнажилъ лѣвую руку, постепенно заворачивая рукавъ; потомъ отвернулся, какъ-то странно перекосивъ ротъ, и двумя пальцами взялъ шприцъ.

— Что ты дѣлаешь? Что ты дѣлаешь!—инстинктивно крикнулъ Андреа, удерживая его.

Джіорджіо засмѣялся гортаннымъ, непріятнымъ смѣхомъ, странно похожимъ на тотъ, какимъ Маркуччіо заканчивалъ свою излюбленную пѣсню.

— Смотри: я не дрожу...—сказалъ онъ.

Онъ приставилъ шприцъ къ рукѣ, изсохшей, желтой, такой жалкой на свѣту; несмотря на его утвержденіе, рука дрожала.

Онъ не видѣлъ этого; Андреа видѣлъ.

— Послушай, Джіорджіо...

— Какъ это дѣлается?

— Послушай, Джіорджію... Джіорджіо!

— Какъ... это дѣлается?...

— Вотъ какъ.

Онъ выхватилъ у него изъ рукъ шприцъ и съ гордостью, высоко держа голову, словно говоря передъ невидимыми судьями, вѣско и сильно бросилъ:

— Я!—я долженъ докончить начатое и убить тебя,—не ты. Не ты—а я, своей рукой... Смотри, она тоже не дрожитъ.

Одной рукой онъ сильно захватилъ кусочекъ кожи, другой направилъ шприцъ. Кожа сморщилась и покраснѣла; всѣ волоски на ней встали дыбомъ, сухожилія напряглись...

Потомъ сдѣлалъ глубокій уколъ и впустилъ ядъ...

— Ай!... какъ больно... Ай!... Скажи ей...

Не договоривъ, Джіорджіо повернулся на каблукахъ и рухнулъ въ обморокѣ на полъ, толкнувъ столъ и опрокинувъ лампочку съ рефлекторомъ, которая погасла.

Тотъ, кто былъ въ жизни его братомъ и врагомъ, поднялъ его на руки и перенесъ на кресло.

Потомъ снова зажегъ лампу.

X.

Зажегъ свѣтъ для того, чтобы взглянуть на свое преступленіе. Словно одна изъ тѣхъ заводныхъ куколъ, которыя, по волѣ директора кукольнаго театра, выскакиваютъ изъ-за ширмы и мгновенно обвисаютъ и никнутъ, какъ только подадутъ свою реплику, весь вялый и обвислый, полулежалъ въ глубокомъ креслѣ Джіорджіо, свѣсивъ голову набокъ, уткнувъ подбородокъ въ подушку; руки его перевѣшивались черезъ ручки кресла, ноги были раздвинуты.

Онъ дышалъ, дышалъ часто и сильно.

Поминутно одна изъ этихъ обвислыхъ рукъ судорожно вздрагивала: сперва подпрыгивала кисть руки, потомъ дрожь подни-

м лась выше и выше, и, словно отъ толчка, дергалось плечо. Точно такъ же вздрагивали и ноги, и колѣни вгибались внутрь, какъ у разслабленнаго. Прядь волосъ упала на лобъ и въ орбитѣ глаза щекотала сомкнутое вѣко.

Тѣнь кресла и этого безформеннаго тѣла покрывала все освѣщенное пространство пола, поднималась косо къ цоколю стѣны.

Поднявъ шприцъ, выпавшій у него изъ рукъ, когда онъ бросился поднимать падающаго, Андреа Ференто промылъ его и вытеръ, снялъ иголку, взялъ кусочекъ замши и принялся полировать ее, поминутно пробуя тонкое лезвіе на ногтѣ, словно чтобъ удостовѣриться, что оно не сломано. Потомъ долго разглядывалъ его на свѣтъ, щуря глаза, и, наконецъ, положилъ въ кучу другихъ иголокъ, побольше и поменьше, завернутыхъ въ веленевую бумагу, и спряталъ въ шкатулку. Потомъ аккуратно разставилъ всѣ склянки и бутылочки въ шкафу, дотрогиваясь до нихъ съ большою осторожностью, спокойно повернулся, какъ бы окончивъ свой обычный трудъ, и машинально взглянулъ на часы.

Было уже за полночь, но онъ врядъ ли видѣлъ циферблатъ.

Потомъ машинально обошелъ всю комнату, задѣвая за стѣны; остановился у окна, разсѣянно глядя въ темноту; потомъ дошелъ до середины комнаты, гдѣ въ глубокомъ креслѣ лежалъ трагическій фантошъ, и замеръ, какъ прикованный, впившись въ него глазами.

Онъ дышалъ, но дыханіе, хоть и замѣтное, постепенно ослабѣвало.

Еще разъ взглянулъ на часы, словно считая минуты, остающіяся до наступленія смерти.

Глухой шумъ, то отдалявшійся, то приближавшійся, мѣшалъ ему думать. Онъ приложилъ ухо къ сердцу фантоша и выговорилъ вслухъ, раздѣльно:

— *Бьется.*

Хотѣлъ поднять свисшія руки, но прикосновеніе къ его кожѣ было такъ непріятно, что рѣшилъ лучше не трогать его. И обѣ руки снова упали вдоль бедеръ, ударившись о нихъ мягко, словно были въ перчаткахъ. И больше уже не шевелились.

Въ его мозгу кто-то, какъ будто чей-то чужой голосъ, внятно выговорилъ: *гробъ*...

Вначалѣ онъ мысленно только повторялъ это слово: *гробъ;* потомъ ему представился и самый предметъ—длинный деревянный ящикъ; потомъ стало ясно, что въ комнатѣ есть покойникъ, длинное тощее мертвое тѣло, изъ котораго сочится вонючая жидкость, и надо уложить, запрятать его въ этотъ ящикъ.

Мертвое тѣло... о, сколько онъ на своемъ вѣку видѣлъ ихъ, этихъ мертвыхъ тѣлъ!... Онъ началъ припоминать всѣ трупы, которыхъ онъ касался безтрепетной рукой, разсѣкая ихъ своимъ быстрымъ и вѣрнымъ скальпелемъ,—съ удивительной отчетливостью ему представлялись отдѣльныя физіономіи...

Ему, медику, мертвецы не внушали страха; въ больницахъ онъ привыкъ разговаривать громко и даже смѣяться иной разъ вблизи покойника. Но тутъ самое названіе *покойникъ* звучало какъ-то дико и странно; въ первый разъ въ жизни ему показалось, что умереть—это много больше, чѣмъ лежать холоднымъ и недвижнымъ.

И, такъ какъ умершій былъ близкимъ ему человѣкомъ, ему вдругъ стало жутко... И почему-то, какъ это иной разъ бываетъ, когда душа наша въ смятеніи и тревогѣ, въ памяти его промелькнулъ образъ лошади, которую онъ видѣлъ однажды, еще студентомъ, въ ветеринарной школѣ.

Это была жалкая, изможденная кляча, съ торчавшими наружу ребрами, больше похожая на скелетъ, чѣмъ на живую лошадь. По всей вѣроятности, извозчикъ продалъ ее за стоимость одной лишь шкуры, потому что ни вожжами, ни кнутомъ, никакими силами нельзя было ее сдвинуть съ мѣста. Школа предназначила ей участь не совсѣмъ обычную: служить объектомъ всевозможныхъ операцій, которыя надлежитъ демонстрировать на практикѣ учащимся. Надъ ея бѣдной кожей, сто разъ разрѣзанной и вновь зашитой, перепробовали всѣ виды хирургическаго лѣченія. За охапку соломы или сѣна, которую ей иногда давали въ періоды выздоровленія, ей вскрывали полость живота, разрѣзывали дыхательное горло, перерѣзывали сухожилія и зрительные нервы, продырявливали ей спину и вставляли туда длинныя трубки, какъ чулочныя спицы втыкаютъ въ клубокъ шерсти; а по окончаніи операціи тщательно зашивали рану и начинали лѣчить...

Ноги у клячи были словно каучуковыя, и на обратномъ пути изъ операціонной въ стойло она раза три-четыре падала на колѣни...

Въ тотъ день, какъ Андреа увидалъ ее, злополучная кляча испустила послѣдній вздохъ во время операціи, и всю жизнь онъ не могъ забыть ужаса и отвращенія, вызванныхъ въ немъ видомъ этой жалкой, издохшей лошади, надъ которой потѣшались ветеринары съ окровавленными скальпелями въ рукахъ.

На мигъ передъ его глазами встала теперь эта несчастная кляча, съ кожей сплошь въ заплатахъ, какъ одежда нищаго, умирающая связанной, не въ силахъ даже лягнуть своихъ мучите-

лей, лишь слегка вздернувъ кверху фіолетовую губу, открывшую желтые зубы...

Прислушался.

Джіорджіо еще дышалъ; дыханіе было замѣтное, но слабое.

Кожа на лицѣ его мѣняла цвѣтъ, свѣтлѣла; губы слегка припухали; глаза тоже, хоть и были закрыты.

— Джіорджіо!...

Онъ нарочно, чтобъ испытать себя, попробовалъ произнести это имя—и не выговорилъ, но ему казалось, что выговорилъ... среди пустоты его внутренняго міра это имя было огромной величиной, но теперь оно прозвучало странно, до дикости рѣзко, почти анормально, словно въ пустой пещерѣ.

Ему казалось, что съ начала этого вечера прошла цѣлая вѣчность.

— Чего вы хотите отъ меня?—Ну да!—Ну да, я убилъ его!—кричалъ онъ своимъ невидимымъ судьямъ,—кричалъ лишь мысленно, но ему казалось, что онъ кричитъ на самомъ дѣлѣ. Внутренно онъ какъ бы раздвоился: помнилъ, что убилъ Джіорджіо, и не зналъ, живъ онъ или умеръ; терзался мучительнымъ страхомъ—и былъ спокоенъ, какъ послѣдняя тупица; и ощущеніе у него было такое, что передъ нимъ человѣкъ, который одновременно и живъ, и мертвъ.

— Да, я убилъ его—вотъ, глядите: этой самой рукой—я—его—да, вотъ этой рукой!—Онъ сидѣлъ неподвижно, а ему казалось, что онъ мечется, кричитъ, грозитъ кулакомъ цѣлому собранію судей, толпѣ враговъ, обступившихъ его со всѣхъ сторонъ.

— Братъ, отвѣть *ты* за меня. Встань и отвѣть: развѣ не въ правѣ былъ я это сдѣлать?

Трагическая кукла въ креслѣ корчилась, какъ будто внутри ея былъ стержень, позволявшій ей отвинчивать торсъ отъ живота, шею отъ плечъ и перекручивать все это самымъ причудливымъ образомъ. Уста ея теперь смѣялись, на распухшихъ деснахъ выступила пѣна. Во всю длину шеи вздулась толстая жила, натянутая, какъ резина; руки судорожно ловили воздухъ; ноги дрыгали, зловѣще скрипя каблуками. Струйка слюны изо рта текла на пиджакъ—врачъ замѣтилъ это и вытеръ ее.

За стеклами слегка овальныхъ оконъ сіяли звѣзды, словно свѣтящіеся червячки въ кустахъ. Дивная, благоуханная ночь...

„Сколько лѣтъ пройдетъ?...“ — „Лѣтъ, говорите вы?“ — „Да, лѣтъ“.—„Прежде чѣмъ что?“—„Прежде чѣмъ ты вернешься къ жизни“.—„А это что же—развѣ не жизнь?“—„Нѣтъ, это наважденіе“.—„Наважденіе?...“

А тотъ другой, врачъ, въ это время выслушивалъ сердце куклы.

И снова судорога пробѣжала по тѣлу фантоша, словно кто-то ударилъ его кулакомъ въ затылокъ, позвоночникъ его изогнулся, какъ на шарнирѣ, а затѣмъ свело и все тѣло. Руки съ сжатыми кулаками тянулись къ колѣнямъ; ноги внезапно выпрямились, вытянулись во всю длину, словно давъ кому-то пинка въ пустотѣ; животъ втянулся подъ ребра, какъ мѣхъ, изъ котораго выжали воздухъ: тѣло все качнулось и перегнулось набокъ; подбородокъ свѣсился косо на грудь...

Словно актеръ, стоявшій за ширмой, такъ рванулъ проволоки, что онѣ сразу всѣ лопнули, и даже слышно было, какъ. Особенный такой звукъ, непохожій ни на какой другой, отрывистый и слабый, но болѣе внятный, чѣмъ грохотъ металла, беззвучный—и полный всѣхъ тѣхъ звуковъ, изъ которыхъ слагается дыханіе жизни.

Недвижный теперь фантошъ весь вдругъ преобразился, на глазахъ: цвѣтъ его, форма, вѣсъ, весь внѣшній обликъ, атмосфера, окружающая его,—все измѣнилось.

Другой человѣкъ, врачъ, долго держалъ въ рукѣ его руку, силясь различить біеніе пульса, котораго не было; потомъ прижался ухомъ къ сердцу фантоша и, вдругъ отпрянувъ назадъ, выговорилъ отчетливо:

— Нѣтъ!

И весь домъ, отъ стѣны до стѣны, отъ подвала до чердака, казалось, вдругъ огласился неистовой, бѣшеной пѣснью:

...Я—странникъ, не знающій цѣли, идущій изъ царства умершихъ навстрѣчу далекимъ потомкамъ, чьи души уже отлетѣли...

XI.

Нести на рукахъ трупъ человѣка, убитаго вами, на это не у каждаго хватитъ мужества, ибо думать о томъ, какъ распорядиться со своею жертвой, вообще что бы то ни было дѣлать съ нею—значитъ длить настроеніе убійства, которое обыкновенно мимолетно.

Теперь, когда наважденіе разсѣялось, Андреа очутился глазъ на глазъ съ убитымъ: уже не назойливые кошмары, не таинственные голоса и не воображаемая музыка въ большомъ спящемъ домѣ, а логически разсуждающій человѣкъ передъ загромоздившимъ комнату трупомъ.

Крайнимъ напряженіемъ воли, свойственнымъ только хорошо

дисциплинированнымъ людямъ, онъ заставилъ себя отогнать въ самый отдаленный уголокъ мозга навязчивыя мысли и видѣнія, одолѣвавшія его, и всю ясность ума сосредоточить на одной необходимости: скрыть слѣды совершоннаго преступленія и обставить смерть этого человѣка естественно. Нужно было героическое усиліе, чтобы на мигъ убить въ себѣ всякія ощущенія и чувства и жить исключительно мозгомъ; подавить угрызенія, ужасъ, ошеломленіе, страхъ, забыть на время самое имя умершаго, чтобы возсоздать по возможности правдоподобно картину смерти съ его безмолвнымъ и покорнымъ трупомъ.

Прежде всего, надо убрать его изъ этой комнаты, взять на руки и въ темнотѣ, безшумно, перенести по коридору въ спальню и положить на кровать. Все это представлялось Андреа совершенно яснымъ, какъ бы рядъ поступковъ, которые надлежало совершить другому, и онъ энергично приказалъ себѣ: „Повинуйся!“

Мертвецъ лежалъ посрединѣ комнаты; неуклюжая тѣнь его ложилась на стѣну и на полъ; Андреа стоялъ въ этой тѣни, и ему казалось, что она связываетъ его ноги, такъ что понадобилось напрячь мышцы, чтобъ отдѣлиться отъ нея. Тѣнь, притягивавшая его къ себѣ, державшая его, какъ добычу, была плащемъ, коварно брошеннымъ на землю, чтобы прикрыть его и ужъ не выпустить.

Онъ думалъ о томъ, что надо погасить свѣтъ, чтобъ тѣнь исчезла, да и нехорошо, что его окно такъ долго освѣщено—вѣдь изъ сада виденъ свѣтъ. И, съ усиліемъ отдѣлившись отъ нея, словно человѣкъ, ноги котораго вязнутъ въ глубокомъ илѣ, подошелъ къ окну—посмотрѣть, достаточно ли будетъ свѣта звѣздъ для того, чтобы сдѣлать то, что надо было сдѣлать, въ темнотѣ.

Разсѣянный лунный свѣтъ озарялъ между деревьями магнолію съ блестящею листвой; надъ мощными вѣтвями слегка покачивались огромные цвѣты, бѣлые и сладострастные, какъ напудренная грудь, словно уснувшіе на лонѣ дремлющихъ водъ.

За стеклами окна не слышно было запаховъ весенней ночи, но ароматъ цвѣтовъ магноліи, словно фонтанъ, струившихъ въ воздухѣ благоуханіе, все же пахнулъ ему въ лицо, такой сильный, что у него закружилась голова. Этотъ ароматъ, и игра луннаго свѣта на листьяхъ магноліи, и вся эта голубая тихая ночь—все это опять-таки были образы вещей, запретныхъ для него, сирены, силящіяся околдовать, манящія предаться сладости забвенія...

— Да,—сказалъ внутри его властный голосъ,—да, свѣтъ погасить можно.

Онъ отошелъ отъ окна къ столу, на каждомъ шагу запинаясь, какъ упрямое животное, и, дотронувшись пальцами до выключателя, замѣтилъ, что рука его нетверда.

— Ты дрожишь.

Неужто это слово, ненавистное ему, онъ теперь примѣнилъ къ себѣ?

— Нѣтъ, не дрожу.

И онъ быстро повернулъ выключатель.

Словно черныя портьеры спускались съ потолка, одна за другой, одна на другую, тяжелыя, огромныя, какъ погребальный покровъ...

Теперь онъ ничего уже не видѣлъ, одинокій, затерянный среди абсолютной тишины, абсолютнаго мрака.

Ледяными пальцами онъ протеръ себѣ глаза—ему казалось, что этотъ пологъ тьмы сгущается въ немъ самомъ, а не вокругъ него... красныя пятна запрыгали передъ глазами, и тогда онъ началъ видѣть—различать окно, чуть голубѣвшее во тьмѣ, высокую бѣлую стѣну, мебель и тѣнь—недвижную темную тѣнь посрединѣ комнаты... И еще увидѣлъ—нѣчто ужасное: лицо трупа на спинкѣ кресла, судорожно перекошенное не то смѣхомъ, не то рыданіемъ.

И тутъ впервые сердце его, то замиравшее, то бившееся съ невѣроятной быстротой, познало страхъ. Онъ отшатнулся въ ужасѣ, машинально нащупывая рукой источникъ свѣта.

— Ты дрожишь! Ты боишься!—саркастически кричалъ въ немъ злобный голосъ.

— Нѣтъ.

Онъ напрягъ всѣ мускулы, выпрямился, словно услышавъ вызовъ. Въ кончикахъ пальцевъ и въ вискахъ его стучала кровь; комната вся ходуномъ ходила подъ ногами.

Но онъ все же заставилъ себя вторично посмотрѣть на эту конвульсивную улыбку, пугавшую его, и выдержалъ испытаніе.

Теперь онъ уже видѣлъ, что это не смѣхъ, а судорога, въ которой было что-то и злобное, и вмѣстѣ съ тѣмъ инертное. И разсуждалъ съ самимъ собой, чтобъ подбодрить себя:

— Это мертвецъ, какихъ я видѣлъ сотни... прахъ и тлѣнъ... безчувствіе, безмолвіе, конецъ...

Но ему казалось, что это не такой же мертвецъ, какъ тѣ, другіе, не клочекъ бездушной матеріи, что онъ не молчитъ и для него не все еще кончено.

Привыкшій обособлять работу мозга отъ обмановъ чувствъ, онъ убѣждалъ себя, приводилъ доводы:—Это ты самъ, твои взволнованныя чувства придаютъ ему видимость жизни. Но это все же—мертвая матерія, безъ всякихъ возможностей проявить себя, и бояться ея нечего.

По аналогіи ему представилась опять сардинская кляча, издохшая во время операціи, и рядомъ хохочущіе ветеринары.

— Берегись!—предостерегъ его внутренній голосъ.—Время бѣжитъ.

У него, дѣйствительно, было нематеріальное ощущеніе чего-то непрерывно текущаго, убѣгающаго—Времени, и такимъ ничтожнымъ показалось ему вдругъ это преступленіе, не смогшее даже и на одинъ мигъ задержать его бѣга.

Бдительный, настороженный, онъ подошелъ къ двери и прислушался; повернулъ ключъ въ замкѣ, осторожно, чтобы не щелкнула пружина, чуть пріотворилъ дверь и прислушался. Струйка воздуха, проникшаго въ щель, тихонько шумѣла у него въ ухѣ; но больше никакихъ звуковъ въ спящемъ домѣ не было, кромѣ тѣхъ, неуловимыхъ и неопредѣленныхъ, которые говорятъ о присутствіи въ домѣ живыхъ существъ.

Онъ вышелъ въ коридоръ, дошелъ до площадки лѣстницы—и почти радостно расправилъ члены и вздохнулъ полной грудью, какъ вздыхаетъ человѣкъ, котораго начали душить и вдругъ отпустили.

— Осторожнѣй!...—шепнулъ онъ самому себѣ... сапоги...

Сапоги поскрипывали чуть-чуть, но ему казалось, что очень громко. Медленно, осторожно онъ добрался до двери комнаты Джіорджіо и безшумно отворилъ ее настежь, чтобы путь былъ свободенъ, когда онъ вернется съ трупомъ. Подошелъ къ кровати—посмотрѣть, какъ надо положить покойника, и, когда увидѣлъ на подушкахъ и матрацѣ глубокую впадину, оставленную тѣломъ больного, ему показалось, что онъ уже держитъ на рукахъ мертвеца и ощущаетъ его тяжесть, и холодокъ пробѣжалъ по его жиламъ.

Онъ отвернулъ одѣяло и неслышно вернулся тѣмъ же путемъ, крадучись вдоль стѣнъ, какъ воръ, удерживая дыханіе, настороженный и пугливый.

— А если кто-нибудь выйдетъ въ коридоръ въ то время, какъ я буду итти съ моей ношей?

— Торопись!—скомандовалъ голосъ.—Скорѣй!

Снова вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ мертвецъ, почти ожидая найти въ ней перемѣну, готовый предположить самое нелѣ-

пое, самое невѣроятное—что мертвеца въ ней больше нѣтъ. Но онъ лежалъ попрежнему, наискось поперекъ кресла, голову откинувъ на подушку, свѣсивъ руки съ стиснутыми кулаками, раздвинувъ ноги, сближенныя въ колѣняхъ. Ужасъ! И это жалкое тѣло, казалось, такъ давно уже умершее, ему надо взять на руки, прижать къ своей груди и нести... какой ужасъ!...

Попробовалъ подойти—и отшатнулся назадъ, словно противясь невидимой рукѣ, толкавшей его къ мертвецу.

Но во́-время вспомнилъ, что его сапоги скрипятъ, снялъ ихъ и ощупью нашелъ возлѣ кровати войлочныя туфли. Теперь все было готово... но вдругъ ему показалось, что онъ никогда не сможетъ пройти этого коротенькаго разстоянія, отдѣлявшаго кресло отъ кровати... Шире раскрылъ глаза—и почувствовалъ въ зрачкахъ ощущеніе холода... Думалъ: а что, если у него нехватитъ мужества, если въ рукахъ его нехватитъ силы поднять эту тяжесть?... Бездна изумленія и ужаса разверзлась въ его душѣ.

— Такъ, значитъ, есть такое, на что я не могу дерзнуть?—Не можетъ быть!—Ты, не вѣрящій въ божественность смерти, неужели же ты не посмѣешь сдѣлать то, что дѣлаетъ всякій могильщикъ, и струсишь, какъ баба? Что тебѣ мѣшаетъ поднять его? Сверхъестественныя силы? Сверхъестественнаго нѣтъ на свѣтѣ... Впередъ!

Впередъ!—приказывалъ онъ подгибавшимся колѣнямъ, непослушнымъ ногамъ въ войлочныхъ туфляхъ и еще настойчивѣй—сердцу, которое колотилось въ груди.

— Ты губишь себя и ее... Кого?—*Ее!*

Онъ представилъ ее себѣ спящей, въ постели, съ разметавшимися роскошными косами... А можетъ быть, она не спитъ сейчасъ и сидитъ на кровати, закрывъ руками лицо, и, въ свою очередь, думаетъ о томъ, что ей надо убить себя...

— Впередъ! Это необходимо.

Но какъ онъ ни вбивалъ себѣ въ мозгъ это слово, ощущенія необходимости не получалось. Ему казалось, что онъ идетъ, а онъ стоялъ на мѣстѣ; казалось, что онъ наклоняется надъ трупомъ, поднимаетъ его и отъ ужаса пятится назадъ—а онъ стоялъ, не двигаясь. Въ то время какъ мозгъ его напрасно силился справиться съ ослабѣвшей волей, ему почудился шумъ.

Онъ вспомнилъ о раскрытыхъ дверяхъ, и физическій инстинктъ самозащиты сразу подбодрилъ его.

Онъ мгновенно нагнулся надъ мертвымъ... но зубы его скрежетали, руки не гнулись, висли, словно свинцовыя, въ каждомъ позвонкѣ спинного хребта сверлила острая боль.

Тѣмъ не менѣе онъ твердилъ себѣ:

— Или перенесу его туда, или умру.

Продвинулъ въ дверь сначала голову покойника, потомъ его туловище... въ коридорѣ итти будетъ ужъ легче...

— Такъ, такъ...

Каблуки мертвеца больно били его по ногамъ, острый локоть врѣзывался въ бокъ. Онъ не зналъ, медленно или быстро онъ идетъ, но коридоръ казался ему безконечнымъ, и онъ никакъ не могъ найти двери. Однако, въ концѣ-концовъ, увидѣлъ слабый свѣтъ, проникавшій въ коридоръ изъ комнаты больного.

— Такъ, такъ...

Въ дверь просунулъ сперва ноги, потомъ туловище; кое-какъ положилъ тѣло на кровать и поскорѣй вернулся запереть дверь. Ему вдругъ стало весело; захотѣлось даже пошутить надъ собой, надъ своимъ побѣжденнымъ страхомъ; онъ дотронулся сперва до одной своей руки, потомъ до другой, потомъ до лба, слегка вспотѣвшаго.

— Спасенъ!

— Нѣтъ еще,—подсказалъ голосъ.—Надо раздѣть его.

Да, надо—надо придать смерти такой видъ, какъ будто Джіорджіо умеръ тихо, въ своей постели.

— Раздѣнь его.

— Да, раздѣваю. Смотри; теперь это легко.

Мертвецъ лежалъ наискось поперекъ кровати, такъ что ноги его свѣшивались. Андреа сталъ на колѣни и стащилъ съ него ботинки, неспѣша, какъ будто торопиться было некуда, затѣмъ снялъ и чулки и положилъ то и другое, аккуратно сложеннымъ, на обычное мѣсто.

И раздѣвавшій его, теперь ужъ безъ страха, медлилъ, приглядываясь къ этому угасшему мужскому естеству и вызывая передъ собой образъ женщины, которой обладалъ покойникъ. И ему казалось, что она стоитъ въ углу, безмолвная, и раздѣвается донага, чтобы во всей своей красѣ присутствовать при эпилогѣ ихъ человѣческой трагедіи.

Эта мысль испугала и ужаснула настолько, что, утративъ представленіе о времени, онъ сталъ дѣлать все медленно и осторожно, какъ будто можно было медлить. И все время тщательно провѣрялъ себя, какъ бы чего не забыть, какъ бы не оставить въ комнатѣ Джіорджіо чего-нибудь такого, чего тамъ обыкновенно не бывало и присутствіе чего трудно было бы объяснить.

Особенно трудно было снять пиджакъ; руки мертвеца не

только остыли уже, но и успѣли окоченѣть, и большихъ усилій стоило вынуть ихъ изъ рукавовъ.

Это взяло много времени, и онъ чуть было не разорвалъ матеріи, но когда мертвый остался, наконецъ, въ одной сорочкѣ, Андреа снова вздохнулъ съ облегченіемъ—страшная работа, казалось, идетъ къ концу. Теперь оставалось только укрыть его одѣяломъ и придать постели такой видъ, какъ будто Джіорджіо умеръ на ней.

Но внутренній голосъ все время твердилъ ему: „Слѣди! Слѣди! Не забудь по разсѣянности о какой-нибудь мелочи, которая такъ часто служитъ ключомъ къ разгадкѣ самыхъ запутанныхъ преступленій". И не безъ труда, почти физическимъ усиліемъ, онъ заставлялъ вниманіе свое сосредоточиваться только на этомъ одномъ, въ то время какъ мысли его разбѣгались.

Онъ подошелъ къ окну, чтобы разсмотрѣть пиджакъ на свѣту, не осталось ли на немъ какого-нибудь отпечатка, волоска, пятна слюны, чужого запаха,—все могло оказаться уликой. Поворачивалъ его со всѣхъ сторонъ, смотрѣлъ, нюхалъ; отъ пиджака шелъ легкій запахъ камфоры, ничего больше... Андреа сталъ соображать, гдѣ больной обыкновенно держалъ этотъ пиджакъ.

— Въ шкафу, кажется... ну да, въ шкафу... и складывалъ, не вѣшалъ на крючокъ... Развѣ не помнишь?... Вѣрно... такъ.

Сложилъ пиджакъ наизнанку, рукавами внутрь, пригладилъ посрединѣ и положилъ въ шкафъ, на ту самую полку, гдѣ столько разъ видѣлъ его...

Замѣтилъ, что тяжело дышитъ, и принялся тихонечко насвистывать сквозь зубы, словно чтобы подбодрить, убѣдить себя, что то, что онъ дѣлаетъ, вполнѣ естественно.

Заперъ дверцы шкафа и оглядѣлся: больше дѣлать было нечего; оставалось только уложить мертвеца въ постель. Прижимая руку ко лбу, онъ силился представить себѣ, какимъ бы онъ нашелъ Джіорджіо утромъ, войдя къ нему, если бы тотъ, дѣйствительно, умеръ ночью. И отчетливо представить не могъ. Тогда началъ припоминать другихъ покойниковъ, которыхъ онъ видѣлъ при такихъ же обстоятельствахъ. Одно за другимъ выплывали передъ нимъ позабытыя лица труповъ...

„Люди умираютъ такъ разно..."—думалъ онъ. Но раздумывать казалось ему безполезнымъ: медлить дольше было невозможно.

Подошелъ къ кровати, и такъ какъ одѣяло было уже отвернуто наполовину, безъ труда вытащилъ его изъ-подъ трупа и отвернулъ совсѣмъ. Взбилъ подушки; потомъ взялъ покойника

за ноги и переложилъ ихъ на постель. Голова мертвеца уткнулась въ подушки; тогда онъ приподнялъ туловище и снова бросилъ его, чтобы голова приняла естественное положеніе. Затѣмъ взялъ обѣ руки, и не зналъ, какъ положить ихъ: пробовалъ на разные лады, все выходило неестественно.

Наконецъ, подумалъ, что лѣвая должна отодвигать одѣяло, правая же—тянуться къ горлу, словно борясь съ удушьемъ.

Увидѣлъ на ночномъ столикѣ часы съ блестящей золотой цѣпочкой, и тутъ только замѣтилъ, что они не переставали тикать, а раньше не слыхалъ этого. Въ стеклянномъ графинѣ блестѣла прозрачная вода; при видѣ воды ему захотѣлось пить.

— Прощай!—мысленно выговорилъ онъ, самъ не зная, зачѣмъ, самъ не зная, какъ пришло ему на умъ это слово. И это маленькое словечко кольнуло его въ сердце острой болью, и ему показалось вдругъ, что онъ не можетъ покинуть усопшаго, потому что теперь онъ уже не боялся его, а любилъ.

Передъ нимъ былъ снова прежній его другъ и братъ, который звался Джіорджіо, не убитый его рукой, а умершій, лежащій на смертномъ одрѣ.

Самъ не зная, зачѣмъ, положилъ ему руку на холодный лобъ и уже не мысленно, а губами выговорилъ:

— Покойся въ мирѣ.

Луна, достигшая высшаго предѣла своего пути, заливала всю комнату голубымъ свѣтомъ, и на одѣялѣ лежалъ свѣтлый кругъ.

XII.

Отъ комнаты Джіорджіо до той, гдѣ совершилось убійство, путь былъ не долгъ, но пока Андреа прошелъ его, его преступленіе успѣло отойти для него въ область прошлаго, превратиться въ далекое воспоминаніе. И когда онъ увидѣлъ кресло, такъ и оставшееся посрединѣ комнаты, это кольнуло его въ сердце непредвидѣнной реальностью, такъ ошеломило, что онъ сразу рѣшился войти.

— Я—Андреа Ференто,—разсказывалъ онъ самому себѣ,—человѣкъ, у котораго на совѣсти убійство,—человѣкъ, который отнынѣ долженъ будетъ жить неразлучно съ памятью свершеннаго.

— Ну, такъ что же?—отвѣчалъ онъ самъ себѣ.—Жизнь идетъ своимъ чередомъ; незыблемый порядокъ вещей не нарушенъ. Только земля поглотитъ однимъ гробомъ больше. Твой путь теперь свободенъ. Иди.

Ему часто случалось такъ бесѣдовать съ самимъ собой, какъ

бы ведя споръ между двумя несогласными, съ цѣлью выяснить, кто изъ нихъ правъ.

Путь свободенъ... Да, повидимому,—очищенъ отъ препятствій, легокъ и лучезаренъ. Теперь нужно только устранить ближайшее препятствіе—вотъ это кресло, которое загораживаетъ дорогу, отбрасывая отъ себя такую причудливую тѣнь, эту мебель изъ дерева и кожи, какъ будто еще держащую въ своихъ опустѣвшихъ объятіяхъ невозможный кошмаръ, призракъ убитаго. Нужно прежде всего снять съ этой бездушной вещи всякій налетъ трагизма, толкнуть ее ногой на ея обычное мѣсто, чтобы она снова стала служебной вещью, безмолвной и послушной. Вообще, не слѣдуетъ приписывать ни этой „вещи", ни другимъ своихъ собственныхъ, человѣческихъ переживаній, надѣлять собственнымъ голосомъ нѣмую матерію, населять пустое пространство призраками, зародившимися въ собственномъ мозгу.

— Отнынѣ,—говорилъ онъ себѣ,—у меня можетъ быть одинъ лишь врагъ: я самъ. И потому мнѣ необходимо зорко слѣдить за собой и обращаться съ собою, какъ съ опаснымъ противникомъ. Ты—не ничтожество, вѣчно непослѣдовательное и колеблющееся: путь свободенъ, иди!

И, взявшись за ручки кресла, онъ сердито отодвинулъ его въ тотъ уголъ, гдѣ оно обыкновенно стояло, объемистое и благодушное, готовое принять на отдыхъ усталаго. Затѣмъ, ощутивъ потребность вздохнуть полной грудью, распахнулъ окно.

Въ его душѣ всталъ образъ той, кого онъ любилъ, вѣнецъ его грѣха.

Въ его душѣ она была поистинѣ царицей и единственной: выше всего, выше даже отрицанія. Если вся его жизнь, гордая, властная, посвященная умственному труду, говорила противъ такой беззавѣтной самоотдачи, если холодный умъ его могъ улыбаться надъ этимъ маленькимъ словечкомъ: *любовь*, то другая душа, сидѣвшая въ его душѣ, другое сердце въ его сердцѣ дали ей побѣдить себя, не мало-по-малу, не крадучись, но сразу, и не со страхомъ, но съ радостью, съ восторгомъ блаженства.

Въ мозгу ясно и отчетливо встала увѣренность:

— *Она моя.*

Этотъ трагическій вечеръ соединилъ ихъ неразрывно. Онъ можетъ, долженъ теперь же, безотлагательно сказать ей, что ничто больше не стоитъ между ними и долго жданнымъ счастьемъ. Да и помимо того надо позвать ее, чтобы вмѣстѣ просидѣть эту долгую ночь, вдвоемъ, безмолвно прижавшись другъ къ другу, въ сосѣдствѣ смерти, при свѣтѣ звѣздъ.

Весь этотъ день онъ такъ враждебно относился къ ней, что она, навѣрно, не посмѣетъ сама прійти къ нему, какъ въ предъидущія ночи, когда больной уснетъ, или иной разъ на разсвѣтѣ.

— Надо позвать ее.

И онъ отошелъ отъ окна.

Но его волновала мысль, что онъ найдетъ ее въ постели, раздѣтой; казалось невѣроятнымъ, что онъ еще когда-нибудь увидитъ ее, будетъ говорить съ ней, главное—скажетъ ей то, что сказать необходимо. И все же онъ дошелъ до ея двери, отворилъ ее,—она тотчасъ проснулась и повернулась въ постели.

— Ты спишь?—сдавленнымъ голосомъ шепнулъ онъ.

— Это ты, Андреа? Я только что уснула.

— Встань!

Въ его голосѣ она разслышала что-то необычное.

— Почему ты стоишь въ дверяхъ? Войди.

Онъ повиновался и перешагнулъ порогъ, но дальше не пошелъ. Приподнявшись на подушкахъ, она рукой поманила его къ себѣ.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ему худо?

— Кому?

— Да... Джіорджіо.

Онъ отвѣтилъ не сразу и отвѣтилъ однимъ только словомъ:

— Вставай.

Она откинула одѣяло, спустила съ кровати бѣленькія ножки, ища ими туфель на коврѣ.

— Мой халатикъ... дай мнѣ мой халатикъ, онъ тамъ, на вѣшалкѣ,—попросила она, чтобы не встать въ одной рубашкѣ.

Тутъ только Андреа увидѣлъ халатикъ, снялъ его и подалъ ей, но вмѣсто того, чтобы одѣть ее, ему захотѣлось сжать ее въ объятіяхъ, покрывая бѣшеными поцѣлуями. Но этого онъ не сдѣлалъ. Молодая женщина накинула на себя халатикъ и, тревожно глядя на него, допытывалась:

— Что съ тобою? Что случилось?

— Идемъ!—сказалъ онъ, поворачиваясь къ двери.—Идемъ.

Легкой поступью, чуть шелестя шелкомъ,—но въ тишинѣ и этотъ шелестъ казался громкимъ,—она шла за нимъ по коридору и вслѣдъ за нимъ вошла въ его комнату; онъ заперъ дверь.

Здѣсь было свѣтлѣе, и она испугалась, увидѣвъ его лицо, мертвенно блѣдное, съ расширенными зрачками, такъ сильно измѣнившееся, словно передъ нею былъ другой человѣкъ. Въ ужасѣ схватила его за руку:

— Что съ тобой? Что съ тобой?

Онъ хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла гримаса...

До сихъ поръ онъ былъ одинъ, и такъ странно было имѣть передъ собой живого свидѣтеля. Какъ разно звучало слово „умеръ“ въ безмолвіи его собственной души и теперь, когда надо было сказать его вслухъ другому, какъ вѣсть о непоправимомъ.

„Умеръ“—два быстрыхъ слога, пять буквъ азбуки, а сколько въ нихъ значенія! Слово, ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ, когда оно—только образъ, но холодное, тяжелое, рѣшительное, когда оно сказано о трупѣ, когда оно опускается, какъ подстрѣленное крыло...

— Что съ тобою, милый? Скажи, не пугай меня.

И въ этомъ голосѣ былъ тотъ же ароматъ духовъ, то же дыханіе соблазна. Какъ нѣжно очерчены губы, влажно-алыя, и въ волосахъ, и во всей фигурѣ, отъ головы до ногъ, какое страшное обаяніе, сколько нѣги, сколько сладострастія!...

— Теперь она моя.

Эта мысль опьянила его, пробѣжала въ его жилахъ приливомъ новыхъ силъ, застучала въ виски побѣдной музыкой, брызнула свѣтомъ изъ глазъ.

Онъ въ обѣ руки взялъ ея лицо и нагнулся надъ нею, словно гипнотизируя:

— Осторожнѣй. Не кричи... случилось ужасное... смотри же: будь осторожна...

И, отчеканивая каждый слогъ, выговорилъ:

— Мужъ твой умеръ.

И, еще не договоривъ, прижалъ ея лицо къ своей груди, а другой рукой, какъ плащомъ, накрылъ ея голову, чтобы заглушить крикъ.

Но услышалъ только легкій хрипъ, какъ у человѣка, которому нечѣмъ дышать, и отпустилъ; и тотчасъ же, нагнувшись къ ея уху, медленно, размѣренно повторилъ:

— Онъ умеръ; я нашелъ его на постели... мертвымъ.

Она отшатнулась, и на мигъ всѣ линіи ея лица застыли, словно въ безмѣрномъ изумленіи; потомъ инстинктивно отошла отъ него дальше въ глубину оконной ниши, ударившись объ оконную раму, но не вскрикнула.

Позади нея кроткое зеркало стекла отразило красивый абрисъ ея затылка, темный узелъ волосъ, казалось, искрившихся въ лунномъ свѣтѣ. Между ними осталось свободное пространство — необходимая грань въ этотъ моментъ, когда души ихъ отдалились одна отъ другой.

И вдругъ, она вся задрожала, бормоча, какъ въ бреду, безсвязныя слова, силясь повторить фразу, которая не выговаривалась, вникнуть въ ея смыслъ, уяснить испуганной душѣ страшную правду.

— Умеръ... умеръ...

Когда онъ ей сказалъ о смерти Джіорджіо, первымъ ея движеніемъ было отстраниться отъ него, первымъ отвѣтомъ — слезы. Значитъ, она огорчена? Значитъ, она не хотѣла, чтобъ мужъ ея умеръ?... Ея глаза не вспыхнули радостью. Нѣтъ, первое, что она сказала, было: „Не можетъ быть. Неправда"... Это было все равно, что попытка оживить умершаго... а отъ него, отъ Андреа, она отстранилась, словно инстинктивно ужаснувшись прикосновенія къ рукѣ убійцы...

Или, можетъ быть, она просто растерялась въ первый моментъ, не поняла, и ей нужно время, чтобъ повѣрить, чтобъ усвоить себѣ значеніе этихъ двухъ жестокихъ словъ: *онъ умеръ?*...

Она, дѣйствительно, не поняла, или, вѣрнѣе, была слишкомъ ошеломлена. Но теперь, чтобы понять, представила себѣ Джіорджіо недвижнымъ, похолодѣвшимъ, вытянутымъ на кровати... никогда больше онъ не шевельнетъ рукой, чтобъ подозвать ее, никогда больше не скажетъ: Новелла...

И, представивъ, испугалась, и снова придвинулась къ милому, схватила его за руку ледяной рукой, словно ища защиты въ его силѣ.

— Почему онъ умеръ? Почему?...—лепетала она.

Она не сумѣла выразить своей мысли: хотѣла спросить: Какъ? Когда? Давно ли? Отчего онъ умеръ? И сейчасъ же поправилась:— Гдѣ?—и пугливо прижалась къ нему, словно боясь, что мертвый здѣсь, близко, и можетъ увидѣть.

Андреа пояснилъ коротко и спокойно:

— Я вошелъ—вижу, онъ лежитъ на кровати; окликнулъ— онъ не отозвался; дотронулся до него—онъ холодный...

— Нѣтъ! — вскрикнула она, но уже по-другому... И отъ ея груди пахнуло на Андреа запахомъ ея кожи и духовъ.

Сама не зная, почему, она почувствовала, что не надо никому говорить объ этомъ, надо молчать, не будить никого до утра и сохранить между ними двумя эту страшную тайну... Но едва почувствовала, какъ стала заставлять себя думать какъ разъ обратное—что надо всѣхъ созвать, поднять на ноги домъ.

— Папочкѣ надо...—начала было она.

Но онъ крѣпко сдавилъ ея плечо:—Нѣтъ, молчи!

— Почему?

Не зная, что отвѣтить, онъ сказалъ:—Подождемъ.

Теперь она уже не плакала; только дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, отъ пятокъ до затылка, и комокъ въ горлѣ то расплывался, то давилъ и тѣснилъ дыханіе. Сообразивъ, что этотъ запретъ можетъ ей показаться страннымъ, Андреа началъ объяснять, почему лучше подождать.

— Потомъ мы позовемъ ихъ, но сейчасъ я такъ ошеломленъ, что не могу ни съ кѣмъ говорить, кромѣ какъ съ тобой. Да и ты сама...

— Да, да, и я...—поддакнула она, обрадовавшись, что они заодно и въ этомъ.

Но ему и это объясненіе, всетаки, казалось недостаточнымъ, и онъ добавилъ:

— Я хотѣлъ первой сказать тебѣ, чтобы завтра утромъ, когда всѣ придутъ, мы были подготовлены, а то мы...

— Да, да, ты правъ.

И тутъ въ ея глазахъ блеснулъ тотъ лучъ радости, котораго онъ напрасно ждалъ въ первую минуту, и она крѣпче сжала его руку. Только теперь она смогла заглянуть дальше этой смерти...

Еще крѣпче прильнула къ нему, шепча:

— Мнѣ страшно...

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ чистымъ поцѣлуемъ ободренія и покровительства, любовно, но безстрастно, чтобы ласка не показалась ей грѣховной.

Новелла закрыла глаза и задумалась. Въ ея думахъ смерть уже прошла мимо, стала далекимъ словомъ, безшумно удаляющимся летомъ черныхъ крыльевъ. Она не отдавала себѣ отчета въ томъ, что теперь она свободна и вольна цѣликомъ отдаться любви, но ей казалось, что другая женщина, похожая на нее, сестра ея души, уже живетъ въ пьянящей атмосферѣ безграничной свободы, и въ ея запуганномъ сердцѣ начинаетъ биться другое, вольное и радостное.

Она знала, что нехорошо имъ стоять такъ, обнявшись, и нѣжному тѣлу ея было больно отъ вдавливавшагося въ него сильнаго плеча, но не могла оторваться—только *его* прикосновеніе защищало ее отъ страха; и онъ, въ свою очередь, не могъ ни оттолкнуть ее, ни какимъ-либо движеніемъ нарушить эту слишкомъ сладостную близость.

Ему казалось, что между ними всегда будетъ стоять этотъ мертвецъ, въ смерти котораго повиненъ только онъ одинъ, который вѣчно будетъ лежать только въ его сердцѣ. Онъ почти винилъ ее за то, что она такъ прекрасна и остается женщиной для

него и возлюбленной даже въ этотъ страшный часъ, что запахъ ея живаго тѣла вытѣсняетъ тошнотворный запахъ трупа—воображаемый запахъ, который онъ тѣмъ не менѣе временами ощущалъ совершенно явственно. И для него тоже стушевывались грани и различія: ея нагое тѣло облекалось въ погребальный саванъ, и образа мертвеца онъ никакъ не могъ отдѣлить отъ ея соблазнительной наготы.

За все время, что онъ любилъ ее, онъ не зналъ ревности, ни разу не подумалъ, что она можетъ оторваться отъ него, уйти къ другому; но теперь, когда онъ сталъ убійцей, онъ понималъ, что это можетъ вырвать ее изъ-подъ его власти, вызвать въ ея душѣ непредвидѣнную враждебность къ нему—даже, если она не будетъ знать—просто потому, что *это было*, и, представивъ себѣ, что ее можетъ взять другой мужчина, содрогнулся отъ страха и ярости.

Подъ вліяніемъ этой мысли онъ привлекъ ее къ себѣ, какъ бы охраняя, такъ близко, что почувствовалъ на губахъ теплоту ея губъ. Нѣжная, пышная грудь прижалась къ его груди; молодая женщина откинулась назадъ, тяня его къ себѣ; ея медлительныя руки переплелись въ усталый и крѣпкій узелъ на его затылкѣ...

— Ты...—заговорилъ онъ, какъ бы ища спасенія въ словахъ,— ты понимаешь, что случилось?

Она отвѣтила только: „Молчи“, и опустила рѣсницы, словно не смѣя изъ суевѣрія говорить о такомъ огромномъ счастьѣ, чтобъ не спугнуть его. Но тотчасъ же раскаялась въ своемъ молчаніи.

— Я только сейчасъ поняла—не тогда,—теперь, когда ты обнялъ меня...

— Ты любила его?

— Да, какъ бѣднаго друга—какъ покорная рабыня... Развѣ ты не знаешь?

Онъ молчалъ; лобъ его мрачно нахмурился.

— А ты?—спросила она, помолчавъ.

— Что я?

— Ты любилъ его?

Онъ выпрямился, какъ бы обуздывая стальнымъ мундштукомъ непокорную волю, и воскликнулъ порывисто, рѣзко:

— Нѣтъ! Я ненавидѣлъ его.

Она вся содрогнулась, словно отъ поцѣлуя сзади, въ шею.

— Какъ ты думаешь: онъ очень страдалъ?

— Совсѣмъ нѣтъ или очень мало; лицо у него было спокойное.

И тутъ онъ ей представился мертвый, недвижный, но спокойный, только чуть искривлены болью углы рта, чуть вспухли сомкнутыя вѣки... Смерть казалась ей лишь безмѣрной усталостью, и въ первый разъ, съ того момента, какъ ей сообщили о смерти мужа, она увидѣла его лицо...

Она сразу поняла, что она тоже не любила его.

И вдругъ, словно подчиняясь чужой волѣ, сказала:

— Пойдемъ посмотримъ на него.

— Да?... Ты хочешь?...—растерянно пробормоталъ онъ.

Но тотчасъ же подумалъ, что надо въ послѣдній разъ удостовѣриться въ свершенномъ и на ней, болѣе надежной, чѣмъ прочіе, провѣрить впечатлѣніе, которое будетъ вынесено другими.

— Пойдемъ, — рѣшительно сказалъ онъ; но не тронулся съ мѣста.

— Да...—отвѣтила она, тоже не двигаясь и глядя на него широко раскрытыми глазами.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ взялъ ее за руку, и они молча пошли.

— Тише,—говорилъ онъ ей.—Не надо будить другихъ.

Она совсѣмъ безшумно шла за нимъ, почти закрытая его крупной фигурой, но ему надо было сказать это, чтобы механическимъ усиліемъ побѣдить упрямую волю.

У нея шумѣло въ ушахъ; ночь казалась наполненной звуками. Согнувшись, прижимаясь другъ къ другу, держась за руки и поминутно вздрагивая отъ страха, они, какъ воры, крались вдоль стѣны, то и дѣло останавливаясь и прислушиваясь; плечи ихъ съеживались, колѣни дрожали.

Краткое разстояніе показалось имъ за долгій путь; чѣмъ дальше они шли, тѣмъ больше хотѣлось вернуться. Возлѣ нея и онъ чувствовалъ себя менѣе сильнымъ. И, все же, тащилъ ее за собой—или ему казалось, что тащитъ, а она упиралась...

— Андреа...

— Что съ тобой?

— Не пойдемъ.

Они были уже у двери.

— Почему?

Она не отвѣтила, не смѣя въ темнотѣ ни прижаться къ нему, ни отстраниться отъ него.

— Ты тоже дрожишь...

— Я?... Нѣтъ. — Онъ напрягъ мускулы, заставляя себя не дрожать.

— Не надо отворять...

— Нѣтъ, надо!

Онъ повернулъ ручку двери.

Въ первый моментъ они увидѣли только голубоватый лунный свѣтъ, заливавшій пріютъ смерти какимъ-то нездѣшнимъ сіяніемъ... Потомъ, не сразу, разглядѣли кровать и на ней откинутое назадъ лицо, которое, казалось имъ — такъ они боялись этого — повернулось и посмотрѣло на нихъ.

— Не подходи къ нему!—испуганно пролепетала она.—Я не могу...

Но онъ, передъ лицомъ свершеннаго, вновь обрѣлъ свое мужество и подошелъ къ кровати, увлекая за собою Новеллу.

Луна заливала умершаго и все его ложе словно бѣлымъ электрическимъ свѣтомъ. Онъ казался не только мертвымъ, но лежащимъ на свѣтящемся катафалкѣ и холоднымъ отъ этого ледяного свѣта, странно родственнаго цвѣту его кожи, холоду его мертваго тѣла.

— Смотри, какъ онъ спокоенъ.

Но она не отвѣтила, можетъ быть, и не слышала, вся застыла въ жуткомъ созерцаніи; дыханіе ея остановилось, сердце перестало биться.

Андреа хотѣлъ заговорить съ Новеллой, но въ головѣ не было ни одной мысли. Хотѣлось сѣсть въ ногахъ кровати и стеречь мертвеца, въ ожиданіи чего-то непредвидѣннаго, можетъ быть, наитія, которое снизойдетъ на него, возлѣ усопшаго. Только теперь онъ замѣтилъ, какъ онъ страшно усталъ, физически клонило ко сну—уснуть навѣкъ, все забыть...

Она стояла между нимъ и мертвымъ, поникнувъ головой, сложивъ руки крестомъ на груди, такъ что пальцы приходились подъ подбородкомъ. Потомъ протянула руку, словно хотѣла дотронуться до него, но дотронулась только до одѣяла, и тотчасъ же отдернула руку.

— Джіорджіо...—выговорила она, не окликая его, но словно убѣждая себя, что это именно онъ, не кто другой.

Ей хотѣлось, несмотря на присутствіе другого, нѣжно, какъ сестра, проститься съ усопшимъ, сказать ему ласковое слово, ласково прильнуть губами къ его лбу. Теперь ее терзали угрызенія, хотѣлось плакать о немъ,—такъ, чтобъ онъ видѣлъ ея горе, хоть онъ и не можетъ видѣть, сказать ему, хоть онъ и не услышитъ:

„Бѣдный, бѣдный другъ мой... можешь ли ты простить мнѣ?... Нѣтъ, нѣтъ, ты не можешь простить...“

Ей вспомнилось, что они разстались безъ прощальныхъ словъ,

безъ поцѣлуя, не обмѣнявшись довѣрчивымъ признаніемъ, не сказавъ ни одного изъ тѣхъ значительныхъ словъ, которыя дѣлаютъ смерть менѣе мрачной—и для того, кто умираетъ, и для того, кто видитъ умираніе. Вспоминалось, что онъ былъ добръ, что онъ былъ боленъ, что этотъ бѣдный, больной и грустный человѣкъ любилъ ее, какъ никто въ мірѣ и, какъ никто въ мірѣ, страдалъ изъ-за нея. Вспоминалось его необычайное терпѣніе и безнадежная любовь, свѣтившаяся въ его взглядѣ, когда онъ смотрѣлъ на нее, и робкая нѣжность въ его голосѣ, когда онъ говорилъ съ ней, и забота, которой окружалъ ее умирающій, и то, какъ онъ преображался весь отъ счастья, стоило ей сказать ему доброе слово наединѣ.

Въ это мгновеніе она не помнила о своей любви къ другому, не считала себя рабыней этого слишкомъ долго зажившагося больного и тосковала только объ одномъ: что не была возлѣ него въ послѣднюю минуту, когда, несомнѣнно, его ускользающая мысль искала ея, его замирающее сердце хоронило ее вмѣстѣ съ собой.

— Ты звалъ меня—и меня не было; хотѣлъ видѣть меня—я не пришла; быть можетъ, хотѣлъ довѣрить мнѣ, мнѣ одной, свое послѣднее желаніе, и я не могла его выслушать... А вѣдь ты умеръ, „зная"... О, какъ ты должно было страдать, бѣдное сердце! Да, ты былъ добръ, оберегалъ меня, ласкалъ меня всей нѣжностью своей кроткой души... Никогда, никогда не слыхала я отъ тебя иныхъ словъ, кромѣ словъ любви... я же причиняла тебѣ только боль... я, не желая того, убивала тебя день за днемъ...

Она нагнулась, снова протянула руку, чтобы приласкать его, но не посмѣла и только провела ему рукой по лицу быстрымъ движеніемъ, робкимъ и торжественнымъ.

Потомъ вдругъ упала на колѣни возлѣ кровати и заплакала.

Андреа смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ на мертваго, и ему казалось дикой профанаціей, что возлѣ трупа—она и что у нея можетъ быть съ нимъ что-нибудь общее—хотя бы молитва о немъ.

Хотѣлось позвать, окликнуть ее, но невольное почтеніе смыкало уста. Съ безмолвной досадой онъ прислушался и понялъ, что она молится.

Да и то, что губы ея шевелились и что-то шептали, и это почти религіозное колѣнопреклоненіе—все показывало, что она молилась. Усопшій вѣрилъ въ Бога,—онъ не вѣритъ,—еще одно звено, которое соединяетъ ихъ, еще одна посмертная близость между ними... а ему нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ этой молитвѣ, которую она лепетала, обливаясь слезами, возлѣ трупа,

какъ послѣднее прибѣжище отъ смерти—отъ смерти, причиненной его рукой.

Онъ отошелъ назадъ, думая, что ей станетъ страшно остаться одной возлѣ мертваго, но она не шевельнулась, не замѣтила, не вздрогнула. Вся залитая луннымъ свѣтомъ, она была теперь точно монахиня, замершая въ молитвенномъ экстазѣ; онъ видалъ такихъ въ дѣтствѣ на ступеняхъ алтарей. Теперь онъ ужъ не слышалъ шопота ея молитвы, не видѣлъ, какъ грудь ея вздымается отъ вздоховъ, какъ вздрагиваетъ ея затылокъ и розовая пятка то выдвигается, то прячется въ туфлю; видѣлъ только двѣ недвижныхъ фигуры, покрытыхъ однимъ луннымъ плащомъ.

— Новелла!...—тихонько позвалъ онъ.

И самъ вздрогнулъ отъ неожиданности при звукѣ своего голоса; а тѣ двѣ недвижныя фигуры не шевельнулись. Онъ подошелъ ближе, сталъ ждать.

Она была точно безъ сознанія, но вблизи онъ замѣтилъ, что плечи ея слегка вздрагиваютъ. Она такъ перегнулась вся впередъ, что лбомъ почти касалась простыни и, несмотря на лунный свѣтъ, въ глубинѣ вырѣза у шеи ея покатыя плечи были окутаны тѣнью.

Неожиданно она повернулась на согнутомъ колѣнѣ, раскинула руки и почти безшумно свалилась на полъ. Туфля соскочила съ розовой ножки, слегка подпрыгнула, перевернулась, капотикъ на груди распахнулся; пышная грудь, приподнявъ рубашку, образовала посрединѣ глубокую впадину.

Андреа посмотрѣлъ на нее, потомъ на мертваго, и удивился, что тотъ не нагибается взглянуть на нее.

„Ты видишь? — мысленно говорилъ онъ покойнику и, мнилось ему, смѣялся саркастическимъ смѣхомъ, но этотъ смѣхъ не доходилъ до устъ.—Ты видишь?...“

Ему показалось, что дверь позади отворяется; нисколько не удивившись, онъ обернулся взглянуть.

На порогѣ дрожала только тѣнь дверного косяка, только тѣнь, ничего больше, и блестѣла ручка двери.

За окномъ, на черной вѣткѣ, покачиваясь, пѣлъ соловей, словно въ насмѣшку, такъ громко и, казалось, такъ близко, что пѣніе его оглушало. Казалось, онъ сидитъ на подоконникѣ. Андреа обернулся посмотрѣть. Но каменный подоконникъ, сверкавшій въ лунномъ свѣтѣ, былъ пустъ, и квадратъ окна лазурнымъ каналомъ вливался въ безконечность.

— У-у-у! Кышъ! Не надо здѣсь пѣть. Убирайся!

Соловей перепрыгнулъ на другую вѣтку. Онъ сидѣлъ на боль-

шой магноліи, и слышно было, какъ шуршали его перышки о звонкіе твердые листья.

— Ты видишь?...

Ночной вѣтерокъ шаловливо влетѣлъ въ окно, растрепалъ волосы у мертвеца; тучка набѣжала на луну, разсѣяла чары луннаго свѣта, и комната сразу погрузилась въ мракъ, будто двѣ стѣны сомкнулись надъ нимъ.

— Ты видишь?...

Тучка постепенно сошла, и снова лунный свѣтъ залилъ комнату, сначала мягкій, потомъ яркій, словно электрическій.

Тогда Андреа нагнулся къ Новеллѣ, взялъ ее за руку и слегка тряхнулъ. Она открыла глаза, оглядѣлась кругомъ, вспомнила и съ силой уцѣпилась за него обѣими руками, стараясь подняться.

— Прочь!... Прочь отсюда!...—забормотала она, наваливаясь на него всею тяжестью своего тѣла, подталкивая его впередъ и закрывая глаза, словно не хотѣла обернуться и снова увидѣть мертваго.—Уйдемъ, уйдемъ скорѣй!

Они вышли и, теперь уже не заботясь объ осторожности, темнымъ коридоромъ, обнявшись, вернулись обратно,—точно, совершивъ преступленіе, уходили безнаказанно, съ легкимъ сердцемъ, насладиться его плодами. У Андреа было такое чувство, словно онъ вырвалъ ее изъ рукъ соперника, болѣе сильнаго, чѣмъ самъ онъ, изъ объятій призрака или съ ложа другого мужчины, похитившаго ее.

Соловьиная пѣснь, звонкая и страстная, звенѣла въ очарованномъ саду, разсыпаясь нескончаемой трелью; порой, во время паузы, въ нее врывалось хохочущее лягушечье кваканье, словно кто-то щекоталъ липкое брюхо толстой, жирной лягушкѣ, или же сама она до смерти одурѣла отъ аромата жасмина.

— Дай мнѣ пить!—попросила, задыхаясь, Новелла.—Я умираю отъ жажды.

— Воды? У меня нѣтъ ничего, кромѣ воды.

— Ну, воды.

Онъ взялъ графинъ и стаканъ, наполнилъ его до краевъ и поднесъ къ ея губамъ. Она съ жадностью глотнула и посмотрѣла на своего милаго.

— А ты не хочешь пить?

— Да, потомъ.

— Нѣтъ, пей.—И она, взявъ его руку, придвинула стаканъ къ его губамъ. Онъ повиновался и съ жадностью осушилъ весь стаканъ, до дна.—Еще хочешь?—спросила она.

— Нѣтъ, будетъ.—И, тяжело переводя духъ, онъ прибавилъ:— Ты знаешь, что ты была въ обморокѣ?

Она зажмурила глаза и вся съежилась, словно прячась отъ страшныхъ видѣній.

— Не говори... не надо... Какой ужасъ! Какой ужасъ! Хочется хоть на минуту забыть объ этомъ... Не надо больше говорить...

Онъ поставилъ графинъ на мѣсто и присѣлъ на край кровати, зажавъ руки между колѣнями, понуривъ голову.

Она, неспѣша, обошла всю комнату и остановилась у окна, глядя туда, въ звѣздную ночь.

Поднявшійся вѣтеръ колыхалъ траву на лугахъ, и она поминутно мѣняла цвѣтъ; сонно колыхались верхушки деревьевъ; въ рощѣ по густой листвѣ пробѣгалъ длительный шорохъ и шелестъ, словно съ листка на листокъ медленно, медленно сыпался дождь песчинокъ.

На ея глазахъ осыпался на высокомъ деревѣ большой бѣлый цвѣтокъ магноліи; лепестокъ за лепесткомъ падалъ, переворачиваясь въ воздухѣ, и беззвучно ложился на блестящій гравій дорожки. Это зрѣлище цѣликомъ поглотило ее; она глазъ не могла оторвать отъ толстой вѣтки, продолжавшей раскачиваться, какъ будто ничего не случилось, и отъ мертваго цвѣтка, потерявшаго всѣ свои лепестки, лежавшіе подъ деревомъ, словно осколки фарфора. А посреди ихъ прыгалъ маленькій лягушенокъ, куда-то торопившійся по своимъ жабьимъ дѣламъ.

Не оборачиваясь, она позвала:

— Андреа!

Но онъ не откликнулся, не подошелъ. И она, высунувшись въ окно, заглядѣлась на бѣлый фасадъ дома, на недалекое окно, за которымъ, въ глубинѣ комнаты, у противоположной стѣны, на озаренной луною кровати, въ саванѣ изъ луннаго свѣта лежалъ человѣкъ, уснувшій навѣкъ, а съ неба смотрѣли на него яркія звѣзды.

Увидѣла или почудилось ей, что изъ этого окна выходитъ мутно-голубой дымокъ, расплываясь во тьмѣ, и испуганно отшатнулась, чтобъ какъ-нибудь съ вѣтромъ не вдохнуть и атома этого дыма.

Подошла къ милому, коснулась рукой его волосъ. Онъ не поднялъ головы, ничего не сказалъ, и она съ наслажденіемъ длила ласку, погружая пальцы въ теплые волосы, слегка нагибаясь надъ нимъ. Потомъ спросила:

— Который часъ? Поздно уже?

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ на часы.

— Четвертый.

— Тебѣ хочется спать?

— Нѣтъ. А тебѣ?

— Ни капельки. Посмотри на меня...

Андреа поднялъ глаза; взгляды ихъ встрѣтились, и оба почему-то удивились.

— Что же намъ дѣлать?

— Не знаю.

Она стояла передъ нимъ. положивъ руки ему на плечи, лицо его было почти спрятано у нея на груди, и, не касаясь ея, онъ все же чувствовалъ близость ея тѣла.

— Ты любила его!—вскричалъ онъ вдругъ гнѣвно, не поднимая головы.

— Нѣтъ... молчи...

— Да, ты любила его, теперь я это видѣлъ, я знаю...

Новелла пригнулась къ самому уху его, почти цѣлуя и продолжая лепетать:

— Молчи, молчи!...

Вмѣсто отвѣта онъ взялъ въ руки ея лицо и зажалъ ей ротъ безумнымъ поцѣлуемъ. И въ этомъ поцѣлуѣ они слились въ одно, отчаявшіеся и ненасытные, полные черезъ край ужаса и любви.

. . . . . .

Перев. **З. Журавская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Прекрасная Польша.

I.

Русская полька.

Вспоминаю неясно ворота дряхлыя,
Остробрамскую Божію Мать...
Родиной, родиной старой запахло,
Когда пошли воевать!

Уже вначалѣ, когда прочитали,
Что роютъ тамъ окопы,
Что всѣ поднялись, паны и хлопы,
Я грустила,—уже вначалѣ.

Я грустила о томъ, что я—полька,
И отъ русскихъ узнала про битвы,
Знаю мало родимыхъ словъ, и только,
Только одну молитву!

Zdrowaś Maryja, Zdrowaś Maryja!—
Въ заученныхъ съ дѣтства словахъ
Самыя скорбныя и дорогія
Мысли о нашихъ бояхъ!

Zdrowaś Maryja, Zdrowaś Maryja!—
Теменъ костелъ Ченстохова...
Хаты покинуты, окна пустыя,
Набѣгъ. Снова и снова...

Zdrowaś Maryja, Zdrowaś Maryja!—
Набатъ. Снова и снова!
О почему я не съ вами, святыя
Жертвы края родного!

II.

Скорбь воскрешаетъ.

Лишь въ дѣтствѣ видала сукманы сѣрыя
И бѣлокурыя головы Янковъ...
Давно оторвалась отъ старой вѣры,
И въ сердцѣ давно зажили ранки.

А нынѣ все ожило, ожило ярко!
Я вспомнила дѣтство, покойную мать.
Я вспомнила Польшу—я буду страдать!
Тревожитъ рисунокъ—руины фольварка,

И мучаетъ рѣзкій газетный разсказъ,
Какъ тамъ, надъ полями, вороны каркаютъ,
И некому, некому ихъ отогнать
Отъ милыхъ, отъ мертвыхъ, отъ польскихъ глазъ!

III.

Моя конфедератка.

Я шью дрожащими руками
Польскую конфедератку!
Благоговѣйно, словно знамя,
Я шью радостными руками
Малиновую конфедератку.

Ахъ, цвѣтъ зари и зарева дальняго,
И ягодъ, пахнущихъ такъ сладко!
Подъ небомъ Питера печальнаго
Яркая, яркая конфедератка!

Марія Моравская.

ЮДОЛЬ.

Разсказъ.

О, бѣдный призракъ, немощный и смутный,
Забытаго, загадочнаго счастья.

Тютчевъ.

I.

Когда синеватыя сумерки усталаго осенняго дня начинаютъ вползать въ окна, безусый, съ сѣдыми баками, Леонтій зажигаетъ лапчатое бра надъ круглымъ столикомъ въ углу гостиной; потомъ придвигаетъ три кресла: Ольгѣ Алексѣевнѣ—низенькое, плюшевое; Зоѣ Александровнѣ—деревянное, рѣзное, съ кожаной подушкой, и княгинѣ — позолоченное, съ бронзовыми мордами львовъ на ручкахъ.

Надъ столомъ, въ углу, овальный потемнѣвшій портретъ самого князя, съ рукой, заложенной за бортъ зеленаго кавалергардскаго сюртука; справа—двери въ бѣлую, гулкую, двухсвѣтную залу съ хорами; налѣво, у дверей балкона-фонарика, горшки съ рододендронами. Со стѣнъ смотрятъ молчаливые, темные портреты.

За окнами уже раннія сумерки осени, падаетъ неторопливый, долгій дождь. Нюрнбергскіе фарфоровые часики на каминѣ играютъ тонко менуэтъ: маркизъ и маркиза вышли другъ другу навстрѣчу.

Въ комнатѣ Ольги Алексѣевны туманно, сине отъ сумерекъ. Она сидитъ въ откидномъ креслѣ, у окна, высокая, сухая, съ трясущейся головой, съ глубокимъ вырѣзомъ чернаго шелковаго платья, открывающимъ тонкую, жилистую ея шею съ острыми ключицами. Въ углу, надъ аналойчикомъ, каменное Распятіе, подлѣ горятъ двѣ тонкія восковыя свѣчки.

— Все готово-съ,—говоритъ Леонтій и останавливается у дверей, склонивъ голову.

— Хорошо, дружокъ,—произноситъ она, тряся головой.—Княгиня уже встала?

— Ихъ сіятельство сейчасъ выйдутъ.

— Помоги мнѣ подняться.

Леонтій помогаетъ ей подняться. Ольга Алексѣевна забираетъ съ собой бисерный мѣшочекъ съ папиросами и спичками, табакерку—подарокъ покойной государыни—и идетъ, опираясь на трость, поддерживаемая подъ лѣвый локоть Леонтіемъ.

Зоя Александровна пришла уже сама, сидитъ въ деревянномъ своемъ креслѣ и дремлетъ, какъ всегда, въ минутномъ, старческомъ снѣ... Подагрическія ея ноги, въ прюнелевыхъ ботинкахъ, закутаны въ пледъ. Она слышитъ шаги, вздрагиваетъ и открываетъ глаза. Розовое лицо ея, какъ всегда, добродушно сонно, и молодые совсѣмъ, блестящіе глаза смотрятъ поверхъ золотого пенснэ, съѣхавшаго на кончикъ носа.

— А я немного соснула,—говоритъ она, прикрывая зѣвокъ пухлой рукой.

— Когда это съ вами не случается, душа моя,—отзывается Ольга Алексѣевна и садится на низенькое кресло.—Покойная государыня,—говоритъ она, развязывая бисерный мѣшочекъ,—терпѣть не могла сонныхъ. Она, бѣдная, все безсонницей страдала. Бывало, ходитъ по своему кабинету всю ночь, груститъ...

— Все это мы слышали,—произноситъ обиженно Зоя Александровна,—старо, ma chère!

— Да, вамъ не нравится...

— Скучно-съ. Пора придумать что-нибудь поновѣй.

Ольга Алексѣевна вынимаетъ изъ мѣшочка папиросу и ударяетъ ею судорожно о табакерку.

— Я, кажется, mon ange,—говоритъ она черезъ минуту, тряся головой,—уже давно просила васъ оставить со мной этотъ тонъ. Вамъ постоянно измѣняетъ память относительно нашихъ положеній!...

— Par exemple?

— Всетаки, признайтесь, была вѣдь какая-нибудь разница между моимъ мужемъ и вашимъ!

— Не замѣчала...

— Мнѣ остается поразиться вашей ненаблюдательности: вы не могли даже замѣтить разницы между извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ и какимъ-то генералъ-майоромъ...

— Прежде всего, полнымъ генераломъ...

— Ахъ, это все по добротѣ государя вашъ супругъ полнымъ генераломъ сдѣлался.

— Ну, ужъ извините, душечка. Кузьма Николаевичъ въ трехъ бояхъ былъ и Бѣлаго Орла имѣлъ. Это вашъ Nicolas великимъ князьямъ лошадей подавалъ.

— Какъ это умно!... Вполнѣ достойно добродѣтельной генеральши, засматривающейся на молодыхъ атташе...

— Ахъ, вотъ что...—Зоя Александровна щуритъ глаза.—Ну, мнѣ кажется, вамъ меньше, чѣмъ кому-либо, слѣдовало бы вспоминать... Вы, вѣроятно, уже забыли про этого испанскаго фертика на балу у князя Бѣлоухова?

— Фи, ангелъ мой, я уже объясняла вамъ, что все это плоды вашей дурной фантазіи.

— Плоды моей фантазіи, — говоритъ нараспѣвъ Зоя Александровна,—извольте видѣть... А когда вашъ супругъ чуть не далъ пощечину этому испанцу? А то, что онъ увезъ васъ послѣ третьей кадрили?

— Вы меня не фраппируете, ma chere. Однако, мой сынъ тайный совѣтникъ, а Eudoxie при дворѣ; я полагаю, что это получше вашихъ фантастическихъ испанцевъ. Къ тому же, я слыхала, что вашъ Леонидъ проигралъ казенныя деньги... Это правда?

Зоя Александровна блѣднѣетъ.

— Леонидъ!... Леонидъ...—всплескиваетъ она пухлыми своими руками.—Княгиня,—всхлипываетъ она, протягивая руки входящей княгинѣ,—княгиня, спасите меня... Она... она смѣетъ говорить, что Леонидъ проигралъ казенныя деньги!...

Княгиня входитъ спокойно въ гостиную. Она въ черномъ своемъ глухомъ платьѣ съ траурными плерезами, съ волнистымъ fanchon на серебряныхъ волосахъ, съ спокойнымъ и замкнутымъ, блѣднымъ лицомъ. Леонтій несетъ позади бѣлый ея пуховый платокъ.

— Вы опять спорите,—говоритъ она спокойно и устало и опускается въ кресло.

Леонтій накидываетъ платокъ на ея плечи. Княгиня оглядываетъ взволнованную, красную Зою Александровну, протягивающую къ ней умоляюще пухлыя руки, трясущуюся, съ большимъ шелковымъ бантомъ, голову Ольги Алексѣевны.

— У Зои Александровны,—произноситъ та, кусая въ волненіи мундштукъ папиросы,—хватаетъ смѣлости... я выражаюсь сдержанно... сочинять какія-то небылицы!...

— Княгиня, благодѣтельница,—всхлипываетъ Зоя Александровна,—но развѣ можно такъ мстить... такъ недостойно мстить... Мой Леонидъ проигралъ чужія деньги!...

— Я пришла играть въ бостонъ,—говоритъ княгиня черезъ минуту спокойно и холодно,—я не понимаю вашихъ споровъ.

Она беретъ колоду въ блѣдныя свои руки, поправляетъ платокъ и начинаетъ раздавать карты.

— Я думаю,—произноситъ она затѣмъ, держа передъ собой вѣерокъ картъ и разбирая ихъ по мастямъ,—что вы уже примирились. Было бы недостойно васъ спорить изъ-за какихъ-то миѳовъ.

Зоя Александровна уже вытерла слезы.

— Я готова примириться,—говоритъ она,—если Ольга Алексѣевна откажется отъ своихъ словъ.

— Я ничего не утверждала,—вздергиваетъ та плечами,—я передавала слухъ...

— Слухъ гнусный, распущенный недостойными, завидующими карьерѣ Леонида людьми.

Наступаетъ молчаніе.

— Всю ночь шелъ дождь,—произноситъ княгиня черезъ минуту.—Въ Лѣтнемъ саду, вѣрно, всѣ аллеи полны мокрыхъ листьевъ,—добавляетъ она вдругъ безъ связи.

— У меня къ дурной погодѣ подагра разыгралась. Кульнбахъ говоритъ, что подагра у меня отъ шампанскаго... Всѣ пили, ни у кого нѣтъ.

Зоя Александровна наклоняется и поправляетъ пледъ на распухшихъ ногахъ.

— Говорятъ, папа издалъ новую буллу,—произноситъ вдругъ примирительно Ольга Алексѣевна,—вы ничего не слыхали, княгиня?

Наступаетъ молчаніе вновь; за окномъ шуршитъ неумолчно дождь о карнизъ.

Послѣ двухъ партій княгиня отодвигаетъ тяжелое свое кресло, подходитъ къ окну. Во дворѣ мокнутъ два каменныхъ льва по бокамъ полукруглаго плаца для въѣзда, мутно желтѣетъ заплаканный четырехугольный фонарь, блеститъ мертво асфальтъ двора, текутъ неторопливые, темные ручьи. За воротами сумрачно темнѣютъ голыя деревья бульвара.

Она смотритъ на ихъ далекія темныя вершины,—и вдругъ видитъ вновь аллеи Лѣтняго сада, полныя мокрыхъ листьевъ, дальнюю пустую аллею, на которой въ послѣдній разъ видѣла она своего бѣднаго мальчика... За что онъ погибъ?

Одинокая, ѣдкая слеза щекочетъ вдругъ рѣсницы и скатывается по блѣдной щекѣ... Она достаетъ изъ-за пояса скомканный кружевной платочекъ и вытираетъ ее торопливо.

— Политика папы, несомнѣнно, должна обратить на себя вниманіе государства,—говоритъ вдругъ Ольга Алексѣевна.—У насъ и такъ мало средствъ для борьбы съ католицизмомъ. Пора остановить это торжество Ватикана.

II.

Сквозь туманное стекло видны далекія, желтыя ожерелья фонарей; гудитъ дальній одинокій паровозъ осеннимъ, безконечнымъ гуломъ.

Княгиня стоитъ у окна, у раздвинутыхъ тяжелыхъ гардинъ. На столикѣ, подлѣ постели, горитъ одинокая свѣча; часы въ гостиной медленно и тяжело отбили четверть. Сумракъ, тишина. Леонтій тихимъ голосомъ пожелалъ за дверьми спокойной ночи. Бѣлѣетъ на столѣ развернутый томикъ Вольтера, въ лохмотьяхъ, разрѣзанный шпилькой; маленькіе эмалевые часики на каминѣ стучатъ торопливо, точно стараясь самихъ себя обогнать.

Княгиня отходитъ отъ окна, ходитъ безцѣльно изъ угла въ уголъ.

Надъ ея постелью, у изголовья, маленькій эмалевый портретъ сына, въ матросской курточкѣ съ голубымъ воротникомъ, съ льняными волосами, расчесанными на косой проборъ; ротъ чуть полуоткрытъ, въ счастливой и удивленной улыбкѣ.

Она стоитъ минуту и, не мигая и не видя, смотритъ на крохотное, туманящееся лицо. Алексѣй ненавидѣлъ мальчика: зналъ, что чужой, не его сынъ... Всю жизнь боролся съ нимъ, какъ съ врагомъ. Могъ, но не отвратилъ послѣдняго удара—безумнаго поединка изъ-за пустой шалости...

Но чѣмъ, чѣмъ былъ онъ виноватъ въ ея грѣхѣ?... Да, она грѣшна. Алексѣй умеръ, не давъ ей приблизиться.

Въ углу сумрачная, темная лампадка бросаетъ темное пятно на суровый ликъ. Она опускается на колѣни, прижимается щекой къ жесткой ручкѣ кресла.

— Господи, это я, я его убійца... Онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ Тобой. Покарай только меня за всѣ грѣхи.

Осенній вѣтеръ бросаетъ съ шелестомъ въ стекла брызги дождя. Вѣрно, старая Ефимовна зѣвнула протяжно внизу, подъ поломъ. Лучится свѣтъ лампадки сквозь мертвыя, блѣдныя слезы. Башенные часы въ киркѣ уныло простонали четверть.

Княгиня поднимается и подходитъ къ столу; глаза ея уже сухи, лицо замкнуто, какъ всегда.

Въ среднемъ ящикѣ стола лежитъ тетрадь,—единый другъ

съ дальнихъ лѣтъ, съ Смольнаго... Какъ давно она не брала его въ руки!

Она переворачиваетъ сухія страницы. Сколько воспоминаній!... Вотъ засохшая вѣточка полыни съ того безумнаго, дальняго лѣта, когда ходили безъ устали съ нимъ по далекимъ межамъ монастырскихъ полей... Журавли летѣли съ тихимъ курлыканьемъ подъ осеннимъ небомъ, усталымъ и грустнымъ; въ монастырѣ звонили неторопливо къ вечернѣ, задумчиво и утомленно. Возвращались съ нимъ, пьяные осенью, она—въ безразсудствѣ дѣвочки,—бѣглая, чужая жена, уже имѣвшая двухъ умершихъ дѣтей...

Вотъ его карточка—въ бѣломъ адъютантскомъ мундирѣ: снимался за два дня до монаршей немилости—ссылки изъ гвардіи въ далекій сѣверный полкъ... А вотъ счетъ изъ гостиницы въ Нейенарѣ, гдѣ лѣчился Алексѣй и умеръ холодной весенней зарей на балконѣ... Прошлые, не возвращающіеся сны!

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной, земная жизнь кругомъ объята снами,—такъ написала она на первой страницѣ.

Она переворачиваетъ шуршащія страницы и смотритъ на мелкія цѣпи строкъ.

---

3 февраля. Государь уѣхалъ въ Крымъ; съ нимъ вся свита и Алексѣй. И вотъ я одна, опять одна, какъ всегда... Хожу по комнатамъ, трогаю безцѣльно вещи. Неужели и до сихъ поръ я все еще не привыкла къ своему одиночеству? Хожу по комнатамъ, трогаю вещи—и спрашиваю себя:

— Неужели это то счастье, которое я ждала встрѣтить?..

Иногда кажется мнѣ даже, что мы съ Алексѣемъ другъ другу совсѣмъ чужіе, только внѣшне близкіе, для другихъ.

Если я люблю его, то почему же въ тѣ ночи, когда мы остаемся одни, я не ощущаю ничего, кромѣ тоски, отчаянія?.. Да, чувствую и знаю теперь, что мы—чужіе.

Ахъ, все равно, все равно. Поздно вспоминать, сожалѣть. Жизнь моя, какъ царскосельскія статуи осенью, холодна и недвижна.

17 февраля. Безусый, зазѣвавшійся солдатикъ не успѣлъ отдать чести. Алексѣй распекалъ его изъ саней, посрединѣ дороги,—кричалъ на него, выпучившаго безмысленные, въ смертельномъ ужасѣ, глаза...

Кругомъ собралась толпа, я ощущала на себѣ ѣдкіе, насмѣшливые взгляды и не могла поднять глазъ, сидѣла въ широкихъ нашихъ саняхъ, скрывъ въ мѣхахъ лицо.

Какъ пусто, безсмысленно, скучно, скучно... О, если бы я могла выскочить изъ саней, побѣжать, не глядя, только подальше...

А ночью онъ вновь пришелъ ко мнѣ—и сдѣлалъ своей рабой.

3 марта. Сегодня почувствовала, что снова беременна. Что если и этотъ родится мертвымъ?.. Господи, Господи, только не это!...

Сосущая тоска во мнѣ, какъ и въ тотъ день, когда первый ребенокъ родился мертвымъ...

15 марта.—Моя жена беременна,—сказалъ онъ адъютанту,—я снова холостъ.

Я услыхала это сквозь незакрытыя двери. Когда я проходила по вестибюлю, адъютантъ оглядѣлъ меня съ любопытствомъ.

29 марта. Онъ ведетъ „холостую" жизнь, а я брожу одна по гулкимъ комнатамъ и чувствую, что все безнадежно въ прошломъ...

Черезъ мѣсяцъ переѣздъ въ Царское. Буду бродить по аллеямъ: тамъ тихіе, глубокіе, зеленые пруды, свѣтлѣютъ бесѣдки...

Сегодня ночью я опять почувствовала *его*... Приложила руку—и онъ затихъ, словно я приласкала его.

17 мая. Небо вечернее—зеленое и грустное. Играетъ гдѣ-то оркестръ. Алексѣй въ Гатчинѣ, а я сижу у раскрытаго окна, смотрю на грустное небо, на блѣдные клочья тумана, скользящаго между стволами деревьевъ.

Май холодный, по ночамъ бываютъ даже заморозки. Но лѣнь подняться, закрыть окно. Все сижу, слушаю далекій оркестръ, смотрю на туманъ.

Helène вчера пріѣзжала ко мнѣ. Она, въ амазонкѣ, благоухающая, прискакала изъ Павловска съ кавалькадой. Сидѣла напротивъ меня и даже въ эти нѣсколько минутъ не могла скрыть скуки... Ускакала съ хвостомъ бѣлыхъ кителей. Что же, она по своему права: беретъ жизнь, какъ можетъ, мѣняетъ наряды, любовниковъ, весела, безпечна и свободна—оттого что умна... А я дура, плакса, „старая размазня", какъ звала меня нянюшка Степанида. Мнѣ двадцать семь, а я чувствую себя усталой, старой, больной...

3 іюня. Была съ Алексѣемъ во дворцѣ на обѣдѣ. Сидѣла затянутая, напудренная,—боялась только, чтобы не стало дурно... А кругомъ соболѣзнующіе, насмѣшливые взгляды.

— У васъ нездоровый видъ,—сказала мнѣ статсъ-дама В.,—дитя мое, если вы не хотите имѣть ребенка, я пришлю вамъ своего Фогеліуса. Вы въ немъ можете быть увѣрены.

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, лучше пресѣчь эту маленькую жизнь, чѣмъ осудить ее на одиночество и тоску?..

9 іюня. Онъ сказалъ, что ѣдетъ съ докладомъ къ генералу Зуеву,—уѣхалъ рано, когда я еще спала.

Я бродила по аллеямъ одна весь день. А вечеромъ я увидѣла ихъ на шоссе въ коляскѣ: его и Дэзи... Я едва узнала ее, она покрасила волосы въ рыжій цвѣтъ. Какая неосторожность заѣзжать такъ близко къ дому,—онъ не считается со мной даже, какъ съ женщиной...

Я увидѣла ихъ вмѣстѣ—и не ощутила ничего, даже не вздрогнула. Чужой человѣкъ съ чужой женщиной. Все же, навѣрно, глупо расшатаны нервы,—двѣ истерики были со мной ночью... Одну минуту хотѣла даже послать за Фогеліусомъ... Пусть дѣлаетъ свое... По крайней мѣрѣ, ничто меня не свяжетъ съ тѣмъ. Одумалась и разрыдалась.

Пашенька, блѣдная, въ ночномъ чепчикѣ, отсчитывала дрожащими руками въ рюмочку капли... А за окномъ была зеленая, мгновенная ночь, даже ночи не было—смѣнились двѣ зари: зеленая алой.

17 іюля. Хотѣла перепрыгнуть черезъ канавку—и упала на груду щебня сбоку дороги... Сначала только испугалась, но боли не почувствовала, дошла до дому спокойно. Но вечеромъ начались боли внизу живота, я металась по постели, кричала дико... Алексѣй поскакалъ за врачами. Отъ крика я потеряла голосъ...

Къ утру впрыснули морфій, я такъ ослабѣла, что не могла двинуть рукой. Пашенька—съ перекошеннымъ лицомъ—ставила горячія припарки.

На разсвѣтѣ я заснула. Мнѣ приснилось, что *онъ* родился мертвымъ. Проснулась въ тоскѣ, въ отчаяніи... Въ комнатѣ никого не было. За окномъ, на солнцѣ, переливалась зеленымъ золотомъ береза, щебетали звонко проснувшіяся птицы.

9 августа. Уже осень, падаютъ листья. Зеленые, бездонные пруды Царскаго полны ими: желтыми, красными, ржавыми. Они опускаются тихо на плечи. Единая пора, близкая моему сердцу. И мраморъ статуй сталъ свѣтлѣй и легче.

„Долго-ль, долго-ль будешь биться,
Сердце бѣдное, въ груди,
Долго-ль будешь ныть, томиться?
Смерть, скорѣй, скорѣй приди!

Ничего мнѣ не осталось,
Для чего бы въ мірѣ жить—

Только сердце, чтобы рвалось,
И глаза, чтобъ слезы лить".

Хожу по парку, тверяку эти стихи Гнѣдича. Говорятъ, онъ въ молодости потерялъ глазъ отъ оспы, и всю жизнь былъ высокомѣрнымъ, чтобы скрыть свое безобразіе... Такъ и я, кажется мнѣ, потеряла душу свою давно, и теперь хочу только прикрыться лохмотьями.

20 августа. Идутъ дожди безпрерывно. Деревья облетѣли, мокрые, желтые листья лежатъ въ мокрыхъ аллеяхъ; пузыри лопаются въ лужахъ. Только георгины никнутъ на клумбахъ—чужіе мнѣ, высокомѣрные цвѣты. На минутку выглянетъ желтое солнце, освѣтитъ мокрыя ступени, заплаканныя стекла—снова затянетъ туча, вновь долгій дождь... По ночамъ просыпаюсь и слышу, какъ стучитъ онъ о крышу.

Черезъ недѣлю вновь Петербургъ, снова гулкія комнаты, утомительные, ненужные балы, отъ которыхъ, какъ отъ плохого вина, меня „мутитъ" нѣсколько дней, осенніе и зимніе туалеты, адъютанты съ безстрастными лицами, марширующіе солдаты...

Сижу на любимомъ своемъ угловомъ диванѣ и скулю, какъ собачонка... какъ болонка Воронцовой—подслѣповатая, старая, злющая... Алексѣй правъ, что бѣжитъ отъ меня, какъ отъ скуки. Да и что, кромѣ скуки, можно найти во мнѣ? Смотрю въ зеркало—и вижу безкровное, усталое лицо, тусклые глаза, первыя морщинки у глазъ... Постарѣла, подурнѣла—совсѣмъ Варварушка, беременная торговка съ Охты.

Но иногда, когда слышу по ночамъ, какъ онъ шевелится,—кажется мнѣ, что онъ вмѣстѣ со мной, какъ тихій другъ, переноситъ всю горечь...

11 ноября. Онъ умеръ... Какая тоска во мнѣ, если бы кто-нибудь зналъ! Его нѣтъ, онъ мертвъ... Не увидавъ—полюбила, а увидѣла—умеръ. Какъ въ сказкѣ: увидѣлъ свѣтъ—и не захотѣлъ жить...

Прожилъ два дня, вѣрнѣе, даже не прожилъ—промучился. Кричалъ всѣ два дня безпрерывно, синій отъ крика... Умеръ неслышно, словно заснулъ.

И вотъ я опять одна... За окномъ падаетъ мокрый снѣгъ; слякоть; у городового на углу повязана щека. Хоронили его безъ меня, увезли въ каретѣ. За что эта кара?..

...Сколько прошло дней, недѣль?.. Не знаю. Стою у открытаго окна, смотрю на сѣверное, безстрастное небо, на дальній ключъ

журавлей, летящихъ съ тихимъ курлыканьемъ куда-то... Счастіе и тоска во мнѣ, отчаяніе и счастіе. Какой безжалостный вѣтеръ судьбы занесъ меня сюда, какъ опавшій, безсильный, желтый листъ,—чужую, грѣшную жену?..

Вотъ уже два года, какъ я не бралась за эти листки,—теперь перебираю ихъ снова, какъ прежде.

Что же, пришло, наконецъ, мое позднее счастье?.. Такъ ли? Счастье ли—этотъ осенній трепетъ, осенняя заря... Смотрю въ его счастливые, молодые глаза, и чувствую свои тридцать лѣтъ, морщинки у глазъ... И знаю, что это счастье—мое послѣднее и что сгоритъ оно скоро. Плачутъ монастырскіе колокола, и я плачу блѣдными, мертвыми слезами надъ осеннимъ своимъ счастьемъ—безнадежнымъ...

Гдѣ-то въ далекомъ Петербургѣ Алексѣй, парады, гулкія комнаты, а здѣсь тишина, далекое, грустное небо, журавли, летящіе съ печальнымъ кликомъ куда-то...

Ну вотъ, пришло, наконецъ, мое счастье, а я плачу, плачу, ибо чувствую его мгновенность, и чѣмъ я, старая, сумѣю удержать молодое его сердце?.. Ахъ, лучше не думать, не думать. Выпить до дна этотъ стаканъ, а тамъ—что будетъ...

2 сентября. Алексѣй нагналъ меня въ коридорѣ.

— Ротмистръ Долининъ,—сказалъ онъ съ кривой, страшной улыбкой,—царскимъ приказомъ переведенъ въ пограничный полкъ.

Я схватилась за ручку двери и смотрѣла ему вслѣдъ...

18 августа. Вотъ уже годъ набѣжалъ съ тѣхъ поръ. Блѣдное солнце смотритъ сквозь окно. Онъ лежитъ подлѣ меня, мой маленькій мальчикъ, у моей груди... Алексѣй знаетъ, чей это сынъ, но самъ позвалъ врача, когда мнѣ стало плохо—хочетъ скрыть отъ другихъ. Говорятъ, государь, когда узналъ обо всемъ—пожалъ ему руку и сказалъ:

— Sois tranquille, l'offenseur sera puni!...

Да, Николай наказанъ, даже свыше наказанъ—жестоко... Не выдержалъ тоски, одиночества, позора разбитой жизни... А кто разбилъ ее, какъ не я? Сама, первая, искала этой встрѣчи въ Царскомъ, сама, первая, позвала его за собой... И онъ пошелъ, и погибъ.

Теперь я вновь одна, но во мнѣ нѣтъ уже слезъ: онѣ высохли. Только онъ подлѣ, бѣдная моя крошка, уже осужденная на нелюбовь...

Княгиня смотритъ на узкія цѣпи строкъ—и вдругъ видитъ, какъ въ прозрѣніи, дальнюю аллею Лѣтняго сада, въ красныхъ

и бронзовыхъ листьяхъ, блѣдныя пятна осенняго солнца, дрожащія на дорожкахъ... Здѣсь они встрѣчались тайно, какъ любовники, мать съ сыномъ; здѣсь плакала она, закрывъ глаза единой близкой рукой,—здѣсь встрѣтились они въ послѣдній разъ...

Ему шло сѣрое военное пальто, дѣлало его стройнѣй, — и ярче свѣтились темные и грустные его глаза. Съ давнихъ лѣтъ еще залегла эта грусть въ нихъ, бездонная грусть,—еще съ той поры, когда пріѣзжалъ по субботамъ изъ корпуса, стриженый и блѣдный, какъ выцвѣтшій, блеклый портретъ того...

Алексѣй зналъ объ этомъ поединкѣ, могъ предотвратить его,— но не отвратилъ руки... За что его убили, бѣднаго, грустнаго мальчика—изъ-за какихъ-то мертвыхъ, ужасныхъ традицій.

Сколько сновъ, не возвращающихся сновъ!...

Алексѣй умиралъ въ Нейенарѣ одинъ, не подпускалъ ея къ себѣ; умеръ блѣдной весенней зарей на верандѣ. Ненавидѣлъ ее цѣлую жизнь за тотъ дальній грѣхъ—и не простилъ передъ смертью.

Плакали мѣдными слезами трубы трубачей, офицеры несли сзади на подушкахъ шпагу и ордена, а она шла за гробомъ, какъ отверженная, не смѣя поднять глазъ...

За окномъ попрежнему зыбкія, холодныя сѣти дождя, мокнутъ во дворѣ насупленные львы, желтые фонари мигаютъ призрачно. Свѣча нагорѣла и тихо потрескиваетъ надъ синей, блеклой тетрадью. Маленькій мальчикъ, съ удивленными, темными глазами, смотритъ съ изголовья постели, надъ безсонной подушкой.

IV.

Осенній свинцовый разсвѣтъ бросаетъ мутныя синія пятна на столикъ, уставленный склянками, на высокія, измятыя подушки постели. Въ комнатѣ душно, пахнетъ пачулями, ландышевыми каплями.

Зоя Александровна очнулась отъ тяжкаго, душнаго сна,—сидитъ въ углу, въ креслѣ, закутавшись въ платокъ, зѣваетъ судорожно и растираетъ опухшія ноги. Стрѣлка на бронзовыхъ часахъ на каминѣ ползетъ медленно: черезъ двадцать минутъ, въ шесть, придетъ, какъ всегда, Дашенька.

Въ углу, на тюфячкѣ, спитъ, выставивъ острое ухо, ворчащій во снѣ, дряхлый Чарли. Дождь уже не идетъ; по мутному небу ползутъ сизыя гряды осеннихъ облаковъ.

Зоя Александровна кряхтитъ, стонетъ—и растираетъ ноющія ноги.

Въ шесть приходитъ Дашенька. Она уже умыта, въ чистомъ передникѣ, съ гладко расчесанными, рѣдкими сѣрыми волосами—подъ вязаной косынкой.

— Ночью наводненіе было,—произноситъ она, становясь на колѣни и растирая распухшія ноги въ синихъ старческихъ жилахъ.—Мясникъ разсказывалъ, всю Галерную залило.

— Дашенька, — говоритъ Зоя Александровна сквозь слезы, морщась отъ боли,—за что Богъ на меня такую напасть послалъ?... Съ четырехъ часовъ отъ боли уснуть не могла.

— Господь сдѣлалъ,—отзывается Дашенька, не поднимая головы,—значитъ, такъ тому и быть. Все къ лучшему.

— Докторъ говоритъ, что у меня это отъ шампанскаго. Шампанское я въ молодости любила... А я думаю, что кара это за грѣхъ,—только за какой грѣхъ, Дарьюшка?...

За окномъ гудятъ къ ранней обѣднѣ колокола ноюще, осеннимъ гуломъ. Дашенька надѣваетъ на ноги старухи толстые вязаные чулки, теплыя туфли съ мѣховой обшивкой, подводитъ ее къ маленькому пуфу у стѣны.

— Прилягте до кофейку,—говоритъ она и прикрываетъ ее желтымъ пледомъ. Чарли уже проснулся въ своей корзинѣ и сонно, со скуломъ, потягивается; потомъ вылѣзаетъ, брезгливо отряхиваясь, судорожно расправляетъ заднія ноги—и подходитъ къ пуфу; глаза его слезливы, и старческая тоска въ нихъ. Дашенька проворными руками прибираетъ постель.

— Мой нынче опять приходилъ,—говоритъ она вдругъ, не поворачиваясь,—въ грязи весь, шатался всю ночь,—глаза бы не глядѣли. И прогнать его хочется, и рука не подымается: жалко, куда его выгонишь!

— Что же, остался?—спрашиваетъ Зоя Александровна.

— Спитъ сейчасъ. Отоспится и опять плакать начнетъ, прощенья просить. Лежитъ, весь въ грязи,—а вѣдь своя кровь, Зоя Александровна, куда его выгонишь. И восемнадцати годовъ ему нѣтъ.

Дашенька вдругъ роняетъ пузырекъ съ ландышевыми каплями и всхлипываетъ.

— Ну, полно, полно тебѣ,—говоритъ Зоя Александровна,—исправится еще онъ у тебя. Иди, буди Ольгу Алексѣевну.

Дашенька вытираетъ слезы и выходитъ изъ комнаты. У бѣлыхъ дверей останавливается, вытираетъ глаза еще разъ—и входитъ неслышно.

Ольга Алексѣевна сидитъ въ креслѣ, закрывъ глаза,—спитъ беззвучно; свѣчи на аналойчикѣ сгорѣли до хрустальныхъ розе-

токъ,—вѣрно, позабыла погасить ихъ на ночь; пахнетъ фитилемъ, еще чѣмъ-то сладковатымъ, неуловимымъ.

— Неужели уснула въ креслѣ?

Дашенька подходитъ тихо и наклоняется.

— Ольга Алексѣевна,—шепчетъ она, чтобы не испугать спящей,—Ольга Алексѣевна, седьмой часъ...

Она касается ея блѣдной руки, лежащей на ручкѣ кресла,—и вдругъ рука мертво и тяжело падаетъ на колѣно.

— Ольга Алексѣевна,—произноситъ Дашенька уже съ жутью,—Ольга Алексѣевна...

И внезапно ощущаетъ холодъ ея тѣла сквозь тонкій шелкъ платья... Она закусываетъ руку—и смотритъ, не видя, на мертвое бѣлое лицо старухи, откинутое на бархатную спинку кресла.

V.

Въ седьмомъ часу вечера Леонтій, съ непокрытой головой, выбѣгаетъ во дворъ навстрѣчу каретѣ и открываетъ дверку.

— Здравія желаю, ваше высокопревосходительство,—говоритъ онъ, склонивъ плѣшивую голову.

У пріѣхавшаго безкровное, худое лицо съ рѣдкими бачками, пустые, безцвѣтные глаза безъ рѣсницъ; онъ въ черномъ пальто съ золотыми пуговицами и голубыми отворотами, въ форменной фуражкѣ.

— Давно это случилось?—спрашиваетъ онъ, разглаживая передъ зеркаломъ вестибюля рѣдкія свои бачки.

— Ольга Алексѣевна преставились утромъ, на разсвѣтѣ, а можетъ быть, и раньше, ночью.

Въ залѣ съ хорами, куда они входятъ, сумракъ; горитъ въ дальнемъ углу тусклое бра съ тремя свѣчами, сумрачно и жутко блестятъ колонны, скрипитъ паркетъ подъ ногами.

— Княгиня,—говоритъ Мезенцовъ входящей княгинѣ,—насъ постигло несчастіе!

— Увы, мой другъ.

Онъ цѣлуетъ ея тонкую, блѣдную руку; она его—въ большой, плѣшивый лобъ.

— Бѣдная maman,—бормочетъ онъ и вытираетъ мизинцемъ рѣсницы.—Она такъ любила жизнь.

Въ маленькой гостиной зеркала завѣшены чернымъ, рододендроны и латаніи стоятъ вокругъ стола; два канделябра горятъ у изголовья; монашенка, съ безкровнымъ, утомленнымъ лицомъ, читаетъ однотонно.

Мезенцовъ подходитъ къ столу, поднимаетъ легкую кисею и смотритъ въ лицо матери. Оно чуточку блѣднѣй, чѣмъ всегда, но ротъ ввалился, вокругъ глазъ синія тѣни, и къ пряному аромату туберозъ и лилій, разсыпанныхъ по подушкѣ, примѣшивается еще одинъ, сладковатый и страшный...

Мезенцовъ вынимаетъ изъ задняго кармана платокъ и прикладываетъ къ глазамъ.

— Когда мнѣ сообщили о несчастьѣ въ министерство,—говоритъ онъ, поворачиваясь, княгинѣ,—я не хотѣлъ вѣрить... Maman для своихъ лѣтъ была еще такъ здорова. Меня утѣшаетъ только мысль, что послѣднія минуты она провела въ вашемъ домѣ, который считала роднымъ.

Онъ отходитъ отъ стола, они выходятъ вновь въ полуосвѣщенную залу съ хорами.

— Княгиня, мнѣ сейчасъ тяжело говорить объ этомъ,—произноситъ онъ, держа платокъ у рта,—но послѣ maman остались, навѣрно, какія-нибудь распоряженія... въ ея вещахъ. Я попросилъ бы васъ временно закрыть для прислуги ея комнату.

Они ходятъ еще нѣсколько минутъ по залѣ.

— Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ вдругъ глухо и насильственно,—для насъ, государственныхъ людей, не должно существовать личной жизни... Несмотря на семейное горе, я долженъ черезъ полчаса быть на экстренномъ засѣданіи.

Княгиня смотритъ на его плѣшивый лобъ, безцвѣтные глаза безъ рѣсницъ, бѣлый жилетъ, и чувствуетъ, что еще мгновеніе, и она разрыдается отъ безмѣрной, мертвой тоски...

— Да, да,—говоритъ она,—да... Поѣзжайте съ Богомъ, Pierre. Мертвымъ не нужны сожалѣнія.

Она провожаетъ его до вестибюля. Леонтій помогаетъ ему надѣть форменное пальто съ золотыми пуговицами. У кареты уже зажжены фонари, отражаются на асфальтѣ мокрыми, блеклыми пятнами; идетъ мелкій, тонкій, косой дождь.

Княгиня глядитъ вслѣдъ темной каретѣ сквозь широкія стекла балкона-фонарика; потомъ возвращается обратно, въ сумрачную залу, въ маленькую гостиную съ завѣшенными зеркалами. Чуть колеблются пламена свѣчей у изголовья. Острая атласная туфелька выглядываетъ изъ-подъ шелковаго платья, легшаго мертвыми складками вокругъ дѣвичьи-тонкихъ ногъ.

Вл. Лидинъ.

Сонетъ.

Дымокъ разсѣялся, и только рокотали
Вагоны—тамъ вдали... Ихъ красная черта
Влилась въ холодный мракъ, а мы еще стояли,
Склонясь подъ тяжестью незримаго Перста.

Еще глаза, борясь, изъ мрака вырывали
Мигнувшій огонекъ,—но даль была пуста;
Лишь звѣзды въ высотѣ роились и дышали
И ночь струила сонъ, нетлѣнна и проста.

Отъ золотыхъ полей и смуглоликихъ женъ,
Ракитъ раскидистыхъ и бѣлыхъ колоколенъ
Въ какую даль твой летъ грозящій устремленъ,

Надъ брошенной сохой внезапно вставшій воинъ?
И гдѣ твоимъ святымъ дерзаніямъ предѣлъ,
Когда въ грозѣ, о жнецъ, какъ жатва міръ поспѣлъ?

Валеріанъ Бородаевскій.

ИМПЕРАТОРЪ ПОРТУГАЛЬСКІЙ.[1])

Вермландская повѣсть **Сельмы Лагерлефъ.**

Съ шведскаго.

Звѣзды.

Прошло уже восемь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Клара-Гулла.

Однажды Янъ стоялъ въ ригѣ въ Фалла и молотилъ. Вдругъ туда вошла Столль-Ингеборгъ.

Столль-Ингеборгъ была племянницей Яна, но она рѣдко заходила къ нему, потому что боялась Катринны. Вотъ потому-то она и пришла къ нему въ Фалла во время работы.

Янъ не очень-то обрадовался ей. Правда, ее нельзя было назвать совсѣмъ сумасшедшей, но она во всякомъ случаѣ была не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и болтала она безъ толку о всякой всячинѣ. Янъ продолжалъ стучать цѣпомъ, какъ и раньше, не обращая на нее вниманія.

— Подожди немного работать, Янъ,—сказала дѣвушка,—мнѣ хочется разсказать тебѣ, какой сонъ я сегодня видѣла про тебя.

— Приди-ка лучше въ другой разъ, Ингеборгъ,—отвѣтилъ Янъ.—Какъ только Ларсъ Гуннарсонъ услышитъ, что я пересталъ молотить, онъ придетъ сюда.

— Я разскажу очень скоро, очень скоро,—сказала Ингеборгъ.—Вѣдь ты знаешь, что я всегда быстрѣе всѣхъ все дѣлала дома. Впрочемъ, мои сестры и братья вообще никуда не годились, такъ что хвастаться тутъ нечѣмъ.

— Да вѣдь ты хотѣла говорить о какомъ-то снѣ,—напомнилъ ей Янъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! Не бойся, не бойся... я все понимаю,

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. I и II.

все понимаю... Строгій хозяинъ теперь въ Фалла, очень строгій. Но ты не бойся за меня. Изъ-за меня тебѣ не достанется... Бояться нечего, когда имѣешь дѣло съ такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ я.

Въ глубинѣ души Яну очень хотѣлось услышать, какой сонъ она видѣла о немъ. Хотя онъ былъ увѣренъ въ своихъ ожиданіяхъ, но ему всетаки было бы пріятно услышать подтвержденіе своихъ надеждъ. Но съ Ингеборгъ ничего незьзя было подѣлать, ея мысли приняли уже другое направленіе.

Она подошла къ Яну вплотную, наклонилась впередъ, зажмурила глаза и заговорила такъ быстро, что слова точно вылетали изъ ея рта.

— Тебѣ нечего бояться,—сказала она.—Неужели ты думаешь, что я рѣшилась бы прійти сюда во время работы, если бы не знала, что хозяинъ ушелъ въ лѣсъ, а хозяйка уѣхала въ село продавать масло? Не такая я дура, чтобы приходить сюда, когда они могутъ видѣть меня.

— Отойди, Ингеборгъ,—сказалъ Янъ въ нетерпѣніи.—А то я могу ударить тебя цѣпомъ.

— А ты вспомни, какъ вы били меня когда-то, когда были мальчиками,—сказала Ингеборгъ.—Да меня бьютъ еще и теперь каждый день. А вотъ на экзаменѣ у священника я отличилась. „Ингеборгъ не собьешь съ толку,—сказалъ священникъ.—Она твердо знаетъ все...“ И я въ такой дружбѣ съ барышнями изъ Лёвдала. Я говорю имъ наизустъ весь катехизисъ, вопросы и отвѣты съ начала до конца. Вотъ какая у меня память! Я знаю наизустъ всю библію и молитвенникъ также и всѣ проповѣди пробста. Хочешь, я тебѣ скажу ихъ... или лучше мнѣ спѣть тебѣ что-нибудь?

Янъ ничего не отвѣтилъ ей. Онъ снова принялся за молотьбу.

Однако Ингеборгъ не уходила. Она усѣлась на снопъ соломы и пропѣла псаломъ въ двадцать стиховъ, а потомъ сказала наизустъ двѣ главы изъ библіи. Послѣ этого она, наконецъ, ушла, не попрощавшись даже, и пропадала довольно долго. Но черезъ нѣсколько времени она снова появилась въ дверяхъ риги.

— Тише, тише,—сказала она.—Теперь мы будемъ говорить о самомъ необходимомъ. Только тише, тише.

Она подняла кверху указательный палецъ и застыла въ этой позѣ, поднявъ глаза вверхъ.

— Никакихъ другихъ мыслей, никакихъ другихъ мыслей,—бормотала она.—Будемъ говорить только о самомъ необходимомъ... да перестань же молотить.

Она подождала, пока Янъ не пересталъ молотить.

— Сегодня я видѣла во снѣ, что ты пришелъ ко мнѣ... да, такъ это было. Ты пришелъ ко мнѣ, а я сказала тебѣ: Ты прогуливаешься, Янъ? Ты изъ Аскедаларна? Нѣтъ, отвѣтилъ ты, я живу теперь не въ Аскедаларна, а въ долинѣ Тоски. Вотъ какъ, сказала я, такъ добро пожаловать. Тамъ и я прожила всю свою жизнь!

Едва Ингеборгъ проговорила это, какъ исчезла.

Ея слова очень удивили Яна. Нѣкоторое время онъ не принимался за работу и раздумывалъ о нихъ.

Немного погодя Ингеборгъ опять появилась.

— Теперь я, наконецъ, вспомнила, зачѣмъ я приходила сюда въ первый разъ,—сказала она.—Я хотѣла показать тебѣ мои звѣзды.

На рукѣ у нея была небольшая корзинка, обвязанная тряпкой. Пока она развязывала тряпку, она болтала безъ умолку.

— Это настоящія звѣзды. Когда живешь въ долинѣ Тоски, тогда мало всего земного, приходится искать звѣздъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Придется и тебѣ искать ихъ.

— Ну нѣтъ, Ингеборгъ,—возразилъ Янъ,—я буду лучше придерживаться земного.

— Тише!—прошептала Ингеборгъ.—Неужели же ты думаешь, что я такая дура, что буду искать звѣздъ на небѣ? Нѣтъ, я собираю только тѣ звѣзды, которыя упали съ неба. Я человѣкъ разсудительный.

Она сняла тряпку съ корзинки, и Янъ увидалъ, что корзинка была полна звѣздъ, которыя она выпросила въ господскихъ усадьбахъ. Это были звѣзды изъ оловянной бумаги, изъ стекла, изъ жести, всякія украшенія съ елокъ и съ конфетъ.

— Это настоящія звѣзды,—сказала она.—Онѣ упали съ неба. Я показала ихъ только тебѣ, и я даже подарю тебѣ штуки двѣ, если онѣ тебѣ нужны.

— Спасибо, Ингеборгъ!—сказалъ Янъ.—Когда мнѣ понадобятся звѣзды, а этого не придется долго ждать, то у тебя я ихъ не буду просить.

Наконецъ-то она ушла, но Янъ еще не скоро принялся за работу.

Это былъ перстъ Божій! Да, какъ и многое другое? Конечно, такая слабоумная, какъ Ингеборгъ, не знала ничего о Кларѣ, но у нея было какое-то чутье, и она предугадывала заранѣе, когда должно было случиться что-нибудь необычайное. Она видѣла и слышала многое такое, о чемъ у умныхъ людей не было никакого представленія.

Ожиданіе.

Инженеръ Бореусъ, жившій въ великолѣпной усадьбѣ Боргъ, почти каждое утро ходилъ на пристань къ встрѣчѣ парохода. Это никого не удивляло, потому что это была хорошая прогулка, онъ проходилъ по прекрасному парку, и до пристани было недалеко, а кромѣ того, съ пароходомъ часто пріѣзжали люди, съ которыми онъ могъ обмѣняться нѣсколькими словами, а это хоть сколько-нибудь нарушало однообразную жизнь въ деревнѣ.

Какъ разъ тамъ, гдѣ кончался паркъ, начинался крутой спускъ къ пристани, и надъ спускомъ изъ-подъ земли торчало нѣсколько большихъ каменныхъ плитъ. На этихъ плитахъ очень часто сидѣли и отдыхали люди, явившіеся издалека къ прибытію парохода. Ожидающихъ всегда было очень много на пристани въ Боргѣ, такъ какъ тамъ никогда не знали въ точности, когда именно долженъ зайти пароходъ. Раньше двѣнадцати часовъ онъ приходилъ рѣдко, но всетаки изрѣдка случалось, что онъ приходилъ также и въ одиннадцать. А иногда онъ настолько запаздывалъ, что приходилъ въ часъ или въ два. Потому-то люди предусмотрительные, являвшіеся на пристань къ десяти часамъ, проводили иногда тамъ все утро.

Изъ господскаго дома въ Боргѣ открывался прекрасный видъ на озеро Левенъ, и инженеръ Бореусъ могъ видѣть пароходъ, когда онъ выходилъ изъ-за мыса. А потому инженеръ всегда приходилъ на пристань къ самому приходу парохода. Проходя мимо каменныхъ плитъ, на которыхъ сидѣли встрѣчавшіе пароходъ, онъ не останавливался и только бросалъ мимоходомъ взглядъ на ожидавшихъ.

Но это лѣто онъ не могъ не обратить вниманія на одного маленькаго старичка съ кроткимъ и ласковымъ лицомъ, такъ какъ этотъ старичокъ сидѣлъ на плитахъ изо дня въ день. Онъ сидѣлъ неподвижно и былъ совершенно равнодушенъ, пока не появлялся пароходъ. Тогда онъ бросался къ пристани, и лицо его сіяло отъ счастія. Онъ выходилъ на самый край пристани, точно былъ увѣренъ въ томъ, что сейчасъ пріѣдетъ тотъ, кого онъ пришелъ встрѣчать. Но ему никогда не приходилось никого встрѣтить. Когда отчаливалъ пароходъ, онъ стоялъ на пристани въ полномъ одиночествѣ, какъ и раньше.

Онъ направлялся домой съ потухшимъ взоромъ и тогда производилъ впечатлѣніе дряхлаго и истомленнаго человѣка. Иногда казалось даже, что у него нехватитъ силъ взобраться на кручу.

Инженеръ Бореусъ не зналъ этого старика, но въ одинъ пре-

красный, солнечный день, когда онъ снова увидалъ его на каменныхъ плитахъ въ ожиданіи парохода, онъ заговорилъ съ нимъ. Онъ узналъ, что старикъ ждетъ дочь, которая непремѣнно должна сегодня пріѣхать.

— А почему вы знаете, что она пріѣдетъ именно сегодня?— спросилъ инженеръ.—Я видѣлъ, что вы ждете здѣсь уже цѣлыхъ два мѣсяца. Она, вѣроятно, сообщила вамъ невѣрно о днѣ своего пріѣзда?

— Нѣтъ, это не такъ,—отвѣтилъ старикъ очень кротко,—она вовсе не извѣстила меня.

— Господи Боже ты мой!—воскликнулъ инженеръ, отличавшійся вспыльчивымъ нравомъ,—чего же вы хотите? Вы каждый день сидите здѣсь и ожидаете, а оказывается, что ваша дочь даже не извѣстила васъ о своемъ пріѣздѣ!

— Да,—отвѣтилъ старикъ, поднимая на инженера свои кроткіе, ясные глаза,—она не извѣстила меня. Она не могла сдѣлать этого.

— Такъ вы не получали письма?—спросилъ инженеръ.

— Нѣтъ, послѣднее письмо было отъ нея перваго октября.

— Такъ зачѣмъ же вы приходите на пристань?—удивился инженеръ.—Вы проводите здѣсь по полдня и ничего не дѣлаете. Развѣ вы можете бросать работу?

— Конечно, это нехорошо съ моей стороны,—отвѣтилъ старикъ, улыбаясь какъ бы самому себѣ,—но все это уладится.

— Да какъ же можно сидѣть и ждать, не зная чего?—воскликнулъ съ досадой инженеръ Бореусъ.—Васъ просто надо посадить въ сумасшедшій домъ!

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ, обхвативъ колѣни руками, съ самымъ невозмутимымъ видомъ. На лицѣ его играла счастливая улыбка, и она становилась все увѣреннѣе съ каждой минутой.

Инженеръ пожалъ плечами и отошелъ отъ него. Но, спустясь до половины пригорка, онъ раскаялся въ своей горячности и вернулся обратно. На его лицѣ появилось доброе выраженіе, онъ протянулъ старику руку и сказалъ:

— Мнѣ только хотѣлось пожать вамъ руку. До сихъ поръ я думалъ, что одинъ въ этихъ краяхъ умѣю тосковать по-настоящему, теперь я вижу, что вы превзошли меня въ этомъ.

Императрица.

Пошелъ уже второй годъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Клара, а Янъ ни единымъ словомъ не проговорился о томъ, какая ве-

ликая перемѣна совершилась въ ея жизни. Онъ твердо рѣшилъ молчать, пока она сама не возвратится. Если Клара-Гулла не догадывалась, что онъ знаетъ о ея тайнѣ, то для нея будетъ еще пріятнѣе поразить его всѣмъ своимъ великолѣпіемъ.

Однако на свѣтѣ случается гораздо больше такого, чего не ожидаешь. И вотъ случилось такъ, что въ одинъ прекрасный день Яну пришлось нарушить молчаніе и заговорить. Конечно, сдѣлалъ онъ это не ради себя самого, нѣтъ, онъ ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы ходить въ своемъ поношенномъ платьѣ и чтобы люди считали его бѣднымъ торпаромъ до поры, до времени. Но ради дѣвочки онъ принужденъ былъ открыть великую тайну.

Въ началѣ августа онъ, по обыкновенію, пришелъ на пристань встрѣчать пароходъ. Онъ уже не могъ больше отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, а кромѣ того, онъ хорошо зналъ, что и Клара-Гулла не имѣетъ ничего противъ того, чтобы онъ выходилъ къ ней навстрѣчу.

Пароходъ только что причалилъ, и онъ убѣдился въ томъ, что Клара-Гулла не пріѣхала. Онъ былъ очень разочарованъ, такъ какъ сегодня былъ увѣренъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, что она уже покончила наконецъ со всѣми своими дѣлами и пріѣдетъ домой. Но, повидимому, у нея явились новыя препятствія, какъ это и было все лѣто. Да, должно быть, трудно было ей покончить со всѣми дѣлами, вѣдь чего у нея только не было!

А всетаки Яну было очень жалко, что она не пріѣхала именно сегодня, такъ какъ на пристани собралось очень много ея знакомыхъ. Тутъ былъ и депутатъ Карлъ Карльсонъ изъ Стурвика, и Августъ Дэръ-Ноль изъ Престерюда и зять Бьёрна Хиндриксона, и даже старый Агриппа Престбергъ. Надо сказать, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Клара такъ хитро выпроводила изъ Скрулюкка Агриппу, онъ питалъ къ ней маленькую слабость. Янъ находилъ, что было бы особенно пріятно, если бы Клара-Гулла именно въ этотъ день появилась на пароходѣ во всемъ своемъ великолѣпіи, чтобы Престбергъ увидалъ ее.

Но разъ она не пріѣхала, то Яну оставалось только повернуть и итти домой. Онъ хотѣлъ уже уйти съ пристани, какъ старый, злой Греппа загородилъ ему дорогу.

— Вотъ какъ,—сказалъ Греппа,—ты бѣгаешь сюда каждый день встрѣчать дочку?

Съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Греппа, лучше всего было не разговаривать, а потому Янъ свернулъ съ дороги и хотѣлъ пройти мимо него.

— Да, меня ничуть не удивляетъ, что тебѣ хочется встрѣтить такую важную даму, какой она стала теперь,—продолжалъ Греппа.

Тутъ подошелъ Августъ Дэръ-Ноль и схватилъ Греппу за руку, чтобы заставить его замолчать.

Однако Греппа не послушался.

— Весь приходъ знаетъ это,—крикнулъ онъ.—Пора и родителямъ узнать, въ чемъ дѣло. Янъ Андерсонъ хорошій человѣкъ, хотя онъ виноватъ въ томъ, что избаловалъ свою дочь. Я не могу больше выносить, что онъ сидитъ здѣсь изо дня въ день и ждетъ эту...

И онъ назвалъ такимъ отвратительнымъ словомъ маленькую дѣвочку изъ Скрулюкка, что у Яна никогда нехватило бы духу повторить его даже мысленно.

Но теперь, когда Агриппа Престбергъ бросилъ ему въ лицо это слово громко, такъ что всѣ присутствующіе на пристани слышали его, у старика вырвалась наружу тайна, которую онъ хранилъ цѣлый годъ. Дольше онъ не могъ сдерживаться,—пусть его дѣвочка проститъ ему, что онъ выдалъ ея тайну!

Онъ сказалъ то, что долженъ былъ сказать, безъ всякаго гнѣва, безъ всякой заносчивости. Онъ сдѣлалъ величественный жестъ рукой, и на губахъ его появилась презрительная усмѣшка, словно онъ не хотѣлъ даже удостоить отвѣтомъ.

— Когда пріѣдетъ императрица...

— Императрица? Это еще кто такая?—фыркнулъ Греппа, словно онъ ничего и не слыхалъ о той великой чести, которая выпала на долю дѣвочки.

Но Янъ не слушалъ его, онъ продолжалъ съ тѣмъ же величавымъ спокойствіемъ:

— Когда императрица Клара Португальская будетъ стоять здѣсь на пристани съ золотой короной на головѣ и ее будутъ окружать семь королей и поддерживать ея мантію, а семь ручныхъ львовъ будутъ лежать у ея ногъ и семьдесятъ семь полковниковъ будутъ итти передъ ней съ обнаженными мечами въ рукахъ,—тогда мы посмотримъ, посмѣешь ли ты повторить ей самой то, что ты сегодня сказалъ мнѣ, Престбергъ!

Проговоривъ это, онъ замеръ на мѣстѣ, какъ бы наслаждаясь произведеннымъ имъ эфектомъ и тѣмъ страхомъ, который онъ нагналъ на всѣхъ. Потомъ онъ круто повернулся и пошелъ своей дорогой спокойной и равномѣрной походкой.

Едва онъ повернулъ спину, какъ на пристани поднялись шумъ и возня. Сперва Янъ не обратилъ на это вниманія, но потомъ онъ услыхалъ глухой ударъ, и тогда онъ не выдержалъ и обернулся.

Старый Греппа лежалъ на пристани врастяжку, а надъ нимъ стоялъ Августъ Деръ-Ноль съ сжатыми кулаками.

— Ты зналъ, негодяй, что онъ не выдержитъ правды!—крикнулъ Августъ.—Неужели у тебя нѣтъ сердца?

Янъ услыхалъ только это, но онъ терпѣть не могъ дракъ и ссоръ, а потому онъ сталъ подниматься по пригорку, не обращая больше вниманія на то, что происходило на пристани.

Но удивительнѣе всего было то, что когда онъ остался одинъ, его тѣло вдругъ потрясли глухія рыданія. Онъ не могъ понять, отчего онъ рыдалъ. Должно быть, это были слезы радости. Онъ былъ счастливъ, что открылъ наконецъ свою тайну. Ему казалось, что маленькая дѣвочка снова возвратилась къ нему.

Императоръ.

Въ первое воскресенье въ сентябрѣ въ церкви въ Свартшё произошло нѣчто такое, что привело всѣхъ прихожанъ въ величайшее изумленіе.

Въ свартшёской церкви вдоль всей стѣны идутъ широкіе хоры. На первой скамьѣ сидѣли обыкновенно господа, направо сидѣли мужчины, а налѣво женщины. Такъ это было съ незапамятныхъ временъ.

Правда, никому не запрещалось сидѣть тамъ, всякій могъ выбирать любое мѣсто. Но всетаки ни одному торпару не пришло бы въ голову сѣсть на переднюю скамью.

Когда-то Янъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту скамью и находилъ, что всѣ, кто сидѣли на ней, были очень красивы и нарядны. Да и въ этотъ день онъ не отрицалъ, что и заводчикъ изъ Дювнэса, и лейтенантъ изъ Лёвдала, и инженеръ изъ Борга—всѣ были очень представительные и красивые люди. Но что они были въ сравненіи съ той блестящей особой, которую удостоились увидѣть въ церкви въ этотъ день прихожане? Вѣдь до сихъ поръ они никогда еще не видѣли у себя на хорахъ императора.

А вотъ сегодня на среднемъ мѣстѣ передней скамьи сидѣлъ императоръ. Онъ опирался обѣими руками о длинную палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, а на головѣ у него была высокая шапка изъ зеленой кожи, на груди сверкали двѣ звѣзды, одна изъ серебра, другая изъ золота.

Когда заигралъ органъ, императоръ громко запѣлъ. Дѣло въ томъ, что императоръ имѣетъ право пѣть громко въ церкви даже въ томъ случаѣ, если у него нѣтъ ни слуха, ни голоса. Прихожане, конечно, были счастливы, что слышали его.

Мужчины, сидѣвшіе рядомъ съ нимъ, съ удивленіемъ смотрѣли на него, но такъ это и должно было быть. Вѣдь среди нихъ въ первый разъ появилась такая высокая особа.

Свою зеленую шапку императоръ снялъ, потому что даже императоры должны обнажать голову въ церкви. Но вначалѣ онъ появился въ ней, чтобы дать людямъ полюбоваться ею.

Прихожане, сидѣвшіе внизу, также съ удивленіемъ смотрѣли на хоры. Казалось, будто они больше обращаютъ вниманія на императора, чѣмъ на проповѣдь священника. Но это можно было простить имъ. Когда они привыкнутъ къ присутствію въ церкви императора, то успокоятся.

Быть можетъ, они были нѣсколько удивлены тѣмъ, что онъ такъ возвысился. Но вѣдь должны же они понять, что отецъ императрицы долженъ самъ быть императоромъ. Иначе и быть не могло.

Когда онъ вышелъ по окончаніи службы на церковный пригорокъ, къ нему хотѣли подойти многіе изъ прихожанъ, но онъ не успѣлъ ни съ кѣмъ заговорить, такъ какъ къ нему подошелъ причетникъ Свартлингъ и попросилъ его зайти въ ризницу.

Въ ризницѣ сидѣлъ священникъ на высокомъ креслѣ спиной къ двери и разговаривалъ съ депутатомъ Карльсономъ. Въ эту минуту вошли Янъ съ причетникомъ. Священникъ на что-то сердился, это слышно было по его голосу. Онъ чуть не плакалъ,—такъ онъ былъ взволнованъ.

— Мнѣ были довѣрены двѣ души,—сказалъ онъ,—и я далъ имъ погибнуть!

Депутатъ старался успокоить его.

— Полноте, пасторъ, какъ можете вы считать себя виноватымъ въ томъ, что происходитъ въ большихъ городахъ?—воскликнулъ онъ.

Но священникъ не слушалъ его. Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Нѣтъ, въ этомъ я не виноватъ,—сказалъ онъ.—Но развѣ я сдѣлалъ что-нибудь, чтобы оградить отъ соблазна молодую восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, одинокую и беззащитную, выброшенную въ широкій свѣтъ? И что сдѣлалъ я, чтобы утѣшить ея отца, который жилъ только ею одной?

— Вѣдь вы такъ недавно въ нашемъ приходѣ, пасторъ,—сказалъ депутатъ,—если уже говорить объ отвѣтственности, то она падаетъ скорѣе на насъ, остальныхъ, хорошо знающихъ нашихъ прихожанъ. Но кто могъ бы подумать, что все сложится такъ печально? Вѣдь молодымъ приходится уходить въ люди. И всѣхъ

насъ въ свое время постигла та же участь, и большая часть вышли благополучно изъ этого.

— Господи, если бы я только сумѣлъ поговорить съ нимъ!— сказалъ священникъ.—Быть можетъ, мнѣ еще удастся удержать разсудокъ, который покидаетъ его...

Причетникъ Свартлингъ откашлялся, чтобы предупредить о присутствіи Яна, и священникъ обернулся къ нимъ. Онъ всталъ и взялъ Яна за руку.

— Янъ!—началъ онъ.

Священникъ былъ высокій и красивый молодой человѣкъ. Своимъ кроткимъ голосомъ и ясными голубыми глазами онъ производилъ глубокое впечатлѣніе на прихожанъ, и Янъ относился къ нему очень хорошо, но тутъ онъ рѣшилъ съ самаго же начала поставить его на надлежащее мѣсто.

— Дорогой мой пасторъ,—началъ онъ,—здѣсь уже нѣтъ больше Яна. Передъ вами стоитъ императоръ Іоханнесъ Португальскій! И съ тѣми, кто не хочетъ величать его подобающимъ образомъ, онъ разговаривать не желаетъ!

Сказавъ это, Янъ удостоилъ священника величественнымъ кивкомъ и надѣлъ на голову зеленую шапку. Священникъ, депутатъ и причетникъ застыли въ растерянныхъ позахъ и не двинулись съ мѣста, когда Янъ раскрылъ дверь и удалился.

Пѣсня императора.

На горѣ, покрытой лѣсомъ, надъ самой деревней Лубю, сохранился еще кусокъ старой проселочной дороги. Когда-то это была единственная дорога, и всѣ ѣздили по ней, но теперь она была совершенно заброшена, такъ какъ неподалеку была проведена другая дорога, болѣе удобная и отлогая. Однако пѣшеходы предпочитали старую дорогу, которая была короче, да и красивѣе. Она не успѣла еще зарасти и оставалась все такой же широкой, къ тому же она была усыпана бархатистымъ желтымъ пескомъ, а благодаря тому, что по ней не ѣздили, на ней не было ни колей, ни грязи, ни пыли. По краямъ дороги въ изобиліи росли цвѣты, а въ заросшихъ канавахъ стройнымъ рядомъ стояли молоденькія елочки. Онѣ тѣсно прижимались другъ къ другу, словно живая изгородь въ господской усадьбѣ, и на ихъ свѣтло-зеленыхъ верхушкахъ было множество молодыхъ побѣговъ. Ихъ густыя вѣтви съ мягкой хвоей всегда слегка шевелились и издавали едва уловимый шелестъ, напоминавшій жужжаніе шмелей въ лѣтній солнечный день.

Возвращаясь изъ церкви домой, Янъ свернулъ на старую проселочную дорогу—это было въ то воскресенье, когда онъ въ первый разъ появился въ церкви въ императорскомъ одѣяніи,—и пошелъ вдоль живой изгороди изъ молоденькихъ елочекъ. Въ этотъ теплый солнечный день тихій шелестъ елочекъ раздавался такъ явственно, что Янъ былъ пораженъ. До сихъ поръ онъ никогда не обращалъ вниманія на шелестъ елокъ, а сегодня онѣ точно напѣвали какую-то пѣсенку. Онъ рѣшилъ выяснить, почему именно сегодня елочки поютъ такъ громко. Торопиться ему было некуда, и онъ сѣлъ на бархатистый песокъ на краю дороги. Положивъ палку рядомъ съ собой, онъ снялъ зеленую шапку и вытеръ со лба потъ, а затѣмъ сложилъ руки и сталъ прислушиваться.

Воздухъ стоялъ неподвижно, не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, такъ что не вѣтеръ заставлялъ играть маленькіе невидимые музыкальные инструменты, спрятанные въ вѣтвяхъ елочекъ. Нѣтъ, казалось, будто елочки сами играли отъ радости, что онѣ такія молоденькія и свѣженькія, и что имъ такъ спокойно стоять у забытой дороги, куда еще не скоро заглянутъ люди, чтобы ихъ срубить.

А всетаки, если даже это и было такъ, Янъ не могъ понять, почему именно сегодня ели шумѣли такъ громко. Вѣдь онѣ могли каждый день радоваться всѣмъ тѣмъ преимуществамъ, которыми онѣ пользовались въ ясные лѣтніе дни, а потому имъ незачѣмъ было задавать такой концертъ именно сегодня безъ особой причины.

Янъ сидѣлъ не шевелясь и слушалъ.

Ели пѣли очень мелодично, хотя пѣсенка ихъ была очень монотонна и повторялась она безъ конца.

На лѣсномъ пригоркѣ было дѣйствительно очень хорошо. Не удивительно, что елочки чувствовали себя счастливыми и радовались. Странно только, что онѣ не играли и не пѣли еще лучше. Янъ посмотрѣлъ на вѣтви елей съ молодой свѣтло-зеленой хвоей, онъ полной грудью вдыхалъ въ себя ихъ смолистый запахъ, который былъ лучше аромата самыхъ прекрасныхъ цвѣтовъ на лугу, онъ залюбовался зелеными незрѣлыми шишками, чешуя на которыхъ была расположена такъ искусно, и снова удивился, что такія деревья не могутъ пѣть лучше. Пѣли бы они хоть такъ, чтобы можно было понять, что̀ именно они поютъ!

Но елочки напѣвали все одно и то же, все одно и то же. Янъ слушалъ, слушалъ, и имъ начала овладѣвать дремота. Отчего бы и не растянуться на чистомъ песочкѣ и не вздремнуть?

Но что это такое? Какъ разъ въ то мгновеніе, когда Янъ положилъ голову на землю и закрылъ глаза, ему вдругъ послышалось, что деревья запѣли что-то другое. Теперь слышна была мелодія и можно было различить размѣръ.

Янъ понялъ: весь предыдущій шумъ былъ только вступленіемъ, какъ это бываетъ въ церкви, когда органъ играетъ передъ началомъ псалма. А вотъ онъ разслышалъ даже и слова, и понялъ ихъ!

Да, да, Янъ понялъ, что деревья знали, все знали, что съ нимъ случилось. Для него-то они и пѣли все время такъ громко.

Теперь они пѣли о немъ, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Они запѣли теперь такъ ясно, потому что думали, что онъ спитъ. Быть можетъ, они не хотѣли, чтобы онъ слышалъ, какъ они прославляютъ его.

Что за пѣсня, что за мелодія? Онъ лежалъ и не открывалъ глазъ, но зато онъ весь превратился въ слухъ. Ни одинъ звукъ не ускользнулъ отъ него.

Каждый куплетъ пѣсни заканчивался припѣвомъ безъ словъ, и это-то и было самое очаровательное.

Это была настоящая музыка! Пѣли не только молоденькія елочки, но подпѣвалъ весь лѣсъ. Это былъ цѣлый оркестръ, слышны были звуки органовъ, барабановъ и трубъ. Играли на флейтахъ и дудочкахъ, напоминавшихъ пѣніе синичекъ и дроздовъ. Журчали ручейки, пѣли русалки, звенѣли голубые колокольчики...

Никогда еще Янъ не слыхалъ ничего прекраснѣе этого. И никогда еще никакая другая музыка не запечатлѣвалась у него въ памяти такъ хорошо, какъ эта. Каждый звукъ вливался ему въ уши и оставался тамъ навсегда.

Когда пѣсня окончилась и лѣсъ замолкъ, Янъ вскочилъ съ земли, словно очнувшись отъ глубокаго сна. И, чтобы не забыть, онъ сейчасъ же началъ напѣвать эту пѣсню императора, пропѣтую ему лѣсомъ:

Отецъ императрицы
Такъ счастливъ и такъ радъ,
Газеты изъ столицы
О томъ же говорятъ.

Тутъ начинался припѣвъ, но какъ разъ припѣвъ-то онъ и не разобралъ какъ слѣдуетъ, однако онъ всетаки пропѣлъ его, и ему показалось, что такъ это и было:

Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

Корона золотая
За шапку у него,
А сабля золотая
Ну такъ, ни для чего.
Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

И яблоки златыя
Въ котлѣ его кипятъ,
Какъ овощи простые—
Всѣ люди говорятъ.
Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

Пройдется ли онъ боромъ,
А фрейлины ужъ тутъ,
Привѣтствуютъ всѣ хоромъ,
Давно стоятъ и ждутъ.
Японцы, португальцы,
Испанцы, Лондонъ, Мецъ,
Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ, о-рулла,
Бумъ, бумъ.

Больше приводило Яна въ восторгъ именно это „бумъ-бумъ". При каждомъ „бумъ" онъ сильно ударялъ палкой о землю, и голосъ его звучалъ особенно громко, и онъ старался пѣть басомъ. Онъ безъ конца напѣвалъ эту пѣсню, повторяя ее разъ за разомъ.

Да и сложилась эта пѣсня такимъ чудеснымъ образомъ! Не служило ли яснымъ доказательствомъ того, насколько хороша была эта пѣсня, также и то обстоятельство, что это была первая мелодія, которую удалось запомнить Яну?

Семнадцатое августа.

Въ первый разъ, когда Янъ пошелъ въ Лёвдала посмотрѣть на торжество, семнадцатаго августа, онъ остался недоволенъ своимъ посѣщеніемъ, такъ какъ Клара-Гулла осрамила его, стащивъ въ господскомъ саду нѣсколько яблокъ. Съ тѣхъ поръ онъ такъ и не ходилъ въ Лёвдала, хотя сосѣди разсказывали ему, что семнадцатое августа празднуется тамъ съ каждымъ годомъ все пышнѣе и пышнѣе.

Но теперь, когда его дѣвочка такъ возвысилась, все измѣнилось для него. Онъ зналъ, что лейтенантъ Лильекрона очень обидится, если такая высокая особа, какъ императоръ Іоганнесъ Португальскій, не окажетъ ему чести и не придетъ поздравить его съ днемъ рожденія.

И вотъ Янъ надѣлъ на себя императорскую одежду и отправился въ Лёвдала. Однако онъ не торопился. Онъ отнюдь не хотѣлъ прійти однимъ изъ первыхъ. Не подобаетъ императору своимъ появленіемъ смущать общество,—пусть гости сперва разойдутся и развеселятся, тогда его присутствіе на празднествѣ не такъ будетъ стѣснять ихъ.

Во время своего перваго посѣщенія Яну и въ голову не приходило приближаться къ дому, онъ стоялъ все время на площадкѣ передъ домомъ и не ходилъ здороваться съ хозяевами. Теперь же не могло быть и рѣчи о такомъ неучтивомъ поведеніи съ его стороны. Войдя въ садъ, Янъ сейчасъ же направился прямо къ большой бесѣдкѣ влѣво отъ параднаго входа въ домъ, гдѣ сидѣлъ лейтенантъ въ обществѣ своихъ многочисленныхъ гостей; онъ протянулъ хозяину руку и пожелалъ ему много лѣтъ здравствовать.

— А, Янъ, ты вышелъ прогуляться?—сказалъ лейтенантъ, на лицѣ котораго отразилось удивленіе. Само собою разумѣется, онъ не ожидалъ такой чести. По этой же причинѣ онъ до того растерялся, что назвалъ Яна его старымъ именемъ.

Янъ прекрасно зналъ, что такой хорошій человѣкъ, какъ лейтенантъ, никоимъ образомъ не могъ преднамѣренно обидѣть его, а потому онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе въ самой деликатной формѣ.

— Мы не будемъ строго относиться къ вамъ, лейтенантъ, такъ какъ сегодня день вашего рожденія,—сказалъ онъ очень снисходительно.—Но вамъ не слѣдуетъ забывать, что я императоръ Іоганнесъ Португальскій, и что называть меня слѣдуетъ соотвѣтствующимъ образомъ.

Онъ произнесъ это самымъ дружескимъ тономъ, однако это не

помѣшало остальнымъ гостямъ засмѣяться надъ тѣмъ, что лейтенантъ такъ глупо попалъ впросакъ. Янъ, не желавшій причинять непріятности лейтенанту въ день его рожденія, поспѣшилъ замять неловкость гостей и сталъ здороваться съ ними, чтобы отвлечь ихъ вниманіе.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогіе мои генералы, епископы и губернаторы!—сказалъ онъ, снимая свою зеленую шапку и дѣлая ею широкій размахъ. Послѣ этого онъ сталъ обходить всѣхъ и здороваться со всѣми за руку.

Рядомъ съ лейтенантомъ сидѣлъ маленькій толстенькій человѣчекъ въ бѣломъ жилетѣ, въ расшитомъ золотомъ воротникѣ и со шпагой. Когда Янъ протянулъ ему руку, онъ не подалъ ему всей своей руки, а только два пальца.

Очень можетъ быть, что онъ сдѣлалъ это безъ злого умысла, но такой человѣкъ, какъ императоръ Іоганнесъ, хорошо зналъ, что необходимо соблюдать свое достоинство.

— Тебѣ придется протянуть мнѣ всю руку, милый мой епископъ и губернаторъ,—сказалъ онъ, но такъ ласково, какъ только это было возможно, потому что онъ не хотѣлъ портить настроенія гостей въ этотъ торжественный день.

Однако этотъ глупый человѣкъ вздумалъ задирать носъ.

— Ты только что выразилъ недовольство по поводу того, что Лильекрона назвалъ тебя по имени,—замѣтилъ онъ.—Меня тѣмъ болѣе удивляетъ, какъ ты позволяешь себѣ обращаться ко мнѣ на *ты*. Развѣ ты не видишь вотъ этого всего?—спросилъ онъ, указывая на какія-то три несчастныя звѣзды на своемъ фракѣ.

Тутъ Яну оставалось только волей-неволей распрощаться со своей скромностью и непритязательностью. Онъ быстрымъ движеніемъ разстегнулъ свою куртку и широко распахнулъ ее, чтобы всѣ могли видѣть его жилетъ, усѣянный золотыми и серебряными звѣздами. Онъ всегда носилъ свои звѣзды на жилетѣ и наглухо застегивалъ куртку, такъ какъ звѣзды его легко мялись и выцвѣтали и онъ берегъ ихъ. А кромѣ того, онъ скрывалъ ихъ также и изъ скромности, потому что не любилъ смущать людей и пугать ихъ своимъ великолѣпіемъ, когда это было лишнее. Теперь же онъ долженъ былъ показать свои звѣзды, чтобы внушить людямъ должное почтеніе къ себѣ.

— Вотъ взгляни-ка на это!—воскликнулъ онъ.—Ну, что? Вотъ такъ всегда бываетъ, когда люди хвастаютъ! У тебя какія-то три несчастныя звѣзды. Есть чѣмъ кичиться!

Тутъ, разумѣется, генералу стало стыдно, и онъ проникся должнымъ почтеніемъ къ Яну. Къ тому же всѣ, кто знали про импе-

ратрицу и ея государство, до смерти хохотали надъ попавшимся впросакъ хвастуномъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ онъ, вставая и низко кланяясь.—Теперь только я понялъ, что вижу передъ собой настоящую царственную особу! И особа эта, какъ видно, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ!

Вотъ что значитъ умѣть обращаться съ людьми! И послѣ этого никто изъ другихъ гостей не разговаривалъ съ такимъ удовольствіемъ съ регентомъ Португаліи, какъ этотъ заносчивый генералъ, который хотѣлъ было протянуть императору Португальскому всего два пальца, когда тотъ подалъ ему всю руку.

Конечно, послѣ этого никто уже изъ сидѣвшихъ въ бесѣдкѣ не отказывалъ императору въ должномъ почтеніи—объ этомъ не могло быть и рѣчи. Когда первое замѣшательство прошло и гости поняли, что при всемъ своемъ высокомъ положеніи императоръ вполнѣ доступенъ и не надмѣненъ, они стали наперерывъ разспрашивать его про его дѣвочку, про ея возвышеніе и о ея возвращеніи въ родной край. Подъ конецъ между Яномъ и гостями возникли такія дружескія отношенія, что онъ спѣлъ даже пѣсенку, которую слышалъ въ лѣсу. Очень можетъ быть, что съ его стороны это было слишкомъ большимъ снисхожденіемъ, но разъ всѣ гости такъ радовались каждому слову, которое онъ произносилъ, то онъ рѣшилъ доставить имъ еще и это удовольствіе.

И дѣйствительно, его пѣніе привело всѣхъ въ восторгъ. Едва онъ запѣлъ, какъ къ нему подошли также старыя генеральши и графини, сидѣвшія въ гостиной и пившія чай съ конфетами. Поспѣшили подойти и молодые бароны и придворныя фрейлины, которые весело танцовали въ бальной залѣ. Всѣ столпились вокругъ него и не сводили съ него глазъ. Но развѣ могло быть иначе, разъ онъ императоръ?

Такой пѣсни еще никто никогда не слыхалъ. Не успѣлъ онъ окончить ее, какъ гости стали просить его пропѣть ее еще разъ. Онъ немного поцеремонился и не согласился сразу, потому что не подобало ему быть слишкомъ сговорчивымъ, но, наконецъ, онъ уступилъ просьбамъ. И вотъ, когда онъ дошелъ до припѣва, то всѣ начали подпѣвать ему, молодые бароны притопывали даже ногами въ тактъ со словами „бумъ-бумъ“, а фрейлины хлопали въ ладоши.

Да, пѣсня была замѣчательная. Когда Янъ увидалъ всѣхъ этихъ нарядныхъ людей, которые подпѣвали ему, и молодыхъ дѣвушекъ, ласково смотрѣвшихъ на него, и услыхалъ крики

„браво“, которыми его награждали молодые люди, онъ вдругъ почувствовалъ, что у него закружилась голова, словно онъ только что танцовалъ. Ему показалось, что кто-то приподнимаетъ его высоко надъ землей.

Онъ ни на минуту не терялъ сознанія, но въ то же время онъ наслаждался, чувствуя, что поднялся такъ высоко, что всѣ люди стоятъ гораздо ниже его. Ему казалось, что онъ поднимается на могучихъ крыльяхъ, что они опустили на императорскій тронъ, возсѣдая на которомъ, онъ наслаждался почетомъ и славой.

Для его полнаго блаженства нехватало только одного. Ахъ, если бы великая императрица, маленькая Клара-Гулла изъ Скрулюкка была также здѣсь!

Не успѣлъ онъ этого подумать, какъ садъ озарился краснымъ отблескомъ. Янъ повернулъ голову и увидалъ, что на крыльцѣ появилась молодая дѣвушка въ красномъ платьѣ.

Дѣвушка была высокая и стройная, и у нея были роскошные бѣлокурые волосы. Она стояла вполоборота къ Яну, и онъ не видѣлъ ея лица, но это, конечно, была Клара-Гулла.

Теперь только Янъ понялъ, почему онъ весь день чувствовалъ себя такимъ счастливымъ. Его сердце предчувствовало, что скоро онъ увидитъ Клару, что она гдѣ-то близко.

Онъ вдругъ прервалъ пѣсню на полусловѣ, растолкалъ стоявшихъ вокругъ него и бросился къ широкому крыльцу дома.

Взойдя на первую ступень, онъ долженъ былъ остановиться. Сердце его билось такъ сильно, что готово было разорваться.

Однако черезъ нѣсколько времени силы вернулись къ нему, и онъ сталъ медленно подниматься съ одной ступеньки на другую. Но вотъ наконецъ-то онъ дошелъ до верхней площадки. Онъ остановился и раскрылъ свои объятія.

Въ это мгновеніе молодая дѣвушка обернулась, и онъ увидалъ ея лицо. Это была не Клара-Гулла. Это была совсѣмъ чужая дѣвушка, съ нескрываемымъ изумленіемъ смотрѣвшая на него.

Янъ не былъ въ состояніи произнести ни слова, но крупныя слезы такъ и текли по его щекамъ. Онъ не могъ удержать ихъ. Медленно спустился онъ съ крыльца, роскошь и веселье не притягивали его больше, онъ пошелъ по аллеѣ къ выходу изъ сада.

Хозяева и гости звали его, они просили его вернуться и попѣть имъ. Но онъ ничего не слушалъ. Быстро, быстро зашагалъ онъ по направленію къ лѣсу, гдѣ онъ могъ скрыться отъ людскихъ глазъ вмѣстѣ со своимъ горемъ.

Янъ и Катринна.

Никогда еще у Яна изъ Скрулюкка не было столько хлопотъ и заботъ, сколько было теперь, когда онъ сдѣлался императоромъ.

Во-первыхъ, онъ долженъ былъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы имъ не овладѣла гордыня. Онъ старался не забывать, что всѣ люди изъ той же плоти и крови, что всѣ они происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же прародителей Адама и Евы, что всѣ грѣшны и что, въ сущности, ни одинъ человѣкъ не долженъ возноситься надъ другимъ.

Яну всегда было противно видѣть, какъ люди важничаютъ другъ передъ другомъ, а потому онъ строго слѣдилъ за собой, чтобы не впасть въ этотъ грѣхъ. Однако онъ очень скоро убѣдился въ томъ, что не такъ-то легко оставаться скромнымъ, когда сознаешь, что во всемъ приходѣ нѣтъ равнаго тебѣ.

Разумѣется, больше всего онъ боялся сдѣлать что-нибудь или сказать что-нибудь такое, что могло бы дать поводъ подумать его старымъ друзьямъ, тянувшимъ прежнюю лямку, что онъ забылъ ихъ или относится къ нимъ съ пренебреженіемъ. А потому онъ рѣшилъ лучше не заговаривать съ ними о томъ, какая великая честь выпала на его долю, когда онъ встрѣчался съ ними на деревенскихъ пирушкахъ. Присутствовать же на всѣхъ пирушкахъ во всемъ приходѣ онъ считалъ теперь своей обязанностью. Правда, онъ не замѣчалъ, чтобы кто-нибудь изъ его друзей ему завидовалъ. О, ничего подобнаго! Но какъ бы то ни было, а онъ не хотѣлъ, чтобы они дѣлали какія-нибудь невыгодныя для себя сравненія.

Не могъ онъ также требовать отъ такихъ людей, какъ Бёрье или Ола, чтобы они называли его императоромъ. Пусть же старые друзья называютъ его попрежнему Яномъ. Да они и не могли бы привыкнуть называть его иначе.

Но больше всего Янъ считался со своей старой женой. Онъ очень боялся чѣмъ-нибудь обидѣть ее и былъ съ ней очень остороженъ. Конечно, для него было бы большимъ облегченіемъ и великой радостью, если бы пришла вѣсть также и о ея возвышеніи, но этого не было, и она оставалась все той же старой Катринной. Пожалуй, что иначе и быть не могло. По всей вѣроятности, Клара-Гулла понимала, что изъ Катринны нельзя сдѣлать императрицы. Янъ не могъ даже представить себѣ Катринну съ золотой короной на головѣ, хотя бы въ церкви въ воскресенье. Конечно, Катринна отказалась бы пойти въ храмъ Божій, если бы

ей предложили надѣть на голову что-нибудь другое, кромѣ ея воскреснаго чернаго шелковаго платка.

Мало того, Катринна такъ-таки прямо сказала, что она и слышать не хочетъ о томъ, что Клара-Гулла стала императрицей.

Разумѣется, Яну не такъ-то легко было возвращаться къ себѣ въ избу послѣ утра, проведеннаго на пристани среди толпы, ожидавшей парохода и обращавшейся съ нимъ, какъ съ настоящимъ императоромъ. Едва онъ переступалъ порогъ своей избы, какъ все величіе и весь блескъ оставались позади. Доходило даже до того, что Катринна пыталась заставить его принести дровъ или воды и заговаривала съ нимъ такимъ тономъ, словно онъ не только не возвысился, но даже палъ ниже.

Было бы еще ничего, если бы дѣло кончалось только этимъ, но вѣдь Катринна вѣчно ныла и укоряла его тѣмъ, что онъ не ходитъ больше на поденную работу. Но въ такихъ случаяхъ онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Вѣдь онъ хорошо зналъ, что императрица Португальская пришлетъ ему столько денегъ, что ему ужъ никогда больше не придется надѣвать на себя рабочее платье. Онъ поступилъ бы очень дурно, если бы въ этомъ отношеніи уступилъ настояніямъ Катринны.

Однажды подъ вечеръ Янъ сидѣлъ на каменной плитѣ возлѣ своего крыльца и покуривалъ коротенькую трубку. Вдругъ онъ увидалъ, что на опушкѣ лѣса мелькнули свѣтлыя платья, и до него донеслись молодые голоса.

Катринна была въ это время въ березовой рощицѣ, куда она пошла нарѣзать вѣниковъ. Уходя, она объявила Яну, что постарается устроить такъ, чтобы хозяинъ Фалла позволилъ ей копать канавы вмѣсто Яна. Янъ же можетъ оставаться дома, готовить обѣдъ и чинить бѣлье, разъ онъ считаетъ ниже своего достоинства работать на другихъ. Янъ ничего не отвѣтилъ ей на это, но слова Катринны произвели на него тяжелое впечатлѣніе, а потому онъ очень обрадовался, когда услыхалъ веселые голоса, отвлекшіе его мысли въ другую сторону. Онъ сейчасъ же вскочилъ съ мѣста, бросился въ избу и надѣлъ на себя императорскую шапку, а въ руки взялъ палку съ серебрянымъ набалдашникомъ. Онъ успѣлъ подойти къ калиткѣ какъ разъ въ ту минуту, когда нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ поровнялись съ его дворомъ.

Ихъ было пятеро: три молоденькія барышни изъ Лёвдала и еще двѣ чужія дѣвушки, вѣроятно, ихъ гостьи.

Янъ настежь распахнулъ калитку и вышелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Добро пожаловать, мои милыя фрейлины! — сказалъ онъ,

снимая шапку и опуская ее такъ низко, что она чуть не коснулась земли.

Молодыя дѣвушки остановились и въ первую минуту какъ будто немного растерялись. Однако благодаря такту Яна, онѣ очень скоро оправились отъ своего смущенія.

Всѣ начали здороваться съ Яномъ и называли его „нашъ милый императоръ". Ясно было по всему, что молодыя дѣвушки были очень рады видѣть его.

Къ тому же эти дѣвушки ничего не имѣли противъ того, чтобы поговорить съ Яномъ объ императрицѣ. Въ этомъ отношеніи онѣ не походили ни на Катринну и ни на кого изъ жителей Аскедаларна. Съ первыхъ же словъ онѣ спросили, какъ поживаетъ императрица и когда она пріѣдетъ домой.

Поболтавъ немного съ Яномъ, онѣ спросили даже, нельзя ли имъ заглянуть въ избу. Янъ могъ спокойно позволить это, потому что Катринна всегда держала избу въ такой чистотѣ, что въ нее нестыдно было впустить кого угодно.

Молодыя дѣвушки очень удивились, войдя въ избу, что великая императрица выросла въ такой маленькой избушкѣ. Онѣ замѣтили, что раньше императрица, конечно, могла мириться съ такимъ маленькимъ помѣщеніемъ, но что теперь ей, пожалуй, будетъ трудновато жить здѣсь, когда она пріѣдетъ изъ Португаліи.

Оказалось, что и Янъ уже думалъ объ этомъ. Онъ прекрасно понималъ, что Клара-Гулла не могла остаться въ Аскедаларна, разъ она должна была управлять цѣлымъ государствомъ.

— Надо полагать, что императрица снова вернется въ Португалію,—сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ и вы, вѣрно, уѣдете съ ней?—спросила одна изъ дѣвушекъ.

Этотъ вопросъ былъ не совсѣмъ-то по душѣ Яну, онъ предпочелъ бы, чтобы его объ этомъ не спрашивали. Онъ не сразу и отвѣтилъ молодой дѣвушкѣ, но та снова спросила его:

— Можетъ быть, вы и сами еще не знаете, какъ все это будетъ?

Нѣтъ, Янъ хорошо зналъ, какъ все будетъ, онъ только не былъ увѣренъ въ томъ, какъ къ его рѣшенію отнесутся люди. Пожалуй, они нашли бы, что императоръ поступилъ не такъ, какъ ему подобаетъ.

— Нѣтъ, мнѣ придется ужъ остаться дома,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Не могу же я уѣхать отъ Катринны.

— Ахъ, такъ Катринна не уѣдетъ?

— Нѣтъ, Катринну не удастся уговорить бросить нашу избу.

А я останусь съ ней. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, разъ я обѣщалъ ей дѣлить съ ней горе и радость пополамъ.

— Да, понятно, что такому обѣту измѣнять нельзя,—сказала молоденькая дѣвушка, которая больше всѣхъ интересовалась Яномъ.—Вы слышали?—обратилась она къ своимъ подругамъ,—Янъ не хочетъ покидать своей жены, несмотря на то, что его манятъ къ себѣ всѣ богатства Португаліи.

Какъ это ни странно, но милыя фрейлины очень обрадовались этому. Онѣ ласково хлопали Яна по плечу и хвалили его за его вѣрность. Онѣ сказали, что милый, старый Янъ Андерсонъ изъ Скрулюкка еще не пропалъ.

Янъ не совсѣмъ-то понялъ, что̀ онѣ этимъ хотѣли сказать. Но, по всей вѣроятности, онѣ просто очень обрадовались тому, что онъ не уѣдетъ изъ ихъ прихода.

Вскорѣ молодыя дѣвушки распрощались и ушли, онѣ направлялись въ Дювнэсъ въ гости.

Едва онѣ исчезли, какъ въ избу вошла Катринна. Должно быть, она стояла за дверью и ждала, пока уйдутъ гостьи. Долго ли она стояла и много ли слышала—неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но на лицѣ у нея было такое кроткое и ласковое выраженіе, какого давно не было.

— Ты настоящій дурень, — сказала она Яну. — Хотѣла бы я знать, что сказала бы какая-нибудь другая женщина, если бы у нея былъ такой мужъ? Но всетаки хорошо, что ты не хотѣлъ покинуть меня и уѣхать отъ меня.

Похороны.

Яна Андерсона изъ Скрулюкка никто не приглашалъ на похороны Бьёрна Хиндриксона въ Лубю. Но это отнюдь не смущало Яна, вѣдь семья Хиндриксона не могла быть увѣрена въ томъ, что Янъ пожелаетъ признавать свое родство съ ними послѣ того, какъ онъ такъ возвысился. Кромѣ того, родственники умершаго навѣрное, боялись лишнихъ хлопотъ и расходовъ, сопряженныхъ съ пріемомъ такой особы, какъ императоръ. Къ тому же близкіе родные Бьёрна Хиндриксона, конечно, хотѣли ѣхать первыми сейчасъ же за гробомъ въ похоронной процессіи, ну а если бы они пригласили Яна, то имъ пришлось бы уступить первое мѣсто ему.

Вѣдь имъ не приходило въ голову, что онъ не придаетъ особаго значенія всѣмъ этимъ церемоніямъ, на которыя другія обращаютъ такое вниманіе. Онъ всегда останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и ничто не могло уронить его достоин-

ства. А потому онъ никогда и не пытался становиться поперекъ дороги тѣмъ, кому доставляло такое удовольствіе сидѣть на первомъ мѣстѣ.

И вотъ, чтобы не доставлять никому непріятностей, Янъ не пошелъ въ усадьбу Хиндриксона, откуда должна была утромъ выйти похоронная процессія, а направился прямо на кладбище. Только послѣ того, какъ длинная процессія прибыла на церковный пригорокъ и всѣ сошли съ экипажей и выстроились за гробомъ, чтобы итти на кладбище, Янъ вошелъ въ ряды родственниковъ и зашагалъ рядомъ съ ними.

Правда, всѣ нѣсколько удивились при видѣ Яна и даже какъ будто немного растерялись, но Янъ не обратилъ на это особаго вниманія, такъ какъ люди уже не въ первый разъ удивлялись его снисходительному отношенію къ нимъ, и онъ привыкъ къ этому. Конечно, родственники умершаго хотѣли, чтобы онъ шелъ впереди всѣхъ, но теперь уже некогда было мѣнять мѣста, такъ какъ процессія двинулась къ воротамъ кладбища.

Послѣ совершенія похороннаго обряда всѣ направились въ церковь къ обѣднѣ, и тамъ Янъ сѣлъ на скамью рядомъ съ родственниками умершаго. Опять они посмотрѣли на него съ нескрываемымъ удивленіемъ, такъ какъ поняли, что онъ ради нихъ не занялъ своего обычнаго почетнаго мѣста на хорахъ среди важныхъ господъ. Но тутъ ужъ дѣлать было нечего, вступительный псаломъ уже раздался подъ сводами церкви и некогда было заниматься церемоніями.

По окончаніи церковной службы, когда на церковный пригорокъ выѣхали всѣ экипажи въ ожиданіи сѣдоковъ, Янъ усѣлся на телѣгѣ съ широкой платформой, на которой привезли въ церковь покойника. Онъ зналъ, что телѣга поѣдетъ обратно порожняя, и такимъ образомъ онъ ни у кого не отнималъ мѣста. Дочь и зять Бьёрна Хиндриксона раза два прошли мимо него и пристально посмотрѣли на него. Должно быть, имъ было непріятно, что они не могутъ предложить Яну ѣхать въ одномъ изъ переднихъ экипажей, но вѣдь Янъ самъ ни за что не согласился бы доставлять людямъ хлопоты съ пересадкой изъ одного экипажа въ другой. Зачѣмъ ему это? Онъ все равно оставался тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

По дорогѣ изъ церкви въ село Янъ невольно вспомнилъ, какъ онъ однажды ходилъ съ маленькой Кларой въ гости къ богатымъ родственникамъ. Да, вотъ какъ все мѣняется на свѣтѣ! Развѣ не сталъ онъ, Янъ, могущественнымъ и всѣми почитаемымъ человѣкомъ? Теперь *онъ* оказываетъ людямъ великую честь, посѣщая ихъ.

По мѣрѣ того какъ гости пріѣзжали съ похоронъ въ усадьбу Хиндриксоновъ, ихъ вводили въ большой залъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ они снимали верхнее платье. Послѣ этого ближайшіе сосѣди Бьёрна Хиндриксона, которымъ было поручено хозяевами замѣнять ихъ и принимать гостей, приглашали наиболѣе почтенныхъ изъ гостей наверхъ, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ.

Это была очень отвѣтственная обязанность, такъ какъ на такихъ большихъ похоронахъ не было никакой возможности усадить за столъ всѣхъ гостей заразъ. А между тѣмъ, многіе гости сочли бы за величайшее оскорбленіе для себя, если бы ихъ не пригласили къ столу въ первую очередь, и этого они никогда не простили бы.

Что же касается человѣка, достигшаго высокаго положенія императора, то онъ могъ на многое смотрѣть сквозь пальцы, но за столомъ онъ долженъ былъ сидѣть въ первой очереди. Тутъ онъ не могъ сдѣлать никакой уступки, а то иначе люди подумали бы, что онъ и вправду не знаетъ своего настоящаго мѣста.

То обстоятельство, что Яна не пригласили наверхъ, ничуть не смущало его. Само собою разумѣлось, что онъ долженъ обѣдать вмѣстѣ со священникомъ и съ господами, такъ что въ этомъ отношеніи все было въ порядкѣ.

Онъ сидѣлъ тихо и въ полномъ одиночествѣ на скамьѣ. Здѣсь никто не подходилъ къ нему, ни у кого не было желанія поболтать съ нимъ объ императрицѣ. Въ душу Яна закралось даже нѣчто, похожее на чувство обиды. Сегодня, когда онъ отправлялся на похороны, Катринна сказала ему, что на эти похороны онъ не долженъ былъ бы ходить, потому что Хиндриксоны такіе родовитые, что не церемонились ни съ королями, ни съ императорами. Теперь Яну казалось, что, пожалуй, она была и права. Старые крестьяне, жившіе въ своихъ усадьбахъ чуть ли не съ самаго сотворенія міра, важничали гораздо больше, чѣмъ самые важные баре.

Не такъ-то легко было собрать всѣхъ кого слѣдуетъ къ первой очереди обѣда. Хозяинъ и хозяйка долго ходили среди гостей, выбирая наиболѣе почетныхъ изъ нихъ, но къ нему они такъ ни разу и не подошли.

Возлѣ Яна сидѣли двѣ пожилыя дѣвушки, у которыхъ не было никакой надежды попасть за столъ въ первую очередь, а потому онѣ спокойно разговаривали о томъ и о семъ, какъ люди, которымъ некуда торопиться. Наконецъ, онѣ заговорили о томъ, какъ было хорошо, что Линнартъ Бьёрнсонъ, сынъ Бьёрна Хинд-

риксона, во-время возвратился домой и успѣлъ примириться съ отцомъ.

Въ сущности, настоящей ссоры между отцомъ и сыномъ не было, но дѣло обстояло такъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ, когда Линнарту было двадцать съ небольшимъ лѣтъ и онъ женился, онъ спросилъ отца, не уступитъ ли тотъ ему права хозяйничать въ усадьбѣ или не дастъ ли онъ ему возможности жить какъ-нибудь самостоятельно. Старый Бьёрнъ отвѣтилъ отказомъ на то и на другое. Онъ желалъ, чтобы сынъ оставался въ его домѣ на старыхъ началахъ и принялъ бы бразды правленія только послѣ того, какъ отецъ закроетъ глаза. „Ну, нѣтъ,— отвѣтилъ на это сынъ,—такъ разсказывали люди,—я не хочу жить дома и быть вашимъ батракомъ, хотя вы мнѣ и отецъ. Ужъ лучше я уйду въ широкій свѣтъ и устроюсь такъ, чтобы быть самому себѣ хозяиномъ. Я долженъ сдѣлаться вашей ровней, иначе согласію нашему конецъ". „Нашему согласію все равно наступитъ конецъ, разъ ты хочешь итти своимъ путемъ",—отвѣтилъ сыну Бьёрнъ Хиндриксонъ.

И вотъ сынъ ушелъ въ большіе лѣса къ сѣверу и къ востоку отъ озера Дювшё. Тамъ онъ поселился въ самой чащѣ, расчистилъ землю и обстроился. Его усадьба была въ приходѣ Бру, и онъ никогда не показывался въ Свартшё. Въ теченіе тридцати лѣтъ родители ни разу не видали его. И вдругъ, восемь дней тому назадъ, когда Бьёрнъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи, онъ появился въ усадьбѣ.

У Яна на душѣ стало свѣтло и радостно. Онъ услыхалъ отрадныя вѣсти.

Недѣлю тому назадъ въ воскресенье, когда Катринна вернулась домой изъ церкви и принесла извѣстіе о томъ, что Бьёрнъ Хиндриксонъ лежитъ при смерти, Янъ сейчасъ же спросилъ, дали ли знать объ этомъ сыну Бьёрна. Оказалось, что сына не извѣщали объ этомъ. Катринна слышала, что жена Бьёрна Хиндриксона просила и умоляла мужа разрѣшить ей послать за сыномъ, но умирающій строго запретилъ ей это. Онъ сказалъ, что хочетъ имѣть покой на своемъ смертномъ одрѣ.

Однако Янъ не успокоился на этомъ. Онъ не могъ отвязаться отъ мысли, что Линнартъ Бьёрнсонъ живетъ въ глухомъ лѣсу и ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ въ его родномъ домѣ. И вотъ Янъ рѣшилъ пойти наперекоръ волѣ стараго Хиндриксона и извѣстить его сына.

До этого дня Янъ такъ ничего и не слыхалъ, какъ все произошло въ домѣ Хиндриксоновъ. Теперь же онъ съ такимъ вни-

маніемъ прислушивался къ разговору дѣвушекъ, что забылъ и про первую и про вторую смѣны обѣда.

Оказалось, что когда сынъ явился въ домъ отца, то оба такъ растрогались, что между ними сейчасъ же произошло полное примиреніе. Старикъ даже засмѣялся, обративъ вниманіе на платье сына.

— Да вѣдь ты въ рабочемъ платьѣ!—сказалъ онъ.

— Конечно, я долженъ былъ бы быть въ праздничномъ платьѣ, такъ какъ сегодня воскресенье,—отвѣтилъ Линнартъ Бьёрнсонъ,—но дѣло въ томъ, что лѣто у насъ выпало такое дождливое, что я рѣшилъ убрать немного овса въ воскресенье послѣ обѣда.

— Ну, что же, удалось тебѣ убрать хоть сколько-нибудь?—спросилъ старикъ.

— Я успѣлъ только навалить одинъ возъ, но такъ и бросилъ его посреди поля, потому что мнѣ принесли извѣстіе о вашей болѣзни. Я сейчасъ же поспѣшилъ сюда, не переодѣваясь.

— А кто принесъ тебѣ это извѣстіе?—спросилъ отецъ, немного помолчавъ.

— Я никогда раньше не видалъ этого человѣка. Я даже хотѣлъ спросить тебя, не знаешь ли ты его? Онъ, пожалуй, больше всего походилъ на нищаго.

— Тебѣ придется разыскать этого человѣка и поблагодарить его отъ меня,—замѣтилъ старый Бьёрнъ очень серьезно.—Оказывай ему почетъ всюду, гдѣ бы ты его ни встрѣтилъ. Онъ желалъ намъ добра.

Между отцомъ и сыномъ царили миръ и согласіе до той самой минуты, какъ старикъ закрылъ глаза. Оба были такъ рады примиренію, что казалось, будто смерть принесла имъ не скорбь, а счастье.

Яна слегка передернуло, когда онъ услыхалъ, что Линнартъ назвалъ его нищимъ, но потомъ онъ успокоился, такъ какъ понялъ, что это было простое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что онъ не взялъ съ собой въ эту глушь ни императорской шапки, ни палки.

Эти мысли вернули его къ его настоящимъ заботамъ. Онъ рѣшилъ, что ждалъ достаточно. Его такъ и не позвали къ столу, теперь ужъ нечего было больше и ждать этого. Произошла какая-то путаница.

Онъ рѣшительно всталъ, прошелъ черезъ сѣни, поднялся по лѣстницѣ и растворилъ дверь въ большой залъ во второмъ этажѣ.

Онъ сейчасъ же увидалъ, что обѣдъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Большой столъ въ видѣ подковы былъ уснащенъ вся-

кими яствами и вокругъ него тѣсно сидѣли гости. Первое блюдо успѣли уже обнести. Тутъ Янъ понялъ, что его вовсе и не собирались приглашать къ столу въ первую очередь. За столомъ сидѣли священникъ и причетникъ и лейтенантъ изъ Лёвдала съ женой—всѣ тамъ сидѣли, кому полагалось сидѣть, только его не было.

Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, прислуживавшихъ за столомъ, бросилась къ Яну, какъ только онъ появился въ дверяхъ.

— Что вамъ здѣсь надо, Янъ?—спросила она вполголоса.—Уходите-ка внизъ, вамъ здѣсь нечего дѣлать.

— Милая моя хозяюшка!—отвѣтилъ Янъ.—Мнѣ кажется, что императоръ Іоганнесъ Португальскій долженъ обѣдать въ первую очередь.

— Да замолчите же, Янъ!—сказала молодая дѣвушка.—Сегодня намъ совсѣмъ не до вашихъ глупостей. Идите-ка внизъ. Васъ покормятъ, когда наступитъ вашъ чередъ.

Янъ всегда питалъ къ этому дому болѣе почтенія, чѣмъ къ какому-либо другому во всемъ приходѣ. Вотъ почему ему и хотѣлось, чтобы его приняли именно здѣсь такъ, какъ подобало. Онъ какъ-то весь поникъ, стоя въ дверяхъ со своей императорской шапкой въ рукахъ. Онъ самъ почувствовалъ, какъ все его императорское достоинство покидаетъ его.

Какъ разъ въ эту тяжелую для него минуту онъ услыхалъ, что Линнартъ Бьёрнсонъ, сидѣвшій въ концѣ стола, вскрикнулъ:

— Да, вѣдь это тотъ самый человѣкъ, который въ прошлое воскресенье принесъ мнѣ извѣстіе о болѣзни отца!

— Что ты говоришь?—спросила его мать.—Увѣренъ ли ты въ этомъ?

— Ну, конечно, это онъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія! Я видѣлъ его сегодня уже раньше, но не узналъ его, потому что онъ былъ какъ-то странно одѣтъ. А теперь, когда онъ снялъ шапку, я вижу, что это онъ самый.

— Разъ это дѣйствительно онъ, то ему не пристало стоять у дверей, какъ какому-нибудь нищему,—сказала старая хозяйка.—Мы потѣснимся и для него также найдется мѣстечко за этимъ столомъ. Честь ему и слава за то, что онъ облегчилъ послѣднія минуты стараго Бьёрна, а мнѣ далъ единственное утѣшеніе, смягчившее мою скорбь по такому хорошему мужу, какимъ былъ для меня Бьёрнъ.

Хотя за столомъ было уже и безъ того тѣсно, но для Яна нашлось еще мѣстечко. Его посадили посреди подковы какъ разъ напротивъ священника. Лучшаго мѣста онъ и желать не могъ.

Вначалѣ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ-то въ своей тарелкѣ. Онъ никакъ не могъ понять, почему его такъ расхваливаютъ только за то, что онъ пробѣжалъ нѣсколько миль по лѣсу, чтобы дать знать Линнарту о болѣзни отца. Но потомъ онъ сообразилъ, въ чемъ тутъ было дѣло. Конечно, его чествовали, какъ императора. Но, чтобы остальные гости не чувствовали себя униженными, хозяева рѣшили свести все на другое.

Иного объясненія не было. Янъ всегда былъ услужливъ и внимателенъ ко всѣмъ, но до сихъ поръ никто еще не чествовалъ и не ублажалъ его такъ за это.

Умирающее сердце.

Во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ на пароходную пристань инженеръ Бореусъ не могъ не обратить вниманія на большую толпу, которая обыкновенно собиралась вокругъ маленькаго старичка изъ Скрулюкка. Теперь Яну уже не приходилось сидѣть одному и коротать время въ обществѣ своихъ думъ, какъ бывало раньше. Теперь люди, приходившіе встрѣчать пароходъ, спѣшили къ нему, чтобы поболтать съ нимъ объ императрицѣ, услыхать, какъ онъ описываетъ ея возвращеніе на родину, а главное, ея прибытіе на пароходѣ и пріемъ ея на пристани. Каждый разъ, когда инженеръ Бореусъ проходилъ мимо кучки собравшихся вокругъ Яна людей, онъ слышалъ о золотой коронѣ, которая будетъ сверкать на головѣ императрицы, о золотыхъ цвѣтахъ, которые распустятся на деревьяхъ и кустахъ, какъ только она ступитъ на пристань, и тому подобное.

Въ концѣ октября, мѣсяца три спустя послѣ того, какъ Янъ изъ Скрулюкка въ первый разъ на этой же пристани объявилъ о возвышеніи Клары, инженеръ Бореусъ, придя утромъ на пристань, обратилъ вниманіе на необыкновенно большую толпу, собравшуюся вокругъ Яна. Инженеръ хотѣлъ было пройти мимо, слегка поклонившись, но потомъ раздумалъ и рѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло.

Окинувъ толпу взглядомъ, инженеръ не замѣтилъ ничего необычайнаго. Янъ сидѣлъ на камнѣ, на которомъ онъ обыкновенно всегда сидѣлъ, когда являлся на пристань. На лицѣ у него было написано сознаніе собственнаго достоинства, и онъ держалъ себя серьезно и величественно. Рядомъ съ нимъ сидѣла высокая женщина, говорившая такъ быстро, что казалось, будто слова брызжутъ у нея изо рта. Она трясла головой, прищуривала глаза и медленно наклоняла верхнюю часть туловища впередъ, такъ

что, когда она кончала длинную фразу, то лицо ея склонялось почти до самой земли.

Инженеръ Бореусъ сейчасъ же узналъ въ ней слабоумную Столль-Ингеборгъ. Но вначалѣ онъ никакъ не могъ понять, о чемъ она говоритъ. Онъ спросилъ стоявшихъ возлѣ него, о чемъ толкуетъ Ингеборгъ.

— Она проситъ Яна устроить такъ, чтобы ей можно было уѣхать отсюда вмѣстѣ съ императрицей въ Португалію, когда та снова отправится туда,—отвѣтили ему.—Она уже долго проситъ его объ этомъ, но онъ не хочетъ дать на это своего согласія.

Теперь инженеру не трудно было слѣдить за разговоромъ этихъ двухъ несчастныхъ. Однако этотъ разговоръ не доставилъ ему никакого удовольствія. Морщина между его бровями становилась все глубже по мѣрѣ того, какъ онъ слушалъ.

Передъ Яномъ сидѣло единственное существо, кромѣ него самого, вѣрившее въ великолѣпіе португальскаго царства, а онъ не разрѣшалъ этой несчастной поѣхать туда! Бѣдная слабоумная женщина вѣрила, что въ этой странѣ нѣтъ голода, нѣтъ бѣдности, нѣтъ злыхъ людей, издѣвающихся надъ обиженными Богомъ, что тамъ дѣти не преслѣдуютъ беззащитныхъ странниковъ и не бросаютъ въ нихъ камнями. Тамъ царитъ вѣчный миръ, тамъ нѣтъ невзгодъ, и вотъ туда-то она и хотѣла такъ страстно перенестись, чтобы забыть тамъ о всѣхъ страданіяхъ своего жалкаго существованія. Она умоляла Яна со слезами на глазахъ, она пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе, но Янъ оставался неумолимымъ и отвѣчалъ ей на все только нѣтъ да нѣтъ.

И кто же былъ глухъ къ ея мольбамъ? Янъ, который самъ провелъ весь этотъ годъ въ тоскѣ и печали! Быть можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ не отказалъ бы этой несчастной, потому что тогда его сердце было еще живо, но теперь, повидимому, сердце его успѣло превратиться въ камень.

Даже наружность Яна краснорѣчиво говорила о большой перемѣнѣ, которая произошла въ немъ за послѣднее время. Лицо у него пополнѣло и стало одутлымъ, подъ подбородкомъ образовалась складка, на верхней губѣ отросли густые темные усы. Глаза стали какъ будто болѣе выпуклыми, и взглядъ былъ пристальный и неподвижный. Инженеру показалось даже, что и носъ у Яна какъ будто выросъ и принялъ болѣе благородную форму. Зато волосы на головѣ совершенно отсутствовали, по крайней мѣрѣ, ни одинъ волосокъ не выглядывалъ изъ-подъ кожаной шапки.

Инженеръ не упускалъ изъ виду Яна съ тѣхъ самыхъ поръ,

какъ въ первый разъ заговорилъ съ нимъ лѣтомъ на пристани. Инженеръ понялъ, что теперь Яна тянетъ на пристань не тоска по дочери, онъ едва обращалъ вниманіе на пароходъ, когда тотъ причаливалъ къ пристани. Нѣтъ, онъ приходилъ сюда, чтобы повидать людей, которые поддерживали его въ его безуміи, называли его императоромъ и слушали его пѣсню и его бредъ.

Но стоило ли такъ возмущаться этимъ? Вѣдь этотъ человѣкъ потерялъ разумъ. Это былъ сумасшедшій.

Но какъ знать, быть можетъ, безуміе не пустило бы въ немъ такіе глубокіе корни, если бы во́-время вступить съ нимъ въ борьбу. Инженеръ подумалъ о томъ, что если бы онъ въ самомъ началѣ энергично и безъ всякаго состраданія свергъ этого несчастнаго съ его императорскаго престола, то его можно было бы еще спасти.

Инженеръ еще разъ испытующе посмотрѣлъ на Яна. Онъ сидѣлъ все съ тѣмъ же снисходительнымъ выраженіемъ на лицѣ, но оставался такимъ же неумолимымъ.

Въ такой прекрасной странѣ, какъ Португалія, конечно, жили одни только принцы и генералы и вообще только нарядные люди. А Столль-Ингеборгъ едва ли производила бы тамъ хорошее впечатлѣніе въ своемъ бумажномъ платкѣ и вязаной кофтѣ...

Господи, Боже ты мой! Инженера передернуло, и онъ хотѣлъ уже отчитать Яна, но потомъ раздумалъ и только пожалъ плечами. Едва ли изъ этого что-нибудь вышло бы, онъ причинилъ бы только лишнія страданія этому несчастному.

Онъ тихо отошелъ отъ толпы и пошелъ вдоль пристани. Пароходъ уже появился изъ-за ближайшаго мыса.

Сверженіе съ престола.

Задолго до того, какъ Ларсъ Гуннарсонъ женился на Аннѣ Эриксдоттеръ изъ Фалла, онъ присутствовалъ какъ-то на одномъ аукціонѣ.

Аукціонъ устроили бѣдные люди, и, повидимому, у нихъ не было ничего изъ ихъ имущества, что хоть сколько-нибудь привлекало покупателей. Какъ бы то ни было, но аукціонъ шелъ необыкновенно вяло. Между тѣмъ хозяева имѣли полное основаніе ожидать, что аукціонъ пойдетъ хорошо, такъ какъ аукціонистомъ былъ Іенсъ изъ Чистерюда, а онъ былъ такой весельчакъ, что люди ходили на аукціонъ только для того, чтобы послушать его шутки. Но на этотъ разъ, какъ ни изощрялся въ остротахъ Іенсъ, дѣло не шло на ладъ, и никто ничего не покупалъ. На-

конецъ, видя, что всѣ его попытки ни къ чему не приводятъ, Іенсъ отложилъ въ сторону молотокъ и объявилъ, что онъ совсѣмъ охрипъ и не можетъ больше выкрикивать.

— Послушайте, депутатъ, пришлите сюда кого-нибудь другого продолжать аукціонъ,—сказалъ онъ Карлу Карльсону изъ Стурвика, распоряжавшемуся аукціономъ.—Я до того накричался съ этими каменными истуканами, что совсѣмъ охрипъ. Теперь мнѣ придется сидѣть дома и молчать нѣсколько недѣль, какъ рыба, пока ко мнѣ снова не вернется способность говорить.

Карльсонъ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе, очутившись безъ аукціониста, такъ какъ большая часть имущества осталась нераспроданной, и онъ старался уговорить Іенса продолжать продажу, однако тотъ наотрѣзъ отказался. Онъ очень дорожилъ своей репутаціей и боялся испортить ее дурно сошедшимъ аукціономъ. Онъ вдругъ окончательно потерялъ голосъ и только издавалъ какое-то шипѣнье.

— Не найдется ли тутъ кого-нибудь, кто согласился бы выкрикивать, пока Іенсъ отдохнетъ?—спросилъ депутатъ.

Онъ обвелъ взглядомъ кучку собравшихся, не питая почти никакой надежды на то, что найдетъ какого-нибудь помощника. Вдругъ Ларсъ Гуннарсонъ вышелъ изъ толпы и сказалъ, что онъ попытается замѣнить Іенса. Онъ казался такимъ молодымъ въ то время, что Карлъ Карльсонъ только разсмѣялся и сказалъ, что онъ не можетъ принимать услугъ мальчиковъ, которые даже еще не конфирмовались. На это Ларсъ отвѣтилъ ему, что онъ успѣлъ уже отбыть и воинскую повинность, и онъ такъ настоятельно просилъ позволить ему выкрикивать на аукціонѣ вещи, что депутатъ наконецъ уступилъ его просьбамъ.

— Что же, попробуй, а тамъ посмотримъ, — сказалъ онъ. — Хуже не будетъ, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Ларсъ сталъ на мѣсто Іенса, взялъ въ руки старую кадушку изъ-подъ масла, чтобы показать ее покупателямъ, но вдругъ остановился и весь углубился въ разсматриваніе кадушки. Онъ поворачивалъ ее во всѣ стороны, дномъ вверхъ и бокомъ и, казалось, былъ очень удивленъ, не найдя въ ней ни малѣйшаго изъяна. Наконецъ онъ, какъ бы собравшись съ духомъ, выкрикнулъ нехотя кадушку. Можно было подумать, что ему прямо-таки жалко было разставаться съ такой хорошей вещью.

Собравшіеся ясно видѣли, что онъ очень не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь купилъ эту кадушку. Конечно, онъ предпочиталъ, чтобы эта хорошая вещь осталась въ рукахъ хозяевъ.

Когда же покупатели стали, перебивая другъ друга, накиды-

вать цѣну, то онъ не скрывалъ даже своего недовольства. Пока давали низкія цѣны, онъ еще сдерживалъ себя, но когда цѣна все продолжала расти да расти, онъ измѣнился въ лицѣ отъ досады. Можно было подумать, что онъ приноситъ тяжелую жертву, когда онъ долженъ былъ наконецъ отдать эту прокисшую, старую кадушку.

Послѣ кадушки насталъ чередъ ведеръ, ушатъ и корытъ. Къ старымъ вещамъ Ларсъ Гуннарсонъ относился еще довольно равнодушно и продавалъ ихъ безъ особыхъ вздоховъ. Но тѣ, что были поновѣе, онъ прямо-таки не хотѣлъ даже выкрикивать.

— Нѣтъ, знаете, они слишкомъ хороши, — говорилъ онъ хозяину.—Вѣдь они совсѣмъ новенькія, вы могли бы продать ихъ на рынкѣ за новый товаръ.

Покупатели не отдавали себѣ отчета въ томъ, какъ это случилось, но они вошли въ азартъ и то и дѣло набивали цѣны на вещи. Что же касается Ларса Гуннарсона, то онъ съ явнымъ неудовольствіемъ встрѣчалъ каждое новое предложеніе, а потому никакъ нельзя было заподозрѣть, что покупатели набивали цѣны, чтобы доставить ему удовольствіе. Но всѣ понимали, что предлагаемыя Ларсомъ вещи дѣйствительно очень хорошія, и что они нужны имъ для домашняго обихода. Нельзя же было упускать такой удобный случай, когда можно было чуть ли не за полцѣны пріобрѣсти такіе полезные въ хозяйствѣ предметы. Теперь они покупали не ради забавы, какъ раньше, когда аукціонистомъ былъ Іенсъ Чистерюдъ.

Послѣ этого пробнаго выступленія Ларса постоянно приглашали выкрикивать на аукціонахъ. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ завѣдывать молоткомъ на аукціонахъ, уже не было больше прежняго веселья, но зато никто не имѣлъ такой способности, какой обладалъ Ларсъ, внушать людямъ желаніе во что бы то ни стало пріобрѣсти какой-нибудь старый ненужный хламъ, или вызвать на состязаніе двухъ деревенскихъ толстосумовъ, которые набивали цѣну на какую-нибудь совершенно безполезную вещь, только чтобы показать людямъ, что у нихъ водятся деньги.

Ларсу Гуннарсону такъ везло на аукціонахъ, что онъ всегда распродавалъ все до послѣдней палки. Только разъ онъ чуть было совсѣмъ не сплоховалъ. Это было на распродажѣ имущества умершаго Свена Эстерберга изъ Стурстюга въ Бергвикѣ. Инвентарь, который распродавался съ молотка, былъ прекрасный, и народу на аукціонъ собралось очень много, и хотя дѣло происходило глубокой осенью, но погода въ этотъ день стояла такая

хорошая, что аукціонъ происходилъ на дворѣ. Однако, несмотря на все это, продажа шла очень вяло. Ларсъ никакъ не могъ добиться того, чтобы люди съ интересомъ относились къ предлагаемымъ вещамъ или чтобы они дѣлали хоть какія-нибудь предложенія. Начинало казаться, что на этомъ аукціонѣ произойдетъ то же самое, что произошло на одномъ аукціонѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Іенсъ Чистерюдъ отказался выкрикивать и когда Ларсъ въ первый разъ выступилъ въ качествѣ аукціониста.

Однако, у Ларса Гуннарсона не было ни малѣйшаго желанія уступить свое мѣсто кому-нибудь другому. Онъ рѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло, почему люди сегодня такъ разсѣянны и не хотятъ ничего покупать. Вскорѣ онъ дѣйствительно выяснилъ себѣ все это.

Ларсъ сталъ на столъ, чтобы всѣ могли лучше видѣть, что̀ онъ выкрикиваетъ. Съ этого наблюдательнаго поста онъ увидалъ, что въ толпѣ разгуливаетъ „императоръ", жившій въ маленькой избушкѣ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Фалла, гдѣ онъ работалъ поденно. Ларсъ видѣлъ, какъ онъ съ милостивой улыбкой раскланивался направо и налѣво и показывалъ людямъ свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ и звѣзды, украшавшія его грудь. За нимъ по пятамъ слѣдовала цѣлая вереница ребятишекъ и молодежи, и даже старые люди не гнушались вступать съ нимъ въ разговоры. Послѣ этого нечего было удивляться, что аукціонъ шелъ такъ плохо, разъ на немъ присутствовалъ самъ императоръ, привлекавшій на себя всеобщее вниманіе.

Вначалѣ Ларсъ не прервалъ аукціона, онъ только слѣдилъ глазами за Яномъ, пока тотъ не пробрался въ первый рядъ передъ столомъ, гдѣ происходилъ аукціонъ. Когда Іоганнесъ Португальскій появлялся гдѣ-нибудь, то не надо было опасаться, что онъ останется въ тѣни. Такъ и на этотъ разъ, онъ пожималъ всѣмъ руки и милостиво разговаривалъ, но въ то же время онъ старался пройти все ближе и ближе къ столу.

Въ то мгновеніе, когда онъ наконецъ поровнялся со столомъ, на которомъ стоялъ Ларсъ, послѣдній соскочилъ со стола, бросился къ Яну, сорвалъ у него съ головы зеленую шапку, вырвалъ у него изъ рукъ палку, и снова вскочилъ на столъ, прежде чѣмъ Янъ успѣлъ опомниться отъ неожиданности.

Янъ громко вскрикнулъ и хотѣлъ вскочить на столъ, чтобы отнять отъ Ларса свои сокровища, но Ларсъ сталъ размахивать передъ нимъ палкой, и ему пришлось отойти. Въ толпѣ поднялся ропотъ возмущенія, но Ларса это ничуть не смутило.

— Я понимаю, что васъ удивляетъ мое поведеніе,—крикнулъ

онъ громкимъ голосомъ опытнаго аукціониста, такъ что его слышно было на всемъ дворѣ,—но эта шапка и эта палка наши. Онѣ принадлежали моему тестю Эрику Эрса, а ему онѣ достались въ наслѣдство отъ стараго хозяина Фалла. И надо вамъ сказать, что эти вещи хранили въ Фалла, какъ семейныя драгоцѣнности, а потому я не могу допустить, чтобы какой-то юродивый носилъ ихъ. Я не могу разсказать, какъ онѣ достались ему, но больше я уже не допущу, чтобы онъ наряжался въ то, что принадлежитъ намъ.

Янъ очень скоро успокоился, и пока Ларсъ говорилъ, онъ стоялъ со скрещенными на груди руками и съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, словно ему было совершенно безразлично то, что говорилъ Ларсъ. Когда тотъ замолчалъ, онъ обернулся къ толпѣ съ величественнымъ жестомъ.

— Ну, милые мои придворные, — сказалъ онъ, — теперь вамъ придется достать мнѣ обратно мое имущество.

Но никто не пошевелился, чтобы помочь ему. Нѣкоторые даже разсмѣялись ему въ лицо. Всѣ перешли на сторону Ларса.

Изъ толпы раздался только одинъ женскій голосъ. Янъ услыхалъ, какъ женщина крикнула аукціонисту:

— О, Ларсъ, не отнимайте отъ него императорскихъ регалій! Вѣдь вы все равно не будете сами употреблять ни палки, ни шапки.

— Я дамъ ему одну изъ моихъ собственныхъ шапокъ, какъ только возвращусь домой,—отвѣтилъ Ларсъ.—А ходить повсюду въ этой шапкѣ и съ палкой, которыя у насъ въ семьѣ пользовались такимъ почетомъ, я не позволю!

Изъ толпы раздался громкій хохотъ. Янъ такъ растерялся, что стоялъ на мѣстѣ, не шевелясь и съ изумленіемъ осматриваясь по сторонамъ. Онъ переводилъ взглядъ съ одного на другого и не могъ опомниться отъ удивленія. Господи Боже Ты мой! Неужели же не нашлось ни одного изъ всѣхъ этихъ людей, которые чтили и уважали его, кто помогъ бы ему въ тяжелую минуту? Да, всѣ стояли неподвижно. Онъ увидалъ, что онъ ничего не значитъ для нихъ и что они не хотятъ ничего сдѣлать для него. Ему сдѣлалось такъ страшно, что все его императорское величіе сразу исчезло, и онъ походилъ на ребенка, который готовъ расплакаться, потому что у него отняли игрушки.

Ларсъ Гуннарсонъ обернулся къ громадной кучѣ наваленныхъ другъ на другѣ вещей и хотѣлъ снова начать аукціонъ. Но тутъ Янъ сдѣлалъ попытку спасти свои регаліи безъ посторонней помощи. Жалобно причитая, онъ подошелъ вплотную къ

столу, на которомъ стоялъ Ларсъ, быстро нагнулся и сдѣлалъ движеніе, чтобы приподнять край стола и опрокинуть его вмѣстѣ съ Ларсомъ.

Однако Ларсъ не растерялся. Онъ взмахнулъ императорской палкой и такъ сильно ударилъ Яна по спинѣ, что тотъ невольно отскочилъ въ сторону.

— Потише ты,—сказалъ Ларсъ.—Эти вещи останутся у меня. А теперь мнѣ кажется, ты достаточно времени истратилъ зря на всю эту императорскую комедію. Отправляйся-ка лучше по добру, по здорову домой да принимайся за рытье канавъ. Такимъ людямъ, какъ ты, совсѣмъ не мѣсто на аукціонахъ.

Казалось, будто Янъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія послѣдовать его совѣту. Тогда Ларсъ снова взмахнулъ палкой. Этого было достаточно для того, чтобы императоръ Португальскій обратился въ бѣгство.

Никто не тронулся съ мѣста, чтобы послѣдовать за нимъ, чтобы сказать ему слово утѣшенія, никто не позвалъ его назадъ. Многіе даже громко расхохотались, увидя, какъ Янъ сразу отрѣшился отъ всего своего величія и какъ позорно онъ бѣжалъ.

Однако это пришлось не совсѣмъ-то по вкусу Ларсу Гуннарсону. Онъ любилъ, чтобы у него на аукціонахъ царило почти такое же благочестивое настроеніе, какъ во время богослуженія.

— Мнѣ кажется, что съ Яномъ надо обращаться серьезно, а не смѣяться надъ нимъ, — сказалъ онъ. — Между тѣмъ, я знаю, что многіе потакаютъ ему въ его юродствѣ и даже называютъ его императоромъ, а это очень нехорошо. Лучше постараться внушить ему, кто онъ таковъ, если бы даже это и было ему непріятно. Я уже съ давнихъ поръ его хозяинъ, а потому мнѣ кажется, что моя обязанность—постараться заставить его снова приняться за работу. Иначе онъ скоро станетъ бременемъ для всего прихода.

Послѣ этого прерванный аукціонъ возобновился и прошелъ блестяще, всѣ вещи были распроданы по высокимъ цѣнамъ. Ларсъ былъ очень доволенъ. А на другой день, когда онъ возвратился домой, онъ еще больше обрадовался, узнавъ, что Янъ изъ Скрулюкка снова сталъ на работу и роетъ канаву въ полѣ.

— Въ такомъ случаѣ не будемъ ему больше напоминать о его сумасшествіи, — сказалъ онъ съ самодовольнымъ видомъ. — Быть можетъ, онъ сохранитъ свой разумъ. У него всегда было его такъ мало, что онъ необходимъ ему весь цѣликомъ.

Домашнее испытаніе [1]).

Ларсъ Гуннарсонъ былъ очень доволенъ, что ему пришла въ голову мысль отнять отъ Яна изъ Скрулюкка палку и кожаную шапку. Казалось, будто Янъ сразу тогда же вылѣчился отъ своего безумія.

Недѣли двѣ спустя послѣ аукціона въ Бергвикѣ должно было происходить домашнее испытаніе въ Фалла. Въ назначенный день туда собрался народъ со всей мѣстности вокругъ Дювшё. Пришли туда также и Янъ съ Катринной. И подумать только, Янъ держалъ себя такъ, что нельзя было и заподозрѣть, что въ головѣ у него не все обстоитъ благополучно!

Всѣ скамьи и стулья, какіе только нашлись въ Фалла, были внесены въ большую горницу въ нижнемъ этажѣ. На нихъ тѣсными рядами усѣлись всѣ, явившіеся на испытаніе, а среди нихъ и Янъ, который на этотъ разъ вовсе не стремился пробраться впередъ на лучшія мѣста, а сидѣлъ тамъ, гдѣ ему и подобало сидѣть. Ларсъ не сводилъ съ него глазъ и долженъ былъ признать, что отъ безумія Яна не осталось и слѣда. Янъ держалъ себя совершенно такъ же, какъ и всѣ другіе.

Онъ сидѣлъ тихо и ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а когда кто-нибудь здоровался съ нимъ, онъ отвѣчалъ только кивкомъ головы. Впрочемъ, его особенную молчаливость можно было объяснить тѣмъ, что онъ не хотѣлъ нарушать благоговѣйнаго настроенія, царившаго на испытаніи.

Прежде чѣмъ началось испытаніе, всѣхъ переписали. Когда дошла очередь до Яна Андерсона изъ Скрулюкка, онъ отвѣтилъ безъ запинки, словно императора Іоганнеса Португальскаго никогда и не существовало.

Священникъ сидѣлъ за столомъ въ верхнемъ концѣ горницы за громадной книгой, въ которой были записаны всѣ, подвергавшіеся домашнему испытанію. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Ларсъ Гуннарсонъ и давалъ ему свѣдѣнія относительно тѣхъ изъ прихожанъ, которые перевелись въ другіе приходы или вступили въ бракъ.

---

[1]) Въ Швеціи деревенскіе священники разъ въ годъ устраиваютъ нѣчто вродѣ экзамена всѣмъ своимъ прихожанамъ. Экзаменъ этотъ происходитъ обыкновенно въ одной изъ большихъ избъ богатаго крестьянина и состоитъ въ томъ, что священникъ провѣряетъ познанія прихожанъ въ грамотѣ и, главнымъ образомъ, въ священной исторіи и катехизисѣ. При этихъ „домашнихъ испытаніяхъ“ священникъ наставляетъ своихъ прихожанъ и поясняетъ имъ священное писаніе. Тѣмъ, кто проявляетъ неудовлетворительныя познанія, онъ задаетъ „урокъ“ и спрашиваетъ его черезъ годъ на слѣдующемъ испытаніи. *Примѣч. переводч.*

ОСОБАЯ БИБЛІОТЕКА ВЕЛ. КНЯЗЯ

Когда священникъ услыхалъ ясный и опредѣленный отвѣтъ Яна, онъ обратился къ Ларсу и сказалъ ему что-то вполголоса. Всѣ это замѣтили.

— Да, оказалось, что это не было такъ серьезно, какъ мы это думали,—отвѣтилъ Ларсъ.—Дѣло въ томъ, что я разомъ вылѣчилъ его отъ болѣзни. Теперь онъ каждый день работаетъ въ Фалла, какъ и прежде.

Ларсъ не счелъ нужнымъ понизить голосъ, какъ это сдѣлалъ священникъ. Всѣ поняли, о комъ онъ говорилъ, и многіе повернули головы и посмотрѣли на Яна. Но Янъ сидѣлъ совершенно спокойно и невозмутимо, будто ничего не слышалъ.

Началось испытаніе. Очередь дошла до одного юноши, который дрожалъ отъ волненія. Священникъ велѣлъ ему прочесть пятую заповѣдь.

Священникъ не случайно выбралъ именно эту заповѣдь. Сидя въ просторной, хорошо прибранной старой горницѣ съ придѣланными къ стѣнамъ скамьями, съ явными признаками благосостоянія, онъ вдругъ почувствовалъ потребность напомнить людямъ, какъ хорошо живется тому, кто поддерживаетъ свой родъ, одно поколѣніе за другимъ, и даетъ управлять старымъ, пока тѣ въ силахъ работать, а потомъ чтетъ и бережетъ ихъ въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которыя имъ осталось прожить.

Онъ только что началъ пояснять обѣтъ, данный Богомъ тѣмъ, кто чтитъ отца и мать, какъ вдругъ Янъ изъ Скрулюкка поднялся съ своего мѣста.

— Тамъ кто-то стоитъ за дверью и не смѣетъ войти, — сказалъ онъ.

— Бёрье, вы сидите ближе всѣхъ къ двери, такъ посмотрите, кто тамъ,—попросилъ священникъ.

Бёрье всталъ, отворилъ дверь и заглянулъ въ сѣни.

— Тамъ никого нѣтъ,—сказалъ онъ,—Янъ ошибся.

Священникъ продолжалъ развивать передъ слушателями свою мысль. Онъ сказалъ, что эта заповѣдь не столько приказаніе, сколько хорошій совѣтъ, которому необходимо слѣдовать, если только хочешь, чтобы тебѣ жилось хорошо на землѣ. Самъ онъ еще молодъ, сказалъ онъ, но столько-то онъ успѣлъ уже наблюсти, что пренебрежительное отношеніе къ родителямъ и къ ихъ волѣ обязательно ложится въ основу всѣхъ несчастій и неудачъ въ жизни человѣка.

Въ то время какъ священникъ говорилъ, Янъ нѣсколько разъ поворачивалъ голову къ двери. Онъ дѣлалъ знаки Катриннѣ, сидѣвшей съ краю и ближе къ двери, чтобы она отворила дверь.

Катринна долго не обращала вниманія на его знаки, но, наконецъ, она послушалась, такъ какъ боялась вызвать его раздраженіе. Когда она отворила дверь, то и она, такъ же какъ и Бёрье, никого не увидала. Она отрицательно покачала головой Яну и снова сѣла на свое мѣсто.

Священникъ не обратилъ вниманія на то, что Катринна вставала, и продолжалъ говорить. Къ великому удовольствію всѣхъ тѣхъ, кто должны были подвергнуться испытанію, онъ почти совсѣмъ забылъ задавать вопросы и увлекся изложеніемъ всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ мыслей, которыя нахлынули на него.

— Подумайте,—сказалъ онъ,—какъ хорошо и мудро все устроено! Какая для насъ отрада въ томъ, что наши милые старики находятся у насъ дома! Какое наслажденіе для насъ быть поддержкой тѣмъ, кто помогали намъ, когда мы были безсильны; какая радость для насъ украшать и облегчать жизнь для тѣхъ, кто, можетъ быть, мерзли и голодали ради насъ. Для молодой супружеской четы настоящее благословеніе, когда у нихъ въ домѣ есть старый отецъ или старая мать, которыхъ можно сдѣлать счастливыми на склонѣ ихъ жизни...

При этихъ словахъ священника въ противоположномъ углу горницы раздались сдерживаемыя рыданія. Ларсъ Гуннарсонъ, сидѣвшій все время съ набожно склоненной головой, тотчасъ же всталъ. Онъ на цыпочкахъ прошелъ черезъ горницу, чтобы не помѣшать священнику, обнялъ за талію свою тещу и подвелъ ее къ столу, за которымъ сидѣлъ священникъ. Усадивъ ее на свое мѣсто, онъ сталъ позади нея съ нѣжно устремленнымъ на нее взглядомъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ своей женѣ, и та также подошла къ матери и стала по другую ея сторону. Это была очень трогательная картина. Всѣ поняли, что Ларсъ хотѣлъ показать, что у него въ семьѣ было именно такъ, какъ этого хотѣлъ священникъ.

Священникъ посмотрѣлъ на старую мать и ея дѣтей, и лицо его просіяло отъ чувства удовлетворенія. Единственно, что нѣсколько нарушало его настроеніе, такъ это то, что старуха продолжала заливаться горючими слезами. До сихъ поръ ему никогда еще не приходилось до такой степени растрогивать кого-нибудь изъ своей паствы.

— Да, — продолжалъ священникъ, — исполнять пятую заповѣдь не трудно, пока мы молоды и должны повиноваться, но зато потомъ это гораздо труднѣе. Когда мы становимся зрѣлыми и находимъ, что сами достаточно умны...

Тутъ священнику снова помѣшалъ Янъ. Онъ наконецъ самъ пробрался къ двери и отворилъ ее.

Янъ побезпокоился не напрасно, какъ другіе. Слышно было, какъ онъ поздоровался съ кѣмъ-то, стоявшимъ въ сѣняхъ.

Всѣ повернули головы съ двери, чтобы увидать того, кто все время стоялъ въ сѣняхъ, не рѣшаясь войти въ горницу. Слышно было, какъ Янъ упрашивалъ кого-то войти и даже распахнулъ дверь настежь. Но, повидимому, человѣкъ, стоявшій въ сѣняхъ, отказывался войти. Наконецъ, Янъ затворилъ дверь и вернулся въ горницу одинъ. Однако онъ не сѣлъ на свое мѣсто, а протолкался къ столу, за которымъ сидѣлъ священникъ.

— Ну, Янъ,—сказалъ священникъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—узнаемъ мы наконецъ, кто намъ мѣшалъ весь вечеръ?

— Это былъ здѣшній старый хозяинъ изъ Фалла, онъ стоялъ тамъ въ сѣняхъ, — объявилъ Янъ, не проявляя ни малѣйшаго удивленія или волненія по поводу своего страннаго сообщенія.— Онъ ни за что не хотѣлъ войти сюда, но онъ просилъ меня кланяться Ларсу и сказать ему, чтобы онъ берегся въ первое воскресенье послѣ Иванова дня.

Въ первое мгновеніе лишь немногіе поняли весь смыслъ этихъ словъ. Сидѣвшіе сзади даже не разслышали словъ, но, увидя, что священника всего передернуло, они поняли, что Янъ сказалъ что-то ужасное. Многіе встали со своихъ мѣстъ, пробрались впередъ и спрашивали, отъ кого Янъ передалъ поклонъ.

— Янъ,—воскликнулъ священникъ строго.—Сознаешь ли ты, что говоришь?

— Конечно,—отвѣтилъ Янъ, утвердительно кивая священнику головой.—Я все время слышалъ, что за дверью кто-то стоитъ. Я просилъ его войти, но онъ не хотѣлъ, и какъ только онъ передалъ поклонъ своему зятю, онъ сейчасъ же ушелъ. Скажи ему,—сказалъ онъ,—что я не желаю ему зла за то, что онъ заставилъ меня пролежать въ снѣгу въ ужасномъ положеніи и не помогъ мнѣ во-время. Но пятая заповѣдь очень строгая. Кланяйся ему отъ меня и скажи, чтобы онъ поскорѣе раскаялся и признался въ своемъ грѣхѣ! У него еще достаточно времени до перваго воскресенья послѣ Иванова дня.

Янъ говорилъ такъ здраво и такъ ясно передалъ странное порученіе, что въ первое мгновеніе и священникъ, и всѣ присутствующіе повѣрили, что Эрикъ изъ Фалла дѣйствительно стоялъ у дверей своего дома и разговаривалъ съ Яномъ. Взоры всѣхъ были устремлены на Ларса Гуннарсона, всѣмъ хотѣлось увидѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на него слова Яна.

Ларсъ разсмѣялся.

— А я то думалъ, что Янъ теперь въ своемъ умѣ,—сказалъ онъ.—Если бы я зналъ, что это не такъ, я не пустилъ бы его на испытаніе. Прошу васъ, пасторъ, извинить за безпокойство. У него снова начался припадокъ безумія.

— Да, разумѣется!—сказалъ священникъ, и онъ съ облегченіемъ провелъ рукой по лбу. Онъ чуть было не повѣрилъ, что случилось нѣчто сверхъестественное. Какъ хорошо, что все это было лишь бредомъ сумасшедшаго!

— Дѣло, видите ли, въ томъ, пасторъ, что Янъ не очень-то любитъ меня, — продолжалъ Ларсъ пояснять. — Вотъ онъ и проявляетъ это по-своему, разъ у него нѣтъ разума. Надо сознаться, что если ужъ очень строго смотрѣть на это, такъ, пожалуй, я виноватъ въ томъ, что его дочери пришлось итти въ люди, чтобы выслужить деньги. Этого-то онъ и не можетъ простить мнѣ.

Священникъ какъ будто немного удивился горячему тону, которымъ говорилъ Ларсъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на Ларса своими глубокими глазами. Ларсъ не встрѣтился съ его взглядомъ и посмотрѣлъ въ сторону. Однако онъ сейчасъ же поймалъ себя на этомъ и сдѣлалъ попытку взглянуть священнику въ лицо, но тщетно, и снова отвернулся, причемъ у него вырвалось проклятіе.

— Ларсъ Гуннарсонъ! — воскликнулъ священникъ. — Что съ вами?

Ларсъ тотчасъ же опомнился.

— Неужели же мнѣ нельзя отдѣлаться отъ этого юродиваго?— сказалъ онъ съ раздраженіемъ, словно выругался не онъ самъ, а Янъ.—Вотъ и вы, пасторъ, и всѣ мои сосѣди смотрите сейчасъ на меня, какъ на какого-то убійцу. И все это только изъ-за того, что этотъ сумасшедшій уже давно имѣетъ зубъ на меня! Повторяю, онъ золъ на меня изъ-за своей дочери. А я не зналъ, что она уѣдетъ и попадетъ въ несчастье. Я только хотѣлъ, чтобы мнѣ уплатили то, что мнѣ причиталось. Неужели здѣсь не найдется никого, кто увелъ бы Яна, чтобы мы могли продолжать?

Священникъ снова провелъ рукой по лбу. На сердце его легла какая-то тяжесть при словахъ Ларса. Но онъ не могъ сказать ему ничего въ его осужденіе, разъ онъ ничего не зналъ навѣрное. Онъ осмотрѣлся кругомъ, ища взглядомъ старую хозяйку, но она уже исчезла. Тогда онъ перевелъ взглядъ на собраніе, но и тутъ онъ не получилъ никакого разъясненія. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что каждый изъ присутствовавшихъ на испытаніи зналъ, виновенъ Янъ или нѣтъ. Но когда священникъ посмотрѣлъ на

нихъ, то всѣ лица какъ бы замкнулись и потеряли всякое выраженіе. Катринна подошла къ Яну и взяла его подъ руку. Они уже направились къ выходу, но этому сумасшедшему священникъ во всякомъ случаѣ не хотѣлъ учинять допроса.

— Я думаю, что на сегодня довольно,—сказалъ священникъ.— Прочтемте заключительную молитву.

Онъ прочелъ короткую молитву, послѣ которой всѣ пропѣли псаломъ и затѣмъ стали понемногу расходиться.

Священникъ вышелъ послѣднимъ. Ларсъ пошелъ проводить его до калитки и самъ заговорилъ съ нимъ о томъ, что только что произошло.

— Вы замѣтили, пасторъ, что я долженъ беречься перваго воскресенья послѣ Иванова дня?—спросилъ онъ.—Вотъ это-то и доказываетъ, что Янъ думалъ о своей дочери. Это было какъ разъ въ первое воскресенье послѣ Иванова дня въ прошломъ году... въ этотъ день я былъ у Яна, чтобы договориться съ нимъ относительно его избы.

На душѣ у священника становилось все тяжелѣе отъ всѣхъ этихъ поясненій. Онъ вдругъ положилъ свою руку на плечо Ларса Гуннарсона и попытался заглянуть ему въ глаза.

— Ларсъ Гуннарсонъ!—сказалъ онъ горячо и убѣдительно.— Я не судья. Но не забывайте, что если у васъ есть что-нибудь на совѣсти, то вы всегда можете прійти ко мнѣ. Я жду васъ, Ларсъ Гуннарсонъ, каждый день. Но смотрите, чтобы это не было слишкомъ поздно!

Старый колдунъ.

Наступила вторая зима съ тѣхъ поръ, какъ изъ Скрулюкка уѣхала маленькая дѣвочка. Зима эта была очень холодная и суровая. Въ концѣ января долго стояли трескучіе морозы. Чтобы какъ-нибудь защититься отъ стужи, обитатели Аскедаларна накидывали вокругъ своихъ избушекъ снѣгъ, а хлѣва имъ приходилось каждую ночь покрывать соломой, иначе коровы могли бы замерзнуть.

Было такъ холодно, что хлѣбъ мерзъ и сыръ мерзъ, даже масло превращалось въ кусокъ льда. Въ самый разгаръ морозовъ казалось даже, что и огонь потерялъ способность распространять тепло. Какой бы ни разложить костеръ на очагѣ, тепло распространялось только до края очага.

Однажды, когда морозъ былъ особенно лютый, Янъ не пошелъ на работу, а остался дома и помогалъ Катриннѣ поддерживать

огонь. Ни онъ, ни Катринна не рѣшались съ самаго утра выйти на дворъ. И чѣмъ дольше они сидѣли дома, тѣмъ больше они мерзли. Когда около пяти часовъ начало смеркаться, Катринна сказала, что лучше всего будетъ поскорѣе улечься въ постель. Зачѣмъ сидѣть напрасно и только мучиться отъ холода.

Янъ нѣсколько разъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ на дворъ въ маленькій уголокъ стекла, который оставался чистымъ отъ инея. Теперь онъ снова подошелъ къ окну.

— Ложись, если хочешь, милая Катринна,—сказалъ онъ, глядя въ уголокъ окна,—а я посижу еще немного.

— Такъ я и знала!—воскликнула Катринна.—Чего ты будешь сидѣть? Почему бы тебѣ не лечь?

Янъ не отвѣтилъ на это ничего и только сказалъ:

— Странно, что я не видѣлъ, какъ Агриппа Престбергъ проходилъ здѣсь мимо на обратномъ пути.

— Ужъ не его ли ты поджидаешь? Мнѣ кажется, что онъ всегда такъ дурно относился къ тебѣ, что тебѣ незачѣмъ сидѣть тутъ и мерзнуть изъ-за него.

Янъ махнулъ рукой. Изъ всѣхъ тѣхъ манеръ, которыя онъ пріобрѣлъ во время своего „царствованія", остался только этотъ жестъ рукой, отъ котораго онъ не могъ совсѣмъ отвыкнуть. Онъ сказалъ Катриннѣ, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Престбергъ зашелъ къ нимъ, но дѣло въ томъ, что его пригласили на пьяную пирушку къ рыбакамъ въ Аскедаларна, и вотъ Янъ удивлялся, почему онъ до сихъ поръ не проходилъ мимо нихъ на возвратномъ пути съ этой пирушки.

— Ну, надо думать, что настолько-то у него хватило ума, что онъ просто не пошелъ на пирушку,—замѣтила Катринна.

Морозъ все крѣпчалъ по мѣрѣ приближенія вечера. Въ углахъ избы потрескивало, словно морозъ стучался въ избу и просилъ впустить его. Деревья и кусты покрылись толстой шубой изъ снѣга и инея и совершенно потеряли обычныя очертанія, но вѣдь и имъ приходилось укутываться во все, что было имъ доступно, чтобы защититься отъ мороза.

Немного спустя Катринна опять сказала:

— Я вижу, что теперь всего только половина шестого, но я всетаки поставлю кашу на огонь и справлю ужинъ. А ты можешь потомъ или ложиться, или сидѣть и ждать Престберга, какъ тебѣ вздумается.

Янъ все время сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ кусочекъ непокрытаго инеемъ стекла.

— Не могу себѣ представить, чтобы я не замѣтилъ, когда онъ проходилъ здѣсь мимо,—сказалъ онъ какъ бы про себя.

— Не все ли тебѣ равно, проходилъ такой человѣкъ, какъ Престбергъ, или нѣтъ?—замѣтила Катринна недовольнымъ тономъ. Ей надоѣло слушать, какъ Янъ говоритъ объ этомъ бродягѣ.

Янъ тяжко вздохнулъ. Катринна была гораздо болѣе права, говоря такъ, чѣмъ она сама это сознавала. Яну, дѣйствительно, не было никакого дѣла до стараго Греппы, и ему было все равно, прошелъ онъ или не проходилъ еще мимо его избы. Съ его стороны вся эта исторія съ Престбергомъ была только предлогомъ, чтобы стоять у окна и смотрѣть на дворъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Ларсъ Гуннарсонъ отнялъ отъ него могущество и власть, лишивъ его императорскихъ знаковъ отличія, онъ не получилъ ни одной вѣсточки отъ великой императрицы, отъ маленькой дѣвочки изъ Скрулюкка. Янъ зналъ, что онъ лишился знаковъ отличія не безъ ея согласія на это. Изъ этого онъ вывелъ, что въ чемъ-нибудь провинился передъ ней. Но въ чемъ именно онъ провинился, этого онъ никакъ не могъ выяснить себѣ. Онъ мучительно думалъ надъ этимъ вопросомъ въ долгіе зимніе вечера и въ темныя долгія утра, когда молотилъ на ригѣ въ Фалла, и въ короткіе дни, когда возилъ изъ лѣса дрова.

Вѣдь не могло же ей не понравиться, какъ онъ держалъ себя въ положеніи императора. Все шло такъ гладко и прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. И что это было за время! Никогда онъ не мечталъ даже о томъ, что ему придется пережить что-либо подобное. Но не могла же Клара-Гулла имѣть что-нибудь противъ этого.

Нѣтъ, скорѣе онъ сказалъ или сдѣлалъ что-нибудь такое, что ей не понравилось. За это она и наложила на него наказаніе.

Но неужели же она такая злопамятная? Неужели она никогда не проститъ его? Если бы она хоть шепнула, за что она гнѣвается на него. Онъ готовъ безропотно покориться всему, лишь бы заслужить ея прощеніе. Вѣдь онъ снова надѣлъ на себя рабочее платье и пошелъ на поденщину, какъ только она дала ему понять, что желаетъ этого.

Онъ не хотѣлъ говорить о своихъ мученіяхъ ни съ Катринной, ни со своимъ другомъ Ола. Онъ рѣшилъ быть терпѣливымъ и ждать какого-нибудь знака отъ Клары. Иногда ему казалось, что знакъ этотъ уже близокъ, что ему стоитъ только протянуть руку за нимъ.

Какъ разъ сегодня, когда онъ весь день просидѣлъ дома, онъ особенно ясно чувствовалъ, что къ нему должна прійти вѣсть отъ Клары. Вотъ этого-то онъ и поджидалъ, стоя у окна и глядя на дворъ въ кусочекъ непокрытаго инеемъ стекла. На душѣ у него было очень тяжело, и ему казалось, что если скоро не будетъ вѣсточки отъ Клары, то онъ не выдержитъ и умретъ.

Сумерки сгущались все больше и больше, и онъ едва могъ различить калитку, дальше ничего не было видно. Итакъ, на этотъ день всѣ его надежды рушились. Онъ не возражалъ больше Катриннѣ на ея совѣтъ пораньше лечь спать. Она разогрѣла кашу, они поужинали и улеглись спать въ началѣ седьмого часа.

Они заснули тотчасъ же, но долго спать имъ не пришлось. Большіе далекарлійскіе часы показывали не болѣе половины седьмого, какъ Янъ вскочилъ съ постели. Онъ поспѣшилъ подложить дровъ на очагъ, который еще не совсѣмъ погасъ, и началъ быстро одѣваться.

Онъ старался не шумѣть, чтобы не разбудить Катринны, но она всетаки проснулась. Она сѣла въ постели и спросила, не настало ли уже утро.

Нѣтъ, до утра еще далеко. Но дѣло въ томъ, что маленькая дѣвочка позвала его во снѣ и приказала ему итти въ лѣсъ.

Теперь настала очередь Катринны тяжко вздохнуть. Она рѣшила, что на Яна снова нашло умопомраченіе. Она ждала этого каждый день за послѣднее время, потому что Янъ былъ очень удрученъ и, видимо, тосковалъ.

Она не пыталась даже уговаривать его остаться дома, она знала, что это будетъ безполезно. Она молча встала съ постели и начала одѣваться.

— Подожди немного,—сказала она, увидя, что Янъ стоитъ уже у двери и собирается выйти.—Если ужъ ты рѣшилъ во что бы то ни стало итти ночью въ лѣсъ, то и я пойду съ тобой.

Она ожидала, что Янъ будетъ уговаривать ее остаться, но онъ не промолвилъ ни слова, а остановился у двери и сталъ ждать ее. Видно было, что онъ очень спѣшилъ, но въ то же время онъ казался теперь гораздо болѣе спокойнымъ и разсудительнымъ, чѣмъ днемъ.

Да, въ этотъ вечеръ было не очень-то пріятно гулять. Когда Янъ и Катринна вышли на дворъ, имъ показалось, что они прикоснулись лицомъ къ стѣнѣ, покрытой осколками стекла, которые больно кололи и царапали кожу. Казалось, будто морозъ готовъ оторвать носъ, концы пальцевъ немилосердно жгло, ноги

сразу коченѣли и дѣлались безчувственными, точно ихъ вовсе не было.

Но Янъ не жаловался на морозъ и Катринна также. Они шли молча впередъ. Янъ свернулъ на зимній путь черезъ гору, на тотъ самый, по которому онъ несъ когда-то маленькую Клару въ церковь на раннюю рождественскую обѣдню.

Небо было ясное, на западѣ сверкалъ узкій серпъ луны и было довольно свѣтло. Но всетаки очень трудно было держаться дороги, такъ какъ все было бѣлое. Нѣсколько разъ Янъ и Катринна заходили слишкомъ далеко въ сторону и проваливались въ сугробахъ.

Какъ бы то ни было, но они подвигались впередъ и дошли, наконецъ, до большого камня, которымъ великанъ хотѣлъ швырнуть въ церковь въ Свартшё. Янъ прошелъ уже мимо камня, какъ вдругъ Катринна, слѣдовавшая за нимъ, вскрикнула.

— Янъ,—позвала она. Въ ея голосѣ слышался такой же испугъ, какъ въ тотъ достопамятный день, когда къ нимъ пришелъ Ларсъ, чтобы отнять у нихъ избу.—Янъ,—крикнула она опять,—развѣ ты не видишь, что здѣсь кто-то сидитъ?

Янъ повернулся и пошелъ къ ней назадъ. Когда онъ приблизился къ камню, то оба они чуть было не пустились бѣжать,—такъ они испугались. Дѣйствительно, на снѣгу, прислонившись къ камню, сидѣлъ большой старый колдунъ, почти совсѣмъ покрытый снѣгомъ и инеемъ. У него была большая щетинистая борода и носъ, напоминавшій клювъ громадной птицы.

Онъ сидѣлъ неподвижно, и можно было подумать, что онъ такъ окоченѣлъ отъ мороза, что у него нехватило силъ забраться къ себѣ въ свою нору подъ камнемъ.

— Подумать только, что на свѣтѣ всетаки существуетъ такая нечисть,—воскликнула Катринна.—А я-то не вѣрила этому, сколько бы мнѣ о нихъ ни говорили.

Однако, Янъ, овладѣвшій собой послѣ испуга раньше Катринны, сообразилъ, кого они видятъ передъ собой.

— Да вѣдь это вовсе не колдунъ, Катринна,—сказалъ онъ.—Это Агриппа Престбергъ.

— Что ты говоришь?—воскликнула Катринна.—А, впрочемъ, онъ такой уродъ, что его легко принять за кого угодно.

— Онъ сѣлъ здѣсь отдохнуть да и заснулъ. Ужъ не умеръ ли онъ?

Они начали звать старика по имени и расталкивать его, но онъ продолжалъ сидѣть неподвижно и не подавалъ признаковъ жизни.

— Бѣги скорѣе за санками, намъ придется свезти его домой,—сказалъ Янъ.—А я пока буду растирать его снѣгомъ, авось, мнѣ удастся разбудить его.

— Лишь бы ты самъ не замерзъ тутъ вмѣстѣ съ нимъ!

— Милая Катринна,—возразилъ Янъ,—мнѣ давнымъ-давно уже не было такъ тепло, какъ сегодня. Маленькая дѣвочка сдѣлала меня такимъ счастливымъ. Ну развѣ это не благородно съ ея стороны послать насъ въ лѣсъ, чтобы спасти жизнь человѣку, который распространялъ о ней такъ много всякой лжи?

Недѣли двѣ спустя, когда Янъ возвращался съ работы домой, онъ повстрѣчался на дорогѣ съ Агриппой Престбергомъ.

— Слава Богу, я опять здоровъ,—сказалъ Грениа.—Но я хорошо понимаю, что если бы ты и Катринна не пришли ко мнѣ на помощь, то Іоханнъ-Уттеръ-Агриппа Престбергъ приказалъ бы долго жить, и отъ него не много осталось бы. А потому я рѣшилъ отплатить вамъ услугой за услугу.

— Не стоитъ объ этомъ думать, милый мой Агриппа Престбергъ,—отвѣтилъ Янъ, махнувъ рукой.

— Нѣтъ, ты лучше подожди, лучше послушай меня,—сказалъ Престбергъ.—Разъ я сказалъ, что рѣшилъ отплатить вамъ за услугу, то это не пустая болтовня. И то, что я рѣшилъ, я и исполнилъ. На этихъ дняхъ я повстрѣчался съ тѣмъ самымъ купцомъ, который подарилъ вашей дочкѣ красное платье.

— Съ кѣмъ?—спросилъ Янъ съ такимъ волненіемъ, что у него перехватило духъ и онъ сталъ задыхаться.

— Да съ тѣмъ купцомъ, который подарилъ дѣвочкѣ красное платье и который потомъ устроилъ такъ, что она попала въ бѣду въ Стокгольмѣ. Во-первыхъ, я задалъ ему такую здоровую трепку, какую онъ только былъ способенъ перенести,—это за вашъ счетъ,—а во-вторыхъ, я ему сказалъ, что онъ получитъ такую же трепку, если только ему вздумается появиться здѣсь еще разъ.

Янъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Но что онъ сказалъ? Вы не спросили его о Кларѣ? Онъ не передавалъ вамъ поклона отъ нея?

— Что же ему было говорить? Онъ принялъ отъ меня то, что ему полагалось, и промолчалъ. Такъ вотъ я отплатилъ вамъ добромъ за добро, такъ что теперь мы квиты. Іоханнъ-Уттеръ-Агриппа Престбергъ не желаетъ имѣть никакихъ долговъ.

Сказавъ это, Агриппа пошелъ дальше, а Янъ застылъ на дорогѣ и не двигался съ мѣста. Наконецъ, у него вырвался гром-

кій стонъ. Дѣвочка, дѣвочка! Она, должно быть, послала ему вѣсточку. Этотъ купецъ долженъ былъ, навѣрное, передать отъ нея привѣтъ. Но Янъ ничего уже не узнаетъ больше. Агриппа выгналъ купца отсюда.

Янъ ломалъ руки въ отчаяніи. Онъ не плакалъ, но все его тѣло ныло и болѣло, точно онъ былъ тяжело боленъ.

Теперь онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Клара-Гулла хотѣла, чтобы Престбергъ, который вѣчно бродилъ по дорогамъ, повстрѣчался съ купцомъ, принялъ бы отъ нея вѣсточку и передалъ ее Яну. Но съ Престбергомъ дѣло обстояло, какъ съ настоящимъ колдуномъ,—отъ его услугъ всегда выходилъ только вредъ.

Перев. **М. П. Благовѣщенская.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НЕТЛѢННОЕ.

Разсказъ.

— Если ты сердита, — говорила кухарка Маша, молодая, веснущатая, рыхлая особа съ бѣгающими глазами, — ноги у тебя болятъ...—лицо ея освѣтилось подавленной улыбкой,—то что-жъ ты, говори!

— Такъ и скажу сегодня,—отодвинувши чашку съ чаемъ, возразила горничная Поля, высокая дѣвушка въ свободной кофточкѣ, черезъ мягкую ткань которой обрисовывались неестественно широкіе бока.

Поля вошла въ столовую, гдѣ сидѣла на креслѣ у окна барыня Анна Сергѣевна Барышникова и съ удовольствіемъ читала газету.

— Барыня!—окликнула Поля.

Анна Сергѣевна сдвинула очки на большой лобъ съ гладко зачесанными сѣдѣющими волосами и непонимающими, далекими глазами взглянула на дѣвушку.

— Въ чемъ дѣло?

— Ищите себѣ другую... я завтра ухожу.

Анна Сергѣевна даже покраснѣла отъ непріятной неожиданности.

— Но почему же, Поля? Что случилось?

Поля молчала, опустивъ глаза и тяжело дыша. Она ждала, когда кончится эта мука, не первая въ ея жизни за послѣднее время.

— Кто-нибудь васъ обидѣлъ? Вышли какія-нибудь непріятности? Кажется, я всегда стараюсь, чтобы моей прислугѣ жилось хорошо... Кажется, я всегда пускаю васъ со двора, какъ только попроситесь... комната у васъ отдѣльная... за пищей слѣжу сама... Я думаю, можете вы мнѣ сказать, по крайней мѣрѣ, почему вы уходите...

— Никто меня не обидѣлъ... я очень вами довольна... я всѣми очень довольна... — бормотала Поля, почти ненавидя барыню за

испытываемыя страданія. Но только я никакъ не могу... Ноги у меня очень болятъ...

— Ноги болятъ?! Но вѣдь вы живете у доктора?! Отчего вы не обратитесь къ Николаю Ивановичу? Почему?... Давно бы...

Поля молчала, стиснувъ зубы.

— Сказала! — со злобой объявила Поля, входя въ кухню. Голосъ ея дрожалъ и на выдавшихся отъ худобы скулахъ играли два красныхъ пятна.—Ноги не болятъ... Небось, заболятъ, по вашимъ лѣстницамъ бѣгая, взадъ-впередъ, взадъ-впередъ... какъ духъ какой нечистый, Господи прости!

Черезъ недѣлю послѣ того какъ ушла Поля, утромъ Анна Сергѣевна, какъ всегда, выдавъ провизію, собиралась выйти изъ кухни. Кухарка Маша вдругъ растянула губы въ хитрую, притворную улыбку и произнесла приторнымъ, медовымъ голосомъ:

— Проздравлять нужно Пелагею Антиповну... горничную-то нашу бывшую,—пояснила она, видя, что барыня не понимаетъ.

— А что такое?—брезгливо сморщась, неохотно спросила Анна Сергѣевна.

— Да какъ же! Ребеночка имъ Богъ далъ! Вчера къ вечеру...

— Откуда вы все знаете?

— Да какъ этого не знать? Въ своемъ городѣ, да не знать? Или вы, барыня, не замѣчали?

Маша хихикнула надъ наивностью пожилой барыни.

— Неужъ не примѣтили, барыня? Она послѣднее время все широкія кофты носила. Вѣдь она оттого и отъ Ѳокиныхъ ушла... Выгнали. Тамъ строго... Ихній же приказчикъ, Санька. А ужъ, говорятъ, нѣтъ ничѣмъ ничего: ни пеленочки, ни простыночки, ни повить, ни подложить, ни перемѣнить... Скрываютъ! А, все равно, всѣмъ извѣстно. Одно только, что въ харю никто сказать не смѣетъ. А въ дому-то что дѣлается! Мачеха...

Анна Сергѣевна не дослушала и вышла изъ кухни. Она была глубоко обижена. Столько недовѣрія! И къ кому же? Къ ней, которая всегда и помогла бы, и тайну сохранила бы... Сдѣлала бы что-нибудь для ребенка... Покойнаго своего Сереженьки отдала бы вещи... Все равно, у нея дѣтей ужъ не будетъ больше. Ну, не не хотѣла... Оказалась, какъ и большинство, неблагодарной... И нечего больше о ней думать...

Въ отчаянной, послѣдней, полусмертельной потугѣ кончилась звѣриная, непереносимая мука. Поля вздрогнула всей грудью,

еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, что случилось, вся липкая отъ горячей крови. Сознаніе ея быстро прояснялось. И первымъ коснулся ея слуха какой-то странный, похожій на хрюканье и крикъ, звукъ. Казалось, звукъ этотъ былъ такъ силенъ, что заполнялъ собой не только хлѣвушокъ, гдѣ на соломѣ, застланной старой ватолой, металась почти сутки, кусая руки и царапая грудь, обезумѣвшая отъ боли дѣвушка, но и весь міръ, до воротъ, до домовъ злыхъ и насмѣшливыхъ сосѣдей, до базара... Полубезсознательнымъ движеніемъ Поля приподнялась и набросила юбку на что-то маленькое, круглое, кроваво-скользкое, что лежало у ея ногъ.

— Нечего теперь-то! — сдержанно промолвила мачеха, вѣрно понявшая побужденіе падчерицы.—Теперь ужъ не заглушишь... Раньше нужно было думать, этими дѣлами не заниматься... Да подожди вскакивать, шутоломная... Не совсѣмъ вѣдь тебя Богъ простилъ.

Еще одно мгновеніе... И радость отстрадавшаго тѣла, радость освобожденія охватила Полю. Ахъ, только бы заснуть теперь, блаженно-крѣпко заснуть, забыть то, что ужасомъ и вѣчнымъ, облѣпляющимъ, какъ паутина, страхомъ окутывало ея душу цѣлыхъ девять мѣсяцевъ...

Рано утромъ, проспавъ почти двѣнадцать часовъ, Поля проснулась на печкѣ отъ того же ужаснаго хрюкающаго крика, который такъ испугалъ ее наканунѣ. Около нея стояла мачеха и жесткимъ пальцемъ стукала ее въ плечо.

— Вставай, что ли... будетъ! Ночью-то я тебя пожалѣла: молокомъ напоила. Тамъ еще вскипяченое осталось. Да соску нажуй: дай. Къ груди, смотри, не прикладывай. Да вставай же!— шипѣла старуха уже злобно.—Хочешь, чтобы весь курмышъ оповѣстился? И такъ ужъ черезъ тебя всѣ окошки скрыты. Сидимъ, какъ заключенныя...

Поля неумѣло взялась за маленькій круглый комочекъ тряпокъ, мокрый, противно визжащій. Еще ни разу не видѣла она своего сына, не хотѣла смотрѣть и теперь. Но не вытерпѣла и посмотрѣла. Какъ хмельное вино, ударило въ голову все, что минуло безвозвратно: ночи любви и быстро минувшаго, краденаго счастья, кудрявый, черноглазый приказчикъ Ѳокиныхъ, Санька, мѣсяцы стыда, мѣсяцы пригнетающаго къ землѣ сознанія, что все кончено; ушли навсегда свобода, радость, равенство съ людьми... И что-то въ черныхъ, мягкихъ, какъ шелкъ, тонко курчавящихся волосикахъ ребенка и въ его уже намѣченныхъ

бровяхъ показалось Полѣ такимъ знакомымъ, такимъ непереносимо-горькимъ... Она захлебнулась и заплакала навзрыдъ.

— Это еще цвѣтики. Ягодки-то впереди!—проворчала мачеха какъ будто удовлетворенно...

Въ семьѣ Гайкиныхъ начался адъ. Шопотомъ, чтобы не услыхали сосѣди, съ утра и до ночи тамъ попрекали другъ друга, выворачивали наизнанку всю прошлую жизнь, вспоминали всякую малость и расходились неуспокоенные, несытые, съ горящими злобой глазами, съ пламенемъ неостывшей мести въ сердцѣ...

— Безстыжая ужъ на всякомъ мѣстѣ безстыжая будетъ!—язвила мачеха.—Маленькая была—сраму надѣлала: у Егорушкиныхъ пышку съ окна стащила. Сколько лѣтъ по людямъ шляешься, ничего, окромѣ брюха, не нажила! Мое бы знатье, что выйдешь распутная, мнѣ бы замужъ не итти.

— А ты бы не шла! Меня папаня срядилъ бы. Я бы теперь своимъ домомъ жила!... не какая-нибудь была! Почему я у васъ не сряжена? Почему?—истерически задыхаясь, выкрикивала Поля.

— Своимъ домомъ... О-о-о, расходилась! Я—не я! Ходила я къ твоей свекровушкѣ, ходила! „Кака-така Поля, говоритъ, мы и не знамъ!“ Я говорю: „Вы дѣвушку осрамили, будете, что ли, брать?“ А она: „Мы и не знаемъ никакой Поли“... вотъ что! Онъ тебя нипочемъ не возьметъ!

— Нѣтъ, онъ возьметъ! Ему сестру замужъ отдавать! Когда бы не сестра, мы бы давно вѣнчались!

— Возьм-е-етъ! Сама знаешь, что врешь!...

Приходилъ старшій братъ Поли, Лукьянъ. Неизвѣстно почему, но выходило такъ: разъ Поля родила незаконнаго сына, то отцовскій домъ долженъ быть немедленно „подписанъ“ подъ него, Лукьяна...

Сдержаннѣй всѣхъ былъ отецъ Поли, Антипъ Ильичъ, плотникъ. Дряхлъ онъ становился. Топоръ плохо держался въ его рукахъ. Начиналъ онъ уже слѣпнуть. Минутами, однако, старый плотникъ тоже выходилъ изъ себя и грозно кричалъ:

— Вонъ! Всѣ вонъ съ моего пазьма, съ моего дома! Одинъ я тутъ хозяинъ! Другія-то дѣти родителей кормятъ, а вы что? Вонъ, чтобы и духу вашего поганаго не было!

И тогда мачеха всѣхъ успокаивала:

— Тишьте, тишьте!... И такъ, чай, по ставнямъ налипли, слѣдятъ!

— Все равно, ужъ вездѣ слухъ палъ!—кричалъ Ильичъ, не могшій сразу подавить своего волненія.

— Палъ, да никто своими глазами не видалъ, ушами не слыхалъ...

Даже во снѣ, какъ это было раньше до рожденія мальчика, Поля не могла почувствовать себя счастливой, беззаботной, желанной. Какъ огромный камень надъ головой, какъ присосавшаяся къ груди змѣя, ощущалась ею мысль объ окрещенномъ тайкомъ сынѣ Александрѣ... И когда, похудѣвшая, потная отъ слабости и волненія, съ неестественно большими глазами, она выкрикивала свои жалобы, то чувствовала, что, дѣйствительно, все кончено: ей нанесена непростимая обида. Ее погубили безжалостно, безсердечно, навсегда! Ее сдѣлали женщиной насильно, не давъ ей взамѣнъ ничего.

Жарко, душно на печкѣ. Чистенькой, привыкшей франтить Полѣ противно ея тѣло, ея нагрубшія, какъ камень, груди, которыя словно и со спины, и съ боковъ стягиваютъ къ себѣ всѣ жилы... Вся она и пахнуть-то стала какъ-то кисло, по-бабьи, отвратительно. А „этотъ“, на котораго она не глядитъ, чуя огромную опасность, этотъ кричитъ, кричитъ, пронзительно, безконечно... И такъ ужасно хочется спать, забыться хоть на минутку... Одна, никому не нужная... Что дѣлать, что дѣлать! Чадно въ комнаткѣ отъ привернутой лампочки, какой-то зеленый туманъ ходитъ кругомъ, и сонъ разнимаетъ такъ властно, что противъ него нѣтъ силъ бороться. Все болитъ, все ноетъ... Болятъ животъ и ноги, рветъ груди, ломятъ синяки отъ побоевъ... Какъ они ее били, когда узнали... И отецъ, и старшій братъ, и младшій... А вотъ не родила мертваго, а какъ бы хорошо... А этотъ все кричитъ, кричитъ, надсаживается... Ужъ никакихъ силъ съ нимъ нѣтъ! И трясла она его, и похлопывала, и укачивала—не помогаетъ!

Барыня Анна Сергѣевна дала ей какъ-то лѣкарство „для успокоенія“. Не велѣла только много его пить. Не больше столовой ложки заразъ... Если дать „ему“ ложечку,—успокоится, заснетъ. А утромъ она поглядитъ, а онъ уже и мертвый... Похоронятъ тихонько. Баринъ Барышниковъ свидѣтельство дастъ, что онъ былъ рожденъ слабымъ... Вымыться, какъ слѣдуетъ, надѣть все чистое, выздоровѣть, уйти опять въ люди, въ большія, свѣтлыя комнаты, жить... Вѣдь никто не смѣетъ ей ничего сказать прямо въ лицо. Мачеха правду говоритъ. Не будетъ его, ненавистнаго, все равно, не будетъ... Мамаша сказала, что какъ только узнаетъ, куда можно подкинуть, такъ и подкинутъ его... Ну, а если умретъ, пожалуй, что и лучше... Прибралъ бы Господь! По крайней мѣрѣ, не

думалось бы... А то думать начнешь, жалѣть... Умеръ бы — развязка полная... А этотъ крикъ, все время этотъ крикъ...

Поля, шатаясь, достала лѣкарство, сдобрила его сахаромъ, налила въ соску, дала „этому"... Онъ зачмокалъ, успокоился, и все кругомъ провалилось въ блаженномъ, поглощающемъ мракѣ...

Поля проснулась нескоро. Кругомъ было тихо. Она потянулась, полежала еще, медленно приходя въ себя. Вдругъ ее словно обожгли страхъ и любопытство вмѣстѣ. Она кинулась къ ребенку. Тотъ лежалъ спокойно, не слышно было, какъ онъ дышалъ. Личико его уже начало бѣлѣть и рѣзче обозначились черныя брови. „А если онъ мертвый? Вотъ бы развязка!"

Неожиданно ребенокъ раскрылъ глазки, большіе, черные глазки съ синей, младенческой поволокой, и какъ будто сознательно остановилъ ихъ на матери. Полѣ показалось, что вся ея кровь прихлынула къ сердцу, и какія-то горячія, дающія и наслажденіе, и боль иголки колютъ ея щеки и грудь... Слава Тебѣ, Господи, что Шурочка живъ! Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она развернула мокраго ребенка, подложила подъ него сухую пеленку и взглянула внизъ. Мачехи не было въ комнатѣ. Крадучись, Поля схватила крошечную ручку, прижала ее къ губамъ, торопливо оглянулась еще разъ, быстро счиркнула молоко изъ груди, какъ дѣлаютъ это—она видѣла—женщины, и приложила къ себѣ ребенка. Какое счастье: онъ схватилъ и сосетъ...

„Шурочка, Шурочка, маленькій ты дурачокъ, не плачь! Всегда буду тебя кормить! Всю ночь буду тебя кормить! Ничего, что мнѣ больно"...

А вечеромъ вновь та же удушливая ссора, та же ночь съ зеленымъ туманомъ и одолѣвающимъ, какъ хмель, сномъ... Но теперь было спокойнѣе. Шурка сосалъ грудь. У него съ матерью была важная, веселая тайна.

На шестой день мачеха сказала:

— Ну, что-жъ, долго будемъ валандаться? Итти надо! Пора!

— Куда, мамаша?

— Подкинуть надо! Или забыла?

— Да куда же—я не знаю. Кто возьметъ?

Ефремовна выдержала паузу и презрительно промолвила:

— Находить знала? Торговкѣ Ѳедорихѣ надо подкинуть. Она говорила, что, если мальчика принесутъ, возьметъ. Да ты, можетъ, воспитывать его хочешь? Капиталы нажила?

— Будетъ, мамаша,—сдержанно возразила Поля.—Не разъ объ этомъ говорено и не два...

Будто бы темная и глухая, а на самомъ дѣлѣ сторожкая и чуткая, полная звуковъ и страховъ ночь... Какъ во снѣ шла Поля, замирая отъ ужаса при видѣ заблудшей собаки, холодѣя, когда долеталъ до нея звукъ далекой трещетки ночного сторожа.

Мачеха ждала ее на углу. Шла ли Поля въ гору, или нѣтъ? Положила ли на высокое крылечко ребенка, дернула ли изо всей силы за звонокъ и пустилась ли бѣжать внизъ, какъ сумасшедшая? Поля и сама не знала, было это или не было...

Первые дни она ничего не ощущала, какъ не ощущаютъ сильно ушибленнаго мѣста. Цѣлыми днями она убирала въ домѣ, стирала бѣлье, парила и мыла кадушки. За ней нѣсколько разъ приходили нанимать ее въ горничныя, и она обѣщалась прійти черезъ пять дней въ домъ богатыхъ купцовъ, Котлецовыхъ, на хорошее жалованье.

Но чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше Поля „отходила", тѣмъ безпокойнѣе она становилась. Тоска, щемившая ея сердце послѣ того, какъ она отнесла сына, въ первое время лишь изрѣдка, все возрастала, разливалась, наполняла всю ея душу. „Одинъ бы только разочекъ поглядѣть мнѣ на него какъ слѣдуетъ... Не разсмотрѣла его... не успѣла", томилась Поля. „Ни ушекъ не разсмотрѣла, ни пяточекъ, ни волосиковъ... Не знаю, есть примѣточки, не знаю, нѣтъ примѣточковъ... На губки-то какъ слѣдуетъ не взглянула"...

Опять болѣли похожія на горячіе камни груди. Все тѣло тянуло и карежило...

Былъ канунъ Вознесенья. Поля домывала полъ. Въ окно смотрѣла еще свѣжая, незапыленная зелень кленовъ и бузины; вечернее алое небо накрыло тепломъ и умирающимъ свѣтомъ силуэты далекихъ мельницъ и ярко-зеленыя горы; въ церквахъ звонили протяжно и зовуще. Ефремовна собиралась ко всенощной. И вдругъ лицо Поли исказилось злобой. Она швырнула тряпку, выпрямилась и кривящимися губами прошипѣла, совершенно какъ мачеха:

— Въ церковь идутъ... Бога тоже помнятъ... А дитя... бросили, какъ собачонку...

— Ты мнѣ, что ли, милая?—пропѣла Ефремовна.—Да ужъ это вѣрно. Только мы, старухи, маленько еще Бога помнимъ. А молодежь—только и слышишь: та ребенка заморила, эта придушила, эта свиньямъ, будто нечаянно, скормила. Замужнія-то—и тѣ на всякія штуки подымаются... А своего-то Шурку ты сама отнесла.

Такъ-то. Это ужъ дѣло конченное... Я вѣдь вижу. Ты, то на огородѣ, то въ хлѣвушкѣ, все груди счиркиваешь. Зря не слушаешься. Потомъ спокаешься... Кончено это и припечатано...

Мачеха ушла. Поля торопливо домыла полъ, одѣлась, какъ для выхода, посидѣла, сняла косынку, опять надѣла... наконецъ, рѣшительно вышла.

Опять, какъ во снѣ, шла она къ дому Ѳедорихи. Легонько постучалась въ окошко и съ дѣвичьимъ, ласковымъ смѣхомъ сказала выглянувшей торговкѣ:

— Тетенька, я войду?

Ѳедориха, толстая старуха съ непомѣрно большимъ животомъ, сидѣла, разставивъ ноги, на лавкѣ и щипала куръ. Мелкія перья разлетѣлись по всей комнатѣ и прилипли къ потному, морщинистому, мѣдно-красному лицу торговки.

— Войди, войди, дѣвушка!—прохрипѣла Ѳедориха.—Садись-ка. Помоги мнѣ птицу обдѣлывать. Ужъ очень жестко щиплется. И скажи: кормила, какъ слѣдоватъ...

— Я вотъ къ вамъ зачѣмъ, тетенька,—защебетала безпечно и весело Поля.—Я куръ пощиплю... безусловно. А я вотъ зачѣмъ. Пріемыша вашего посмотрѣть. Гдѣ онъ у васъ? Я посмотрю, а потомъ пощиплю, безусловно. Зыбочка-то у васъ гдѣ?

— Нѣту, милая. Нѣту ни зыбочки, ни пріемыша. Въ губернію его отвезли, въ Саратовъ, въ воспитательный...

Поля побѣлѣла, безпомощно раскрыла ротъ и задышала часто-часто...

— А вѣдь вы... говорили... взяли его?...

— Взяла-то, взяла,—хрипѣла Ѳедориха, какъ будто не замѣчая волненія дѣвушки,—да племянница у меня уѣхала. Мнѣ никакъ и невозможно... Я, было, ее и не хотѣла пускать, да ничего не подѣлаешь... Не мать. Тамъ-то, въ Хвалынѣ, постарше меня...

— Значитъ... онъ теперь... пропалъ?

— Зачѣмъ пропалъ? Записка есть. Могу завсегда взять обратно, за содержаніе только придется тамъ сколько-то. Плохонькій онъ: цвѣтетъ въ ротикѣ, что ли. Соску не беретъ. А животикомъ мается—прямо смыло всего. Мнѣ-былъ и желательно...

Поля ступила шагъ, другой, и уже нисколько не похожа была на тоненькую, щебечущую дѣвушку. Все женское горе, вся тяжесть и мученія материнства отразились въ ея большихъ, расширившихся глазахъ, въ страдальческомъ изломѣ кривящихся, дрожащихъ губъ.

— Тетенька... милая... дай мнѣ эту записку!...

— Вотъ-те на! Для чего я ее тебѣ буду давать?

Поля сѣла на лавку и крѣпко сцѣпила пальцы рукъ.

— Да вѣдь мой онъ!—сказала она съ непередаваемымъ выраженіемъ.—Я его родила! Возьму домой... Смыло всего, говоришь? Хвораетъ? Сейчасъ же вечеромъ съ поѣздомъ уѣду... Мой дитенокъ. Возьму къ папанѣ...

— Вонъ чего! Вонъ чего! Вишь ты, дѣло какое!—хрипѣла Ѳедориха, съ трудомъ поднимаясь съ мѣста.—Ну, будетъ тебѣ! Постой на часикъ, не реви! Вотъ достану изъ сундука... Батюшки, засидѣлась и не разомнусь... На! Вонъ чего! Вонъ чего!

Мачеха не застала Полю дома. Сундукъ ея былъ едва припертъ, ключъ отъ дома она отдала сосѣдкѣ. На утро послѣ базара старуха отправилась къ Ѳедорихѣ и тамъ узнала обо всемъ случившемся.

— Зря она туда мыкнулась... Только людей наслушитъ,—говорила Ѳедориха.—Я, пускай, не скажу... Да развѣ отъ людей утаишь?

Поля вернулась черезъ день до того похудѣвшая, до того измученная, что ее трудно было узнать. Она вошла въ комнату, поклонилась иконамъ, отцу, мачехѣ и сѣла, не раздѣваясь, въ конецъ обезсиленная...

— Ну што? Померъ, што ли? Надо было ѣхать — срамить все семейство!

— Живъ... а не отдали мнѣ его...—начала Поля надорваннымъ голосомъ, удерживая слезы и какъ будто сознательно сберегая силы.—Никакихъ нѣтъ, говорятъ, твоихъ доказательствъ, что ты его мать, а включала его не ты... Привези, говорятъ, полицейское удостовѣреніе. Мамаша!

Поля встала и, какъ была въ жакеткѣ и хорошей черной кружевной косынкѣ, поклонилась Ефремовнѣ въ ноги.—Мамаша! Пойдемте къ барынѣ, къ Аннѣ Сергѣевнѣ. Она барина попроситъ, онъ дастъ подписку, что ребенокъ мой; я у нихъ чуть не до послѣднихъ денъ жила. Онъ съ полицмейстеромъ поговоритъ. Отъ полицмейстера удостовѣреніе... Мамаша!

Никогда голосъ Поли не звучалъ такой мольбой, никогда слово „мамаша“ не несло съ собой въ ея губахъ столько тепла и ласки... Сердце Ефремовны, никогда не имѣвшей родныхъ дѣтей, дрогнуло. Вотъ-вотъ должно что-то въ немъ, въ этомъ старомъ сердцѣ, раскрыться, съ воплемъ должно вырваться оттуда что-то рѣшительное, отчаянное, какое-то давно жданное освобожденіе, несущее съ собою и боль, и радость... Но долгіе годы подчиненія опредѣленнымъ формамъ, безпощадные уроки жизни удержали старуху. Пусть лучше будетъ все по-старому, по-обычному, такъ,

какъ дѣлали люди до нея. Такъ спокойнѣе, такъ никто не осудитъ, не вмѣнитъ въ вину.

— Нѣтъ, ужъ я въ эти дѣла не мѣшаюсь,—произнесла она, помолчавъ и видимо стараясь справиться съ собой. Голосъ ея дрожалъ.

— Мамаша...—Поля заплакала. Рыданія ея становились все сильнѣй и сильнѣй, звучали все безпомощнѣй... А у Ефремовны становилось на сердцѣ все холоднѣй, все увѣреннѣй...

— Сама, милая, находила, сама теперь и справляйся. Находили—меня не спрашивали?

— Чай, Бога-то помнить нужно...—съ раздраженіемъ промолвила сквозь рыданія Поля.

— О-о, Бога-то?—протянула Ефремовна насмѣшливо.—Ты Его лучше ужъ не поминай. Ты что Его не помнила, когда съ Санькой гуляла? Это Богъ велитъ? А что не помнила, какъ подкидывала? Да и гдѣ нынѣ Богъ-то? Въ комъ? Онъ, Батюшка, отъ васъ, молодыхъ, и не знаю, куда ушелъ. Дьявола только тѣшите. Ты что же распоряжаешься такъ-то? Хоть бы отца спросила!

Ни одна изъ женщинъ не обратила вниманія на то, что въ крохотной спаленкѣ, гдѣ умѣщались только кровать да этажерка, возился съ чѣмъ-то старый Антипъ. При послѣднихъ словахъ онъ вышелъ изъ комнаты, одѣтый въ пиджакъ, съ расчесанными бородой и волосами, полный неожиданнаго значенія и силы.

Обѣ женщины замолчали, и старикъ сказалъ тихо, но ясно:

— А какъ, Пелагея, на улицу выходить будешь?

— Такъ и буду, папаня... Все, чай, лучше, чѣмъ такъ маяться...

— Ну, тогда, дочка, пойдемъ!—произнесъ старикъ скорбно-торжественно.—Я съ тобой иду! Иду!—подтвердилъ онъ съ силой, отвѣчая на обрадованный, вопрошающій взглядъ дочери.—Какъ ты говоришь... и есть ты мое рожденіе... Я самъ тебѣ велю!

Онъ не прибавилъ ни слова. Ефремовна взглянула на мужа, на падчерицу и промолчала. И только въ сѣняхъ до уходящихъ донеслось ея бормотанье:

— Мнѣ что-жъ! Это ваше дѣло, семейское... На меня бы потомъ не вышло поклепу...

Анны Сергѣевны не оказалось дома. Поля не захотѣла дожидаться ее въ кухнѣ, несмотря на лукавую любезность курносой Маши, и вышла на улицу.

— Нѣтъ ея, папанюшка!—сообщила она отцу упавшимъ, обезсиленнымъ голосомъ.

— Подождемъ,—покорно отвѣтилъ старикъ.

Отецъ и дочь сѣли на край кирпичнаго тротуара. Шелестѣла отъ порывовъ вѣтра огромная ракита напротивъ, у бассейна. Слышались оттуда звяканье ведра, ровное журчаніе бѣгущей водяной струи. Изъ городского сада доносились обрывки музыки, и казалось, въ особенности, когда она играла громко, будто бы она раздается со всѣхъ сторонъ. Со стороны Севастопольской улицы, ведущей на бульваръ, доносились, словно внезапно вспыхивая, голоса прохожихъ, и такъ же внезапно гасли они за угломъ. И наступала тишина. Только лепетала ракита да звучно капала вода изъ крана бассейна.

Шли томительныя, безконечныя секунды, сливались въ минуты, въ часы... Нестерпимо болѣло все тѣло у Поли. И казалось ей: только бы взять на руки Шурочку, только бы приложить его къ груди—и всякая боль, всякое страданіе кончится. Никогда такъ страстно не хотѣлось ей обнять милаго, какъ страстно хотѣлось теперь схватить и прижать къ себѣ крѣпко-крѣпко маленькое, безпомощное тѣльце.

— Господи, долго-то какъ! долго-то какъ!—томилась и изнемогала она въ тоскѣ.

Анна Сергѣевна возвращалась домой одна. Вдругъ почти около ея дома изъ мрака улицы вынырнула высокая, тонкая женщина. Рыданія душили ее. Она не могла выговорить ни слова и то припадала къ колѣнямъ Анны Сергѣевны, то вскакивала и ломала себѣ руки въ припадкѣ несдерживаемаго отчаянія. Сзади нея, какъ привидѣніе, стоялъ неподвижно старикъ съ длинной, сѣдой бородой.

— Кто это такой? Что это такое?—проговорила испуганная и потрясенная Анна Сергѣевна.—Поля? Вы? Что такое?

— Барыня, милая барыня, простите меня! Мальчика моего, Шуру, сыночка, не даютъ мнѣ... Они вѣдь... въ воспитательный его отвезли... Развѣ я этого хотѣла? Барыня, милая, спасите вы меня! Я все придумала: у Котлецовыхъ кухарка добрая, покормлю тихонько, дѣвчонку найму носить. Мамаша не захочетъ, къ тетенькѣ Дарьѣ отнесу, а ужъ такъ не оставлю... Только бы найти мнѣ его. Найти бы мнѣ его! Тамъ его не знай чѣмъ кормятъ. Развѣ будетъ живой! А я вѣдь молоко счиркивала. Сама знаю—не увижу Шурочку моего никогда, а сама зайду въ бурьянъ—счиркиваю... Барыня вы моя родимая! Спасите вы меня отъ лютой казни!...

О. Рунова.

Стихотворенія.

1.

Посвященному.

Ты розенкрейцеръ ли, мой другъ,
Масонъ—не все равно ли?
Гляди на старый лунный кругъ,
На звѣздчатое поле!

Не посвященный въ тайны ложъ,
Смотрю на Божьи тайны.
Качается-ль на стебляхъ рожь
Подъ тучкою случайной;

Пахнетъ ли сѣномъ свѣжій стогъ,
Коровъ ли бурыхъ встрѣчу;
Брусники-ль розовый цвѣтокъ
Среди стволовъ замѣчу;

Попятится-ль усатый ракъ
Изъ-подъ камней въ рѣчонкѣ;
Гребетъ ли къ берегу рыбакъ
Съ салакою въ лодчонкѣ;

Кружась, гудитъ ли мошекъ рой
Надъ кочками болота;
Блеститъ ли на водѣ морской
Заката позолота;

Изъ лодки, въ лунномъ серебрѣ,
Поетъ ли голосъ женскій;
Закрою-ль вѣки на зарѣ
На волѣ деревенской,—

Повсюду тайна... и всегда
Въ себѣ, безъ посвященья,
Когда настанетъ череда,
Открою Провидѣнье.

2.

Стрекотанье, стрекотанье,
Крикъ мальчишекъ, лай дворняжки;
Слабой птички щебетанье
И послѣднія ромашки.

Свисты, свисты, щебетанье...
Длинной тучи черный крепъ...
Стрекотанье, стрекотанье...
Яровой, несжатый хлѣбъ...

Тучка узкая на западѣ
Солнца кругъ пересѣкла.
На былинки, рòсы, капайте!
Ваша очередь пришла.

Вадимъ Гарднеръ.

СЕСТРА.

I.

День вѣнчанія. Деревья цвѣтутъ. Какъ нѣжны волосы на ея лбу, какъ нѣжны и красноваты; лобъ бѣлъ, загадочна его прямизна. Дитя мое, сестра!

Я ждала ее у поворота липовой аллеи. Она шла съ нимъ подъ руку. Сколько сіяющихъ пятенъ проплыло по ея плечамъ, какою скорбью пылала моя душа!

Ея нога узка, бѣлый толстый шелкъ отливалъ на ея бокахъ при ходьбѣ, шаги ея крупны, какъ у мальчика, и руки тонки и костлявы. Мимо меня она пронесла свою душу, какъ причастную чашу подъ покровомъ парчи; она не видѣла меня, лицо ея улыбалось неувѣренно и шутливо, глаза косили.

Я подняла руки къ лицу и зарыдала, когда они прошли.

Кончился мой рай, мое дѣтство, изъ сердца вынуто теплое солнце. Сестра, сестра!

Наши весны, когда мы въ первый разъ выбѣгали вмѣстѣ на первую траву въ холодный воздухъ! Земля ходила и чмокала у насъ подъ ногами, и мы смѣялись вмѣстѣ навстрѣчу сильному вѣтру, чувствовали одно и то же и вмѣстѣ пѣли похожими голосами.

Всѣ наши гордости, всѣ наши радости, всѣ наши утѣшенія!

Она оторвалась такъ легко, тогда какъ казалась приросшей; въ ея душѣ не было корней. Отчего же во мнѣ рана, какая бываетъ въ землѣ, когда вырвано бурей огромное дерево, земля разорвана и растревожены всѣ ростки на большомъ пространствѣ кругомъ? Какое дѣтское сердце!

День вѣнчанія; березы въ золотѣ, въ рыхломъ роскошномъ цвѣтѣ, земля еще мягка, какъ неостывшій хлѣбъ, пахнетъ жизнью и смертью, виномъ и ладаномъ. Между осинъ сизыхъ на синей

чернотѣ гнилой листвы—цвѣты, цвѣтеніе, плѣсень, острые ростки и что-то цвѣтущее синее.

Свѣтъ красенъ сегодня вечеромъ, тѣни лиловы; весна такъ великолѣпна! Я вижу звѣзды среди вѣтвей, и горло мое сжато, жилы напряжены; восхищеніе удесятеряетъ боль, потому что теперь я одна, теперь я должна молчать, тогда какъ крикъ и слезы, ища выхода, надрываютъ мнѣ сердце.

Что будетъ? Что будетъ?

Разъединились наши игры, наши вдохновенія, наши рѣчи, наши жизни, бывшія, какъ два потока въ одномъ руслѣ.

Она идетъ, уходитъ. Куда?

Одинъ разъ она мнѣ сказала: „я написала стихи", и прочла:

„Что это! Неужели расцвѣли яблони?
Нѣтъ, это снѣгъ!"

Мы обѣ были восхищены и очень смѣялись и долго говорили глупости о короткихъ стихахъ. То же было, когда кто-нибудь изъ насъ бывалъ немножко влюбленъ: мы сочиняли другъ другу сказки и говорили смѣшныя забавныя вещи. Иногда она разсказывала мнѣ про меня. Она говорила, что я ледяная прозрачная гора, сверкающая и твердая, что нѣтъ въ мірѣ болѣе гордой чистоты, и всѣ люди передо мной пестрая и темная мелочь. У нея въ глазахъ были слезы, и мы смѣялись.

Какъ она спокойна теперь.

Весна, и я ухожу изъ дома; дороги сохнутъ и золотѣютъ, воздухъ мечется, теплый и острый.

— Ея мужъ!..

Въ день свадьбы утромъ онъ ждалъ меня въ проходной комнатѣ, которая внизу, возлѣ лѣстницы; тамъ глубокое окно, завѣшенное виноградными вѣтками; это пустая комната съ зеленой панелью и зеленымъ свѣтомъ. Онъ былъ въ черномъ и казался особенно большимъ въ маленькой полусвѣтлой комнатѣ, однообразный, милый человѣкъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, смущенно улыбаясь, и протянулъ руки.

— Я отнимаю ее у васъ,—сказалъ онъ,—вы не рады нашему браку!

— Не надо объ этомъ говорить,—сказала я съ трудомъ.

Онъ помолчалъ и отступилъ отъ меня, я пошла къ двери.

— Я хотѣлъ просить васъ...—сказалъ онъ быстро и покраснѣлъ.

— О чемъ?

— Она оказалась очень ревнива,—сказалъ онъ, довѣрчиво и нѣжно улыбаясь; это дѣлало его бритое лицо мальчишескимъ и забавнымъ, что-то братское стало между нами въ это мгновеніе; я засмѣялась и провела концами пальцевъ вдоль мокрыхъ рѣсницъ, мнѣ стало легко.

— Неужели!

Онъ восторженно разсмѣялся, влажно блестя глазами, и сказалъ:

— Представьте!—И потомъ уже развязно и шутливо досказалъ свою просьбу и предостереженіе.

— Хорошо!—Я вышла, смѣясь: она ревнива!

До начала лѣта они проживутъ съ нами. Глядя на нихъ, мать улыбается съ такимъ хитрымъ торжествомъ! Я изнываю, грудь моя стѣснена, и дыханіе причиняетъ боль. Я ухожу далеко и, только лежа на землѣ и глядя па дрожаніе тумана, примиряюсь на немногія минуты.

Иногда я думаю о немъ: милый, простой, незанимательный человѣкъ; думаю о влюбленности, очаровательномъ и жалкомъ состояніи. Моя собака, веселый черный песъ, хрипя, катается въ горячей хвоѣ, ложится, тяжко и радостно дышитъ, тряся боками и синеватымъ мокрымъ языкомъ. Я зову ее тоскливо, и она, оборотясь, хлопаетъ хвостомъ по землѣ и жалобно движетъ бровями. И я опять думаю: что такое ихъ бѣдная любовь, несложная, какъ пѣсенка кукушки, передъ заревами старыхъ сказокъ, таинственныхъ думъ начала жизни, огнями дѣтскаго алтаря!

Я хлопаю собаку по худому теплому боку. Что-то въ ней напоминаетъ мнѣ Николая: чистосердечіе, послушное довѣріе къ жизни, какъ къ кому-то старшему, важному и хорошему?

Онъ долго любилъ меня раньше Вѣры, мы были дружны. Какъ странно: я потеряла его, не замѣтивъ, не оглянувшись ни разу.

Если бы она умерла, я страдала бы меньше. Она стала бы ангеломъ, котораго неотступное присутствіе окрылило бы неземными мечтаніями мою душу, и рыданія мои были бы сладки; душа ея стала бы навѣки и нераздѣльно моей. Изъ иной жизни въ мою открылась бы дверь и осіяла всѣ намѣренія, поступки и вещи жизни моей отраженіями міра иного; вмѣстѣ съ ними пришелъ бы холодъ забвенія плоти, медленнаго отрѣшенія отъ жизни,—пусть было бы такъ, ибо въ этомъ преодолѣніе и близость высшему.

Теперь же я мучусь и унижаюсь въ непониманіи. Мой ангелъ отвернулся отъ меня, и меня истязаетъ мысль: жива ли еще въ немъ безсмертная душа его?

Мое прекрасное легкомысліе погибло,—какой это былъ нѣжный одуванчикъ! Большой зеленый матерчатый диванъ, протертый еще нашими дѣтскими ногами, кажется теперь такимъ тяжелымъ, грустнымъ и старымъ; это былъ нашъ зеленый рай, на которомъ мы танцовали и прыгали въ дѣтствѣ, блаженно закидывая головы. Потомъ мы собирали цвѣты на коврѣ: большія бархатныя красныя и розовыя розы съ темной листвой. Позднѣе мы столько смѣялись и пѣли вмѣстѣ, и мысли наши были мечтательны и лучезарны; мы говорили о приходахъ весны, о лѣтнихъ прогулкахъ, о новыхъ мѣстахъ, гдѣ будемъ жить, о тысячѣ великолѣпныхъ вещей, знакомыхъ намъ только по имени и такъ еще далекихъ, которыя, казалось, приближались къ намъ чудеснымъ образомъ, подобныя звѣздамъ; мы ждали всего на свѣтѣ, ничего не знали о возможномъ, и это наполняло наши дни постояннымъ предчувствіемъ радостей. Наши бѣлыя печи были такъ теплы, въ нашихъ маленькихъ окнахъ весной было видно такое большое небо, и столько быстрыхъ птичьихъ тѣней отражали желтыя солнечныя стѣны низкой комнаты съ лирами и голубями на голубыхъ креслахъ.

Теперь она ушла—съ первымъ, кто ее позвалъ.

Если бы я захотѣла, было бы иначе.

Когда онъ еще любилъ и искалъ меня, я сказала однажды, какъ бы про себя и прижавъ къ груди руки: „Что я передъ ней, если бы вы знали!“ А онъ отвѣтилъ: „Отчего вы такъ ее превозносите? Вы мучитесь за нее, когда думаете, что она почему-либо страдаетъ, и страданія ея кажутся вамъ необыкновенными, но увѣряю васъ, что она вовсе даже не страдаетъ, отчего ей страдать?—Въ ней совсѣмъ нѣтъ этого“!

Тогда я сочла это лишь недобрыми словами, такъ какъ онъ сильно ревновалъ меня къ ней; теперь я думаю объ этомъ, иначе думаю,—какъ все стало иначе!

Я шла по изогнутому переулку вдоль бѣлой садовой стѣны; вѣтви деревьевъ и ихъ тѣни шевелились надо мной; былъ теплый вечеръ, и я—одна. Такъ было тихо кругомъ и пустынно, что я остановилась; тѣснило грудь, и жизнь казалась опустошенной.

— Боль моя велика, и терпѣніе не знаетъ своей цѣли,—ска-

зала я громко и услышала свой голосъ, нерѣшительный, мальчишескій альтъ; тѣнь моя качнулась на стѣнѣ, высокое перо дрогнуло на шляпѣ, и, когда я пошла, я увидѣла на тѣни свою походку, прямую и дерзкую, и удивилась себѣ, и моя одежда показалась мнѣ смѣшной и странной въ простотѣ и грусти моихъ мыслей. Какъ мы чужды самимъ себѣ, какъ ненужны, какъ мало любимъ себя, какъ малаго отъ себя ждемъ и желаемъ! Мнѣ хотѣлось говорить, молиться, спрашивать о смыслѣ и справедливости, и я снова произнесла нѣсколько словъ, грустныхъ и вопросительныхъ, и снова нерѣшительный и высокій ихъ звукъ поразилъ меня. „Ненастоящая душа",—подумала я,—„не дано настоящей",—и пошла дальше, гдѣ меньше было фонарей и распростирались темные сады и надъ садами—звѣзды. Бѣлая собака сидѣла у тяжелыхъ полуоткрытыхъ воротъ, въ отверстіе которыхъ было видно небо и звѣзды, и казалось, что тамъ не было уже ничего другого, и я шла дальше въ тупости отчаянія и одиночества, подобныхъ смерти. Въ полѣ я остановилась, подняла руки и призвала ангеловъ.

Звѣзды разсыпались надо мной и торжественно трепетали, вознесенныя грозно, въ темнотѣ неба; кто-то великій проносилъ межъ ними сліянія, и за темнымъ и мягкимъ краемъ земли свѣтили бѣлые костры; у края дороги стояли черныя ели и шевелились, и вдоль опущенныхъ широкихъ ихъ лапъ, межъ крестами ихъ узкихъ вершинъ струились и скользили бѣлыя звѣзды.

Когда я возвращалась домой, у деревяннаго крыльца трактира съ синей вывѣской и цвѣтущими березами стоялъ пьяный и просилъ у молчаливаго извозчика огня; голосъ пьянаго звучалъ, какъ у засыпающаго ребенка, который избаловано и умиротворенно о чемъ-то проситъ любящаго и нѣжнаго къ нему старшаго; извозчикъ засунулъ руку за спичками, зажегъ желтый огонекъ и, качнувшись съ козелъ, подалъ пьяному.

Я прошла домой черезъ садъ; въ темнотѣ акаціевой аллеи кто-то внезапно и близко всталъ мнѣ навстрѣчу; я взметнулась въ испугѣ и схватила его за руку; это былъ Николай, мужъ Вѣры.

— А гдѣ Вѣра?—спросила я.

— Они всѣ въ гостяхъ, а у меня голова болѣла,—сказалъ онъ и сейчасъ же сталъ мнѣ говорить о томъ, какъ мучитъ его моя тоска и какъ онъ хотѣлъ бы помочь и утѣшить меня.

— Кто вы такой, чтобы меня утѣшать?—сказала я.

Горечь моихъ словъ взволновала его.

— Вы не должны меня ненавидѣть, я самъ не очень счастливъ,—сказалъ онъ быстро.

Мы замолчали.

— Что это значитъ?—спросила я, наконецъ, гнѣвно.

Онъ молчалъ; мы долго молчали. Акаціи протягивали надъ нами свои прямые тонкіе стволы и вѣтки, похожія на расплетенные вѣнки,—въ весеннія мягкія ихъ перья было густо вкраплено медовое золото цвѣта. Ночь проходила.

Когда она поетъ, она не знаетъ, какъ сложить ротъ, и поэтому всегда немножко виновато и неудобно улыбается, раскрывая его; глаза ея при этомъ нерѣшительны, смущены, и отъ этого смущенія что-то злое въ нихъ проступаетъ. Она очень застѣнчива; иногда въ обществѣ вдругъ скажетъ что-нибудь смѣшное и сейчасъ же закроетъ ротъ рукой, давится смѣхомъ и исподлобья коситъ глазами; смѣется до плача и долго послѣ сморкается и дрожитъ, улыбаясь. Ходитъ она, какъ бы ощупывая предметы вокругъ, недовѣрчиво, какъ слѣпая. Спитъ ли въ ней душа? Жива ли она въ ней? Отчего я уже не могу больше ея дозваться?

Онѣ сидѣли одна противъ другой; Вѣра вышивала, мать раскладывала карты; карты равномѣрно щелкали и ровно ложились на зеленомъ столѣ полукругомъ; по Вѣриной рукѣ съ иголкой соскальзывала и поднималась тѣнь разрѣзного листа, волосы сіяли, крѣпкая худая шея была наклонена и казалась такой юношеской и дѣвичьей. Круглая, какъ куполъ, бесѣдка такъ была полна пестротой синяго свѣта и зеленыхъ остроконечныхъ тѣней, что мать и сестра прикрыты были ими, точно сверкающимъ и нѣжнымъ туманомъ, и въ лѣтнемъ спокойномъ и пахучемъ теплѣ казались дремотными призраками полудня. Мать, важная, шелковистая, сѣдая, увѣренная,—крѣпкое золотистое лицо, свѣтлые глаза, и Вѣра—худая, сильная, какъ мальчикъ, съ своей нѣжной, лукавой и тревожной мордочкой.

Я стала такой лѣнивой и нерѣшительной, я долго не входила въ бесѣдку и глядѣла на нихъ какъ бы издали, какъ бы недоумѣвая,—онѣ молчали, дышали ровно, иногда произносили вполголоса нѣсколько словъ, улыбались своимъ мыслямъ, были покойны.

— И что это Анна бѣсится—не понимаю,—сказала мать.

— Просто ей скучно.

— Ты думаешь?

— По-моему, да. Просто на нее мало обращаютъ вниманія.

— Ты думаешь?

— Охъ! Она этого совершенно не выноситъ.

Мать задумчиво улыбается.

— За нею всегда такъ ухаживали, а ты первая вышла замужъ,—можетъ быть, ей это непріятно,—говоритъ она потише, интимно улыбаясь.

— Ну, нѣтъ, почему!

Вѣра краснѣетъ, сдерживая счастливую улыбку, лицо ея становится дѣтскимъ и праздничнымъ. Я отхожу.

„Вѣра, Вѣра! пишу тебѣ и не знаю, кому пишу, кто ты! Ты, чья жизнь отъ колыбели слилась съ моей, ты, чье лицо мнѣ памятнѣй, дороже и ближе всѣхъ, всѣхъ человѣческихъ лицъ. Но что такое близость? Двадцать лѣтъ, живя рядомъ, я не знала тебя и любила, и вотъ впервые—поражена своимъ незнаніемъ и не понимаю своей любви. Кто ты, Вѣра?! Моя любовь къ тебѣ мучительна; ты была необходима для меня, какъ весна, какъ земля, какъ свѣтъ, и я не знала этого, пока мы не разстались. Ты же ушла такими легкими, такими неслышными шагами и улыбалась такъ весело и такъ равнодушно. Кто ты, Вѣра? Помнишь, мы плакали вмѣстѣ, читая печальныя книги, плакали, когда красота поражала насъ чрезмѣрно, и смѣялись столькому и такъ чудесно смѣялись, о столькомъ говорили съ такой тишиною душъ, съ такою ясностью глазъ, что какъ бы изъ глубины въ глубину глядѣлись другъ въ друга. Что это было? А помнишь, какъ во дни неудачъ и оскорбленій мы вдвоемъ садились въ наше большое старое кожаное кресло, прижимались плечами и говорили одновременно взволнованными, угрожающими голосами и, поднимая руки, предвѣщали наше торжество. Весь воздухъ нашей комнаты былъ пропитанъ особымъ и чудеснымъ, а все, что входило въ нашу бѣлую дверь, принимало трепетный ореолъ необычнаго.

Что это было, что это было?...

Нѣтъ, я не спрашиваю больше тебя, я посылаю тебѣ свою душу, открытую и дрожащую отъ боли, взгляни на нее: узнаешь ли ты ее? Не отвѣчай мнѣ, если не захочешь, это не нужно; ты сейчасъ же почувствуешь неловкость, недомоганіе, недовольство на меня изъ-за чрезмѣрной моей экспансивности и поймешь, что отвѣчать не слѣдуетъ, какъ не слѣдовало мнѣ писать всего этого“.

Она пишетъ мнѣ: „Я плакала надъ твоимъ письмомъ ужасно, мнѣ жаль тебя, и ты меня мучишь. На вопросъ твой отвѣчаю: я—никто! Чистое зеркало. Если хочешь, я буду писать тебѣ о

своей жизни, но все это будутъ лишь отраженія чужого. А ты мнѣ никогда не пиши такихъ писемъ и не разстраивай меня, я нездорова. Живу хорошо, Николай кланяется тебѣ и мамѣ".

„Вѣра, представь себѣ, вчера Жюль сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Одно то, какъ сильно я этому удивилась, показываетъ мое безразличіе къ нему. Мы всѣ устроены такъ, что считаемъ легко возможнымъ все, чего намъ хочется, даже самое невѣроятное,— правда, это по-женски? Когда онъ уходилъ, я смотрѣла на него изъ окна и думала: Боже! этотъ человѣкъ въ пальто и коричневой шляпѣ хочетъ стать мнѣ близкимъ! Но онъ мнѣ такъ же ненуженъ и непонятенъ, какъ эти тупые булыжники на мостовой. Вдоль нашего тротуара стоятъ и цвѣтутъ липы, и воздухъ изъ-подъ ихъ вѣтвей, нагрѣтый и напитанный медовымъ духомъ, при медленномъ вѣтрѣ течетъ ко мнѣ въ окно, шевелитъ кисейную оборку, ласкаетъ волоски кожи, и я вся наполняюсь лѣтнимъ тепломъ, праздностью и равнодушіемъ. Мать вышиваетъ мнѣ сорочки бѣлой гладью по цвѣтнымъ батистамъ, иногда я ей помогаю, и это тоже, и сорочки, и нашъ палисадникъ съ шиповникомъ, крапивой и жасминомъ, такое все лѣтнее, провинціальное, милое. Всѣ книги я отослала въ городъ, ни о чемъ не думаю. Въ жизни остановка. Это до осени.

Когда пріѣзжаютъ гости, мы съ мамой устраиваемъ нарядный чай на террасѣ, мы съ мамой друзья, намъ хорошо. Потомъ шахматы, лодки, бѣгаемъ къ сосѣдямъ на теннисъ, вечеромъ petits jeux, костры, проводы. Новое платье мое обворожительное, нѣжное, свѣжее и, главное, сливается со мной безъ остатка, и я становлюсь въ немъ вдвое лучше; загорѣла очень, это къ лицу, кокетничаю съ братьями Дени,—съ однимъ на проникновенности, съ другимъ на хулиганствѣ, хохочу съ полнымъ физическимъ удовольствіемъ, а душа во мнѣ старая, тихая, недовѣрчивая".

„Вѣра, на-дняхъ старшій Дени привезъ мнѣ картинокъ. Теперь я знаю, что̀ я съ собой сдѣлаю: осенью поѣду путешествовать. Мама такъ смѣется, какъ будто увѣрена, что это путешествіе будетъ свадебнымъ. Нѣтъ, нѣтъ. И Жюль, и братья мнѣ далеки: всѣ честные, всѣ умные, милые и скучные. Это типичная порода мужчинъ благополучныхъ и ограниченныхъ. Авантюристы, безумцы и завоеватели восхищаютъ меня теперь еще болѣе, чѣмъ это было въ дѣтствѣ. Помнишь Паганеля, Капна, Наполеона! Впрочемъ, къ завоеваніямъ я равнодушна; ахъ, для себя я хотѣла бы завоевать только одинъ міръ, одну душу".

„Ты чувствуешь мою улыбку въ эту минуту? Это счастливая мысль, надежда, хитрая маленькая выдумка. Мы поѣдемъ съ тобой путешествовать, знаешь, Вѣра? Богъ знаетъ куда мы уѣдемъ съ тобой! И пусть не будемъ знать, чья земля, какъ называется, а, какъ въ старыхъ нашихъ книжкахъ, пойдемъ впередъ, держась за руки. Вѣтеръ будетъ проноситься изъ страны въ страну, и мы прослѣдимъ его путь; увидимъ новыя деревья, берега огромныхъ водъ, освѣщенныя солнцемъ неизмѣримыя пространства. Будь ты нетерпѣлива, гнѣвна, непостоянна въ своихъ желаніяхъ, ты знаешь, я перенесу все, я радуюсь всему, вѣдь это ты будешь со мной!

Помнишь въ сказкѣ: они подошли; кустъ расцвѣлъ тысячью розъ и былъ чудо какъ хорошъ; тогда они взялись за руки и запѣли. И нарисованы два маленькихъ человѣчка.

Вѣра, я только женщина съ умомъ, обуреваемымъ видѣніями. Почему ты боишься меня? Какъ могу я быть тебѣ чуждой? Почему ты разлюбила меня? Неужели ближе тебѣ тотъ, кто близокъ тебѣ только тѣлесно, чей духъ слѣпъ передъ твоей душой и, ища ея, смотритъ въ сторону?

Почему ты отталкиваешь меня?“

Она пишетъ: „Зачѣмъ ты напускаешь на себя все это? Я тебѣ прямо говорю, что мнѣ это неинтересно, и мнѣ кажется, что ты нарочно себя возбуждаешь, чтобы любоваться на себя, и, мало того, хочешь, чтобы и другіе любовались и непремѣнно и я тоже. Это только твое самолюбіе. На что я тебѣ нужна? Есть изъ-за чего стараться! Николай, конечно, мнѣ ближе, а съ тобой ужасное напряженіе. Онъ простой, спокойный, чистый человѣкъ. Пиши, пожалуйста, какъ писала раньше, про себя и про маму, а то у меня всякій разъ раздраженіе и страхъ, когда получаю твои письма. Ты знаешь, что я всегда была деликатна, но ты меня терзаешь“.

Хорошо. Писать ей не буду больше; довольно съ меня всего этого. „Мама, передай имъ отъ меня поклонъ, я напишу позже“. Какъ можно позже.

II.

Прошелъ годъ, у нихъ родилась дѣвочка. Николай пріѣхалъ въ наше новое имѣнье, когда цвѣла сирень. Вѣра оставалась дома съ ребенкомъ.

Глядя на его предпріимчивое подвижное лицо, я нашла въ его серьезности лишь маленькій оттѣнокъ новаго; при этомъ я услышала въ себѣ тревогу, съ какой искала и боялась этого новаго. Онъ постарѣлъ, не теряя молодости, движенія его стали чрезвычайно рѣшительными и точными, слегка отяжелѣлъ взглядъ, лицо похудѣло, и ротъ сталъ тверже и замкнутѣе, чѣмъ когда-либо. Развязность исчезла, часто овладѣвали имъ сосредоточенность и молчаніе.

— Васъ надо развлечь!—сказала я,—вы стали ужасно дѣловымъ и желтымъ.

Онъ улыбнулся.

— По крайней мѣрѣ, у васъ попрежнему прекрасные большіе зубы,—сказала я.

Онъ остался на недѣлю.

— Знаете, чему я рада? Ваше лицо не стало комнатнымъ, и въ складкахъ платья сохранилась независимость.

Онъ отвернулся, улыбаясь. Я дразнила его, мнѣ было весело; мы ѣхали верхомъ по славному полю мимо порубокъ, богатыхъ цвѣтами, ягодами, бабочками и змѣями; отъ темныхъ кучъ хвороста шелъ осенній запахъ, и отъ этого раннее лѣто казалось еще моложе.

Я говорила съ нимъ, часто повторяя: „мы съ вами", разъ спросила: „что жена?", и въ другой разъ, смѣясь: „а что жена скажетъ?", или: „мнѣ отъ нея не достанется?" Онъ вопросительно и неувѣренно взглядывалъ на меня. „Хорошій, невинный человѣкъ", думалось мнѣ.

— Вы отвыкли отъ нея скорѣе, чѣмъ думали,—сказалъ онъ.

А я посмотрѣла во всѣ глаза на его худое довѣрчивое лицо. Онъ ошибался и дѣлалъ это со спокойнымъ достоинствомъ истиннаго человѣка.

— Я повѣрила тому, что вы говорили о ней раньше,—сказала я, скрывая волненіе, внезапно охваченная упрямымъ и острымъ желаніемъ дразнить.—Вы лучше ея въ тысячу разъ!—сказала я съ наслажденіемъ и мстительнымъ озорнымъ восторгомъ.

Съ этой минуты лицо этого человѣка стало для меня упоительнымъ зрѣлищемъ: всѣ его лояльныя чувства растерянно въ немъ изобразились; отъ прикосновенія недолжнаго оно одеревянѣло на мгновеніе, затѣмъ онъ безпомощно на меня взглянулъ. Я заговорила объ иныхъ вещахъ, и онъ передохнулъ и улыбнулся.

Когда мы возвращались, черная пашня посинѣла, и отъ низкаго солнца разбитые комья ея пестрѣли рыжими и красными отсвѣтами. Въ небѣ была тишина и радость, и въ первый разъ

послѣ долгаго времени я подняла голову и съ нѣжнымъ желаніемъ вдохнула въ себя теплую сырость, полную запаховъ травъ, придорожныхъ ветлъ, сладкаго огуречника и богатой корнями земли.

Когда онъ собрался ѣхать и былъ уже одѣтъ, я взяла его за локти и сказала:

— Останьтесь еще ненадолго, мнѣ хорошо съ вами.

— Къ сожалѣнію, невозможно, — сказалъ онъ, улыбаясь нѣсколько испуганно.

— Ненадолго,—сказала я умоляюще и чувствуя, какъ сіяютъ мои глаза.

Онъ помолчалъ и растерянно посмотрѣлъ на меня.

— Да, да, — сказала я, кивая головой, — денька на два, немножко.

Въ эту минуту какое-то страстное, жестокое и глубоко щемящее чувство меня охватило и выразилось во всемъ моемъ существѣ, глаза мои наполнились слезами, я положила руки ему на плечи; онъ снялъ ихъ и, пройдя въ уголъ за палкой и шляпой, повторялъ встревоженно и глухо:

— Къ сожалѣнію, нельзя.

И тотчасъ же я поняла, что онъ останется: дикое вдохновеніе озарило меня; но я опустила глаза, отвернулась и, не прощаясь, пошла къ лѣстницѣ.

— Вотъ что,—сказалъ онъ быстро,—пожалуй, завтра я могу.

— Да? — сказала я, не обернувшись и задыхаясь, — это хорошо,—и пошла наверхъ.

У окна я остановилась; внизу цвѣли кусты, рыхлыя грозди раскидались, какъ въ безпамятствѣ, цвѣты всѣ распустились до послѣдняго, пахло непонятнымъ запахомъ сиреней, листвы, сырости, птицы кричали страстно и увѣренно. Сердце мое отяжелѣло, какъ отъ вина, мнѣ хотѣлось бурно смѣяться, а горло сжималось для крика, не знаю какого.

— Очень хорошо!—сказала я себѣ,—великолѣпно, чудесно!

Потомъ вышла къ нему; онъ сидѣлъ въ креслѣ въ темнотѣ, еще свѣтъ и блескъ зари шелъ отъ оконъ.

— Ну такъ какъ же?—сказалъ онъ съ неловкостью и нарочной фамильярностью и всталъ съ кресла, руки въ карманахъ, и тотчасъ же ихъ вынулъ, не зная, какъ себя держать.

Я молчала, чтобы измучить его неловкостью, чтобы онъ не выдержалъ.

— Будемъ ужинать?—спросилъ онъ, нарочно потягиваясь, чего никогда не дѣлалъ, и подошелъ ближе, чтобы заставить меня говорить и успокоиться самому.

Отъ моего ужаснаго молчанія онъ сталъ дрожать и потирать руки. Внизу во дворѣ желѣзными голосами кричали гуси, звѣзды проступали въ небѣ; было тихо въ комнатѣ, сильно темнѣло.

— Какой вечеръ!—сказала я тихонько.

— Да, превосходный, дѣйствительно, вечеръ, — отвѣтилъ онъ очень громко, и я разсмѣялась.—Вы смѣетесь, Аня?—спросилъ онъ изумленно, но стараясь шутить; я продолжала тихо хохотать и бросилась въ кресло; онъ повторилъ свой вопросъ, еще насильственно смѣясь, и очень испугался, когда я жалобно заплакала; онъ всталъ на колѣни у кресла, въ ужасѣ меня уговаривалъ, и обнялъ меня.

Позвали ужинать.

Мы поужинали, и я, выйдя изъ-за стола и оставивъ Николая съ компаньонкой, одна пошла въ аллею; вскорѣ онъ догналъ меня и тихо звалъ, не видя въ темнотѣ; я же стояла совсѣмъ близко и смотрѣла на него; темныя вѣтви липъ шевелились высоко надъ нами и заслоняли звѣзды; по клумбамъ бѣлыхъ цвѣтовъ, неясно рѣявшихъ надъ темнотой травы, я узнала, гдѣ стоитъ плетеная скамья, и тихонько пошла къ ней,—онъ услышалъ шорохъ песка и, протянувъ руку, дотронулся до меня; я стала рядомъ съ нимъ и, обхвативъ его руками, прижалась къ нему; восторгъ и жестокая увѣренность охватывали меня; онъ говорилъ взволнованнымъ жалобнымъ голосомъ, стараясь меня отстранить и вмѣсто этого лаская меня. Голосъ его приближался къ плачу.

— У васъ дурныя фантазіи, Аня, оставьте, не надо такъ дѣлать,—говорилъ онъ,—не надо такъ.

Я прижималась къ нему ближе.

— Вы знаете, что я васъ любилъ,—сказалъ онъ, задыхаясь и отклоняясь отъ моихъ поцѣлуевъ; это жестоко!—не дѣлайте меня еще больше несчастлївымъ, несчастливымъ,—и онъ, заикаясь, повторилъ это слово.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—сказала я и засмѣялась у самаго его лица.

— Вы будете надо мной смѣяться!—простоналъ онъ, обнимая меня и охваченный дрожью.

— Нѣтъ!—сказала я съ дикой суровостью.

— Вы проклянете меня.

— Нѣтъ!!—отвѣчала я.

Вѣра, это сдѣлала ты. Видитъ Богъ, я ничего не хотѣла отнять у тебя,—не изъ-за тебя ли я стала другой? Не была ли я осторожна и терпѣлива, когда я берегла свою душу и любила ее. Для тебя! Потому, что прежде всего любила тебя. Не я ли была твоей сіяющей алмазной горой, огражденной тысячью броней и грозъ?—Я несла передъ собой цвѣтное нѣжное пламя юности моей, заслоняя его пальцами и зорко оглядываясь. Это было любимое тобой и потому драгоцѣнное.—Что теперь?—Только ужасная боль пробуждаетъ меня къ жизни, которую изъ гордости я еще защищаю. Спроси меня: хочу ли я малѣйшаго въ жизни? Или величайшаго?—Ничего, ничего.

Но теперь я ушла отъ тебя, теперь освобождена.

Твой холодъ и отчужденіе теперь оправданы. Теперь ты такъ далека, что я уже не различаю тебя вдали,—и мнѣ такъ легко, какъ будто тебя совсѣмъ нѣтъ; это оттого, что въ себѣ я убила тебя.

Я написала ему: „Не возвращайтесь ко мнѣ никогда и, если хотите, чтобы я жила, сохраните тайну“...—и раннимъ утромъ, собравшись, велѣла запрячь гнѣдую лошадь, уложила маленькую корзину и притворно хихикала за чаемъ съ компаньонкой, оглядываясь и прикладывая палецъ къ губамъ.

Я выѣхала одна на большую дорогу, покрытую мягкой, еще сырою пылью и по бокамъ заросшую лебедой, мятой и пестрыми іюньскими цвѣтами. Лошадь бѣжала легко, увѣренно пощелкивая копытами, остро синевато поблескивали подковы, ритмично подворачиваясь назадъ; гладкая шея подъ гривой скоро вспотѣла и стала темно-синей; въ накатанной твердой колеѣ блестѣла легкая отраженная голубизна; а вблизи рожь была яркая, косматая, всѣ усатые крючки врозь.

Я ѣхала къ людямъ, которыхъ обрадую, какъ лѣтній праздникъ, и одному изъ нихъ мой пріѣздъ принесетъ волнующія надежды, которыя не оправдаются. Вокругъ меня были любимыя поля, пахучіе травяные просторы, которые моя душа любила наполнять одною собой. Мнѣ было удобно, все было обдумано, и я чувствовала себя почти спокойной, свободной и вооруженной. Я ѣхала быстро и не смотрѣла назадъ; у меня было чувство, что въ удаляющемся родномъ домѣ покинутъ мною мой собственный тихій и жалкій трупъ, оставленный гдѣ-то въ комнатахъ; и въ послѣдующія ночи во снѣ я ходила по этимъ комнатамъ, зная, что онъ гдѣ-то тутъ близко, искала, почти видѣла его и не могла найти.

Надо же было когда-нибудь вернуться. Мать пріѣзжала изъ города, я получила письма, въ которыхъ не было ничего необычнаго. Но надо же было вернуться.—Милая пожилая француженка въ корсетѣ и въ полосатомъ платьѣ обнимала меня, ласкала мнѣ щеки и говорила: „Дѣточка, ну останьтесь до іюля"; и въ ея коричневыхъ съ янтарнымъ бѣлкомъ глазахъ было материнское недовольство и нѣжность; я оставалась. Женственный Жюль съ выпуклыми нервными глазами,—капризный и деликатный одновременно, болѣзненный и умный, любившій меня давно,—подолгу ходилъ со мной ежедневно по сырому еловому парку,—сестры его играли со мной въ крокетъ и каждое утро въ батистовыхъ распашонкахъ съ ножницами выходили въ цвѣтникъ и срѣзали цвѣты для стола, для maman и въ мою комнату. Наконецъ я возвратилась.

Начались дожди, мать задержалась въ городѣ: дороги стали оранжевыми отъ растекшейся глины. Я хожу одна по дому и не могу читать, застывшія руки кажутся мертвыми и ничего не держатъ.

Не вѣрю. Ничего не было,—говорю я себѣ и тотчасъ слышу въ себѣ другое, страшное: что я съ собой сдѣлала?—И мнѣ представляется смятенное несчастное лицо Николая.

Ничего, все пройдетъ и не узнается,—говорю себѣ опять и, не въ силахъ притронуться къ чему-либо, хожу въ пустомъ домѣ, гдѣ во всѣхъ окнахъ видно неравномѣрно темное небо и движеніе тучъ, и мысль моя, не покидая ни на мгновеніе, какъ надъ смертью любимаго, сторожитъ все у того же безумнаго часа.

Терраса пуста, занавѣски намокли, въ зеленыхъ ящикахъ разбиты рыжія настурціи; дождь прилетаетъ отъ ступеней террасы до двери; я одна.

Въ маленькой комнатѣ наверху сидитъ компаньонка и читаетъ книгу. Я иду къ ней говорить о замужествѣ, о платьяхъ и тысячу разъ о прекрасномъ будущемъ. Она смотритъ на меня своими скромными вѣжливыми глазами и съ удовольствіемъ говоритъ пріятное. Я ей нравлюсь, она доброжелательна. Все благополучно; скоро пріѣдетъ мама.—М-Ше,—говорю я вдругъ въ ужасномъ отчаяніи,—можно съ ума сойти отъ всѣхъ этихъ мыслей, неправда ли?—Mais non!—говоритъ она, лукаво улыбаясь, потому что думаетъ, что меня затрудняетъ выборъ мужа. Я подхожу къ окну. Тучи страшны позади желтыхъ вершинъ аллеи, спереди брыжжетъ сіяніе; что за событія происходятъ въ небѣ! Темнѣетъ, брызги дождя ложатся на стекло подобно тучѣ иглъ, которыя

мгновенно превращаются въ капли, внезапно окно свѣтлѣетъ и сіяетъ брызгами, но новые слои облаковъ уже плывутъ изъ-за стѣны липъ и снова приносятъ тьму.

Мнѣ показалось сегодня въ саду, что Вѣра прошла, вдали медленно пересѣкая дорогу. Ужасный испугъ остановилъ мое сердце. Это была не она. Замеревъ, я стояла у дерева, схватившись за мокрую кору. Это не она. Я заплакала и стала на колѣни въ сырости, на землѣ. Не въ силахъ произнести что-либо, но изнемогая въ рыданіяхъ, я наклонялась у дерева лицомъ до земли. На темени моемъ лежала тяжесть, пригибавшая меня, и если бы я могла о чемъ-либо молить, то это было бы лишь объ уничтоженіи моемъ.

Помнишь весны, дѣтскія весны, великій постъ? Мы выходили вечеромъ на улицу, двѣ одинаковыхъ дѣвочки рядомъ, уши не завязаны и слышатъ по-новому новый вѣтеръ, летящій съ темной площади по улицѣ навстрѣчу; керосиновыя лампы въ красныхъ старинныхъ фонаряхъ горятъ неравномѣрными желтыми пятнами вдоль улицы, и мы идемъ рядомъ, стараясь перешагнуть одновременно камень или лужу.—Няня, какая лужа!—говоримъ добрыми голосами, исполненныя пріятной покорности, потому что постъ. Вынимаемъ теплыя руки изъ варежекъ и машемъ ими въ сыромъ, мягкомъ, подвижномъ воздухѣ вечера. „Няня, я не простужусь, можно снять варежку?“—Боже, какъ мы хороши сегодня! Важные медленные голоса колоколовъ повелительно разносятся надъ нами, и мы стихаемъ; два мягкихъ дѣтскихъ сердца становятся задумчивы. Вечеръ, синій темный свѣтъ вечера; черныя большія деревья отлетаютъ вѣтвями къ пустырю, мокрымъ деревомъ пахнетъ въ темнотѣ. Сердца наши счастливы и святы, мы стоимъ рядомъ, двѣ дѣвочки въ одинаковыхъ маленькихъ шапкахъ.—Прости мнѣ память мою, любовь мою, свѣтлый врагъ мой сестра!—Недостойна нашего прошлаго, недостойна памяти своей,—ни тебя, ни дѣтства не имѣла, нищая, осмѣлюсь ли еще любить тебя?

„Она ревнивая,—сказалъ онъ вначалѣ,—поберегите ее“.—Забудь меня, уничтожь меня въ душѣ своей, ревнивая, слабенькая моя!

Каждую ночь во снѣ жду тебя, и ты не приходишь; въ каждой двери я готова тебя встрѣтить и увидѣть тебя изъ каждаго окна; иногда мнѣ кажется, что ты уже пріѣхала, что ты здѣсь,

тогда я вскрикиваю, зову тебя во снѣ. Какая ты? Гдѣ?—Такая прямая и не хочешь на меня взглянуть?—Родная, говорю я: что же я тебѣ скажу!—Но тебя нѣтъ; и не выхожу изъ комнатъ, боясь тебя потерять. „Успокойся,—говорю я,—ты меня никогда не увидишь, я не отягощу тебя ненавистью.—Скажи одно: причинила ли я тебѣ боль?“ Да, ужасную.

И вотъ я вижу тебя, наконецъ: ты сѣдая, разметаны волосы, и взглядъ блуждаетъ, злоба и безразличіе отчаявшейся души на сѣромъ лицѣ твоемъ; на булыжной мостовой стоишь, рубаха бѣла и разорвана,—сонъ ужасный!—Вѣра,—кричу я у ногъ твоихъ,—вѣдь это ты, дѣвочка, юная моя!

И вижу опять: ты сидишь на постели, — стало шаткимъ маленькое твое угловатое тѣло, лобъ твой повязанъ бѣлымъ, ротъ посинѣлъ и запекся; ты уже едва можешь произносить слова, и глаза застланы желтизной, но ты отворачиваешься, когда я наклоняюсь къ тебѣ, и прижимаешься къ подушкамъ, лишь бы не слышать меня.

Вѣра, но вѣдь это я любила тебя, выше Бога и ангеловъ. Да. Но что я, что я передъ тобой!

— Что это, неужели зацвѣли яблони?

— Нѣтъ, это снѣгъ.

Н. Бромлей.

Русская политика въ Царствѣ Польскомъ послѣ 1863 г. [1])

Возстаніе 1863 г. повлекло за собой, или, вѣрнѣе сказать, ознаменовало полное fiasco системы маркиза Велепольскаго; а вслѣдъ за fiasco этой системы послѣдовало, какъ извѣстно, fiasco и самого возстанія. Но одно чрезвычайно существенное косвенное послѣдствіе, въ высшей степени полезное для дальнѣйшаго развитія польской народности, возстаніе, несомнѣнно, имѣло. Это была радикальная крестьянская реформа, которую, послѣ подавленія возстанія и разочаровавшись въ системѣ Велепольскаго, русское правительство положило въ основу своей политики въ Польшѣ. Первый опытъ примѣненія этой новой политики былъ сдѣланъ жестокимъ диктаторомъ сѣверо-западнаго края Муравьевымъ, и затѣмъ уже рѣшено было примѣнить эту систему и къ Царству Польскому. Опытамъ Муравьева предшествовало, однако, теоретическое построеніе и обоснованіе этой политики, несомнѣнно, составляющее заслугу тогдашнихъ московскихъ славянофиловъ, группировавшихся въ редакціи аксаковскаго *Дня*.

Среди мнѣній и взглядовъ, господствовавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ по польскому вопросу, славянофилы *Дня* составляли своего рода центръ. [2]) Представителемъ болѣе лѣвой точки зрѣнія являлся заграничный *Колоколъ* Герцена, къ которому примыкалъ и *Современникъ* Чернышевскаго, не имѣвшій, впрочемъ, возможности по цензурнымъ условіямъ изложить вполнѣ ясно свою точку зрѣнія. [3]) Пред-

---

[1]) Настоящая статья по содержанію примыкаетъ къ статьѣ того же автора, помѣщенной въ январской книжкѣ нашего журнала. *Ред.*

[2]) Къ нимъ слѣдуетъ причислить и Гильфердинга, работавшаго тогда, главнымъ образомъ, въ *Русскомъ Инвалидѣ*,—органѣ военнаго министра Д. А. Милютина.

[3]) Такія статьи Чернышевскаго, какъ „Національная безтактность“ (*Современникъ*, 1861 г., № 7) и „Народная безтолковость“ (*Современникъ*, 1861 г., № 9), могутъ лишь косвенно дать понять, что по польскому вопросу Чернышевскій былъ близокъ къ взглядамъ польскихъ демократовъ.

ставителемъ болѣе правыхъ взглядовъ, впрочемъ, въ то время еще очень колеблющимся, являлся Катковъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Вѣстникѣ*. Прочіе органы русской печати не имѣли самостоятельно выработанныхъ взглядовъ по этому вопросу и колебались еще больше, чѣмъ *Русскій Вѣстникъ* Каткова. [1])

Позицію *Дня* по польскому вопросу я готовъ признать не только центральной, но и наиболѣе обоснованной. Дѣло въ томъ, что публицисты славянофильскаго направленія обладали по этому вопросу гораздо бо́льшей подготовкой, нежели ихъ противники справа и слѣва. Въ особенности среди нихъ выдѣлялись въ этомъ отношеніи Ю. Ѳ. Самаринъ и А. Ф. Гильфердингъ. Не малое публицистическое значеніе имѣли и пылкія статьи самого редактора *Дня* И. С. Аксакова,—статьи, въ которыхъ ярко выражались сужденія и выводы, выработанные, несомнѣнно, при близкомъ участіи того же Самарина.

Остановимся сперва на мнѣніяхъ по польскому вопросу А. И. Герцена. Герценъ впервые возвысилъ свой голосъ по польскому вопросу еще въ 1853 г. Изъ двухъ первыхъ листковъ, выпущенныхъ основанной имъ русской типографіей въ Лондонѣ, одинъ относился къ Польшѣ и назывался „Поляки прощаютъ насъ". Въ этомъ листкѣ Герценъ занялъ въ сущности ту же позицію, которую занималъ до него Михаилъ Бакунинъ въ своей извѣстной рѣчи 1847 г. Не желая, какъ и Бакунинъ, чтобы его считали отступникомъ отъ Россіи, Герценъ подчеркивалъ здѣсь свою любовь къ ней и свои надежды на русскій народъ и на широкія перспективы его развитія въ будущемъ и въ то же время рѣзко осуждалъ дѣйствія русскаго правительства по отношенію къ Польшѣ въ прошломъ и настоящемъ. При этомъ онъ выражалъ свою вѣру въ возможность полнаго примиренія между польскими патріотами и русской демократіей. Въ слѣдующемъ году, когда въ начавшуюся русско-турецкую войну вмѣшалась европейская коалиція и когда появились слухи о возможномъ возстаніи въ Польшѣ, Герценъ пошелъ дальше и, обращаясь къ русскимъ солдатамъ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они присягнули въ случаѣ возстанія не поднимать своего оружія противъ Польши. Позиція Герцена въ то время была явно утопическая—сантиментально-романтическая—и притомъ съ рѣзко выраженными славянофильскими нотами. Говоря объ историческихъ судьбахъ

---

[1]) Я оставляю въ сторонѣ украинскій органъ *Основу*, занявшій съ самаго же начала весьма прочно враждебную полякамъ позицію (статьи Костомарова, Кулиша и В. Б. Антоновича), но въ то время уже замолчавшій (1863 г.). Срав. сочиненія Костомарова, а также изложеніе статей Костомарова и Кулиша у *А. Н. Пыпина* „Польскій вопросъ въ русской литературѣ" въ *Вѣстн. Евр.* за 1880 г., № 10 и изложеніе полемики Антоновича съ Падалицей у *Драгоманова* „Великорусская демократія и историческая Польша".

Польши, Герценъ писалъ въ 1853 г.: „Польша утратила на время нераздѣльную цѣлость и государственное значеніе въ искупленіе своего отчужденія, своего западнаго аристократизма, своей преданности папежу. Ей надобно было волей или неволей снова сблизиться съ славянскимъ міромъ, вспомнить свое славянское начало“. Слова Герцена не находили въ то время отклика въ передовыхъ рядахъ русскаго общества и вызвали даже неудовольствіе его ближайшихъ друзей въ Москвѣ, такихъ, какъ Грановскій. [1]) Да и среди поляковъ слова эти находили искренній откликъ, кажется, лишь въ сердцѣ такого мечтателя, какъ гр. Станиславъ Ворцель; но Ворцель представлялъ собою совершенно оригинальное явленіе въ рядахъ польской эмиграціи; не примыкая ни къ бѣлымъ, ни къ краснымъ ея группамъ, онъ являлъ собой почти единственный примѣръ въ средѣ всей польской эмиграціи соціалиста-мечтателя и утописта, близкаго къ Герцену именно въ этомъ отношеніи.

Герценъ, какъ справедливо указывалъ еще Драгомановъ, въ сущности очень плохо зналъ тогда и поляковъ, и исторію Польши; да и потомъ, когда ему пришлось вести весьма отвѣтственные переговоры съ представителями развивавшагося польскаго движенія въ 1859—1862 гг., недостатокъ точныхъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по польскому вопросу у него лишь отчасти выкупался его общимъ политическимъ образованіемъ и его проницательнымъ и острымъ умомъ. Однако и тутъ отвлеченный энтузіазмъ къ свободѣ и преувеличенный піетэтъ къ мученикамъ польской революціи нерѣдко мѣшали ему провести до конца свою собственную точку зрѣнія, подсказывавшуюся ему его проницательностью и демократическими принципами. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ самъ горько каялся въ этомъ. Но въ 1862 г., увлеченный отчасти своими друзьями, Огаревымъ и Бакунинымъ, отчасти самими развивавшимися съ чрезвычайной быстротой событіями, онъ удовлетворился довольно двусмысленной въ сущности декларацiей двухъ пріѣхавшихъ къ нему польскихъ революціонеровъ, напечатанной въ *Колоколѣ*, и ринулся съ головой въ дѣло содѣйствія польскому возстанію. Въ деклараціи этой поляки, идя какъ бы навстрѣчу демократическимъ стремленіямъ Герцена и желая уничтожить въ немъ всѣ колебанія, заявляли, что крестьянскій вопросъ у нихъ „рѣшенъ уже всею Польшей безъ различія политическихъ партій“; что „всѣ согласны, что крестьянамъ слѣдуетъ отдать ихъ поземельный надѣлъ на основаніи выкупа“. „Общее согласіе на этотъ счетъ,—писали

---

[1]) Срав. переписку Грановскаго, изд. А. В. Станкевича, въ частности письмо къ Герцену 1854 г. на стр. 447, а также письмо къ Кавелину отъ 2 октября 1855 года на стр. 455.

польскіе революціонеры,—дало намъ, стоящимъ во главѣ движенія, возможность выразить въ нашей политической программѣ, что народная организація въ первую минуту возстанія надѣлитъ сельскихъ обывателей землей, нынѣ ими обрабатываемой, а народное правительство возьметъ на себя вознагражденіе помѣщиковъ изъ общихъ государственныхъ средствъ". Въ этомъ отношеніи всѣ сомнѣнія Герцена были, такимъ образомъ, устранены достаточной категоричностью этого заявленія. Что же касается національнаго вопроса, то въ декларацiи сказано было такъ: „Для насъ нѣтъ Польши *раздѣленной*, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи *Польши, Литвы* и *Русиновъ*, безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ". Послѣднія слова прибавлены были, конечно, въ утѣшеніе Герцену, такъ же какъ въ утѣшеніе ему же далѣе было указано: „Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ, *оставляя народамъ, въ нихъ обитающимъ, т.-е. Литвинамъ и Русинамъ, полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшей или распорядиться собою согласно ихъ собственной волѣ*". Въ настоящее же время они требовали отъ этихъ частей единовременнаго и совмѣстнаго съ коренными поляками возстанія противъ Россіи съ цѣлью отторженія отъ нея этихъ провинцій во всякомъ случаѣ". [1]) Драгомановъ справедливо указывалъ впослѣдствіи, до какой степени бѣлыми нитками шиты были всѣ истинныя тенденціи этого документа. [2]) Но Герценъ, хотя и не безъ внутреннихъ колебаній, отчасти уступая давленію своихъ друзей, рѣшился признать его достаточнымъ и, печатая его въ *Колоколѣ*, сопроводилъ его примѣчаніемъ, въ которомъ, ссылаясь на чувство братства съ возстающими поляками, заявлялъ, что „тотъ русскій, который и на этихъ основаніяхъ не подастъ руки дружбы полякамъ, тотъ не любитъ свободы". [3])

Въ слѣдующемъ № *Колокола* (отъ 15 октября 1862 г.), въ отвѣтѣ своемъ центральному польскому комитету въ Варшавѣ, Герценъ писалъ: „что касается до насъ, намъ легко съ Вами идти; Вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими; Вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбою.

„Это наши основы, это наши догматы, наши знамена".

И въ этомъ же номерѣ онъ помѣстилъ воззваніе къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ, въ которомъ убѣждалъ ихъ „не подымать оружія противъ поляковъ".

---

[1]) *Колоколъ*, октябрь 1862 г., № 146, стр. 1205—1206. Строчки, набранныя курсивомъ, набраны такъ въ *Колоколѣ*.

[2]) Въ статьяхъ „Историческая Польша и великорусская демократія" въ *Вольномъ Словѣ* за 1883 г.

[3]) *Колоколъ*, стр. 1206.

Въ воззваніи этомъ, становясь на чисто федералистическую точку зрѣнія, Герценъ старался внушить офицерамъ, что именно съ этой точки зрѣнія дѣло поляковъ и дѣло освобожденія русскихъ провинцій изъ-подъ централистической и деспотической власти Петербурга—одно и то же. Признавая, что Кіевъ такой же русскій городъ, какъ и Москва, Герценъ выражалъ надежду, что поляки поймутъ это и будутъ вмѣстѣ съ русскими федералистами стремиться не къ возсозданію исторической Польши, а къ учрежденію федераціи славянскихъ республикъ. Разумѣется, это была чистѣйшая фантазія, нисколько не соотвѣтствовавшая истиннымъ намѣреніямъ и планамъ поляковъ. Превосходную критику позиціи, занятой тогда Герценомъ, далъ впослѣдствіи Драгомановъ въ статьяхъ своихъ „Историческая Польша и великорусская демократія". [1]) Впрочемъ, и самъ Герценъ созналъ впослѣдствіи, какъ мы уже сказали, совершенную ложность занятой имъ позиціи. Позиція эта погубила, какъ извѣстно, всю его популярность въ русскомъ обществѣ, въ огромномъ большинствѣ своемъ раздѣлявшемъ взгляды на польскій вопросъ и на польское возстаніе Каткова или славянофиловъ.

Точка зрѣнія Каткова на польское возстаніе и на польскій вопросъ выражена была въ рядѣ статей *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника*. Позиція его лишена была какого-либо прочнаго принципіальнаго основанія; она мѣнялась по мѣрѣ хода внѣшнихъ событій и выражала скорѣе настроеніе, нежели какую-либо систему положеній, основанную на изученіи исторіи русско-польскихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе вліяніе Каткова на публику было огромно, и потому выраженные имъ въ тотъ моментъ взгляды нельзя игнорировать.

Въ передовой статьѣ, напечатанной въ № 55 *Московскихъ Вѣдомостей* 12 марта 1863 года, когда возстаніе въ Польшѣ было уже въ полномъ разгарѣ, Катковъ признавалъ еще возможность и желательность полной внутренней автономіи Царства Польскаго подъ скипетромъ русскаго царя, но только безъ отдѣльной арміи и подъ условіемъ отказа поляковъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній (на западныя губ. и т. п.).

Въ передовой статьѣ отъ 29 марта (№ 69) признавалась необходимость единства Царства Польскаго съ имперіей въ отношеніяхъ финан-

---

[1]) Статьи эти были напечатаны первоначально въ *Вольномъ Словѣ* за 1883 г., потомъ изданы въ Женевѣ въ 1889 г. особой книжкой. Они составили т. I „Политическихъ сочиненій" Драгоманова, изданныхъ въ Парижѣ въ 1905 г. редакціей *Освобожденія*, часть ихъ появилась въ Россіи въ 1906 г. (въ Казани) подъ заглавіемъ: „Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій вопросъ". Еще раньше тѣ же мысли изложены были Драгомановымъ въ его статьяхъ „Восточная политика Германіи и обруссеніе" въ *Вѣстн. Евр.* за 1872 г. съ подписью М. Т—въ. Они перепечатаны въ 1 т. его „Политическихъ сочиненій" въ Спб. въ 1908 г.

совомъ, военномъ и общихъ политическихъ учрежденій; допускалась автономія въ остальныхъ отрасляхъ управленія.

Но уже въ томъ же номерѣ помѣщена была статья Шипова, намекавшая на желательность въ Польшѣ той политики, которую пруссаки практиковали въ Познани, и, между прочимъ, указывалось на желательность распространенія въ Польшѣ русскаго языка.

4 апрѣля (№ 71) по поводу амнистіи, объявленной Александромъ II всѣмъ возставшимъ полякамъ, которые положатъ оружіе до 1 мая, помѣщена была передовица, по духу своему противная амнистіи, хотя это прямо и не высказывалось. Въ ней ясно было стремленіе показать, какъ все было спокойно при крѣпкомъ режимѣ матеріальной силы и какъ все заколебалось при попущеніяхъ императора Александра II. Статья оканчивалась совѣтомъ накрѣпко присоединить Польшу къ Россіи, предложивъ ей совмѣстно итти по пути прогресса при одинаковыхъ правахъ и учрежденіяхъ (*Московскія Вѣдомости* желали еще тогда учрежденій представительныхъ, хотя и не въ смыслѣ конституціонномъ) и при нѣкоторой автономіи.

Въ № 75, въ передовицѣ отъ 9 апрѣля было, между прочимъ, сказано: „русскіе люди не только не желали бы, чтобы русское правительство казнями продолжало борьбу противъ поляковъ, но они не желали бы, чтобы по усмиреніи возстанія у Польскаго края были отняты или стѣснены виды на дальнѣйшее развитіе. Не подавлять польскую народность, а призвать ее къ новой общей съ Россіей политической жизни—вотъ что лежитъ въ интересахъ Россіи, самой Польши и цѣлой Европы“. [1])

Тонъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника* замѣтно измѣнился въ сторону, неблагопріятную для Польши, во вторую половину 1863 г., послѣ извѣстной дипломатической кампаніи европейскихъ державъ противъ Россіи. При этомъ Катковъ рѣзко обрушивался на славянофиловъ *Дня*, предлагавшихъ созвать сеймъ въ Польшѣ и даже предоставить ей полную независимость. Самъ Катковъ въ это время все болѣе и болѣе утверждался въ мысли о необходимости полной инкорпораціи Царства Польскаго. Въ извѣстной статьѣ „Что намъ дѣлать съ Польшей?“, помѣщенной въ № 3 *Русскаго Вѣстника*, который вышелъ въ свѣтъ по независѣвшимъ отъ редакціи обстоятельствамъ лишь 30 мая, Катковъ писалъ: „...Польскій вопросъ можетъ быть рѣ-

---

[1]) Напрасно читатель сталъ бы искать всѣ выписанныя мѣста въ извѣстномъ собраніи статей Каткова по польскому вопросу, изданномъ въ 1887 г. подъ заглавіемъ, „*М. Н. Катковъ*. 1863 годъ“. Это изданіе—фальсифицированное, и въ него вошли только тѣ статьи и части статей, которыя соотвѣтствовали позднѣйшимъ взглядамъ Каткова. Срав. *В. А. Любимова* „М. Н. Катковъ и его историческая задача“. Спб., 1889 г., стр. 10.

шенъ удовлетворительнымъ образомъ только посредствомъ полнаго соединенія Польши съ Россіей въ государственномъ отношеніи. Россія можетъ дать Польшѣ болѣе или менѣе близкіе виды на такое управленіе, которое вполнѣ удовлетворитъ всѣмъ законнымъ требованіямъ ея народонаселенія и далѣе которыхъ не могутъ простираться виды европейскихъ державъ, которымъ угодно заниматься теперь судьбою Польши. Польскій край можетъ имѣть свое мѣстное самоуправленіе, быть обезпеченнымъ во всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ интересахъ своихъ, сохранять свой языкъ и свои обычаи. Но децентрализованная сколько возможно въ административномъ отношеніи Польша должна быть крѣпкою частью Россіи въ политическомъ отношеніи. Что же касается до политическаго представительства, то, въ соединеніи съ Россіей, Польша можетъ имѣть его не иначе, какъ въ томъ духѣ и смыслѣ, которые выработались исторіей Россіи, а не по какому-нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской и русской исторіи". [1])

Въ послѣднихъ строкахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ этой статьи, Катковъ самъ становился въ сущности по вопросу о формѣ и роли государственнаго представительства на точку зрѣнія критикуемыхъ имъ славянофиловъ. Эту шаткость его основныхъ положеній не безъ ироніи тогда же отмѣтилъ въ язвительной замѣткѣ „по поводу мнѣнія *Русскаго Вѣстника* о занятіяхъ философіею, о народныхъ началахъ и объ отношеніи ихъ къ цивилизаціи" Ю. Ѳ. Самаринъ. [2])

Въ газетѣ *День* по польскому вопросу болѣе всего помѣщено было статей самого редактора И. С. Аксакова. Статьи эти, всегда краснорѣчивыя и пылкія, обращали на себя большое вниманіе, но несомнѣнно по ясности мысли, по трезвости и выдержанности содержанія и по обоснованности своей онѣ далеко уступали статьямъ двухъ другихъ сотрудниковъ *Дня*—А. Ф. Гильфердинга и Ю. Ѳ. Самарина. Аксаковъ не былъ знатокомъ польскаго вопроса и нерѣдко обосновывалъ свои взгляды и мнѣнія на-лету пойманными фактами, свѣдѣніями и наблюденіями, которыми были очень богаты оба его сотрудника. Онъ стоялъ на довольно сантиментальной и утопической точкѣ зрѣнія, которой измѣнилъ впослѣдствіи (въ 1865—66 гг.), повидимому, безъ большихъ колебаній. Въ 1861—63 гг. въ основу своихъ мнѣній онъ стремился положить принципы отвлеченной справедливости и фактъ племеннаго родства съ поляками. Онъ настойчиво указывалъ тогда, что необходимо прежде всего дознать отъ самихъ поляковъ, чего они желаютъ и какое

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ* за 1863 г., № 3, стр. 506. Есть извѣстіе (у Любимова), что статья эта произвела сильное впечатлѣніе на императрицу Марію Александровну и на самого императора Александра.

[2]) № 76 *Дня* 7 сентября 1863 г. Перепечатано въ сочиненіяхъ Самарина, т. I, стр. 266.

рѣшеніе вопроса ихъ удовлетворитъ, для чего предлагалъ собрать сеймъ въ Варшавѣ, рѣшеніе котораго потомъ подвергнуть обсужденію русскаго земскаго собора, при чемъ оба эти собранія, согласно славянофильской теоріи, не должны были имѣть никакого рѣшающаго голоса. Онъ оговаривалъ, впрочемъ, что въ составъ сейма должны были войти, на равныхъ правахъ съ представителями шляхты, и представители польскаго крестьянства. Послѣднее онъ полагалъ, по недоразумѣнію, свободнымъ и сознательнымъ, считая, что Наполеонъ освободилъ его отъ крѣпостной зависимости „въ 1812 г. на пути въ Россію“ (sic). [1]) На-ряду съ этимъ Аксаковъ утверждалъ, что съ русской точки зрѣнія отнюдь нежелательно принудительно удерживать Польшу въ соединеніи съ Россіей, но онъ надѣялся, что на всенародномъ сеймѣ сама Польша признаетъ желательность свободнаго и дружественнаго соединенія съ Россіей и что такимъ образомъ польскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ миролюбиво къ обоюдному удовольствію. Позднѣе, убѣдившись въ фиктивности освобожденія крестьянъ въ Польшѣ при Наполеонѣ, Аксаковъ полагалъ, что, прежде чѣмъ освободить Польшу и предоставить ей самой рѣшить свою участь, надо дѣйствительно освободить въ ней крестьянъ *съ землей* на тѣхъ же основаніяхъ, какъ они были освобождены въ Россіи. [2]) Впослѣдствіи онъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свою точку зрѣнія и съ конца 60-хъ годовъ отстаивалъ полную инкорпорацію Польши, одобряя при этомъ и всѣ позднѣйшія мѣры русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ.

Гильфердингъ сомнѣвался въ осуществимости въ ближайшее время аксаковскихъ пожеланій 1863 года. Въ статьѣ „Въ чемъ искать разрѣшеніе польскому вопросу?“ онъ заявлялъ, что Польша ставитъ Россію въ постоянное противорѣчіе съ самой собой. Мы не можемъ, по его мнѣнію, отдать Польшу полякамъ, потому что поляки захотѣли бы захватить и наши западныя провинціи; не можемъ ее отдать Германіи и Австріи, потому что это было бы измѣной славянскому міру. Соединить Польшу съ Россіей можно двумя способами: 1) диктатурой, но ея вредъ доказанъ; 2) какими-либо общими государственными учрежденіями (подобно тому, какъ это предлагалъ Катковъ), но и тутъ зерно раздора— западныя губерніи. Въ нихъ, по мнѣнію Гильфердинга, главная трудность вопроса. Если бы русскій народъ въ западномъ краѣ выбился изъ-подъ власти польскаго пана и окрѣпъ въ своемъ самосознаніи, то для Россіи настала бы возможность отказаться отъ собственной Польши, не опасаясь при этомъ потери западныхъ губерній.

---

[1]) Сочиненія *И. С. Аксакова*, т. III. „Польскій вопросъ и западно-русское дѣло“, стр. 20.

[2]) Тамъ же, стр. 139—140 и passim.

Для того момента Гильфердингъ указывалъ двѣ задачи въ Польшѣ, разрѣшеніе которыхъ могло бы, по его мнѣнію, если не разрѣшить, то временно устранить польскій вопросъ: 1) доставить самостоятельность польскому крестьянству; 2) употребить въ Польшѣ всѣ усилія для распространенія серьезнаго научнаго образованія. Самостоятельность крестьянства устранитъ польскій вопросъ, потому что устранитъ преобладаніе шляхты, которая его поддерживаетъ; наука устранитъ мистически-религіозный сепаратизмъ и историческую фальшь изъ польскаго общества. [1])

Весьма обдуманное трактованіе польскаго вопроса давала блестящая статья Ю. Ѳ. Самарина „Современный объемъ польскаго вопроса", напечатанная въ № 38 *Дня* 21 сентября 1863 г.

Въ статьѣ этой Самаринъ указывалъ прежде всего, что польскій вопросъ слагается въ сущности „изъ *трехъ вопросовъ,* по существу своему *различныхъ,* несмотря на ихъ тѣсную связь".

„*Поляки*—какъ народъ, какъ особенная стихія въ группѣ славянскихъ племенъ.

„*Польша*—какъ самостоятельное государство.

„Наконецъ, Польша или точнѣе: *полонизмъ,*—какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра.

„Эти три понятія,—писалъ Самаринъ,—безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика поляковъ заключается въ ихъ *отожествленіи;* наша политика—въ ихъ *разъединеніи*".

Затѣмъ онъ признавалъ безусловно право поляковъ, какъ народа, на полное культурное самоопредѣленіе, или, какъ онъ выражался, „право на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ", подразумѣвая подъ этимъ „свободу вѣроисповѣданія, офиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта".

Что касается Польши, какъ самостоятельнаго государства, то Самаринъ указывалъ прежде всего, что возстановленіе таковаго зависитъ отъ цѣлаго ряда условій и вовсе не вытекаетъ изъ факта существованія Польши, какъ особой національности; затѣмъ онъ указывалъ, что съ русской точки зрѣнія оно можетъ быть признано допустимымъ лишь въ этнографическихъ границахъ, между тѣмъ какъ исторически оно стремилось къ непомѣрному распространенію своего владычества на востокъ, оправдывая это свое стремленіе особой культурно- и религіозно-просвѣтительной миссіей, которую Самаринъ и обозначалъ терминомъ „полонизмъ". На необходимость борьбы съ этимъ стремленіемъ Самаринъ не

---

[1]) Сочиненія *А. Ф. Гильфердинга,* т. II, стр. 360.

только указывалъ, но и старался обосновать законность, справедливость и обязательность для насъ этой борьбы съ своей славянофильской точки зрѣнія. Подробно охарактеризовавъ и раскрывъ историческій смыслъ полонизма, какъ культурно-религіознаго и притомъ въ высшей степени агрессивнаго начала, и ярко выразивъ невозможность терпимаго отношенія къ нему съ русской точки зрѣнія, Самаринъ переходилъ къ формулировкѣ и критикѣ современныхъ ему постановокъ польскаго вопроса. По его мнѣнію, возможность окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса для Россіи могла наступить не ранѣе полной побѣды надъ полонизмомъ, полнаго его обезвреженія, съ одной стороны, и приведенія, съ другой стороны, самой Польши въ такое внутреннее состояніе, при которомъ сдѣлалось бы возможнымъ и допустимымъ возстановленіе самостоятельнаго польскаго государства.

Для даннаго момента Самаринъ требовалъ прежде всего подавленія мятежа въ Польшѣ самыми дѣйствительными мѣрами, каковыми въ то время въ Царствѣ Польскомъ онъ признавалъ подчиненіе всего гражданскаго управленія военному и проведеніе крестьянской реформы, т.-е. правильнаго устройства крестьянъ въ аграрномъ и общественномъ отношеніяхъ. Затѣмъ онъ указывалъ на необходимость „локализировать политическій вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ царства, подрѣзавъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ всѣ корни полонизма и обезпечивъ преобладаніе русской и православной стихіи надъ латино-польскою“. Для этого онъ рекомендовалъ прежде всего немедленную ликвидацію обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ западномъ краѣ, передачу народнаго начальнаго образованія въ этихъ губерніяхъ въ руки православнаго духовенства и введеніе въ нихъ земскихъ учрежденій съ предоставленіемъ между прочимъ и въ этихъ послѣднихъ участія православному духовенству.

Когда все это будетъ исполнено,—„когда въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Россіи народная сила станетъ на ноги и пріобрѣтетъ достаточныя средства для самоохраненія и саморазвитія, *польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи*“.

Для будущаго рѣшенія этого вопроса въ Царствѣ Польскомъ Самаринъ видѣлъ лишь два пути: или „нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіею учрежденіемъ въ первой власти, въ русскихъ рукахъ сосредоточенной и настолько сильной, чтобы убѣдить поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія“, или „добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго Царства“.

Въ случаѣ, если бы Россія избрала этотъ второй путь, который рисовался Самарину вполнѣ возможнымъ, онъ рекомендовалъ неразрывно связать свое отреченіе отъ Царства Польскаго съ единовременнымъ разрѣшеніемъ въ томъ же духѣ поставленныхъ, но еще не разрѣшенныхъ

тогда вопросовъ объ Италіи, т.-е. объ уступкѣ Италіи итальянскихъ областей Австріи, и о подвластныхъ Турціи племенахъ славянскихъ. Затѣмъ Самаринъ полагалъ, что, отказавшись отъ Польши, Россія не должна принимать на себя никакихъ гарантій относительно прочности и цѣлости новообразованной польской державы. [1])

Политика, рекомендованная славянофилами въ Западномъ краѣ, была въ это время уже энергично осуществляема самыми рѣшительными и жестокими мѣрами виленскимъ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ. Относительно Царства Польскаго колебанія продолжались до августа 1863 г. Уже при начавшемся возстаніи проведена была въ законодательномъ порядкѣ значительная часть мѣръ, предложенныхъ Велепольскимъ. Въ августѣ 1863 г., когда давно истекъ срокъ, назначенный для условной амнистіи, объявленной императоромъ Александромъ, и когда возстаніе находилось въ полномъ разгарѣ, въ правительственныхъ кругахъ еще обсуждалась мысль—если не о дарованіи Царству Польскому особой конституціи, то о введеніи въ немъ особаго областного представительства въ формѣ провинціальныхъ штатовъ. Мнѣ довелось видѣть сохранившійся подлинный докладъ министра статсъ-секретаря Царства Польскаго Платонова по этому предмету съ собственноручной резолюціей Александра II отъ 5 августа 1863 г. Въ резолюціи этой Александръ написалъ, что, прочитавъ со вниманіемъ представленный ему очеркъ исторіи различныхъ представительныхъ учрежденій Варшавскаго Герцогства, Царства Польскаго при Александрѣ I и австрійской Галиціи, онъ не находитъ въ нихъ главнаго—возможной организаціи провинціальныхъ штатовъ. Считая, что о сеймѣ въ данное время „не можетъ быть и рѣчи“, онъ требовалъ отъ Платонова особаго доклада объ основаніяхъ, на какихъ могутъ быть введены въ Царствѣ провинціальные штаты. И Платоновъ представилъ ему объ этомъ подробный собственноручно составленный имъ докладъ на французскомъ языкѣ отъ 12—24 августа 1863 г., который однако уже не получилъ движенія и на которомъ нѣтъ уже и резолюціи государя. Очевидно, въ этотъ именно моментъ окончательно рѣшено было оставить систему Велепольскаго и обратиться къ системѣ, выставленной славянофилами и въ значительной мѣрѣ уже примѣнявшейся въ это время въ Литвѣ. Для ея осуществленія избранъ былъ государственный человѣкъ, связавшій незадолго передъ этимъ свое имя съ крестьянской реформой въ Россіи и лично близкій съ представителями славянофильской группы—Н. А. Милютинъ. [2])

---

[1]) Сочиненія *Ю. Ф. Самарина*, т. I, стр. 325 и слѣд.

[2]) О дѣятельности Н. А. Милютина въ Польшѣ см. книгу *A. Leroy-Beaulieu* „Un homme d'etat russe (N. Milutine)“. P., 1884 и мои статьи „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“ въ „Очеркахъ по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“, а также *В. Д. Спасовича* „Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ“ въ *Вѣст. Евр.* за 1902 г. и въ сборникѣ „В. А. Арцимовичъ. Воспоминанія.—Характеристики“. Спб., 1904 г.

Въ высшихъ сферахъ мелькала мысль о назначеніи Милютина въ Польшу еще въ 1862 г.—и онъ былъ тогда даже вызванъ для этого въ Петербургъ изъ Парижа, гдѣ отдыхалъ послѣ отставки своей изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, данной ему въ 1861 г. Но тогда мысль эта была оставлена, въ виду предложенія великаго князя Константина Николаевича ѣхать въ Польшу въ качествѣ намѣстника для проведенія тамъ системы маркиза Велепольскаго. Теперь, послѣ крушенія этой системы и послѣ рѣшенія попытаться проводить въ Польшѣ „крестьянофильскую“ политику, Милютинъ естественно признавался самымъ подходящимъ кандидатомъ. За эту комбинацію крѣпко ухватился самъ императоръ Александръ II, и хотя Милютинъ, совершенно незнакомый съ Польшей и вовсе не желавшій брать на себя дѣло, связанное съ подавленіемъ возстанія и съ репрессивными мѣрами, сперва упорно отказывался отъ этой миссіи, однако, кончилъ онъ тѣмъ, что долженъ былъ согласиться на нее, подъ условіемъ, что ему будетъ дана пока лишь временная командировка, причемъ главной его задачей будетъ выясненіе условій, на которыхъ можетъ быть проведена крестьянская реформа въ Польшѣ. Однако Александръ, соглашаясь на то, чтобы командировка Милютина имѣла пока временный характеръ, въ то же время заявилъ ему, что *вся* администрація Польши въ плохомъ состояніи и что онъ желалъ бы, чтобы Милютинъ занялся вопросомъ полнаго ея обновленія. Еще до этого разговора съ государемъ Милютинъ совѣтовался на этотъ счетъ и съ Самаринымъ, и послѣдній, внимательно обсудивъ совмѣстно съ Милютинымъ положеніе польскаго вопроса, совѣтовалъ ему не отказываться. Здѣсь любопытно отмѣтить, что именно послѣ этого своего разговора съ Милютинымъ Самаринъ и написалъ свою важнѣйшую статью по польскому вопросу, изложенную выше. Милютинъ же, принявъ назначеніе, тотчасъ же обратился съ просьбой о сотрудничествѣ и къ Самарину, и къ Черкасскому, испытаннымъ своимъ сотрудникамъ по крестьянскому дѣлу, и оба они согласились поѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Варшаву. Участіе Самарина тутъ было особенно важно, такъ какъ въ данномъ дѣлѣ онъ являлся не только испытаннымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу вообще, но и человѣкомъ, въ данный моментъ имѣвшимъ во всей Россіи, быть можетъ, наиболѣе продуманный и обоснованный взглядъ на содержаніе польскаго вопроса вообще и на возможные способы его рѣшеніе для даннаго времени.

Мы не будемъ здѣсь описывать, какъ было изслѣдовано Милютинымъ и его сотрудниками положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и какъ разработана была ими крестьянская реформа, осуществленная, въ видѣ указовъ 19 февраля 1864 года, подъ ихъ же ближайшимъ руководствомъ. Исторіи этого дѣла мы посвятили когда-то спеціальныя статьи, напеча-

танныя въ *Русской* же *Мысли* въ 1894 году. [1]) Теперь скажемъ только въ краткихъ словахъ, въ чемъ заключалась эта несомнѣнно великая реформа. Ею были разрѣшены весьма радикальнымъ образомъ два вопроса: вопросъ поземельнаго устройства крестьянъ и вопросъ общественнаго административнаго ихъ устройства. Въ отношеніи поземельнаго устройства исходнымъ пунктомъ было принято существовавшее фактическое землепользованіе крестьянъ и указъ 26 мая 1846 г., обезпечивавшій тѣмъ изъ нихъ, которые владѣли участками не менѣе 3-хъ морговъ ($1^1/_2$ десятины), ненарушимость этого пользованія по произволу помѣщиковъ. По указу I-му 19 февраля 1864 г. за крестьянами были укрѣплены въ собственность всѣ тѣ земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыми они владѣли въ моментъ изданія указа, независимо отъ ихъ размѣра; но кромѣ того имъ должны были быть возвращены и тѣ участки, которыми они имѣли право пользоваться по указу 1846 г., но которыя впослѣдствіи были у нихъ отобраны вопреки этому указу помѣщиками, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Сверхъ того, крестьянамъ предоставлено было пользоваться сервитутами на помѣщичьихъ угодіяхъ, гдѣ такіе сервитуты существовали, т.-е. пасти свой скотъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ и на помѣщичьихъ земляхъ, по снятіи съ нихъ урожая, и получать изъ помѣщичьихъ лѣсовъ топливо и дерево на починку строеній, а также собирать мохъ и листья на подстилку для скота. Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, какъ натуральныя, такъ и денежныя, должны были немедленно прекратиться, причемъ казна должна была выдать помѣщикамъ за это особый выкупъ, довольно скупо вычисленный, въ видѣ процентныхъ бумагъ (ликвидаціонныхъ листовъ). На крестьянъ же—въ отличіе отъ русскихъ крестьянъ—никакихъ выкупныхъ платежей для погашенія выкупной суммы наложено не было; а взамѣнъ этого просто были увеличены налоги съ земли, какъ крестьянской, такъ и помѣщичьей въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ. Замѣчательно, что необходимость немедленнаго прекращенія повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, притомъ безъ всякихъ спеціальныхъ выкупныхъ платежей съ крестьянъ, открыто мотивировалась тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне по распоряженію революціоннаго ржонда въ продолженіе болѣе года уже не отбывали повинностей и имъ было обѣщано ржондомъ безвозмездное укрѣпленіе земли въ ихъ собственность. Предполагалось, что русское правительство въ этомъ случаѣ должно удовлетворить крестьянъ въ размѣрѣ не меньшемъ, нежели имъ обѣщало польское революціонное правительство. Разсчитывали, что эта мѣра одновременно укрѣпитъ преданность крестьянъ русскому правительству и послужитъ справедливымъ возмездіемъ польскому дворянству за его участіе въ мятежѣ.

---

[1]) №№ 3, 8 и 9.

Въ отношеніи административнаго устройства крестьянъ (указъ II) за исходный пунктъ принято было русское положеніе 19февраля 1861 г., но съ принятіемъ въ расчетъ того гминнаго устройства, которое существовало въ Царствѣ Польскомъ и реформа котораго была выработана маркизомъ Велепольскимъ. Крестьяне соединялись въ сельскія общества, которыя получали такое же въ общихъ чертахъ устройство и сельское самоуправленіе, какъ и въ Россіи, съ сельскимъ сходомъ и выборнымъ старостой (солтысомъ). Но второю инстанціею этого сельскаго самоуправленія, въ отличіе отъ Россіи, являлись не крестьянскія волости, а всесословныя гмины, которыя организованы были однако почти такъ же, какъ и въ Россіи, съ тою только разницею, что въ составъ гминнаго схода введены были землевладѣльцы всѣхъ сословій, владѣющіе участками не менѣе 3-хъ морговъ ($1^1/_2$ дес.), а слѣдовательно и помѣщики. Организація гминныхъ правленій и гминныхъ судовъ (до 1876 г.) была аналогична организаціи волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ. Включеніе помѣщиковъ въ составъ гминныхъ сходовъ въ сущности не давало имъ никакихъ фактическихъ выгодъ, ибо голоса ихъ на сходѣ тонули въ массѣ крестьянскихъ голосовъ, участіе же въ общественной службѣ представляло мало привлекательнаго, такъ какъ войты гминъ (старшины) и лавники (гм. судьи) подчинялись такой же дисциплинарной власти уѣздныхъ начальниковъ (исправниковъ), какъ волостные старшины въ Россіи—власти мировыхъ посредниковъ и нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ. Въ то же время гминный сходъ могъ раскладывать принятые имъ расходы на всѣ земли гмины, въ томъ числѣ и помѣщичьи.

Составителямъ указовъ 19 февраля 1864 г. очень нерѣдко бросалось обвиненіе, что они руководствовались при проектированіи этихъ указовъ чисто демагогическими или макіавеллистическими принципами, стремясь раздуть и поддержать въ Польшѣ враждебныя отношенія между крестьянами и помѣщиками, чтобы примѣнить здѣсь римское правило „divide et impera“ и обезпечить такимъ образомъ на долгое время, если не навсегда, возможность деспотическаго господства русскому правительству въ Польшѣ. Однако, принимая во вниманіе взгляды авторовъ этихъ проектовъ и политическія убѣжденія той группы русской интеллигенціи, къ которой они принадлежали (выше мы ихъ охарактеризовали), едва ли можно добросовѣстно поддерживать такое обвиненіе противъ ихъ дѣятельности въ 1863 году. Несомнѣнно, душой всего дѣла среди нихъ являлся тотъ самый Юрій Самаринъ, статью котораго по польскому вопросу мы только что изложили, а всѣ они вмѣстѣ, съ Николаемъ Милютинымъ во главѣ, за три года передъ тѣмъ отстаивали аналогичные принципы крестьянской реформы въ Россіи, гдѣ даже враги едва ли могли приписать имъ какіе-либо демагогическіе или ма-

кіавеллистическіе принципы. Задача, за которую они принялись съ такой энергіей въ 1863 г. въ Польшѣ, во-первыхъ, совершенно соотвѣтствовала общимъ ихъ демократическимъ взглядамъ, а во-вторыхъ, она совершенно совпадала съ тѣми заданіями русской политики въ Польшѣ, которыя были выставлены газетою *День* и не заключали въ себѣ, какъ мы видѣли, ничего демагогическаго.

Въ статьяхъ Гильфердинга и Самарина была отчетливо формулирована политическая задача Россіи въ Польшѣ; задача эта заключалась въ томъ, чтобы, съ одной стороны, перестроить соціальный строй Польши—сдѣлать ее страной демократической, а съ другой—постараться уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить въ ней тѣ ея миссіонерскія и культуртрегерскія тенденціи, которыми она оправдывала свое стремленіе на Востокъ и на почвѣ которыхъ развивалась многовѣковая борьба ея съ Русью. Эта вторая задача должна была быть разрѣшена, во-первыхъ, реформой народнаго просвѣщенія въ Польшѣ и, во-вторыхъ, прямой борьбой съ агрессивными стремленіями католическаго духовенства, которое поэтому также должно было подвергнуться весьма энергичному воздѣйствію и цѣлой системѣ репрессивныхъ мѣръ русской государственной власти въ Польшѣ. Система эта имѣла такимъ образомъ въ виду рядъ глубокихъ органическихъ преобразованій, которыя должны были внести совершенно новыя начала въ жизнь Польши; но она вовсе не имѣла въ виду ни обрусенія этой страны, ни полной ея инкорпораціи. Наоборотъ, съ точки зрѣнія идеологовъ этой системы, какъ видѣли мы выше, представлялось возможнымъ, въ случаѣ удачнаго осуществленія всѣхъ задуманныхъ мѣръ, послѣ коренного соціальнаго преобразованія Польши, размежеваться съ ней окончательно, совершенно освободить ее, подъ условіемъ отказа отъ всякихъ притязаній на западныя малорусскія, бѣлорусскія и литовскія провинціи Россіи. Предполагалось, что съ Польшей, демократизированной и освобожденной отъ клерикально-просвѣтительныхъ стремленій, но вовсе не лишенной самостоятельности, возможно будетъ заключить прочный договоръ, выгодный и для нея, и для Россіи.

Милютинъ въ 1863 г. совершенно усвоилъ себѣ именно эту программу, и нельзя не признать, что первый шагъ по пути ея осуществленія былъ выполненъ, въ видѣ указовъ 19 февраля 1864 г., блестящимъ образомъ.

23 марта 1864 г., посылая эти указы къ одному изъ прежнихъ своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ проведенія крестьянской реформы въ Россіи—къ Я. А. Соловьеву—и желая и его привлечь къ участію въ новой своей дѣятельности, Милютинъ писалъ ему:

„Это лишь первый шагъ по пути реформъ, которыя должны теперь получить энергическое развитіе и коснуться всѣхъ вѣтвей администра-

ціи: финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и судовъ. *Все это должно быть сдѣлано въ виду ясно поставленной цѣли: поднять и поставить на ноги угнетенныя массы, противопоставляя ихъ олигархіи, которою до сихъ поръ были пропитаны всѣ польскія учрежденія*". [1])

Слѣдующею мѣрою, вслѣдъ за изданіемъ основныхъ положеній крестьянской реформы, за которую принялся Милютинъ, было преобразованіе системы народнаго просвѣщенія въ Польшѣ. Главнымъ сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ на первыхъ порахъ А. Ѳ. Гильфердингъ—авторъ вышеизложенныхъ статей въ *Днѣ* и *Русскомъ Инвалидѣ*.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту устройства учебной части въ Царствѣ Польскомъ, составленной Гильфердингомъ, была подвергнута рѣзкой критикѣ какъ репрессивная система, введенная въ Польшѣ Уваровымъ и Паскевичемъ въ 30-хъ и 40-хъ гг., такъ и недавно изданный уставъ 8 мая 1862 г., разработанный Велепольскимъ. „Общественное образованіе,—сказано было въ запискѣ Милютина,—было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 годъ; въ 1861 г. оно же обратилось, какъ политическое орудіе, противъ насъ. Можемъ ли мы оставаться на этой почвѣ? Надобно себѣ рѣшительно сказать, что нѣтъ". [2])

Указывая, что, благодаря системѣ Паскевича и Уварова, уровень образованія въ Польшѣ чрезвычайно понизился, и что новое поколѣніе, будучи, благодаря этой системѣ, значительно невѣжественнѣе стараго, въ то же время въ политическомъ отношеніи оказалось гораздо хуже, гораздо намъ враждебнѣе, составители записки писали:

„Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серіезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ... система воспитанія отстраняла все то, что способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и пріучить его къ логической провѣркѣ своихъ мыслей. Такимъ образомъ приготовилась почва, на которой всякая ложь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному, и гдѣ крайній матеріализмъ такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству.

„Съ другой стороны, явное предпочтеніе, оказываемое русскому языку передъ польскимъ во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражали поляковъ, не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ; мы не обрусили ни одного поляка, а между тѣмъ являлись какъ бы посягающими на польскую національность"...

---

[1]) *A. Leroy-Beaulieu*, op. c., стр. 282.

[2]) Записка эта напечатана въ *Славян. Обозрѣніи* за 1893 г., кн. VII—VIII, стр. 311.

Эти начала были одобрены въ главномъ комитетѣ по устройству Царства Польскаго, и соотвѣтственно имъ въ рескриптѣ 30 августа 1864 г., при которомъ былъ обнародованъ новый уставъ, было сказано:

„При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною заботою правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научному образованію. *Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превращать разсадникъ наукъ въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія*“... [1])

Еще болѣе показательна была точка зрѣнія Милютина на задачи начальнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ. Онъ, разумѣется, прекрасно зналъ, что съ макіавеллистической точки зрѣнія, если бы ставить задачей русской политики въ Царствѣ Польскомъ просто обезпеченіе слѣпой преданности правительству со стороны крестьянъ и возможно большаго разъединенія между ними и польской интеллигенціей, можно было признать выгоднымъ, облагодѣтельствовавъ крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи, держать ихъ въ полномъ невѣжествѣ, при которомъ имъ чуждо было бы всякое національное самосознаніе. Но Милютинъ рѣшительно отвергалъ эту точку зрѣнія и прямо заявлялъ, что онъ вовсе не боится сознательнаго національнаго чувства въ крестьянахъ, такъ какъ онъ ничего не имѣлъ противъ сохраненія польской національности и желалъ лишь, чтобы эта обновленная національность была чужда шляхетскихъ и клерикальныхъ традицій, которыя, какъ онъ надѣялся, не должны были соотвѣтствовать тому демократическому духу, развитія котораго онъ ждалъ въ возрожденномъ къ новой сознательной и независимой жизни крестьянствѣ. Поэтому, считая необходимымъ расширить какъ можно больше доступъ къ начальному образованію крестьянству, онъ желалъ лишь сдѣлать народныя школы свободными отъ всякой зависимости какъ отъ духовенства, такъ и отъ помѣщиковъ, и, чтобы осуществить это, подчинилъ ихъ всецѣло новосозданному сельскому и гминному самоуправленію подъ контролемъ учебныхъ дирекцій.

Въ рескриптѣ 30 августа 1864 г. было сказано: „Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ отношеніи, возникаетъ настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное обученіе между крестьянами. При такомъ лишь условіи они вполнѣ воспользуются благодѣяніями но-

---

[1]) *Dziennik praw*, т. LXII, стр. 326—330.

ваго закона и представятъ твердый оплотъ для охраненія общественнаго мира и порядка". Упомянувъ далѣе о повсемѣстномъ сознаніи самими крестьянами необходимости образованія, императоръ писалъ въ этомъ рескриптѣ намѣстнику гр. Бергу: „Не сомнѣваюсь, что при вашемъ личномъ содѣйствіи возникнетъ и устроится въ самомъ непродолжительномъ времени надлежащее число сельскихъ школъ и, такимъ образомъ, пополнится одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ прежнихъ системахъ польскаго общественнаго воспитанія".

Не было и рѣчи, конечно, о преподаваніи въ начальныхъ школахъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ поляками, на какомъ-либо языкѣ, кромѣ польскаго. Исключеніе дѣлалось лишь для мѣстъ, гдѣ языкъ самого мѣстнаго населенія былъ не польскій, а литовскій (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Августовской губерніи), русинскій (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Люблинской губ.) или нѣмецкій (у нѣмцевъ-колонистовъ). Тогда эти исключенія казались всѣмъ совершенно невинными.

Таковы были принципы, на которыхъ предполагалось въ 1864 г. устроить въ Польшѣ учебное дѣло.

Для разработки другихъ сторонъ общественной жизни, администраціи и суда и для развитія въ подробностяхъ крестьянской реформы при ея осуществленіи образованъ былъ, по плану Милютина же, въ Царствѣ Польскомъ особый *учредительный комитетъ*, въ составъ котораго первоначально вошли: командированный въ Польшу одновременно съ Милютинымъ главнымъ образомъ для подготовленія тамъ судебной реформы сенаторъ В. А. Арцимовичъ и кн. В. А. Черкасскій, назначенный главнымъ директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ; а затѣмъ къ нимъ присоединились: по приглашенію Милютина Я. А. Соловьевъ—въ качествѣ члена, завѣдующаго дѣлами комитета, а позднѣе и предсѣдателя центральной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ,—и А. И. Кошелевъ (извѣстный славянофилъ)—въ качествѣ главнаго директора комиссіи финансовъ; и по представленію гр. Берга: Р. И. Брауншвейгъ (бывшій ранѣе губернаторомъ) и ген. Заболоцкій (извѣстный лишь тѣмъ, что первый распорядился стрѣлять въ 1861 г. по демонстрантамъ одной изъ процессій въ Варшавѣ).

Учредительный комитетъ былъ своего рода законоподготовительнымъ и вмѣстѣ распорядительнымъ установленіемъ, созданнымъ по мысли Милютина, въ виду тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ Милютину приходилось вырабатывать и проводить въ жизнь свою новую политическую и административную систему въ Царствѣ Польскомъ. Учрежденіе этого комитета на первый взглядъ было тѣмъ страннѣе, что онъ созданъ былъ рядомъ съ существовавшими еще центральными учрежденіями Царства Польскаго: государственнымъ совѣтомъ, административнымъ совѣтомъ, правительственными комиссіями (министерствами) и

петербургскими органами по дѣламъ Царства Польскаго: главнымъ комитетомъ и статсъ-секретаріатомъ. Но центральныя учрежденія Царства Польскаго, образованныя или, точнѣе говоря, возстановленныя при Велепольскомъ и составленныя исключительно изъ поляковъ, могли лишь помѣшать Милютину дѣйствовать. Самъ намѣстникъ, стоявшій во главѣ управленія Царствомъ, человѣкъ безпринципный и довольно лукавый, относился къ Милютину ревниво и почти враждебно; въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ находился къ нему и министръ-статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго В. П. Платоновъ. Что же касается главнаго комитета по дѣламъ Царства, то онъ былъ созданъ ad hoc, какъ спеціальный временный департаментъ имперскаго государственнаго совѣта—спеціально для быстрѣйшаго проведенія черезъ него тѣхъ новыхъ законоположеній, которыя вырабатывались подъ руководствомъ Милютина и его друзей въ учредительномъ комитетѣ. Хотя гр. Бергъ предсѣдательствовалъ въ послѣднемъ, но не игралъ въ немъ важной роли: даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему удавалось, вопреки политическимъ видамъ Милютина, оказываться въ большинствѣ противъ какой-либо мѣры, затѣянной Милютинымъ или Черкасскимъ и Соловьевымъ, то по письму или особому мнѣнію этихъ послѣднихъ все дѣло вновь передѣлывалось въ Петербургѣ Милютинымъ и проводилось или черезъ главный комитетъ, или путемъ личнаго доклада государю,—такъ, какъ желательно было Милютину. Такова была сложная механика, при помощи которой Милютинъ ухитрялся, не занимая формально никакого офиціальнаго положенія, диктаторіально управлять дѣломъ коренного преобразованія Царства Польскаго, несмотря на наличность намѣстника въ Варшавѣ и особаго министра-статсъ-секретаря въ Петербургѣ. Само собой разумѣется, что дѣло это совершалось не безъ борьбы и не безъ треній, которыя порядочно раздражали и отражались существеннымъ образомъ на ходѣ дѣла и на видоизмѣненіи самой программы.

Приглашая Соловьева принять участіе въ своей миссіи въ письмѣ отъ 23 марта 1864 г., Милютинъ писалъ ему, что главнымъ камнемъ преткновенія для него является вопросъ объ исполнителяхъ его программы на мѣстѣ. „*Современемъ*, — писалъ онъ, — въ самой Польшѣ можно будетъ найти дѣятельные элементы, чтобы на нихъ опереться, но теперь пока нужны *русскіе дѣятели*, и необходимы они не только вслѣдствіе ненормальнаго положенія края, но и по причинѣ совершеннаго отсутствія организаторскихъ способностей у поляковъ *внѣ ихъ отжившихъ традицій*. Эта способность проснется въ нихъ только тогда, когда связь съ этой традиціей порвется, и явится на сцену новый, невѣдомый въ польской исторіи дѣятель—народъ“. [1])

---

[1]) *Leroy-Beaulieu*, o. c., стр. 282.

Понятно, что для проведенія крестьянской реформы, которая разсматривалась всѣмъ польскимъ обществомъ, какъ демагогическая затѣя и какъ явное покушеніе на права священной шляхетской собственности, нельзя было разсчитывать найти добросовѣстныхъ исполнителей указовъ среди этого самаго общества. Поэтому даже самые строгіе критики Милютина не отрицаютъ, что онъ не могъ поступить въ этомъ случаѣ иначе, какъ пригласить для осуществленія этого дѣла исполнителей изъ Россіи. Сдѣлать это въ тотъ моментъ было особенно удобно, потому что въ Россіи имѣлись дѣятели, подготовившіеся къ этому дѣлу на постахъ мировыхъ посредниковъ внутри имперіи. Въ первую голову были приглашены тѣ изъ нихъ, которые составили себѣ на мѣстахъ извѣстность, какъ убѣжденные защитники крестьянскихъ интересовъ. Они составили кадръ. Въ дополненіе къ нимъ были приглашены болѣе или менѣе образованные офицеры по рекомендаціи военныхъ начальствъ, въ чемъ Милютину могъ оказать существенное содѣйствіе его братъ—военный министръ. Наконецъ, черезъ знакомыхъ профессоровъ и черезъ лицъ, близкихъ къ редакціямъ *Дня* и *Московскихъ Вѣдомостей*, Милютинъ выписывалъ молодыхъ людей, только что кончившихъ университетъ. Собравшимся молодымъ людямъ онъ самъ читалъ лекціи по крестьянскому дѣлу въ Варшавѣ. Въ результатѣ подборъ первыхъ дѣятелей въ Польшѣ—предсѣдателей комиссій и комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ—оказался удачнымъ. [1]) Вслѣдъ за этимъ пришлось пригласить изъ Россіи начальниковъ учебныхъ дирекцій, что было возложено уже на Ѳ. Ѳ. Витте, который былъ назначенъ въ 1865 г. главнымъ директоромъ (министромъ) комиссіи народнаго просвѣщенія. Директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, какъ уже было упомянуто, назначенъ былъ еще въ началѣ 1864 г. кн. В. А. Черкасскій, явившійся главнымъ довѣреннымъ лицомъ Милютина въ Варшавѣ—его *alter ego*. Главнымъ директоромъ финансовъ въ 1865 г. сдѣланъ былъ А. И. Кошелевъ. Дольше другихъ въ польскихъ рукахъ оставался постъ главнаго директора юстиціи, такъ какъ предназначавшійся на это мѣсто В. А. Арцимовичъ не согласился его занять и былъ назначенъ вмѣсто того, по ходатайству Берга, вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта, которому, впрочемъ, въ виду открытія учредительнаго комитета, нечего было дѣлать и который въ 1867 г. былъ упраздненъ.

Соловьевъ, Черкасскій и Кошелевъ не владѣли польскимъ языкомъ и упрямо не хотѣли ему учиться. Оба послѣдніе, вступая въ должность главныхъ директоровъ, произнесли рѣчи своимъ сослуживцамъ по-русски, и Кошелевъ при этомъ прямо объявилъ имъ, что только тотъ изъ нихъ будетъ имѣть успѣхъ по службѣ, который выучится рус-

---

[1]) Срав. въ сборникѣ „В. А. Арцимовичъ“, ст. *Спасовича*, стр. 703.

скому языку, на что онъ далъ имъ срокъ 6 мѣсяцевъ. Любопытно отмѣтить, что Кошелевъ не сочувствовалъ рѣзкимъ мѣрамъ обрусенія, главнымъ проводникомъ которыхъ сдѣлался скоро Черкасскій, но тѣмъ не менѣе и Кошелевъ ревностно проводилъ русскій языкъ въ дѣлопроизводство всѣхъ зависѣвшихъ отъ него учрежденій „мягкими мѣрами", какъ онъ выражался. [1]) Въ учредительномъ комитетѣ вскорѣ открылась глухая борьба между сторонниками Милютина и сторонниками Берга, причемъ на сторонѣ послѣдняго оказались и прибывшіе изъ Россіи Арцимовичъ и Кошелевъ. Обстоятельство это чрезвычайно раздражало Черкасскаго и Соловьева, которые, по мѣрѣ развитія конфликтовъ, все рѣзче и суровѣе направляли свой курсъ въ сторону полной инкорпораціи и руссификаціи Польши и непримиримаго отношенія къ полякамъ-чиновникамъ сначала, а подъ конецъ и къ полякамъ вообще. Милютинъ, жившій въ Петербургѣ, лишь по временамъ наѣзжалъ въ Варшаву, причемъ ему постоянно приходилось поддерживать и отстаивать Черкасскаго и Соловьева и парировать „интриги" Берга противъ него самого и его предпріятій, значенія которыхъ старый фельдмаршалъ и не понималъ и въ которыхъ усматривалъ обыкновенно лишь подрывъ своей власти. Въ концѣ-концовъ это весьма раздражало и самого Милютина, мало-по-малу втягивавшагося въ борбу, начатую на мѣстѣ съ польскими учрежденіями и съ „полонизмомъ" въ самой Польшѣ.

Къ крестьянской и учебной реформѣ вскорѣ присоединилась духовная, направленная противъ чрезвычайнаго вліянія католическаго духовенства и входившая въ первоначальный планъ преобразованій, выработанный при участіи Самарина. Реформа эта такъ же, какъ крестьянская и учебная, проведенная диктаторіально, сама по себѣ также не имѣла ничего общаго ни съ инкорпораціей, ни съ руссификаціей Польши, несмотря на весь свой радикализмъ; но она, конечно, затрогивала сильнѣйшимъ образомъ интересы католическаго духовенства и вносила въ строй польскаго общества совершенно новую струю. Она состояла въ закрытіи большей части монастырей (мужскихъ и женскихъ), въ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и въ переводѣ всего духовенства на жалованіе отъ правительства. Независимо отъ нея духовенство это подвергнуто было и лично со стороны военно-административныхъ властей ряду тяжелыхъ преслѣдованій за свою прикосновенность къ мятежу: большая часть епископовъ и прелатовъ находилась въ это время въ ссылкѣ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Все это придавало правительственнымъ мѣрамъ характеръ похода противъ католичества

[1]) Срав. „Записки А. И. Кошелева", Берлинъ, 1884 г., стр. 142—184, особенно стр. 180—181, а также въ приложеніяхъ особая записка о дѣлахъ Царства Польскаго, представленная Кошелевымъ Александру II, стр. 213—232.

въ Польшѣ, сопровождалось нелѣпыми, но вполнѣ естественными слухами о намѣреніи уничтожить католическое вѣроисповѣданіе въ Польшѣ, повлекло за собой энергическія выступленія противъ Россіи папы Пія IX и завершилось разрывомъ конкордата съ Ватиканомъ по настоянію Милютина (въ 1866 г.). Замѣчательно, однако, что крестьяне, при всей своей набожности, очень сочувственно относились къ отмѣнѣ сборовъ въ пользу духовенства по распоряженію русской власти; но это тѣмъ болѣе подливало масла въ огонь. Много содѣйствовалъ обостренію отношеній личный характеръ Черкасскаго, который былъ человѣкъ страстный и безпощадный и, по свидѣтельству многихъ, любилъ дразнить, [1]) а ему, какъ главному директору внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, подчинено было все католическое духовенство.

Въ сущности по первоначальному плану эти три внутреннія реформы достигали той цѣли, которая выставлена была главными идеологами славянофильской партіи и принята правительствомъ въ 1864 г. Въ Польшѣ, такимъ образомъ, вызвано было къ новой жизни крестьянство, положеніе котораго было радикально улучшено и которому были открыты пути къ свободному развитію и процвѣтанію; польское общество, по крайней мѣрѣ, его новыя поколѣнія были вырваны реформами учебною и духовною изъ рукъ клерикализма. Реформы эти были проведены достаточно радикально. Имъ рукоплескали представители свободной демократической мысли на Западѣ съ Прудономъ во главѣ. Если бы русское правительство удержалось на этомъ, это создало бы наилучшія условія для дальнѣйшаго развитія народной демократической Польши и подготовило бы условія для дѣйствительнаго и раціональнаго улаженія русско-польскихъ отношеній въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что и въ западномъ краѣ были приняты мѣры, которыя, согласно идеямъ Самарина и Гильфердинга, подкосили въ немъ въ корень всѣ данныя для дальнѣйшихъ успѣховъ „полонизма". Крестьяне и тамъ были радикальнымъ образомъ не только освобождены, но и ограждены отъ всякой власти и возможныхъ притязаній помѣщиковъ; польскій элементъ сколько-нибудь агрессивнаго, а подчасъ и вовсе не агрессивнаго характера, былъ безпощадно искореняемъ драконовскими мѣрами Муравьева и поставленъ рядомъ законодательныхъ стѣсненій и въ будущемъ въ самое жалкое положеніе. Казалось бы, при этихъ условіяхъ ничто не мѣшало въ дальнѣйшемъ предоставить преобразованной столь рѣшительными мѣропріятіями Польшѣ развиваться спокойно по тому демократическому пути, который открытъ былъ для нея этими преобразованіями.

---

[1]) Срав. „Записки А. П. Кошелева", указ. мѣста, и ст. В. Д. Спасовича объ Арцимовичѣ.

Само польское общество послѣ суровыхъ уроковъ 1863 года проявляло въ это время признаки полнаго отрезвленія не только отъ всякихъ опасныхъ мечтаній, но даже и отъ желанія какой бы то ни было политической дѣятельности. Это было время, когда польскій народъ, по выраженію одного изъ нынѣшнихъ публицистовъ, „совершенно утратилъ вѣру въ себя", когда онъ „не только призналъ свои физическія силы недостаточными, чтобы начать когда-либо вновь народную борьбу, но усомнился въ своемъ политическомъ разумѣ, въ своей способности къ самостоятельной активной политикѣ, а тѣмъ болѣе къ отдѣльному государственному бытію". [1]) Это было время появленія въ Галиціи извѣстной „Teki stanczików", [2]) время возникновенія такъ называемой теоріи „органическаго труда" (pracy organicznej), призывавшей польское общество и въ особенности молодежь выкинуть изъ головы всякія политическія мечтанія и фантазіи и углубиться всецѣло въ культурную работу и промышленную дѣятельность. Старое поколѣніе было тогда совершенно разгромлено, а молодое пошло за новыми лозунгами. „Послѣ 1864 г. въ жизни польскаго общества наступила пора внутренней работы въ условіяхъ, во многомъ измѣнившихся. Эти новыя условія и сосредоточеніе народной энергіи вовнутрь стали источникомъ глубокаго переворота въ самомъ строѣ общества и его характерѣ. Главные моменты этого преобразованія—перемѣщеніе центра тяжести народной жизни въ широкіе слои народа, включая сюда и пассивное прежде простонародье, подъемъ экономической энергіи населенія, ростъ просвѣщенія массъ, демократизація общества и развитіе національнаго сознанія въ сельскомъ сословіи". Такъ характеризовалъ недавно это время лидеръ партіи „народовыхъ демократовъ" г. Р. Дмовскій. [3]) Начинался какъ разъ тотъ самый поворотъ, вызвать который и являлось главной задачей первоначальнаго плана Самарина и Милютина. Но этого поворота русскіе дѣятели въ Польшѣ еще не замѣчали; напротивъ, натыкаясь въ своей дѣятельности на постоянное пассивное сопротивленіе, на различнаго рода препятствія, которыя частью исходили даже вовсе и не отъ поляковъ, а частью вызывались рѣзкостью самыхъ пріемовъ дѣятельности самихъ реформаторовъ, дѣятели эти озлоблялись и раздражались, впадали въ нетерпѣніе и вырабатывали въ себѣ убѣжденіе, что полякамъ и въ частности польскимъ чиновникамъ ни въ

---

[1]) *Романъ Дмовскій:* „Германія, Россія и польскій вопросъ", стр. 1. Срав. также *А. Л. Погодина*: „Главныя теченія польской политической мысли (1863—1904 гг.)". Спб., 1907 г. Въ этой книгѣ много интересныхъ данныхъ для характеристики тогдашняго настроенія польскаго общества.

[2]) Срав. *W. Feldmann*: „Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi 1846—1906". T. I. Kraków, 1907.

[3]) „Германія, Россія и польскій вопросъ". Спб., 1909 г., стр. 14.

чемъ и ни подъ какимъ видомъ нельзя довѣрять, а съ ихъ словъ это же убѣжденіе мало-по-малу начинало проникать и въ сознаніе руководителей русской печати, настроеніе которой вообще тогда значительно сдвинулось въ сторону реакціи. Катковъ въ это время окончательно занимаетъ свою поляконенавистническую позицію, а Аксаковъ, незамѣтно для самого себя, отъ теоріи независимой Польши переходитъ къ теоріи борьбы съ полонизмомъ въ самой Польшѣ. [1])

Въ числѣ преобразованій, задуманныхъ Милютинымъ въ 1864 г., но не имѣвшихъ уже столь важнаго политическаго значенія, была реформа финансовой системы Царства Польскаго, связанная отчасти съ ликвидаціонной операціей по выкупу крестьянскихъ земель, но коснувшаяся впослѣдствіи и косвенныхъ налоговъ, а также имѣвшая самостоятельную важность судебная реформа.

Первая была разработана Кошелевымъ, который пробылъ въ Польшѣ до начала 1866 г., а затѣмъ вышелъ въ отставку, утомленный постоянными пререканіями съ Черкасскимъ и Соловьевымъ, съ которыми онъ далеко не во всемъ соглашался. [2])

Судебная реформа должна была быть разработана и проведена подъ руководствомъ Арцимовича, но послѣдній оказался въ еще болѣе рѣзкой оппозиціи съ Черкасскимъ и Соловьевымъ, а затѣмъ и съ Милютинымъ. Между нимъ и Милютинымъ, когда-то работавшими въ Россіи плечо къ плечу, здѣсь оказалась такая глубокая разница во взглядахъ, что Арцимовичъ не могъ довести своего дѣла до конца и удалился въ срединѣ 1865 г. Въ этомъ случаѣ разница во взглядахъ, дѣйствительно, была коренная. Арцимовичъ по характеру и по міровоззрѣнію своему стоялъ исключительно на точкѣ зрѣнія отвлеченной справедливости и никакъ не могъ стать на точку зрѣнія политическую. По своимъ взглядамъ онъ сочувствовалъ проведенной въ Польшѣ крестьянской реформѣ вообще, но въ отдѣльныхъ случаяхъ готовъ былъ защищать интересы помѣщиковъ, когда съ формальной точки зрѣнія право, какъ ему казалось, было на ихъ сторонѣ. Кромѣ того, будучи самъ полякомъ по происхожденію, онъ еще менѣе, нежели Кошелевъ, могъ спокойно выносить то огульное осужденіе и недовѣріе къ полякамъ вообще, которое проявляли часто въ чрезвычайно рѣзкой формѣ Черкасскій и Соловьевъ. Въ концѣ-концовъ судебная реформа была отложена и введена лишь въ 1876 г.

Съ 1865 г. учредительный комитетъ по иниціативѣ Черкасскаго и

---

[1]) Перемѣна взглядовъ Аксакова замѣтна уже въ концѣ 1864 г.; вполнѣ опредѣленно она сказывается въ статьяхъ его 1866—67 гг. въ „Москвѣ“ и достигаетъ своего апогея въ „Руси“ (1880—1885 гг.).

[2]) „Записки А. И. Кошелева“, стр. 180.

Соловьева, поддержанной и Милютинымъ, сталъ мало-по-малу на точку зрѣнія необходимости полной и послѣдовательной инкорпораціи Царства.

Впрочемъ, осуществленіе этихъ плановъ выпало уже на долю лицъ, замѣстившихъ Н. А. Милютина и кн. В. А. Черкасскаго. Первый изъ нихъ сошелъ со сцены въ декабрѣ 1866 года, пораженный апоплектическимъ ударомъ; второй вышелъ послѣ того въ отставку. Но мѣры, подготовленныя ими, были осуществлены тотчасъ же вслѣдъ за ихъ уходомъ. Въ декабрѣ 1866 года проведена была губернская реформа съ раздѣленіемъ Царства Польскаго, вмѣсто прежнихъ пяти, на 10 губерній и 84 уѣзда, причемъ въ нихъ были образованы всѣ мѣстныя учрежденія по типу имперскихъ. 10 марта 1867 г. былъ упраздненъ государственный совѣтъ Царства. 28 марта послѣдовалъ именной указъ, которымъ упразднялись административный совѣтъ, правительственныя комиссіи и др. центральныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ съ подчиненіемъ мѣстныхъ по каждому вѣдомству управленій подлежащимъ министерствамъ.

Комиссія народнаго просвѣщенія опять, какъ при Николаѣ, замѣнена была особымъ учебнымъ округомъ съ попечителемъ во главѣ, подчиненнымъ русскому министерству народнаго просвѣщенія. Попечителемъ назначенъ былъ прежній директоръ комиссіи, сенаторъ Ѳ. Ѳ. Витте. При немъ уже и раньше начались значительныя измѣненія устава 1864 г. въ сторону руссификаціи школъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ связанъ съ введеннымъ еще въ уставъ 1864 г. вышеупомянутымъ правиломъ, по которому правительство брало на себя заботу о томъ, чтобы въ Царствѣ Польскомъ жители не-польскаго происхожденія имѣли по возможности свою школу, въ которой преподаваніе было бы на языкѣ тѣхъ національностей, которыя въ данномъ мѣстѣ составляли большинство населенія. Въ тѣхъ же видахъ уже въ 1864 г. въ Варшавѣ наряду съ польскими гимназіями учреждены были 1 русская и 1 нѣмецкая. Затѣмъ, въ цѣляхъ лучшаго усвоенія русскаго языка, преподаваніе котораго признавалось неудовлетворительнымъ, еще при Милютинѣ (5 янв. 1866 г.) проведено было распоряженіе преподавать во всѣхъ гимназіяхъ по-русски: русскій языкъ, исторію и географію Россіи. Въ 1867 г. требованіе о томъ, чтобы въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ были открываемы школы съ преподаваніемъ на языкахъ различныхъ національностей замѣняется распоряженіемъ во всѣхъ такихъ мѣстностяхъ ввести во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе *всѣхъ* предметовъ на русскомъ языкѣ. Благодаря этому распоряженію изъ общаго числа 55 среднихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1868 г., въ 20 преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Въ 1868 же году сдѣлано было распоряженіе, чтобы и въ остальныхъ среднихъ школахъ, кромѣ русскаго языка, исторіи и

географіи Россіи, преподавались по-русски также всѣ физико-математическіе и историческіе предметы. По-польски преподавались лишь латинскій и польскій языки и законъ Божій. Въ маѣ 1870 г. и эти предметы приказано было преподавать по-русски. Въ 1872 г. на польскія губерніи былъ распространенъ новый русскій уставъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вводившій знаменитую классическую систему Толстого.

Въ 1869 г. главная школа преобразована была въ варшавскій университетъ, причемъ чтеніе лекцій въ немъ должно было впредь производиться по-русски. Попечитель Витте былъ въ сущности довольно безпринципный чиновникъ, [1]) творившій въ этомъ случаѣ волю министра народнаго просвѣщенія, которымъ былъ въ это время гр. Дм. Андр. Толстой.

Толстой, будучи въ то же время и оберъ-прокуроромъ синода, энергично проводилъ и другую реформу въ Польшѣ, начатую также не безъ участія Черкасскаго,—возсоединеніе уніатовъ Холмскаго края. Уніатское духовенство въ Холмскомъ краѣ все было совершенно ополячено. Уніатскіе священники, совершая службу по обряду, близкому къ католическому, проповѣди произносили по-польски. Поэтому еще при Черкасскомъ сдѣланы были попытки приглашенія въ Холмскій край уніатскихъ священниковъ изъ Галиціи, которые могли бы произносить проповѣди по-украински. Вмѣстѣ съ тѣмъ молодые люди, готовившіеся въ священники, были отправляемы, по распоряженію правительства, въ кіевскую и московскую академіи для прослушанія тамъ курса богословія до своего посвященія. Затѣмъ, въ 1868 г. назначенъ былъ уніатскимъ епископомъ священникъ Куземскій, который шелъ на различные компромиссы съ русской властью и пытался вводить исподволь нѣкоторые обряды, сближавшіе уніатскую службу съ православной; хлопоталъ о возвращеніи въ уніатство перешедшихъ изъ уніи въ католичество; но всѣ его старанія не удовлетворили правительства, и въ 1871 г. Куземскій былъ, по его просьбѣ, уволенъ въ отставку. Управлять уніатской епархіей призванъ былъ священникъ Попель, пошедшій болѣе рѣшительно на встрѣчу правительственнымъ требованіямъ. Подъ его вліяніемъ многіе уніатскіе священники стали переходить къ обрядамъ православной церкви, а народъ во многихъ приходахъ сталъ волноваться и „вывозилъ“ изъ приходовъ черезчуръ рѣзко мѣнявшихъ обрядъ священниковъ, послѣ чего слѣдовали—въ особенности въ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ дѣйствовалъ губернаторъ Громека—репрессіи при помощи воинскихъ постоевъ и т. п. Наконецъ въ серединѣ 1873 г. въ Петербургѣ рѣшено

---

[1]) О немъ Кошелевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ анекдотъ, что онъ однажды на офиціальномъ обѣдѣ, будучи самъ лютераниномъ, послѣ тоста за здравіе государя императора, провозгласилъ тостъ „за здравіе православія“.

было покончить съ уніей совершенно. Рѣшеніе это замедлилось лишь смертью Берга (въ январѣ 1874 г.). Но съ 1875 г. стали отбирать отъ прихожанъ уніатскихъ приходовъ подписи о желаніи ихъ возсоединиться съ православіемъ, и къ лѣту этого года всѣ приходы признаны были „добровольно возсоединившимися", послѣ чего началось дѣятельное преслѣдованіе „упорствующихъ" и „отпадающихъ" въ католичество, число которыхъ до 90-хъ гг. достигало 80,000. Насильственное обращеніе уніатовъ и преслѣдованіе упорствующихъ составляетъ несомнѣнно одну изъ самыхъ позорныхъ сторонъ русской политики въ Польшѣ послѣ 1864 года.

Еще въ 1868 г. русскій языкъ объявленъ былъ офиціальнымъ языкомъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго. Въ 1876 г., наконецъ, введена была въ польскихъ губерніяхъ судебная реформа, которая состояла въ распространеніи на этотъ край судебныхъ уставовъ императора Александра II, но съ весьма существенными изъятіями: новые суды введены были безъ участія присяжныхъ засѣдателей, а мировые судьи (исключительно въ городахъ) по назначенію отъ правительства. Судопроизводство и судоговореніе должны были совершаться на русскомъ языкѣ. Одновременно реформированъ былъ и гминный судъ, причемъ вмѣсто прежнихъ судовъ, созданныхъ 19 февраля 1864 г. по типу русскихъ волостныхъ судовъ, образованы были суды въ составѣ выборнаго гминнаго судьи съ нѣкоторымъ образовательнымъ цензомъ и лавниковъ, представляющихъ собою участіе народнаго элемента (вродѣ германскихъ шеффеновъ). Апелляціонной инстанціей сдѣланъ былъ съѣздъ мировыхъ и гминныхъ судей.

Съ введеніемъ судебныхъ уставовъ упразднены были варшавскіе департаменты сената, причемъ варшавскій судебный округъ подчиненъ былъ на общемъ основаніи министру юстиціи, а кассаціонной инстанціей по отношенію къ варшавской судебной палатѣ явились кассаціонные департаменты имперскаго сената.

Въ 1871 г. закрытъ былъ учредительный комитетъ, въ 1874 г. уничтожено званіе намѣстника, въ 1876 г. упразднена была собственная Его Величества канцелярія по дѣламъ Царства Польскаго (прежній статсъ-секретаріатъ), а въ 1881 г. закрытъ былъ и главный комитетъ. Съ этимъ вмѣстѣ стерлись послѣдніе слѣды былой административной автономіи Польши, и самое названіе Царства Польскаго исчезло изъ офиціальныхъ актовъ, замѣненное вновь изобрѣтеннымъ названіемъ Привислянскаго края.

Въ 1880 г., послѣ выхода въ отставку перваго варшавскаго генералъ-губернатора гр. Коцебу, генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ генералъ Альбединскій—человѣкъ свѣтскій, дружившій съ польской аристократіей и пытавшійся проводить политику примиренія съ польскимъ

обществомъ. Въ короткое время своего управленія, совпавшаго съ такъ называемой „эпохой диктатуры сердца“ въ Россіи, быстро смѣнившейся реакціей, наступившей послѣ смерти Александра II, Альбединскій не успѣлъ провести въ сущности ничего важнаго. Онъ успѣлъ лишь выхлопотать Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи числа часовъ польскаго языка въ гимназіяхъ, „уравнявшее“ въ этомъ отношеніи польскій языкъ, по ироническому замѣчанію одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, съ другими иностранными языками (т.-е. французскимъ и нѣмецкимъ), [1]) а также дозволеніе открыть въ варшавскомъ университетѣ каѳедру исторіи польской литературы, впрочемъ, въ связи съ другими славянскими литературами. Но и на этомъ пути Альбединскій встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны попечителя учебнаго округа Апухтина, занявшаго свой постъ еще въ 1879 г., послѣ смерти Витте, и явившагося убѣжденнымъ и упорнымъ сторонникомъ обрусенія Польши и принципіальнымъ ненавистникомъ всего польскаго. Послѣ отставки гр. Толстого (въ 1880 г.), при либеральныхъ министрахъ народнаго просвѣщенія Сабуровѣ и бар. Николаи и при стремившемся къ примиренію съ польскимъ обществомъ Альбединскомъ, Апухтину не легко было проводить свои взгляды, и онъ, несомнѣнно, чувствовалъ себя въ эти годы не совсѣмъ твердо. Но съ 1882 г., когда постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ Деляновъ, и въ особенности съ 1883 г., когда умеръ Альбединскій, которому поляки устроили демонстративныя похороны, положеніе Апухтина совершенно окрѣпло, тѣмъ болѣе, что между нимъ и назначеннымъ вмѣсто Альбединскаго генералъ-губернаторомъ Гурко въ первые годы правленія послѣдняго установились хорошія отношенія. Время это, совпавшее съ усиленіемъ реакціи въ Россіи, было безспорно самымъ тяжелымъ временемъ для поляковъ Царства Польскаго. Гурко не былъ такимъ ненавистникомъ поляковъ, какимъ былъ Апухтинъ, онъ не имѣлъ въ виду во что бы то ни стало отравить имъ существованіе, и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ даже явно разошелся съ Апухтинымъ, не одобряя крайностей той поляконенавистнической системы, которую проводилъ этотъ послѣдній. Но Гурко былъ типичный военный генералъ, получившій свое воспитаніе еще въ николаевскія времена (онъ вышелъ въ офицеры въ 1846 г.), притомъ назначенный на свой постъ въ Варшаву въ такой моментъ, когда тамъ „русское дѣло“, по мнѣнію большей части русскихъ военныхъ и высшихъ чиновниковъ, заколебалось, благодаря „попустительствамъ“ Альбединскаго. Поэтому Гурко смотрѣлъ съ самаго начала на свое назначеніе, какъ на боевую миссію, являвшуюся въ его глазахъ продолженіемъ дѣла, начатаго Милютинымъ

---

[1]) *Sz. Askenazy*: „Sto lat zarządu w królestwie polskiem (1800—1900)“. Lwów, 1903, стр. 86.

и Черкасскимъ, память которыхъ онъ искренно чтилъ, игнорируя, конечно, тѣ исходные пункты милютинской политики, отъ которыхъ и самъ Милютинъ отошелъ, какъ мы видѣли, довольно далеко въ концѣ своей дѣятельности. Обрусительная политика достигла при Гуркѣ своего апогея: не только высшіе, но и мелкіе чиновники въ правительственныхъ учрежденіяхъ и даже на желѣзныхъ дорогахъ замѣнены были русскими, русскій языкъ былъ введенъ въ дѣлопроизводство даже частныхъ общественныхъ учрежденій, всѣ набиравшіеся въ Польшѣ новобранцы отсылались на службу въ отдаленныя восточныя или кавказскія губерніи; уничтожены были послѣдніе слѣды обособленности польскаго края: упраздненъ былъ польскій банкъ, превращенный въ контору русскаго государственнаго банка, изъята изъ обращенія мелкая размѣнная монета польскаго чекана, вывѣски на магазинахъ и различныя объявленія, публично вывѣшиваемыя, приказано было непремѣнно переводить на русскій языкъ; въ казенныхъ школахъ воспитанникамъ запрещалось говорить между собой по-польски, даже въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ введено было преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ; наконецъ, приказано было и въ сельскихъ школахъ обучать дѣтей по-русски даже католическому закону Божьему, вслѣдствіе чего ксендзы отказывались отъ преподаванія. На этомъ пунктѣ и произошелъ, наконецъ, конфликтъ между Апухтинымъ и Гурко, который призналъ эту мѣру неразумной и по поводу ея представилъ петербургскому правительству особую записку съ критикой апухтинской системы. Конфликтъ этотъ не повелъ однако за собой отставки Апухтина, который пересидѣлъ и Гурко и назначеннаго послѣ него гр. Шувалова (1894—1896 гг.), друга императора Вильгельма, бывшаго берлинскаго посла, управленіе котораго, впрочемъ, ничѣмъ существеннымъ не ознаменовалось. Лишь съ назначеніемъ въ 1897 г. на постъ генералъ-губернатора кн. Имеретинскаго, потребовавшаго прежде всего увольненія Апухтина, въ курсѣ русской политики въ Польшѣ стала замѣчаться нѣкоторая перемѣна.

Правительственныя мѣры, направленныя къ тѣсному сліянію польскихъ губерній съ имперіей и къ обрусенію населенія Польши, разумѣется, оказались столь же безрезультатными, какъ и тѣ, которыя приняты были при Николаѣ, и Милютинъ, если бы онъ дожилъ до конца XIX вѣка, могъ бы столь же основательно сказать, какъ онъ это сказалъ въ своей запискѣ 1864 г., что намъ не удалось обрусить ни одного поляка, раздражили же мы поляковъ этими мѣрами въ высочайшей степени. Мѣры эти не только не имѣли внутренней логической связи съ тѣми глубокими преобразованіями, которыя внесены были во внутренній строй и развитіе польскаго народа и общества осуществленіемъ первоначальнаго плана Милютина, но онѣ во многомъ затруднили развитіе тѣхъ послѣдствій, которыя должны были получиться отъ точнаго

осуществленія этого плана. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно той варварской школьной политики, начало которой положено было прежде всего измѣненіемъ взглядовъ въ этой сферѣ самого Милютина, и въ особенности его главнаго сотрудника въ Варшавѣ кн. Черкасскаго, руководительство которой попало затѣмъ въ руки гр. Д. А. Толстого и его агентовъ и которая была наконецъ доведена до абсурда Апухтинымъ. Правильно задуманное въ 1864 г. широкое распространеніе въ польскомъ обществѣ научныхъ началъ мышленія, при помощи хорошо поставленной системы народнаго просвѣщенія, было затѣмъ совершенно исковеркано послѣ того, какъ въ школьное дѣло внесена была, вопреки программѣ 1864 г., самая энергичная и озлобленная политика и руссификаціонная система, сопровождавшаяся уродливымъ толстовскимъ классицизмомъ. Чтобы судить объ упадкѣ учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, достаточно сказать, что тогда какъ въ 1866 г. варшавская главная школа насчитывала 1302 слушателя, въ 1872 г., когда она была превращена въ русскій университетъ, въ немъ осталось всего 445 студентовъ. Молодежь предпочитала уѣзжать въ заграничные университеты (особенно въ львовскій) или даже въ русскіе (въ кіевскій, московскій и петербургскій, одесскій, харьковскій и даже казанскій), но не всѣмъ это было доступно. Едва ли нужно доказывать, что преобразованіе университета сопровождалось значительнымъ паденіемъ уровня университетскаго преподаванія, такъ какъ польскіе ученые изъ него ушли, а изъ русскихъ ученыхъ назначаемы были по большей части далеко не первоклассные.

Еще въ большей степени отразилась апухтинская система на развитіи начальной школы. Въ первое время послѣ осуществленія крестьянской реформы и введенія школьнаго указа 30 августа 1864 г. число начальныхъ школъ стало быстро расти, чему способствовали: 1) возможность облагать въ пользу школъ не однѣ крестьянскія, а *всѣ* земли гмины (благодаря ея всесословности), и 2) тѣ казенныя вспомоществованія деньгами и строительными матеріалами, которыя щедро отпускались на это дѣло. Благодаря этимъ обстоятельствамъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ дѣятельности учредительнаго комитета въ Царствѣ польскомъ число школъ, почти не увеличивавшееся со времени эдукаціонной комиссіи, сразу возросло съ 1,123 до 1,800. Но затѣмъ, когда пошла въ ходъ руссификаторская система, ростъ этотъ сразу прекратился: естественно, что гминные сходы не желали давать приговоровъ на открытіе школъ, въ которыхъ дѣти крестьянъ не могли учиться на родномъ языкѣ и изъ которыхъ благодаря этому исключался законъ Божій. Послѣднее обстоятельство давало въ руки ксендзовъ хорошее орудіе для возстановленія крестьянъ противъ русской школы, а вмѣстѣ и для упроченія своего вліянія на нихъ. Ясно, какъ должна была за-

медлять эта система созданіе въ Польшѣ сознательнаго и самостоятельнаго крестьянскаго сословія.

Весьма убѣдительную критику этой системы представилъ въ 1897 г. въ своемъ извѣстномъ отчетѣ новый варшавскій генералъ-губернаторъ кн. Имеретинскій. Въ отчетѣ этомъ князь Имеретинскій указывалъ на банкротство во многихъ отношеніяхъ примѣняемой въ Польшѣ системы и прежде всего на то, что крестьянство, на которое объединители Польши съ Россіей всегда указывали, какъ на незыблемую опору для русской власти, едва ли можетъ быть разсматриваемо, какъ таковая, послѣ всѣхъ тѣхъ измѣненій въ политикѣ Милютина, которыя послѣдовали съ 1865 года.

Но какъ ни важны были затрудненія, созданныя обрусительной политикой въ Польшѣ для достиженія тѣхъ послѣдствій, которыхъ Милютинъ справедливо ожидалъ отъ своей системы въ 1864 г., все же послѣдствія эти въ значительной мѣрѣ наступили, хотя многія изъ нихъ и оказались въ достаточной мѣрѣ искаженными. Дѣйствіе основныхъ реформъ Милютина, положившихъ начало полной демократизаціи Польши, было слишкомъ значительно, чтобы его могли устранить даже и тѣ неразумныя мѣры, которыми отравлялся нормальный ходъ дѣлъ въ Польшѣ въ послѣдующія десятилѣтія. Къ тому же внутри самого польскаго общества, отчасти подъ вліяніемъ крестьянской реформы, а въ значительной мѣрѣ и независимо отъ нея, сложился рядъ условій, содѣйствовавшихъ демократизаціи общества и способныхъ подорвать тѣ клерикальныя и романтическія традиціи, которыми жили прежнія поколѣнія. Главную роль здѣсь сыграло то мощное промышленное развитіе страны, которое началось еще во времена конституціоннаго Царства Польскаго и которое затѣмъ чрезвычайно усилилось, благодаря окончательному уничтоженію таможенной черты на русской границѣ въ 1851 г. Послѣ 1863 г. явились новые факторы, способствовавшіе продолженію этого развитія—такіе, какъ крестьянская реформа, улучшившая условія внутренняго рынка, и постройка ряда желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и Польшѣ, которыя способствовали могущественнымъ образомъ расширенію внѣшняго рынка на востокѣ, создавшаго для польской промышленности небывалые горизонты. Совпаденіе этихъ новыхъ торгово-промышленныхъ конъюнктуръ съ моментомъ полнаго крушенія прежнихъ романтическихъ грезъ, которыми жило польское общество до возстанія 1863 г., обусловило возникновеніе въ его средѣ новаго идеологическаго теченія, о которомъ мы уже упоминали, выступившаго подъ знаменемъ „органическаго труда“. Это новое теченіе являлось столь же рѣшительнымъ врагомъ и романтики и клерикализма, какъ тѣ представители русской государственной власти, которые собирались образовать новую демократическую Польшу при помощи крестьянской реформы,

раціональнаго просвѣщенія и цѣлой системы мѣръ, направленныхъ противъ клерикализма. Самый талантливый и сильный вождь этого направленія, Александръ Свентоховскій, такъ характеризовалъ перемѣну, происшедшую въ польскомъ обществѣ послѣ возстанія и разгрома 1863 г.: „Если правда, что человѣкъ можетъ посѣдѣть въ одну страшную минуту, то нашъ народъ посѣдѣлъ 17 лѣтъ тому назадъ",—Свентоховскій писалъ это въ 1881 г.—„съ этой минуты,—говоритъ онъ,—мы измѣнились до неузнаваемости"... [1])

„Очевидно,—писалъ въ 1868 г. другой ранній представитель этого направленія, Янъ Гемпель,—что наше общество призвано жить на совершенно новыхъ основахъ. Старыя стѣны его обратились въ развалины, и, каковы бы ни были мнѣнія различныхъ мыслителей объ этомъ разрушеніи, всѣ мы обязаны смѣло и трезво смотрѣть на это разрушеніе и приняться общими усиліями за постройку новаго зданія общественной жизни" [2]). Движеніе это, сдѣлавшееся въ семидесятыхъ годахъ главнымъ руководителемъ молодого поколѣнія въ Польшѣ, извѣстно въ новѣйшей исторіи польскаго общества подъ названіемъ „польскаго позивитизма". Ближе всего оно соотвѣтствуетъ тому направленію русскаго критическаго реализма, главнымъ представителемъ котораго въ 60-хъ годахъ являлся Писаревъ. Главный пророкъ польскаго позитивизма Александръ Свентоховскій своими первыми выступленіями, какъ уже было замѣчено въ литературѣ, сильно напоминаетъ своего русскаго собрата. Разница между ними та, что Писаревъ умеръ очень рано и наслѣдниками его идей явились люди другого направленія—отцы будущаго народничества, включившіе его формулу борьбы за освобожденіе личности въ другую болѣе широкую формулу, вторая часть которой вела къ борьбѣ за воплощеніе справедливости въ общественныхъ формахъ. Г. Свентоховскій дожилъ до нашихъ дней и успѣлъ въ свое время самъ развить свое реалистическое міровоззрѣніе до конца и вывести изъ него опредѣленную формулу практической политики, которая направляла польскую молодежь и къ „работѣ у основъ", заключавшую въ себѣ зародышъ польскаго народничества, и къ широкой культурной технической и промышленной дѣятельности, осмѣивая при этомъ старые шляхетскіе предразсудки и стараясь освободить умы отъ клерикальныхъ вліяній. Въ концѣ-концовъ, это была горячая и сильная проповѣдь *буржуазнаго демократизма,* которая приходилась какъ разъ кстати для общества, потерявшаго всякую политическую самостоятельность и въ то же время имѣвшаго передъ собой всѣ данныя для сильнаго развитія промышленной дѣятельности и даже для обширныхъ промышлен-

---

[1]) *Prawda* за 1881 г., № 1.

[2]) „Stanowiska pracy w rozwoju spolecznym". W., 1861 г. Цитирую по книгѣ проф. *А. Л. Погодина* „Главныя теченія польской политической мысли", стр. 105.

ныхъ завоеваній. Этимъ путемъ польское общество и направилось, достигая на немъ громадныхъ успѣховъ, несмотря на весь политическій гнетъ, который ему приходилось испытывать.

Лишь въ 80-хъ гг., когда развившаяся фабрично-заводская промышленность подготовила въ Польшѣ условія для возникновенія рабочаго движенія и соціализма, въ рядахъ новой польской интеллигенціи началось внутреннее разложеніе и борьба, въ которой представителямъ теоріи „органическаго труда“ приходилось уже занимать охранительныя позиціи.

Впрочемъ, первыя формаціи польскаго соціализма, въ значительной мѣрѣ связанныя съ русскимъ соціально-революціоннымъ движеніемъ, были совершенно чужды всякихъ націоналистическихъ стремленій и чувствъ, онѣ направлялись на борьбу съ соціальнымъ гнетомъ капитализма и если становились во враждебное отношеніе къ правительству, то не потому, что оно было русское, а потому, что оно поддерживало существующій соціальный строй.

Такимъ образомъ едва ли можно отрицать, что къ началу 80-хъ гг. въ той новой Польшѣ, которая сложилась къ тому времени подъ вліяніемъ всѣхъ вышеуказанныхъ факторовъ, въ сущности разорваны были почти всѣ связи съ традиціями прежней Польши, жившей романтическими грезами. Если бы въ этотъ моментъ русское правительство вернулось къ основной программѣ, выставленной славянофилами и Милютинымъ въ 1863 г., и признало бы своевременнымъ отказаться отъ того диктаторіальнаго пути, которымъ оно до сихъ поръ осуществляло въ Польшѣ свои преобразованія, а вмѣсто того предоставило бы этой обновленной для новой жизни странѣ развиваться далѣе самостоятельно по пути того демократическаго развитія, сойти съ котораго она уже очевидно не могла, то, можетъ быть, польскій вопросъ къ нашему времени, по крайней мѣрѣ, въ Царствѣ Польскомъ, былъ бы уже благополучно разрѣшенъ.

Наступившій вмѣсто того періодъ крайняго угнетенія польской національности при Апухтинѣ и Гурко естественно вызвалъ въ польскомъ обществѣ соотвѣтственную реакцію. Угроза денаціонализаціи, осуществляемая притомъ въ грубыхъ и возмутительныхъ формахъ, не могла не вызвать въ полякахъ стремленія къ защитѣ своихъ національныхъ правъ. Теченіе это выразилось въ возникновеніи особой національно-демократической партіи, которая рѣзко протестовала и противъ аполитизма, привитаго польскому обществу направленіемъ польскаго позитивизма (теоріи „органическаго труда“), и противъ того космополитизма или интернаціонализма, который присущъ былъ первымъ соціалистическимъ организаціямъ въ Польшѣ.

Піонерами новаго націоналистическаго движенія выступили въ серс-

дипѣ 80-хъ гг. нѣкоторые изъ старыхъ польскихъ эмигрантовъ за границей и небольшіе кружки студенческой молодежи, образовавшіеся на организаціи „активной защиты“ противъ обрусительныхъ мѣръ Апухтина. Въ столѣтнюю годовщину конституціи 3 мая 1791 г. имъ удалось уже организовать большую уличную демонстрацію на улицахъ Варшавы. Въ нѣсколькихъ брошюрахъ, изданныхъ въ 1892—1894 гг., общество приглашалось къ организаціи систематической борьбы съ правительствомъ, стремящимся къ денаціонализаціи поляковъ. „Правительству завоевателей, опирающемуся на жандармовъ и штыки, мы противопоставляемъ,—сказано было въ одной изъ этихъ брошюръ,—внутреннее народное правительство, опирающееся на моральную силу!“

Впрочемъ, движенію этому удалось организоваться въ опредѣленную политическую партію не ранѣе 1897 г.; широкое же развитіе партія эта начала получать лишь послѣ 1898 г., когда выяснилась вполнѣ неудача налаживавшагося, какъ казалось, мирнаго соглашенія между русскимъ правительствомъ и польскимъ обществомъ послѣ вступленія въ должность варшавскаго генералъ-губернатора кн. Имеретинскаго и увольненія въ отставку попечителя Апухтина. Надежда на возможность такого соглашенія, подъ условіемъ прекращенія обрусительной политики и признанія за поляками правъ на развитіе національной культуры и на введеніе въ Польшѣ тѣхъ органовъ самоуправленія, какіе существовали въ Россіи, охватила тогда широкіе круги населенія, что ярко сказалось въ шумныхъ манифестаціяхъ, которыми встрѣтила Варшава въ 1897 г. посѣтившаго ее молодого Императора Николая II.

Черезъ годъ однако же поляки убѣдились, что никакихъ серьезныхъ уступокъ имъ сдѣлано не будетъ, и въ 1898 г. заграничные органы враговъ „угодовческаго“ движенія уже могли съ торжествомъ заявить, что угодовцевъ (т.-е. партіи соглашенія) уже больше не существуетъ. И теперь противъ нихъ съ чрезвычайною рѣзкостью выступили и вожди польской соціалистической партіи, которая къ этому времени совершенно утратила свой прежній космополитизмъ и приняла также въ свою программу борьбу за независимость Польши. Когда же послѣ смерти кн. Имеретинскаго въ 1900 г. на постъ генералъ-губернатора назначенъ былъ явный реакціонеръ и почти такой же поляконенавистникъ, какъ Апухтинъ, генералъ Чертковъ, то даже и тѣ поляки, которые принадлежали къ „угодовой“ партіи, утратили всякія надежды на возможность какихъ-либо уступокъ со стороны русскаго правительства.

Партія народовой демократіи въ первой своей программѣ, опубликованной въ 1897 г., выступила, какъ партія революціонная. Цѣлью своею она выставила независимость Польши, а средствомъ—вооруженное возстаніе. Но по мѣрѣ того, какъ составъ ея расширялся вступленіемъ въ ея ряды многихъ разочаровавшихся въ состоятельности попытокъ

соглашенія съ русскимъ правительствомъ и, съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ она убѣждалась, что борьба, завязавшаяся между правительствомъ и обществомъ въ самой Россіи, можетъ привести къ серьезнымъ перемѣнамъ внутри Россіи, по мѣрѣ того, какъ приближалась такимъ образомъ и для польскихъ націоналъ-демократовъ возможность открытаго и отвѣтственнаго выступленія,—партія эта все болѣе и болѣе измѣняла свою тактику въ сторону реализма. Впрочемъ, уже и въ 1899 г., отстаивая идеалъ польской независимости, органъ національно-демократической партіи „Всепольское обозрѣніе“ писалъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что будущая независимая Польша возникнетъ не въ тѣхъ границахъ и не въ той исторической формѣ, въ какой существовала Ржечь Посполитая въ XVIII вѣкѣ“. Слѣдовательно, теперь уже и самими націоналистами не ставился вопросъ о возстановленіи Польши „отъ моря до моря“. Впрочемъ, и въ этой въ общемъ довольно трезвой статьѣ затѣмъ говорилось: „Въ какихъ бы формахъ, въ какихъ бы границахъ ни возникла Польша, хотя бы она была маленькимъ государствомъ или автономной частью большого цѣлаго, она должна будетъ, если окажется жизнеспособнымъ организмомъ, стремиться охватить тѣ пространства, которыя составляютъ ея естественное достояніе, очерчены естественными границами и соотвѣтствуютъ ея національнымъ и экономическимъ интересамъ“. Въ этихъ словахъ можно было видѣть угрозу возможной въ будущемъ борьбы между освобожденной Польшей и Россіей за западный край. Впослѣдствіи идея возстанія и борьбы за независимость Польши была совершенно вычеркнута изъ практической программы партіи и на первый планъ выдвинута была культурная борьба за сохраненіе національности. При этомъ партія эта вполнѣ учитывала тотъ переворотъ въ строѣ польскаго общества, который произошелъ со времени возстанія 1863 г. подъ вліяніемъ крестьянской реформы и новыхъ экономическихъ конъюнктуръ, сложившихся въ русской Польшѣ. Поэтому партія эта совершенно разорвала съ идеями прежней шляхетской республики: базисомъ, на которомъ она желала опираться въ странѣ, должно было быть обновленное крестьянской реформой крестьянство. Къ сожалѣнію, просвѣщеніе этого крестьянства не пошло такъ далеко, какъ это предполагалось по первоначальному плану Милютина. И просвѣщеніе это національно-демократическая партія ставитъ теперь одной изъ главныхъ своихъ задачъ. Въ этомъ сказывается тотъ вредъ, который принесла система Апухтина. Ибо всетаки можно опасаться, что національно-демократическая партія въ это просвѣщеніе внесетъ значительную долю клерикализма, такъ какъ, освободившись отъ шляхетскихъ преданій, она не освободилась, къ сожалѣнію, отъ довольно тѣсной связи своей съ клерикализмомъ. Римско-католическая церковь въ Польшѣ признается ею за „національное учрежденіе“, какъ сказано въ

ея программѣ 1903 г., и въ духѣ этой церкви она, несомнѣнно, попытается вести просвѣщеніе народныхъ массъ, поскольку это отъ нея зависитъ. Въ этомъ, несомнѣнно, сказываются въ значительной мѣрѣ послѣдствія той излишней непримиримости и ожесточенности, съ которой велась въ Польшѣ въ эпоху расцвѣта обрусительной политики борьба съ католическимъ духовенствомъ, которое тѣмъ самымъ въ глазахъ каждаго поляка-патріота, даже вполнѣ равнодушнаго къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, представляется и теперь окруженное ореоломъ мученичества и подвижничества въ дѣлѣ борьбы за польскіе національные интересы.

Таковы результаты обрусительной политики въ Польшѣ.

Обзоръ внутреннихъ отношеній, какъ они складывались въ этой многострадальной странѣ въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ сильно отозвавшихся тамъ революціонныхъ событій и какъ они складываются въ настоящее время, не входитъ въ рамки этой и безъ того затянувшейся статьи.

Русская политика въ Польшѣ въ эти годы не нашла себѣ какого-либо опредѣленнаго русла. Занимавшій съ 1905 г. постъ варшавскаго генералъ-губернатора, умершій въ прошломъ году, генералъ-адъютантъ Скалонъ склонялся, повидимому, къ примирительной политикѣ въ духѣ кн. Имеретинскаго; но политика эта не согласовалась съ настроеніемъ центральнаго правительства въ Петербургѣ. Такъ продолжалось до извѣстнаго воззванія верховнаго главнокомандующаго, съ котораго начинается, очевидно, новая эра въ отношеніяхъ русской власти къ польскому вопросу,—эра, къ которой относятся, безъ сомнѣнія, съ полной симпатіей широкіе круги русскаго общества.

Нельзя отрицать, что возможность наступленія этой эры все же подготовлена въ значительной мѣрѣ основною реформою Милютина; ибо, несмотря на всѣ позднѣйшія искаженія первоначальной милютинской программы, на почвѣ этой реформы выросла современная демократическая Польша. А только съ демократической Польшей Россія и можетъ имѣть надежду окончательно размежеваться на справедливыхъ и пріемлемыхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ.

А. Корниловъ.

Изъ румынскихъ наблюденій. [1])

Я воспользовался пребываніемъ въ Бухарестѣ и для того, чтобы разобраться въ наиболѣе важныхъ вопросахъ внутренней жизни Румыніи. При попыткѣ сдѣлать это сразу бросается въ глаза основная черта государственнаго и общественнаго строя Румыніи,—господство крупнаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи Румынія рѣзко отличается отъ своей демократической балканской сосѣдки, Болгаріи, гдѣ не существуетъ дворянскаго землевладѣльческаго сословія. Вслѣдствіе того, что Молдавія и Валахія и при турецкомъ режимѣ всегда сохраняли внутреннюю самостоятельность, въ нихъ удержалось дворянское сословіе, располагавшее обширными правами въ тѣхъ областяхъ жизни, которыя не интересовали турокъ.

Эти свои привилегіи румынское дворянство (бояры) сохраняютъ въ значительной степени еще и теперь. Когда я присматривался къ внутренней структурѣ Румыніи, мнѣ всегда припоминался терминъ „two nations“, которымъ обозначаетъ въ одномъ изъ своихъ романовъ Дизраэли-Биконсфильдъ крайнія ступени соціальной лѣстницы: классъ имущихъ и господствующихъ и классъ трудящихся и безправныхъ. Въ Румыніи эти два класса дѣйствительно образуютъ какъ бы двѣ различныя націи, до того они отличаются другъ отъ друга во всѣхъ отношеніяхъ: культурномъ, политическомъ и экономическомъ. Существуетъ высшій классъ, вполнѣ усвоившій внѣшнюю французскую культуру,—извѣстный румынскій историкъ и крайній націоналистъ Іорга часто говоритъ въ своихъ произведеніяхъ о румынахъ, лучше владѣющимъ французскимъ языкомъ, чѣмъ роднымъ,—весело проводящихъ жизнь поочередно то въ „маленькомъ Парижѣ“, какъ они называютъ Бухарестъ, то въ большомъ, настоящемъ Парижѣ. Этотъ классъ и до сихъ поръ фактически управляетъ Румыніей какъ политически, такъ и экономически, причемъ пользуется весьма широкими конституціонными благами, неограниченной свободой личности, полной свободой слова и печати и т. д. На-ряду съ этой „на-

---

[1]) См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. II.

ціей“ господъ существуетъ другая „нація“, къ которой можно отнести все крестьянство, т.-е. подавляющее большинство населенія Румыніи. Мы ниже приводимъ нѣкоторыя данныя о крайне тяжеломъ экономическомъ положеніи румынскаго крестьянства. Самъ собой разумѣется, что, находясь на такомъ низкомъ матеріальномъ уровнѣ, оно фактически не имѣетъ возможности ни пользоваться правами, которыя ему — въ теоріи—предоставляетъ конституція, ни подняться выше въ культурномъ отношеніи.

Положеніе низшаго слоя румынскаго народа ухудшается еще и тѣмъ, что въ Румыніи нѣтъ до сихъ поръ демократической интеллигенціи, борющейся за народныя права. Въ Румыніи донынѣ не играли въ политической и общественной жизни никакой роли тѣ демократическія силы, которыя у насъ получили кличку „третьяго элемента“. Та интеллигенція, которая выходитъ изъ нѣдръ народа, обыкновенно поступаетъ, въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, на службу къ правящимъ классамъ. По всей вѣроятности, это объясняется отсталымъ экономическимъ строемъ Румыніи, чрезвычайно слабымъ развитіемъ промышленности и преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія, которыя дѣлаютъ усадьбы землевладѣльцевъ во всѣхъ отношеніяхъ центрами жизни государства. Есть только одна демократическая партія—соціалъ-демократическая. Но она чрезвычайно малочисленна и маловліятельна, органически не связана съ румынскимъ народомъ и разрѣшаетъ всѣ вопросы трафаретно по „эрфуртской программѣ“.

Именно тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствительными руководителями румынской политики являются люди, принадлежащіе къ одному и тому же классу, помѣщичьему, и объясняется то, что политическія партіи въ Румыніи въ сущности имѣютъ весьма мало программныхъ различій и являются главнымъ образомъ личными группами. Антагонизма экономическихъ и политическихъ интересовъ, который обыкновенно выражается въ различіи программъ борющихся между собою партій, у людей, принадлежащихъ къ одному и тому же соціальному кругу, очевидно, быть не можетъ. Правда, что съ нѣкоторой натяжкой можно видѣть въ консервативной партіи въ Румыніи представителей помѣщичьяго сословія, въ либеральной—представительство городского населенія, а въ консервативно-демократической (партіи Такеіонеску)—попытку примирить интересы консерваторовъ съ нѣкоторыми требованіями демократіи. Но такая классификація только приблизительно совпадаетъ съ дѣйствительностью. Въ виду слабаго развитія городовъ въ Румыніи, объ опредѣленномъ противорѣчіи интересовъ промышленнаго, городского, и земледѣльческаго, сельскаго, населенія говорить еще нельзя. Поэтому съ поразительной легкостью партіи, приноравливаясь къ условіямъ момента, мѣняютъ свои такъ называемыя программныя

требованія, а отдѣльные политики переходятъ изъ одной партіи въ другую.

Къ румынскимъ политическимъ партіямъ вполнѣ примѣнимо остроумное замѣчаніе, кѣмъ-то сдѣланное въ старыя времена про англійскія партіи, что тори отличается отъ вига тѣмъ, что первый находится у власти тогда, когда второй въ оппозиціи и наоборотъ. Каждая партія стремится прежде всего къ власти, и передъ этой задачей отступаютъ на задній планъ всѣ остальныя требованія. При замѣнѣ консервативнаго министерства либеральнымъ или наоборотъ, мѣняется весь составъ администраціи и служащихъ въ разныхъ государственныхъ предпріятіяхъ, такъ что каждая партія располагаетъ огромнымъ штатомъ лицъ, который либо кормится ею, когда она у власти, либо дожидается своей очереди тогда, когда она въ оппозиціи. Смѣна кабинетовъ и партій у власти рѣдко объясняется какими-нибудь серьезными политическими причинами, а большей частью происходитъ чуть ли не по полюбовному соглашенію въ цѣляхъ равномѣрнаго и справедливаго „распредѣленія“ благъ, связанныхъ съ пребываніемъ у власти. Бухарестскія кофейни переполнены всегда такого рода политическими дѣльцами: депутатами, адвокатами, журналистами и людьми, профессіи которыхъ весьма трудно установить, которые, смотря по обстоятельствамъ, либо защищаютъ находящееся у власти правительство, либо же яростно доказываютъ, что оно губитъ Румынію. Такимъ „центромъ политической жизни“ въ особенности является кофейня Капши на Calea Victoriei въ Бухарестѣ, гдѣ, по словамъ и бухарестскихъ жителей и пріѣзжихъ, подается лучшее въ мірѣ мороженое. Политики разныхъ ранговъ проводятъ часы въ этой кондитерской и вершатъ за чашкой кофе государственныя дѣла Румыніи...

Внѣшнимъ образомъ власть крупнаго землевладѣнія выражается въ составѣ парламента, гдѣ избирательный законъ предоставляетъ ему огромную власть. Избиратели дѣлятся на три куріи. Въ первой голосуютъ лица, получающія съ недвижимаго имущества доходъ не ниже 1200 франковъ. Вторую курію образуютъ плательщики прямыхъ налоговъ не менѣе 20 фр. и лица съ какимъ-либо образовательнымъ цензомъ. Третья курія состоитъ изъ плательщиковъ налоговъ, недостаточно высокихъ для того, чтобы попасть въ первую или вторую. Входящіе въ эту курію неграмотные голосуютъ черезъ выборщиковъ. Первая курія, которая выбираетъ 79 изъ 183 депутатовъ, такимъ образомъ почти цѣликомъ является выразительницей интересовъ самаго богатаго класса, т.-е. крупныхъ землевладѣльцевъ. Къ тому же надо имѣть въ виду, что третья курія настолько бываетъ всегда зависима отъ правящихъ группъ, что не было еще почти случая, чтобы въ ней проходили кандидаты, имъ неугодные. Выборы всегда въ буквальномъ смыслѣ слова дѣлаются правительствомъ и даютъ тѣ результаты, которыхъ оно желаетъ. Если

у власти либеральное министерство, выборы въ палату даютъ либеральное большинство, при консервативномъ кабинетѣ получается консервативное большинство, а при коалиціонномъ министерствѣ, въ которомъ участвуютъ и консервативные демократы или, какъ ихъ называютъ по имени ихъ лидера Таке-Іонеску, „такисты", значительная часть мандатовъ выпадаетъ и на долю этой партіи.

Этотъ избирательный законъ находится въ соотвѣтствіи съ экономическимъ соотношеніемъ силъ въ странѣ. Румынія является до сихъ поръ страной почти исключительно земледѣльческой. Сельское хозяйство является главнымъ источникомъ существованія населенія, а между тѣмъ земля распредѣлена до крайности неравномѣрно.

По даннымъ 1905 г., въ Румыніи было 1.015,302 владѣльца, которые обладали земельной собственностью ниже 10 гектаровъ. Имъ принадлежало въ общей сложности 3.319,695 гектаровъ, или 41,66% всей земли. Среднее землевладѣніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: 36,318 человѣкъ владѣло участками отъ 10—50 гектаровъ, въ общей сложности въ размѣрѣ 695,953 гектара, или 8,73% всей земли, а 2,381 человѣкъ владѣли участками отъ 50—100 гектаровъ въ общемъ въ размѣрѣ 165,456 гектаровъ, или 2,08%. Крупное же землевладѣніе распредѣлялось такимъ образомъ, что 2,608 владѣльцевъ имѣній отъ 100—500 гектаровъ, обладали въ общемъ 785,719 гектаровъ или 9,86%, а 1,563 владѣльца обладали имѣніями въ 500 и больше гектаровъ въ размѣрѣ 3.001,473 гектара или 37,66%. Такимъ образомъ 4,171 крупныхъ помѣщиковъ владѣли 3.787,192 гектарами, въ то время какъ 1.054,001 мелкихъ собственниковъ владѣютъ всего лишь 4.181,104 гектарами. Надо, впрочемъ, замѣтить, что среди крупныхъ землевладѣльцевъ есть и цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій, которыя въ общей сложности владѣютъ землей въ размѣрѣ 453,272 гектара. Такъ, напримѣръ, „эфорія гражданскихъ госпиталей Бухареста одна владѣетъ 141,671 гектаромъ". [1]) Но отъ этого картина крестьянскаго малоземелья въ Румыніи не мѣняется.

Острое малоземелье характеризуетъ положеніе крестьянъ въ Румыніи. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей аграрнаго вопроса въ Румыніи говоритъ, что при нынѣшнемъ способѣ веденія крестьянскаго хозяйства въ Румыніи, для прокормленія семьи изъ пяти человѣкъ необходимъ земельный участокъ въ размѣрѣ 6 гектаровъ. Но въ Румыніи едва ли найдется 200,000 крестьянскихъ семействъ, т.-е. всего 17% крестьянскаго населенія страны, которыя владѣютъ землей въ такомъ размѣрѣ. Остальныя имѣютъ гораздо меньше земли, число же семействъ

---

[1]) Les annales des nationalités, numéro consacré à l'étude de la nation roumaine, Paris, 1914 p. 123.

совершенно безземельныхъ опредѣляется въ 250—300,000, т.-е. составляютъ 19,23%. [1])

Рядомъ съ крупнымъ землевладѣніемъ широко развита система предпринимательской аренды. Чѣмъ крупнѣе размѣры землевладѣнія, тѣмъ большая часть его отдается въ аренду. Такъ, напримѣръ, по даннымъ 1907 г. изъ владѣній, превышающихъ 3,000 гектаровъ, были отданы въ аренду 73,36%, изъ имѣній же площадью отъ 50—100 гектаровъ сдавались въ аренду 24,09%. Эта аренда носитъ хищническій характеръ, она большей частью краткосрочная, арендаторы большей частью не располагаютъ ни значительными капиталами, ни серьезными сельскохозяйственными знаніями. Земля снимается почти исключительно съ цѣлью выжать изъ нея въ возможно короткій срокъ какъ можно большій доходъ при передачѣ ея нуждающимся въ землѣ крестьянамъ.

Богатство помѣщичьяго класса въ Румыніи, никогда не занимавшагося производительнымъ трудомъ, какъ до отмѣны крѣпостного права (1862 г.), такъ и послѣ отмѣны, основывалось и основывается на эксплуатаціи крестьянъ, которымъ освобожденіе не принесло существеннаго улучшенія матеріальнаго положенія, пожалуй, еще ухудшило его. Произведенное закономъ 1864 г. надѣленіе землей было недостаточнымъ уже для тогдашняго населенія. Теперь же, послѣ того какъ крестьянское населеніе сильно увеличилось и пропорціонально приросту населенія произошло значительное раздробленіе земельныхъ надѣловъ, положеніе крестьянъ стало во многихъ отношеніяхъ несравненно хуже, чѣмъ до тѣхъ поръ. Обрабатывающая промышленность въ Румыніи очень слабо развита, такъ что безземельные или малоземельные крестьяне не находятъ себѣ заработка на сторонѣ. Такъ какъ къ тому же культурный уровень румынскихъ крестьянъ чрезвычайно низкій (по произведенной въ 1899 году переписи населенія, изъ 3.570,510 лицъ старше 15 лѣтъ умѣло писать и читать всего 704,098, несмотря на введенное на бумагѣ обязательное всеобщее обученіе), то объ улучшеніи веденія хозяйства и переходѣ къ болѣе интенсивнымъ формамъ не можетъ быть и рѣчи.

Средній годовой заработокъ крестьянской семьи составляетъ, по даннымъ министерства финансовъ за 1905 г., всего 120 франковъ (средній годовой доходъ крупной землевладѣльческой семьи составлялъ по даннымъ того же года 24,700 франковъ). Естественно, что у румынскихъ крестьянъ наблюдаются всѣ обычныя для такого низкаго экономическаго уровня явленія: типичныя для хроническаго недоѣданія болѣзни, огромная дѣтская смертность и т. д. Дѣтская смертность достигаетъ въ Румыніи 20%, въ то время какъ въ Лондонѣ она достигаетъ всего 11,1%, несмотря на то, что населеніе земледѣльческой Румыніи, живущее пре-

---

[1]) *M. Serban:* „Rumäniens Agrarverhältnisse". Berlin, 1914.

имущественно въ деревнѣ, казалось, должно было быть въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ жители огромнаго города.

Характернымъ для духа соціальнаго законодательства Румыніи является въ достаточной мѣрѣ то, что крестьянская земля обложена значительно выше помѣщичьей. Такъ, напримѣръ, въ 1905 году оцѣночная комиссія опредѣлила доходность владѣній ниже десяти гектаровъ на 43% выше доходности земли въ имѣніяхъ, превышающихъ 500 гектаровъ.

Нечего потому удивляться, что недовольство румынскаго крестьянства, во всѣхъ отношеніяхъ забитаго и обездоленнаго, проявляется отъ времени до времени въ аграрныхъ безпорядкахъ, принимавшихъ иногда ужасающіе по своей жестокости размѣры. Послѣднія крупныя аграрныя волненія происходили въ 1907 году и пріобрѣли въ нѣкоторыхъ частяхъ Румыніи характеръ настоящей аграрной революціи. Эти безпорядки были подавлены съ жестокостью, не только не уступавшей, но, пожалуй, еще превосходившей эксцессы озлобленія голодной крестьянской массы. Послѣ этого однако парламентъ принялъ рядъ мѣръ, которыми должна была быть упорядочена аренда для борьбы съ синдикатами арендаторовъ, искусственно вздувавшихъ арендныя цѣны; былъ учрежденъ крестьянскій банкъ, и ему была поставлена задача скупать имѣнія и разбивать ихъ на мелкіе участки для крестьянъ, которые пріобрѣтаютъ эти участки на выгодныхъ условіяхъ. Былъ принятъ законъ о сдачѣ въ аренду земли, принадлежащей государству, общинамъ и т. д., только непосредственно крестьянамъ. Однако всѣ эти законы до сихъ поръ радикальнаго измѣненія къ лучшему въ положеніи крестьянъ не произвели. Поэтому либеральная и консервативно-демократическая партія въ принципѣ приняли рѣшеніе провести законъ о принудительномъ отчужденіи крупнаго землевладѣнія въ пользу крестьянъ, въ то время какъ консервативная партія готова допустить отчужденіе только земли, принадлежащей государству или общинамъ, но никакъ не частновладѣльческой. Детально разработанныхъ законопроектовъ о размѣрахъ отчужденія, объ условіяхъ, на которыхъ оно должно быть произведено, о томъ, должна ли отчуждаемая земля отдаваться въ собственность индивидуальную или коллективную, или въ формѣ арендного пользованія—нынѣшнее правительство, вышедшее изъ рядовъ либеральной партіи, до сихъ поръ еще не составило. Было только извѣстно, что засѣдающій въ настоящее время парламентъ, который былъ созванъ для пересмотра конституціи и располагаетъ функціями учредительнаго собранія [1]), долженъ былъ рѣшить вопросъ о принудительномъ отчужденіи. Но этому помѣшала,

---

[1]) На основаніи ст. 128 румынской конституціи для пересмотра статей конституціи обѣ палаты парламента совываются особо установленнымъ порядкомъ.

какъ и многому другому, разразившаяся европейская война, поставившая передъ Румыніей совершенно неожиданно огромныя проблемы международнаго характера.

Кромѣ Россіи, Румынія является единственнымъ государствомъ въ Европѣ, гдѣ евреи еще не добились равноправія. Я старался поэтому путемъ изученія литературы и личныхъ бесѣдъ составить себѣ ясное представленіе о положеніи евреевъ въ Румыніи и въ то же время выяснить, гдѣ положеніе евреевъ лучше—выражаясь точнѣе, хуже—въ Россіи или Румыніи. Постараюсь вкратцѣ изложить румынское законодательство о евреяхъ.

Коренной отличительной чертой этого законодательства является крайне парадоксальное въ юридическомъ отношеніи положеніе евреевъ. Румынскіе евреи, не состоящіе гражданами иностранныхъ государствъ, родившіеся въ Румыніи, отъ предковъ, которые уже поколѣніями живутъ въ Румыніи, исполняющіе всѣ обязанности гражданъ вплоть до воинской повинности, тѣмъ не менѣе считаются только стоящими подъ защитой Румыніи иностранцами или, по румынской терминологіи, „иностранцами, не пользующимися покровительствомъ иностранныхъ государствъ (streinei ne supusi unei protectiuni streine)“. Въ изданныхъ противъ евреевъ ограничительныхъ законахъ слово „еврей“ поэтому никогда не упоминается, а рѣчь идетъ въ нихъ только объ „иностранцахъ“. Дѣйствительные же иностранцы, т.-е. граждане чужихъ государствъ, не подвергаются дѣйствію этихъ исключительныхъ законовъ, такъ какъ ихъ права опредѣляются международными соглашеніями.

Такая терминологія объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, которыя теперь образуютъ Румынію, съ давнихъ временъ существовалъ рядъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ. Берлинскій конгрессъ принялъ, несмотря на протесты представителей Россіи, постановленіе (ст. 44), что въ Румыніи различіе вѣроисповѣданій не должно служить основаніемъ для ограниченій въ правахъ. Осуществленіе этого постановленія было однимъ изъ условій признанія европейскими державами независимости Румыніи. Въ Румыніи, гдѣ антисемитскія тенденціи въ правящемъ классѣ были очень сильны, рѣшили обойти это постановленіе такимъ образомъ, что внесли въ 1879 г. въ конституцію статью 7, которая гласитъ: „различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не служитъ въ Румыніи препятствіемъ пріобрѣтенію гражданскихъ и политическихъ правъ и ихъ осуществленію“. Эта статья, казалось бы, вполнѣ соотвѣтствуетъ постановленію берлинскаго конгресса, но она была снабжена рядомъ примѣчаній, которыя въ дѣйствительности сводятъ сдѣланную уступку на нѣтъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ говорится о правѣ „иностранца, какую бы вѣру онъ ни исповѣ-

дывалъ", быть натурализованнымъ, т.-е. стать полноправнымъ румынскимъ гражданиномъ. Такое превращеніе иностранца въ румынскаго гражданина должно совершаться особымъ постановленіемъ обѣихъ палатъ парламента относительно каждаго отдѣльнаго лица. А такъ какъ въ издававшихся раньше въ Румыніи законахъ противъ евреевъ послѣдніе часто именовались иностранцами, то всѣ румынскіе евреи были подведены подъ категорію иностранцевъ, которые еще нуждаются въ особомъ актѣ натурализаціи для того, чтобы стать полноправными гражданами. Чтобы показать Европѣ, что правительство готово итти навстрѣчу евреямъ, были „натурализованы" всѣ евреи, сражавшіеся въ рядахъ румынской арміи въ войнѣ 1877—78 гг., т.-е. 800 съ чѣмъ-то человѣкъ. Но затѣмъ число актовъ о натурализаціи становилось все болѣе и болѣе незначительнымъ, такъ что въ 1899 году, когда была произведена всеобщая перепись населенія, по которой число евреевъ въ Румыніи было установлено въ 256,588 (при общемъ населеніи Румыніи въ 5.956,690), натурализованныхъ евреевъ оказалось 4,272. Но и изъ этого числа, не достигающаго и 2% всего еврейскаго населенія, большинство пріобрѣло гражданское равноправіе не вслѣдствіе парламентскихъ актовъ о натурализаціи, а въ силу рѣшенія высшаго судебнаго учрежденія въ Румыніи, признавшаго, что съ переходомъ турецкой Добруджи къ Румыніи, евреи Добруджи, раньше бывшіе турецкими подданными, при перемѣнѣ подданства по международному праву ipso jure пріобрѣли права румынскихъ гражданъ. Такихъ евреевъ было въ Добруджѣ въ моментъ перехода ея къ Румыніи около 3,000, такъ что румынскій парламентъ за весь періодъ 1879—99 гг. даровалъ права гражданъ всего лишь 1,200 евреямъ, т.-е. совершенно ничтожной части еврейскаго населенія страны. Столь же ничтожнымъ было и число евреевъ, которымъ румынскій парламентъ даровалъ права послѣ 1899 г.

Такимъ образомъ румынское законодательство раздѣлило евреевъ Румыніи на двѣ крайне неравныя группы: 1) очень незначительное число натурализованныхъ евреевъ, пользующихся всѣми правами румынскихъ гражданъ, безъ какихъ бы то ни было ограниченій, и 2) подавляющее большинство, являющееся объектомъ многочисленныхъ ограничительныхъ законовъ. Я не буду перечислять ихъ всѣхъ и укажу только на наиболѣе важныя изъ нихъ. Прежде всего то, что евреи офиціально именуются иностранцами, даетъ правительству возможность высылать за предѣлы страны всякаго еврея, чѣмъ-либо вызвавшаго его неудовольствіе. Евреямъ воспрещено пріобрѣтеніе земельной недвижимости внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, но разрѣшается арендованіе такой недвижимости. Право проживанія въ сельскихъ мѣстностяхъ дается только съ особаго разрѣшенія мѣстнаго коммунальнаго управленія, которое въ любой моментъ можетъ быть взято обратно. Евреевъ-юристовъ не при-

нимаютъ въ сословіе адвокатовъ, такъ что они лишены возможности заниматься адвокатской практикой. Евреямъ нельзя быть содержателями или управляющими аптекъ.

Всѣ роды государственной службы, включая и службу въ разныхъ государственныхъ предпріятіяхъ, напримѣръ, казенныя желѣзныя дороги, табачная монополія и т. д. для нихъ закрыты. Само собою разумѣется, что званіе иностранцевъ лишаетъ ихъ возможности пользоваться какими бы то ни было политическими правами, какъ-то активнымъ и пассивнымъ избирательными правами въ парламентъ и органы мѣстнаго самоуправленія. Существуетъ также рядъ ограниченій въ области полученія образованія. Въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ евреи принимаются только въ томъ случаѣ, если есть свободныя вакансіи и должны уплачивать особую таксу, отъ которой освобождены румынскіе граждане. Въ университеты же евреи принимаются безъ ограниченій. Правительство въ то же время принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы оказать предпочтеніе и въ области хозяйственной жизни „коренному" населенію передъ евреями. Такъ, напримѣръ, при казенныхъ заказахъ предложеніямъ румынъ оказывается предпочтеніе даже въ томъ случаѣ, если они на 5% выше предложеній евреевъ, а при субсидированіи крупныхъ предпріятій государство приходитъ на помощь исключительно румынамъ.

Естественно, что такое направленіе законодательства вызываетъ очень значительную эмиграцію евреевъ изъ Румыніи. По свѣдѣніямъ румынскаго правительственнаго офиціоза, число евреевъ, эмигрировавшихъ изъ Румыніи за періодъ 1899—906 гг., составило 55.000 человѣкъ, причемъ въ отдѣльные годы оно достигало очень значительныхъ для еврейскаго населенія Румыніи цифръ. Такъ, напримѣръ, въ Соединенные Штаты, въ эмиграціонный годъ 1902—3 прибыло 8562 еврея изъ Румыніи, т.-е. около 3,3% всего еврейскаго населенія Румыніи. Точныхъ свѣдѣній о числѣ евреевъ въ Румыніи въ настоящее время мнѣ найти не удалось, но одинъ изъ профессоровъ Ясскаго университета, съ которымъ мнѣ пришлось говорить по этому вопросу, высказалъ предположеніе, что въ виду значительности эмиграціи, слѣдуетъ думать, что число евреевъ въ Румыніи теперь меньше, чѣмъ въ 1899 г.

Мотивы этого антисемитскаго законодательства очень просты. Правящіе классы не желаютъ ни съ кѣмъ дѣлиться своею властью и поэтому устраняютъ отъ всякаго доступа къ политическимъ правамъ еврейскую массу, которая культурнѣе и энергичнѣе соотвѣтствующихъ слоевъ мѣстнаго населенія и болѣе склонна поэтому къ оппозиціонности. Тѣ же слои городского населенія, которые уже пріобрѣли нѣкоторое вліяніе на государственныя дѣла и наравнѣ съ помѣщичьимъ элементомъ управляютъ страной, видятъ въ евреяхъ опасныхъ сопер-

никовъ въ торгово-промышленной дѣятельности. Остальные же слои населенія до сихъ поръ въ управленіи страной никакого участія не принимаютъ, такъ что на законодательство вліяютъ пока только тѣ группы населенія Румыніи, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ враждебны евреямъ. Мнѣ пришлось слышать отъ одного журналиста-антисемита очень откровенное объясненіе румынскаго законодательства о евреяхъ.

„Мы,—сказалъ онъ мнѣ,—вовсе не считаемъ евреевъ дурными людьми. Они энергичны и трудолюбивы, а по своимъ моральнымъ качествамъ, во всякомъ случаѣ, не ниже коренного румынскаго населенія, ни прочихъ иностранцевъ, живущихъ въ Румыніи. Но при малой активности и экономической отсталости румынъ предоставленіе евреямъ равноправія было бы равносильно подчиненію ихъ вліянію всѣхъ сторонъ жизни Румыніи". Я могъ ему на это отвѣтить только то, что такая мотивировка большой чести румынскому народу и его, выражаясь по-современному, „боевой годности" не дѣлаетъ.

При первомъ ознакомленіи съ этимъ законодательствомъ у меня появилось было впечатлѣніе, что оно ставитъ румынскихъ евреевъ въ еще худшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся евреи въ Россіи въ силу русскаго законодательства о евреяхъ. Но, присмотрѣвшись ближе къ законамъ и къ административной практикѣ, я пришелъ къ другому заключенію. Если выдѣлить въ Россіи привилегированныя категоріи русскихъ евреевъ, напримѣръ, лицъ съ высшимъ образованіемъ и купцовъ 1-ой гильдіи, пользующихся рядомъ правъ, въ которыхъ отказано прочимъ евреямъ, хотя все же не располагающихъ всѣмъ объемомъ гражданскихъ правъ, какъ „натурализованные" евреи въ Румыніи, то положеніе огромной массы еврейскаго населенія, совершенно безправной въ Россіи, въ дѣйствительности хуже положенія массы румынскаго еврейства. Прежде всего *румынскіе евреи не знаютъ черты осѣдлости.* Имъ разрѣшается проживать безпрепятственно въ городахъ и мѣстечкахъ и только въ сельскихъ мѣстностяхъ право проживанія обусловлено разрѣшеніемъ мѣстнаго коммунальнаго управленія. Право румынскаго правительства высылать изъ предѣловъ Румыніи всякаго еврея, какъ иностранца, на самомъ дѣлѣ примѣняется однако очень рѣдко и въ вполнѣ опредѣленныхъ случаяхъ, т.-е. почти исключительно къ евреямъ, которые принимаютъ участіе въ печати или въ политической дѣятельности въ духѣ, нежелательномъ правительству. Еврейскій журналистъ, участвующій въ соціалистическій газетѣ, выступающій на соціалистическихъ собраніяхъ или вообще оказывающій поддержку политическому направленію, находящемуся въ оппозиціи къ правительству, подвергается риску быть высланнымъ изъ страны. Такимъ образомъ право изгнанія евреевъ изъ страны фактически даетъ правительству возможность примѣнять къ своимъ противникамъ евреямъ ссылку въ административномъ

порядкѣ, чего оно въ отношеніи соотвѣтствующихъ „элементовъ“ изъ румынъ дѣлать не можетъ въ виду широкой политической свободы, гарантированной въ Румыніи конституціей всѣмъ тѣмъ, которые уже поднялись на извѣстный соціальный уровень. Такимъ образомъ масса румынскаго еврейства, занимающаяся не политикой, а торговлей, промышленностью и ремеслами, отъ права правительства на изгнаніе евреевъ не страдаетъ. Извѣстную аналогію съ русскими условіями представляетъ положеніе сельскихъ евреевъ въ Румыніи. Арендаторы имѣній и ихъ служащіе имѣютъ право жительства въ теченіе срока заключеннаго арендпаго договора, остальные же евреи проживаютъ въ деревняхъ на основаніи временныхъ разрѣшеній коммунальнаго управленія. Эти разрѣшенія могутъ быть продлены неограниченное число разъ, но могутъ быть взяты обратно. Такое положеніе дѣлаетъ эту категорію румынскихъ евреевъ постояннымъ объектомъ эксплуатаціи чиновъ администраціи, которые для пополненія своихъ рессурсовъ то выселяютъ еврея изъ деревень подъ предлогомъ, что онъ вреденъ для населенія, то, получивъ „причитающееся“, разрѣшаетъ ему вновь поселиться на старомъ мѣстѣ. Но такой произволъ примѣняется въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ только къ части евреевъ, живущихъ въ селахъ, т.-е. къ меньшинству еврейскаго населенія Румыніи. Поэтому административныя репрессіи на почвѣ права жительства далеко не достигаютъ тѣхъ размѣровъ, къ которымъ пріучила русскихъ евреевъ дѣятельность русской администраціи.

Именно потому, что большая часть румынскаго еврейства, т.-е. ремесленный и торгово-промышленный слои его, живущіе въ городахъ, не должны завоевывать себѣ право жительства путемъ достиженія разныхъ ученыхъ степеней и т. д., ограниченія евреевъ въ области образованія не имѣютъ для нихъ такого рокового значенія, какъ въ Россіи. У насъ значительная часть евреевъ добивается дипломовъ высшихъ учебныхъ заведеній, зубоврачебныхъ школъ и т. д. для того, чтобы имѣть возможность селиться внѣ черты еврейской осѣдлости. Въ Румыніи этой надобности не существуетъ, и еврейское юношество, для котораго не оказывается вакансій въ казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, проходитъ курсъ образованія, безъ существеннаго ущерба для себя, въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ еврейскими общинами, благотворительными учрежденіями и частными лицами. Послѣдователенъ характеръ анти-еврейскаго законодательства въ Румыніи и въ томъ отношеніи, что тамъ переходъ въ христіанство не эмансипируетъ еврея отъ дѣйствія исключительныхъ законовъ. Крещеный еврей долженъ такъ же добиваться акта о натурализаціи въ парламентѣ, какъ и остающійся въ іудействѣ. Такимъ образомъ, въ Румыніи въ еврейскомъ за-

конодательствѣ нѣтъ путаницы вѣроисповѣднаго и національнаго мотивовъ, какъ въ русскомъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній я еще разъ подчеркиваю, что нельзя говорить о хорошемъ положеніи евреевъ въ Румыніи такъ же, какъ нельзя говорить о немъ въ Россіи. Я хочу только сказать, что на основаніи своихъ наблюденій,—поневолѣ поверхностныхъ вслѣдствіе кратковременности моего пребыванія въ Румыніи,—я долженъ сдѣлать заключеніе, что положеніе непривилегированной части, т.-е. большинства румынскаго еврейства, нѣсколько лучше положенія большинства русскихъ евреевъ. И это подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Въ Молдавіи (безъ Валахіи) число евреевъ въ 1803 г. составляло всего 12.000 человѣкъ, въ 1899 г. оно составляло уже 195.792, т.-е. увеличилось почти въ 17 разъ. Понятно, что за 100 лѣтъ естественный приростъ населенія не могъ привести къ такому увеличенію. Румынскіе государственные дѣятели и писатели объясняютъ этотъ приростъ тѣмъ, что изъ пограничныхъ мѣстностей Россіи, гдѣ положеніе евреевъ было хуже, чѣмъ въ Румыніи, постоянно происходила иммиграція евреевъ въ Молдавію. Нѣкоторые румынскіе политики даже иммиграціей евреевъ изъ Россіи мотивируютъ румынское антиеврейское законодательство.

„Мы должны,—сказалъ въ парламентѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка Братіану, отецъ нынѣшняго премьера,—остерегаться того, чтобы наше законодательство о евреяхъ было лучше законовъ о евреяхъ въ Россіи“. То же самое повторилъ въ разговорѣ со мной извѣстный румынскій ученый. „Въ Россіи,—сказалъ онъ мнѣ,—евреи живутъ подъ постояннымъ давленіемъ, которое безпрерывно вытѣсняетъ часть евреевъ за границу. Чтобы не стать страной иммиграціи евреевъ, которыхъ у насъ и безъ того очень много, мы не можемъ дать евреямъ равноправія раньше, чѣмъ это сдѣлаетъ Россія“.

И. О. Левинъ.

Парижъ и война.

Письмо изъ Франціи.

Jamais encore au cours de toute son histoire
la France n'a été aussi grande qu'à présent.
Viviani.

I.

Наканунѣ великихъ событій.

Въ концѣ іюля 1914 года Парижъ, какъ всегда, на порогѣ grandes vacances, Парижъ жаждетъ отдыха и покоя на морѣ или въ горахъ послѣ десятимѣсячной напряженной работы, парламентскихъ интригъ, газетныхъ и литературныхъ споровъ, свѣтскихъ скандаловъ. На блѣдномъ фонѣ начинающагося мертваго сезона единственнымъ яркимъ пятномъ выдѣляется уголовно-политическій процессъ m-me Кайо, который вновь раздѣляетъ общество на два враждующихъ стана. И за громкими кликами уличной прессы еле слышны первые глухіе удары приближающейся грозы... Но тучи съ зловѣщей быстротой скопляются на горизонтѣ, и опасность европейской коллизіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ воскресенье, 26 іюля, утреннія газеты уже полны дипломатическими переговорами державъ, тревожными комментаріями австро-сербскаго конфликта.

Однако отношеніе столицы къ переживаемому критическому моменту еще не опредѣлилось: застигнутый врасплохъ, Парижъ взволнованъ, смущенъ и колеблется.

Вечеромъ того же дня бульвары черны народомъ, который шумными волнами течетъ по направленію къ редакціи *Matin*, гдѣ выставлены въ витринахъ только что полученныя иностранныя телеграммы. Тѣ, кто могутъ, черезъ головы сосѣдей, читаютъ вслухъ нѣсколько сбивчивыя и мало понятныя для непосвященныхъ извѣстія, воздерживаясь отъ всякой ихъ оцѣнки. Вдругъ въ заднихъ рядахъ раздаются энергичные, все

учащающіеся возгласы: *à bas la guerre*. Это соціалисты-рабочіе, вѣрные лозунгу пасифизма, собрались здѣсь для публичнаго протеста противъ войны. Но никто не вторитъ имъ, и крики ихъ, не встрѣтивъ эха, тонутъ въ народномъ морѣ. Нѣтъ еще у всей этой слишкомъ пестрой, слишкомъ индивидуализированной толпы единой стихійной воли. Каждый, въ зависимости отъ личнаго темперамента, по своему реагируетъ на совершающееся,—кто пугливо отгоняетъ отъ себя мелькнувшій передъ всѣми глазами кровавый призракъ, кто тайно призываетъ его, мечтая о грядущихъ возможностяхъ. И всетаки надъ хаосомъ противорѣчивыхъ чувствъ и настроеній несомнѣнно доминируетъ свойственное всякой демократіи миролюбіе: въ отвѣтъ на лозунгъ соціалистовъ „долой войну", никто не кричитъ „да здравствуетъ война", никто не затягиваетъ воинственной марсельезы.

Такъ проходятъ послѣдніе жуткіе дни неизвѣстности, въ которые рѣшаются судьбы цивилизованнаго міра. Чаши историческихъ вѣсовъ то поднимаются, то опускаются, а на экранѣ парижской жизни, какъ ленты въ кинематографѣ, великія событія переплетаются съ эпизодами столичной хроники. Отвѣтная сербская нота, несмотря на неслыханную ея уступчивость, объявленіе Сербіи войны Австріей, сосредоточеніе русскихъ войскъ на австрійской границѣ и тщетныя попытки Великобританіи погасить разгорающійся пожаръ, съ одной стороны, съ другой—оправданіе печальной памяти героини г-жи Кайо и возвращеніе президента Пуанкарэ, которому парижане устроили привѣтственную манифестацію передъ Сѣвернымъ вокзаломъ. Но даже 31 іюля, когда Германія подъ прикрытіемъ *Kriegsgefahrzustand*'а спѣшно мобилизуетъ на два фронта, столица Франціи еще не открыла настоящаго лица своего и загадочно молчитъ. Строго-консервативный во всемъ, что касается традиціонныхъ обычаевъ, Парижъ не измѣнилъ имъ и на этотъ разъ и представляетъ собою обычную въ это время года идиллическую картину. На вокзалахъ масса уѣзжающихъ на каникулы, веселая болтовня, шутки, смѣхъ, цвѣты. Въ Люксембургскомъ и другихъ публичныхъ садахъ безпечно играютъ милыя чистенькія дѣти подъ надзоромъ матерей, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ туалетахъ. Глаза женщинъ спокойны и ясны, разговоръ ихъ обыденный, житейскій, руки прилежно заняты работой. Только вдругъ кто-то, проходя по одной изъ аллей парка, съ чуть уловимымъ вздохомъ сожалѣнія роняетъ по адресу своего спутника эту многозначительную фразу: „Ça ne sera pas encore pour cette fois!"—Играетъ оркестръ военной музыки, публики много, какъ всегда; она внимательно слушаетъ излюбленный репертуаръ, и никому не приходитъ и въ голову потребовать сверхъ программы исполненія національнаго гимна.

А между тѣмъ завтра вся страна вдругъ поднимется, какъ одинъ человѣкъ; завтра вождь анархистовъ Густавъ Эрвэ скажетъ во все

услышаніе по поводу убійства друга своего Жореса, главы французскаго соціализма:—„Прежде всего защита отчизны. Они умертвили Жореса, мы не умертвимъ Франціи“. 1 августа въ 4 ч. дня по всему городу въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и меріяхъ расклеивается правительственный указъ о мобилизаціи. Въ одномъ изъ уголковъ опустѣвшей Сорбонны на *Faculté des lettres* еще идетъ конкурсный экзаменъ d'agrégation, и тотчасъ по распоряженію декана факультета экзаменъ прекращается, и кандидаты, изъ которыхъ девять десятыхъ должны на слѣдующее утро стать подъ ружья, молча и степенно расходятся по домамъ. И это закрытіе университета, одного изъ важнѣйшихъ органовъ духовной жизни Парижа, является какъ бы сигналомъ для прекращенія всякой вообще мирной дѣятельности и въ столицѣ и въ государствѣ. Пробилъ часъ великаго всенароднаго дѣйствія; отнынѣ существуетъ лишь одинъ долгъ у всѣхъ гражданъ и передъ этимъ долгомъ они всѣ равны. Среди группы профессоровъ и библіотекарей стоитъ въ коридорѣ только что принесшій имъ новость служитель съ розовымъ призывнымъ листомъ, и всѣ они, на прощаніе, безъ лишнихъ словъ сочувственно жмутъ ему руку. Кто знаетъ, вернется ли онъ когда-нибудь съ поля битвы въ эти стѣны? Война 1914 года начинается подъ знакомъ соціальнаго равенства.

На залитыхъ солнцемъ улицахъ тихо, лица рѣдкихъ прохожихъ серьезны и строги; ни криковъ ненависти и злобы, ни громкихъ патріотическихъ пѣсенъ,—благородный выдержанный Парижъ давно пережилъ свою репутацію и пересталъ быть экспансивнымъ, какъ дитя, въ торжественныя минуты своего бытія.

Но когда грянулъ на всю Европу первый военный громъ—сперва дерзкій вызовъ Германіи Россіи, затѣмъ разбойничье нападеніе на французскую границу близъ Лонгви—всѣ разомъ безъ малѣйшаго усилія поднялись на небывалую высоту героизма, почувствовали себя нерасторжимымъ цѣлымъ. Въ мгновеніе ока свершилось чудо національнаго объединенія. „Отечество въ опасности“, и, словно по мановенію волшебнаго жезла, исчезли вдругъ и партіи, и политическіе раздоры, и домашніе споры; не стало больше ни частныхъ интересовъ, ни мелкихъ страстей, а жила лишь одна, какъ солнце, неугасимая любовь къ родинѣ. За милую Францію всѣ сыны ея готовы пролить свою кровь до послѣдней капли, да, всѣ: въ 24 часа трудолюбивая мирная страна превратилась въ полномъ смыслѣ слова въ вооруженную націю. Въ огонь, подъ ядра и пули, идутъ не только всѣ двадцатилѣтніе юноши, не только всѣ молодые люди до тридцати, но за ними и почтенные отцы семействъ отъ сорока—до сорока-пяти-восьми лѣтъ. Здѣсь не знаютъ никакихъ льготъ по семейному положенію или по образованію, здѣсь и нѣтъ разницы между единственными сыновьями или даже дѣтьми бѣдныхъ вдовъ и

другими; между рабочими, крестьянами и прошедшими высшую школу буржуа или студентами. Да и какъ же можетъ быть иначе въ республикѣ, съ ея невозрастающимъ населеніемъ и насквозь проникнутой идеей, культомъ равенства, корнями вросшихъ въ душу каждаго француза? Съ точки зрѣнія абсолютной справедливости *l'impôt du sang*—налогъ крови—обязателенъ для всѣхъ способныхъ носить оружіе и не достигшихъ предѣльнаго возраста мужчинъ; исключеніемъ изъ общаго правила являются лишь хронически больные, глухіе, полу-слѣпые и калѣки, а по мѣрѣ того, какъ нужда въ людяхъ растетъ, число окончательно признанныхъ негодными для военной службы все уменьшается.

Итакъ, 2 августа по всей Франціи начался великій „исходъ", исходъ всей лучшей части населенія на поле чести, и этого прекраснаго зрѣлища не забыть никогда тѣмъ, кто его видѣлъ, безразлично въ столицѣ или въ провинціи... Длинными вереницами проходятъ новые воины, уже оторванные отъ личной жизни, отъ своей семьи и очага, и поютъ стройными сильными голосами *Le Chant du départ,* котораго нельзя слышать безъ глубокаго волненія:

„La République nous appelle,
Sachons vaincre ou sachons périr:
Un Français doit vivre pour elle,
Pour elle un Français doit mourir!"

Поютъ и горятъ восторгомъ, точно спѣшатъ на свадебный пиръ, съ улыбкой идутъ навстрѣчу смерти. И всѣ высыпаютъ имъ навстрѣчу и всѣ глядятъ имъ молча вслѣдъ. Не видно заплаканныхъ женскихъ глазъ, не слышно въ рабочихъ кварталахъ или деревняхъ бабьихъ жалобъ и причитаній; тѣ изъ женщинъ, кто послабѣе духомъ, сидятъ дома, остальныя вполнѣ владѣютъ собою, даже дряхлыя старухи въ праздничныхъ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепцахъ сидятъ у дверей, сложа на колѣняхъ морщинистыя руки, и съ гордостью любуются на сыновей и внуковъ, которыхъ имъ, быть можетъ, суждено пережить. Вокзалы, съ которыхъ отходятъ поѣзда мобилизованныхъ, полны провожающими; пришли всѣ, кто могли,—матери, жены, невѣсты, сестры и малыя дѣти, толпятся въ переполненныхъ душныхъ залахъ. Въ воздухѣ звучатъ простыя вѣчныя слова, послѣдніе поцѣлуи, лица женщинъ блѣдны, губы дрожатъ и глаза блестятъ сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ, между тѣмъ какъ руки въ сотый разъ тянутся для прощальнаго пожатія. А молодые отъѣзжающіе солдаты, торопясь къ украшеннымъ зелеными гирляндами вагонамъ, машутъ платками, звонко, надрываясь, кричатъ: *Vive la France, Vive l'Alsace!* и съ молодецкимъ задоромъ запѣваютъ *Nous l'aurons, nous l'aurons, la peau de Guillaume!* въ тотъ моментъ, какъ поѣздъ трогается въ путь. Такъ провожала вся Франція своихъ героевъ.

II.

Медовый мѣсяцъ войны и дни испытанія.

Несмотря на острую боль разлуки съ близкими, несмотря на томительную муку ожиданія, настроеніе общества въ эти первыя недѣли войны было приподнятое, бодрое и свѣтлое. Пали безчисленныя преграды, обычно мѣшающія сближенію французовъ между собою и мало-по-малу приведшія ихъ къ полной необщительности. Годами жившіе въ одномъ домѣ сосѣди, которые еще наканунѣ только издали обмѣнивались поклонами, вдругъ подошли другъ къ другу и заговорили, какъ старые знакомые, дѣлясь впечатлѣніями и слухами. Въ трамваяхъ и метро, гдѣ прежде царило молчаніе, теперь слышалась оживленная бесѣда и порою въ нее вставлялъ свое слово и раздававшій билеты кондукторъ или замѣнившая его почти повсюду бойкая *receveuse*. Вотъ пожилой рабочій въ длинной запачканной блузѣ, должно быть маляръ, обращается къ сидящему напротивъ солидному буржуа, и понижая голосъ до конфиденціальнаго шопота:—„Eh bien, Monsieur, qu'en dites vous, nous la leur reprendrons *notre* Alsace-Lorraine?“ — Слегка нахмуренный, озабоченный взглядъ господина вдругъ проясняется, и онъ отвѣчаетъ дрогнувшимъ, проникновеннымъ тономъ: „Bien sûr que nous l'aurons!“ Въ противоположномъ углу вагона другой рабочій, на видъ чахоточный, съ жаромъ объясняетъ миловидной мидинеткѣ, почему la France „doit marcher pour la Serbie“: и всѣ вторятъ ему съ убѣжденіемъ: „Oui, tous les peuples doivent être libres, c'est ça la vraie justice“.

И нельзя не подивиться здравому политическому смыслу всѣхъ этихъ людей, столь различныхъ и по общественному положенію и по образованію, ихъ сознательному отношенію къ завязавшейся гигантомахіи. Вмѣстѣ съ инстинктомъ національнаго самосохраненія, съ завѣтной мечтой о „реваншѣ“, какое у нихъ у всѣхъ вѣками взращенное общее культурное *credo*, какая вѣра въ торжество демократическихъ идей справедливости и права, братства и свободы народовъ! Война эта, которую вся страна готова вести до конца съ величайшимъ напряженіемъ силъ, должна быть *послѣдней* европейской войной, она должна навсегда сокрушить, раздавить ненавистный прусскій милитаризмъ и покончить съ режимомъ вооруженнаго мира, подъ бременемъ котораго стонетъ цивилизованный міръ. Это повторяютъ рѣшительно всѣ, и никто не сомнѣвается въ благополучномъ для насъ результатѣ этой титанической борьбы, никто, кромѣ стариковъ, слишкомъ хорошо помнящихъ *l'année terrible*— 70-й годъ. Съ затаенной тревогой качаютъ они головами, но слабые голоса ихъ еле слышны и не вносятъ диссонанса въ общую симфонію, ибо ихъ ненависть къ врагу еще сильнѣе, еще реальнѣе ненависти смѣ-

нившихъ ихъ поколѣній, которыя лишь понаслышкѣ знаютъ, что такое воюющая Германія. Но сегодняшній день принадлежитъ надеждѣ. Изумившее весь свѣтъ геройское сопротивленіе маленькой Бельгіи, присоединеніе Англіи къ братскому союзу защитниковъ праваго дѣла,—сколько довѣрія, гордости и восторга влили они во всѣ французскія сердца! Въ историческомъ засѣданіи парламента 4 августа — памятное число въ славныхъ лѣтописяхъ французской республики—ярко отразились „патріотическое одушевленіе объединенной націи и, какъ сталь, закаленная ея воля: „быть или не быть".

Разукрашенный флагами всѣхъ союзныхъ державъ, помолодѣвшій, похорошѣвшій Парижъ возродился, закипѣлъ жизнью, не похожей на вчерашнее затишье. Прежде всего онъ откликнулся на призывъ всѣхъ тѣхъ, кто съ остановкой огромнаго трудового колеса внезапно очутились въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. До тѣхъ поръ пока государство не обезпечило семьямъ мобилизованныхъ, а также и безработнымъ насущнаго куска хлѣба, обязанностью всѣхъ имущихъ было прійти имъ на помощь, не дать впасть въ отчаяніе подъ нависшей угрозой голода. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на описаніи этой первой общественной помощи, о которой слѣдуетъ поговорить особо, скажемъ только, что несмотря на финансовый параличъ, на мораторіумъ, парижская буржуазія съ достоинствомъ выполнила свою трудную задачу. Безъ сомнѣнія, были и отдѣльные случаи эксплуатаціи, примѣры душевной черствости, скупости и узкаго эгоизма, но они, къ сожалѣнію, бываютъ вездѣ и всегда, а въ часы испытанія лишь всплываютъ наружу, какъ грязная пѣна, въ цѣломъ же, повторяемъ, общество оказалось на высотѣ своего соціальнаго долга.

Слѣдующей заботой города, и въ особенности его окрестностей, такъ называемой *banlieue*, явилась охрана мирныхъ жителей противъ возможныхъ нападеній и уличныхъ безчинствъ. Наскоро организовалась полиція добровольцевъ, но имъ не пришлось подавлять никакихъ безпорядковъ, и въ этомъ отношеніи населеніе доказало свое благоразуміе, свое пониманіе высокой серьезности момента. Нельзя однако не упомянуть съ искреннимъ сожалѣніемъ о разгромахъ шайками юныхъ апашей цѣлаго ряда нѣмецкихъ магазиновъ или считавшихся таковыми; разгромы эти, къ счастью, быстро были прекращены вмѣшательствомъ полиціи. На-ряду съ этими прискорбными инцидентами, слегка омрачившими приподнятое радостное настроеніе всѣхъ гражданъ, укажемъ еще, мимоходомъ, на нѣкоторыя другія отрицательныя явленія, вызванныя войною и военнымъ положеніемъ, а именно: на исчезновеніе изъ обращенія золотой монеты и связанную съ этимъ невозможность размѣна крупныхъ бумажныхъ денегъ иначе какъ въ банкахъ, передъ которыми публикѣ приходилось часами ждать очереди; на устроенную испуганными обы-

вателями осаду мелочныхъ лавокъ, гдѣ буквально брали приступомъ сухіе овощи, кофе, сахаръ, соль и керосинъ. Истощивъ въ два-три дня всѣ свои запасы, многіе торговцы вынуждены были прекратить временно продажу, такъ что тѣ изъ покупателей, кто не захотѣли участвовать въ этой облавѣ, остались или могли остаться безъ предметовъ первой необходимости.

Не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ. Среди всѣхъ этихъ житейскихъ треволненій, сборовъ и хлопотъ, Парижъ ни секунды не переставалъ чутко прислушиваться къ ближнему и дальнему бряцанію оружія. Утреннія, полуденныя и вечернія изданія газетъ съ офиціальными сообщеніями разбирались нарасхватъ тотчасъ по выходѣ и жадно поглощались всѣми отъ мала до велика тутъ же на улицѣ. Восторженнымъ эхомъ отозвалась въ сердцахъ вѣсть о первыхъ успѣхахъ доблестной французской арміи въ родномъ Эльзасѣ. Но энтузіазмъ достигъ своего апогея, когда наши войска послѣ блестяще выигранныхъ сраженій заняли Альткирхъ и Мюлузъ, когда генералиссимусъ Жоффръ обратился съ воззваніемъ къ „дѣтямъ Эльзаса“ отъ лица всей націи, толкающей впередъ своихъ героевъ-солдатъ, „въ складкахъ чьихъ знаменъ начертаны магическія имена права и свободы“. Даже трезвые умы, справедливо доказывавшіе, что въ стратегическомъ отношеніи эти успѣхи не имѣютъ никакого значенія, и тѣ на минуту отдались подхватившей всѣхъ волнѣ ликованія. Почтенные, скептически настроенные, профессора Сорбонны наперерывъ назначали другъ другу свиданія въ Страсбургѣ, громко мечтали о томъ, какъ съ онѣмеченныхъ каѳедръ раздастся вновь благородная французская рѣчь, какъ въ старомъ университетѣ зацвѣтетъ неувядаемая французская цивилизація, которая никогда не была и не можетъ быть рабою деспотизма. [1])

Въ это синее жаркое воскресное утро 9-го августа не было ни одной мансарды въ Парижѣ, ни одного окошка въ окрестныхъ мѣстечкахъ, гдѣ бы не игралъ въ лучахъ солнца хоть маленькій трехцвѣтный флагъ, тотъ самый флагъ, который развѣвался теперь такъ гордо надъ эльзасской равниной. И, казалось, въ воздухѣ слышалось уже вѣяніе крыльевъ побѣды.

Ровно черезъ двѣ недѣли на это свѣтлое праздничное лицо легла черная тѣнь: послѣ трехдневнаго томительнаго ожиданія, 25-го августа Парижъ узналъ о пораженіи подъ Шарлеруа. Впечатлѣніе было потрясающее. Всѣ такъ вѣрили еще наканунѣ въ неотразимый натискъ союзниковъ. Въ тѣсномъ семейномъ кругу не только женщины рыдали, но плакали и взрослые мужчины, пессимисты уже хоронили будущее

---

[1]) Изъ наиболѣе знаменитыхъ свѣтилъ науки, преподававшихъ въ Страсбургѣ до взятія его нѣмцами, назовемъ Пастера, читавшаго тамъ въ 50-хъ годахъ, и Фюстель де Куланжъ—до 70-го.

безконечно-милой, но хрупкой Франціи, раздавленной сапогомъ сильныхъ варваровъ. Никто однако не рѣшался показать чужимъ своей мучительной тревоги; напротивъ, всѣ выходили днемъ на улицу со спокойными, почти равнодушными лицами и при встрѣчѣ съ знакомыми лгали другъ другу, лишь избѣгая смотрѣть прямо въ глаза собесѣднику. Каждый пряталъ стыдливо свою, общую всѣмъ, рану подъ спартанскимъ плащомъ. Только дома спадали маски. Вечеромъ поздно зажглись въ домахъ одинокіе огни и едва ли кто-нибудь въ Парижѣ улыбнулся мирно плывшей надъ столицей звѣздной ночи. Сколько тайныхъ слезъ, молитвъ и, можетъ быть, проклятій подслушала она.

А между тѣмъ худшія опасенія быстро начинали сбываться. Лѣвое крыло французской арміи стремительно отступало, и, точно горная лавина, неслась прорвавшая цѣпь армія генерала фонъ-Клюка по направленію къ Парижу, которому чудился уже топотъ приближающейся дикой орды. И рѣяли надъ головами зловѣщія германскія птицы, швыряя бомбы въ беззащитныхъ мирныхъ гражданъ, пугая нервныхъ женщинъ и доводя до истерическихъ припадковъ несчастныхъ малышей. Въ послѣднихъ числахъ августа началось бѣгство парижскихъ и пригородныхъ жителей на западъ и югъ—въ деревню, въ Альпы, къ океану или Средиземному морю, все равно куда, только подальше, возможно дальше отъ надвигающагося урагана. Бѣгство это въ теченіе нѣсколькихъ дней (отъ 30-го августа до 5-го сентября) носило, дѣйствительно, характеръ паники. На вокзалахъ, или, вѣрнѣе, передъ вокзалами, дни и ночи дежурили безконечные „хвосты“ для полученія билетовъ, выдававшихся въ кассѣ лишь наканунѣ; автомобили брались съ боя, на вѣсъ золота, такъ какъ они позволяли увезти съ собой все, что угодно, между тѣмъ какъ на желѣзныхъ дорогахъ съ 31-го августа прекратился пріемъ багажа. Тѣмъ не менѣе на платформахъ всѣхъ станцій давка была невыразимая: таща тяжелые чемоданы, корзины и саки, обливаясь пóтомъ и задыхаясь, пассажиры переполняли всѣ поѣзда, тѣснились стоя въ биткомъ набитыхъ коридорахъ, нерѣдко забивались даже въ вагоны для скота. Путешествіе, такъ начинавшееся, понятно, совершалось и дальше въ ужасныхъ условіяхъ. Изъ-за постояннаго движенія санитарныхъ и воинскихъ поѣздовъ, съ пѣхотой и артиллеріей, приходилось порою *сутками* простаивать въ чистомъ полѣ безъ пищи, и, главное, безъ питья, что при 35° жарѣ и духотѣ было настоящей пыткой. При этомъ многіе страдали и нравственно не менѣе, чѣмъ физически, покидая передъ самымъ нашествіемъ варваровъ прекрасный любимый городъ, родное теплое гнѣздо, отъ которыхъ могло не остаться камня на камнѣ. [1]) Гнало ихъ чувство отвѣтственности, страхъ за довѣренное имъ

---

[1]) Въ замѣчательной статьѣ „*Lésprit qu'il faut avoir*“ (*Revue de Paris*, 1-е янв.) извѣстный историкъ Лависсъ утверждаетъ, будто въ военные планы Германіи входило

молодое поколѣніе, въ которомъ залогъ будущей Франціи. И они поневолѣ бѣжали вмѣстѣ съ другими, какъ трусливое стадо барановъ. Зато всѣ тѣ, кто остались, кто не смогли или не захотѣли покинуть осиротѣвшей столицы, откуда 2-го сентября выѣхало само правительство по требованію новаго начальника парижской крѣпости Гальени—всѣ до послѣдней минуты проявляли удивительное самообладаніе и присутствіе духа: и въ то время когда непріятель густыми колоннами подходилъ съ востока и сѣвера къ столицѣ, и въ то время когда послѣ неожиданнаго поворота его въ сторону загремѣли на Марнѣ и Уркѣ начавшія рѣшительное сраженіе французскія пушки.

Марнская побѣда. Ее Парижъ—и вмѣстѣ съ нимъ вся Франція—праздновалъ безъ малѣйшей экзальтаціи, не криками, пѣснями, иллюминаціями, а почтительнымъ преклоненіемъ передъ спасителями родины. Эта побѣда была куплена слишкомъ дорогою цѣною, чтобы можно было предаваться шумной радости передъ столькими раскрытыми могилами. Правда, послѣ нея блеснула вдругъ надежда на скорое окончательное изгнаніе врага изъ предѣловъ отечества, но почти тотчасъ она погасла,—слишкомъ прочно засѣли нѣмцы въ своихъ, заранѣе приготовленныхъ и укрѣпленныхъ, траншеяхъ на Энѣ. Тогда всѣ поняли, что необходимо запастись сокровищами терпѣнія, хладнокровія и выдержки, что начался неблагодарный долгій періодъ осадной и подземной войны. И хотя именно эти качества такъ мало соотвѣтствуютъ живому впечатлительному національному темпераменту, кровавые уроки дѣйствительности напугали французовъ. И Парижъ преобразился по образу и подобію своей арміи, плоти отъ плоти самого народа, и сталъ неузнаваемъ.

III.

Новый ликъ Парижа.

Въ серединѣ октября, когда съ началомъ школьныхъ занятій, отложенныхъ всего на двѣ недѣли, парижане мало-по-малу, не безъ нѣкотораго недовѣрія, стали съѣзжаться, ихъ городъ, усиліями временнаго военнаго правительства, былъ уже превращенъ въ настоящій укрѣпленный лагерь. Охваченный поясомъ своихъ fortifications, въ обычное время служащихъ для праздничныхъ прогулокъ мѣстнаго рабочаго населенія, Парижъ заперъ теперь большую часть своихъ воротъ, наглухо заколотилъ ихъ досками и вырылъ глубокія „волчьи“ ямы съ проволочными загражденіями противъ блиндированныхъ германскихъ автомобилей. При-

---

разрушеніе Парижа, „кварталъ за кварталомъ“ для того, чтобы принудить французское правительство заключить миръ.

городные трамваи должны были останавливаться приблизительно въ ста метрахъ отъ этихъ импровизированныхъ траншей; публика слѣзала и мимо дежурившихъ передъ заставой зоркихъ часовыхъ гуськомъ тянулась въ отворенную узкую дверь, выпускавшую и по ту сторону воротъ, къ городскимъ трамваямъ. Въ 8 час. вечера и это послѣднее сообщеніе прекращалось, и никто не могъ больше „ни пѣшкомъ, ни верхомъ“ выйти или войти въ отрѣзанную отъ міра столицу. Въ этотъ же часъ закрывались и кафэ, а въ 9 ч. рестораны, и городъ-свѣточъ погружался въ мракъ, прорѣзанный лишь снопами лучей электрическихъ прожекторовъ, оберегавшихъ его отъ вражескихъ налетовъ. Куда дѣвалась прославленная ночная жизнь Парижа? Ни театровъ, ни концертовъ, никакихъ вообще увеселеній, кромѣ рѣдкихъ и мало посѣщаемыхъ cinema. Скучно, пусто, неуютно. Многіе магазины, въ особенности магазины древностей, мѣховъ, картинъ, художественныхъ произведеній и всякихъ вообще предметовъ роскоши, глядятъ мертвыми глазами на свѣтъ: нѣмецкіе и австрійскіе торговые дома подъ секвестромъ, а на иныхъ магазинахъ красуется подъ національными цвѣтами выразительная надпись: „*Fermé pour cause de mobilisation*“. Улицы, по сравненію съ обычнымъ наполняющимъ ихъ грохотомъ и гуломъ, поразительно тихи, ибо всѣ автобусы, столь излюбленные парижанами, на поляхъ битвы, гдѣ съ честью служатъ для продовольственныхъ цѣлей; наемныхъ таксомоторовъ тоже гораздо меньше обыкновеннаго; они вмѣстѣ съ частными экипажами и лошадьми отобраны у владѣльцевъ и мобилизованы еще съ августа мѣсяца. Иногда только проносятся со страшной быстротой и ревомъ военные автомобили, гроза пѣшеходовъ. Кое-гдѣ висятъ еще полинялые отъ дождя или выгорѣвшіе подъ солнцемъ флаги, но почти вездѣ они сняты, и не осталось больше никакихъ внѣшнихъ признаковъ того патріотическаго одушевленія, которымъ Парижъ трепеталъ и пылалъ въ концѣ лѣта. Мало даже уличныхъ сборовъ, до которыхъ французы вообще не охотники [1]); только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ пунктахъ города, да на станціяхъ пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ звенятъ въ рукахъ молодыхъ дѣвушекъ-сборщицъ кружки Краснаго Креста. На всемъ лежитъ печать сѣрыхъ будней.

Изъ новыхъ силуэтовъ, мелькающихъ на бульварахъ, въ трамваяхъ и метро, особенно замѣтны характерныя бритыя фигуры англійскихъ солдатъ въ костюмахъ цвѣта хаки, съ неизмѣнными тростями и трубками, придающими имъ видъ туристовъ, а также живописные зуавы, рѣже свирѣпые тюркосы и сенегалійцы, большей частью съ повязан-

---

[1]) Единственный блистательно прошедшій по всей Франціи уличный сборъ—это день бельгійскаго флажка (20-е декабря), давшій около двухъ милліоновъ франковъ, изъ коихъ больше половины пришлось на столицу и деп. Сены.

ными головами или опирающіеся на костыль. Передъ всѣми ранеными, къ какой бы расѣ они ни принадлежали, здоровые мужчины невольно опускаютъ глаза, а женщины съ материнской нѣжностью ласкаютъ ихъ взглядомъ.

Парижанки, изящныя, элегантныя парижанки, какъ будто забыли, что̀ такое мода, тряпки; всѣ одѣты просто, въ темные *costumes tailleur* строгаго покроя съ небольшими и скромными шляпами, и появленіе мало-мальски эфектнаго или эксцентричнаго туалета видимо шокируетъ, шокируетъ какъ проявленіе дурного тона, какъ рѣжущая ухо фальшивая нота. Все чаще и чаще, увы, встрѣчается трауръ, но скорбь о погибшемъ героѣ даже внѣшне принимаетъ смягченныя формы: бордюръ бѣлаго крепа среди черныхъ вуалей обрамляетъ и оттѣняетъ молодое или старое лицо той, которая понесла только что тяжелую утрату.

Въ свѣтѣ сами собой прекратились выѣзды, пріемы и обѣды. Никто больше не „принимаетъ“ и не „приглашаетъ“; собираются лишь для интимной бесѣды, а дамы для совмѣстной работы, и всѣ безъ исключенія женскія руки заняты неутомимымъ вязаньемъ теплыхъ вещей для солдатъ и для réfugiés, бѣженцевъ. По мѣрѣ того какъ увеличивается кругомъ нужда, растетъ и принимаетъ все болѣе широкіе размѣры организація общественной помощи и филантропическая дѣятельность комитетовъ частныхъ лицъ. Работаютъ всѣ, кто какъ можетъ.

Едва ли не единственное воскресное развлеченіе состоятельныхъ парижанъ, это—поѣздки на траншеи, начинающіяся километровъ въ 30—40 отъ столицы и сооруженныя по послѣднему слову техническаго искусства, съ подземными залами, дортуарами, устланными соломой, ваннами, канализаціей и т. д. Въ этой огромной, съ сентября начавшейся работѣ участвуютъ и синдикаты землекоповъ, и просто безработные рабочіе, и порою подонки общества, апаши, часто терроризующіе своихъ случайныхъ товарищей, и наконецъ, увы, голодные русскіе эмигранты изъ интеллигентовъ, не брезгующіе никакимъ трудомъ. Въ результатѣ Парижъ дѣйствительно укрѣпленъ и великолѣпно можетъ защищаться. Такъ какъ посѣщать траншеи доступно далеко не всѣмъ, то большинство публики замѣняетъ его осмотромъ военныхъ трофеевъ—7 непріятельскихъ знаменъ въ „Dome des Invalides“, близъ величавой гробницы Наполеона. Больше по части „развлеченій“, съ закрытіемъ музеевъ и постоянныхъ выставокъ, не остается ничего... если не считать почти еженедѣльныхъ визитовъ *Taubes*, которые, впрочемъ, немедленно прекратились, какъ только начальникомъ воздушнаго парка назначенъ былъ генералъ Гиршауэръ.

Своеобразно красиво отпраздновалъ Парижъ 1-го и 2-го ноября день памяти мертвыхъ—*le jour des morts,* почтивъ торжественной тризной павшихъ на полѣ чести анонимныхъ героевъ. Съ ранняго утра толпы на-

рода съ цвѣтами въ рукахъ наполняли тѣ кладбища, гдѣ похоронены солдаты 1870-го и солдаты 1914-го гг. и передъ которыми были сооружены высокіе столбы съ національными флагами. Обнаживъ головы передъ братскими могилами, въ благоговѣйномъ молчаніи выслушали они прочувствованныя слова, произнесенныя представителями города и избранниками народа, и затѣмъ медленно шли дальше. Прекраснѣе всѣхъ этихъ дышащихъ патріотизмомъ рѣчей, всѣхъ офиціальныхъ манифестацій была слѣдующая нѣмая сцена. Къ небольшому зеленому холму подходитъ ровнымъ твердымъ шагомъ группа военныхъ: впереди молодой французскій лейтенантъ съ букетомъ алыхъ розъ, повязанныхъ трехцвѣтной лентой, за нимъ два англійскихъ офицера въ парадной формѣ. Всѣ трое разомъ останавливаются передъ свѣжимъ курганомъ, и, въ то время какъ англичане прикладываютъ руки къ козырьку фуражекъ, предводительствующій лейтенантъ-французъ кладетъ свой букетъ къ подножію креста и съ неизъяснимымъ выраженіемъ во взглядѣ широкимъ жестомъ отдаетъ честь выхваченной изъ ноженъ шашкой. За тѣмъ вся группа тѣмъ же ровнымъ твердымъ шагомъ удаляется.

Въ этомъ грандіозномъ символическомъ праздникѣ „для мертвыхъ" вылилась вся любовь Франціи къ терзаемой злымъ хищникомъ родинѣ, весь піэтетъ къ священной памяти ея защитниковъ. Помимо этихъ благородныхъ эмоцій, свидѣтельствующихъ о высокомъ душевномъ строѣ всего народа, въ немъ страшно сильна и ненависть къ наслѣдственному врагу; великій гнѣвъ за поруганныя національныя святыни, за неслыханныя насилія и преступленія противъ человѣчности и права, и презрительное омерзѣніе къ нравственному убожеству тѣхъ самыхъ варваровъ, грозное мщенье которыхъ открыто признается всѣми. [1]) Чувства эти распространяются теперь на всю Германію, а не только, какъ это было вначалѣ, на одну касту юнкеровъ, считавшихся единственно виновными въ разразившейся катастрофѣ. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ смутившій даже друзей Германіи манифестъ 93-хъ не соединилъ знакомъ равенства дисциплинированное воинство Вильгельма II съ блестящими представителями современной нѣмецкой культуры? Недаромъ пылкій Эрвэ по обнародованіи этого замѣчательнаго человѣческаго документа воскликнулъ, обращаясь къ солдатамъ французской арміи: „Tous se valent maintenant, tirez dans le tas"!

Общая любовь и общая ненависть спаяли то духовное единство Франціи, благодаря которому смолкла полувѣковая распря, какъ ржавчина желѣзо, разъѣдавшая государственное тѣло третьей Респуб-

---

[1]) Презрѣніе это ни въ чемъ не сказывается такъ ясно, какъ въ остроумной кличкѣ *les Boches*, до такой степени привившейся къ нѣмцамъ, что окончательно вытѣснило столь распространенное раньше въ народѣ *Prussien*.

лики. На нашъ взглядъ, однако, и преждевременно въ настоящій моментъ подводить итоги, толковать о какихъ-либо перемѣнахъ въ политическомъ или религіозномъ міросозерцаніи общества. Всѣ тѣ явленія, на которыя обращаютъ усиленное вниманіе любители обобщеній, касаются лишь вѣчно-колеблющейся поверхности народнаго моря, и никто изъ насъ не знаетъ, что̀ творится и что̀ зрѣетъ въ его глубинахъ. Такъ, нельзя дѣлать никакого вывода пока изъ того факта, что въ церквахъ больше прежняго молящихся, преимущественно, конечно, женщинъ. О нихъ еще Ренанъ сказалъ: „Si vous fermez les églises, les femmes où iront elles prier?". Пока несомнѣнно лишь одно, и это самое важное: умирать *pro patria* умѣютъ всѣ равно, и вѣрующіе и безбожники; одинъ умираетъ съ молитвой, другой—съ лебединой пѣснью о свободѣ на устахъ, вотъ и вся разница [1]). Ежедневно намъ сообщаютъ о геройской или мученической смерти, доблестныхъ подвигахъ то священника-сержанта, то вчерашняго анархиста, антиклерикала, нынѣ дружно соединившихся подъ общимъ знаменемъ. А какія чудесныя, искрящіяся юморомъ, дышащія беззавѣтной отвагой письма шлютъ всѣ „мохнатые" *(les poilus)* изъ этого ада кромѣшнаго тѣмъ, кто остались позади. И на всѣ лады повторяютъ они, что это „война противъ войны". Воистину Франція доказала міру свою жизнеспособность, французскій народъ спасъ самъ себя. Но сколько жертвъ уже принесъ онъ, сколько жестокихъ потерь среди цвѣта небольшой 38-милліонной націи. Безпрестанно газеты печатаютъ некрологи погибшихъ въ бою писателей, ученыхъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей, самыхъ различныхъ направленій и оттѣнковъ. Число ихъ,—увы!—все растетъ, и порою страшно становится за будущее всей французской культуры. Но, кажется, пальма первенства принадлежитъ въ этомъ отношеніи золотой университетской книгѣ—*le livre d'or de l'Université* [2]), а въ ней на почетномъ мѣстѣ стоятъ относящіяся къ учащейся молодежи слишкомъ краснорѣчивыя цифры. Въ *Ecole Normale,* этомъ питомникѣ настоящаго *esprit français,* изъ 180-ти ушедшихъ на войну студентовъ убито уже 35 человѣкъ, ранено, пропало безъ вѣсти или въ плѣну 60 [3]). Также велика убыль въ рядахъ слушателей *Ecole Polytechnique, Ecole Forestière Centrale* и другихъ высшихъ учебныхъ

---

[1]) Приведемъ среди массы примѣровъ слѣдующій трогательный разсказъ. Въ госпиталѣ умираетъ отъ ранъ 17-лѣтній юноша-доброволецъ изъ Эльзаса. За нѣсколько минутъ до кончины онъ въ полномъ сознаніи простился со всѣми своими товарищами по палатѣ, поблагодарилъ тѣхъ, кто ухаживалъ за нимъ, потомъ запѣлъ марсельезу и пѣлъ ее до послѣдняго своего вздоха. (*Temps,* 19 янв., 1915 г.)

[2]) Во Франціи понятіе *Université* охватываетъ всѣ разряды школъ—и низшія, и средвія, и высшія, а не только, какъ у насъ, одинъ чистый типъ высшей школы.

[3]) Цифры эти даны намъ были мѣсяцъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ, безъ сомнѣнія, еще возросли.

заведеній, не говоря уже о спеціально военныхъ училищахъ; объясняется она тѣмъ, что всѣ эти молодые люди находятся на передовыхъ позиціяхъ въ качествѣ младшихъ офицеровъ, часто командующихъ митральезами и, слѣдовательно, подвергаются бóльшей, по сравненію съ другими категоріями гражданъ, опасности. Во всякомъ случаѣ ни одинъ классъ населенія не можетъ позавидовать буржуазной интеллигенціи и никто не въ правѣ утверждать, будто она бережетъ своихъ дѣтей больше, чѣмъ дѣтей пролетаріата.

При этихъ условіяхъ немудрено, что вся интеллектуальная, и въ частности академическая жизнь столицы еле-еле теплится. Сорбонну трудно узнать, до такой степени храмъ науки утратилъ свой знакомый и милый всѣмъ завсегдатаямъ обликъ огромнаго трудового улья, гдѣ непрерывно кипитъ и зрѣетъ творческая мысль. Остались только безусые 17 и 18-лѣтніе юноши, немногіе *réformés*, кое-кто изъ иностранцевъ и женщины, изъ коихъ едва ли не большинство думаетъ о своихъ обязанностяхъ сидѣлокъ больше, нежели о занятіяхъ философіей и ботаникой, объ изученіи восточныхъ языковъ или космографіи. На *Faculte des sciences* закрылись нѣкоторые кабинеты и лабораторіи; въ библіотекѣ и читальномъ залѣ—пустыня, нѣсколько десятковъ склоненныхъ надъ книгами головъ вмѣсто обычной многолюдной толпы. Кредиты сокращены до послѣдней возможности; такъ, въ 1915 г. рѣшено не выписывать ни иностранныхъ книгъ, ни журналовъ. Профессора читаютъ передъ осиротѣвшими скамьями и съ невольной тревожной грустью вспоминаютъ своихъ далекихъ учениковъ. Живутъ лишь публичныя аудиторіи, въ которыхъ говорятъ объ исторической миссіи союзныхъ народовъ и о низложеніи и эволюціи пангерманизма, о томъ, какъ земля, родившая Гёте и Канта, могла дойти въ XX вѣкѣ до полнаго паденія своего этическаго идеализма. Тѣ же остро волнующія общество темы разрабатываются и на столбцахъ наиболѣе серьезныхъ газетъ, не питающихся исключительно военными телеграммами и анекдотами, и на страницахъ толстыхъ журналовъ, всецѣло посвященныхъ всемірной злобѣ дня [1]). Наиболѣе интересныя, подписанныя авторитетными именами, статьи являются отвѣтомъ на позорный манифестъ 93-хъ, пытаются разъяснить, въ чемъ основное отличіе нѣмецкой *Kultur* отъ французской цивилизаціи, „неотъемлемой отъ идей истинной свободы, лояльности и универсализма“ [2]). Всѣ

---

[1]) Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны газеты, какъ извѣстно, выходили въ сокращенномъ размѣрѣ, а журналы и совсѣмъ было пріостановились: нехватало ни бумаги, ни рабочихъ рукъ.

[2]) *René Gillemin:* Psychologie du germanisme (*Revue de Paris,* 1 янв. 1915 г.). Въ этомъ журналѣ появились еще слѣдующіе превосходные этюды, 15 ноября *Lavisse:* La Guerre (рѣчь, произнесенная 5 н. на открытіи Faculté des Lettres) и *Gauvain:*

усилія критическаго ума и полеты поэтической фантазіи направлены въ одну точку, всѣ духовныя силы сконцентрированы на одномъ объектѣ: внѣ вопроса о національной защитѣ—вопроса не самолюбія или даже чести, а жизни или смерти—нѣтъ и не можетъ быть интенсивной творческой работы. Поэтому нѣтъ и новыхъ словъ ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, врядъ ли много ученыхъ трудовъ будетъ закончено до заключенія мира, врядъ ли много диссертацій будетъ защищено въ залѣ доктората и, помимо *Institut de France,* не много будетъ засѣдать въ 1915 году ученыхъ обществъ; и во всякомъ случаѣ Парижъ не увидитъ весною своихъ „Салоновъ" въ огромномъ дворцѣ искусствъ, уже превращенномъ въ военный госпиталь. И никто сейчасъ не пишетъ стиховъ и романовъ, а главное, никто ихъ не читаетъ.

Оцѣпенѣніе это проявляется и на экономическомъ поприщѣ, на которомъ до сихъ поръ властвуетъ тормозящій всѣ дѣла мораторіумъ. Пока врагъ не будетъ вытѣсненъ изъ захваченныхъ имъ наиболѣе богатыхъ и цвѣтущихъ областей Франціи, нормальное теченіе промышленной дѣятельности возстановлено не будетъ; это тѣмъ болѣе вѣрно, что отъ французскихъ industriels и hommes d'affaires скорѣе можно вообще требовать жертвъ, чѣмъ подвига иниціативы.

Тѣмъ не менѣе за послѣднее время съ разныхъ сторонъ дѣлаются добросовѣстныя попытки выйти изъ полосы мертваго штиля, дать просторъ скованной энергіи и по возможности смягчить суровый ликъ нѣкогда легкомысленнаго и суетнаго „Вавилона". Прежде всего распахнулись гостепріимно городскія ворота, засыпались волчьи ямы и вновь началось прямое сообщеніе съ Парижемъ и безпрепятственное движеніе трамваевъ черезъ заставы, но только до 9 час. вечера. Мало-по-малу оживились и улицы, и многіе закрывшіеся со дня мобилизаціи магазины подняли свои ставни и возобновили прерванную торговлю. Заработали также и остановившіеся было мастерскія и заводы, благодаря тому, что правительство, желая поднять экономическую жизнь страны, отозвало съ передовыхъ позицій извѣстное количество фабрикантовъ, инженеровъ и подрядчиковъ. Участились заказы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, повысился немного и темпъ парижской жизни. Въ двадцатыхъ числахъ ноября, послѣ неоднократныхъ отказовъ военныхъ властей, театрамъ дано было давно просимое разрѣшеніе, и они робко пріотворили свои двери, пока лишь для дневныхъ представленій. Вѣрный своимъ традиціямъ „домъ Мольера" открылъ поздній сезонъ трагедіями Корнеля *Горацій* и *Сидъ*. Прославленіе ге-

---

Origines de la guerre 15 дек. *Lanson*: Culture allemande, humanité slave и *Mâle:* La Cathedrale de Reims; 1 янв. *Bédier*: Atrocités allemandes d'après les témoignages allemands (вышло брошюрой).

роическихъ добродѣтелей, достойныхъ древняго Рима, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило сочувственный пріемъ у воспитанной на классическихъ образцахъ публики. Меньше, чѣмъ *Comédie Française,* посчастливилось оперѣ и концертамъ, главнымъ образомъ изъ-за вынужденнаго строжайшаго бойкота всей нѣмецкой музыки: единственный геніальный французскій композиторъ Берліозъ, очаровательный, пламенный Бизэ и прочіе *dii minores* не могутъ замѣнить истиннымъ цѣнителямъ запретные сладкіе плоды Бетховена, Шумана, Вагнера... Что же касается другихъ драматическихъ театровъ, то они либо совсѣмъ не играютъ за недостаткомъ средствъ и труппы, либо прозябаютъ, не имѣя подходящаго репертуара. Пусть кинематографы демонстрируютъ недавно разрѣшенныя цензурой картины „съ натуры", художественное чутье и прирожденный тактъ парижской интеллигенціи не позволяютъ ей лицезрѣть на сценѣ болѣе или менѣе искусныя поддѣлки подъ страшную дѣйствительность, а старыя адюльтерныя пьесы—кого онѣ сейчасъ могутъ тронуть? Зато большимъ заслуженнымъ успѣхомъ пользуются благотворительные спектакли и концерты то въ пользу бѣженцевъ, то въ пользу самихъ раненыхъ или же давно голодающихъ артистовъ, а въ особенности популярны такъ называемыя „національныя утра" (*matinées nationales*), доступныя по цѣнѣ всѣмъ карманамъ (отъ 3 и до 1 франка). Послѣ вступительнаго слова, всегда съ подъемомъ произносимаго какимъ-нибудь виднымъ писателемъ, часто изъ академиковъ, пѣвцами и актерами исполняются различные музыкальные номера и *récitation,* наиболѣе соотвѣтствующіе патріотическому вкусу слушателей. Въ заключеніе оркестръ играетъ гимны всѣхъ союзныхъ державъ, неизмѣнно встрѣчаемые апплодисментами; когда же раздаются могучіе звуки марсельезы, то ихъ хоромъ подхватываетъ наэлектризованное собраніе, въ которомъ мелькаетъ немало военныхъ мундировъ, и всѣ расходятся, унося съ собою на остатокъ дня воспоминаніе о чемъ-то бодромъ и свѣтломъ, вдругъ блеснувшемъ среди окружающихъ сумерекъ.

Но несмотря на всѣ усилія стряхнуть давящій грудь кошмаръ, Парижъ въ его власти. Правда, Парижъ попрежнему, и даже больше прежняго—увѣренъ въ конечномъ торжествѣ союзниковъ, правда, въ немъ не замѣтно ни нервности, ни даже нетерпѣнія, но пропала былая, бьющая ключомъ, жизнерадостность, выдохся тотъ легкій, чуть насмѣшливый—blagueur—духъ, который, какъ аттическая соль, приправлялъ раньше разговоръ парижанина [1]). Да иначе и быть не можетъ. Вѣдь гибнутъ тысячами лучшіе сыны Франціи, вѣдь стонетъ еще подъ ненавистнымъ игомъ изнасилованная Бельгія и вмѣстѣ съ ней значительная часть род-

---

[1]) Говорятъ, духъ этотъ сохранился на передовыхъ позиціяхъ, въ окопахъ, гдѣ *le parigot* увлекаетъ своимъ остроуміемъ, своею blague всѣхъ товарищей.

ной земли, съ головы до ногъ окутанной траурнымъ флёромъ! И на каждомъ шагу война даетъ себя чувствовать въ самой столицѣ, грозно напоминая о томъ, что врагъ всего въ 80-ти килом. отъ нея. Въ эти дни испытанія и скорби всякій инстинктивно чувствуетъ, что веселье неприлично, но также хорошо понимаютъ всѣ и то, что не нужно унынія. *Union, silence, sérénité*—сказалъ, характеризуя настроеніе столицы и страны, министръ-президентъ Вивіани 22 декабря на историческомъ засѣданіи парламента, опять вернувшагося послѣ почти четырехмѣсячнаго изгнанія въ сердце Франціи. И онъ сказалъ правду. Только что окончившіеся праздники еще разъ—и такъ ясно—показали это.

Съ трогательной солидарностью Парижъ организовалъ отправку рождественскихъ гостинцевъ дорогимъ воинамъ, — здоровымъ въ окопы, больнымъ и раненымъ во всѣ городскіе госпитали. Въ большихъ гастрономическихъ магазинахъ столы ломились подъ тяжестью заготовленныхъ по этому случаю корзинъ съ жареной птицей, горъ шоколада, печенья и конфетъ, коробокъ консервовъ и ящиковъ фруктовъ; въ кондитерскихъ красовались трехцвѣтныя бонбоньерки съ соотвѣтствующими картинками и надписями. О полезныхъ подаркахъ, какъ-то: теплыя вещи, табакъ, папиросы, писчая бумага и прочее, мы и не говоримъ: безъ нихъ не обходилась ни одна посылка. Не было навѣрное ни одной самой бѣдной рабочей семьи, гдѣ бы не позаботились о томъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь порадовать ушедшаго мужа, сына или брата, въ то же время отказывая себѣ къ празднику въ самомъ необходимомъ. Во всѣхъ пансіонахъ, гимназіяхъ и ouvroir'ахъ дѣвочки и дѣвушки торопливо вязали безчисленные носки, перчатки, фуфайки, жилетки и шлемы „pour nos bons soldats", а въ народныхъ школахъ ученики постарше сами отказывались отъ ёлки, чтобы употребить эти деньги на солдатскія *étrennes*. И каждый день огромные, до верху нагруженные пакетами, автомобили, фургоны несли туда на линію огня, защитникамъ родины вмѣстѣ съ ея дарами и привѣтомъ частицу той нѣжной благодарности, которою полна черезъ край душа этой родины.

Не забыли парижане въ этомъ году и ребятишекъ, прежде всего тѣхъ жалкихъ маленькихъ кочевниковъ, очаги которыхъ разрушены, а затѣмъ и всѣхъ тѣхъ, чьи отцы такъ славно дерутся противъ *les Boches*. Во всѣ эти дѣтскіе башмачки *le père Noël*, согласно доброму французскому обычаю, положилъ украдкой свой сюрпризъ; щедрой рукой розданы были въ комитетахъ бѣженцевъ и мэріяхъ и зимнее платье, и незатѣйливыя игрушки, и скромныя лакомства. Но только одни личики дѣтей сіяли нынче невинной радостью, и печально, сквозь слезы, улыбались имъ одинокія матери. Быть можетъ, впервые за все время своего христіанскаго существованія Парижъ не праздновалъ традиціоннаго *réveillon* 24-го декабря и не встрѣчалъ 31-го Новаго года. Кафэ и рестоканы

раны погасили свои огни въ сочельникъ въ положенный часъ, какъ и во всѣ послѣдующіе дни, и по темнымъ улицамъ не звучало ни пѣсенъ, ни смѣха, ни говора.

Въ кровавомъ туманѣ взошла Рождественская звѣзда, и въ небесахъ ангелы тихо-тихо запѣли:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ *миръ*"... Да, миръ, далекій желанный, *нашъ* миръ. Кто изъ насъ не призывалъ его всѣми помыслами, всѣми мечтаніями своими? Онъ наступитъ, онъ долженъ наступить вмѣстѣ съ настоящимъ Новымъ годомъ, съ новой свѣтлой эрой, когда вздохнетъ, наконецъ, укротившая звѣря освобожденная Европа.

М. Лотъ-Бородина.

Парижъ, 10 (23) января 1915 года.

Англичане въ допетровской Руси.

Въ нынѣшнее знаменательное время, когда союзъ Россіи съ Англіей является совершившимся фактомъ, вопросъ о первыхъ англо-русскихъ отношеніяхъ пріобрѣтаетъ животрепещущій характеръ современности. Переживаемыя нами грозныя событія вовлекаютъ широкіе слои русской интеллигенціи въ кругъ спеціальныхъ историческихъ интересовъ. Когда и при какихъ условіяхъ впервые появились англичане въ Россіи? Въ какія формы вылились ихъ сношенія съ нашими далекими предками? Каково было вліяніе англичанъ на Московскую Русь? Все это вопросы, которые въ данное время не могутъ не интересовать общество, а научныя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ позволяютъ историку дать на нихъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

Еще *Карамзинъ* указывалъ на то, что „связь наша съ Британіей, основываясь на взаимныхъ выгодахъ, безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости царя (Грознаго) и придала новый блескъ его царствованію“. Безусловно, что въ исторіи сношеній Россіи съ западными народами англичанамъ по праву принадлежитъ первое мѣсто; они первые установили правильныя торговыя и дипломатическія сношенія съ „Московіей“, открывъ новый свободный путь съ Запада въ нашу страну черезъ Бѣлое море; этотъ путь въ нынѣшнее военное время вновь привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе, нѣкоторыя газеты называютъ его „новымъ“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ дальше, англичане широко пользовались имъ для сношеній съ нашимъ отечествомъ уже три вѣка тому назадъ. Безпрерывныя мелкія войны XVI вѣка, какъ и нынѣшняя великая война, дѣлали Балтійское море крайне неудобнымъ и опаснымъ для правильныхъ рейсовъ. Только найдя и утвердивъ за собой новый сѣверный морской путь въ Россію, англичане могли стать прочной ногой на русскихъ рынкахъ и при московскомъ дворѣ, пользуясь у насъ непрерывно въ продолженіе цѣлаго столѣтія исключительно привилегированнымъ положе-

ніемъ. Ихъ многочисленные мемуары и книги о Россіи давно уже признаны русскими историками цѣнными источниками и ярко свидѣтельствуютъ о томъ, какъ близко удалось имъ подойти къ жизни допетровской Руси.

I.

Первое знакомство англичанъ съ Россіей относится къ 1553 году. По инициативѣ знаменитаго мореплавателя, Севастіана Кабота, въ Англіи образовалось общество „купцовъ-искателей для открытія странъ, острововъ, земель и владѣній невѣдомыхъ и доселѣ морскимъ путемъ непосѣщаемыхъ". Главною цѣлью своей оно ставило открытіе сѣвернаго пути въ далекую Индію и сказочный Китай. На частныя средства было снаряжено три корабля, на которыхъ 116 англичанъ-смѣльчаковъ пустились въ далекое невѣдомое плаваніе. Вышедшая 11 мая 1553 г. эскадра 14 іюня подплыла къ Гельголанду, а въ первыхъ числахъ августа близъ Вардегуза вѣтры разсѣяли мореплавателей. Два корабля съ главнымъ предводителемъ экспедиціи, сэромъ Виллогби (Sir Hugh Willoughby), были занесены въ Бѣлое море и вскорѣ затерты льдами близъ пустыннаго Лапландскаго берега; зато третье судно „Эдуардъ Благое Предпріятіе", кормчимъ котораго былъ Ричардъ Чанслеръ, спасаясь отъ бури, благополучно пристало 24 августа въ устьѣ Двины, близъ монастыря святого Николая.

О своемъ неожиданномъ прибытіи въ Россію англичане разсказывали впослѣдствіи такъ: приставъ къ берегу, они увидѣли невдалекѣ рыбачью лодку и пошли къ ней навстрѣчу, но испуганные рыбаки бѣжали; когда же англичане догнали ихъ, тѣ въ страхѣ пали ницъ и хотѣли цѣловать ихъ ноги. Еще до отъѣзда изъ Англіи мореплавателямъ была дана строгая инструкція обращаться съ мѣстными жителями возможно мягко и гуманно. [1]) Чанслеръ поднялъ съ земли рыбаковъ и постарался знаками успокоить ихъ; это пробудило въ нихъ любовь и довѣріе, и они побѣжали распространять слухъ о пріѣздѣ новаго ласковаго народа.

По разсказу Двинской лѣтописи „холмогорскіе прикащики о приходѣ того аглинскаго посла и гостей съ Холмогоръ писали къ царю" и 25-го ноября они „отпущены по указу къ Москвѣ съ Холмогоръ къ царю и великому князю". Дѣйствительно, Чанслеръ, узнавъ, что онъ находится въ земляхъ московскаго царя, рѣшилъ ѣхать въ Москву, принявъ на себя роль посла англійскаго короля Эдуарда VI, и такимъ образомъ англичане впервые предстали передъ русскимъ царемъ. Грозный обласкалъ посла, обѣщая англійскимъ купцамъ богатыя милости и ши-

---

[1]) Инструкція эта напечатана въ англійскомъ сборникѣ Hakluit'a: „Principal Navigations", содержащемъ много цѣнныхъ памятниковъ англо-русскихъ сношеній. Этотъ сборникъ впервые напечатанъ въ концѣ XVI вѣка; недавно Гаклюитовское общество выпустило новое его изданіе.

рокія торговыя привилегіи, если они установятъ правильныя сношенія черезъ Бѣлое море между своей страной и Россіей. Политика Петра имѣла своихъ далекихъ предшественниковъ въ Московскомъ государствѣ, и уже въ XVI вѣкѣ русскіе цари искали сближенія съ Западомъ. Между тѣмъ враждебныя дѣйствія шведовъ и поляковъ дѣлали крайне затруднительными сношенія черезъ Балтику, такъ какъ сосѣди Россіи опасались ея включенія въ кругъ общеевропейскихъ интересовъ и отношеній; и вдругъ англичане самымъ неожиданнымъ образомъ вызвались связать черезъ сѣверъ Россію съ остальной Европой; какъ было дальновидному московскому царю не принять съ восторгомъ такого предложенія?

Многіе иностранные товары были очень нужны Россіи, въ видѣ иностранныхъ мастеровъ царь уже не разъ пробовалъ использовать плѣнныхъ балтовъ и шведовъ. При такихъ условіяхъ англійскіе товары и мастера были весьма желательными, и англійской торговлѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, легко было добиться привилегированнаго положенія.

Для англичанъ же „открытіе Чанслеромъ новой страны", новаго богатаго рынка сбыта, столь близкаго по сравненію съ Индіей и Китаемъ, было чрезвычайно выгодно; это видно уже изъ того, что новое торговое общество, окончательно сорганизовавшееся въ 1555 году и получившее учредительную хартію отъ англійскаго правительства, выдвинуло русскую торговлю на первый планъ, учредило правильныя ежегодныя поѣздки въ Россію и пріобрѣло въ англійскихъ памятникахъ знаменательное имя „Московской" или „Русской Компаніи" (Muscovy Company, Russia Company). Правда, члены его не вполнѣ еще покинули надежду отыскать „новыя далекія страны", расположенныя къ сѣверу или сѣверо-востоку отъ Англіи, и отъ времени до времени посылали экспедиціи, побывавшія въ устьѣ Печоры, въ Гренландіи и многихъ другихъ далекихъ сѣверныхъ земляхъ; все же русская, а впослѣдствіи и персидская торговля стали главными источниками обогащенія и „raison l'être" компаніи.

Но прежде чѣмъ прослѣдить за развитіемъ англо-русскихъ сношеній, кинемъ бѣглый взглядъ назадъ, на участь экипажа тѣхъ двухъ кораблей, которымъ не суждено было съ Чанслеромъ пристать къ устью Двины. Почти всякое смѣлое предпріятіе требуетъ искупительныхъ жертвъ, и, спѣша впередъ за побѣдителями жизни, историкъ не можетъ не остановить хотя бы мимолетнаго благодарнаго взгляда на побѣжденныхъ. Смерть во имя великаго достиженія невольно приковываетъ къ себѣ взоръ.

Затертые льдами въ Нокуевской губѣ, Виллогби и его товарищи не имѣли возможности пережить долгую полярную зиму. Въ XVI вѣкѣ въ

Англіи не отдавали себѣ яснаго отчета въ суровости зимы на далекомъ сѣверѣ; экспедиція не была снабжена ни нужнымъ количествомъ пищи и топлива, ни достаточно теплой одеждой. Дни между тѣмъ становились все короче, и съ 25-го ноября, какъ разъ около того времени, когда Чанслеръ выѣхалъ въ Москву, его несчастные товарищи уже перестали видѣть солнце даже въ полдень. Какъ должны были себя чувствовать люди, очутившіеся въ столь отчаянномъ положеніи, когда послѣдній источникъ свѣта и жизни, солнце, угасъ для нихъ на долгія недѣли,— объ этомъ, конечно, трудно говорить. Постепенно умирали отъ стужи и голода эти смѣлые англійскіе мореплаватели (ихъ было, кажется, 65 человѣкъ) въ долгую полярную ночь, длившуюся до 29-го декабря. Но повидимому нѣкоторые изъ нихъ были еще живы въ январѣ и видѣли возвращеніе полярнаго солнца. Въ числѣ ихъ былъ и самъ Виллогби; въ этой ужасающей обстановкѣ, окруженный мертвыми и умирающими, онъ находилъ мужество дѣлать метеорологическія наблюденія и писать дневникъ для компаніи, и эти записи его были сохранены для потомства.

На слѣдующую зиму дошла до русскаго царя вѣсть отъ заморскихъ кореловъ, что нашли они на Мурманскомъ морѣ два корабля: „стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ всѣ мертвы и товаровъ на нихъ много". По приказу Грознаго холмогорскія власти переписали и запечатали всѣ англійскіе товары и вмѣстѣ съ пушками и снастью корабельной отвезли на берегъ. Впослѣдствіи все это имущество, и въ числѣ его и дневникъ Виллогби, было возвращено англичанамъ.

Но оставимъ мертвыхъ и возвратимся къ живымъ. Въ 1555 году Чанслеръ вновь отправился на Москву, съ нимъ поѣхало много англичанъ, въ томъ числѣ нѣсколько выдающихся купцовъ, которымъ общество поручало организовать въ Россіи отдѣльныя торговыя предпріятія. Русскій царь сдержалъ свои обѣщанія и даровалъ англичанамъ привилегію свободной безпошлинной торговли въ Московскомъ государствѣ, а вскорѣ затѣмъ подарилъ имъ и домъ въ Москвѣ. Эта привилегія впослѣдствіи неоднократно подтверждалась и расширялась; такъ, въ 1567 году за ними окончательно закрѣпленъ сѣверный путь въ Россію, которымъ никакимъ другимъ иностранцамъ не разрѣшено пользоваться; въ 1569 году они допущены къ торговлѣ во вновь завоеванныя Нарву, Казань и Астрахань, и черезъ послѣднюю имъ разрѣшено ѣздить для торга въ Персію.

Такъ расцвѣтаетъ въ XVI вѣкѣ англійская торговля въ нашемъ отечествѣ, а въ 70-хъ и 80-хъ годахъ его, когда велся черезъ Россію богатый торгъ съ Персіей, компанія выплачивала своимъ членамъ въ Англіи крупные дивиденды. [1]) Но уже къ началу XVII вѣка положеніе ея

[1]) Финансовое положеніе англійскихъ компаній, и въ томъ числѣ и „Muscovy Company", хорошо изучено *W. R. Scott*, „The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720", Cambridge, 1910—1913, 3 тома.

въ Россіи значительно пошатнулось; торговля въ Московскомъ государствѣ становилась все болѣе открытой, все болѣе доступной для всѣхъ иностранцевъ, и голландцы весьма успѣшно стали вытѣснять англичанъ съ московскихъ рынковъ. Все же, послѣ застоя въ Смутное время, въ царствованіе перваго Романова, англичанамъ возобновлены ихъ прежнія привилегіи, правда, подвергшіяся уже съ царствованія царя Ѳедора значительнымъ сокращеніямъ,—такъ, совершенно запрещена персидская торговля. Но лишь послѣ столѣтія оживленныхъ сношеній, въ 1649 году англичане временно изгнаны изъ Россіи за то, что они „своего короля Карлуса до смерти убили". Впрочемъ, рядомъ съ этой политической причиной, кажется, не малую роль сыграли и хлопоты русскаго купечества передъ московскимъ правительствомъ объ избавленіи отъ опаснаго и ловкаго конкурента. Уже въ 1639 году въ Вологдѣ происходили враждебныя столкновенія между англичанами и русскими торговыми людьми; съ тѣхъ поръ жалобы московскихъ купцовъ стали раздаваться все громче и громче, и въ 1649 году подана царю „Челобитная стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей о воспрещеніи иностраннымъ купцамъ торговать въ русскихъ городахъ, кромѣ Архангельска", [1]) въ которой, ссылаясь на то, что „сукна тѣ иноземцы почали на Русь возить худые, тянутые... да иные де локотные и всякіе товары передъ прежними лѣты почали возить худые, а цѣну держать передъ прежними годы большую", челобитчики просятъ, чтобы „Государь пожаловалъ ихъ, гостей и торговыхъ людей, заморскихъ Нѣмецъ [2]) отъ Архангельскаго города и ото Пскова съ товары ихъ къ Москвѣ и въ иные города пропускать, и на Руси имъ торговать, и русскихъ товаровъ на Москвѣ и въ городѣхъ, опричь Архангельскаго города и Пскова, покупать не велѣлъ". Такимъ образомъ, окончилась первенствующая роль англичанъ въ русской внѣшней торговлѣ.

II.

Посмотримъ теперь, какъ успѣли англичане развить свою торговую дѣятельность въ нашемъ отечествѣ за то столѣтіе, когда они пользовались сначала исключительнымъ (при Грозномъ), а затѣмъ все же милостивымъ покровительствомъ русскихъ царей.

Добившись привилегіи Грознаго, пользуясь широкимъ покровительствомъ королевы Елизаветы, англійская компанія проявила въ Россіи

---

[1]) Напечатана въ *Сборникѣ Хилкова*.

[2]) „Нѣмецъ" въ XVI вѣкѣ значитъ вообще иностранецъ, а въ данномъ памятникѣ чаще всего англичанинъ.

кипучую дѣятельность. [1]) Изъ Англіи стали вывозиться всевозможные товары, прежде всего сукна, главный предметъ англійскаго вывоза въ XVI вѣкѣ. Въ 1555 году съ Чанслеромъ въ Россію пріѣхалъ суконщикъ Килингвортъ, которому компаніей было поручено организовать торговлю сукнами. Въ запискахъ Чанслера объ этомъ его путешествіи сохранился разсказъ о томъ, какъ Килингвортъ, присутствовавшій на царскомъ обѣдѣ, поразилъ царя своей прекрасной окладистой бородой; царь, потрепавъ ее, указалъ на нее митрополиту, тотъ взялъ ее въ руку, подержалъ нѣкоторое время и сказалъ, что это Божье благословенье.

Дѣла Килингворта пошли успѣшно; ввозилось преимущественно самое широкое сукно, а также грубая каразея. Любопытно, что любимымъ цвѣтомъ русскихъ англичане считали не красный, а голубой; такъ, въ 1557 году изъ 518 кусковъ привезенной гемпширской каразеи 400 были голубые, а остальные красные, зеленые, синіе и желтые. Въ описи казны царя Бориса встрѣчаемъ упоминаніе „лундыша“ (лондонскаго сукна) самыхъ различныхъ цвѣтовъ: сизаго, брусничнаго, лимоннаго, вишневаго, крапивнаго, синяго съ искрой и другихъ. Привозились и хлопчатобумажныя матеріи, которыя англичане называли однимъ изъ лучшихъ предметовъ своего вывоза. Это стоитъ отмѣтить, такъ какъ историки-экономисты обыкновенно считаютъ, что хлопчатобумажное производство развилось въ Англіи значительно позднѣе.

Первое время англійскіе купцы вели въ своихъ домахъ розничную продажу матерій, что впослѣдствіи было имъ запрещено. Такъ, изъ англійскихъ источниковъ узнаемъ, что, когда Грозный наложилъ опалу на Никиту Романовича Юрьева (дѣда будущаго царя Михаила), послѣдній, жившій на Варваркѣ рядомъ съ англійскимъ домомъ, послалъ немедленно къ англичанамъ за бумажной матеріей для себя и своихъ сыновей, желая этимъ показать, въ сколь бѣдственное положеніе поставила его семью несправедливая опала.

Остальные предметы англійскаго ввоза въ Россію были чрезвычайно разнообразны, такъ какъ компанія торговала не только англійскими, но и другими иностранными товарами. Неоднократно упоминаются: сахаръ, бумага, желѣзо, олово и свинецъ. Итальянскій купецъ Барберини совѣтовалъ привозить домашнюю птицу, овощи, вина. Неоднократно привозились также англичанами съ большимъ успѣхомъ къ царскому двору всякія заморскія диковины: львы, роскошныя сбруи, позолоченныя алебарды, аптечныя снадобья, органы, клавикорды, всякая посуда, а также жемчугъ, карминъ и соль.

---

[1]) О торговой дѣятельности англичанъ не мало свѣдѣній можно почерпнуть въ нѣсколько устарѣвшей книгѣ *Гамеля*: „Англичане въ Россіи“, а также *П. Любименко*: „Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей“, вып. I, 1912.

Но самымъ цѣннымъ предметомъ англійскаго ввоза для русскаго правительства было оружіе и боевые припасы, сѣра, селитра и т. п. Англичане неоднократно снабжали Россію этимъ товаромъ, изъ-за чего имъ приходилось вступать въ серьезныя пререканія съ сосѣдними ей государствами, особенно съ Германіей и Польшей. Королева Елизавета отдѣлывалась передъ императоромъ завѣреніями, что ея подданные не занимаются подобной торговлей, но послѣдняго трудно было убѣдить, даже офиціальными запрещеніями, издаваемыми для его успокоенія въ Англіи. Король польскій Сигизмундъ тоже съ тревогой слѣдилъ за вооруженіемъ своего московскаго сосѣда. Въ 1568 году онъ констатируетъ, что „Москаль чрезвычайно преуспѣлъ въ образованіи и вооруженіи". Если Польша до сихъ поръ побѣждала его, то лишь потому, что онъ былъ „невѣжественъ въ художествахъ и незнакомъ съ политикой", но если это плаваніе англичанъ въ Россію продолжится, то что останется ему неизвѣстнымъ!

Тѣмъ не менѣе англичане продолжали помогать Россіи вооружаться; значительно позже, въ 1634 году, царь Михаилъ писалъ въ Англію королю Карлу I, что желаетъ закупить въ его землѣ 5000 шпагъ. [1]) Въ числѣ иностранныхъ наемниковъ-солдатъ большую роль въ Россіи въ XVII вѣкѣ играли англичане, и особенно шотландцы. Нѣкоторые изъ нихъ занимали въ русской арміи выдающееся положеніе; такъ, напримѣръ, полковникъ Лесли, принявшій даже православіе и награжденный царемъ за свою службу богатымъ помѣстьемъ. [2])

Что касается англійскаго вывоза изъ Россіи, то приходится констатировать, что англичане сумѣли широко использовать богатство страны сырьемъ. Ежегодно на англійскихъ корабляхъ увозились большіе транспорты сала, пеньки, воска, масла, ворвани, мѣховъ, льна и другого сырья. Но помимо этого англичане вскорѣ нашли болѣе выгоднымъ, пользуясь дешевизной русской жизни и покровительствомъ царя, выдѣлывать на мѣстѣ изъ русской пеньки канаты, выписавъ для этой цѣли изъ Англіи рабочихъ, которые быстро достигли въ этомъ дѣлѣ большого совершенства. Такимъ образомъ русскіе канаты славились на Западѣ въ XVI и XVII вѣкахъ; ими былъ оснащенъ англійскій флотъ, разбившій испанскую „Непобѣдимую Армаду", и компанія считала одной изъ причинъ этой громкой побѣды прекрасное оснащеніе, вывезенное ею изъ Россіи, откуда доставлялся и строевой лѣсъ для мачтъ. Канатные дворы были заведены въ Холмогорахъ и Вологдѣ, и по настоянію русскаго царя англичане обучали своему искусству и русскихъ „охочихъ людей", по-

---

[1]) Письмо царя, какъ и многія другія, хранится въ Лондонскомъ архивѣ *Public Record Office.*

[2]) Очень много любопытныхъ документовъ объ этомъ шотландскомъ полковникѣ хранится въ Петроградской Академіи Наукъ, въ бумагахъ академика Гамеля.

ражавшихъ ихъ своей быстрой смѣткой. Въ сѣверныхъ моряхъ англичане занимались рыбнымъ и китовымъ промыслами. Въ 1567 г. имъ было дано разрѣшеніе искать желѣзо на Вычегдѣ и построить тамъ заводъ.

Состоявшій на службѣ у компаніи знаменитый англійскій мореплаватель Дженкинсонъ исходатайствовалъ у царя еще въ 1558 году разрѣшеніе вести черезъ Россію торгъ съ Персіей и, преодолѣвъ всѣ опасности и лишенія, добрался черезъ Каспійское море и Туркменскія степи до Бухары, гдѣ выхлопоталъ отъ шаха торговую привилегію для компаніи. Съ этого времени англичане стали вести правильный торгъ черезъ Россію съ Персіей, получая оттуда шелка и другіе цѣнные восточные товары.

Нельзя не дивиться энергіи, проявленной ими на новомъ завоеванномъ поприщѣ. Слѣдуетъ помнить, что путь изъ Англіи въ Россію черезъ Архангельскъ на парусныхъ судахъ былъ длиненъ, ненадеженъ и полонъ опасностей. Не разъ смѣлые мореплаватели терпѣли крушеніе на своемъ пути, теряя людей и товары; первый англійскій посолъ въ Россіи, Чанслеръ, погибъ въ 1556 году на обратномъ пути. По увѣреніямъ агента Лена, лишь черезъ семь лѣтъ послѣ перваго плаванія корабли компаніи первый разъ вернулись вполнѣ благополучно обратно. На проѣздъ отъ Лондона до Москвы англичанамъ часто приходилось терять столько мѣсяцевъ, сколько мы теперь употребляемъ дней. Русскія дороги въ XVI вѣкѣ были въ ужасномъ состояніи и проходили по пустыннымъ мѣстностямъ, гдѣ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ нельзя было найти ни крова, ни провизіи, а ѣздить приходилось преимущественно зимой, такъ какъ лѣтомъ грязь и болота создавали неодолимыя препятствія. Каково было не привыкшимъ къ суровому климату англичанамъ проводить вологодскую зимнюю ночь въ открытыхъ саняхъ, это легко можно себѣ представить.

Что касается отношенія населенія къ новымъ піонерамъ, то повидимому оно не было особенно враждебно,—по крайней мѣрѣ, мы не встрѣчаемъ серьезныхъ жалобъ англичанъ на обиды отъ русскихъ и даже имѣемъ свѣдѣнія, что у нихъ покупали часто охотнѣе, чѣмъ у русскихъ купцовъ. Это и не удивительно, такъ какъ „гости“ были нетерпимы мелкими торговцами и народомъ. Но ловкіе московскіе купцы ухитрялись въ цѣляхъ болѣе успѣшной торговли сами прикидываться иностранцами. Высшее купечество естественно отнеслось къ опаснымъ конкурентамъ крайне враждебно. Англичанъ поражало на Москвѣ обиліе лавокъ и особенно то, что для каждаго рода товаровъ существовали особые ряды. Даже монашество и духовенство въ Россіи увлекается торговлей,—пишетъ англійскій посолъ, Джонъ Меррикъ; монахи торгуютъ зерномъ, лошадьми и изо всего стараются извлечь пользу. Мы знаемъ, что монастырскіе склады въ Вологдѣ занимали 60 саж. въ длину и 8 въ ширину.

Царь тоже былъ однимъ изъ главныхъ торговцевъ. Въ XVII вѣкѣ англійскій секретарь Коксъ сообщалъ королю Карлу, что царь и патріархъ (Филаретъ) держатъ въ своихъ рукахъ главную русскую торговлю. Многіе товары считались въ Россіи заповѣдными, такъ какъ ими торговалъ лишь царь. Кильбургеръ въ XVII вѣкѣ указываетъ, что торговля могла бы процвѣтать у русскихъ, но либо Богъ не открылъ имъ превосходства ихъ земли, либо они сами не хотятъ его видѣть. Онъ же говоритъ о томъ, что русскіе отъ природы склонны къ обманамъ, и даже опытные иностранные купцы часто оказываются у нихъ въ дуракахъ. На ихъ „великое лукавство" и крайнюю недовѣрчивость неоднократно жаловались англичане, и въ привилегіяхъ Грознаго находимъ ясно выраженное стремленіе оградить послѣднихъ отъ обмановъ со стороны его подданныхъ. Иностранцевъ особенно сбивало несообразное запрашиваніе при установкѣ цѣнъ, которыя вообще въ Россіи были подвержены крайнимъ колебаніямъ. Если русскій купецъ начинаетъ клясться и божиться, то, навѣрное, хочетъ обмануть, предупреждаетъ Герберштейнъ.

Что касается дворянства и боярства, то оно, охотно покупая при случаѣ англійскіе товары, особенно въ долгъ, относилось въ общемъ къ иностранцамъ недоброжелательно и завидовало ихъ привилегироному положенію при дворѣ. Въ этой средѣ были у англичанъ и особые недоброжелатели, какъ, напримѣръ, братья Щелкаловы, по увѣреніямъ англичанъ подкупленные голландцами. Въ день смерти Грознаго дьякъ Андрей Щелкаловъ съ злораднымъ торжествомъ сообщилъ англійскому послу Боусу: „Умеръ твой англійскій царь!"

Безусловно главнымъ покровителемъ англичанъ былъ самъ Грозный, а впослѣдствіи, хотя и въ меньшей степени, и другіе русскіе цари покровительствовали имъ. Царь Иванъ Васильевичъ мирволилъ иностранцамъ и восхвалялъ англичанъ за ихъ смѣлость и лояльность къ своей королевѣ. Но тѣмъ не менѣе его политика причиняла имъ не мало хлопотъ; мы увидимъ далѣе, что онъ велъ, помимо торговыхъ, и дипломатическія сношенія съ Англіей и каждую свою дипломатическую неудачу, а ихъ было не мало, вымещалъ на англійскихъ купцахъ: конфисковалъ ихъ товары, налагалъ несправедливыя подати и штрафы, даже сажалъ въ тюрьму и не разъ грозилъ совсѣмъ выгнать изъ Россіи.

Религіозныхъ гоненій англичане въ нашемъ отечествѣ не терпѣли; русскіе вообще отличались вѣротерпимостью, а протестанты къ тому же пользовались бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ латиняне, и даже имѣли свою церковь на Москвѣ. Все же это не мѣшало относиться къ неправославнымъ съ пренебреженіемъ, „какъ къ собакамъ или змѣямъ", жаловались иностранцы, не подавать имъ руки, чтобы избѣжать ихъ прикосновенія, подчасъ не водить съ ними дѣлъ. На торжественныхъ пріемахъ пословъ въ XVI вѣкѣ около царя ставился рукомойникъ и вѣша-

лось полотенце; по окончаніи церемоніи цѣлованія царской руки тутъ же при послахъ она обмывалась, какъ опоганенная басурманскимъ прикосновеніемъ, даже когда послы были не магометанами, а католиками или протестантами.

Во время одного своего путешествія на сѣверѣ англичане зашли въ русскую монастырскую церковь; тамъ они увидѣли картину страшнаго суда, на которой всѣ праведники были изображены въ русскомъ платьѣ, а грѣшники въ заморскомъ. Самое появленіе ихъ въ церкви вызвало бурю негодованія среди русскихъ и могло бы окончиться очень печально, если бы одинъ изъ нихъ не догадался показать свой натѣльный крестъ, чѣмъ нѣсколько успокоилъ православныхъ.

Естественно, что трудности жизни въ Россіи, а также далеко разнесшаяся слава о грозномъ царѣ запугивали многихъ, и обществу нелегко было подбирать служащихъ для посылки въ Московское государство. Поэтому немудрено, что въ числѣ многихъ десятковъ англичанъ, ежегодно орудовавшихъ въ Россіи, рядомъ съ такими выдающимися лицами, какъ Чанслеръ, Дженкинсонъ, Рандольфъ, Флетчеръ и многіе другіе, попадались и предпріимчивые авантюристы сомнительной репутаціи. Отдаленность Россіи мѣшала строгому контролю надъ ними компаніи и позволяла имъ безнаказанно мошенничать, интриговать противъ общества при русскомъ дворѣ и богатѣть за счетъ легализованныхъ купцовъ. Русское же правительство, не будучи въ состояніи разбираться во внутреннихъ дѣлахъ и отношеніяхъ англичанъ, дѣлало отвѣтственнымъ за продѣлку каждаго отдѣльнаго лица всю компанію, даже, когда это лицо вовсе не состояло на службѣ у послѣдней, а являлось зайцемъ—„interloper“, по терминологіи англичанъ. Русское правительство даже замѣтно покровительствовало такимъ торговымъ зайцамъ, такъ какъ они сбивали цѣны, были сговорчивѣе и торговали всякой контрабандой.

Губернаторы компаніи неоднократно жаловались на „деморализующее вліяніе почвы Россіи“. Слуги ихъ стали лѣниться и рядиться въ шелкъ и бархатъ; соблазняясь легкой и свободной жизнью, они строятъ себѣ дома, заводятъ лошадей и собакъ, между тѣмъ какъ хозяева ихъ въ Англіи живутъ скромно и ходятъ пѣшкомъ. [1]) Безусловно масштабы жизни въ Англіи и въ Россіи были разные. Въ Московскомъ государствѣ, при отсутствіи всякихъ культурныхъ удобствъ, жилось сытнѣе, богаче и лѣнивѣе, и среди англичанъ были элементы, на которые такая перемѣна дѣйствовала развращающе. Но все же это было лишь мень-

---

[1]) Много документовъ, характеризующихъ бытъ компаніи, хранится въ архивѣ *Public Record Office*, въ фондѣ *State Papers Russia*, а также въ архивѣ *British Museum*, въ фондахъ *Nero*, *Lansdowne* и другихъ.

шинство, а энергія, проявленная остальными, была далеко не зауряднаго характера. Въ короткое время, при многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Англія завоевала себѣ новые богатые рынки; англійскіе дома вырастаютъ въ Москвѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Ярославлѣ, Новгородѣ, Нарвѣ, Казани и многихъ другихъ крупныхъ центрахъ. На Ягорномъ островѣ въ устьѣ Двины, названномъ англичанами „островомъ розъ" (Rose Island), потому что весной онъ весь покрывался краснымъ шиповникомъ, недалеко отъ сосноваго и березоваго лѣса, близъ ручья прекрасной питьевой воды, англичане устроили домъ для пріѣзжихъ и склады для товаровъ. Въ Москвѣ они обжились настолько, что привозили съ собой женъ и дѣтей, жившихъ въ англійскомъ домѣ на Варваркѣ, близъ церкви Максима Исповѣдника, вѣроятно служившей складомъ для наиболѣе цѣнныхъ товаровъ, такъ какъ эту роль въ XVI вѣкѣ очень часто исполняли русскія церкви. Но кромѣ того они забирались и на далекій сѣверъ, ѣздили на ярмарку въ Лампожню, строили себѣ домъ въ Борисовѣ, гдѣ держали сѣверныхъ оленей, зимовали на лапландскомъ берегу, занимаясь тамъ скупкой масла.

Какіе барыши извлекали англичане изъ своей торговли съ Россіей? Объ этомъ существуютъ очень разнорѣчивыя мнѣнія. Русскіе историки-славянофилы полагали, что они безсовѣстной эксплоатаціей наживали себѣ огромныя состоянія. Съ другой стороны, сами англичане жестоко жаловались на свои убытки и неудачи, на разоряющіе ихъ несправедливые поборы царей, обманы и поддѣлки русскихъ торговцевъ, оправдывавшихся поговоркой: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ"; эту пословицу даже затвердили англичане.

Въ 1591 году англійскіе купцы писали Годунову: „Долгое держаніе нашей торговли и прихоженіе въ великое царское Государство въ русскую землю намъ, Ея Королевина Величества торговымъ людямъ, добрѣ убыточно и харчливо, и страшно и безприбыточно, чего всѣ торговые люди обходятъ". [1]) Агентъ Черри въ концѣ XVI вѣка, умоляя королеву Елизавету не задерживать уплаты за канаты и воскъ, ссылался на безвыходное финансовое положеніе компаніи.

Но какъ не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять этимъ сѣтованіямъ, ибо во всѣ времена во всѣхъ странахъ купцы жалуются на свои дѣла и тѣмъ не менѣе богатѣютъ, такъ нѣтъ и основанія раздѣлять мнѣніе нѣкоторыхъ русскихъ историковъ [2]) о сказочныхъ богатствахъ, нажитыхъ англичанами въ Россіи. Въ первые годы англійскіе товары продавались дѣйствительно съ большими барышами, за двойныя и тройныя цѣны, но это было лишь короткое время; и притомъ не слѣдуетъ за-

---

[1]) *И. Любименко*: „Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей", вып. I. Приложеніе № 13.

[2]) Напр., *Костомарова* въ его „Очеркѣ исторіи русской торговли".

бывать первыхъ крупныхъ затратъ компаніи по снаряженію кораблей, ея потерь при кораблекрушеніяхъ, расходовъ по устройству своихъ агентовъ въ новыхъ условіяхъ и т. п. Правда, въ 60 — 80-хъ годахъ дѣла ея шли блестяще, и недаромъ въ 1574 году графъ Лейчестерскій писалъ графу Шрюсбери, что, если-бъ у него было 10,000 ливровъ, онъ охотно истратилъ бы ихъ въ дѣлахъ Московской Компаніи до послѣдняго пенса. Но главные доходы этого времени падали не на русскую, а на персидскую торговлю, на которую компанія возлагала огромныя надежды, видя въ ней какъ бы осуществленіе своихъ смѣлыхъ плановъ добраться до богатыхъ товаровъ востока; поэтому запрещеніе персидской торговли русскимъ правительствомъ въ концѣ XVI вѣка было для общества тяжелымъ ударомъ. Въ англійскихъ архивахъ сохранились бумаги, знакомящія насъ съ нѣкоторыми цифрами девидендовъ общества, и изъ нихъ мы знаемъ, что послѣднее персидское путешествіе 1578—1581 годовъ дало складчикамъ 106% дохода. Но уже въ 1585 году обнаруживается въ дѣлахъ убытокъ въ 30%, и дальнѣйшія цифры барышей весьма скромныя. Въ 1602 году торговля настолько упала, что англичане посылаютъ въ Россію лишь два корабля; въ 1605 году долги компаніи выражаются въ цифрѣ 6093 ливра.

Въ XVII вѣкѣ англійскіе купцы продолжаютъ, съ одной стороны, горько жаловаться на свои убытки, съ другой—цѣпко держаться за торговлю съ Россіей. Для повышенія ея доходности они изобрѣтаютъ всякіе новые проекты, стремятся расширить рамки компаніи, привлечь новые капиталы, облегчить доступъ новымъ лицамъ и предоставить каждому отдѣльному члену бо́льшую свободу дѣйствія. Но на этомъ пути они встрѣчаютъ неожиданное противодѣйствіе московскаго правительства, которое стремится теперь, наоборотъ, по возможности ограничить число англичанъ въ Россіи и запрещаетъ имъ торговать многими товарами. Нельзя не признать, что въ этихъ своихъ дѣйствіяхъ оно проявляетъ большую дальновидность. Приманивъ на свои рынки широкими привилегіями англичанъ въ то время, когда ихъ энергія была ему крайне нужна для установленія правильныхъ сношеній съ Западомъ, давъ имъ прорубить для себя на сѣверѣ то окно въ Европу, которое лишь полтора столѣтія спустя удалось преобразователю Россіи прорубить на Балтійскомъ побережьѣ, оно затѣмъ использовало это окно для широкихъ сношеній съ другими иностранцами, постепенно оттѣснившими отъ него англичанъ-піонеровъ; и русскіе историки-славянофилы, разсыпавшіеся въ жалобахъ на эксплуатацію англичанами Россіи, въ своемъ патріотическомъ негодованіи, какъ это часто бываетъ, оказались плохими патріотами, ибо несправедливо не дооцѣнивали политической дальновидности московскихъ царей, которой, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами, нельзя не отдать дани уваженія.

III.

Помимо торговыхъ сношеній, между Англіей и Россіей въ XVI вѣкѣ завязываются и сношенія дипломатическія, но на этомъ пути московское правительство проявляетъ меньше дальновидности. Королева Елизавета съ 1561 года вступила въ правильную переписку съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Изъ Англіи посылались частыя посольства въ Россію, а изрѣдка появлялись при англійскомъ дворѣ и русскіе послы; первый изъ нихъ, Осипъ Григорьевичъ Непея, пріѣхалъ въ 1556 году, потерпѣвъ по дорогѣ кораблекрушеніе, при которомъ погибъ Чанслеръ, заботившійся лишь о спасеніи русскаго посла. Послѣдній былъ принятъ въ Англіи съ большой пышностью. Англійскій историкъ *Camden* говоритъ, что никогда еще Англія не встрѣчала иностраннаго посла съ такимъ почетомъ.

Переписка между обоими дворами чрезвычайно любопытна. Отдѣльныя письма печатались въ разныхъ научныхъ русскихъ изданіяхъ, [1]) но многія до сихъ поръ еще остаются неизданными и хранятся въ старинныхъ копіяхъ, а подчасъ и въ роскошныхъ оригиналахъ, въ архивахъ Лондона, Оксфорда и Москвы. Одна королева Елизавета обмѣнялась съ тремя русскими царями болѣе чѣмъ 90 письмами, но самой интересной по содержанію является безусловно ея переписка съ Грознымъ. Отражая обѣ выдающіяся личности царственныхъ корреспондентовъ, различіе ихъ характеровъ и міропониманій, она не только касается всякихъ торговыхъ недоразумѣній, но и затрогиваетъ серьезные политическіе вопросы. Властной кипучей натурѣ Грознаго царя англійская королева противополагаетъ хладнокровіе, осторожность и тонкій дипломатическій тактъ. Его безудержные порывы къ сближенію, какъ и неистовыя вспышки гнѣва, разбиваются о скользкую ледяную стѣну англійской дипломатіи.

Если Англія, искавшая въ Россіи лишь новыхъ рынковъ, получила неожиданно для себя широкія привилегіи отъ русскаго царя, то причина этого заключалась не только въ стремленіи использовать англичанъ для оживленныхъ торговыхъ сношеній, но и въ расчетѣ заключить съ могучей западной державой наступательный и оборонительный союзъ. Уже въ 1567 году царь дѣлаетъ первыя попытки въ этомъ направленіи, а въ 1569 году посылается въ Англію съ выработаннымъ проектомъ союза посолъ Совинъ. Въ то же время царь обращается съ курьезнымъ предложеніемъ о томъ, чтобы оба монарха гарантировали другъ другу въ

---

[1]) Изъ нихъ самые важные *Юр. Толстой*, „Россія и Англія“ и „Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.“, т. 36. См. также *I. Lubimenko:* „Trois lettres Inédites d'Elisabeth“, Melanges Bémont, 1913 и *I. Lubimenko:* „The Correspondence of Queen Elisabeth with the Russian Czars“, „Americ. Hist. Rev.“, 1913, April.

своихъ земляхъ почетный пріемъ и безопасный пріютъ на случай, если бы они были вынуждены покинуть свои государства. Приходится констатировать, что безпокойный подозрительный царь серьезно опасался измѣны своихъ бояръ и считался съ возможной необходимостью бѣжать въ Англію, но изъ самолюбія хотѣлъ заставить и Елизавету просить у него о той же услугѣ.

Можно было заранѣе предвидѣть, что союзъ не состоится; направленный противъ Польши и Швеціи, онъ былъ непріемлемъ для Англіи, интересы которой требовали тѣсной дружбы съ этими двумя государствами. Вражда Россіи съ Турціей также была ей неудобна, такъ какъ послѣдняя являлась въ XVI вѣкѣ цѣннымъ рынкомъ для англійскихъ товаровъ. Несмотря на это, нерѣшительная Елизавета, опасаясь за интересы своихъ купцовъ въ Россіи, не хотѣла дать прямого отрицательнаго отвѣта на предложеніе царя, а начала всегда удававшуюся ей въ совершенствѣ политику оттяжекъ, полуобѣщаній и недомолвокъ. Въ концѣ концовъ Совинъ былъ отпущенъ съ указаніемъ на необходимыя существенныя измѣненія въ проектѣ и съ тайнымъ письмомъ, въ которомъ королева выражала полное согласіе принять съ честью у себя царя. Обращаться къ нему съ подобной же просьбой она не считала возможнымъ. Впослѣдствіи она объяснила, что это было бы незаслуженнымъ оскорбленіемъ для ея подданныхъ и могло бы дискредитировать ее въ ихъ глазахъ и создать для нея дѣйствительную опасность.

Взбѣшенный царь 24 октября 1570 года разразился браннымъ письмомъ по адресу королевы: [1])

„И мы чаяли,—писалъ онъ,—что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государевой чести смотришь и своему государству прибытка“... „Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ о государскихъ головахъ и о честяхъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ торговыхъ прибытковъ, а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая дѣвица“.

„Торговыми мужиками“ окрещены здѣсь царемъ члены Тайнаго Совѣта королевы, изъ которыхъ многіе были также и членами Московской Компаніи; по настоянію Грознаго они должны были скрѣпить своими подписями союзный договоръ между обѣими державами. Одновременно царь обрушился всѣмъ своимъ гнѣвомъ на англійскихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ привилегіи, конфисковалъ ихъ товары и грозилъ совсѣмъ выгнать изъ Россіи.

Королева отвѣчала царю съ большой сдержанностью, но и съ большимъ достоинствомъ, письмомъ отъ 2 іюня 1571 года: [2])

---

[1]) См. у *Толстого*, № 28.

[2]) *Ю. Толстой*, № 31.

СССБЯ Б

„Нашъ посланникъ (Дженкинсонъ) правдиво разскажетъ Вашему Пресвѣтлѣйшеству, что никакіе купцы не управляютъ у насъ государствомъ и дѣлами, но что мы сами печемся о веденіи дѣлъ, какъ приличествуетъ дѣвѣ и королевнѣ, поставленной преблагимъ и превысочайшимъ Богомъ, и что никакому государю не оказывается болѣе повиновенія его подданными, чѣмъ намъ нашими народами!“

Гнѣвъ царя понемногу остылъ, купцамъ были возвращены ихъ привилегіи, о союзѣ временно прекращены всякіе разговоры, но не надолго. Въ 1574 году царь возвращается къ своимъ политическимъ планамъ, а въ 1575 году англійскому посланнику Сильвестру снова приходится выслушивать его сѣтованія на недоброжелательство къ нему королевы. Царь грозитъ передать русскую торговлю въ руки нѣмцевъ и венеціанцевъ, такъ какъ собирается заключить союзъ съ императоромъ Максимиліаномъ. Угроза оказываетъ свое дѣйствіе: королева спѣшно отсылаетъ въ Россію Сильвестра съ новыми инструкціями. Но судьба какъ бы насмѣхается надъ планами царя; Сильвестръ, прибывшій въ Холмогоры, убитъ молніей въ то время, когда онъ примѣрялъ платье изъ желтаго атласа, въ которомъ разсчитывалъ предстать передъ царемъ; всѣ его бумаги сожжены. Царь былъ пораженъ; „такова Божья воля!“— воскликнулъ онъ, и прервалъ переговоры.

Только въ 1580 году возобновились сношенія и переписка между дворами, а въ 1582 году вновь выплываетъ проектъ о союзѣ; но для того, чтобы прочнѣе связать себя съ Англіей, престарѣлый царь, недавно вступившій въ шестой бракъ, рѣшилъ тѣмъ не менѣе сватать какую-нибудь близкую родственницу королевы. Въ его лихорадочномъ больномъ мозгу мысль о сближеніи съ Англіей во что бы то ни стало все болѣе принимаетъ характеръ назойливой idée fixe; онъ серьезно готовится къ возможной поѣздкѣ въ Англію, а предварительно отправляетъ туда посла, Ѳедора Писемскаго, которому даются подробнѣйшія инструкціи о заключеніи союза и сватовствѣ за царя племянницы королевы, Маріи Гастингсъ. [1])

Можно себѣ представить, какое безпокойство, какую тревогу должны были возбудить при англійскомъ дворѣ извѣстія о всѣхъ этихъ проектахъ царя. Королева искренно желала сохранить добрыя отношенія со своимъ „любительнымъ братомъ“, но мысль о возможности поселить его въ роли изгнанника у себя въ Англіи, разумѣется, никогда не могла ей улыбаться. Вполнѣ достаточно хлопотъ доставляла ей уже шотландская изгнанница, Марія Стюартъ. И отчего было московскому царю не сидѣть спокойно на своемъ государствѣ, покровительствуя англійскимъ

---

[1]) Бумаги, касающіяся этого посольства, напечатаны въ 36 т. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.

купцамъ? И гдѣ было ей найти знатную англичанку, родители которой согласились бы отправить свою дочь въ далекую Россію въ объятія московскаго сладострастника-тирана? Безусловно дочь несчастной Анны Болейнъ не могла слишкомъ громко проповѣдывать царю о святости законнаго брака, и тѣмъ неудобнѣе было ея положеніе въ данномъ случаѣ. Но Писемскій пріѣхалъ, и приходилось такъ или иначе выпутываться изъ тяжелаго положенія. Оскорблять царя рѣшительнымъ отказомъ было неудобно и нежелательно; среди вліятельнаго англійскаго купечества раздавались громкіе голоса въ защиту англо-русскаго союза.

Переговоры съ Писемскимъ тянулись цѣлую зиму. Когда онъ заикнулся о невѣстѣ, ему сообщили, что она больна оспой, вообще безобразна и не можетъ понравиться царю. Но русскіе послы всегда отличались упорствомъ. Въ маѣ Писемскій добился-таки того, что ему показали невѣсту, и высказалъ свое самостоятельное мнѣніе о томъ, что она „рожіемъ красива", прося „написать съ нея персону", т.-е. портретъ, чтобы передать его царю.

Въ такомъ критическомъ положеніи англійское правительство, напрягая всю свою дипломатическую изворотливость, нашло слѣдующій выходъ: Писемскій отсылался въ Россію безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта, съ самыми незначительными письмами, но вмѣстѣ съ нимъ отправлялся англійскій посолъ Боусъ (Jerom Bowes), на котораго, по обѣщанію королевы, возложена забота о приведеніи къ счастливому окончанію переговоровъ о союзѣ и бракѣ. Чрезвычайно характерна, какъ намъ кажется, личность избраннаго посла. Неоднократно высказывалось мнѣніе, что выборъ этотъ былъ крайне неудаченъ, такъ какъ Боусъ былъ характера дерзкаго и надменнаго, велъ себя вызывающе даже съ самимъ царемъ, не стѣснялся давать пустыя и лживыя обѣщанія, отъ которыхъ легко отпирался впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что Англія, всегда очень тщательно выбиравшая выдающихся пословъ для Россіи, не случайно послала именно Боуса. Несмотря на всѣ свои недостатки, а скорѣе именно благодаря имъ, онъ весьма подходилъ къ той нелегкой роли, которую ему предстояло играть при русскомъ дворѣ. Изъ данныхъ ему инструкцій совершенно ясно, что онъ долженъ былъ добиваться новой привилегіи для купцовъ, не заключая никакихъ связывающихъ Англію политическихъ договоровъ; приходилось въ сущности морочить стараго царя, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидавшаго рѣшительныхъ отвѣтовъ на свои проекты союза и брака. Въ этихъ условіяхъ послу необходимо было обладать достаточной долей мужества, хитрости и нахальства, а именно эти качества были основными въ характерѣ Боуса.

Про него разсказываютъ, что, разозлившись на нелюбезную встрѣчу бояръ, онъ не постѣснился войти къ царю, не снявъ шляпы, и когда

тотъ грозно спросилъ его, извѣстно ли ему, какъ поплатился за такую дерзость французскій посолъ, которому шляпа была прибита гвоздями къ головѣ, Боусъ вызывающе отвѣтилъ, что онъ не малодушный посланникъ слабаго французскаго короля, а храбрый посолъ могущественнѣйшей англійской королевы. Говорятъ, что смѣлость его понравилась Грозному. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что Боусъ сумѣлъ добиться своего; тѣша царя одними несбыточными обѣщаніями, онъ уже выговорилъ для англійскихъ купцовъ новыя милости, какъ вдругъ внезапно царь умеръ.

Его приближенные совершенно не были солидарны съ нимъ, и это сразу сказалось послѣ его смерти. Отношеніе къ послу круто измѣнилось; своими дерзкими выходками онъ успѣлъ возстановить противъ себя многихъ, теперь предстояла расплата. Говорятъ, что былъ поднятъ вопросъ о его казни, но отъ нея, кажется, спасло его заступничество Годунова. Послѣ многихъ униженій и опасностей ему удалось добраться до морского берега; но письма и подарки, данныя ему для королевы, были крайне незначительны. Оскорбленный посолъ, горя желаніемъ какой-нибудь мести, бросилъ ихъ на берегу и затѣмъ вышелъ на кораблѣ въ море. Поступокъ этотъ былъ дерзкій и крайне оскорбительный для царя Ѳедора; тѣмъ не менѣе онъ не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій. При новомъ царѣ переписка съ Елизаветой продолжалась, и королева, которой, вѣроятно, было донесено о положеніи дѣлъ въ Россіи, сочла за лучшее рядомъ съ письмами къ слабому царю писать отдѣльно и къ его энергичному шурину Борису, котораго англичане именовали „Lord Protector“.

Переписка этого времени носитъ преимущественно торговый характеръ; всякіе политическіе проекты были оставлены. Лишь по смерти Ѳедора, въ царствованіе Бориса, появляются снова попытки политическаго сближенія между обоими государствами.

Новый царь, стремясь породниться съ иностранными дворами, искалъ для своихъ дѣтей заграничныхъ партій; взоры его естественно обратились и на Англію. Съ другой стороны, англійскіе купцы весьма опасались, что бракъ Ксеніи съ датскимъ королевичемъ создастъ имъ на русскихъ рынкахъ опасныхъ конкурентовъ, и потому энергично настаивали передъ королевой, чтобы она проявила возможно больше готовности итти навстрѣчу желаніямъ царя. Но Елизавета и тутъ дѣйствовала крайне осторожно, намѣренно предлагая партіи, оказывавшіяся при ближайшемъ разсмотрѣніи непріемлемыми. Смерть королевы, а затѣмъ и царя Бориса, положила скорый конецъ этимъ переговорамъ.

Наступаетъ въ Россіи смутное время; на престолѣ московскомъ одинъ за другимъ быстро смѣняются Ѳедоръ, Годуновъ, Димитрій, Василій Шуйскій. Англійскіе купцы еле успѣваютъ среди непрочныхъ при-

дворныхъ теченій и интригъ охранять свои привилегіи. Когда на Москвѣ народъ избиваетъ поляковъ, а на-ряду съ ними и прочихъ иностранцевъ, происходитъ и нападеніе на англійскій домъ и гибнутъ нѣкоторые изъ членовъ компаніи. Но изъ того, что волны донельзя разбушевавшейся народной стихіи докатываются и до англійскаго дома, отнюдь не слѣдуетъ заключать, что обитатели его вызывали къ себѣ особую вражду въ русскомъ народѣ. Заправилой этого дѣла было, кажется, купечество, имѣвшее свои счеты съ англичанами-конкурентами. Мы знаемъ также, что въ болѣе мирныя времена англичане не разъ укрывали у себя другихъ иностранцевъ, которыхъ у нихъ не рѣшались трогать. На сѣверѣ, гдѣ они были особенно многочисленны, къ нимъ повидимому относились вполнѣ доброжелательно. Вмѣстѣ съ остальными жителями сѣвернаго края они остаются до конца лояльными царю Василію.

Со сведеніемъ Шуйскаго съ престола исчезаетъ на Руси послѣдняя законная власть. Начинается самый тяжелый періодъ смуты. Все яснѣе и яснѣе обозначаются иностранныя симпатіи въ высшихъ московскихъ кругахъ. Нѣсколько разъ русскіе бояре выносятъ рѣшеніе избрать на русскій престолъ только иностранца. Имя польскаго королевича Владислава собираетъ на Москвѣ большую партію приверженцевъ; но, что болѣе знаменательно, среди русскаго боярства находится значительная партія, готовая подчинить Россію самому польскому королю Сигизмунду. Съ другой стороны, и кандидатура шведскаго королевича, какъ видно изъ послѣднихъ работъ спеціалистовъ, имѣла своихъ сторонниковъ не только въ Новгородѣ, но также и на Москвѣ; среди нихъ были такія выдающіяся лица, какъ Ляпуновъ и Бутурлинъ; даже Пожарскій одно время склонялся къ избранію Карла-Филиппа.

Такое положеніе дѣлъ въ Россіи крайне безпокоило англійскихъ купцовъ. Поляки открыто покровительствовали голландцамъ, шведы были опасными конкурентами англичанъ на сѣверныхъ рынкахъ. Привилегіи, удержанныя англичанами съ такимъ трудомъ въ первый періодъ Смутнаго времени, находились сейчасъ въ крайней опасности. Встревоженные члены компаніи, повидимому, ломали себѣ голову, какъ выйти изъ критическаго положенія. На почвѣ этой тревоги за самое существованіе англійской торговли въ Россіи вырастаетъ курьезнѣйшій проектъ политическаго захвата англичанами русскихъ земель. Шведскіе виды на Новгородъ и на Москву, повидимому, вдохновили одного англійскаго полковника, Чемберлэна, служившаго въ Россіи въ шведской арміи Делагарди; его идея съ восторгомъ подхвачена агентами англійской компаніи, и въ результатѣ въ 1612 году создается смѣлый проектъ подчиненія сѣверной Россіи и Поволжья, а впослѣдствіи, вѣроятно, и всего Московскаго государства, суверенитету или протекторату англійской ко-

роны. Два списка этого проекта до сихъ поръ хранятся въ различныхъ лондонскихъ архивахъ. Тамъ же сохранился оригиналъ замѣтокъ одного изъ видныхъ юристовъ при дворѣ короля Іакова I касательно этого проекта и другая замѣтка, сообщающая, что англійскій король, получивъ отъ части русскаго дворянства предложеніе отдаться подъ его протекторатъ, увлеченъ планомъ послать армію въ Россію, чтобы управлять ею черезъ депутата, и горячо вѣритъ въ свой успѣхъ. [1])

У насъ нѣтъ здѣсь времени останавливаться подробно на этихъ любопытныхъ памятникахъ; все, что мы можемъ сказать, сводится вкратцѣ къ тому, что проектъ этотъ детально разсматриваетъ всѣ коммерческія выгоды, которыя Англія можетъ получить отъ его осуществленія, причемъ купечество берется организовать его финансовую сторону. [2])

Самымъ любопытнымъ, быть можетъ, является тотъ фактъ, что всѣ эти документы упорно утверждаютъ, будто въ Россіи часть знати, „nobility“, обѣщала англичанамъ поддержку. Какъ ни странно кажется на первый взглядъ такое утвержденіе, мы думаемъ, что, въ виду ясно проявленнаго въ эту эпоху сепаратизма въ средѣ русскаго боярства и дворянства и его иностранныхъ симпатій, его нельзя категорически отрицать. Врядъ ли такое осторожное лицо, какъ агентъ Джонъ Меррикъ, представлявшій проектъ королю Іакову I, рѣшился бы дѣйствовать, не будучи въ состояніи разсчитывать на нѣкоторую поддержку въ Россіи. Намъ извѣстно, что весной 1613 года отъ англійскаго короля посланы въ Московское государство Меррикъ и Руссель (Russel) съ тайнымъ порученіемъ вступить въ переговоры по политическимъ и торговымъ дѣламъ „со всѣмъ освященнымъ соборомъ“. Уже по своемъ прибытіи они узнали о совершившемся избраніи царя Михаила, и хотя прочность его на первыхъ порахъ возбуждала въ нихъ, какъ и во многихъ другихъ, большія сомнѣнія, они все же поспѣшили признать вновь народившуюся въ Россіи законную національную власть. Это обстоятельство ясно показываетъ, что проектъ о протекторатѣ Іакова I былъ для англичанъ лишь крайнимъ отчаяннымъ средствомъ охранить свои торговые интересы въ Россіи, за которое они ухватились въ виду полной разрухи въ Московскомъ государствѣ, грозившей воцареніемъ иностраннаго государя. Коль скоро опасность эта миновала, они охотно отказались отъ своего сомнительнаго проекта, предпочитая вернуться къ легальному способу дѣйствія.

---

[1]) Всѣ эти документы напечатаны мною въ *English Historical Review*, апрѣль 1914 года, стр. 246—256.

[2]) Смотри *И. Любименко*, „Англійскій проектъ 1612 года о подчиненіи русскаго сѣвера протекторату короля Іакова I,“ „Научн. истор. журн.“, 1914 г., № 5, стр. 1—16.

По воцареніи Михаила возстанавливаются дружескія сношенія между обоими государствами, и новый царь, оставшійся, повидимому, въ полномъ невѣдѣніи плана Іакова I, мирно переписывается со своимъ бывшимъ конкурентомъ. Въ 1617 году Англія беретъ на себя роль посредницы при русско-шведскихъ мирныхъ переговорахъ, и бывшій агентъ Джонъ Меррикъ, одинъ изъ иниціаторовъ подчиненія Россіи Англіи, оказываетъ Московскому государству цѣнныя дипломатическія услуги, результатомъ которыхъ является заключеніе между Россіей и Швеціей Столбовскаго договора. Въ слѣдующемъ году Московская компанія, соединившись съ Остъ-индской, ссужаетъ царю 100,000 долларовъ, необходимыхъ для военныхъ дѣйствій противъ поляковъ.

Такими серьезными услугами англійское купечество покупаетъ въ Россіи возстановленіе своего привилегированнаго положенія. Съ другой стороны, англійскіе и шотландскіе воины охотно поступаютъ на русскую службу. Такъ постепенно возстанавливаются прежнія добрыя отношенія между обоими государствами, но исключительное свое положеніе на русскихъ рынкахъ и при русскомъ дворѣ англичане давно уже утеряли. Двери Московскаго государства все шире открывались для другихъ иностранцевъ; голландцы въ XVII вѣкѣ играли выдающуюся роль въ русской торговлѣ, со шведами Россіей заключено „вѣчное докончанье“, на незыблемый характеръ котораго ссылаются въ 1649 году сами русскіе купцы. Этотъ годъ, какъ мы уже видѣли, наноситъ англичанамъ незалѣчимый ударъ.

Если происки русскихъ купцовъ играли не малую роль въ изгнаніи англійскаго купечества изъ Россіи, то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что ему не мало повредилъ и политическій переворотъ въ Англіи. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ самое горячее участіе въ несчастной судьбѣ Карла I и даже посылалъ по этому поводу протестъ ко всѣмъ европейскимъ державамъ, называя Карла „glorieux martyr“. Такимъ образомъ англійское купечество, черезъ цѣлое столѣтіе благополучно пронесшее, несмотря на бури и неурядицы смуты, свои привилегіи, потеряло ихъ вслѣдствіе государственнаго переворота въ самой Англіи. Дипломатическія и торговыя сношенія между обоими государствами всегда стояли въ тѣсной связи. Не разъ уже политическія недоразумѣнія грозили серьезными торговыми осложненіями; въ 1649 году катастрофа оказалась неотвратимой; но безусловно она не такъ легко разразилась бы надъ англійской торговлей, если бы послѣдняя давно уже не утратила въ Россіи своего прежняго блестящаго и первенствующаго положенія.

IV.

Познакомившись съ дѣятельностью англичанъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, посмотримъ теперь, какое вліяніе могли оказать сношенія съ Англіей на Московскую Русь.

Хотя нѣкоторые историки голословно утверждали, что англичане въ XVI вѣкѣ лелѣяли планы политическаго господства надъ Россіей, мы видѣли, что въ эпоху Грознаго и Годунова они стремились, наоборотъ, свести англо-русскія сношенія исключительно на торговую почву и что русскому царю принадлежала инициатива дипломатическихъ сношеній. Если въ самый тяжелый періодъ Смутнаго времени неожиданно выплылъ проектъ политическаго подчиненія Московскаго государства Англіи, то и онъ безусловно былъ продиктованъ опасеніемъ компаніи лишиться своего привилегированнаго торговаго положенія въ случаѣ воцаренія въ Россіи иностраннаго государя. Такимъ образомъ приходится признать, что въ политическомъ отношеніи Россія, правда, не пріобрѣла никакихъ преимуществъ, но и не получила никакого умаленія отъ сношеній съ Англіей.

Зато на поприщѣ торговли и мирнаго культурнаго вліянія на наше отечество дѣятельность англичанъ была весьма удачной и благотворной. Мы видѣли, что осторожная торговая политика русскихъ царей предотвратила опасность безцеремонной эксплоатаціи страны новыми пріѣзжими. Привозя многіе полезные товары и вывозя русское сырье, англійскіе купцы вносили въ то же время въ нашу молодую неопытную торговлю и промышленность элементы активности и предпріимчивости. Новое и систематическое проникновеніе въ Россію западныхъ знаній и западныхъ вѣяній отразилось почти на всѣхъ классахъ общества.

Больше всѣхъ англо-русскія сношенія коснулись самого царя. Мы видѣли, какъ значительна была переписка между обоими дворами и какъ милостиво отнесся Грозный къ англичанамъ. Конечно, различіе міросозерцанія и степени культуры русскихъ и англійскихъ монарховъ должно было не разъ создавать препятствія для взаимнаго ихъ пониманія. Несмотря на всю свою наклонность къ абсолютизму, Тюдоры справедливо были названы королями буржуазіи. Экономическимъ интересамъ Англіи они придавали огромное значеніе, и королева Елизавета всегда выступала передъ царемъ въ роли горячей заступницы интересовъ англійскихъ купцовъ. Это вліяніе „торговыхъ мужиковъ“ на дипломатическія сношенія раздражало московскаго самодержца, привыкшаго относиться свысока къ своимъ подданнымъ и ихъ интересамъ. Какъ ни мало считалась подчасъ королева Елизавета съ парламентомъ, въ письмахъ къ русскому царю она охотно ссылалась на рѣшенія своего верховнаго совѣта, преподавая подчасъ Грозному краснорѣчивые уроки парламентаризма. Со-

вершенно не желая итти навстрѣчу его политическимъ замысламъ, она, тѣмъ не менѣе, умѣло поддерживала его расположеніе къ себѣ и своимъ подданнымъ; и Грозный до самаго конца своего царствованія сохранилъ какое-то особое тяготѣніе къ Англіи, ярко сказавшееся въ его проектѣ женитьбы на англичанкѣ. Охотно бесѣдуя съ вывезенными изъ Литвы нѣмцами, онъ выказывалъ пристрастіе къ обществу англійскихъ докторовъ и пословъ. Дозволивъ протестантамъ имѣть церковь въ Москвѣ, онъ, говорятъ, оштрафовалъ митрополита за обиду иноземцевъ. Царь хвалилъ ихъ обычаи и, славясь германскимъ происхожденіемъ, не разъ оскорблялъ своихъ подданныхъ, выказывая явное предпочтеніе англичанамъ.

Царь Борисъ также любилъ проводить время въ иноземномъ обществѣ и въ своемъ подмосковномъ имѣніи „Хорошево" окружилъ себя англійскими врачами. Весьма вѣроятно, что именно англійскому вліянію слѣдуетъ приписать его широкіе планы преобразованія Россіи и стремленіе ввести ее въ кругъ цивилизованныхъ западныхъ державъ. Недаромъ послѣ его смерти въ народѣ сложилось повѣріе, что царь Борисъ не умеръ, а уѣхалъ со своей казной подъ видомъ купца въ Англію. Мы знаемъ, что его культурныя начинанія произвели на Западѣ огромное впечатлѣніе, и, дѣйствительно, въ этомъ ученикѣ англичанъ уже сказывается робкій предшественникъ Петра Великаго. [1])

Что касается русскаго боярства, то въ немъ замѣчается любопытная двойственность. Съ одной стороны, приверженность его къ старинѣ, подозрительное отношеніе къ Западу и враждебность къ иностранцамъ хорошо извѣстны. Съ другой—нельзя не отмѣтить и противоположныхъ теченій: государевъ родословецъ былъ переполненъ прямо фантастическими разсказами, дѣлавшими изъ всѣхъ московскихъ бояръ знатныхъ иностранцевъ. Въ Смутное время неоднократно сказывалось стремленіе избрать иностраннаго государя. Усиленныя запрещенія носить иностранное платье при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ говорятъ о томъ, что и въ XVII вѣкѣ среди русской знати были элементы, весьма падкіе до западныхъ новшествъ. [2]) Любопытенъ отзывъ Голицына, который, высказываясь противъ вліянія Запада, выражалъ опасеніе, что русскіе люди при знакомствѣ съ западной цивилизаціей скажутъ русской землѣ то же, что когда-то говорили послы Владиміра своему князю о греческой вѣрѣ: „Мы убо не можемъ забыти красоты твоя; всякъ бо человѣкъ, аще вкусивъ сладко, послѣ горести не принимаетъ; тако и мы не имамы сде быти!"

---

[1]) См. *Inna Lubimenko:* „Un précurseur de Pierre le Grand, Boris Godounov". *La Revue du Mois,* 10 Février 1909.

[2]) Много свѣдѣній собрано въ статьѣ *Лаппо-Данилевскаго:* „Иноземцы въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича". *Журн. Мин. Нар. Просв.,* 1885 г., сентябрь.

Нѣкоторымъ кажущимся извиненіемъ такого преувеличеннаго опасенія могъ служить отрицательный результатъ сдѣланнаго Годуновымъ опыта посылки русскихъ юношей за границу; извѣстно, что никто не пожелалъ вернуться на родину; одинъ изъ нихъ даже сдѣлался пасторомъ въ Англіи.

Не придавая преувеличеннаго значенія уродливымъ крайностямъ, спутникамъ всякаго новшества, можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ фактовъ тотъ положительный выводъ, что въ Россіи были уже до Петра элементы, способные оцѣнить благодѣтельную роль западныхъ знаній и вліяній, проводниками которыхъ съ XVI вѣка являлись англичане.

Съ англійскими купцами пріѣзжали и англійскіе мастера: архитекторы, инженеры, рудознатчики, суконщики и т. п. Такъ, въ 1567 г. прибыли изъ Англіи докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, пробиреръ и другіе мастера. Заведя канатное дѣло, англичане обучали ему и русскихъ рабочихъ; сами русскіе купцы признавали, что отъ него было кормленіе многимъ русскимъ бѣднымъ людямъ и что русскіе не только учились, но и научились у англичанъ канатному дѣлу.

Англійская предпріимчивость сказывалась въ весьма различныхъ областяхъ. Такъ, на Каспійскомъ морѣ впервые построена барка въ 27 тоннъ; въ XVII вѣкѣ въ Россію стали ввозить наволочки, такъ какъ подъ вліяніемъ иностранцевъ русскіе обзавелись кроватями. Къ этому же времени относятся первые зачатки садоводства, упоминается разводка розъ. Еще въ XVI вѣкѣ русскіе, повидимому, представляли себѣ садъ въ видѣ огорода. Извѣстенъ любопытный анекдотъ о томъ, какъ русскій посолъ, принятый королевой Елизаветой въ ея Виндзорскомъ паркѣ, по возвращеніи своемъ жаловался царю, что королева умалила его достоинство, принявъ его „въ огородѣ, гдѣ растетъ лукъ и чеснокъ“, и Елизаветѣ пришлось усиленно убѣждать царя, что она не разводитъ подобной зелени подъ окнами своего дворца.

Въ разговорахъ съ англійскими послами и агентами русскіе могли подчасъ почерпнуть полезныя и развивающія знанія. Такъ, Меррикъ знакомилъ ихъ съ основами меркантилизма и съ выгодой для страны обрабатывать свое сырье, приводя въ примѣръ Англію, разбогатѣвшую, когда она стала сама перерабатывать свою шерсть въ сукно. Съ каждымъ западнымъ техникомъ, помимо его спеціальныхъ знаній, проникалъ въ наше отечество и лучъ западной культуры; англичане селились по всей Россіи и вездѣ должны были подавать примѣръ болѣе культурной жизни, живой предпріимчивости и смягченныхъ нравовъ. Они обставляли свои дома съ нѣкоторымъ комфортомъ, разводили вокругъ нихъ сады, сѣяли новыя полезныя растенія, держали свободно своихъ женъ и дочерей.

Русскій сѣверъ расцвѣталъ, благодаря ихъ торговой дѣятельности.

Это ясно сознавалъ уже въ XVIII вѣкѣ изслѣдователь исторіи двинскаго народа *Крестининъ:* „Претерплѣнное Двинскимъ народомъ въ первой половинѣ XVI вѣка подъ правленіемъ Двинскаго намѣстника нещастіе, говоритъ онъ, перемѣнилось въ самомъ началѣ вторыя того-жъ вѣка половины въ новое и совсѣмъ неожиданное благополучіе, къ сему первый путь Россіанамъ открыли англичане". Многіе отдаленные города и мѣстности, не игравшіе прежде никакой роли, втянуты новыми пришельцами въ кругъ торговаго движенія; въ Колѣ на Мурманскомъ берегу появляется новая таможня; въ устьѣ Печоры близъ Пустозерска— иностранные корабли; Тотьма, Сольвычегодскъ, Устюгъ неоднократно поминаются въ бумагахъ компаніи. Но особенно расцвѣли Холмогоры и Вологда, стоявшія на пути англичанъ отъ бухты Святого Николая на Москву. Вологда дѣлается центромъ торговли льномъ. Въ виду ея новаго значенія царь Иванъ Васильевичъ предпринялъ въ ней грандіозныя каменныя постройки, пригородъ ея былъ исключительно населенъ англичанами. Одно время царь даже намѣревался сдѣлать ее своей столицей. Говорили, что его соблазняла возможность на строящихся тамъ корабляхъ легко скрыться въ Англію. Вѣроятнѣе, что имъ руководили соображенія, близкія къ причинамъ, побудившимъ Петра основать Санктъ-Питербургъ: Россія тянулась къ Западу. Въ XVII вѣкѣ Строгановы, у которыхъ на сѣверѣ были земли и производства, отлично оцѣнили значеніе иностранцевъ; на Вычегдѣ и на Уралѣ были врачи, аптекари и техники изъ англичанъ.

Кстати о врачахъ. [1]) Англіи Россія обязана первымъ развитіемъ врачебнаго и аптекарскаго дѣла. Черезъ посредство компаніи было приглашено не мало англійскихъ врачей на русскую службу. Не слѣдуетъ думать, что попадавшіе въ Россію доктора набирались изъ западныхъ отбросовъ. Аптекарскій приказъ относился съ величайшей осторожностью къ выбору врачей, требуя хорошихъ рекомендацій и аттестатовъ. Часто состоящіе уже на службѣ устраивали вновь поступающимъ экзаменъ, и потому мы встрѣчаемъ среди нихъ имена ученѣйшихъ мужей, получившихъ свои докторскіе дипломы въ лучшихъ университетахъ. Arnolph, Standish, Elms имѣли солидную репутацію и пользовались большимъ расположеніемъ Грознаго; по совѣту доктора Якоби онъ рѣшилъ свататься къ Маріи Гастингсъ. Въ 1621 году явился на русскую службу докторъ Артемій Дій (Dee), бывшій лейбъ-медикъ короля Іакова I, учившійся медицинѣ въ Вестминстерѣ и Оксфордѣ. Въ Москвѣ онъ написалъ ученый трактатъ, который былъ впослѣдствіи напечатанъ въ Парижѣ. Любопытно отмѣтить, что онъ былъ сыномъ знаменитаго математика, профессора Джона Дій, котораго Грозный пытался пригласить на

---

[1]) См. *Загоскинъ:* „Врачи и врачебное дѣло въ Россіи".

русскую службу еще въ 1586 г. Отъ чего отказался отецъ, на то пошелъ сынъ. Въ царствованіе Грознаго основана въ Россіи первая аптека; это событіе относится, повидимому, къ 1581 г., времени пріѣзда въ Россію аптекаря Френчама (Francham).

Какъ врачи, такъ и аптека были первоначально разсчитаны исключительно на пользованіе царемъ и его семьей; но уже въ первой половинѣ XVII вѣка къ нимъ стали прибѣгать бояре, а затѣмъ весьма быстро потребность въ лѣченіи охватываетъ и болѣе широкіе слои населенія. Въ военное время англійскіе врачи оказывали большія услуги; такъ, при осадѣ крѣпости Бѣлой княземъ Прозоровскимъ въ 1632 году присланъ былъ лѣкарь для лѣченія дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей. Въ походѣ 1644 г. участвовалъ лѣкарь Роллантъ „для лѣчьбы ратныхъ людей".

Англичане, пріѣзжавшіе въ Россію, оказали серьезную услугу и русской исторіографіи. Такъ какъ многіе изъ нихъ были опытными путешественниками, людьми образованными и наблюдательными, то они оставили намъ цѣнныя замѣтки и книги о Московскомъ государствѣ. Конечно, въ такихъ сочиненіяхъ встрѣчаются и погрѣшности, но рядомъ съ ними мы находимъ очень много любопытныхъ и заслуживающихъ довѣрія данныхъ. Интересы у англичанъ естественно были шире и глубже, чѣмъ у русскихъ хроникеровъ XVII вѣка; послѣдніе интересовались преимущественно внѣшними событіями, тогда какъ англичане понимали уже значеніе экономическихъ и культурныхъ факторовъ. Одинъ англичанинъ написалъ даже стихотворную поэму о своемъ путешествіи въ Россію. Особенно цѣнными изъ ихъ сочиненій являются для XVI вѣка книги Флетчера [1]) и Горсея, [2]) а для эпохи Смутнаго времени сочиненія Ѳомы Смита и Джона Меррика. [3]) Послѣдній особенно хорошо зналъ Россію, такъ какъ выросъ въ Москвѣ при своемъ отцѣ, служившемъ агентомъ у компаніи. Онъ является виднымъ представителемъ новаго типа англичанъ, выработавшагося въ новыхъ условіяхъ; воспитанное въ Россіи при англійскихъ домахъ, это новое поколѣніе, хотя и ѣздившее, вѣроятно, учиться въ Англію, уже носитъ на себѣ любопытныя черты обрусѣнія. Читая письма этой молодежи (нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ), находимъ въ нихъ не только отдѣльныя русскія слова, какъ-то: „дворяне", „гости", „пожаловать" и т. д., но и цѣлые обороты, заимствованные у русскихъ и свидѣтельствующіе о вырожденіи у этихъ англичанъ новой

---

1) См. *Середонинъ:* „Сочиненія Джильса Флетчера какъ историческій источникъ".

2) Лучшее изданіе сочиненій Флетчера и Горсея сдѣлано Bond'омъ.

3) Для XVII вѣка цѣнны также сочиненія Самуила Коллинса и Карлсйля. Большая часть извѣстій англичанъ о Россіи печаталась въ разное время въ русскихъ переводахъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Древностей".

формаціи ихъ національной гордости и достоинства свободнаго гражданина. Если въ концѣ царствованія Грознаго англійскій посолъ дерзалъ входить къ царю, не снимая шляпы, то теперь, по прошествіи всего двухъ десятилѣтій, члены и агенты общества, величающіе себя, по русскому обычаю, по имени и отчеству, именуются въ письмахъ „вѣрными холопами царя“ и не только „кланяются ему въ полномъ подчиненіи“, но и „со смиреніемъ склоняются подъ его ноги“.

Самъ Меррикъ жаловался на то, что служащіе англійской компаніи женились на русскихъ, съ чѣмъ была сопряжена перемѣна религіи. Самуилъ Коллинсъ въ XVII вѣкѣ насчитывалъ до 200 англичанъ, шотландцевъ и голландцевъ, принявшихъ православіе. Эти англичане уже до нѣкоторой степени сливались съ русскими, такъ какъ, принявъ ихъ вѣру, не возбуждали прежняго недовѣрія, а потому ихъ культурное вліяніе во многихъ случаяхъ должно было быть особенно сильно.

Нѣкоторыя сужденія англичанъ о Россіи весьма любопытны. Такъ, еще Чанслеръ въ одномъ своемъ письмѣ писалъ, что, если бы русскіе были пріучены къ дисциплинѣ и обучены военному искусству, то врядъ ли кто-нибудь могъ бы съ ними сравняться. Съ другой стороны, инженеръ Перри указывалъ, что въ Англіи и другихъ странахъ правительство подбадриваетъ купцовъ и мастеровъ, въ Россіи же грубость Московскаго правительства останавливаетъ всякое стремленіе къ предпріятію; а потому—пессимистически заключаетъ онъ,—тамъ никогда ничего не будетъ удаваться.

Въ концѣ XVI вѣка англійское вліяніе сталкивается въ Московскомъ государствѣ съ голландскимъ, и въ XVII вѣкѣ голландцы берутъ на Руси значительный перевѣсъ. Англичане жаловались, что они всюду перебиваютъ имъ хлѣбъ, унижаютъ и высмѣиваютъ ихъ передъ русскими, сочиняя на нихъ пасквили и рисуя каррикатуры, въ которыхъ Англія изображается въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами.

Причины успѣховъ голландцевъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ до сихъ поръ не вполнѣ выяснены. Англичане приписывали ихъ интригамъ и взяткамъ, но, съ другой стороны, сами указывали на то, что голландцы умѣютъ угодить русскому вкусу, заботясь о разнообразіи и дешевизнѣ товаровъ, тогда какъ англичане слишкомъ спеціализировались на ввозѣ суконъ. Вѣроятнѣе всего, что здѣсь приходится считаться съ общимъ ходомъ историческаго развитія, передавшимъ въ XVII вѣкѣ экономическое господство въ Европѣ изъ рукъ англичанъ въ руки голландцевъ. Однако дѣятельность послѣднихъ въ Россіи не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія. Голландскіе агенты большею частью менѣе интеллигентны, чѣмъ англійскіе, которымъ они во многихъ случаяхъ находятъ нужнымъ подражать. Въ то же время голландцы не разъ проявляли свое полное непониманіе русскихъ экономическихъ условій. Такъ, напримѣръ,

въ 1632 г. они выступили съ несообразнымъ проектомъ полученія на тридцать лѣтъ исключительной привилегіи на персидскую торговлю, строго охранявшуюся московскими государями уже съ конца XVI вѣка отъ чрезмѣрныхъ иностранныхъ аппетитовъ. Повидимому, они ворочали большими капиталами и умѣли щедростью располагать къ себѣ падкихъ до взятокъ бояръ и приставовъ.

Однако, царь Михаилъ еще твердо помнилъ, что первыми піонерами въ Россіи явились англичане, и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы число голландскихъ купцовъ въ Россіи не превышало числа англійскихъ. Но изгнаніе послѣднихъ въ 1649 г. было широко использовано ихъ конкурентами и, хотя англичанамъ и послѣ этого давались частичныя разрѣшенія торговать въ Московскомъ государствѣ, первенствующее положеніе въ Россіи было ими утеряно навсегда. Поэтому, къ тому времени, когда юный царь-освободитель жадно впитывалъ въ себя воздухъ „нѣмецкой слободы", нѣмецкіе и голландскіе элементы уже въ значительной степени вытѣснили въ ней англійскіе. Объ этомъ можно лишь пожалѣть, такъ какъ, рядомъ съ могучими побужденіями къ промышленному и торговому развитію и техническимъ знаніямъ, полученными Петромъ отъ голландцевъ и нѣмцевъ, англійское вліяніе могло бы дать великому царю еще и не мало цѣннаго въ области развитія государственныхъ учрежденій и правовыхъ нормъ. Англичане два вѣка тому назадъ были безмѣрно культурнѣе германскихъ народовъ, и Россія, быть можетъ, много выиграла бы, если бы восприняла западную цивилизацію, при могучемъ посредствѣ царя-преобразователя, отъ того самаго народа, который еще въ XVI вѣкѣ принесъ ей первые начатки западныхъ знаній и съ которымъ такъ упорно стремился связать себя прочнымъ политическимъ союзомъ царь Иванъ Васильевичъ.

Инна Любименко.

Романъ о голубомъ цвѣткѣ.

Новалисъ. „Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“, пер. З. Венгеровой и Василія Гиппіуса (стихи). Москва. Изд. Некрасова. 1914 г. Стр. XLIV+201.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій романтикъ, кн. Вл. Одоевскій, охваченный порывомъ любви и благодарности къ озарившему его свѣту религіознаго пониманія жизни, писалъ въ ненапечатанной статьѣ: „Зарождается новый міръ, изъ котораго заблистаетъ свѣтъ невечерній... Страна древнихъ Тевтоновъ! страна возвышенныхъ помысловъ! къ тебѣ обращаю благоговѣйный взоръ мой!“ Въ наши дни далекими и непонятными кажутся эти восторженныя слова. „Свѣтъ невечерній“ уже не озаряетъ, какъ прежде, „страну древнихъ Тевтоновъ“. Новое матеріалистическое пониманіе жизни, преклоненіе передъ непросвѣтленной силой, личной и государственной, передъ грубой и напряженной человѣческой волей, навязывающей цѣлому міру законы „во имя свое“,—этой культурой сегодняшняго дня сметены ростки болѣе нѣжной и тонкой жизни, совѣстливой, глубокой, раскрытой передъ Богомъ. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка въ Германіи были эпохой развитія личной культуры, эпохой углубленія и раскрытія человѣческой личности. При внѣшнемъ политическомъ безсиліи, при отсутствіи широкой и шумной общественной жизни въ маленькихъ захолустныхъ городахъ, отдаленно напоминающихъ средневѣковье, окруженныхъ садами и лѣсистыми склонами горъ, существовала жизнь полная и счастливая, совершались величайшія боренья души, въ формахъ быта, которыя намъ кажутся бѣдными и провинціальными, но въ которыхъ былъ залогъ тишины и спокойствія, необходимыхъ для медленнаго и органическаго душевнаго роста. Быть можетъ, наше чувство, воспитанное на соціальныхъ интересахъ XIX вѣка, хотѣло бы не только этого внутренняго озаренья, при бѣдности и неразвитости внѣшнихъ формъ жизни, хотѣло бы просвѣтлѣнья всей жизни этимъ внутреннимъ свѣтомъ и полнаго ея преображенія. Но мы должны хранить съ любовью памятники жизни этой недавней эпохи, завѣщанные и нашимъ днямъ, и намъ са-

мимъ; другіе народы призваны осуществлять завѣты романтизма, отъ которыхъ отрекся теперь нѣмецкій народъ; и не были ли они, въ свое время, у насъ великимъ возбудителемъ жизни, не только для Вл. Одоевскаго, слова котораго мы привели, но и для Тютчева, для Бѣлинскаго, для разныхъ славянофиловъ, для цѣлой полосы русскаго мистическаго идеализма, значеніе которой мы начинаемъ сознавать только теперь. Поэтому надо привѣтствовать начинаніе издательства Некрасова, недавно выпустившаго въ свѣтъ русскій переводъ романа Новалиса „Генрихъ фонъ Офтердингенъ". Въ болѣе спокойные дни переводъ романа о голубомъ цвѣткѣ, этого „Евангелья романтизма", былъ бы литературнымъ событіемъ, достойнымъ всеобщаго вниманія.

Всякое великое культурно-историческое движеніе имѣетъ своихъ святыхъ: Новалисъ принадлежитъ къ тѣмъ символическимъ именамъ, въ образѣ которыхъ воплощается судьба цѣлой эпохи духовной жизни человѣчества. Какъ знаменіе, привѣтствовали первые романтики его короткую жизнь и раннюю смерть: жизнь Новалиса постепенно превратилась въ романтическую легенду. Но сквозь черты романтическаго образа сквозятъ земныя черты, болѣе простыя, интимныя, болѣе близкія намъ. Эти черты дѣлаютъ Новалиса еще интереснѣе, чѣмъ кажется намъ его житіе въ романтическомъ просвѣтлѣніи.

Немногіе знаютъ, что Новалисъ (Фридрихъ фонъ Гарденбергъ) былъ веселымъ, жизнерадостнымъ юношей, любившимъ жизнь и умѣвшимъ ею наслаждаться. Не всегда упоминаютъ о томъ, что онъ мечталъ сдѣлаться хорошимъ семьяниномъ и говорилъ, что „романъ его жизни завершится въ дѣтской"; что къ мелкимъ и скучнымъ явленіямъ повседневной жизни онъ умѣлъ подходить съ уваженіемъ и вниманіемъ и просвѣтлять всякій трудъ земной пониманіемъ и любовью. Онъ не былъ фантазеромъ, оторваннымъ отъ жизни мечтателемъ: среди людей своего круга—дворянъ-помѣщиковъ, на службѣ—чиновникомъ горнаго департамента, онъ могъ бы въ незамѣтную, простую, провинціальную жизнь внести то религіозное освѣщеніе, которое дѣлаетъ эту жизнь безконечно содержательной и значительной. Онъ обладалъ дѣйствительно тѣмъ „сокровищемъ смиренности", за которое полюбилъ его Метерлинкъ, другой поэтъ, понимавшій, какъ Новалисъ, что „высшій міръ ближе къ намъ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ; мы уже здѣсь живемъ въ немъ и видимъ его тѣсно переплетеннымъ съ земной природой".

Любовь Новалиса къ его маленькой невѣстѣ, Софіи фонъ Кюнъ, была расцвѣтомъ его юношескихъ жизненныхъ силъ, той непосредственной радости существованія, которая отличала его какъ юношу. Только съ ея болѣзнью начинается въ душѣ его тяжелый переломъ. Когда Софья умерла, едва достигнувъ возраста пятнадцати лѣтъ, Новалисъ болѣзненно отрывается отъ жизни. „Я такъ любилъ эту землю,—пишетъ

онъ въ одномъ письмѣ,—я радовался отъ души тѣмъ милымъ сценамъ, которыя мнѣ предстояли". „Мнѣ будетъ тяжело оторваться отъ этого міра, который я изучалъ съ такой любовью... но я знаю, есть въ человѣкѣ сила, которая, при внимательномъ уходѣ, можетъ достигнуть удивительнаго напряженія".

Такъ, въ непрерывномъ созерцаніи страданія, вырастаетъ душа Новалиса. И онъ побѣждаетъ страданіе и страхъ смертный; въ немъ пробуждается дѣтская вѣра, такая сильная во всей его семьѣ; міръ, куда ушла Софья, становится міромъ блаженнымъ и единственно желаннымъ; свободная воля поэта разорветъ оковы „злой жизни"; свиданіе недалеко; Новалисъ хочетъ умереть, но не насильно, а однимъ лишь напряженіемъ воли, тоскующей по иному міру, „радостно, какъ молодой поэтъ". Этой вѣрѣ онъ принесетъ себя въ жертву, чтобы добровольной смертью свидѣтельствовать о ней: „Христосъ и Софія", этими дорогими именами онъ побѣдитъ жизнь.

Въ дни, послѣдовавшіе за борьбой со страданіемъ и смертью, подошедшими совсѣмъ близко, вплотную къ самому существу поэта, зародились его „Гимны къ Ночи", единственное законченное произведеніе Новалиса. Безконечный міръ, всегда существовавшій, зовущій къ себѣ поэта—это ночь; тамъ—его возлюбленная; поэтъ отказывается отъ міра дневного, отъ суеты земной ради другого, болѣе реальнаго существованья; въ вѣчное царство ночи ведетъ любовь. „Безконечно и таинственно охватываетъ насъ сладкая дрожь. И кажется, изъ глубокой дали прозвучало нашей грусти отвѣтное эхо". „Слава Богу! наступаютъ сумерки для всѣхъ любящихъ и тоскующихъ". Ночныя стихотворенія Тютчева сложились подъ вліяніемъ „Гимновъ" Новалиса.

Не безформенно и отвлеченно чувствуетъ Новалисъ міры иные, царство безконечной ночи, противоположное суетѣ дневной. Въ немъ живетъ подлинная религіозная вѣра; міръ безконечный воплощается въ образѣ личнаго Бога; Христосъ побѣдилъ жизнь и съ нею смерть и указалъ путь къ жизни вѣчной. „Духовные стихи" Новалиса одушевлены живой и личной вѣрой въ Христа и Богоматерь; въ немъ возродилась острота личнаго религіознаго чувства его предковъ, гернгутеровъ и піэтистовъ; Христосъ — утѣшитель въ страданіи и горѣ, Христосъ— избавитель отъ муки смертной, приносящій счастье и любовь вѣрующей душѣ, измученной бременемъ жизни,—вотъ содержаніе этихъ стиховъ образующихъ по своему душевному настроенію религіозную параллель къ „Гимнамъ" и вошедшихъ впослѣдствіи во многіе протестантскіе молитвенники.

„Гимны къ Ночи" являются самымъ послѣдовательнымъ шагомъ Новалиса въ сторону отрицанія жизни. Проходитъ нѣсколько времени, и его горячее религіозное чувство, побѣдившее страданіе и смерть въ зем

ной жизни, снова возвращается къ этому земному существованію: просвѣтленную свѣтомъ нездѣшнимъ получаетъ онъ жизнь изъ рукъ Божьихъ. Это завоеваніе жизни именемъ Божьимъ, преклоненіе передъ святостью жизни, передъ ея высокимъ религіознымъ смысломъ свойственно Новалису-романтику въ послѣдніе годы его поэтической дѣятельности. Въ эти годы онъ становится выразителемъ новаго религіознаго чувства, охватившаго романтиковъ, живого мистическаго чувства присутствія Бога во всей жизни. Жизнь земная—это хлѣбъ и вино вѣчной жизни, это міровая трапеза любви, трапеза причастія. „О, пусть зардѣетъ міровое море, и въ душистую плоть растворятся скалы!“ „Никогда не кончается сладостная трапеза, никогда не утоляется любовь... Такъ длится наслажденіе отъ вѣка и до вѣка“ („Гимнъ“).

„Фрагменты“ Новалиса и наброски его неоконченнаго романа „Ученики въ Саисѣ“ заключаютъ въ себѣ результаты его философской и поэтической работы. Онъ изучаетъ естественныя науки подъ руководствомъ проф. Вернера, онъ увлекается натурфилософіей и, независимо отъ Шеллинга, развиваетъ мысль объ одушевленности всей природы, о томъ, что природа — только форма духа, символъ дѣйствія духовныхъ силъ, единый цѣлостный живой организмъ или плоть Божья. Все въ природѣ едино, все соединено, отдаленныя соотвѣтствія проходятъ черезъ все строеніе мірозданья; человѣкъ сознаетъ эти соотвѣтствія; онъ чувствуетъ въ себѣ тѣ же силы, которыя одушевляютъ природу; проникшись и овладѣвъ ими, онъ можетъ всю природу подчинить божественной власти. Тогда онъ становится пророкомъ, волшебникомъ, магомъ; тогда физическій міръ будетъ вынужденъ служить ему, потому что въ немъ будетъ сила Божья. Такимъ магомъ, по преимуществу, является поэтъ: настоящій поэтъ воспринимаетъ безконечное въ жизни природы и выражаетъ свое мистическое знаніе въ словесныхъ образахъ. „Поэзія истинно реальна. Чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ ближе къ правдѣ“. Эти слова Новалисъ считаетъ основными въ своей философіи, въ своемъ „магическомъ идеализмѣ“.

Свое отношеніе къ жизни романтики мечтали выразить въ одномъ всеобъемлющемъ поэтическомъ произведеніи, въ „универсальномъ романѣ“, который захватывалъ бы всю жизнь, во всемъ ея многообразіи, и былъ бы одновременно произведеніемъ религіозно-философскимъ и художественнымъ. Образцомъ универсальнаго романа служилъ „Вильгельмъ Мейстеръ“ Гёте: здѣсь была захвачена вся полнота культурной жизни, и она отражалась въ развитіи, въ воспитаніи человѣческой личности, личности поэта и художника. Жизнь—какъ путешествіе, какъ путь къ познанію міра или, что то же, къ самопознанію, которое приводитъ къ пониманію міра и примиренію съ жизнью—такова художественная задача „Вильгельма Мейстера“. Романтики заимствуютъ у

Гёте эту схему путешествія поэта-художника, характерную для „воспитательнаго романа“. Но душевное содержаніе гётевскаго „Мейстера“ кажется Новалису непріемлемымъ; примиреніе героя этого романа съ жизнью представляется ему слишкомъ дешевымъ; романъ завершается отказомъ отъ поэтическихъ стремленій, обнаруженіемъ ихъ отвлеченности и нежизненности и подчиненіемъ прозѣ обыденнаго существованія. „Это сатира противъ поэзіи и религіи... Все романтическое въ немъ погибаетъ, также поэзія природы и чудесное. Въ немъ говорится только объ обыденныхъ человѣческихъ предметахъ, совершенно забыты природа и мистицизмъ“. Форма гётевскаго романа должна приладиться къ чувству жизни романтика. Его грезы о божественности міра, о грядущемъ Царствѣ Божьемъ должны видоизмѣнить, расширить грани этой „повѣсти изъ домашней и буржуазной жизни“. „Романъ долженъ насквозь быть пропитаннымъ поэзіей“. Чтобы выразить свое воспріятіе жизни, которое во всемъ конечномъ видитъ свѣтлое чудо и божественный смыслъ, Новалисъ подчиняетъ романъ художественному канону сказки. „Сказка это какъ бы канонъ поэзіи. Все поэтичное должно быть сказочнымъ... Въ настоящей сказкѣ все должно быть чудеснымъ, таинственнымъ и безсвязнымъ; все должно быть полно жизни—каждое по-своему. Вся природа должна смѣшиваться чудеснымъ образомъ съ міромъ духовъ; вѣкъ всеобщей анархіи, беззаконіе, это „природное состояніе“ природы, время до сотворенія мірового порядка. Это время до сотворенія міра даетъ намъ какъ бы отдѣльныя черты времени послѣ міра, какъ природное состояніе является образомъ Царства Божья“.

Романъ-сказка, универсальный романтическій романъ, отражающій отдѣльныя черты міра, просвѣтленнаго мистическимъ чувствомъ, надъ изображеніемъ котораго носится вѣра и мечта о грядущемъ Царствѣ Духа Святаго—такова философская и художественная концепція „Генриха фонъ Офтердингенъ“. По внѣшнему плану, какъ и „Вильгельмъ Мейстеръ“, это романъ воспитательный, разсказывающій о путешествіи молодого поэта, средневѣковаго миннезингера Офтердингена, о жизненныхъ встрѣчахъ, раскрывающихъ ему смыслъ поэтическаго призванія, о его любви и смерти любимой дѣвушки и о конечномъ просвѣтлѣніи души его, нашедшей свой истинный путь. По направленію своему, романъ стремится къ универсальности, онъ хочетъ охватить всю жизнь и запечатлѣть ея ходъ въ рядѣ символическихъ образовъ. Поэзія востока, въ образѣ „восточной дѣвушки“, война и Крестовые походы, любовное изученіе природы (старый рудокопъ) и исторіи (отшельникъ), веселая жизнь богатаго города, радость пира и волнующихъ застольныхъ пѣсенъ, изученіе поэзіи и воспитаніе любовью—таково содержаніе первой части, къ которой, во второй части, должны были присоединиться образы болѣе широкой исторической жизни (die grosse Welt),

дворъ императора, путешествіе въ Святую Землю и состязаніе пѣвцовъ. „Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, какъ бы отодвигало въ немъ новые засовы и раскрывало новыя окна". Познаніе міра, какъ самопознаніе— вотъ старая схема, заимствованная у гётевскаго романа. Но за этой схемой открывается новое душевное содержаніе.

Генрихъ—поэтъ. Это „Мессія природы". Его путь, его годы ученія, это святое паломничество, это путь освободителя природы къ великой цѣли, къ Царству Божью. Дѣйствительность переплетается съ образами сновъ и видѣній. Сномъ о голубомъ Цвѣткѣ, завѣтномъ цвѣткѣ романтической тайны міра, начинается романъ, и на всемъ его протяженіи „цвѣтокъ его души мелькалъ передъ нимъ временами, какъ зарница". Какъ пророчества, врываются въ романъ разсказы купцовъ о золотомъ вѣкѣ поэзіи, о счастливой Атлантидѣ и сказка Клинуора о грядущемъ спасеніи міра. Они повѣствуютъ о томъ, что были прежде счастливыя времена, когда звѣзды, и цвѣты, и звѣри, и люди, и всѣ существа, наполняющія міръ, жили въ согласіи и любви, о томъ, какъ человѣкъ оторвался отъ вселенскаго единства и противопоставилъ свою волю волѣ Божьей, какъ наступили въ мірѣ вражда и раздѣленіе, и какъ вернется снова золотой вѣкъ, вѣчная весна и свѣтлое обновленіе природы, и что приведетъ его поэтъ, спаситель или Мессія природы. Въ образѣ Генриха соединяются эти двѣ стороны романа, реальная и мистическая, и всего напряженнѣе ихъ сліяніе въ описаніи его любви. Любовь открываетъ Генриху его призваніе; въ ней открывается ему и религіозная тайна міра. „Ты святая,—говоритъ Генрихъ Матильдѣ,— которая возноситъ мои желанія къ Богу; въ тебѣ Онъ является мнѣ, въ тебѣ Онъ показываетъ мнѣ свою полноту любви... Твоя любовь поведетъ меня въ святилище жизни, въ святая святыхъ духа... Какъ знать, не превратится ли наша любовь въ пламенныя крылья, которыя поднимутъ насъ и понесутъ на нашу небесную родину, прежде чѣмъ смерть настигнетъ насъ... Да, Матильда, высшій міръ ближе къ намъ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, мы уже здѣсь живемъ въ немъ и видимъ его тѣсно переплетеннымъ съ земной природой".

Смерть Матильды завершаетъ собой первую часть романа, озаглавленную „Ожиданіе". Черезъ побѣду надъ страданіемъ и смертью поэтъ ведетъ своего героя къ тому просвѣтлѣнію, которое сдѣлаетъ возможнымъ, во второй части, „Исполненіе", его роли спасителя, ведущаго къ грядущему Царству Духа Святого. Начальныя страницы этой второй части—единственное, что успѣлъ написать Новалисъ—принадлежатъ къ лучшему, что было создано имъ. Новалисъ не тѣмъ однимъ величайшій поэтъ романтизма, что въ своей жизни и въ творчествѣ онъ воплотилъ его самыя напряженныя, „предѣльныя" идеи, но тѣмъ еще, что единственный среди первыхъ романтиковъ онъ обладалъ великимъ художе-

ственнымъ дарованіемъ. Заставить за сочетаніемъ простыхъ словъ и нѣжныхъ, прозрачныхъ, интимныхъ образовъ почувствовать таинственную мистическую даль, просвѣтъ въ голубое небо, которое въ его романѣ распространяется повсюду, такъ что отовсюду видимъ далекую цѣль, и, „какъ зарница", свѣтитъ голубой цвѣтокъ—выполнить эту задачу во всѣхъ ея художественныхъ деталяхъ могъ только великій, творчески одаренный поэтъ. Именно въ началѣ второй части, въ описаніи одинокаго путника, покидающаго городъ, гдѣ умерла его возлюбленная, и уходящаго въ лѣса и горы, гдѣ звучатъ чудные ангельскіе голоса, гдѣ оживаютъ воспоминанія, и расцвѣтаетъ вѣра въ неложное обѣтованіе, и чудесное такъ просто соединяется съ земнымъ, поэзія Новалиса создала лучшее, что мы имѣемъ въ нѣмецкомъ романтизмѣ.

Новалисъ умеръ, не окончивъ своего романа. Но окончить его было, по самому существу дѣла, выше человѣческихъ силъ. Попытка изобразить конечныя судьбы мірозданія, его мистическую исторію, отраженную въ исторіи человѣческой личности, поскольку образы поэта претендуютъ на объективную значительность, это едва ли не та задача созданія новой миѳологіи, о которой мечталъ Фр. Шлегель, задача религіознаго миѳотворчества, въ которомъ поэтическое творчество переходитъ въ религіозное. Только эпоха личной душевной культуры могла поставить въ области религіозной жизни такую невыполнимую, нечеловѣческую задачу. Но отрывокъ романа Новалиса остается до сихъ поръ самымъ значительнымъ произведеніемъ романтической мистики. „Быть можетъ, читателей тронетъ отрывочность этихъ стиховъ и словъ,—такъ говоритъ о немъ Тикъ,—какъ она трогаетъ меня, который не могъ бы съ болѣе благоговѣйной грустью глядѣть на остатокъ разрушенной картины Рафаэля или Корреджіо".

Намъ остается еще разъ привѣтствовать появленіе на русскомъ языкѣ романа о голубомъ цвѣткѣ. Переводъ выполненъ съ большой тщательностью, и книга издана хорошо—за это ручается уже одно имя издательства Некрасова. Особенно удаченъ поэтическій переводъ стиховъ Новалиса, сдѣланный молодымъ поэтомъ, Василіемъ Гиппіусъ. Талантливый переводчикъ, въ собственныхъ стихахъ своихъ столь многимъ обязанный вліянію Новалиса, воспроизвелъ нѣмецкаго поэта съ такой силой творческаго пониманія, что нѣкоторыя мѣста перевода должны считаться прямо образцовыми. Въ такихъ случаяхъ интуитивное проникновеніе во всѣ особенности словесно-художественной формы и воспроизведеніе ихъ необходимымъ образомъ соединяется съ „близостью къ тексту". Приведу въ примѣръ пѣсню пустынника:

„Смѣйся ночью голубою,
Милыхъ дольнихъ узъ не рви.
Каждый день передъ тобою

Чаша полная любви.
Брызни, Божья влага, брызни,
Въ небо вознеси мой взглядъ.
Опьяненный, въ этой жизни
Я стою у райскихъ вратъ.
Въ сладкой ласкѣ улетая,
Духъ мой не боится зла.
Мнѣ Царица женъ святая
Сердце вѣрное дала.
Скорбью долгой и унылой
Прахъ мой бѣдный просвѣтленъ.
Въ немъ сіяетъ образъ милый.
Вѣчность обѣщаетъ онъ.
Какъ мгновенье, какъ мечтанье,—
Этихъ дней несчетный рядъ,
Но взгляну я въ день прощанья
Съ благодарностью назадъ".

Прозаическая часть перевода, принадлежащая перу З. А. Венгеровой, тоже очень удачна. Нельзя, однако, не отмѣтить, что, при всей точности прозаическаго перевода, онъ не воспроизводитъ по-русски всѣхъ особенностей романтической прозы Новалиса, ея своеобразнаго запаха и стиля. Задача такого воспроизведенія представляется намъ очень нелегкой. Въ то время какъ самъ Новалисъ воспитывалъ свое чувство стиля на мелодически-уравновѣшенной поэтической прозѣ гётевскаго „Мейстера", углубляя ея впечатлѣніе поэзіей намековъ и мистическихъ „настроеній", русская *романтическая проза* не создала своей традиціи, своей унаслѣдованной словесной техники—если не считать начатковъ таковой въ забытыхъ произведеніяхъ кн. Вл. Одоевскаго и въ нѣкоторыхъ раннихъ разсказахъ Тургенева.

В. Жирмунскій.

Болгарскія настроенія.

Письма въ редакцію.

I. О болгарскомъ нейтралитетѣ.

Съ первыхъ же дней настоящей европейской войны въ русскомъ обществѣ и печати раздались довольно дружные голоса о томъ, что Болгарія нравственно обязана съ оружіемъ въ рукахъ немедленно присоединиться къ Сербіи и Россіи противъ нѣмцевъ. Въ собраніяхъ и на банкетахъ „Общества славянскаго единенія“ и во многихъ органахъ печати тезисъ этотъ былъ формулированъ даже въ угрожающей по адресу Болгаріи формѣ. Было сказано даже, что если Болгарія не присоединится немедленно съ оружіемъ въ рукахъ къ Сербіи и Россіи,— она „*должна будетъ исчезнуть съ лица земли, какъ измѣнница славянскому дѣлу*“. Тѣ же слова и голоса зазвучали съ новой силой и сейчасъ, когда дѣло осложнилось еще выступленіемъ Турціи.

Мы очень хорошо понимаемъ, цѣнимъ и искренно раздѣляемъ тѣ чувства и побужденія русскихъ людей, которыми продиктованы ихъ выступленія. Еще больше понятны намъ эти побужденія *теперь*, когда на сцену противъ освободительницы Болгаріи—Россіи—выступила Турція, вѣковой врагъ и угнетатель славянства и тѣхъ же болгаръ въ особенности.

Но, къ сожалѣнію, вопросъ здѣсь не исчерпывается одними этими почтенными чувствами и побужденіями, и дѣло гораздо сложнѣе, чѣмъ думаютъ или хотятъ думать тѣ, кто съ такимъ легкимъ сердцемъ посылаетъ болгарамъ эти жестокіе упреки и эти недобрыя угрозы.

Нѣтъ, господа, вы не правы. Въ вашихъ совершенно справедливыхъ, на первый взглядъ, словахъ и сужденіяхъ была *не вся правда*, а только *половина* правды. А вѣдь сказать (или принять въ расчетъ въ своихъ сужденіяхъ) только половину правды, только ту ея часть, которая сейчасъ намъ нужна, умолчавъ при этомъ о другой ея половинѣ, намъ сейчасъ неподходящей, это равносильно вѣдь тому, чтобы

сказать прямую неправду. Недаромъ въ формулѣ французской судебной свидѣтельской присяги съ классической и лаконической простотой сказано: „обѣщаю сказать правду, *всю правду,* ничего, кромѣ правды".

Вы совершенно упускаете изъ вида фактъ огромной важности: психологію и моральное (не говоря уже о физическомъ и матеріальномъ) состояніе, въ которомъ очутился въ результатѣ событій 1913 года и къ моменту начала новой европейской войны болгарскій народъ.

Мы не будемъ говорить сейчасъ о физическомъ и матеріальномъ истощеніи и угнетеніи, въ которомъ очутился послѣ двухъ войнъ и послѣ небывалаго по обстановкѣ разгрома болгарскій народъ. О степени этого истощенія можно было бы, между прочимъ, судить по изнемогающей сейчасъ Сербіи, несравненно меньше потерявшей въ первую и вышедшей побѣдительницей (а не разгромленной, какъ Болгарія) изъ второй балканской войны. Предоставимъ практическимъ политикамъ также и рѣшеніе вопроса о томъ, насколько политически возможно немедленное болгарское вооруженное вмѣшательство—теперь, когда несомнѣнные враги Болгаріи—Греція и Румынія—стоятъ, напримѣръ, еще нейтральными.

Почему бы, кстати, этимъ послѣднимъ не помочь Сербіи? Вѣдь они только въ прошломъ году вмѣстѣ громили Болгарію. Болгарія мѣшать имъ въ этомъ не станетъ. Они вѣдь и сейчасъ еще состоятъ, кажется, съ Сербіей въ формальномъ союзѣ, направленномъ противъ Болгаріи.

По жестокому опыту 1912 и 1913 гг. Болгарія слишкомъ хорошо знаетъ теперь, кто диктуетъ послѣ войны условія мира и условія раздѣловъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда договоры, или по-теперешнему—„клочки бумаги", объ этихъ раздѣлахъ скрѣплены королевскими клятвами и подписями и гарантированы великими держами. Болгарія слишкомъ хорошо знаетъ, что условія этихъ раздѣловъ диктуются послѣ войны не тѣми, кто, какъ она, положилъ, напримѣръ, въ войнѣ съ Турціей всѣ почти свои силы, а тѣми, кто, какъ Сербія и Греція, лучше сохранили къ концу войны эти силы, или тѣми, кто, какъ Румынія, сохранилъ эти силы къ нужному моменту совершенно нетронутыми. Вѣдь и теперь Болгарія боится, что Румынія и Греція, сохранивъ свои силы, пока Болгарія будетъ опять воевать, снова продиктуютъ условія мира и размежеванія на Балканахъ. Гарантія Россіи? Да, но послѣ прошлаго года обжегшійся на молокѣ дуетъ и на воду. Да и могла ли бы и стала ли бы Россія послѣ настоящей великой войны вновь воевать изъ-за Болгаріи съ Румыніей или Греціей?

Но я не объ этомъ сейчасъ хотѣлъ говорить, тѣмъ болѣе, что особенности настоящаго историческаго момента отодвигаютъ или должны бы отодвинуть индивидуальные интересы и личные корыстные виды и соображенія отдѣльныхъ славянскихъ государствъ—и особенно обязанной

Россіи Болгаріи—на второй планъ (хотя опять скажу: не Сербіи объ этомъ говорить). Я хотѣлъ сейчасъ только попросить васъ хоть на минуту вникнуть въ болгарскую психологію того момента, когда началась настоящая европейская война и когда впервые прозвучали обращенныя къ Болгаріи требованія, обвиненія и угрозы, о которыхъ мы здѣсь говорили.

Пишущій эти строки какъ разъ наканунѣ настоящей европейской войны провелъ двѣ недѣли въ Болгаріи. Будучи болгариномъ по происхожденію, владѣя свободно болгарскимъ языкомъ и располагая въ болгарскомъ обществѣ широкимъ кругомъ знакомыхъ, я имѣлъ возможность близко ознакомиться съ положеніемъ и настроеніемъ на мѣстѣ болгарскаго общества и въ значительной степени простого болгарскаго народа.

Вопреки моимъ пессимистическимъ послѣ событій 1913 года ожиданіямъ и газетнымъ толкамъ я (по крайней мѣрѣ, въ неофиціальной Болгаріи—въ широкомъ кругу моихъ здѣсь знакомствъ и встрѣчъ) совершенно не встрѣтилъ и слѣдовъ того обостреннаго руссофобства, о которомъ въ Россіи такъ много приходилось и приходится читать и слышать. Даже въ отношеніи Сербіи мнѣ высказывали здѣсь удивленіе, почему въ Россіи считаютъ, что Болгарія идетъ за нѣмцами и съ нѣмцами противъ Россіи и Сербіи. „Вѣдь даже теперь (говорили мнѣ), когда Сербія во второй уже разъ (послѣ 1886 года) такъ предательски съ нами поступила, мы никогда не пошли бы противъ нея, если бы на нее вдругъ напала Австрія (это было какъ разъ наканунѣ настоящей войны), такъ какъ мы очень хорошо знаемъ, что послѣ того, какъ нѣмецъ съѣстъ Сербію, очередь станетъ за нами“.

Къ сожалѣнію, другая половина моихъ пессимистическихъ предположеній и опасеній насчетъ народнаго настроенія и положенія въ Болгаріи болѣе чѣмъ оправдалась. Какъ я и ожидалъ, я засталъ тамъ въ результатѣ пережитой катастрофы и крушенія (послѣ столькихъ жертвъ) величайшихъ народныхъ надеждъ такую въ общемъ *моральную подавленность* (не столько даже физическую и матеріальную, сколько именно моральную), что, уѣзжая оттуда, я испытывалъ тяжелое чувство и гнетущее сознаніе, что, если бы *даже жизненнымъ* интересамъ Болгаріи въ тотъ моментъ угрожала какая-либо серьезная опасность, болгарскій народъ не нашелъ бы въ себѣ въ этотъ моментъ достаточно вѣры и моральныхъ силъ, чтобы выступить активно на ихъ защиту. Чувствовалось такое абсолютное отсутствіе въ народѣ, такъ сказать, „воли къ войнѣ“, что развѣ только такое непосредственное нападеніе на Болгарію, какому подверглась Сербія со стороны Австріи, могло бы заставить народъ взяться за оружіе. Гдѣ же теперь болгарскому народу почерпнуть такую новую вѣру и энергію къ новому такому подъему? Если можете, помогите ему въ этомъ, найдите и покажите ему новый источникъ такой вѣры и энергіи.

Вѣдь если болгарскій народъ былъ въ состояніи проявить въ войнѣ съ Турціей такой высокій моральный подъемъ и вынести такое высокое напряженіе всѣхъ своихъ силъ, то вѣдь это могло случиться, только благодаря полной увѣренности его въ конечномъ успѣхѣ и непоколебимой вѣрѣ въ осуществленіи своихъ величайшихъ надеждъ, въ частности, *благодаря безусловному довѣрію къ подписямъ союзниковъ* на томъ „клочкѣ бумаги" (союзномъ договорѣ о раздѣлѣ Македоніи), *которымъ было куплено участіе Болгаріи и весь энтузіазмъ болгарскаго народа въ войнѣ противъ Турціи.* Не трудно поэтому себѣ представить, какую глубокую душевную реакцію онъ долженъ былъ пережить, когда эта вѣра у него вдругъ исчезла, когда все вдругъ рухнуло, и всѣ колоссальныя по его силамъ жертвы оказались напрасными; когда Болгарія потеряла даже и то, что имѣла: лучшую часть своей старой коренной территоріи—Добруджу.

Въ этой моральной подавленности, растерянности и глубокомъ смущеніи, въ которомъ и сейчасъ еще стоитъ, какъ громомъ пораженный, недоумѣвающій болгарскій народъ, немалую роль играла, кромѣ внѣшняго разгрома, также и непонятная ему до сихъ поръ роль офиціальной Россіи, а за нею отчасти и вообще Россіи, въ которую онъ такъ привыкъ вѣрить и отъ которой онъ ожидалъ здѣсь *только одного—только гарантіи сербской вѣрности договору, безъ котораго Болгарія никогда бы на войну съ союзниками противъ Турціи не пошла.* Теперь, когда непоправимое совершилось, Болгарія ждетъ отъ своихъ судей только (или по меньшей мѣрѣ) безпристрастія и справедливости.

Болгарскій народъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ былъ не въ силахъ, былъ не въ силахъ просто *психологически,* не говоря уже о другихъ внѣшнихъ къ тому препятствіяхъ, сдвинуться со своей неподвижной позиціи. Вѣдь не забудьте еще, что все то, чѣмъ это вызвано, было только вчера, только въ прошломъ 1913 году, и что психологическіе процессы въ коллективной душѣ цѣлаго народа протекаютъ крайне медленно.

Я только попрошу васъ представить себѣ, хоть на минуту, тѣ чувства и настроеніе, которыя должны были испытать и испытываютъ и посейчасъ къ сербамъ хотя бы тѣ же болгары-македонцы, которые дрались съ турками во Фракіи: у Люле-Бургаса, на Чаталджѣ и у Булаира, которые плѣнили здѣсь Явера-пашу съ его арміей и проч. и затѣмъ, возвращаясь къ себѣ на родину, встрѣтили у порога ея—у границъ Македоніи—щетину штыковъ и стѣну окоповъ новыхъ враговъ, измѣнившихъ договору вчерашнихъ союзниковъ - сербовъ,—враговъ во много разъ для болгарской Македоніи болѣе страшныхъ и опасныхъ, чѣмъ Турція, ибо никогда еще за все время своего 550-тилѣтняго владычества прежніе поработители Македоніи—турки—не посягнули здѣсь

на то (самое дорогое и святое для всякаго народа), на что сейчасъ же посягнули въ Македоніи новые ея владыки—сербы и греки: на народный болгарскій языкъ, на болгарскія школы и болгарскую церковь (на экзархистское болгарское священство). Но вѣдь это еще не все, къ чему привела въ концѣ-концовъ эта сербская измѣна союзному договору: въ союзѣ и заговорѣ съ греками, румынами и турками сербы отняли у болгаръ не только Македонію, но и болгарскую житницу—Добруджу и Ѳракію съ Адріанополемъ и Кавалу съ Эгейскимъ побережьемъ. И столь вліятельнымъ въ Болгаріи и болгарской арміи македонцамъ и македонской эмиграціи совсѣмъ не было нужды измѣнять славянству и Россіи или продаваться австрійцамъ, чтобы побудить и соблазнить царя Фердинанда (какъ это сдѣлали 16 іюня македонцы Ризовъ, Геннадіевъ и другіе) на то, чтобы силой заставить сербовъ подчиниться союзному договору. Это былъ, конечно, явно безумный шагъ.

Это было актомъ отчаянія, актомъ полной, вслѣдствіе вѣроломнаго сербскаго образа дѣйствій, потери душевнаго равновѣсія. Понимавшее все безуміе этого шага отвѣтственное болгарское правительство, безъ вѣдома котораго этотъ шагъ былъ сдѣланъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же остановило это объявленное безотвѣтственной кучкой возлѣ Фердинанда болгарское наступленіе на союзниковъ и обратилось къ Сербіи и Греціи съ просьбой сдѣлать то же самое. Но тѣ, кто только этого и ждали и такъ давно и хорошо къ этому приготовились, не вняли этому искреннему голосу болгарскаго правительства, и роковое совершилось.

А вѣдь понимавшее критическое въ этотъ моментъ положеніе Болгаріи (въ которое ее поставилъ сербскій отказъ отъ договора, подкрѣпленный еще заговоромъ и союзомъ съ Греціей и Румыніей) болгарское отвѣтственное правительство собралось, было, уже ѣхать на арбитражъ *даже безъ предварительнаго исполненія Сербіей требованія договора* объ эвакуаціи безспорно болгарской по договору восточной Македоніи и безъ допущенія Сербіей совмѣстной, впредь до рѣшенія арбитра, оккупаціи средней, спорной по договору, Македоніи!

Можно ли было при такихъ условіяхъ требовать отъ Болгаріи въ отношеніи Сербіи чего-нибудь бо́льшаго, чѣмъ нейтралитетъ? И то, что Болгарія единственно могла здѣсь дать—этотъ нейтралитетъ—она дала. Это прекрасно понимало лучше и больше, чѣмъ русское общество, освѣдомленное въ событіяхъ прошлаго года, русское правительство, которое ничего бо́льшаго отъ Болгаріи, кромѣ лояльнаго нейтралитета, до послѣдняго времени и не требовало.

Кстати, любопытно было бы знать, какъ себѣ представлялъ уничтоженіе Болгаріи первый пригрозившій стереть ее (за этотъ нейтралитетъ) съ лица земли ораторъ на банкетѣ московскаго „Общества славянскаго единенія“, русскій генералъ Поповичъ-Липовацъ? Считалъ ли этотъ

„славянолюбивый“ ораторъ (кажется, сербъ или черногорецъ по происхожденію), что Болгарія должна будетъ быть цѣликомъ присоединенной къ Сербіи, или онъ думаетъ, что по примѣру перваго прошлогодняго раздѣла, славянская Болгарія должна быть, во славу славянства, вторично и уже окончательно раздѣлена между Сербіей и не-славянскими Греціей и Румыніей? (Турція на этотъ разъ изъ пайщиковъ, вѣроятно, была бы уже исключена.)

Конечно, мы первые порадовались бы, если бы болгарскій народъ, преодолѣвъ въ себѣ всѣ слишкомъ человѣческія чувства вообще и къ сербамъ въ частности, а заодно преодолѣвъ и всѣ другія къ тому внутреннія и внѣшнія препятствія, пришелъ бы въ первые же дни настоящей войны на помощь своимъ „братьямъ“ сербамъ. Но вѣдь это—возможное, можетъ быть, для отдѣльныхъ лицъ, для коллективной народной души обыкновенныхъ людей—вещь почти невозможная.

Но, можетъ быть, будемъ на это надѣяться, новая фаза борьбы—выступленіе Турціи, дающее теперь возможность болгарскому народу пріобщиться къ общему славянскому дѣлу въ иной формѣ, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ (т.-е. уже не черезъ Сербію), поможетъ ему, въ концѣ-концовъ, преодолѣть въ себѣ и внѣ себя все то, что парализовало до сихъ поръ его больную волю, его усталыя мышцы и опустошенную казну, и пріобщить его къ совершающемуся великому общему дѣлу.

Какъ тяжело—увы!—и обидно сознавать и какъ трудно забыть, что, благодаря, съ одной стороны, тонкимъ кознямъ враговъ: нѣмцевъ, грековъ и румынъ, навстрѣчу славянской глупости, жадности и невѣрности, дѣло, которое должно было стать дѣломъ величайшаго славянскаго торжества, славы, единенія и могущества, обратилось въ дѣло величайшаго славянскаго позора, унынія, раздора и слабости.

Или, можетъ быть, мы, основываясь здѣсь въ своихъ разсужденіяхъ на идеѣ славянства и общности его интересовъ, заблуждаемся и донкихотствуемъ, и гораздо болѣе правы, можетъ быть, здѣсь тѣ, кто откровенно говорятъ, что славянство и общность его интересовъ—вздоръ и ложь, которою болѣе ловкіе изъ тѣхъ же славянъ только искусно прикрываютъ своекорыстные и чисто индивидуальные интересы своихъ отдѣльныхъ славянскихъ національностей, что интересы, напримѣръ, Россіи и Болгаріи [какъ откровенно говорятъ иногда въ болгарскомъ парламентѣ] [1])—несовмѣстимы другъ съ другомъ или (какъ говорили не разъ въ русской печати тѣ, кто оправдывали этимъ русскую под-

[1]) Эта статья была уже написана, когда выяснилось, что телеграмма петроградскаго агентства изъ Софіи, передавшая рѣчь Геннадіева въ народномъ собраніи, была передана ошибочно: слѣдовало читать, что онъ: „*не* признаетъ интересовъ Болгаріи и Россіи несовмѣстимыми“. Это подчеркнутое *не* въ телеграммѣ было выпущено.

держку въ 1913 году сербской измѣны договору) что Россіи нужна великая и сильная Сербія и слабая маленькая Болгарія?

Во всякомъ случаѣ я всетаки полагаю, что истина и искренность, какъ и всегда, могутъ только помочь дѣлу и могутъ быть только полезны всѣмъ. По мѣрѣ своихъ силъ, знанія и пониманія дѣла я и старался здѣсь содѣйствовать этой истинѣ и выясненію ея. Если же я при этомъ погрѣшилъ иногда слишкомъ острымъ выраженіемъ или впалъ гдѣ-либо въ ошибку, то да простится мнѣ это.

Скажутъ, можетъ быть, что и пишущій эти строки тоже пристрастенъ. Можетъ быть,—судить не мнѣ. Но въ Россіи такъ много пишется каждый день ультра-пристрастнаго и несправедливаго *противъ* болгаръ, что не безполезно и не грѣхъ уже по одному этому выслушать нѣсколько хотя бы и не вполнѣ безпристрастныхъ словъ *въ пользу* болгаръ.

Сем. Волчановъ.

II. Голосъ македонца.

Милостивый Государь

Петръ Бернгардовичъ!

Въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли,* въ статьѣ Викторова-Топорова „Балканскія настроенія“ и вашей замѣткѣ къ ней видно доброе желаніе освѣтить темныя стороны печальной балканской разрухи и попытаться разобраться главнымъ образомъ въ сербо-болгарскомъ спорѣ. И, какъ всегда при этомъ, г. Топоровъ сбивается въ концѣ-концовъ на пресловутый македонскій вопросъ, разбираетъ детально будущія болгарскія границы. Въ своей замѣткѣ вы вѣрно указываете на необходимость считаться и съ другой, т.-е. съ сербской, точкой зрѣнія... но вѣдь обѣ „оріентаціи“ (сербская и болгарская) взаимно исключаютъ одна другую, и всякое глубокое и вдумчивое изученіе вопроса неизбѣжно приведетъ къ заключенію о необходимости совершенно новаго и радикальнаго разрѣшенія спора, такъ сказать, къ третьей, чисто-македонской, точкѣ зрѣнія, а именно, не дѣлать изъ несчастной страны арену борьбы партій всѣхъ многоцвѣтныхъ балканскихъ національностей, кроить и перекраивать между Сербіей, Болгаріей и Греціей ея предѣлы, такъ какъ аппетиты балканскихъ (всѣхъ) шовинистовъ безпредѣльны; если вы будете разбираться въ „патріотической“ литературѣ этихъ господъ, то увидите, что компромиса между ними быть не можетъ, развѣ временное соглашеніе впредь до новаго очередного междоусобія: въ самомъ дѣлѣ, болгарскіе патріоты считаютъ, какъ извѣстно, своими не только всю Македонію, но и юго-востокъ Сербіи въ старыхъ границахъ, т.-е. Пиротъ, Вранье и пр., чуть ли не Нишъ; сербы съ

одинаковымъ успѣхомъ претендуютъ на западъ старой Болгаріи (Виднинъ и пр.), не говоря уже тоже про всю Македонію. Греческіе мегаломаны также имѣютъ притязанія на всю Македонію, и даже временами классическое славянское Коссово Поле вы найдете переименованнымъ въ эллинскій Косифополисъ. Итакъ, удовлетворить всѣхъ нельзя, и новая дѣлежка, хотя бы по рецепту господина Топорова, создастъ только новыхъ недовольныхъ: будутъ довольны болгары, но зато будутъ считать себя ни за что, ни про что обиженными сербы и греки, и такъ далѣе, пока несчастная страна не будетъ предоставлена самой себѣ—получитъ самоуправленіе, но въ формахъ, обязательно гарантирующихъ права національныхъ меньшинствъ.

Вы мнѣ скажете: Македонія имѣетъ 2-хмилліонное населеніе; куда же тяготѣетъ оно? Разъ оно въ большинствѣ считаетъ себя болгарами, то, кладя въ основу разрѣшенія спора національный принципъ, мы должны признать преимущественныя права Болгаріи. Поэтому-то такъ и запутанъ клубокъ, такъ избѣгаютъ всѣ балканскіе политики ясныхъ и точныхъ цифровыхъ данныхъ, которыя (ниже ихъ привожу) покажутъ, что при обращеніи къ плебисциту, при гарантіи населенію, конечно, полной свободы голосованія, *абсолютнаго* большинства не получитъ ни одна народность, а относительное, вѣроятно, получатъ болгары. Такъ какъ послѣдніе теперь и являются претендентами на обладаніе всей Македоніей, то я приведу болгарскія же цифры. Самымъ подробнымъ трудомъ (указанъ національный составъ каждой деревни) является книга Василія Кунчова: „Македония“ (Македония. Етнография и статистика отъ Василъ Кунчовъ. София. 1900. Стр. 342, съ 11 картами). Въ ней находимъ нижеслѣдующія данныя для населенія всей Македоніи (не забываемъ ни на минуту, что это болгарская книга—Кунчовъ былъ болгарскимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

Народность.	Христіанъ.	Магометанъ.	Всего.
Болгары . . .	1.032,533	148,803	1.181,336
Турки	4,240	494,963	499,204
Греки	214,329	14,376	228,702
Арнауты . . .	9,510	119,201	128,711
Румыны . . .	77,267	3,500	80,767
Евреи	—	—	67,840
Цыгане . . .	19,500	35,057	54,557
Русскіе . . .	4,000	—	4,000
Черкесы . . .	—	2,837	2,837
Сербы	400	300	700
Прочихъ . . .	9,170	200	9,570
Всего	1.370,949	819,235	2.258,224

Какъ видимъ, цифра сербскаго населенія до смѣшного мала, всего ихъ якобы въ Македоніи семьсотъ человѣкъ; все славянское населеніе, исключая 4 тысячи русскихъ монаховъ на Аѳонѣ, причислено къ болгарамъ, но, несмотря и на этотъ пріемъ и вѣроятное уменьшеніе цифры и греческаго населенія, все же по этимъ *болгарскимъ* даннымъ *болгары-христіане не имѣютъ абсолютнаго большинства въ странѣ*: ихъ только 45%; правда, сюда прикидываютъ еще помаковъ, болгаръ-магометанъ, но вѣдь извѣстно, что, несмотря на филологическую близость, они тяготѣютъ, какъ и сербы-магометане, къ мусульманскому міру, а не къ славянству, и врядъ ли подадутъ голоса за присоединеніе къ какому-нибудь христіанскому государству. Кромѣ того, думаю, теперь многіе, даже болгары, должны будутъ согласиться, что сербовъ не семьсотъ человѣкъ. Если на долю сербовъ или „сербомановъ" удѣлить только 10% славянскаго населенія Македоніи, то и это дастъ свыше 100 тысячъ человѣкъ; возможно, что число сторонниковъ Сербіи (не говорю прямо сербы, во избѣжаніе упрековъ чисто филологическаго свойства) и значительно больше.

Не нужно забывать и такъ называемое словѣно-македонское теченіе, т.-е. сторонниковъ самостоятельности Македоніи. Нѣкоторые пламенные адепты этого теченія открыто говорятъ объ особой македонской народности—промежуточной между сербской и болгарской; это уже преувеличеніе, конечно; большинство же видитъ въ самоуправленіи своей страны единственное средство къ прекращенію балканской неразберихи. Свободное государство Македонія, переставъ служить яблокомъ раздора, можетъ сыграть рѣшающую роль въ возрожденіи если не балканскаго, то хотя бы юго-славянскаго союза. Сторонники словѣно-македонскаго движенія имѣютъ своихъ представителей и въ Петроградѣ, гдѣ ими издается *Македонскій Голосъ*. Надо думать, что при свободномъ голосованіи (плебисцитѣ) автономисты соберутъ не мало голосовъ, такъ какъ за нихъ подадутъ свои голоса не только македонцы-сепаратисты чистаго типа, но и многія группы не-славянскихъ народностей, не имѣющія шансовъ собрать большинство за свою національность (какъ-то: турки, арнауты, куцо-влахи и пр.), они, вѣроятнѣе всего, примкнутъ къ автономистамъ изъ простого расчета: лучше всѣмъ поровну, чѣмъ все одному.

Поэтому-то я смѣю думать, что въ случаѣ поголовнаго опроса населенія Македоніи далеко не вся причисляемая Кунчовымъ къ болгарамъ славянская масса потянетъ къ Болгаріи. Изъ насчитанныхъ имъ 45% нужно отбросить не мало на „сербомановъ" и автономистовъ. Болгары въ самомъ лучшемъ случаѣ могутъ разсчитывать на 30—35% всего населенія. И равнодѣйствующая народнаго голосованія скорѣе всего склонится въ сторону самостоятельной Македоніи.

Осуществимъ ли практически плебисцитъ,—вопросъ другой. Если да, то желательно порученіе его комиссіямъ смѣшаннаго національнаго состава изъ лицъ, принадлежащихъ къ незаинтересованнымъ народностямъ.

Всякія же попытки найти виновника сербо-болгарской распри и, главнымъ образомъ, виновниковъ Каинова акта 17 іюня 1913 года не приведутъ ни къ чему. Истинный виновникъ одинъ—узкій шовинизмъ и мегаломанія небольшихъ балканскихъ народцевъ. Стереть съ лица земли одному другого не удастся, а до единственнаго вывода—осуществленія девиза „въ единеніи сила"—они, видно, еще не доросли.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Георгій Стояновъ.

Отъ редакціи. Авторъ письма—сынъ македонца, бывшаго депутата перваго болгарскаго народнаго собранія.

Философія какъ духовное дѣланіе. [1])

Всякій, кто любитъ философію,—а я обращаюсь именно къ тѣмъ, которые ее любятъ,—навѣрное не разъ спрашивалъ себя, откуда это проистекаетъ, какъ это слагается, что въ философіи такое безчисленное множество разнорѣчій, несогласій, неразрѣшенныхъ споровъ, взаимныхъ отрицаній? Отчего это философія, существующая болѣе двухъ съ половиною тысячелѣтій и признающая себя за нѣкое высшее, лучшее, безусловно достовѣрное знаніе, живетъ доселѣ въ притязаніи на столь великое и съ неопредѣленностью въ существѣ своемъ? Нерѣдко приступающіе къ ея изученію выносятъ и осуществляютъ убѣжденіе въ томъ, что именно это обиліе разногласій и безплодныхъ споровъ отдаетъ философское творчество въ распоряженіе личнаго произвола и усмотрѣнія; что философствованіе есть дѣло субъективнаго вкуса, личной склонности, личнаго настроенія; что всякій философствуетъ сообразно своимъ влеченіямъ и симпатіямъ, и что никто не въ правѣ мѣшать другому въ этомъ занятіи; все равно вѣдь общеубѣдительной истины нѣтъ, или, что (якобы) то же самое, она не находима, или, во всякомъ случаѣ, *еще не найдена;* но если бы даже ее вдругъ нашли, эту единую, общеобязательную истину, самоё истину—можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что она не встрѣтила бы общаго и полнаго признанія. И вотъ слагается „успокоительная“ увѣренность въ томъ, что на нашъ вѣкъ хватитъ сектантскаго духа въ философіи, что не изсякнетъ такъ скоро потокъ распрей и субъективистическихъ построеній и что въ этой сумятицѣ мнѣній, въ этомъ водоворотѣ разнорѣчій можно будетъ съ успѣхомъ проложить себѣ путь къ „оригинальной“ философской системѣ; ибо, какъ говорили еще софисты, истинно то, въ чемъ ты сумѣешь убѣдить другихъ.

Всякая наука имѣетъ свой особый предметъ и судьба ея связана тѣснѣйшимъ образомъ со свойствами этого предмета. Наука слагается

---

[1]) Рѣчь, произнесенная при открытіи студенческаго Философскаго Общества въ Москвѣ.

тѣмъ ранѣе и достигаетъ содержательной и формальной зрѣлости тѣмъ быстрѣе, чѣмъ менѣе внутренняго напряженія и умѣнія, чѣмъ меньше внутренней зрѣлости нужно для того, чтобы замѣтить и воспринять первое явленіе ея „предмета". Въ этомъ отношеніи имѣютъ преимущество всѣ тѣ науки, предметъ которыхъ данъ первоначально *внѣшнимъ образомъ*, въ чувственно воспринимаемой формѣ „вещи" и „вещественности". Здѣсь, кажется, стоитъ только „взглянуть повнимательнѣе", прислушаться, измѣрить, сравнить вещь съ вещью,—и первые начатки знанія состоялись. Предметъ, данный первоначально въ видѣ постоянно окружающей насъ вещественной обстановки, доступенъ всякому, у кого есть достаточно досуга, интереса и желанія для того, чтобы сосредоточиться на чувственномъ воспріятіи опредѣленной вещи, или опредѣленныхъ группъ вещей, и на „безхитростномъ" размышленіи о воспринятомъ. Въ этой чувственной данности, въ этой внѣшней тѣлесной наличности того, что первоначально признается изслѣдуемымъ предметомъ,—есть великое преимущество, котораго лишена философія. Эмпирическое знаніе о вещественномъ мірѣ имѣетъ здѣсь нѣкую гарантію того, что разногласія не будутъ безконечны и безмѣрны по діапазону своихъ колебаній. Возможность апеллировать къ легко осуществимому, повторному,—если нужно, то постоянному,—воспріятію чувственной данности; возможность неустанно справляться и провѣрять черезъ элементарное наблюденіе, наличность (или отсутствіе) извѣстныхъ основныхъ и устойчивыхъ свойствъ въ изучаемомъ,—эта безцѣнная возможность и ея сравнительно легкое осуществленіе есть тотъ познавательный якорь, которымъ спасается эмпирическая наука о внѣшней природѣ. Волны субъективной фантазіи, душевнаго произвола и злокачественной аберраціи не въ состояніи захлестнуть научное познаніе; ошибку зрѣнія и слуха исправитъ повторный опытъ воспріятія, экспериментъ или, наконецъ, безстрастная кривая, зачерченная измѣрителемъ. Наконецъ, въ этихъ наукахъ прогрессъ и объективное единство знанія поддерживаются угрозой возможныхъ въ будущемъ роковыхъ послѣдствій: кажется, что возопіютъ самыя вещи, если ихъ исказитъ или о нихъ умолчитъ человѣческое сознаніе. Здѣсь человѣчество не можетъ и *не смѣетъ* распустить энергію своего вниманія, ослабить волю къ знанію, субъективистически исказить объективное обстояніе: *практическая расплата* приходитъ слишкомъ быстро, обрушивается слишкомъ нещадно, сметая съ лица земли *самую жизнь* тѣхъ, которые допустили ошибку. Такъ, знаніе о внѣшнемъ вещественномъ мірѣ ограждено какъ бы внутреннимъ, имманентнымъ и естественнымъ образомъ отъ того бѣдствія, подъ гнетомъ котораго страдаетъ философія: *отъ разложенія воли къ истинѣ и отъ ослабленія теоретической совѣсти.* Здѣсь есть нѣкій безпощадно карающій перстъ: самое эмпирическое существованіе человѣка стоитъ въ

зависимости отъ его научныхъ знаній о внѣшнемъ мірѣ и выросшихъ на ихъ почвѣ техническихъ умѣній. Забывающему о требованіяхъ теоретической совѣсти, погрѣшающему этимъ противъ *духа*, матеріальная природа слишкомъ скоро напомнитъ о томъ, что онъ самъ существуетъ въ видѣ *вещи*, и, не сумѣвшій познавательно господствовать надъ вещью, погибнетъ, подчиняясь недопознанной закономѣрности.

Эта объективная гарантія осуществляется далеко не съ тою же силою и вѣрностью въ области гуманитарныхъ наукъ, именно постольку, поскольку онѣ изслѣдуютъ не внѣшній, вещественный составъ человѣческаго существа, но внутренній, душевный. Здѣсь предметъ въ своемъ первоначальномъ видѣ данъ *внутренно*, т.-е. уже не какъ пространственно-временный, но какъ чисто временный, и, слѣдовательно, не какъ элементарное вещественное единство, одинаково доступное для всѣхъ изслѣдующихъ въ своей внѣшней „объективности", но какъ рядъ своеобразныхъ, внутреннихъ и потому непосредственно доступныхъ лишь каждому про себя и для себя, субъективныхъ переживаній. Душевное есть всегда *процессъ въ субъективномъ сознаніи* или въ *субъективномъ безсознательномъ* и изслѣдованіе душевнаго у *многихъ* лицъ, стоящихъ во взаимодѣйствіи, не можетъ лишить предметъ этихъ наукъ ни его процессуальнаго, ни его „субъективнаго" характера. Здѣсь нужна гораздо болѣе сложная душевная и познавательная техника для того, чтобы добраться до *души*, какъ предмета научнаго знанія, и съ этой точки зрѣнія понятно, что психологія и психопатологія становятся научнымъ знаніемъ только въ девятнадцатомъ и двадцатомъ вѣкѣ, и что соціальная психологія и психологическая исторія доселѣ стоятъ еще подъ знакомъ научнаго сомнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ много еще въ этихъ „наукахъ будущаго"—случайныхъ догадокъ, вѣрныхъ предчувствій, невѣрныхъ предвосхищеній, несобраннаго и недоступнаго матеріала, несистематическихъ, хотя подчасъ и глубокихъ интуицій... Безспорно, что эта трудная уловимость познаваемаго предмета исправляется нѣсколько *практическими* гарантіями; ибо воспитаніе, душевное лѣченіе и политика, какъ дѣятельности, основанныя на знаніи о душѣ, о ея одинокой и общественной жизни, несутъ въ себѣ извѣстныя гарантіи отъ чрезмѣрныхъ уклоненій познающаго изслѣдованія и нѣкоторыя побужденія къ величайшему напряженію познающей воли: люди, душевно измятые уродливымъ воспитаніемъ; люди, безсильно присутствующіе при душевномъ разложеніи близкихъ,—или далекихъ, но духовно дорогихъ,—индивидуальностей (Хёльдерлинъ, Шуманъ, Ницше, Врубель); политическіе правители, отъ времени до времени пожинающіе плоды созданнаго ими же самими культурнаго упадка и нравственнаго разложенія,—всѣ эти люди, и мы сами черезъ знаніе о нихъ, получаемъ практическій, дѣйственный призывъ къ активности и бодрствованію нашей теоре-

тической совѣсти. Но несмотря на то, что гуманитарныя науки не лишены нѣкоторыхъ практическихъ гарантій отъ чрезмѣрной неподлинности познавательныхъ свершеній; несмотря на то, что въ нихъ возможна и предметная провѣрка—черезъ подведеніе уклонившагося сознанія къ воспріятію самого предмета,—и прагматическая угроза—въ видѣ горькихъ послѣдствій, встающихъ въ итогѣ познавательной лѣни и аберраціи; несмотря на все это,—какъ часто приходится здѣсь взывать къ чистой и безкорыстной жаждѣ знать истину, какъ таковую, исключительно и только ради того, что она сама по себѣ такъ прекрасна и что знаніе о ней само по себѣ такъ радостно. Практическій вредъ, проистекающій отъ уклоненія познанія въ гуманитарныхъ наукахъ, слишкомъ часто не возвращается на голову того, кто въ немъ повиненъ; тяжелыя послѣдствія, созданныя ложнымъ ученіемъ о „душѣ", слишкомъ легко распыляются въ окружающей соціальной средѣ, настолько, что бываетъ очень трудно доказать наглядно причинную зависимость между теоретическимъ искаженіемъ и практическимъ бѣдствіемъ. Уже въ гуманитарныхъ наукахъ требованія теоретической совѣсти, во всей ихъ чистотѣ и силѣ, могутъ оказаться *единственной* гарантіей научнаго уровня.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что требованія теоретической совѣсти и вытекающее изъ нихъ чувство отвѣтственности должны лежать въ основаніи всякаго научнаго творчества, какъ таковаго; это опредѣляется самымъ основнымъ заданіемъ, самою единою и единственною цѣлью научной дѣятельности: *познать истинное.* Ученый, который *не* имѣетъ въ виду этого заданія, ученый, который работаетъ не ради этого достиженія—есть своего рода трагическій курьезъ или явленіе нравственнаго уродства. Безспорно, практическая дѣятельность, взятая во всемъ своемъ разнообразіи, знаетъ подобныя и, по содержанію, еще болѣе рѣзкія уклоненія дѣйствующаго отъ его цѣли; но среди этихъ уклоненій самымъ тягостнымъ по духовнымъ послѣдствіямъ и наиболѣе искажающимъ человѣческую жизнь—является уклоненіе *священнослужителя, художника* и *ученаго* отъ чистаго и послѣдовательнаго опредѣленія ихъ дѣятельности содержаніемъ ихъ верховнаго заданія. Эти люди по самому положенію своему, по тому роду дѣла, которому они открыто и сознательно посвятили себя, стоятъ непосредственно лицомъ къ лицу съ тѣмъ *высшимъ, верховнымъ жизненнымъ содержаніемъ, черезъ которое жизнь человѣческая вообще имѣетъ цѣнность и значеніе.* Изъять изъ жизни человѣчества: добро, которое священнослужителю надлежитъ раскрывать въ формѣ религіозной очевидности, красоту, осуществленную и осуществляемую въ художественно реальныхъ образахъ, и истину, открываемую въ состояніи научной очевидности,—значитъ превратить ее въ сумятицу инстинктивныхъ влеченій и судорожную борьбу за ихъ удовлетвореніе. Жизненное дѣло священнослужителя, художника и уче-

наго есть трудъ, протекающій въ непрестанномъ *предстояніи* верховному; ихъ служеніе отличается отъ обычнаго жизненнаго дѣла именно той *непосредственностью* и *непрерывностью*, въ которой они стоятъ предъ лицомъ *послѣдняго и безусловнаго*, предъ лицомъ тѣхъ сферъ, гдѣ кончается и отмираетъ все „только человѣческое" и гдѣ открывается подлинное *духовное* и *божественное* обстояніе.

Въ повседневной житейской суетѣ, въ погонѣ за личной удачей и за удовлетвореніемъ инстинктивныхъ влеченій,—въ ихъ примитивномъ или слегка пріукрашенномъ видѣ,—все это забывается и вырождается съ чрезмѣрной легкостью, и сознаніе людей, незамѣтно привыкающее къ извѣстному уровню разложенія и порочности, изумляется и негодуетъ только тогда, когда замѣчаетъ дѣянія, изъ ряда вонъ выходящія. Процессъ непосредственной жизни вырабатываетъ „скрытыя" и „терпимыя" формы искаженій и только въ минуты остраго нравственнаго отрезвленія передъ человѣкомъ встаетъ въявѣ ихъ сущность и ихъ значеніе. Если священнослужитель раздаетъ благодать за деньги; если художникъ льстиво служитъ своему и чужому удовольствію; если ученый слагаетъ „нужные выводы" и угодливо приспособляетъ научное творчество,—то значеніе этихъ явленій имѣетъ всегда свою трагическую глубину. Тѣ люди, которые по самому основному дѣлу своей жизни стоятъ ближе всего къ живымъ истокамъ *духовной значительности*, которые взяли на себя непосредственное служеніе раскрытію и осуществленію *самого* добра, *самой* красоты, *самой* истины, которые добровольно пріяли на себя величайшее бремя и съ нимъ величайшую отвѣтственность,—эти люди, если они попираютъ требованія *творческой совѣсти*, являютъ поистинѣ величайшее паденіе, ибо высота ихъ задапія и размѣръ ихъ отвѣтственности суть величайшіе.

И вотъ, если это сказано о всякомъ ученомъ, какъ таковомъ, то къ философу это должно быть отнесено съ особенною силою и значеніемъ. Ибо, во-первыхъ, философъ, единственный изъ ученыхъ, беретъ на себя разрѣшеніе вопроса о томъ, *что есть истина;* подобно священнослужителю онъ стоитъ постоянно передъ лицомъ самого *добра*, испытуя его природу и раскрывая другимъ испытанное; подобно художнику онъ имѣетъ дѣло съ самою *красотой*, изслѣдуя ея сущность и обнаруживая пути къ ея осуществленію и узрѣнію. Такъ: теорія познанія раскрываетъ природу истины; этика изслѣдуетъ сущность добра; эстетика познаетъ природу красоты. Во-вторыхъ, философія, какъ научное творчество, есть въ особомъ и углубленномъ смыслѣ *внутреннее дѣланіе* и притомъ такое внутреннее дѣланіе, предметъ котораго и по значительности, и по сложности своей, и по неуловимости своей для какой бы то ни было внѣшней и механической провѣрки, требуетъ особой, напряженной *душевно-духовной культуры*, особой остроты и чуткости

теоретической совѣсти, особой *чистоты воли*. Философія, какъ никакая другая наука, стоитъ передъ послѣдними, самыми углубленными и утонченными, и притомъ самыми духовно-значительными проблемами; утверждать что-либо въ этой сферѣ есть дерзаніе, и философъ, больше, чѣмъ кто-нибудь, долженъ помнить о размѣрахъ своей отвѣтственности.

Философствованіе, какъ всякая познавательная практика, есть не внѣшнее умѣніе или дѣланіе, но внутреннее; это есть *сознательная творческая жизнь души*. Однако это не есть просто душевное, но *душевно-духовное* дѣланіе. Душа не то же самое, что духъ. Душа—это потокъ обыденныхъ переживаній, чувствованій, болевыхъ ощущеній, пріятныхъ и непріятныхъ состояній, воспоминаній и забвеній, дѣловыхъ соображеній и т. д. Духъ—это во всякомъ случаѣ лишь тѣ душевныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ живетъ своими главными силами и глубокими слоями, обращенными на познаніе истины, на созерцаніе или осуществленіе красоты, на совершеніе добра или на общеніе съ высшей *сущностью* [1],—словомъ, на то, что человѣкъ признаетъ *высшимъ* и *безусловнымъ* благомъ [2]). Духъ это то, что *объективно значительно* въ душѣ, и философствующій живетъ именно въ сферѣ этихъ объективно значительныхъ состояній. Стать участникомъ въ духовномъ дѣланіи—значитъ, прежде всего, создать въ своей душѣ необходимый уровень внутренней жизни, отсутствіе котораго дѣлаетъ неизбѣжными совлеченіе и пошлость. Тотъ, кто создалъ въ себѣ этотъ уровень, испытываетъ нѣчто, какъ *самое лучшее и высшее*, и поставляетъ его надо всѣмъ остальнымъ; но онъ сознаетъ и испытываетъ это лучшее, не какъ лучшее только *для него*, не какъ субъективно наиболѣе пріемлемое,—пріятное,—но какъ *объективно совершенное;* какъ совершенное не только *для* всѣхъ людей, но безотносительно, какъ совершенное *само по себѣ*, какъ не могущее потерпѣть ущерба даже въ томъ случаѣ, если бы никто изъ людей не захотѣлъ признать его, или если бы всѣ отъ него отвернулись и отвергли его совершенство. Это нѣчто по качеству своему испытывается, какъ *бытіе* или *явленіе* нѣкоего высшаго содержанія, и, въ то же время, какъ осуществленіе объективной мѣры—логической, нравственной или эстетической; можетъ быть, какъ сама раскрывающаяся *сущность*; какъ совершенное въ послѣднемъ планѣ и измѣреніи; какъ совершенное *передъ лицомъ Божіимъ*.

Именно за это, въ силу такого совершенства своего, это „нѣчто" дѣлается предметомъ любви и радости. Оно любится всѣмъ сердцемъ,

---

[1]) Этимъ различіе, конечно, не исчерпывается и можетъ быть даже въ конечномъ счетѣ оно опредѣляется не этимъ; по феноменологически говоря, т.-е. отправляясь отъ анализа *явленія* предмета съ тѣмъ, чтобы прійти къ познанію его *сущности*,—оно начинается именно здѣсь.

[2]) Срв. мой опытъ „Духовный смыслъ войны". М. 1915 г.

всей душою и всѣмъ помышленіемъ; душа радуется ему и стремится къ нему, какъ къ радости; но это нѣчто не потому хорошо, что оно пріятно, что оно радуетъ; но радуетъ потому, что оно въ самомъ дѣлѣ прекрасно и объективно совершенно. Душа любитъ его не душевно, — по сильному и слѣпому влеченію, постулируя достоинство его изъ своего чувства; но духовно, — по столь же сильному, но разумному, зрячему и *все болѣе прозрѣвающему* стремленію. Душа побѣждена объективнымъ качествомъ предмета, слѣдуетъ его зову, готовитъ себя къ его воспріятію, къ полной и чистой радости его явленію. Эта любовь къ совершенному есть любовь, поглощающая личный интересъ, личную страсть, личную корысть человѣка; она приходитъ съ сознаніемъ, что невозможно не любить этого предмета; съ непреложной увѣренностью, что разъ увидѣвшій его, пойдетъ за нимъ, оставляя иное. Это чувство, эта *безкорыстная радость объективному качеству предмета*, пріучаетъ человѣка къ тому, что все, что есть въ немъ самомъ *только* личнаго, *только* субъективнаго—второстепенно и несущественно; что важно, цѣнно и значительно,—и въ немъ самомъ, и въ другихъ людяхъ, и въ вещахъ,—то, что *объективно* цѣнно, *объективно* значительно; что эросъ души долженъ принадлежать и не можетъ не принадлежать именно объективному, безусловному качеству предмета: истинности знанія, нравственному совершенству душевнаго настроенія и дѣланія, красотѣ осуществляемаго и воспринимаемаго образа, объективной глубинѣ предметнаго содержанія. Умѣть безкорыстно радоваться объективному и безусловному качеству предмета—вотъ первая основа и первое условіе истинной и благородной философской атмосферы. Это есть тотъ уровень, на которомъ философствованіе дѣйствительно можетъ получить значеніе *духовнаго дѣланія*.

Безкорыстіе, самоотверженіе и нравственная чистота воли, направленной къ истинному знанію,—вотъ необходимое условіе для жизни и роста философіи. Конечно, не только въ томъ отношеніи, чтобы не подчинять процесса познанія и обнародованія познаннаго—грубымъ соображеніямъ о личной жизненной выгодѣ. Нѣтъ; тотъ, кто единожды поднялся душою до самоотверженной радости объективному качеству предмета, для того опасность этихъ элементарныхъ деморализующихъ уклоненій не страшна. Но есть въ предѣлахъ самого процесса философскаго познаванія не столь замѣтныя, но тѣмъ болѣе опасныя возможности уклоненія съ истиннаго пути, съ которыми каждому изъ насъ предстоитъ бороться всю жизнь. Философія, какъ духовное дѣланіе, должна быть и здѣсь свободна отъ незамѣтныхъ компромиссовъ, отъ уступокъ *личнымъ влеченіямъ* и *тайнымъ симпатіямъ*, отъ потаканія своей субъективной *эмпирической несчастности* и отъ вырастающихъ изо всего этого ложныхъ и мнимыхъ проблемъ.

Дѣло въ томъ, что предметъ философіи не подобенъ по основному и первоначальному способу своего „бытія“ предметамъ другихъ наукъ; онъ не дается намъ въ пространственно устойчивомъ и сравнительно неизмѣнномъ, или легко повторяющемся внѣшнемъ видѣ. Философствующій человѣкъ имѣетъ передъ своимъ внутреннимъ взоромъ предметъ незримый, неслышимый, нечувственный, не матеріальный, не существующій въ пространствѣ и не длящійся во времени. Правда, все, что предстоитъ другимъ людямъ, предстоитъ и ему: и звѣзды, и рѣки, и горы, и цвѣты, и люди; и слово ему звучитъ, и звукъ поетъ ему; и цвѣта, и линіи, и дали говорятъ его оку. Но философская мысль ищетъ въ явленіи *не* явленія; она не прельщается видимостью и не успокаивается на *знакѣ*. Видимое и слышимое, тѣлесное и душевное радуетъ ее, какъ вѣрный знакъ, подлежащій пріятію и уразумѣнію; ибо лѣсной огонь блуждаетъ тамъ, гдѣ сокрыто сокровище. Въ содержаніи всякаго явленія и всякаго состоянія философская мысль видитъ и раскрываетъ *духовный смыслъ* его, полагая въ этомъ духовномъ смыслѣ свой предметъ, а въ его разумномъ, *для каждаго очевидномъ* раскрытіи—свою задачу. Познавательно обращаясь къ этому предмету, вступая съ нимъ въ познающее „общеніе“, человѣкъ остается совершенно *одинокимъ*, внутренно замкнутымъ и отъединеннымъ, почти *безпомощнымъ* и во всякомъ случаѣ *безконтрольно* предоставленнымъ себѣ самому. Въ этомъ безпомощномъ внутреннемъ отъединеніи философъ долженъ самъ, одинокимъ и самостоятельнымъ напряженіемъ воли, воображенія, памяти, вниманія и мысли [1]) *вызвать въ себѣ реальное переживаніе того содержанія, которое онъ долженъ изслѣдовать;* онъ долженъ предоставить силы своей души для того, чтобы въ нихъ осуществилось, *стало непосредственно* наличнымъ и даннымъ то содержаніе, которое подлежитъ изученію и познанію. Содержаніе это должно какъ бы завладѣть тканью души и состояться въ ней; предметъ долженъ какъ бы выступить объективнымъ узоромъ на ткани отдавшейся ему души. Этимъ и *только этимъ* философъ можетъ поставить себя въ положеніе ученаго, изслѣдующаго объективную природу предмета; творческій и согласованный симбіозъ всѣхъ указанныхъ силъ души, въ напряженномъ взаимномъ содѣйствіи и общей заботѣ о надлежащей точности и отчетливой фиксаціи предмета—даетъ философу возможность обрѣсти единство и объективность въ подходѣ къ своему предмету. Создавъ въ себѣ душевнымъ напряженіемъ реальное и подлинное переживаніе изслѣдуемаго содержанія, философъ приступаетъ

---

[1]) Творческая комбинація этихъ силъ и, соотвѣтственно, душевныхъ актовъ, зависитъ каждый разъ отъ природы того явленія или состоянія, которое подвергается *феноменологическому анализу*: такъ феноменологическое раскрытіе явленія природы или произведенія искусства потребуетъ иной комбинаціи актовъ, чѣмъ изслѣдованіе „радости“, или чьего-нибудь характера, или, наконецъ, понятія, закона тождества и т. д.

къ одинокому и напряженному *внутреннему вглядыванію въ сущность внутренно даннаго предмета.* Это внутреннее вглядываніе можетъ опять потребовать участія всѣхъ силъ души, мобилизаціи ея сознательныхъ способностей, такъ же, какъ и ея безсознательной сферы, въ зависимости отъ особыхъ чертъ изслѣдуемаго предмета. Въ этой стадіи изслѣдованія осуществляется своеобразное *интуитивное вживаніе души въ изслѣдуемое содержаніе*; то, что она приняла, ввела, реально включила въ свой жизненный составъ, то, чему она предоставила осуществиться въ его объективной природѣ—является для нея теперь предметомъ *систематически-интуитивнаго изслѣдованія.* Само собой разумѣется при этомъ, что изслѣдуется не реальное переживаніе, не душевная, субъективная функція, слагающаяся всегда въ форму временнаго процесса, и не качества или свойства субъективныхъ душевныхъ состояній, въ ихъ ассоціативной обстановкѣ, эмоціональной окрашенности и т. д.; но *объективная сверхвременная сущность,* содержательно предстоящая изслѣдующему духу, непосредственно данная ему и *предметно разумѣющаяся* имъ, какъ радующее, любимое и *философски познаваемое, безусловное* по значенію и значительности, *обстояніе.*

Это систематическое интуитивное вглядываніе въ предметъ имѣетъ извѣстный, *теоретической совѣстью* опредѣляемый, максимальный уровень [1]), по достиженіи котораго оно уступаетъ мѣсто третьей стадіи: разумно логическому раскрытію усмотрѣннаго содержанія. Душа, переходящая къ этой послѣдней стадіи, должна, конечно, имѣть твердую увѣренность въ объективной чистотѣ и адэкватной силѣ выполненной ею работы; она должна использовать сначала *всѣ пути и возможности,* могущіе ей дать гарантію въ этомъ; она должна умѣть творчески сомнѣваться, испытующе вопрошать и безпристрастно провѣрять; она должна создать въ себѣ *твердую и обоснованную увѣренность въ отсутствіи субъективистическихъ искаженій.* И только тогда, когда все это сдѣлано и осуществлено, она должна приступить къ разумному и научному раскрытію того, что она интуитивно увидѣла: къ логическому, ясному и отчетливому, обнаруженію того предметнаго содержанія, которое какъ бы ждетъ своего окончательнаго раскрытія; къ избавленію предмета отъ той видимости неразумнаго плѣненія, въ которой онъ томится. Настоящее, подлинное философствованіе даетъ всегда *научное знаніе;* научное знаніе есть знаніе; знаніе есть мысль; мысль несетъ въ себѣ все, что ею преодолѣно и объято—въ формѣ разумной. Поэтому философія имѣетъ всегда единое заданіе: раскрыть съ силою адэкватности и научной очевид-

---

[1]) Невозможно прослѣдить и аналитически раскрыть процессъ философскаго познанія съ его существенными и второстепенными чертами и особенностями, въ предѣлахъ краткой рѣчи; здѣсь возможно только указать тотъ путь, *осуществленіе* котораго дастъ каждому знаніе о *природѣ философскаго метода*

ности объективное разумное содержаніе той подлинной природы предмета, въ которую познаніе проникло на пути *систематической интуиціи.*

Въ этомъ внутренно сосредоточенномъ и утонченномъ *духовномъ дѣланіи* философствующая душа, какъ это теперь очевидно, остается дѣйствительно все время отъединенной и одинокой. Она пребываетъ въ непроницаемой для чужого сознанія замкнутости, съ глазу на глазъ съ *непосредственно добытымъ, интуитивно изслѣдуемымъ* и *мысленно раскрываемымъ* содержаніемъ. Никто никого не можетъ впустить въ свою душу; никто не можетъ замѣнить въ этомъ дѣлѣ другого; никто не можетъ снять съ чужой души бремя самостоятельнаго вынашиванія и самодѣятельнаго очищенія души, бремя одинокаго, интуитивнаго и разумнаго, философскаго познаванія. Философское познаніе требуетъ высокой, *лично* выращиваемой и осуществляемой духовной культуры. И въ этомъ дѣлѣ необходима именно та внутренняя самопочинная и неустанная *нравственная активность въ познаніи,* къ которой взывалъ Іоганнъ Готлибъ Фихте; здѣсь необходима личная непреклонная воля къ *совершенному* и *адэкватному* знанію и напряженная чуткость личной теоретической совѣсти. Теоретическая совѣсть поставляетъ передъ познающей душой всегда одно и то же единое требованіе: *„ты можешь и долженъ признавать и открыто исповѣдовать, какъ истинное, только то, въ познаніи чего ты, по крайнему, активно провѣренному, разумѣнію своему, освободилъ себя отъ всѣхъ субъективистическихъ искаженій, осуществилъ всѣ средства личнаго очищенія и предметнаго углубленія, извѣстныя человѣчеству, и достигъ на этомъ пути испытанія личной, по эмпирической формѣ, но сверхличной, по содержанію и значенію, познавательной очевидности“.* Это требованіе теоретической совѣсти поистинѣ неуклонно и неумолчно; и философъ, больше, чѣмъ какой-либо другой ученый, долженъ имѣть его постоянно въ виду, уже по одному тому, что философское познаніе не имѣетъ никакой иной ограды отъ искаженій и никакой иной гарантіи отъ субъективистическаго вырожденія кромѣ единой и единственной: *голоса теоретической совѣсти.* Ибо практическій жизненный вредъ, приносимый ложнымъ философствованіемъ, виденъ воочію только тому, и осязателенъ только для того, кто уже закалилъ свою душу въ требованіяхъ философскаго уровня; и этотъ вредъ не есть вредъ физическаго, или физіологическаго, или только душевнаго характера, какъ въ другихъ областяхъ знанія, но вредъ *духовной* природы; онъ выражается въ томъ коренномъ вырожденіи всего познавательнаго, нравственнаго, эстетическаго и религіознаго уровня жизни, который обладаетъ свойствомъ—въ теченіе долгаго времени быть незамѣтнымъ и вдругъ обнаружиться съ вопіющей очевидностью уже состоявшагося паденія и разложенія философской и духовной атмосферы.

Философствованіе обязываетъ; сознаніе этого должно непрестанно

горѣть въ душахъ тѣхъ, кто говоритъ отъ лица философіи. Оно обязываетъ уже потому, что философія есть *знаніе;* а всякое знаніе даетъ духовныя права и возлагаетъ духовныя обязанности. Знаніе есть *даръ* и богатство, потому что знающій,—именно въ томъ, что̀ онъ знаетъ, и поскольку онъ знаетъ,—знаетъ не только „навѣрное", но знаетъ вѣрно, *подлинно, объективно;* онъ выбрался изъ колеблющейся трясины мнѣній. У того, кто *знаетъ,* знаніе и вѣра *не* расходятся и не стоятъ въ противорѣчіи: то, что̀ онъ знаетъ,—достовѣрно той *единой* достовѣрностью и очевидно той *единой* очевидностью, которая силою объективности своей создаетъ *вѣрующее знаніе и знающую вѣру.* Вѣрить и вѣровать можно лишь въ то, что вѣрно, что въ *въ самомъ дѣлѣ такъ;* нельзя *вѣрить* во что-нибудь, зная, что *на самомъ дѣлѣ* „это—иначе": такой человѣкъ—былъ бы невмѣняемъ; но нельзя и *знать* что-нибудь, вѣря, что *на самомъ дѣлѣ* „это — иначе": такой человѣкъ былъ бы лишенъ и вѣры, и знанія. Знать—значить имѣть *объективно-обоснованную увѣренность;* но какъ же можетъ тогда человѣкъ, *горящій о знаніи,* не *вѣрить* въ знаемое? Вѣрить—значитъ горѣть признаніемъ *истины;* но какъ же можетъ тогда человѣкъ, признавшій *истину,* не имѣть объективно-обоснованнаго *знанія?* Знаніе можетъ быть *еще* не раскрытымъ; вѣра можетъ быть *временно* достояніемъ одной только души. Но по существу—они *одно.* Ибо гипотеза и предположеніе—не есть еще знаніе; а воздыханіе и вожделѣніе, нужданіе и ожиданіе, чаяніе и упованіе—совсѣмъ не есть вѣра. Вотъ почему знаніе есть даръ и богатство.

Но философія, какъ знаніе о важнѣйшемъ, о *безусловномъ,* о *духѣ,* есть лучшій даръ и бо́льшее богатство. Философія, познавая сущность духа, должна создавать объективно-обоснованную увѣренность, восходя къ той единой достовѣрности и единой очевидности, безъ которой нельзя *ни знать, ни вѣрить.* Но эта достовѣрность и очевидность не можетъ и не должна *храниться въ тайнѣ* или открываться только „посвященнымъ". Предметъ объективенъ и единъ для всѣхъ; онъ долженъ быть доступенъ всѣмъ желающимъ. И то, что̀ знается, и то, во что вѣруется, что утверждается, какъ очевидное и достовѣрное,—должно быть доступно и раскрыто для всѣхъ спрашивающихъ и желающихъ знанія. Ибо философія есть *наука;* она движется научнымъ путемъ: она фиксируетъ свой предметъ, она воспринимаетъ его очищенной и многократной интуціей, она описываетъ его содержаніе, анализируетъ и синтезируетъ, указываетъ, и провѣряетъ, и доказываетъ. Въ философіи не должно быть мѣста для произвольныхъ и фантастическихъ изобрѣтеній, для самообмана, мнимыхъ наитій и волшебства. Философія не мистифицируетъ ни себя, ни другихъ; ей должны быть вполнѣ чужды нашепты и заговоры; она можетъ и должна быть вполнѣ свободна отъ

суевѣрія, когда человѣкъ достаточно „вѣритъ", чтобы бояться, и недостаточно „вѣритъ", чтобы *не* бояться, „вѣритъ" отъ страха и боится отъ „вѣры". Философія ищетъ *свѣта* и находитъ свѣтъ, и работаетъ всегда при томъ свѣтѣ, который ей уже данъ или ею уже добытъ. И потому она не только не питаетъ и не создаетъ страха, но стремится не оставить и мѣста для него; ибо страхъ возникаетъ лишь тамъ, гдѣ непонятныя и нераскрытыя силы работаютъ во мракѣ и грозятъ изъ темноты. Философія, какъ и всякое знаніе, начинаетъ съ опыта; *духъ* есть предметъ ея опыта, и нѣтъ у нея основаній къ тому, чтобы трусливо прятать дающееся ей въ опытѣ предметное богатство отъ разумнаго раскрытія, побѣждающаго и потому радостнаго. [1]) И если истинно религіозный человѣкъ пріемлетъ лишь то и вѣруетъ лишь въ то, что открылось ему съ достовѣрностью и очевидностью въ подлинномъ духовномъ опытѣ, то правы были Фихте и Гегель, говоря, что *философія* по содержанію своему *есть истинная религія.*

Вы видите, какая отвѣтственность встаетъ передъ душой, рѣшающей посвятить себя философіи. И тотъ, кто, философствуя, будетъ имѣть передъ своими очами это высшее назначеніе философіи и неизмѣнное требованіе теоретической совѣсти, тотъ сразу увидитъ и до конца будетъ помнить тѣ опасности и уклоненія, которыя могутъ встрѣтиться на его пути. И я вѣрю, что для большинства продумать эти опасности и увидѣть, куда онѣ ведутъ, значитъ вступить на путь ихъ преодолѣнія.

Первая опасность въ томъ, что философствованіе можетъ потерять свою единственную, верховную цѣль и превратиться въ *не самозаконное* дѣланіе, т.-е. начать служить постороннимъ и чуждымъ ему цѣлямъ. Я не говорю уже о намѣренныхъ и сознательныхъ искаженіяхъ истины; софистическая апологія сильнаго и властвующаго можетъ осуществляться только тѣмъ, кто никогда не зналъ, что̀ есть истинная философія. Но есть здѣсь и другіе уклоны. Философское знаніе, какъ и всякое истинное научное знаніе, можетъ основываться только на свободной отъ постороннихъ мотивовъ, *самостоятельно добытой и испытанной объективной очевидности.* Это испытаніе очевидности, какъ бы вырастающей изъ глубины самого предмета, не можетъ быть *ничѣмъ* замѣнено или вытѣснено. Правда, авторитетъ есть великая научная и культурная сила; но задача его лишь въ томъ, чтобы *замѣнить очевидность временно,* предварительно, въ видѣ педагогической или пропедевтической опоры, необходимой на первыхъ порахъ и передающей благія традиціи. Задача авторитетнаго руководства состоитъ именно въ томъ, чтобы вос-

---

[1]) Срв. мою статью „Философія Фихте, какъ религія совѣсти" *Вопросы Философіи и Психологіи,* 1914 г., кн. 122.

питать неопытную душу къ самостоятельному познаванію; чтобы научить ее обрѣтать *предметно обоснованную очевидность;* и, наконецъ, чтобы во-время увидѣть ея зрѣлость и предоставить ей свободный путь. *Замѣнить* научную очевидность авторитетъ не можетъ, и, какъ только она состоялась, такъ, строго говоря, невозможенъ даже и конфликтъ. Философъ можетъ быть вѣренъ только одному — предметной очевидности; всякій авторитетъ уступитъ ей *добровольно*, такъ, какъ нѣкогда ему самому уступили авторитеты прошлаго. Повиновеніе *не* предмету, *не* Богу, но человѣкамъ, не можетъ быть добродѣтелью философа: въ этомъ основа философіи, какъ науки—*свобода научнаго изслѣдованія.*

Вторая опасность въ томъ, что суровая, очищающая личную душу, борьба за объективно вѣрную, *адэкватную интуицію,* за дѣйствительное интуитивное проникновеніе въ предметъ—можетъ замѣниться или скорымъ и легкимъ нахожденіемъ субъективныхъ впечатлѣній, или же нагроможденіемъ хаотическихъ созданій личной безсознательной сферы.

Въ первомъ случаѣ происходитъ подмѣна философскаго опыта—субъективными впечатлѣніями, догадками или мнѣніями, и философія вырождается въ праздные разговоры, въ претенціозныя, хотя съ виду ни къ чему не обязывающія сообщенія, не лишенныя, можетъ быть, авто-біографическаго интереса, но свободныя отъ какого бы то ни было философскаго, объективнаго значенія. Именно на этомъ пути философствованіе оказывается во власти людей, не имѣющихъ къ философіи никакого отношенія, и все же слагающихъ болѣе или менѣе легкомысленныя сужденія и мнѣнія по поводу предметовъ и проблемъ.

Тогда исканіе отвязывается отъ предмета и утрачиваетъ всякое отношеніе къ очевидности и достовѣрности, а вокругъ философіи начинаетъ слагаться атмосфера вседозволенности; философское общеніе вырождается въ болѣе или менѣе удачную діалектику и утрачиваетъ свое глубокое духовное и нравственное значеніе. На этомъ пути не трудно дойти до принципіальнаго релативизма, до успокоительнаго ученія о томъ, что „все относительно". Философія окажется болѣе или менѣе удачно составленнымъ разсказомъ о томъ, „что̀ я за человѣкъ" и „каковы мои воззрѣнія", а призывъ къ предметности, научному объективизму и сверхличной очевидности будетъ объясненъ претенціозной самоувѣренностью призывающаго.

Во второмъ случаѣ предметная философская интуиція замѣняется нагроможденіемъ хаотическихъ созданій личной безсознательной сферы, и философствованіе вступаетъ на путь волхвованія. Двигаясь на этомъ пути и въ этихъ предѣлахъ, люди становятся „тайновѣдами" и раздѣляются на двѣ большія группы: одни технически владѣютъ пріемами своего „тайновѣдѣнія" и искусно прививаютъ ихъ непритязательнымъ и простодушнымъ ученикамъ; другіе сами оказываются во власти своихъ мни-

мыхъ откровеній и растерянно несутся въ ихъ неуравновѣшенномъ теченіи.

Къ первымъ принадлежатъ столь размножившіеся въ наши дни „теософы“ и „антропософы“, которые любятъ прикрываться словомъ „наука“, а на самомъ дѣлѣ проповѣдуютъ и осуществляютъ нѣкую якобы мистическую душевную практику. Въ этой сумеречной душевной практикѣ, которая представляется имъ если не мудростью, то во всякомъ случаѣ истинною дорогою къ мудрости, меркнетъ чистый свѣтъ философскаго знанія и сознательная, разумная жизнь *духа* растворяется въ культивированіи наиболѣе физическихъ сторонъ и способностей *души:* таково ихъ „ясновидѣніе“, покупаемое цѣною безмыслія и отказа отъ свободной предметной интуиціи. Напрасно говорятъ они о „наукѣ“: ихъ наука не имѣетъ ничего общаго съ той наукой, которая объективно изслѣдуетъ предметъ, открыто утверждаетъ и открыто доказуетъ; ихъ наука есть *магія,* а содержаніе ихъ „ученія“—смутная химера. „Антропософъ“ старается магически *овладѣть* тайною своей *личной* безсознательной сферы и вступаетъ для этого въ практическое жизненное общеніе со своимъ *собственнымъ безсознательнымъ.* Это общеніе погружаетъ центръ его личной жизни въ непонятную для него глубину родового инстинкта; и совершается это *не* ради знанія: какъ истинный „магъ“, антропософъ ищетъ не знанія, а *господства,* власти надъ непокорной и несчастной стихіей своего существа. Играя и ужасаясь, страдая и наслаждаясь этимъ процессомъ медленной, постепенной утраты своего *личнаго духа* въ предписанныхъ „учителемъ“ „медитаціяхъ“, онъ идетъ ко дну, не выходя изъ себя, ничего не познавая, хотя испытывая новыя ощущенія; и тамъ онъ покупаетъ себѣ, наконецъ, *личное успокоеніе* цѣною отказа отъ *разума* и духовнаго подвига. Трагедія его въ томъ, что, ища овладѣнія и господства, онъ вступаетъ на путь, приводящій его къ успокоенной подчиненности, къ *содержательному* торжеству безсознательной стихіи надъ сознаніемъ; личность сохраняетъ свою видимую форму и внутреннее равновѣсіе, но то, что антропософы называютъ „духовнымъ“ состояніемъ, не имѣетъ никакого отношенія къ сознательной жизни философски творящаго духа.

Таково ихъ „знаніе“ и такова ихъ „мудрость“. Они имѣютъ, впрочемъ, нѣкоторую видимость теоретическаго ученія, которое представляетъ изъ себя несамостоятельное и вполнѣ лишенное интереса эклектическое смѣшеніе. Знаніе, какъ состояніе разумѣющаго пониманія и увѣренности, основанной на лично испытанной очевидности, вообще не цѣнится и не культивируется ими, а то, что они называютъ „оккультнымъ“, т.-е. сокровеннымъ знаніемъ, не раскрываетъ ничего новаго. Они не знаютъ что научная, предметная интуиція проникла дальше ихъ и глубже ихъ въ жизнь безсознательнаго, проникла знаніемъ не „сокровеннымъ“, а

открывающимъ, и что самая тайна ихъ таинственной практики уже во власти науки. Они „ворожатъ“ всю жизнь вокругъ непонятнаго имъ самимъ центра и не видятъ, что отъ „мудрости“ ихъ умаляется свѣтъ на землѣ.

Близко къ нимъ, но силясь всячески отмежеваться отъ нихъ, стоитъ другая группа враговъ и исказителей истинной философіи. Эти искатели сами оказываются во власти своихъ якобы религіозныхъ откровеній и изнемогая отъ ихъ смутнаго и чаще всего вполнѣ-личнаго содержанія, они блуждаютъ потому, что не выдерживаютъ бремени личной душевной несчастности, и запутываясь все больше, чувствуютъ себя все болѣе несчастливыми. Та особенность философской интуиціи, въ силу которой въ осуществленіи ея должны участвовать всѣ силы души, приводитъ къ тому, что вся безсознательная сфера оказывается вовлеченной въ дѣло изслѣдованія въ качествѣ покорной разуму и эксплуатируемой имъ среды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ тайныя влеченія и желанія, не допускаемыя на порогъ дневного сознанія и хоронящіяся подобно Нибелунгамъ въ тайникахъ ночного сознанія; всѣ особенности личнаго вкуса, эмпирически пріобрѣтенныя и духовно неочищенныя; всѣ тѣ раненія душевной ткани, которыя у каждаго изъ насъ пріобрѣтаются съ дѣтства и живутъ, не исцѣленныя, всю жизнь, разъѣдая душу и повергая многихъ въ нейрастенію и всевозможныя болѣзненныя уклоненія—все это при отсутствіи надлежащей катартической работы, при отсутствіи *безжалостности къ своей душевной традиціи* и къ своему эмпирическому самочувствію, вторгается въ философскую работу и дѣлаетъ душу не способной къ объективному научному знанію. Философія становится тогда игралищемъ скрытыхъ страстей; она получаетъ значеніе болѣе или менѣе удачно найденнаго компромисса между недугующимъ безсознательнымъ и сознательной идеологіей; „философія“ есть у такихъ людей не болѣе, чѣмъ личный modus vivendi. Энергія познанія растворяется у нихъ въ субъективную слѣпую убѣжденность, за которую они цѣпляются тѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ труднѣе имъ удается внутренній компромиссъ и чѣмъ менѣе они вообще способны къ интуитивно-мыслительной жизни. Блужданія этихъ искателей кончаются обычно тѣмъ, что они,—какъ это было, напримѣръ, съ Фридрихомъ Шлегелемъ,—прилѣпляются къ той или иной религіозной догмѣ и осуществляютъ сразу два искаженія: отъ ихъ изліяній и „построеній“ философія вырождается въ дурную религію, а религія, насыщенная смятенной и больной субъективностью, утрачиваетъ свою глубину и значительность, утрачиваетъ свой характеръ объективнаго откровенія и вырождается въ хаотическое нагроможденіе субъективныхъ чаяній и отчаяній, а можетъ быть даже,—какъ это было, напримѣръ, у графа Цинцендорфа,—въ матеріалъ, заслуживающій вниманія психопатолога.

И есть еще третья опасность, о которой нельзя не упомянуть. Это опасность разсудка, отрывающагося отъ живой предметной интуиціи. Недавно, еще лѣтъ десять тому назадъ, могло казаться, что европейская философія вступила на этотъ путь и не въ состояніи свернуть съ него; что мысль, напуганная „крушеніемъ“ великихъ системъ нѣмецкаго идеализма, пріучившая себя къ повышенной мнительности и къ оперированію съ чисто гипотетическими допущеніями, только и можетъ анализировать „отвлеченныя“ понятія, не смѣя взглянуть на подлинный предметъ и подойти къ нему на свой рискъ и страхъ. Философія или превращалась въ изученіе чужихъ мыслей, нѣкогда высказанныхъ о предметѣ, или уходила въ разсудочныя различенія, утрачивая познавательное единеніе съ изслѣдуемымъ въ философіи духовнымъ обстояніемъ. Нынѣ философія, повидимому, покидаетъ этотъ путь, о чемъ свидѣтельствуетъ все возрастающее тяготѣніе къ интуитивизму, обнаруживающееся въ самыхъ различныхъ областяхъ изслѣдованія. Этотъ, нынѣ исцѣляющійся, отрывъ разсудочной мысли отъ интуиціи ведетъ философію не къ легкомыслію, и не къ волхвованію и не къ субъективистическому вырожденію, но къ смерти въ безводной и безвоздушной пустотѣ. Здѣсь философія сохраняетъ только одну видимость научнаго знанія и гибнетъ на посту съ оружіемъ въ рукахъ. Люди начинаютъ цѣнить выше всего формальную дифференцированность понятій, формальное систематическое единство концепціи, формальныя опредѣленія и проблемы. Утративъ живое отношеніе къ предмету, не сознавая, что при такомъ положеніи дѣла философія неминуемо выродится въ комбинацію безпочвенныхъ понятій, они естественно остаются безъ всякой предметной опоры и замѣняютъ ее опорою *чужой мысли*. Но чужая мысль, быть можетъ, въ свою очередь ведетъ оторванное, безпредметное существованіе, опираясь на болѣе раннія системы и ученія; и такъ въ философіи возникаетъ наслѣдственная опустошенность. Пишутся книги о книгахъ; чужія воззрѣнія изслѣдуются, какъ нѣкая самостоятельная цѣнность; собирается музей исторически осуществленныхъ мнѣній; культивируется библіографическая эрудиція. Мысль какъ бы высыхаетъ и запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ мертворожденныхъ утонченностей. Воцаряется *разсудочное эпигонство*.

Таковы основныя опасности философскаго пути. Преодолѣть ихъ возможно только черезъ стойкую вѣрность предметной интуиціи и требованіямъ теоретической совѣсти: философъ долженъ исповѣдовать только то, что онъ съ очевидностью узрѣлъ въ интуитивно и разумно изслѣдованномъ имъ объективномъ обстояніи. И если онъ будетъ вѣренъ этому требованію, то въ философіи быстро уменьшится число безплодныхъ споровъ и разногласій и она получитъ возможность превратиться въ единую науку, въ истинное знаніе о сущности *духа* и о его путяхъ.

Когда-то Гегель сокрушался о низкомъ уровнѣ той національной и духовной культуры, которая не создала своего самостоятельнаго метафизическаго чувствованія и пониманія Бога, міра и человѣка. Онъ зналъ, какъ до него развѣ одинъ Аристотель, что метафизическое творчество и созерцаніе составляетъ самую глубокую сущность всей духовной жизни народа; что именно *объективное раскрытіе* жизни *духа* есть та дѣятельность, то творчество немногихъ, ради котораго въ слѣпотѣ жили, въ слѣпотѣ страдали и умирали столь многіе; что именно *метафизика* есть та вершина разумнаго горѣнія, которая питаетъ, освящаетъ и завершаетъ духовную культуру народа, какъ живого единства, и которая дѣйствительно должна быть *источникомъ подлинной духовной чистоты.*

На всѣхъ насъ лежитъ задача работать душою и духомъ въ этомъ направленіи, и я твердо вѣрю, что на этомъ пути еще состоятся великія философскія свершенія.

Иванъ Ильинъ.

Графъ С. Ю. Витте.

Опытъ характеристики. [1])

Гр. С. Ю. Витте представлялъ историческую фигуру, настолько выразительную, что о немъ не нужно и нельзя писать некролога. Некрологъ обычно это—собраніе умолчаній, плодъ ретушировки, продиктованной особымъ чувствомъ невыясненности того лица, оцѣнку котораго, послѣ все примиряющей смерти, приходится давать.

О Витте нельзя спорить и совершенно не нужно писать съ умолчаніями и эпиноками. Это была сложная и противорѣчивая фигура; но всѣ различные уклоны, складки и противорѣчія ея были обнажены, и именно въ ихъ обнаженности, если угодно, заключалось въ значительной мѣрѣ своеобразіе этой исторической фигуры. Далѣе, значеніе людей, становящихся крупными государственными дѣятелями, часто опредѣляется вовсе не размѣромъ ихъ личности, а тѣмъ, что они попали въ опредѣленную историческую минуту на опредѣленную полочку. Задача и обстановка творятъ не только человѣка, онѣ часто создаютъ все значеніе человѣка. Историческіе дѣятели часто въ буквальномъ смыслѣ сосудъ, въ который по какому-то капризу влилось опредѣленное содержаніе. Часто исторія выбираетъ своимъ орудіемъ если не перваго попавшагося человѣка, то просто того изъ многихъ, которые были „подъ рукой". Витте совсѣмъ не принадлежалъ къ такимъ случайнымъ людямъ исторіи: его значеніе связано съ размѣрами его личности, есть его собственное, а не заимствованное значеніе.

Въ исторіи русскаго управленія мало фигуръ можно поставить рядомъ съ Витте и одного только человѣка можно поставить выше его: Сперанскаго. Но и то не по личной даровитости, которою Витте превосходилъ всѣхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, облеченныхъ властью, начиная съ Александровской эпохи и кончая нашими днями.

---

[1]) Этотъ опытъ воспроизводитъ съ нѣкоторыми добавленіями статью автора, напечатанную въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* (№ 14700 отъ 1 марта.)

Витте былъ, несомнѣнно, геніальнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ бы ни оцѣнивать его нравственную личность, его образованность и даже результаты его дѣятельности. Болѣе того: всѣ личные недостатки Витте лишь подчеркиваютъ его политическую геніальность. Подчеркивается она и тѣмъ, что, какъ государственный дѣятель, Витте не обладалъ никакими знаніями, былъ, вопреки довольно распространенному противоположному мнѣнію, попросту говоря, необразованнымъ человѣкомъ. Экономическій „геній“ Витте слѣдуетъ искать не въ плохихъ трактатахъ по политической экономіи, написанныхъ чужими руками, а въ государственномъ творчествѣ, свободномъ отъ путъ доктринъ и съ какой-то державной легкостью разрѣшавшей трудности, передъ которыми останавливались мудрецы и знатоки. Способность Витте понимать самые трудные государственные вопросы, находить самыя разумныя рѣшенія въ запутанныхъ областяхъ управленія, выбирать нужныхъ людей опредѣлялась геніальной интуиціей рожденнаго государственнаго дѣятеля и администратора, а вовсе не опытомъ и не какимъ-либо „знаніемъ“. Его тяготѣніе къ наукѣ и ученымъ, его широко либеральная оцѣнка высшаго образованія, памятникомъ которой навсегда останутся политехническіе институты, были выраженіемъ геніальнаго инстинкта и піэтета къ наукѣ человѣка, который самъ всегда стоялъ внѣ науки и ей былъ глубоко чуждъ.

Нравственная личность Витте—слѣдуетъ прямо сказать—не стояла на уровнѣ его исключительной государственной одаренности.

Я не говорю объ его свойствахъ какъ частнаго человѣка, которыхъ я не знаю. Но нравственная личность государственнаго человѣка проявляется и въ политической дѣятельности. Витте не былъ просто оппортунистомъ: его гибкость и приспособляемость шли гораздо дальше того дѣловаго приспособленія къ условіямъ мѣста и времени, которое необходимо въ практической политикѣ.

Онъ былъ по своей натурѣ безпринципенъ и безъидеенъ. Политическая исторія знаетъ много крупныхъ до геніальности политическихъ дѣятелей, измѣнявшихъ свои взгляды и, соотвѣственно этому, переходившихъ на новые пути. Гладстонъ, Бисмаркъ, Чемберлэнъ, Побѣдоносцевъ принадлежатъ къ числу классическихъ примѣровъ политическихъ превращеній. Въ дѣятельности Витте никогда не было идейнаго центра, къ которому онъ морально тяготѣлъ бы. Витте не измѣнялъ въ этомъ смыслѣ взглядовъ и принциповъ, ибо ихъ у него вовсе не было. Витте никогда не былъ ни либераломъ, ни консерваторомъ. Но иногда онъ былъ намѣренно реакціонеромъ; иногда же присоединялся къ силамъ прогрессивнымъ. Его стихіей однако была область государственнаго строительства, политически и нравственно безразличнаго. Когда онъ становился лицомъ къ лицу съ общими вопросами политики, онъ не способенъ былъ восходить къ моральнымъ основамъ такихъ вопросовъ. От

того такіе великіе вопросы русской жизни, какъ община, университетъ, земство, превращались подъ его руками въ матеріалъ для интригъ, для „ходовъ", при которыхъ какія-либо общія начала и даже интересы родины и народа стушевывались передъ борьбой за власть и вліяніе. Въ Витте не было ни грана идеализма и въ его гибкости была изрядная доля органическаго цинизма. Вотъ почему могло сложиться и широко укорениться представленіе, что отъ Витте можно всего ожидать. Отсутствіе морально-идейнаго стержня у Витте было особенно поразительно именно въ связи съ его политической геніальностью. Это оно налагало на всю его фигуру какой-то почти зловѣщій отпечатокъ.

Въ сущности, ту же самую черту можно выразить и охарактеризовать еще съ другой стороны. Одинъ изъ творцовъ конституціонной Россіи, самъ Витте былъ совершенно лишенъ всякаго чувства права. Мы знаемъ, что Сперанскій подъ ударами судьбы согнулся и согнулъ свое правосознаніе. Но Сперанскій не только какъ юристъ, а какъ моральная личность въ самыя тяжелыя времена былъ напоенъ чувствомъ и идеей права. Этого Витте совсѣмъ не было дано. И не потому, повторяемъ, что онъ не былъ юристомъ, а потому, что права и правды Витте никогда не чувствовалъ, въ нихъ никогда не жилъ.

Въ другихъ условіяхъ государственной жизни атмосфера права обнимала бы со всѣхъ сторонъ такого государственнаго дѣятеля, какъ Витте, и самый вопросъ о томъ, было ли у него чувство права, не возникалъ бы вовсе. Но въ Россіи конца XIX и начала XX вѣка нужно было и нужно до сихъ поръ вести борьбу за право. Витте душой никогда не могъ вести такой борьбы, и въ этомъ громадное отличіе отвѣтственнаго автора манифеста 17-го октября отъ автора плана государственнаго преобразованія Россіи. Сперанскій, поскольку онъ начертывалъ новое право, дѣлалъ это смѣло, упреждая свое время, дерзновенно прозирая въ будущее. Витте, какъ геніальный дѣлецъ, только раскрылъ затворы для чуждаго ему бурнаго потока новаго правосознанія и преобразованія, который—это было уже явно—нельзя было остановить и который поэтому необходимо было канализировать.

Для правового творчества необходимы подъемъ и полетъ особаго рода, не просто дѣловая и дѣлеческая геніальность. И этого подъема и полета, несмотря на всю изумительную одаренность Витте, ему не было дано.

Но понимать и оцѣнивать Витте нужно именно въ масштабѣ такихъ сопоставленій. Всякіе современники склонны создавать мнимыя, дутыя величины и рядомъ съ этимъ преуменьшать свое время именно въ его самыхъ крупныхъ проявленіяхъ. По этой психологической причинѣ Витте недостаточно оцѣнивался у насъ при жизни. Его слабости и недостатки скрадывали совершенно необычные размѣры его личности.

Смерть сразу можетъ и должна въ этомъ отношеніи внести должныя поправки и пролить истинный свѣтъ.

Витте не только былъ исключительно одареннымъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ вложился своею личностью въ великія событія и воплотилъ свою энергію въ большихъ дѣлахъ. Преобразованіе тарифнаго дѣла, управленіе русскими финансами въ сложную эпоху окончательнаго перехода всего русскаго народнаго хозяйства на капиталистическій путь, самая смѣлая и грандіозная валютная реформа, когда-либо произведенная, введеніе казенной продажи вина и вообще подъемъ техники финансоваго управленія до чрезвычайно высокаго уровня, опросъ Россіи объ ея нуждахъ черезъ достопамятные сельскохозяйственные комитеты, портсмутскій миръ, манифестъ 17-го октября, рядъ важнѣйшихъ законовъ 1905 и 1906 гг.—все это и многое другое связано съ именемъ Витте въ русской исторіи.

Витте потерпѣлъ неудачу въ дѣлѣ осуществленія манифеста 17-го октября. Но какъ бы строго ни судить его дѣятельность въ трудную эпоху между обнародованіемъ великаго манифеста и созывомъ первой Государственной Думы,—не въ ошибкахъ Витте, конечно, ключъ къ неудачѣ этихъ первыхъ шаговъ нашей конституціонной жизни.

Безспорно онъ сдѣлалъ много ошибокъ, но и безъ нихъ переходъ къ новому государственному строю былъ соединенъ съ трудностями непреодолимыми. Великая реформа 1905 г. была неизбѣжна, но она нашла и власть, и народъ неподготовленными къ принципіально новымъ отношеніямъ. Самъ Витте не умѣлъ даже технически приступить къ разрѣшенію новыхъ задачъ совершенно иного порядка, чѣмъ задачи того чисто бюрократическаго управленія, въ дѣлахъ котораго онъ искусился. Между провозглашеніемъ началъ правового государства и ихъ осуществленіемъ въ практикѣ взаимодѣйствія народа и власти лежало огромное разстояніе, воздвигались препятствія, которыя никакая личная воля не могла побороть. Правда, Витте не только не преодолѣлъ трудностей, онъ въ значительной мѣрѣ потерялся въ нихъ и среди нихъ. Тутъ обнаружились роковые предѣлы, въ которые не могла не быть заключена дѣятельность Витте, какъ геніальнаго администратора-практика стараго абсолютнаго порядка и какъ человѣка, котораго геній правды совершенно не коснулся.

Витте понялъ необходимость коренного преобразованія нашего государственнаго строя, но, какъ человѣкъ стараго порядка, онъ въ новыхъ условіяхъ, рожденныхъ въ бурѣ и грозѣ, не могъ разомъ и побѣдоносно разобраться. Состояніе, въ которомъ находился Витте послѣ 17-го октября 1905 г., было состояніемъ недоумѣнія, растерянности и пассивности. Между тѣмъ, только активная борьба направо и налѣво и чрезвычайная творческая активность управленія могли бы тогда кри-

сталлизовать и въ правительствѣ и въ обществѣ дѣеспособные элементы, которые были бы въ силахъ осуществить властвованіе въ духѣ новыхъ началъ. Въ этой обстановкѣ Витте положительно не нашелся. Но никто не можетъ сказать, что, даже если бы онъ въ ней и нашелся, его дѣятельность увѣнчалась бы успѣхомъ. Конечно, активность Витте въ эпоху съ октября 1905 г. по апрѣль 1906 г., можетъ быть, иначе направила бы развитіе нѣкоторыхъ нашихъ политическихъ отношеній, но основныхъ трудностей, заключающихся въ самой стремительности перехода отъ стараго порядка къ новому, даже она не смогла бы преодолѣть. Вѣдь ошибки и неподготовленность цвѣта русской оппозиціи—кадетовъ,—въ эту эпоху были врядъ ли меньше, чѣмъ ошибки и неподготовленность власти и правительства.

Фигура Витте стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ русской исторіи и принадлежитъ имъ обѣимъ. Размѣры этой фигуры таковы, что для нея въ извѣстномъ смыслѣ разомъ наступила исторія, и въ самый день смерти стала принципіально возможна справедливая оцѣнка. При такой оцѣнкѣ нужны большіе масштабы, ибо исчезъ съ исторической сцены человѣкъ, исключительная одаренность котораго только подчеркивается его слабостями и недостатками, и который, несмотря на всѣ свои очень большіе недостатки и весьма крупныя ошибки, вложился въ дѣла великаго историческаго значенія не какъ случайная фигура, которой выпалъ счастливый жребій, а какъ человѣкъ, отмѣченный государственнымъ призваніемъ.

Петръ Струве.

Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина.

Въ февральской книжкѣ *Русской Мысли* за 1914 годъ я на основаніи офиціальныхъ данныхъ писалъ объ историческомъ двукратномъ покушеніи на жизнь покойнаго графа С. Ю. Витте. По поводу прекращенія этого дѣла гр. С. Ю. Витте и занимавшій тогда постъ премьера П. А. Столыпинъ обмѣнялись весьма интересными письмами. Еще въ прошломъ году, когда я писалъ статью о покушеніи, гр. С. Ю. Витте далъ мнѣ возможность снять копію этой переписки, взявъ съ меня слово огласить ее лишь послѣ его смерти.

Помимо интереса, который имѣетъ эта переписка, касающаяся одного изъ характернѣйшихъ эпизодовъ, сопровождавшихъ первые годы функціонированія новаго строя, письма эти служатъ цѣннымъ матеріаломъ для характеристики обоихъ дѣятелей, занявшихъ въ исторіи Россіи опредѣленныя мѣста.

Начало переписки положилъ гр. С. Ю. Витте. 3 мая 1910 г. онъ обратился къ Столыпину съ весьма пространнымъ письмомъ:

Милостивый Государь
Петръ Аркадьевичъ!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Государю Императору благоугодно было освободить меня отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я уѣхалъ заграницу и не спѣшилъ вернуться въ Россію, но 6 октября 1906 года мною получена была отъ извѣстнаго Вашему Высокопревосходительству князя М. М. Андроникова телеграмма, въ которой онъ убѣждалъ меня не возвращаться, такъ какъ меня рѣшено убить. Это предупрежденіе заставило меня поспѣшить пріѣхать въ Петербургъ.

Вечеромъ 29-го и затѣмъ утромъ 30-го января 1907 г. въ дымовыхъ трубахъ моего дома, по Каменноостровскому пр., въ которомъ я постоянно живу, обнаружены были двѣ адскія машины, начиненныя сильнодѣйствующимъ взрывчатымъ веществомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я получилъ, одно за другимъ, два анонимныхъ письма, въ которыхъ отъ меня требовали прислать по означенному адресу 5,000 рублей, указывая при этомъ, что хотя покушеніе на мою жизнь посредствомъ адскихъ машинъ не удалось, но тѣмъ не менѣе бу-

детъ устроено новое. Оба письма были переданы мною подлежащимъ властямъ— первое Директору Д-та Полиціи, второе дежурившему у меня агенту охраннаго отдѣленія. О томъ, что было сдѣлано по этимъ письмамъ, мнѣ неизвѣстно.

Въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца того же (1907) года Членъ Гос. Совѣта И. П. Шиповъ, на основаніи свѣдѣній, случайно имъ полученныхъ отъ бывшаго Директора Д-та Полиціи А. А. Лопухина, предупредилъ меня, что во время слѣдованія моего въ ближайшее засѣданіе Гос. Совѣта въ мой автомобиль будетъ брошена бомба. Я не собирался ѣхать въ это засѣданіе, но послѣ полученнаго извѣстія поѣхалъ и, возвращаясь домой, часть пути прошелъ пѣшкомъ. Никакого покушенія на мою жизнь сдѣлано не было. На другой день я прочелъ въ газетахъ, что въ окрестностяхъ Петербурга найденъ убитымъ неизвѣстный молодой человѣкъ, около трупа котораго оказались разрывные снаряды. Впослѣдствіи, какъ изложено будетъ ниже, было установлено, что означенные снаряды изготовлены были въ Москвѣ и привезены въ Петербургъ съ цѣлью совершить покушеніе на мою жизнь и что руководителемъ этого преступленія былъ агентъ полиціи.

Прошло почти три года. Въ нынѣшнемъ году, 1 февраля, въ третью годовщину покушенія взорвать мой домъ, судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ округа Спб. Окружнаго Суда объявилъ мнѣ постановленіе, въ копіи къ сему прилагаемое, въ коемъ, между прочимъ, изложено, что организаторъ и руководитель покушеній на мою жизнь, Александръ Казанцевъ, убитъ его же соучастникомъ Василіемъ Федоровымъ, который скрылся заграницу, и хотя мѣсто нахожденія его въ Парижѣ обнаружено, но правительство Французской Республики отказывается выдать его русскимъ властямъ въ виду политическаго характера совершонныхъ имъ преступленій, и что другой соучастникъ Казанцева, крестьянинъ Алексѣй Степановъ, несмотря на принятыя мѣры, остался неразысканнымъ.

На основаніи подлежащихъ законовъ и въ закономъ установленномъ порядкѣ, я получалъ отъ судебнаго слѣдователя копіи протоколовъ и постановленій изъ слѣдственнаго производства о покушеніи взорвать мой домъ и о приготовленіи бросить бомбы въ мой экипажъ. Ознакомившись съ этими матеріалами, я пришелъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ:

1) Предварительное слѣдствіе, хотя оно недостаточно полно, дополнять уже несвоевременно, а въ виду изложеннаго ниже, пожалуй, и безцѣльно;

2) если правительство Французской Республики могло бы измѣнить свой взглядъ на возможность выдачи русскимъ властямъ Василія Федорова для суда надъ нимъ, какъ надъ обыкновеннымъ убійцей, а не преступникомъ политическимъ, то русскому правительству не слѣдуетъ настаивать на такой выдачѣ, такъ какъ разсмотрѣніе дѣла на судѣ обнаружило бы обстоятельства, выясненіе которыхъ... болѣе чѣмъ нежелательно;

3) по тѣмъ же соображеніямъ не слѣдуетъ принимать мѣръ къ розыску скрывшагося обвиняемаго Алексѣя Степанова, если его дѣйствительно трудно найти, тѣмъ болѣе, что пребываніе его на свободѣ мнѣ лично въ настоящее время, повидимому, опасностью не угрожаетъ.

При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, мнѣ надлежало ограничиться роспискою въ полученіи постановленія о прекращеніи слѣдствія; но я не могу допустить, чтобы Вашему Высокопревосходительству и Г. М-ру Юстиціи было извѣстно въ достаточной полнотѣ все то, что частью обнаружено, частью оставлено безъ вниманія полицейскими, а затѣмъ и слѣдственными властями, такъ какъ я убѣжденъ, что правительство, руководимое желаніемъ блага Россіи, не

можетъ не принять всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ къ искорененію тѣхъ порядковъ, при которыхъ жизнь, имущество и честь каждаго обывателя будутъ находиться въ опасности, а преступники будутъ пользоваться безнаказанностью, потому что арестъ ихъ и преданіе суду могутъ выяснить преступную дѣятельность организацій не только терпимыхъ, но и поощряемыхъ... или явно неразборчивыми на средства при исполненіи возлагаемыхъ на нихъ порученій.

Исключительно съ указанной точки зрѣнія, я обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ настоящимъ письмомъ, принимая на себя отвѣтственность въ томъ, что все въ немъ изложенное основано на актахъ, составленныхъ судебными властями. Буду весьма благодаренъ, если на основаніи ст. I Учр. Сов. М-ровъ (Св. Зак. т. I, ч. II, продолж. 1906 г.), Вамъ будетъ угодно ознакомить съ этимъ письмомъ Гг. Членовъ Совѣта Министровъ".

Далѣе въ письмѣ графъ С. Ю. Витте подробно излагаетъ обстоятельства, обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ, извѣстныя читателямъ по моей статьѣ въ февральской книжкѣ *Р. М.* за 1914 годъ, которыя приводятъ его къ слѣдующему выводу:

„Совокупность приведенныхъ выше, основанныхъ на актахъ предварительнаго слѣдствія, данныхъ, не касаясь другихъ подробностей дѣла, даетъ мнѣ право утверждать: 1) что двукратное покушеніе на мою жизнь было организовано членомъ С. Р. Н. Александромъ Казанцевымъ, дѣйствовавшимъ, повидимому, съ вѣдома и согласія нѣкоторыхъ другихъ членовъ той же политической партіи, причемъ названный Казанцевъ, организаторъ неудавшихся по независящимъ отъ него причинамъ преступленій, во время приготовленія къ таковымъ, состоялъ агентомъ на жалованіи у лица, находящагося на государственной службѣ, проживалъ подъ чужимъ именемъ и по чужому паспорту, полученному отъ должностныхъ лицъ, находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чинами охранной полиціи и снабжался „темными" деньгами; 2) что частныя охранныя организаціи устраивались въ Москвѣ подъ руководствомъ лицъ, состоящихъ на государственной, но не полицейской службѣ, причемъ, съ вѣдома и согласія чиновниковъ, въ полиціи не служащихъ, члены означенныхъ организацій имѣли своею задачей и занимались охраною не только лицъ должностныхъ, но и видныхъ дѣятелей политической партіи; 3) что съ вѣдома и согласія, если не по указанію, лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по администраціи, агентъ указанныхъ выше охранныхъ организацій Александръ Казанцевъ, съ цѣлью политическаго розыска, выдавалъ себя за члена революціонныхъ партій и склонялъ лицъ, дѣйствительно къ означеннымъ партіямъ принадлежащихъ, принимать участіе въ совершеніи террористическихъ актовъ, посредствомъ разрывныхъ снарядовъ, вслѣдствіе чего означенное провокаторство, даже если бы оно имѣло бы своею цѣлью исключительно уловленіе террористовъ, угрожало общественной безопасности; 4) что подобная организація и постановка дѣла охраны вынуждаетъ чиновъ государственной охраны, сыскной и даже наружной полиціи, въ извѣстныхъ случаяхъ, подобныхъ случаю убійства агента Казанцева, не только не выяснять важныя уголовныя преступленія, но сознательно бездѣйствовать и, быть можетъ, даже принимать мѣры къ предоставленію виновнымъ возможности скрыться отъ слѣдствія и суда, дабы при гласномъ сужденіи дѣла не обнаружить, что должностныя лица, довѣряя извѣстнымъ политическимъ партіямъ, пользуются ихъ услугами, имѣютъ общихъ съ ними агентовъ по охранѣ и даже тайно содѣйствуютъ имъ, выдавая агентамъ этихъ партій содержаніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ фальшивые паспорты и оружіе, и 5) что то же положеніе вынуждаетъ..., какъ это было въ дѣлѣ о двукратномъ покушеніи на меня, вести

слѣдствіе боязливо, слегка, не рѣшаясь путемъ обысковъ и вообще болѣе энергическихъ дѣйствій раскрыть дѣло, хотя достаточно ясное, но столь же нежелательное и могущее имѣть дурныя послѣдствія для карьеры...".

Роль Казанцева графъ Витте опредѣляетъ словомъ: „провокаторъ".

Что онъ именно провокаторъ, графъ доказываетъ слѣдующими соображеніями:

„Въ настоящемъ письмѣ мнѣ пришлось употребить выраженіе „провокаторъ" и примѣнить таковое къ агенту Казанцеву. Считаю необходимымъ пояснить, что если по отношенію къ Василію Федорову, Семену Петрову и Алексѣю Степанову Казанцевъ являлся агентомъ-провокаторомъ, то по отношенію къ преступленіямъ, противъ меня направленнымъ, Казанцевъ не ограничился ролью провокатора, шелъ дальше и имѣлъ въ виду не только изловить и изобличить того или другого максималиста, но и воспользоваться ихъ услугами, чтобы совершить настоящее убійство. Доказательство сему налицо:

1) Не удается взрывъ 29 января, Казанцевъ, по словамъ Федорова, пытается повторить его на слѣдующій день.

Если бы это покушеніе имѣло цѣлью дать возможность захватить на мѣстѣ преступленія Федорова и Степанова, Казанцевъ устроилъ бы засаду 29 января утромъ. Случай для преданія Федорова и Степанова въ руки полиціи былъ превосходный, ихъ изловили бы съ веревками и адскими машинами на крышѣ моего дома. Казанцевъ не предалъ Федорова и Степанова, значитъ, ему не это было нужно.

2) Когда ему это полезно, Казанцевъ предаетъ своихъ соучастниковъ. Семенъ Петровъ во время переговоровъ о томъ, чтобы взорвать мой домъ, начинаетъ какъ бы колебаться, и его на улицѣ, по указанію Казанцева, арестуютъ, а впослѣдствіи высылаютъ въ Архангельскую губернію. Если Казанцевъ имѣлъ въ виду только предать Петрова,—онъ свою задачу исполнилъ. Но ему какъ будто мало, что Петровъ въ Архангельскѣ, и онъ вызываетъ его въ Москву, чтобы уговорить повторить неудавшееся покушеніе на мою жизнь. Очевидно, что ему нуженъ не вторичный арестъ Петрова, а нѣчто другое,—нужно убить меня.

3) Когда Казанцевъ въ концѣ мая отправлялъ Федорова и Петрова въ Петербургъ, онъ снабжаетъ ихъ паспортами. Если бы онъ желалъ только предать ихъ, онъ бы самъ составилъ паспорты на извѣстное имя, предупредилъ бы объ этомъ петербургскую полицію, какъ онъ предупредилъ ее въ мартѣ мѣсяцѣ, когда раскрылъ террористическій заговоръ. Но это не входило въ разсчеты Казанцева, и онъ даетъ Федорову и Петрову „чистые" паспортные бланки и только по настоянію ихъ заполняетъ эти бланки текстомъ.

4) Почему именно Семенъ Петровъ нуженъ Казанцеву? Почему онъ не беретъ съ собою въ Петербургъ того самаго портного Алексѣя Степанова, который, подъ видомъ трубочиста, уже изучилъ, какъ влѣзать на крышу моего дома, и доказалъ, что убить меня онъ тоже не прочь...? Вѣдь Алексѣй Степановъ какъ разъ находится подъ рукою въ мастерской самого Казанцева, между тѣмъ какъ Семена Петрова нужно выписывать изъ архангельской тюрьмы. Думается мнѣ, что это можно объяснить такъ: Алексѣй Степановъ не имѣетъ за собою никакого революціоннаго формуляра; за деньги онъ, вѣроятно, не откажется метнуть бомбу въ кого угодно, но его участіе въ дѣлѣ особаго, специфическаго значенія имѣть не можетъ—убійца наемный и только. Другое дѣло Семенъ Петровъ—это бывшій членъ совѣта Рабочихъ Депутатовъ, арестованный, какъ это онъ самъ

говорилъ, въ декабрѣ 1905 года, когда я, графъ Витте, стоялъ во главѣ правительства. Съ одной стороны Петровъ, зная, что въ 1905 г. члены совѣта Рабочихъ Депутатовъ были арестованы по моему распоряженію,—охотно пойдетъ мстить мнѣ и за себя, и за своихъ товарищей. Съ другой стороны при раскрытіи заговора—смыслъ его будетъ очевиденъ: графъ Витте приказалъ въ 1905 г. арестовать Петрова. Петровъ былъ сосланъ, теперь онъ бѣжалъ изъ Архангельской губерніи и явился въ Петербургъ убить графа Витте. Убійство, очевидно, политическое, партійное, Петровъ рабочій депутатъ, очевидно, онъ сторонникъ крайнихъ лѣвыхъ партій, причемъ же правыя политическія партіи въ дѣлѣ о покушеніи на жизнь графа Витте? Ни Петрову, ни Федорову, конечно, не могутъ повѣрить, что ихъ подстрекнулъ на убійство Казанцевъ, и не повѣрятъ по двумъ причинамъ: 1) Казанцевъ членъ С. Р. Н., ему довѣрена охрана высшихъ представителей администраціи, онъ уже доказалъ правительству свою преданность, раскрылъ террористическій заговоръ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, 2) если даже покажется, что Казанцевъ велъ себя подозрительно, то онъ представитъ свидѣтельство о томъ, что онъ агентъ, занимающійся политическимъ розыскомъ, и, конечно, другіе полицейскіе агенты его не тронутъ и о его дѣятельности судебной власти не сообщатъ, чтобы не нарушить профессіональную тайну.

5) И такъ, именно Семенъ Петровъ, или человѣкъ одного съ нимъ революціоннаго типа и нелегальнаго положенія, желателенъ былъ организаторамъ покушенія, чтобы объяснить таковое, какъ террористическій актъ, задуманный и приведенный въ исполненіе революціонерами. Съ этой точки зрѣнія, смѣю думать, не лишенной нѣкоторой вѣроятности, можно бы сказать, что въ сущности все покушеніе въ концѣ мая 1907 года, наканунѣ роспуска 2-ой Г. Думы и изданія закона 3 іюня, имѣло своею цѣлью исключительно возмутить общественное мнѣніе противъ лѣвыхъ политическихъ партій, а, можетъ быть, и вызвать со стороны правительства болѣе энергичныя мѣры въ борьбѣ съ ними. При такой постановкѣ вопроса моя личность какъ бы отходитъ на второй планъ, такъ какъ оказывается, что заговоръ направленъ былъ вовсе не лично противъ графа Витте, а противъ лѣвыхъ политическихъ партій вообще, я же являлся только случайнымъ объектомъ преступленія..., не говоря уже о томъ, что лично мнѣ отъ этого не легче, т. к., въ случаѣ удачи заговора, меня все же убили бы, но только не изъ личной вражды или мести, а какъ бы для общей пользы, позволяю себѣ думать, что выборъ меня, какъ жертвы заговора, не былъ случайнымъ и вотъ почему. Правыя политическія партіи не могли не видѣть, что на убійства частныхъ лицъ, какими являлись убійства Герценштейна и Іоллоса, правительство реагировать, въ смыслѣ желательномъ партіямъ, не будетъ, а между тѣмъ культъ убійства, какъ средства политической борьбы, все же представлялся некультурнымъ лже-патріотамъ лучшимъ средствомъ борьбы, единственною надеждою побѣдить. Лицъ, у власти стоящихъ, убивали сами революціонеры, но правымъ партіямъ казалось, что правительство не достаточно энергично реагируетъ на такія преступленія, общественное же мнѣніе слишкомъ уже привыкло къ убійствамъ не только городовыхъ и жандармовъ, но и лицъ, занимающихъ болѣе высокія должности, и такими убійствами оно не возмущается. Если убивать за счетъ лѣвыхъ, то нужно было искать такую жертву, убійство которой, во-первыхъ, вызвало бы сенсацію, а во-вторыхъ, нужно было, чтобы никто не сомнѣвался, что убили лѣвые, а не правые, дабы не повторилась печальная исторія съ убійствомъ въ Теріокахъ; наконецъ, несомнѣнно, необходимо было, чтобы выборъ жертвы былъ одобренъ если не всѣми, то многими политическими единомышленниками заговорщиковъ. Всѣмъ этимъ условіямъ моя личность вполнѣ

удовлетворяла: и по бывшему положенію предсѣдателя Совѣта Министровъ, и Министра, и какъ Статсъ-секретарь Его Величества, и членъ Г. Совѣта, я стоялъ болѣе чѣмъ достаточно высоко, и убійство меня являлось незауряднымъ и сенсаціоннымъ; участіе въ убійствѣ рабочаго депутата Семена Петрова, по моему распоряженію, въ свое время арестованнаго, показывало бы, что убили меня „лѣвые", что же касается послѣдняго условія, то полагаю распространяться на эту тему незачѣмъ—достаточно просмотрѣть любую „истинно правую" газету, чтобы узнать, что я, графъ Витте, первый измѣнникъ Государю и Отечеству, я творецъ ненавистной всѣмъ „истинно-русскимъ людямъ" и „патріотамъ" русской конституціи, я ставленникъ жидовъ, и т. д., и т. д.

Болѣе подходящаго отвѣтчика для сведенія политическихъ счетовъ и разсчетовъ „патріотамъ", вдохновляющимъ агента Казанцева, было трудно найти; вотъ почему, конечно, не по собственному разумѣнію, а по указанію людей, и умственно и по соціальному положенію своему выше стоящихъ, Казанцевъ, заговоромъ противъ меня, однимъ ударомъ компрометтировалъ лѣвыя политическія партіи, давалъ поводъ правительству вступить на путь репрессій и, это главное, не только мстилъ графу С. Ю. Витте, но и уничтожалъ навсегда „врага отечества". Очевидно, цѣль была достаточно заманчива, чтобы оправдать средства, дѣломъ нужно было заняться серьезно и всесторонне. Имъ и занялись, несомнѣнно, не управляющіе домами московскихъ чиновниковъ, любителей политическихъ розысковъ, и не содержатели фантастическихъ кузницъ, подобные Казанцеву, а лица съ болѣе виднымъ общественнымъ положеніемъ, съ болѣе серьезными связями. Казанцевъ находилъ, когда было нужно, Федоровыхъ, Степановыхъ и Петровыхъ, но кто назвалъ самого Казанцева—вотъ вопросъ?—Я могу разрѣшить его только для себя и позволяю себѣ не оглашать моего мнѣнія.—

Отъ направленныхъ противъ меня злоумышленій я лично, благодаря Бога, физически не пострадалъ. Было бы неестественно, если бы во мнѣ зародилось чувство злобы по отношенію къ такимъ субъектамъ, какъ Василій Федоровъ и ему подобные. Но могу смотрѣть на нихъ не иначе, какъ на палачей-добровольцевъ, которыхъ возили изъ города въ городъ для исполненія приговоровъ, постановленныхъ неизвѣстными имъ судьями. Не многимъ выше этихъ наемныхъ убійцъ стоялъ и самъ Казанцевъ, трагическая смерть котораго исключаетъ уже всякую возможность предположить съ моей стороны желаніе еще болѣе выяснить его достаточно выясненную личность. Съ полнымъ презрѣніемъ я отношусь къ нелѣпымъ сплетнямъ о томъ, что покушеніе взорвать мой домъ было фиктивное, чуть ли не мною самимъ устроенное. Опровергнуть эту пошлость мнѣ было бы болѣе чѣмъ легко опубликованіемъ хотя бы только нѣкоторыхъ документовъ предварительнаго слѣдствія. Я вынужденъ также оставить безъ вниманія заявленіе, сдѣланное въ Г. Думѣ въ засѣданіи 10 ноября 1908 г. членомъ Думы Келеповскимъ, что я подложилъ себѣ въ печку адскія машины „для саморекламы, а потомъ устыдился и замолчалъ", хотя заявленіе это я считаю для себя весьма оскорбительнымъ только потому, что оно осталось безъ опроверженія со стороны правительства не только въ засѣданіи Г. Думы, но даже въ многочисленныхъ органахъ печати, находящихся на его иждивеніи.

Но если, какъ частный человѣкъ, я могу презирать некорректное ко мнѣ отношеніе и относиться равнодушно къ преступленіямъ, противъ меня направленнымъ, если я могъ бы молчать о тѣхъ вопіющихъ явленіяхъ, какія не раскрыло, а только намѣтило предварительное слѣдствіе, когда оно коснулось дѣятельности такихъ органовъ правительственной власти, какъ графъ Бугсгевденъ и г. Гофштеттеръ, изъ которыхъ первый, какъ сказано въ постановленіи слѣдо-

вателя отъ 30 декабря 1908 года, „занимался совмѣстнымъ съ Казанцевымъ сыскомъ по политическимъ дѣламъ“, несмотря на то, что „политическій сыскъ“ Казанцева являлся явною провокаціею по отношенію къ членамъ революціонныхъ партій и прямымъ соучастіемъ въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство, если я долженъ предоставить заботу объ искорененіи этого зла всецѣло правительству, то соображенія особаго рода не дозволяютъ мнѣ съ покорностью, молчаливо росписаться въ разносной книгѣ судебнаго слѣдователя въ полученіи извѣщенія о прекращеніи дѣла.

Соображенія эти слѣдующія: и я высказываю ихъ Вашему Высокопревосходительству съ полною откровенностью: *я не желаю,* чтобы *кто-либо* могъ предположить, а впослѣдствіи и громко сказать, что *я вѣрилъ* тому, что убить меня хотѣли какіе-то „лишенные столицы“, безпаспортные „товарищи“, руководимые мелкимъ сыщикомъ-провокаторомъ; *не желаю* я и того, чтобы сочли меня настолько непроницательнымъ, что, имѣя въ рукахъ огромный слѣдственный матеріалъ, послѣ тщательнаго ознакомленія съ нимъ при участіи компетентнѣйшихъ юристовъ, я будто бы не понялъ закулисной стороны дѣла; наконецъ, *я не желаю*, чтобы меня справедливо упрекнули въ неимѣніи мужества громко сказать, что главные и истинные виновники двукратнаго покушенія на жизнь Вашего предмѣстника по званію предсѣдателя Совѣта министровъ не предстали на судѣ не потому, что ихъ не могли обнаружить, а потому...

Если бы я былъ частнымъ лицомъ—я бы обратился къ общественному мнѣнію, напечаталъ бы акты слѣдственнаго производства и комментировалъ ихъ. Положеніе, которое я занимаю, и все мое прошлое, конечно, совершенно исключаютъ возможность такого образа дѣйствій. Но я смѣю думать, что вся указанная выше закулисная сторона дѣла Вашему Высокопревосходительству неизвѣстна, что, ознакомившись съ нею, Вы примете мѣры къ прекращенію террористической и провокаціонной дѣятельности тайныхъ организацій, служащихъ одновременно и правительству и политическимъ партіямъ, руководимыхъ лицами, состоящими на государственной службѣ и снабжаемыхъ „темными“ деньгами, и этимъ избавите и другихъ государственныхъ дѣятелей отъ того тяжелаго положенія, въ которое я былъ поставленъ“.

Ровно семь мѣсяцевъ спустя, а именно 2 декабря 1910 года, П. А. Столыпинъ отвѣтилъ графу письмомъ слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

Графъ Сергѣй Юльевичъ,

Письмомъ отъ 3 мая сего года Ваше Сіятельство довели до моего свѣдѣнія о выводахъ, извлеченныхъ Вами „при участіи компетентнѣйшихъ юристовъ“ изъ слѣдственныхъ матеріаловъ по дѣлу о двукратномъ покушеніи на Вашу жизнь. Вы полагаете, „что главные и истые виновники не предстали на судъ не потому, что ихъ не могли обнаружить, а потому, что правительственные органы обнаружить ихъ и судить не желали“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вы не допускаете, чтобы мнѣ и министру юстиціи были извѣстны въ достаточной полнотѣ всѣ обстоятельства дѣла, и сообщаете о Вашихъ соображеніяхъ, прося ознакомить съ ними и другихъ членовъ Совѣта министровъ.

По этому поводу я прежде всего считаю долгомъ удостовѣрить, что фактическая сторона дѣла о покушеніяхъ на Вашу жизнь была уже мнѣ извѣстна ранѣе во всѣхъ подробностяхъ на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ данными слѣдствія; письмо Ваше не дало мнѣ ничего новаго. Равнымъ образомъ

и теперь, послѣ того, какъ слѣдственные матеріалы, въ связи съ полученіемъ письма Вашего, были вновь разсмотрѣны, какъ мною, такъ и, по моей просьбѣ, министромъ юстиціи, я ни въ чемъ не могу измѣнить ранѣе сложившагося у меня отношенія къ этому дѣлу.

Пересмотръ данныхъ слѣдствія для сопоставленія ихъ съ Вашими сообщеніями, а затѣмъ отсутствіе Ваше изъ Петербурга и задержали настоящій отвѣтъ мой на Ваше письмо.

Въ отвѣтѣ этомъ я позволяю себѣ ограничиться исключительно разборомъ фактической стороны выдвигаемыхъ Вами обвиненій противъ полиціи, судебныхъ властей и правительства.

Первое. Ваше утвержденіе, многократно повторяемое, заключается въ томъ, что главный виновникъ покушенія на Вашу жизнь Александръ Казанцевъ—былъ самъ агентомъ полиціи, состоялъ на жалованіи у лица, находящагося на государственной службѣ, проживалъ по чужому паспорту, полученному отъ должностныхъ лицъ, находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чинами охранной полиціи и снабжался „темными“ деньгами.

Данными предварительнаго слѣдствія заявленіе это не подтверждается. По дѣлу не установлено, чтобы Казанцевъ состоялъ агентомъ охраннаго отдѣленія или какого-либо иного правительственнаго розыскного учрежденія или имѣлъ отъ подлежащей власти уполномочіе на занятіе розыскомъ... Ни одному изъ охранныхъ отдѣленій или Губернскихъ жандармскихъ управленій онъ въ качествѣ сотрудника или филера извѣстенъ не былъ. Изъ слѣдственныхъ данныхъ можно заключить, что Казанцевъ занимался сыскомъ, но въ качествѣ идейнаго добровольца, по личной инициативѣ, за свой страхъ и рискъ, при чемъ однажды, дѣйствительно, сообщилъ добытыя имъ свѣдѣнія властямъ. Въ 1907 году, по указанію Казанцева, переданному черезъ посредство чиновника для особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, графа Буксгевдена, Московскому, а затѣмъ и Петербургскому охранному отдѣленію, въ С.-Петербургѣ на Лиговкѣ былъ обнаруженъ складъ бомбъ и оружія и задержано нѣсколько революціонеровъ. Изъ этого случая, однако, не слѣдуетъ, что Казанцевъ состоялъ на службѣ по охранѣ: такія добровольныя заявленія о готовящихся преступленіяхъ не рѣдки. Не можетъ служить доказательствомъ и то, что Казанцевъ самъ въ кругу своихъ близкихъ называлъ себя „главнымъ контролеромъ сыскной полиціи“ или говорилъ, что онъ служитъ въ Государственномъ Контролѣ по политическимъ дѣламъ. Подобныхъ учрежденій не существуетъ, а въ правительственныхъ розыскныхъ органахъ Казанцевъ не служилъ. Такими заявленіями онъ, повидимому, просто стремился возвысить себя и придать себѣ особый вѣсъ въ глазахъ своихъ слушателей, разумѣя подъ „контролемъ“ свой добровольный сыскъ, являвшійся, по его понятіямъ, какъ бы повѣркой розыска оффиціальнаго.

Что касается отношеній Казанцева къ графу Буксгевдену, то слѣдствіемъ установлено, что Казанцевъ состоялъ на службѣ у графа въ качествѣ управляющаго его домами въ Москвѣ; служба эта была не фиктивною, а дѣйствительною: онъ наблюдалъ за имуществомъ Буксгевдена, отдавалъ распоряженія и собиралъ деньги съ квартирантовъ. Казанцева соединяли съ графомъ Буксгевденомъ не только эти имущественныя отношенія, но и общность политическихъ убѣжденій и вражда къ преступнымъ организаціямъ лѣвыхъ партій; однако, слѣдствіемъ не подтвердились ни предположеніе о томъ, будто гр. Буксгевденъ принадлежалъ къ существовавшимъ въ то время въ Москвѣ добровольнымъ охраннымъ дружинамъ, ставившимъ себѣ цѣлью помощь полиціи по охранѣ высшихъ должностныхъ лицъ и лидеровъ монархическихъ организацій, ни сомнительное показаніе сожитель-

ницы Казанцева, Илларіоновой, о томъ, будто Казанцевымъ былъ полученъ отъ гр. Буксгевдена фальшивый паспортъ.

Агентомъ тайной правительственной полиціи, вопреки Вашему предположенію, Казанцевъ не состоялъ.

Второе. Ваше утвержденіе заключается въ томъ, будто чины государственной охранной и даже наружной полиціи сознательно бездѣйствовали, не желая раскрыть виновныхъ въ покушеніи на Вашу жизнь. Обвиненіе это Вы основываете на слѣдующемъ: 1) Вамъ осталось неизвѣстнымъ, было ли что-нибудь сдѣлано чинами департамента полиціи по анонимнымъ письмамъ, переданнымъ Вами и заключавшимъ въ себѣ требованіе денегъ и предупрежденіе о новомъ покушеніи; 2) второй разрывной снарядъ въ дымоходѣ Вашего дома былъ обнаруженъ не полицейскими и судебными властями, а дворникомъ и трубочистомъ; 3) послѣ обнаруженія покушенія, виновники его, въ частности главный изъ нихъ Казанцевъ, не были розысканы вплоть до того времени, когда въ прокламаціи с.-револ. партіи Казанцевъ не только былъ названъ по имени, но и разсказана вся его дѣятельность; 4) личность убитаго Казанцева была намѣренно не опознана ни однимъ изъ агентовъ охранной полиціи, тогда какъ не знать его они не могли; при этомъ не былъ примѣненъ и пріемъ опроса участковыхъ приставовъ и дворниковъ, „не исчезъ ли кто-нибудь изъ столичныхъ обывателей такихъ-то примѣтъ“, и 5) Вы допускаете, что полиція намѣренно дала возможность соучастникамъ Казанцева Федорову и Степанову скрыться.

По этому поводу считаю долгомъ сообщить:

Объ угрожающихъ письмахъ съ требованіемъ денегъ, полученныхъ Вами и переданныхъ департаменту полиціи, было произведено разслѣдованіе; однако, въ швейцарскую Народнаго Дома, куда должны были, по условію, явиться за отвѣтомъ, никто не приходилъ, и выяснить злоумышленниковъ тогда же не удалось. Съ писемъ снята была фотографія, и по фотографіи этой и было установлено впослѣдствіи, что письма написаны рукою Казанцева.

Находка второго разрывного снаряда не полиціей, а дворникомъ и трубочистомъ, которые *предупредили* въ этомъ чиновъ полиціи, не можетъ быть объясняема злымъ умысломъ тѣмъ болѣе, что осмотръ Вашего дома производился не только чинами полиціи, но и судебными властями, и притомъ немедленно послѣ обнаруженія покушенія, когда о подозрѣваемой Вами „закулисной сторонѣ дѣла“ ни у кого не могло возникнуть мысли.

Неуспѣшность розысковъ лицъ, виновныхъ въ покушеніи на Вашу жизнь, если оставить въ сторонѣ невѣрное предположеніе, будто Казанцевъ самъ былъ агентомъ полиціи, находитъ себѣ болѣе простое объясненіе въ томъ, что преступленіе было задумано Казанцевымъ вполнѣ конспиративно и приведено въ исполненіе двумя революціонерами, Федоровымъ и Степановымъ, которые одни только и были посвящены въ дѣло, пріѣхали для совершенія преступленія изъ Москвы и тотчасъ же уѣхали обратно, такъ что для раскрытія дѣла въ распоряженіи полиціи не было достаточныхъ данныхъ.

Столь же простое объясненіе, если отрѣшиться отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, получаетъ и фактъ неопознанія найденнаго трупа Казанцева. Лицо убитаго было настолько сильно обезображено, что узнать его не представлялось возможнымъ.

Что касается непримѣненія для установленія личности Казанцева, убитаго внѣ предѣловъ Петербурга, опроса чиновъ полиціи и дворниковъ, не исчезъ ли кто изъ обывателей въ предѣлахъ ихъ участка, и всѣ ли ночевали дома, то техника сыскного дѣла относится къ такому пріему отрицательно. Не говоря про

ночлежные дома и безчисленные притоны столицы, гдѣ никакая регистрація немыслима, всегда возможны и обыденныя отлучки: поѣздки въ пригороды, ночевать у знакомыхъ или въ гостинницѣ. Къ тому же примѣты убитаго, въ виду его обезображенія, не могли быть подробно указаны.

Предположеніе о томъ, что полиція не препятствовала и даже помогала виновнымъ Федорову и Степанову скрыться, относится къ области голословныхъ умозаключеній, и въ этой общей, неопредѣленной формѣ не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто.

Третье утвержденіе Ваше заключается въ томъ, будто судебныя власти вели слѣдствіе боязливо, слегка и не только не желали раскрыть дѣло, но даже опасались энергичнымъ его веденіемъ „испортить свою карьеру".

Я рѣшительно отвергаю и этотъ упрекъ и тѣ доводы, которые Вы приводите въ его подкрѣпленіе.

Вы указываете, что на первыхъ же порахъ усилія слѣдствія были направлены „подъ вліяніемъ инсинуацій крайней правой печати", не столько къ раскрытію виновниковъ покушенія на Вашу жизнь, сколько къ установленію симуляціи этого преступленія. Но предположеніе о симуляціи возникло въ первыя минуты слѣдствія, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что первая изъ адскихъ машинъ могла быть положена въ трубу изнутри дома Вашего Сіятельства, на что наводило отсутствіе на веревкѣ сажи, слѣды которой должны были оказаться и дѣйствительно оказались при пробномъ опусканіи груза сверху черезъ трубу.

Разъ для такого предположенія,—оказавшагося впослѣдствіи ошибочнымъ,—были поводы, то не заняться его разборомъ слѣдственная власть не имѣла права. Что же касается вліянія правой печати, то о „симуляціи" печать заговорила значительное время спустя,—уже послѣ того, какъ обнаружилось, что снаряды и не могли взорваться. Опроверженіе подобныхъ толковъ, какъ въ печати, такъ и въ стѣнахъ Гос. Думы, едва ли входитъ въ обязанности правительства и скорѣе является Вашимъ личнымъ дѣломъ.

Далѣе Вы находите, что судебный слѣдователь ошибочно направилъ дѣло къ прекращенію вмѣсто того, чтобы произвести обыски и аресты въ средѣ членовъ правыхъ монархическихъ организацій. Но для того, что бы производить обыски и аресты и привлекать къ слѣдствію, необходимы законныя и достаточныя основанія. Между тѣмъ въ дѣлѣ имѣлось лишь общее, не заключавшее въ себѣ даже косвенныхъ указаній на опредѣленныхъ лицъ, умозаключеніе свидѣтеля Гурьева и показаніе Тхоря, не внушающее никакого довѣрія ни по личнымъ качествамъ этого свидѣтеля, выгнаннаго изъ союза русскаго народа за растрату, постояннаго обитателя ночлежныхъ домовъ,—ни по содержанію этого показанія, болѣе похожаго на сплетни.

Дальнѣйшій ходъ слѣдствія, когда были обнаружены дѣйствительные виновники преступленія—Казанцевъ и Федоровъ—лишь подтвердилъ правильность образа дѣйствій слѣдственной власти, ибо всѣ мѣры, предпринятыя съ цѣлью выяснить прикосновенность членовъ союза рус. народа къ преступленію Казанцева, привели къ отрицательнымъ результатамъ. Въ частности, слѣдствіемъ съ несомнѣнностью установлено, что самъ Казанцевъ членомъ Союза не состоялъ.

Предположеніе о причастности къ преступленію члена союза рус. народа графа Буксгевдена слѣдствіемъ не подтвердилось. Равнымъ образомъ показаніе о соучастіи въ дѣлѣ предсѣдателя главнаго совѣта союза р. народа доктора Дубровина, данное Пруссаковымъ, выгнаннымъ Дубровинымъ изъ редакціи *Русскаго Знамени*, при повѣркѣ оказалось также голословнымъ. Самъ Казанцевъ никакого отношенія къ Дубровину не имѣлъ и никогда у него не бывалъ.

Недовольство судебнымъ слѣдователемъ Вы основываете также на томъ, что дѣло о покушеніи на жизнь Вашу было поставлено въ связь съ дѣломъ объ убійствѣ въ Москвѣ журналиста Іоллоса только 27 мая 1907 г., между тѣмъ какъ еще въ концѣ марта мѣсяца у Московской сыскной полиціи, а затѣмъ и у слѣдственныхъ властей были въ рукахъ анонимныя письма, въ которыхъ имя убитаго Іоллоса и Ваше, какъ приговоренныхъ къ смерти, поставлены были рядомъ.

Не считая себя призваннымъ указывать, какъ именно должны вести слѣдствіе судебныя власти, я могу лишь отмѣтить, что дѣло о покушеніи на жизнь Вашу было поставлено въ связь съ убійствомъ Іоллоса непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ выяснилась общность ихъ виновниковъ; одного же упоминанія въ анонимныхъ письмахъ Вашего имени рядомъ съ именемъ Іоллоса, въ числѣ многихъ другихъ именъ, было, по мнѣнію слѣдствія, не достаточно.

Послѣднее указаніе Вашего Сіятельства на то, что постановленіе слѣдователя о временномъ пріостановленіи дѣла было сообщено Вамъ лишь въ третью годовщину покушенія взорвать Вашъ домъ, объясняется производившимися розысками, сношеніями о выдачѣ Федорова съ правительствомъ Французской Республики и установленными въ законѣ сроками. Если бы требуемыя закономъ слѣдственныя дѣйствія не были исполнены и сроки не были соблюдены, то Ваше Сіятельство имѣли бы дѣйствительныя основанія для упрека по адресу судебныхъ властей, будто бы, поторопившихся „замять дѣло“.

Такимъ образомъ слѣдствія по дѣламъ о преступленіяхъ, совершоннымъ Казанцевымъ и Федоровымъ, доведены до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ ихъ можно довести безъ нарушенія законовъ. Принимая во вниманія, что установленный закономъ 6-мѣсячный срокъ со дня публикаціи о сыскѣ обвиняемыхъ истекъ, что бывшій подстрекателемъ на жизнь Вашего Сіятельства Казанцевъ за смертью не можетъ подлежать привлеченію въ качествѣ обвиняемаго, что обстоятельства совершенія преступныхъ дѣяній, составляющихъ предметъ настоящаго дѣла, и мотивы выяснены слѣдствіемъ, причемъ не добыто достаточно данныхъ относительно соучастія въ дѣлѣ другихъ, кромѣ Федорова и Степанова, лицъ, судебный слѣдователь по важн. дѣламъ Александровъ 1-го февраля 1910 г. постановилъ представить Окружному суду о временномъ пріостановленіи сужденія о скрывшихся обвиняемыхъ.

Находя, съ своей стороны такой ходъ слѣдствія правильнымъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не усматриваю, какимъ образомъ правительство могло бы, при усвоенномъ нашимъ закономъ началѣ независимости судебной власти, по своему разумѣнію направлять судебное слѣдствіе, указывать, какъ его вести, кого привлекать и т. п.; подобное вмѣшательство въ ходъ слѣдствія по какому бы то ни было дѣлу я считаю принципіально недопустимымъ.

Наконецъ, *четвертое* утвержденіе Ваше состоитъ въ томъ, что правительство не настаиваетъ на выдачѣ Федорова и не принимаетъ мѣръ къ розыску Степанова будто бы потому, что для правительства выясненіе настоящаго дѣла „болѣе чѣмъ не желательно“. И въ этомъ отношеніи Вы фактически ошибаетесь: розыскъ скрывшагося революціонера Степанова продолжается, Русское правительство категорически настаивало на выдачѣ Федорова, но требованіе это Французскимъ правительствомъ уважено не было, въ виду политическаго характера вмѣняемыхъ обвиняемому преступленій.

Такимъ образомъ, вопреки высказанныхъ Вами предположеній

1) обстоятельства дѣлъ о покушеніи на Вашу жизнь мнѣ, министру юстиціи и Совѣту министровъ точно извѣстны;

2) главный виновникъ этихъ покушеній, Казанцевъ, агентомъ правительства полиціи не былъ;

3) полиція принимала необходимыя мѣры къ розыску виновныхъ;

4) слѣдствіе по этимъ дѣламъ велось согласно закону, а по существу въ ходъ судебнаго слѣдствія правительство не вмѣшивалось и не имѣло права вмѣшиваться; наконецъ,

5) Русское правительство настаивало на выдачѣ убійцы Казанцева—Василія Федорова, но получило въ этомъ отказъ.

Выводы, основанные Вашимъ Сіятельствомъ на противуположныхъ этому, ошибочныхъ представленіяхъ, лишены такимъ образомъ реальной основы.

Что же касается того общаго освѣщенія, которое дается дѣлу въ письмѣ Вашего Сіятельства, то оно напоминаетъ заключительную часть извѣстной прокламаціи соц.-револ. партіи отъ 19 іюня 1907 г., выпущенной по поводу убійства Казанцева и цитируемой Вашимъ Сіятельствомъ. Конецъ этой прокламаціи въ газетахъ не былъ напечатанъ, и я не знаю, извѣстенъ ли онъ Вамъ. Вотъ его текстъ".

Здѣсь П. А. Столыпинъ приводитъ текстъ прокламаціи, послѣ чего заключаетъ свое письмо слѣдующими словами:

„Общій смыслъ этого отрывка, если не считать крайностей его фразеологіи и упоминанія Высочайшаго Имени, въ сущности близокъ къ заключительной части Вашего письма; но Ваше Сіятельство согласитесь, что входить въ какую-либо полемику по поводу утвержденій подобнаго рода я не могу. Мой долгъ былъ—опровергнуть фактическую сторону этихъ,—по Вашему же признанію неправдоподобныхъ, но всетаки повторяемыхъ Вами обвиненій; отъ оцѣнки ихъ я воздерживаюсь.

Идя на встрѣчу высказанному Вами пожеланію, я ознакомилъ Совѣтъ министровъ съ содержаніемъ Вашего письма отъ 3 мая сего года и съ настоящимъ моимъ отвѣтомъ".

Это письмо не осталось безъ отвѣта.

16 декабря С. Ю. Витте пишетъ П. А. Столыпину:

„Вашему Высокопревосходительству угодно было 2 сего декабря, черезъ 7 мѣсяцевъ, почтить меня отвѣтомъ на письмо мое отъ 3 мая с. г. Если бы письмо Ваше ограничилось сообщеніемъ, что лично Вы не изволите признавать правильными выводы, сдѣланные мною изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу о двукратномъ покушеніи на мою жизнь (попутно и на жизнь моей жены и домочадцевъ), я бы не считалъ удобнымъ вновь утруждать Предсѣдателя Совѣта министровъ и пытаться доказывать основательность моихъ заключеній, допуская, что, являясь по дѣлу лицомъ потерпѣвшимъ, я могу быть и менѣе объективнымъ, чѣмъ глава Правительства, и, разумѣется, менѣе компетентнымъ въ оцѣнкѣ слѣдственнаго матеріала, чѣмъ министръ юстиціи, на авторитетное мнѣніе котораго сдѣлана ссылка въ письмѣ отъ 2-го сего декабря. Но при томъ вниманіи, съ которымъ я долженъ былъ отнестись къ письму главы правительства, я убѣдился, что, говоря объ одномъ и томъ же дѣлѣ, В. Высокопревосходительство,... и я приходимъ къ различнымъ выводамъ потому, что или мы пользуемся различными для выводовъ нашихъ данными или же я, будучи человѣкомъ въ данное время относительно необремененнымъ занятіями и къ тому же близко въ дѣлѣ заинтересованнымъ, имѣлъ возможность всесторонне лично изучить обширный слѣдственный матеріалъ, между тѣмъ Вамъ и министру юстиціи таковой, вѣроятно, былъ доложенъ въ видѣ неполномъ и невѣрномъ.

Первое изъ приведенныхъ предположеній врядъ ли окажется правильнымъ. Копіи слѣдственныхъ актовъ получены мною отъ судебныхъ слѣдователей и я не желалъ бы предполагать, что въ основаніе письма отъ 2 декабря положены какіе-либо иные матеріалы, кромѣ тѣхъ, которые провѣрены и установлены черезъ слѣдственную власть, уваженіе къ которой, высказанное Вашимъ Высокопревосходительствомъ, мною всецѣло въ принципѣ раздѣляется. Поэтому я предпочитаю остановиться на второмъ предположеніи: при громадности лежащихъ на Васъ заботъ, Вы не могли, безъ сомнѣнія, лично ознакомиться съ подлиннымъ слѣдственнымъ производствомъ, лица же, представившія Вамъ и министру юстиціи докладъ по дѣлу, вѣроятно, не съумѣли отдѣлить существенныхъ данныхъ отъ второстепенныхъ и, несомнѣнно, оставили безъ вниманія, а слѣдовательно и не доложили Вамъ нижеслѣдующихъ данныхъ, которыя я и цитирую дословно по актамъ слѣдственнаго производства и которыя безусловно не согласны съ тѣмъ, что положено въ основу выводовъ, къ которымъ пришли Ваше Высокопревосходительство...

Переходя къ изложенію указанныхъ невѣрностей, я ограничусь лишь самымъ существеннымъ и, какъ матеріалъ для доказательства высказаннаго мнѣнія, избираю исключительно самые неоспоримые документы—постановленія судебныхъ слѣдователей и составленные ими протоколы.

Въ письмѣ Вашемъ отъ 2 декабря сказано:

1. „По дѣлу *не установлено,* чтобы Казанцевъ состоялъ агентомъ охраннаго отдѣленія или какого-либо иного правительственнаго розыскного учрежденія или имѣлъ отъ подлежащей власти уполномочіе на занятіе розыскомъ и снабжался *темными деньгами*".

Вопросъ о томъ, былъ ли Казанцевъ, руководившій двукратнымъ покушеніемъ на мою жизнь, въ услуженіи полиціи или нѣтъ, составляетъ, какъ извѣстно, главную суть всего дѣла, а потому понятно, что Ваше Высокопревосходительство поставили во главѣ Вашего письма предыдущее утвержденіе.

Между тѣмъ допрошенныя на предварительномъ слѣдствіи лица показали:

а) Городовой Спб. Столичн. Полиціи, бывшій жандармъ Тихонъ Запольскій (допрошенъ 8 августа 1907 г.): „Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца прошлаго (1906) года Половневъ и мужчина, портретъ котораго мнѣ предъявленъ (Казанцевъ), подошли ко мнѣ и отрекомендовались *Агентами Охраннаго Отдѣленія. Въ подтвержденіе своихъ словъ они предъявили мнѣ удостовѣренія Охраннаго Отдѣленія.* Удостовѣренія эти состояли изъ визитныхъ фотографическихъ карточекъ предъявителей, *на коихъ имѣлась печать Спб. Охраннаго Отдѣленія и подпись полковника Герасимова*".

б) На допросѣ 2 іюля 1907 г. графъ А. А. Буксгевденъ показалъ: „Личныя мои порученія Казанцеву заключались въ слѣдующемъ: иногда я его *посылалъ въ охрану* при разныхъ выѣздахъ и торжествахъ *для охраны* должностныхъ лицъ... Иногда самъ Казанцевъ заявлялъ мнѣ, что у него имѣются свѣдѣнія о готовящихся террористическихъ актахъ и грабежахъ со стороны лѣвыхъ партій или о лицахъ, участвовавшихъ въ этихъ актахъ, на это *я ему предлагалъ собрать самыя точныя свѣдѣнія по этому поводу и сообщить ихъ мнѣ*... Ивана Леонтьева Коробова я знаю, *по рекомендаціи Казанцева,* онъ поступилъ въ дружину Русскаго народа *для охраны* какъ лидеровъ партіи, такъ и *должностныхъ лицъ*... За тѣ свѣдѣнія о дѣятельности революціонныхъ партій, которыя мнѣ сообщалъ Казанцевъ, я *иногда* давалъ ему деньги *въ награду или на расходы* въ суммѣ отъ 25 до 30 рублей и только разъ выдалъ ему въ награду 100 р. за

сообщеніе имъ свѣдѣній о готовящихся террористическихъ актахъ въ С.-Петербургѣ".

Затѣмъ въ письмѣ Вашемъ сказано:

„*Изъ слѣдственныхъ данныхъ можно заключить,* что Казанцевъ занимался сыскомъ, но въ качествѣ идейнаго добровольца, по личной инициативѣ, за свой страхъ и рискъ"... „Слѣдствіемъ установлено, что Казанцевъ состоялъ на службѣ у графа (Буксгевдена) въ качествѣ управляющаго, служба эта была не фиктивною, а дѣйствительною".

Въ чемъ заключалась „дѣйствительная" служба Казанцева, установлено приведеннымъ выше показаніемъ графа Буксгевдена, относительно же фиктивности его службы въ качествѣ управляющаго дали совершенно опредѣленныя показанія повѣренные графа Дубинскій и Шамошинъ.

Совокупность добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Казанцевымъ и графомъ Буксгевденомъ, въ постановленіи судебнаго слѣдователя 3 уч. г. Москвы отъ 30 декабря 1908 г. (по дѣлу объ убійствѣ Іоллоса, л. 143—144, т. X), изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Собранныя по дѣлу данныя относительно участія гр. Буксгевдена въ убійствѣ Іоллоса, а именно: *близкая его связь съ Казанцевымъ,* при разницѣ ихъ общественнаго положенія, принадлежность обоихъ къ одной партіи крайнихъ правыхъ, *передача Казанцеву паспорта на имя Олейко,* по которому онъ проживалъ въ послѣднее время, выдача денегъ Казанцеву *подъ видомъ какъ бы управляющему* и на устройство и обзаведеніе кузницы, посылка Коробова въ Спб. за вещами Казанцева вслѣдъ за полученіемъ свѣдѣній объ убійствѣ его, при чемъ Коробовъ, получая вещи, назвался чужимъ именемъ, *привозъ вещей Казанцева на квартиру графа Буксгевдена,* не могутъ признаваться уличающими графа Буксгевдена въ убійствѣ, т. к. *вполнѣ объясняются установленнымъ по дѣлу участіемъ ихъ въ сыскѣ по политическимъ дѣламъ*".

Смѣю думать, что на основаніи приведенныхъ показаній гр. Буксгевдена, бывшаго жандарма Запольскаго и постановленія судебн. слѣдователя, основаннаго на „данныхъ предварительнаго слѣдствія", я имѣю право утверждать, что Казанцевъ былъ *агентомъ,* а не „идейнымъ добровольцемъ", что за розыски по политическимъ дѣламъ и за охрану лицъ должностныхъ и лидеровъ правыхъ политическихъ партій онъ получалъ денежное вознагражденіе *отъ должностного лица* чиновника особ. поруч. при Моск. ген.-губернаторѣ, и что съ вѣдома и согласія послѣдняго онъ, Казанцевъ, проживалъ по подложному паспорту, подъ именемъ Олейко. Я бы желалъ, чтобы г. министръ юстиціи разъяснилъ, съ какихъ поръ дозволяется держать у себя управляющихъ домами „идейныхъ добровольцевъ-сыщиковъ", завѣдомо для ихъ нанимателя проживающихъ по чужимъ документамъ.

Я считаю, что общій уголовный законъ былъ нарушенъ здѣсь безнаказанно именно потому, что Казанцевъ завѣдомо и для графа Буксгевдена, и для полиціи охранной и сыскной былъ *агентомъ* не „идейнымъ", а полицейскимъ. Вашему Высокопревосходительству, конечно, не менѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстно, что для того, чтобы быть въ услуженіи полиціи не нужно носить ту или другую офиціальную марку, что о назначеніи агентовъ сыскной и охранной полиціи, само собою разумѣется, приказы не отдаются и списки ихъ во всеобщее свѣдѣніе не печатаются, что наиболѣе важные агенты сыска совсѣмъ и не числятся въ офиціальныхъ спискахъ, что они извѣстны только самому ограниченному числу ру-

ководителей сыска, что для того, чтобы быть агентомъ, не нужно быть русскимъ подданнымъ и что, наконецъ, можно даже быть существомъ не мужского пола. Между тѣмъ, Казанцевъ имѣлъ печать охраннаго отдѣленія и подпись его начальника на своей фотографической карточкѣ—и жандармы, какъ это удостовѣрилъ Запольскій, признавали его чиномъ охраны.

Независимо изложеннаго, я имѣю и другія безспорно несомнѣнныя данныя, вытекающія изъ судебнаго слѣдствія, о томъ, что Казанцевъ былъ агентомъ полиціи, но покуда я считаю излишнимъ ихъ касаться, тѣмъ болѣе, что и приведенныхъ мною совершенно достаточно, чтобы убѣдить всякое лицо—(которое не имѣетъ особыхъ поводовъ утверждать противное),—что Казанцевъ находился въ услуженіи полиціи.

2. „Неуспѣшность розысковъ лицъ виновныхъ въ покушеніи на Вашу жизнь", сказано въ Вашемъ письмѣ, объясняется между прочимъ тѣмъ, „что Федоровъ и Степановъ пріѣхали для совершенія преступленій изъ Москвы и тотчасъ же уѣхали обратно, *лицо же убитаго Казанцева было настолько сильно обезображено, что узнать его не представлялось возможнымъ*".

По поводу этихъ двухъ положеній обязываюсь указать:

а) Въ столь важномъ актѣ, коимъ является постановленіе судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, отъ 10 февраля 1909 г. о предъявленіи правительству Франц. Республики требованія о выдачѣ Федорова, требованія, сдѣланнаго лишь послѣ настоятельнѣйшей моей словесной просьбы, обращенной къ министру юстиціи, между прочимъ изложено:

„Собственноручно написанная Федоровымъ рукопись была впослѣдствіи прислана на имя прокурора Спб. Окр. Суда и пріобщена къ дѣлу, *изложенныя въ ней обстоятельства вполнѣ соотвѣтствуютъ фактическимъ даннымъ*".

Братъ Василія Федорова, Федоръ Федоровъ, на допросѣ 13 ноября 1907 г. призналъ, что означенная рукопись дѣйствительно написана Василіемъ Федоровымъ и при этомъ удостовѣрилъ, что послѣ убійства Казанцева Федоровъ оставался въ Спб. *двѣ недѣли* (до 12 іюня).

б) Только при невнимательномъ чтеніи протоколовъ предварительнаго слѣдствія возможно было доложить В. Высоко-ву, что лицо Казанцева было настолько обезображено, что узнать его не представлялось возможнымъ.

Въ протоколахъ судебно-медицинскаго осмотра наружность Казанцева описана чрезвычайно точно: между прочимъ указано, что „выраженіе лица спокойное" и хотя на лѣвой половинѣ лица оказалось „шесть ранъ", но *наибольшая* изъ нихъ была длиною всего около 2 сантиметровъ и края ранъ расходились не болѣе чѣмъ на 7 мм. Ни о какомъ иномъ „обезображеніи лица" въ обстоятельныхъ протоколахъ осмотра не упоминается, что же касается показанія двухъ свидѣтелей, которымъ снятыя съ убитаго фотографическія карточки были предъявлены, то они показали:

Илларіонова: „Я не рѣшаюсь утверждать, что на предъявленныхъ мнѣ фотографическихъ снимкахъ, изображающихъ мертваго человѣка, изображенъ Казанцевъ, такъ какъ *трудно разобрать черты лица*.

Нечинская: „На предъявленныхъ мнѣ фотографическихъ изображеніяхъ мертваго тѣла—я не могу признать Казанцева. Очень уже обезображено лицо на *фотографическихъ снимкахъ*.

Полагаю, что пропускъ въ докладѣ Вашему Высокопр-ву словъ „на фотографическихъ снимкахъ" имѣетъ существенное для дѣла значеніе: по плохимъ карточкамъ, на которыхъ черты лица были неясны или „обезображены", свидѣ-

тели не могли признать Казанцева, но полицейскіе агенты, которые должны были видѣть трупъ тотчасъ послѣ убійства, не могли не узнать Казанцева изъ-за того, что у него были раны длиною въ полтора сентиметра на одной половинѣ лица,—и я остаюсь при мнѣніи, что Казанцева не признали потому, что не пытались узнать его.

Ограничиваюсь приведенными примѣрами неполноты представленнаго Вашему Высокопревосходительству доклада, послужившаго основаніемъ къ письму Вашему отъ 2 декабря. Смѣю думать, что то обстоятельство, что Казанцевъ былъ агентомъ правительственной полиціи, безспорно установлено показаніями самого гр. Буксгевдена и бывшаго жандарма Запольскаго.

Пробѣлъ въ томъ же докладѣ относительно точныхъ свѣдѣній о личности Казанцева важенъ потому, что вся защита графа Буксгевдена и чиновъ полиціи, которыхъ я обвиняю въ умышленномъ бездѣйствіи власти, въ письмѣ Вашемъ отъ 2 декабря построена, главнымъ образомъ, на томъ, что для полиціи не было цѣли не раскрывать личности убитаго и не разыскивать убійцъ, т. к. убитый Казанцевъ въ охранѣ не состоялъ, а былъ идейнымъ сыщикомъ.

3. Слѣдствіе по дѣламъ о покушеніи на мою жизнь, по мнѣнію, выраженному въ письмѣ отъ 2 декабря, велось согласно закону; запоздалое, черезъ 3 года послѣ совершенія преступленій, сообщеніе мнѣ о пріостановленіи слѣдствія объясняется будто бы производившимися розысками, сношеніями о выдачѣ Федорова съ правительствомъ Франц. Республики и установленными въ законѣ сроками.

Дозвольте, Ваше Высокопрев-во, покорнѣйше просить Васъ и въ особенности г-на министра юстиціи обратить вниманіе на нижеслѣдующія даты, которыя я устанавливаю на основаніи выданныхъ мнѣ судебными слѣдователями копій протоколовъ и постановленій:

покушеніе взорвать мой домъ произведено въ концѣ января, а приготовленіе къ убійству меня разрывными снарядами имѣло мѣсто въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца 1907 года;

собственноручно написанное сознаніе Федорова получено прокурорскимъ надзоромъ въ сентябрѣ того же года и только 19 іюля 1908 г. состоялось постановленіе о привлеченіи его въ качествѣ обвиняемаго, постановленіе же о привлеченіи соучастника покушенія Алексѣя Степанова составлено судебн. слѣдователемъ 20 февраля 1909 г., а опредѣленіе Окружнаго суда о розыскѣ его черезъ публикаціи состоялось лишь 4 марта 1909 года.

Такимъ образомъ, Федоровъ былъ привлеченъ къ слѣдствію черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ того, какъ сознался въ преступленіяхъ, а личность Алексѣя Степанова установлена только черезъ два года, между тѣмъ, какъ для выясненія его личности слѣдовало произвести, повидимому, весьма несложное дознаніе: мать и братъ Федорова, еще лѣтомъ 1907 г. дававшіе показаніе противъ самого Федорова, на допросѣ у слѣдователя въ 1909 году совершенно откровенно указали на Алексѣя Степанова, какъ на участника въ покушеніи взорвать мой домъ. Я положительно не вижу въ дѣлѣ объясненій, почему власти не потрудились еще въ 1907 году болѣе подробно разспросить Наталію и Федора Федоровыхъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, и такимъ образомъ, выяснить виновность Алексѣя Степанова двумя годами раньше, и остаюсь при первомъ мнѣніи, не предвзятомъ, а вытекающемъ изъ данныхъ дѣла: полиція не желала раскрывать виновныхъ въ покушеніи взорвать мой домъ и не желала потому, что раскрыть все дѣло—значило раскрыть, что преступленіе совершено агентомъ Казанцевымъ, въ дѣятель-

ности своей тѣсно связаннымъ съ графомъ Буксгевденомъ. Лица же, наблюдавшія за производствомъ дознанія, не имѣли мужества пойти по другому теченію, быть можетъ, во избѣжаніе столкновенія двухъ министерствъ: внутрен. дѣлъ, находящагося въ управленіи главы правительства, и юстиціи, обыденнаго м-ва, а потому во время всего слѣдствія лавировали.

Я бы ограничился возстановленіемъ этой главнѣйшей стороны дѣла, если бы въ письмѣ В. В-ва не были затронуты еще два вопроса: 1) о томъ, на чьей обязанности лежало опровергнуть взведенное на меня въ засѣданіи Г. Думы гнуснѣйшее и возмутительнѣйшее обвиненіе въ томъ, что я будто бы самъ устроилъ мнимое покушеніе взорвать мой домъ, и 2) о тождествѣ или близкомъ сходствѣ моихъ взглядовъ на дѣйствія правительства со взглядами, высказанными въ прокламаціи с.-р. партіи отъ 19 іюня 1907 г.

По первому изъ указанныхъ вопросовъ обязываюсь, что вполнѣ признаю, что никакой писанный законъ не обязываетъ представителей правительственной власти защищать поруганную честь ихъ предмѣстниковъ по должности. Попутно коснувшись этого щекотливаго вопроса въ письмѣ моемъ отъ 3 мая с. г., я очевидно поступилъ неосмотрительно. Я полагалъ (и полагаю), что нравственной обязанностью органовъ правительства является защита чести и добраго имени ихъ предмѣстниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда такая защита можетъ исходить только отъ правительства: права слова въ Г. Думѣ я не имѣю и привлечь члена Думы за клевету, выраженную съ думской трибуны, мнѣ невозможно. Я сожалѣю и приношу извиненіе В. В-ву въ томъ, что невольно какъ бы упрекнулъ Васъ въ томъ, что Вы не поступили въ данномъ случаѣ такъ, какъ бы я счелъ своей обязанностью поступить, если бы мнѣ пришлось быть не предмѣстникомъ, а преемникомъ Вашимъ по должности предсѣдателя Совѣта министровъ, а кто-либо изъ членовъ законодательныхъ учрежденій осмѣлился бы клеветнически приписать Вамъ съ парламентской трибуны дѣяніе, противное чести. Я бы не оставилъ безъ отвѣта и опроверженія клеветы и, не имѣя права заступиться за Петра Аркадьевича Столыпина, безъ его на то уполномочія, я бы съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностью защитилъ бы честь лица, довѣріемъ Государя ранѣе меня поставленнаго во главѣ правительства.

Затѣмъ предположеніе Вашего Высокопревосходительства о томъ, что я не читалъ цитируемой въ письмѣ отъ 2 декабря заключительной части подпольной прокламаціи отъ 19 іюня 1907 г. вполнѣ основательно. Хочу вѣрить, что составитель представленнаго Вамъ къ подписи отвѣта на мое имя не имѣлъ вовсе въ виду хлесткимъ сравненіемъ моихъ объективныхъ выводовъ съ злонамѣренными инсинуаціями неизвѣстнаго агитатора, а можетъ быть, „идейнаго добровольца“ сыска и провокатора, показать мнѣ, какъ опасно и невыгодно въ настоящее время писать откровенно даже предсѣдателю Совѣта министровъ о томъ, что правительство иногда терпитъ злоупотребленія властью подчиненныхъ ему лицъ.

Но кромѣ того составитель сказаннаго письма отъ 2 декабря допустилъ въ своихъ сужденіяхъ такой полемическій пріемъ, который, конечно, не могъ бы быть Вами терпимъ, если бы у Васъ при подписаніи сказаннаго письма было бы достаточно времени обратить вниманіе на внѣшнюю его сторону. Въ сказанномъ письмѣ послѣ приведенія отрывка изъ прокламаціи говорится: „общій смыслъ этого отрывка, если не считать крайности его фразеологіи и упоминанія Высочайшаго имени, въ сущности близокъ къ заключительной части Вашего письма“;—согласитесь сами, Ваше Высокопревосходительство, что приведенный

отрывокъ изъ прокламаціи, который я не желаю тутъ повторять, глубоко возмутителенъ именно вслѣдствіе кощунства надъ священнымъ и неприкосновеннымъ именемъ Его Величества, а потому находить какую бы то ни было аналогію между сказаннымъ отрывкомъ и заключеніемъ моего письма возможно лишь при самообольщеніи, состоящемъ въ томъ, что указывать на упущенія не только министровъ, но даже подвѣдомственныхъ имъ органовъ, нѣчто подобно оскорбленію имени Государя Императора.

Принося искреннюю благодарность В. Высокопревосходительству за ознакомленіе, согласно моей просьбѣ, съ содержаніемъ моего перваго письма и Вашего отвѣта отъ 2 декабря гг. членовъ Совѣта министровъ, я принимаю на себя смѣлость просить Васъ продолжить то же благожелательное ко мнѣ отношеніе и познакомить гг. членовъ Совѣта министровъ и съ настоящимъ моимъ отвѣтомъ. Но т. к., очевидно, для совѣта министровъ не представляется никакой возможности изучить все дѣло и провѣрить правильность и основательность моихъ указаній и возраженій, то испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на порученіе разсмотрѣть весь слѣдственный матеріалъ по дѣлу о двукратномъ покушеніи на мою жизнь кому-либо изъ гг. членовъ Г. Совѣта—сенаторовъ, т.-е. независимому и компетентному сановнику. Смѣю думать, что всѣмъ извѣстное и справедливо оцѣниваемое стремленіе Вашего В-ва довѣрять разслѣдованіе важныхъ дѣлъ нелицепріятнымъ членамъ высшихъ учрежденій въ Имперіи найдетъ себѣ примѣненіе и въ данномъ случаѣ не потому, что вопросъ идетъ о давно всѣми забытыхъ покушеніяхъ на мою жизнь, а въ виду того, что предмѣстникъ Вашъ по должности предсѣдателя Совѣта министровъ жалуется на то, что полицейское дознаніе по дѣлу производилось въ обѣихъ столицахъ пристрастно, а предварительное слѣдствіе уклончиво и медленно. М-ръ Юстиціи и Ваше Высок-во находите, что все по дѣлу обстояло и обстоитъ благополучно, я съ этимъ не согласенъ и желалъ бы, чтобы наше разногласіе было разъ навсегда и окончательно разрѣшено компетентнѣйшею и независимою властью, каковою, какъ изложено выше, признаю власть избраннаго *независимаго и самостоятельнаго* сановника члена Гос. Совѣта—сенатора изъ числа бывшихъ высшихъ судебныхъ дѣятелей: бывшій предсѣдатель Совѣта министровъ Горемыкинъ, бывшіе министры юстиціи графъ Паленъ и Манухинъ, сенаторы Кони, Таганцевъ, Дурново, Гончаровъ, Дейтрихъ, Кобылинскій, Турау".

Въ отвѣтъ на это второе письмо П. А. Столыпинъ офиціально сообщилъ графу С. Ю. Витте 23 февраля 1911 г., что его просьба пересмотрѣть дѣло о покушеніи была разсмотрѣна въ Совѣтѣ министровъ, который не нашелъ никакихъ неправильностей въ дѣйствіяхъ административной, судебной и полицейской власти, и что, согласно получившему утвержденіе мнѣнію Совѣта министровъ, дѣло это считается законченнымъ.

Этому офиціальному оповѣщенію предшествовало личное столкновеніе этихъ двухъ дѣятелей, имѣвшее мѣсто въ кулуарахъ Государственнаго Совѣта въ январѣ 1911 года и возникшее на почвѣ письма графа С. Ю. Витте отъ 16 декабря 1910 г., произведшаго, повидимому, на П. А. Столыпина сильное впечатлѣніе.

Столкновеніе это выразилось въ довольно рѣзкомъ словесномъ от-

вѣтѣ графа С. Ю. Витте на рѣзко же поставленный П. А. Столыпинымъ вопросъ. Эпизодъ этотъ, разсказанный мнѣ покойнымъ графом С. Ю. Витте, я не считаю себя въ правѣ излагать здѣсь. Въ мемуарах графа онъ, насколько мнѣ извѣстно, записанъ.

Этотъ инцидентъ, въ связи съ приведенной перепиской, прекратил отношенія двухъ бывшихъ премьеровъ, сыгравшихъ видную роль в исторіи родины. Съ тѣхъ поръ они не сталкивались. Вскорѣ одинъ из нихъ палъ отъ руки агента сыска, бывшаго революціонера. И въ этом дѣлѣ многое осталось недоговореннымъ и роли нѣкоторыхъ лицъ н выясненными...

Л. Львовъ.

На перевалѣ.

С. Ю. Витте.

Старая истина, что вещи познаются сравненіемъ. Когда умираетъ государственный человѣкъ, мы ищемъ въ прошломъ такого, ростомъ котораго могли бы измѣрить только что отошедшаго.

Съ кѣмъ сравнить С. Ю. Витте? Перебирая дѣятелей послѣднихъ трехъ-четырехъ десятилѣтій, почти всѣ писавшіе о покойномъ пришли къ выводу, что Витте выше ихъ всѣхъ. А если сравнить его съ дѣятелями первой половины XIX вѣка, съ Милютиными, Канкринымъ, Киселевымъ, Сперанскимъ? Знакъ равенства, и то съ большими оговорками, ставили только между Сперанскимъ и Витте. Всѣ остальные явно ниже. Но, главное, даже между Сперанскимъ и Витте проводить параллель нельзя. Слишкомъ ужъ все это разные люди. Сперанскій былъ величайшій русскій бюрократъ, можно сказать, героическій типъ бюрократа, съ его положительными и отрицательными сторонами. Онъ обладалъ высоко развитой интеллектуальной совѣстью, чувствомъ права. Витте какъ бы совершенно не зналъ такихъ чувствъ. У Сперанскаго, въ его лучшіе годы, пока онъ не былъ сломленъ опалой, надъ всѣмъ главенствовала логика разума, честно дѣлавшая выводы изъ посылокъ. Витте гнулъ и логику и послѣдовательность, какъ все, что мѣшало ему для достиженія данной цѣли въ данное время. Въ 1893 году онъ взялъ „подъ свою высокую руку“ общину, въ 1902 году онъ нанесъ ей самые страшные удары. Врагъ земства и конституціи, онъ сталъ на дѣлѣ конституціоналистомъ и искалъ союза съ земцами. Одинъ изъ авторовъ правилъ о сдачѣ студентовъ въ солдаты, онъ однимъ изъ первыхъ подалъ свой голосъ за университетскую автономію. Собирался строить Сибирскую дорогу на особыя сибирскія „кредитки“ и обезсмертилъ себя введеніемъ золотой валюты. Противорѣчій въ его дѣятельности не оберешься. Съ точки зрѣнія идейности, послѣдовательности, логичности Сперанскій выше. Но взгляните съ другой стороны. Примѣните масштабъ

творчества и сразу вы почувствуете, что Сперанскій малокровный, сѣроватый бумажный человѣкъ, а Витте—неуклюжій гигантъ съ бьющей черезъ край силой, съ неизсякаемымъ запасомъ творчества. Сперанскій писалъ, Витте творилъ.

Пробѣжимъ мысленно дѣятельность Лорисъ-Меликова, Милютиныхъ, Киселева, Канкрина. Во многихъ отношеніяхъ и они выше Витте. Моральный строй братьевъ Милютиныхъ, конечно, выше: на ихъ слово всегда можно было положиться. Канкринъ былъ аккуратнѣе, послѣдовательнѣе, онъ умѣлъ съ большей энергіей и охотой защищать государственную казну отъ „дырявыхъ атласныхъ кармановъ", чѣмъ то дѣлалъ Витте, систематически кормившій подачками аристократовъ. У Киселева мы скорѣе найдемъ подлинную заботу о крестьянствѣ, чѣмъ у Витте, склонившагося въ послѣдніе годы въ сторону крестьянства по соображеніямъ явно демагогическаго свойства.

Все это такъ. И все же въ общемъ едва ли можно серьезно спорить, что Витте выше всѣхъ этихъ государственныхъ дѣятелей, что онъ и богаче ихъ по дарованіямъ и плодовитѣе по результатамъ своей дѣятельности. Казенныя желѣзныя дороги, желѣзнодорожное строительство, система тарифовъ, система международныхъ торговыхъ договоровъ, насажденіе крупной капиталистической промышленности на иностранные капиталы, введеніе золотой валюты, казенная винная монополія, представляющая по освобожденіи ея отъ фискальныхъ цѣлей великое благо для страны, насажденіе коммерческихъ школъ и устройство грандіозныхъ политехникумовъ, наконецъ, первые серьезные шаги по пути введенія въ странѣ началъ свободы совѣсти и конституціоннаго строя. Есть ли у насъ, не только за послѣднія 40 лѣтъ, государственный дѣятель, который могъ бы представить балансъ своей дѣятельности, подобной этому?

Чтобы оцѣнить личность и дѣятельность только что скончавшагося государственнаго человѣка, мы должны обратиться мыслью къ началу XVIII столѣтія. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній скажу сразу, что я вовсе не собираюсь приравнивать Витте къ Петру Великому. Конечно, не только по мѣсту, дававшему ему больше власти, простора и возможностей, но и по дарованіямъ Петръ Великій былъ выше. Витте получилъ университетское образованіе. Русская жизнь дала ему въ руки азбуку и необходимыя первоначально орудія. Онъ легко нашелъ десятки и тысячи помощниковъ и исполнителей, изъ которыхъ многіе, быть можетъ, были не ниже его. Петръ Великій пробивалъ себѣ дорогу самоучкой, собственноручно кулаками расчищалъ пути. Кромѣ власти, тутъ нуженъ былъ и геній, когда, по выраженію Посошкова, царь „на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, а подъ горы милліоны тянутъ".

Не приравнивая вовсе Витте къ Петру, нельзя однако не замѣтить,

что и въ характерѣ ихъ личностей, въ духовномъ и моральномъ складѣ, и въ пріемахъ работы были общія черты.

Прежде всего и тотъ и другой были творцами. Жить для нихъ означало творить, создавать. Витте, конечно, былъ человѣкъ огромнаго честолюбія и властолюбія. Въ борьбѣ за власть онъ нерѣдко пускалъ въ ходъ предосудительные пріемы. Цѣпляясь за власть, онъ нерѣдко пренебрегалъ моральнымъ достоинствомъ своей личности. Но было бы несправедливо утверждать, что власти онъ добивался, какъ орудія для достиженія богатства, почестей, личныхъ наслажденій. Онъ не отказывался отъ богатства и любилъ почести, особенно придворныя, но въ основѣ его воли къ власти лежало всетаки стремленіе къ творчеству, къ созданію большихъ дѣлъ. Онъ любилъ процессъ работы и созиданія, движеніе милліоновъ, возникновеніе желѣзныхъ дорогъ и огромныхъ фабрикъ, оживленіе цѣлыхъ областей и вовлеченіе ихъ въ промышленный оборотъ страны.

Какъ творческая натура, Витте въ высокой степени обладалъ способностью „использовать" людей. Онъ умѣлъ окружать себя помощниками и легко и скоро создавалъ кадры прекрасныхъ, честныхъ и образованныхъ работниковъ. Составъ чиновниковъ въ министерствѣ финансовъ, податномъ, акцизномъ и другихъ вѣдомствахъ со временъ Витте стоялъ очень высоко. Послѣ введенія судебной реформы Витте, можно сказать, былъ въ Россіи первымъ министромъ, извлекшимъ изъ высшаго образованія наибольшую долю практической полезности, которую оно можетъ дать. Витте ни передъ чѣмъ не останавливался для привлеченія къ дѣлу подходящихъ людей. Онъ не ограничивался открытіемъ дверей службы для „красныхъ". Онъ отлично зналъ, что бюрократическая мельница великолѣпно перемелетъ въ надлежащей степени всякую „неблагонадежность". Онъ умѣлъ приспособлять для своихъ задачъ и людей, ускользавшихъ отъ бюрократическаго мундира. Производствомъ оцѣночныхъ работъ онъ далъ возможность земствамъ создать огромную армію статистиковъ. Развитіемъ городовъ и промышленности онъ обогатилъ кассы губернскихъ земствъ и тѣмъ косвенно содѣйствовалъ огромному подъему работы губернскихъ земствъ. Для борьбы съ аграріями, мѣшавшими ему при заключеніи торговыхъ договоровъ, онъ опирался на народническихъ экономистовъ, выдвинувшихъ теорію выгодности для страны низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ борьбѣ за золотую валюту онъ опирался на экономическую науку, а для защиты промышленниковъ отъ аграріевъ умѣлъ пользоваться и борьбой марксистовъ съ народниками. Когда общественныя силы страны стали явно перерастать формы полицейскаго строя, Витте созданіемъ комитетовъ совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности далъ сильный толчокъ общественной мобилизаціи.

На этомъ умѣньи „использовать“ людей сказались и отрицательны свойства моральной личности Витте. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ он доходилъ до цинизма. Онъ былъ увѣренъ, что всѣхъ можно купить, чт все продается. „Все зависитъ отъ цѣны“, какъ отвѣчалъ Морни импе ратрицѣ Евгеніи, возмущенной его циничнымъ взглядомъ на женщин Извѣстно, что изъ своей знаменитой и, дѣйствительно, двусмысленно записки „Самодержавіе и земство“, доказывавшей несовмѣстимость зем ства съ самодержавіемъ, Витте сдѣлалъ одинъ выводъ, когда требова лось свалить Горемыкина, и другой, когда пришлось считаться съ ра стущимъ земскимъ движеніемъ.

По основной цѣли своей дѣятельности Витте былъ продолжателем дѣла Петрова. Европеизація Россіи, которую онъ считалъ немыслимо внѣ капиталистической индустріализаціи ея, была той осью, вокругъ ко торой вращались всѣ многочисленные реформы и планы Витте. При ра нообразіи и нерѣдко противорѣчивости средствъ цѣль оставалась одна

По методу дѣйствій прообразомъ Витте являлся тоже Петръ Вели кій. Первый русскій просвѣщенный абсолютистъ имѣлъ въ Витте восто женнаго поклонника. Всѣ симпатіи Витте лежали на сторонѣ самоде жавнаго абсолютизма. Только абсолютизмъ далъ ему возможность осу ществить важнѣйшія реформы—таково было самое задушевное убѣжде ніе Витте. Введеніе золотой валюты многими считается величайшим дѣломъ Витте. Оно было проведено помимо Государственнаго Совѣта съ нарушеніемъ нормальнаго законодательнаго порядка, установленна Основными законами Александра I и Николая I. Введеніе казенной вин ной монополіи—неоднократно говорилъ Витте—возможно было толь при самодержавіи; во Франціи, въ Англіи и въ С. Штатахъ мѣра эт натолкнулась бы на непреодолимое сопротивленіе заинтересованных элементовъ.

По ироніи исторіи или, если угодно, по естественному ходу „діале тическаго“ развитія общественной жизни министру-абсолютисту въ цар ствованіе государя, наиболѣе высоко цѣнившаго самодержавное начал и пришлось подготовить тѣ силы, которыя дѣлаютъ неизбѣжнымъ пере ходъ къ конституціоннымъ порядкамъ. Ростъ общественнаго богатст и знаній, нарожденіе сильныхъ группъ людей, добывающихъ средст къ жизни внѣ службы и землевладѣнія, распространеніе вширь и вглуб образованности, усложненіе оборота, требующее болѣе совершеннаго прочнаго правопорядка и болѣе культурной администраціи,—таковы не обходимыя для перехода къ конституціонному строю условія. С. Ю. Вит много поработалъ для ихъ подготовки. Развитіе классовыхъ противор чій и наличность въ странѣ промышленнаго пролетаріата служатъ не обходимыми средствами и орудіями перехода. „Національная“ политик послѣднихъ лѣтъ XIX вѣка подготовила и эти орудія.

Въ отношеніи къ Витте „ирония исторіи“ зашла такъ далеко, что ему самому пришлось и осуществлять этотъ „переходъ“, играть въ немъ одну изъ самыхъ отвѣтственныхъ ролей. Это случается не часто. Тутъ-то и обнаружилось, что новая роль С. Ю. Витте, тогда уже графу, не по плечу. Ни по своей предыдущей дѣятельности, ни по своему моральному облику Витте не годился въ министры, способные облегчить всегда болѣзненное вступленіе свободныхъ представителей общества въ ряды правящихъ силъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1905 года гр. С. Ю. Витте бывалъ временами прямо жалокъ. Онъ растерялся, не понималъ, ни что вокругъ него творится, ни съ кѣмъ и какъ надо разговаривать. Онъ, оказывается, дѣйствительно вѣрилъ, что послѣ Манифеста 17 октября общество съ возгласами благодарности кинется ему на шею и бурная общественная жизнь превратится въ идиллію. Его оскорбляло, злило, приводило въ недоумѣніе и прямо доводило до слезъ, что этого не случилось. Помню разсказъ покойнаго О. Я. Пергамента, просидѣвшаго у него два часа и со злобой затѣмъ говорившаго: думалъ увидѣть государственнаго человѣка, а нашелъ старую болтливую и слезливую бабу. Отзывъ, быть можетъ, и слишкомъ рѣзкій, но достаточно припомнить наивную телеграмму Витте къ „братцамъ-рабочимъ“, чтобы признать нѣкоторую наличность основаній и для такихъ впечатлѣній. Ни съ земцами, ни съ другими общественными дѣятелями гр. Витте не нашелъ общаго языка. Противъ черносотенцевъ оказался безсиленъ. Теряя довѣріе въ конституціонно-либеральныхъ кругахъ, Витте терялъ въ то же время и всякое вліяніе наверху. Онъ не могъ найти, не могъ дать обществу и народу живого общественнаго дѣла, не сумѣлъ твердою рукой быстро прорыть достаточно глубокіе каналы, по которымъ потекла бы возбужденная энергія. Надо было немедленно дать возможность слагавшимся общественнымъ силамъ открыто проявиться вовнѣ и, ограждая порядокъ на улицахъ, безопасность личности и имуществъ, предоставить своему правильной общественной кристаллизаціи. Задача была огромной трудности, быть можетъ, и вообще невыполнимая. Графу Витте во всякомъ случаѣ она оказалась не по плечу.

Когда гр. Витте понялъ необходимость опереться на какую-либо общественную силу, онъ, во-первыхъ, былъ уже на три четверти лишенъ власти, а, во-вторыхъ, увлекся утопической черносотенно-народнической идеей, что въ Россіи можно поддержать прогрессивный абсолютизмъ, противопоставивъ демократическую, но преданную устоямъ, крестьянскую массу отвлеченно-либеральной интеллигенціи. Утопизмъ этой идеи не замедлилъ обнаружиться. Такой, во всѣхъ отношеніяхъ ниже Витте стоящій человѣкъ, какъ П. А. Столыпинъ, получилъ возможность впослѣдствіи торжествовать легкую побѣду надъ своимъ страш-

нымъ врагомъ. Отвѣчая на одинъ изъ „демократическихъ“ выпадовъ гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ, П. А. Столыпинъ не безъ злорадства напомнилъ ему, что его „карта“ была „бита“ на выборахъ въ первую Государственную Думу.

Послѣдніе годы жизни Витте напоминали угасаніе Бисмарка. То же будированіе, тѣ же постепенно угасавшія порыванія къ власти. Порою онъ наносилъ своимъ врагамъ мощные удары, порою производилъ тягостное впечатлѣніе.

Судьба была относительно милостива къ этому государственному дѣятелю крупнаго калибра. Она послала ему скорую смерть, когда духовныя силы Витте еще не пришли въ разрушеніе. Большимъ человѣкомъ Витте жилъ, большимъ и умеръ и переходитъ теперь въ исторію.

А. С. Изгоевъ.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Мартъ 1915 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика. — Языкознаніе. — Философія и религія. — Исторія. — Политическая экономія, статистика и финансы. — Педагогика и народное образованіе. — Естествознаніе, математика. II. **Книжныя новости.** III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 февраля по 1 марта 1915 года.**

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Письма *Чехова*. Т. V.—*В. Ѳ. Лазурскій*. Курсъ исторіи западно-европейской литературы. Ч. I. Средневѣковая литература. — *А. Шалыгинъ*. Учебный курсъ исторіи русской литературы и хрестоматія.—*А. М. Хиръяковъ*. Очерки исторіи русской литературы.—*Н. М. Мендельсонъ*. Очерки по исторіи русской литературы. Изд. 2-е.

Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Т. V (1897—1899 гг.). Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1915 г. Стр. XV+511. Ц. 2 р.

Пятый томъ писемъ А. П. Чехова въ цѣломъ значительно менѣе интересенъ, чѣмъ предыдущіе тома. На всей корреспонденціи лежитъ отпечатокъ утомленія — не только физическаго (въ 1897 г. у Чехова возобновился туберкулезный процессъ), но и психическаго. Типично „чеховскихъ“ писемъ, брызжущихъ юморомъ, гораздо меньше; веселое, шутливое настроеніе только изрѣдка пробивается въ серьезномъ, мѣстами грустномъ тонѣ его писемъ. Многія письма—чисто дѣловыя (о продажѣ сочиненій издателю Марксу, покупкѣ и постройкѣ дома въ Ялтѣ и пр.). Страннымъ образомъ нѣтъ никакого отклика на тему, которая въ тѣ годы болѣе всего занимала литературную жизнь,—на споръ между „народничествомъ“ и „марксизмомъ“. Наибольшій интересъ представляютъ письма о дѣлѣ Дрейфуса. Чеховъ, какъ извѣстно, разошелся съ Суворинымъ на почвѣ отношенія къ этому дѣлу. Позиція Чехова интересна по тому замѣчательному чутью правды и права, которое онъ здѣсь обнаруживаетъ. Въ борьбѣ партій, разыгравшейся во Франціи, а косвенно и во всей Европѣ въ связи съ этимъ дѣломъ, онъ стоитъ не на сторонѣ той или иной партіи, а на почвѣ права. Онъ не берется категорически рѣшать вопросъ о виновности Дрейфуса, но рѣшительно защищаетъ Зола и всѣхъ сторонниковъ права и гласности. Необыкновенно ярко описываетъ онъ, какъ судебный вопросъ потонулъ въ партійныхъ страстяхъ: „Дрейфусъ—офицеръ, насторожились военные; Дрей-

фусъ—еврей, насторожились евреи... Заговорили о милитаризмѣ, о жидахъ... Заварилась мало-помалу каша на почвѣ антисемитизма, на почвѣ, отъ которой пахнетъ бойней. Когда въ насъ что-нибудь не ладно, то мы ищемъ причинъ внѣ насъ и скоро находимъ: „это французъ гадитъ, это жиды, это Вильгельмъ". ...Это призраки, но зато какъ они облегчаютъ наше безпокойство! Они, конечно, дурной знакъ. Разъ французы заговорили о жидахъ, о синдикатѣ, то это значитъ, что они чувствуютъ себя неладно, что въ нихъ завелся червь, что они нуждаются въ этихъ призракахъ, чтобы успокоить свою взбаламученную совѣсть". То, что въ этихъ сужденіяхъ говоритъ только чистое чувство права, обнаруживается въ сужденіи Чехова по другому поводу, косвенно связанному съ этой борьбой партій. Въ 1899 г. былъ затѣянъ либеральными литераторами „судъ чести" надъ А. С. Суворинымъ. Рѣзко осуждая политическое направленіе *Новаго Времени* и уже разойдясь съ Суворинымъ на этой почвѣ, Чеховъ столь же рѣзко осуждаетъ и „судъ чести". Онъ отрицательно относится и къ самой идеѣ суда чести у литераторовъ, не составляющихъ обособленной корпораціи, и рѣшительно возстаетъ противъ суда чести за высказанныя въ печати мнѣнія, усматривая въ этомъ явное „покушеніе на свободу слова".—Съ точки зрѣнія эстетическихъ взглядовъ Чехова интересны нѣкоторыя его письма къ М. Горькому, въ которыхъ онъ настаиваетъ на необходимости „сдержанности", чувства мѣры, въ художественныхъ описаніяхъ, и автобіографическая замѣтка въ письмѣ къ Г. И. Россолимо, въ которой подчеркивается значеніе научнаго образованія для художественнаго творчества. Въ этомъ томѣ, какъ и въ предыдущемъ, встрѣчается также много интересныхъ свидѣтельствъ общественной дѣятельности Чехова, которая вытекала у него не изъ политическихъ убѣжденій или вообще какихъ-либо отвлеченныхъ идей, а изъ непосредственнаго живого, человѣчнаго чувства къ интересамъ и потребностямъ среды.

Къ книгѣ приложено много любопытныхъ фотографическихъ снимковъ.

Почитатель.

В. Ѳ. Лазурскій. **Курсъ исторіи западно-европейской литературы. Ч. I. Средневѣковая литература. Одесса, 1913 г. Стр. 230.**

Въ нашей ученой и учебной литературѣ существовалъ до сихъ поръ большой пробѣлъ: отсутствовалъ общій, хотя бы самый элементарный, обзоръ исторіи западно-европейской литературы. Между тѣмъ, потребность въ немъ чувствовалась весьма сильная. Невозможно было, напримѣръ, указать удовлетворительнаго пособія къ общему курсу, читаемому въ университетахъ. „Всеобщая исторія литературы" подъ редакціей В. Корша и А. Кирпичникова (1880—92 гг.) частями значительно устарѣла и вышла изъ продажи. Единственная подходящая книга, „Очеркъ исторіи западно-европейской литературы" проф. Н. Стороженка (3 изд., Москва, 1912 г.), страдаетъ отрывочностью и неполнотой: напримѣръ, Тассо и Аріосто въ ней ни словомъ не упомянуты. Попытка заполнить этотъ пробѣлъ составляетъ заслугу прив.-доц. новороссійскаго университета В. Лазурскаго. Пока вышла первая часть его „Курса", посвященная средневѣковой литературѣ. За нею должны послѣдовать другія, въ которыхъ курсъ будетъ доведенъ до середины XIX вѣка. Къ сожалѣнію, въ вышедшемъ выпускѣ можно встрѣтить

немало пропусковъ и погрѣшностей. При всемъ стремленіи къ систематичности изложенія авторъ не даетъ картины литературной эволюціи. Смѣна направленій охарактеризована имъ довольно слабо. Мы не встрѣчаемъ не только опредѣленія такихъ направленій, какъ „куртуазность“ или „сладкій новый стиль“ (dolce stil nuovo Данте), но даже самихъ этихъ терминовъ. Мало вниманія удѣлено случаямъ литературнаго вліянія одного народа на другой. Ничего не сказано о проникновеніи поэзіи трубадуровъ на Пиренейскій полуостровъ и въ Италію; ничего о переводахъ французскихъ романовъ на другіе европейскіе языки. Кромѣ Франціи, которой удѣлено болѣе всего мѣста и отчасти Германіи, не дано изображенія состоянія литературы ни въ одной изъ отдѣльныхъ странъ. Изъ испанской литературы разобранъ лишь „Сидъ“, изъ англо-саксонской — „Беовульфъ“, изъ скандинавской — „Эдды“. Получается странное впечатлѣніе, будто у всѣхъ этихъ народовъ ничего, кромѣ эпоса не было. Такимъ образомъ, остались безъ упоминанія такія важныя явленія, какъ скандинавскія саги и поэзія скальдовъ. Краткое упоминаніе о важнѣйшихъ изъ опущенныхъ явленій могло бы быть сдѣлано безъ чрезмѣрнаго увеличенія объема книги. Его можно было бы отчасти компенсировать сокращеніемъ слишкомъ подробныхъ пересказовъ нѣкоторыхъ поэмъ и „Божественной комедіи“. Но и въ обзорѣ эпоса встрѣчаются недочеты. Недостаточно оцѣнены работы Бедье, объясняющаго французскій эпосъ, какъ соціальное явленіе XII вѣка. Ложно построена вся глава объ испанскомъ эпосѣ. Въ основу положенъ разборъ романсовъ, какъ самыхъ древнихъ памятниковъ. На самомъ дѣлѣ, давно уже выяснено, что первые романсы появились не ранѣе XV вѣка. Свѣдѣнія автора изъ исторической поэтики отличаются сбивчивостью; иногда онъ смѣшиваетъ жанры. Изъ того, что проповѣдники IX вѣка упрекали свою паству за пристрастіе къ какимъ-то fabulae inanes, нельзя дѣлать вывода, что фабліо (т.-е. особый литературный жанръ) существовалъ „гораздо раньше“ XIII вѣка. Не удовлетворяетъ глава о Данте. Несмотря на свой значительный объемъ, она не даетъ цѣльной характеристики ни поэзіи, ни личности Данте. Гордое и скорбное „far parte per sè stesso“ поэта фальшиво истолковано такъ: „Данте хотѣлось создать собственную партію“. Не разъяснена ни конструкція, ни смыслъ названія „Vita Nuova“. Ни „Пиръ“, ни „Трактатъ о краснорѣчіи на народномъ языкѣ“ не упомянуты вовсе. Изъ отдѣльныхъ мелкихъ ошибокъ отмѣтимъ, какъ наиболѣе досадныя: друиды названы пѣвцами; возникновеніе романовъ Круглаго Стола отнесено къ XIII вѣку, вмѣсто XII. Весьма часто встрѣчаются искаженія собственныхъ именъ: Гильдра, Бальдуръ, Санхо, Марвейль, Рембо Оранскій, Вельдеке, вмѣсто Гильда, Бальдръ, Санчо, Марюейль, Оранжскій, Фельдеке; хуже всего—Негри, вмѣсто Нери (итал. Neri=Черные, названіе политической партіи въ эпоху Данте). Это объясняется, повидимому, недостаточнымъ знакомствомъ автора со старыми европейскими языками. Еще сильнѣе сказывается оно въ тѣхъ зачастую невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ сообщаетъ относительно происхожденія романскихъ языковъ. Провансальскій языкъ оказывается „французскимъ нарѣчіемъ“; отъ языка сѣверной Франціи онъ сильно отличается „вслѣдствіе близости къ Италіи“, и стоитъ ближе къ латинскому языку. На самомъ дѣлѣ, всѣ романскіе языки—отпрыски одного

источника—вульгарной латыни, отъ которой они отдалились въ силу органическаго развитія, приблизительно въ равной степени. Несмотря на всѣ перечисленные недостатки, работа г. Лазурскаго является единственнымъ для своей области и весьма полезнымъ пособіемъ. Книга написана яснымъ и легкимъ языкомъ и доступна самому неподготовленному читателю.

А. А. Смирновъ.

А. Шалыгинъ. **Учебный курсъ исторіи русской литературы (отъ Петра Великаго до смерти Пушкина) и хрестоматія. Петроградъ, 1915 г. Стр. 332+247. Ц. 1 р. 80 к.**

Въ педагогической средѣ г. Шалыгинъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ хорошаго учебнаго пособія по теоріи словесности. Теперь онъ выступаетъ съ учебникомъ по исторіи русской литературы. Къ сожалѣнію, передъ нами не полный учебный курсъ, а только часть его, и притомъ средняя. Это, несомнѣнно, затруднитъ введеніе книги въ учебный обиходъ, такъ какъ перемѣна учебниковъ въ серединѣ курса всегда неудобна и для учащихся, и для преподавателя. Это же мѣшаетъ и намъ составить совершенно отчетливое и законченное представленіе о педагогическихъ качествахъ новой учебной книги. Въ предѣлахъ же даннаго матеріала можно сказать, что опытъ г. Шалыгина удаченъ и вполнѣ заслуживаетъ вниманія педагоговъ. Въ основу изложенія положенъ здравый принципъ. „Руководство,—пишетъ авторъ въ предисловіи,—составлено съ тѣмъ расчетомъ, чтобы отвѣтъ ученика по словесности составлялся не только изъ того, что находится въ учебникѣ, но также изъ того, что онъ извлекъ, читая самыя произведенія. Извѣстно, что ученикъ нерѣдко предпочитаетъ ограничиваться первымъ и знакомиться съ произведеніями по пересказамъ, помѣщаемымъ иногда въ учебникахъ“. Дѣйствительно, многіе учебники, особенно, кажется, учебникъ по литературѣ XIX вѣка В. Ѳ. Саводника, составлены такъ, что прямо отучаютъ школьника отъ непосредственнаго изученія поэтическихъ произведеній. Авторъ справедливо называетъ это „вреднѣйшимъ явленіемъ“ и, чтобы помѣшать ему, въ своей книгѣ „избѣгалъ пересказовъ и даже длинныхъ цитатъ, замѣняя послѣднія подробными ссылками на произведеніе; мало того, разборы главныхъ произведеній составлены такъ, что даже непонятны тому, кто не имѣетъ передъ собою ихъ текста“. Для даннаго учебника это тѣмъ удобнѣе, что вмѣстѣ съ нимъ напечатана и хрестоматія, на страницы коей постоянно ссылается авторъ въ учебникѣ. Такой пріемъ проведенъ черезъ все изложеніе и, несомнѣнно, составляетъ самое большое достоинство книги. Кромѣ того, авторъ обладаетъ вкусомъ и чуткостью къ художественнымъ формамъ и психологическому содержанію поэзіи; въ книгѣ разсѣяно немало оригинальныхъ и мѣткихъ сужденій, способныхъ заинтересовать не только ученика, но и взрослаго читателя, и освѣжающихъ изложеніе. Г. Шалыгинъ стремится также сохранить разумную мѣру въ выборѣ фактическаго матеріала и не загромождаетъ разсказа мелкими подробностями. Въ результатѣ получается бо́льшая компактность, и то, что у Саводника занимаетъ 450 страницъ, здѣсь изложено на 330.

Все это производитъ пріятное впечатлѣніе и говоритъ въ пользу книги. Но есть въ ней особенности, понижающія примѣнимость ея какъ учебника. Во-первыхъ, въ выборѣ матеріала слѣдовало быть еще строже.

Надо было отрѣшиться отъ старой манеры превращать исторію литературы въ исторію культуры русской и даже общеевропейской и предоставить говорить объ эмпиризмѣ, бэконовской теоріи индукціи, деизмѣ и другихъ матеріяхъ важныхъ авторамъ учебниковъ по всеобщей исторіи; русскому историку (если не юристу) слѣдовало предоставить разсуждать объ иностранныхъ источникахъ „Наказа“ и о томъ, какія именно его статьи о чемъ говорятъ (см. у Шалыгина стр. 75—82). Затѣмъ, иногда вызываетъ возраженіе неравномѣрность въ свѣдѣніяхъ о писателяхъ и литературныхъ явленіяхъ и ихъ неправильное размѣщеніе. Глава одиннадцатая называется: „Комедія XVIII вѣка“, но въ ней характеризуются только теоретическіе взгляды Лукина да комедія Екатерины II: „О, время!“. Неожиданно встрѣчаемъ свѣдѣнія о комической оперѣ въ XIII главѣ, съ очень неопредѣленнымъ названіемъ: „Признаки новой эпохи“, причемъ такими „признаками“ почему-то сочтены только историческія драмы императрицы Екатерины II, комическія оперы, „Душенька“ Богдановича, „интересъ къ народности“ и „итоги романа“. Г. Шалыгинъ отказывается превращать учебникъ въ сборникъ критическихъ статей, и совершенно правъ въ этомъ. И все-таки его изложеніе недостаточно строго и сжато и порою сбивается на отрывочную, непринужденную бесѣду о писателѣ или произведеніи. Недостаточно точенъ и ясенъ и языкъ книги. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „одно изъ наиболѣе личныхъ произведеній Державина“; „разстояніе между лучшими и худшими мѣстами въ стихахъ Державина было громадно“; „отчужденіе образованнаго круга въ карамзинскомъ духѣ отъ народа“; „его послѣдующія начала работъ“; жизнь Грибоѣдова въ Петербургѣ „окончилась дуэлью со смертельнымъ исходомъ, въ которой онъ былъ секундантомъ“; Грибоѣдовъ же „былъ сознательно на первомъ планѣ сатирикъ“. Такихъ шероховатостей и неряшествъ очень много.

Если учебникъ страдаетъ нѣкоторыми излишествами, то, наоборотъ, хрестоматія слишкомъ скупа. Въ ней дано только то, что непосредственно примыкаетъ къ параграфамъ учебника. Но вѣдь ученикъ могъ бы прочесть кое-что и самостоятельно; съ другой стороны, и для преподавателя насильственно суживается выборъ матеріала для класснаго изученія. Есть въ хрестоматіи и еще промахъ: ни одно произведеніе въ ней не датировано. Нѣтъ нужды заставлять учениковъ зазубривать даты рѣшительно всѣхъ изучаемыхъ памятниковъ, но многое слѣдуетъ запомнить, и этому должна помогать и хрестоматія.

Однако, за вычетомъ этихъ недостатковъ книга г. Шалыгина можетъ быть рекомендована преподавателямъ словесности, какъ добросовѣстный, полезный трудъ.

Н. Пиксановъ.

А. М. Хирьяковъ. **Очерки исторіи русской литературы. Съ портретами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М., 1913 г. Стр. 223. Ц. 50 к.**

Н. М. Мендельсонъ. **Очерки по исторіи русской литературы. Съ портретами въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное. Книгоиздательство „Польза“ В. Антикъ и К°. Москва, 1913 г. Стр. 251. Ц. 1 р. 25 к.**

Научная исторіографія русской художественной литературы быстро возрастаетъ; интересы средней школы и читателей, ищущихъ серьезнаго самообразовательнаго чтенія, также обслуживаются недурно; но

чѣмъ ниже спускаемся мы къ народной школѣ и читателямъ ея уровня, тѣмъ быстрѣе скудѣетъ запасъ соотвѣтствующихъ изданій. Отчасти это естественно и понятно: исторія литературы не поддается крайней популяризаціи. Но въ нѣкоторой мѣрѣ отвѣтственны здѣсь и дѣятели народнаго просвѣщенія; слѣдовало бы приложить въ этой области больше энергіи и труда. Правда, мы имѣемъ здѣсь нѣсколько попытокъ; таковы, наприм., широко извѣстная книжка В. П. Острогорскаго: „Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей", „Исторія русской литературы для школъ и народа" Вл. Н. Ладыженскаго, „Русскіе писатели со временъ Петра Великаго и до нашихъ дней" А. М. Скабичевскаго. Но этихъ книжекъ, конечно, недостаточно. Навстрѣчу народному читателю выступаютъ теперь А. М. Хирьяковъ и Н. М. Мендельсонъ. Обѣ книжки изданы очень опрятно и снабжены отчетливыми рисунками. Оба автора одинаково добросовѣстно отнеслись къ своей задачѣ; они старались излагать свой предметъ возможно проще и доступнѣе и не допустили крупныхъ фактическихъ погрѣшностей. Что касается объема содержанія, то слѣдуетъ отмѣтить, что г. Хирьяковъ удѣлилъ гораздо больше вниманія устной словесности, зато исторію литературы кончаетъ Пушкинымъ; у г. Мендельсона, наоборотъ, устная и старая словесность изложены очень бѣгло, зато обзоръ писателей доведенъ до Чехова и Максима Горькаго. Хотѣлось бы пожелать обѣимъ книжкамъ доступа къ народному, т.-е. сельскому, читателю; но слѣдуетъ сказать, что написаны онѣ всетаки слишкомъ трудно—обычнымъ нашимъ литературно-интеллигентскимъ языкомъ, съ излишествомъ иностранныхъ и мудреныхъ словечекъ, съ ссылками на такіе факты и явленія, которые завѣдомо неизвѣстны читателю, и т. д. Книжка для народа должна быть написана иначе. Но „Очерки" г. Мендельсона выходятъ вторымъ изданіемъ, значитъ, нашли своего читателя. Думается, таковымъ является читатель городской и фабричный, съ образовательнымъ уровнемъ, примѣрно, городского училища; нуждамъ такого же читателя отвѣтитъ и книжка г. Хирьякова.

Н. Пиксановъ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Проф. Е. Ѳ. Будде. Русскій языкъ.—*К. М. Т.* О доисторическомъ языкѣ Закавказья.

Проф. Е. Ѳ. Будде. **Русскій языкъ. Изд. кн. маг. Маркелова и Шаронова, 2-е. Казань, 1914 г. Стр. 183+III. Ц. 2 р.**

Это—курсъ, читанный извѣстнымъ казанскимъ профессоромъ Е. Ѳ. Будде въ 1911—12 учебномъ году на педагогическихъ курсахъ. Вышедшее въ мартѣ 1913 г. первое изданіе (въ количествѣ только 250 экз.) быстро разошлось, такъ что къ осени потребовалось второе, которое и вышло безъ всякихъ измѣненій. Курсъ разсчитанъ на людей, получившихъ уже нѣкоторую спеціальную подготовку. Главная цѣль книги—помочь „преподавателю-практику освѣтить лингвистическій матеріалъ, введенный въ программу средняго образованія, свѣтомъ научнаго языкознанія и тѣмъ содѣйствовать осмысленію и упорядоченію нашей рутинной школьной „грамматики" отечественнаго языка и сближенію средней и низшей школы съ университетской наукой о языкѣ"

(стр. 5). Поэтому много мѣста удѣлено авторомъ вопросу о нашей орѳографіи и историческому его освѣщенію. Затѣмъ слѣдуетъ историческій и теоретическій анализъ звуковъ русскаго языка. Здѣсь профессоръ Е. Будде является сторонникомъ взглядовъ акад. А. А. Шахматова, на курсъ котораго по исторіи русскаго языка часто и ссылается.

Очень интересенъ и очень важенъ послѣдній отдѣлъ книги, посвященный вопросамъ объ „участіи психическихъ факторовъ въ жизненныхъ процессахъ языка". Центральный вопросъ—о закономѣрности явленій аналогіи, породившій большую литературу и отграничившій школу неофилологовъ отъ прежнихъ теорій—рѣшается авторомъ въ духѣ новыхъ воззрѣній: „всѣ подобные процессы въ языкѣ протекаютъ закономѣрно, и... случайность результатовъ ихъ только кажущаяся". Другой кардинальный вопросъ—о причинахъ измѣненія звуковъ самихъ по себѣ—разрѣшается въ духѣ теоріи Вильг. Вундта („Völkerpsychologie"), въ противоположность индивидуалистическимъ теоріямъ Германа Пауля („Prinzipien der Sprachgeschichte") и Дельбрюка.

Б. Эйхенбаумъ.

К. М. Т. **О доисторическомъ языкѣ Закавказья. (Изъ матеріаловъ по исторіи и языкознанію Кавказа.) Изданіе автора. Тифлисъ, 1913 г. Стр. 117.**

Авторъ брошюры ставитъ себѣ цѣль путемъ сопоставленія чеченскаго языка съ языкомъ ванскихъ клинообразныхъ надписей установить доисторическій языкъ Закавказья. Онъ относится любовно къ своей задачѣ и на ея исполненіе истратилъ не мало труда. Къ сожалѣнію, вся эта работа пропадаетъ даромъ, такъ какъ авторъ, очевидно, совершенно неподготовленъ къ лингвистическимъ изслѣдованіямъ. Ясно, что для доказательства родства современнаго чеченскаго языка съ древнимъ ванскимъ, и тѣмъ болѣе для установленія доисторическаго языка Закавказья нужна огромная предварительная работа. Но авторъ работаетъ при помощи случайно подобранныхъ общихъ историческихъ указаній, подкрѣпляемыхъ произвольными сравненіями словъ и корней. Онъ какъ будто не подозрѣваетъ, что теперешніе кавказскіе языки принадлежатъ къ различнымъ группамъ, и что нельзя безъ очень сложныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ утвердить тождество чеченскаго корня съ грузинскимъ или армянскимъ, и затѣмъ съ однимъ изъ словъ еще очень неувѣренно разобранныхъ на ванскихъ надписяхъ. Онъ беретъ изъ чеченскаго явно заимствованныя слова, наприм., татарское слово „ахча" (деньги), и находя въ нихъ примитивные чеченскіе корни, уходитъ съ ними далеко и свободно въ область сравненія. Очевидно, онъ незнакомъ съ нѣкоторыми основными работами по кавказской лингвистикѣ, наприм., съ изслѣдованіями проф. Н. Я. Марра, доказавшаго генетическую связь между грузинскимъ и армянскимъ, съ одной стороны, и семитическими языками—съ другой. Между тѣмъ, только исходя изъ работъ профессора Марра, можно было бы приняться за изслѣдованіе вопроса о выясненіи возможной связи между другими кавказскими и малоазіатскими языками. Словомъ, работа. К. М. Т., несмотря на всю видимую осторожность изложенія, работа чисто дилетантская и не имѣетъ ни малѣйшей научной цѣнности. Кавказская лингвистика открываетъ такія заманчивыя перспективы и возбуждаетъ, и не безъ основанія, такія надежды

на разрѣшеніе тайнъ древней исторіи Малой Азіи, что немудрено, что и дилетанты какъ мѣстные, такъ и иностранные, бросаются съ жаромъ въ эту область. Но нѣтъ области, гдѣ дилетантство менѣе умѣстно, чѣмъ здѣсь. Догадки тутъ не нужны. Онѣ уже существуютъ въ достаточномъ количествѣ. Необходимо прежде всего тщательное, безусловно научное изслѣдованіе отдѣльныхъ группъ, и только впослѣдствіи можно приняться съ успѣхомъ за болѣе широкія сопоставленія и сравненія.

Г. Вильямсъ.

ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ.

М. В. Лодыженскій. Мистическая трилогія. Темная сила.—*Александръ Герасимовичъ.* Творящее въ религіи. Религія на зарѣ культуры.

М. В. Лодыженскій. **Мистическая трилогія. (Томъ третій.) Темная сила. Петроградъ, 1914 г. Стр. 328. Ц. 2 р.**

„Темная сила"—книга вполнѣ равноцѣнная первымъ двумъ частямъ трилогіи „Сверхсознаніе" и „Свѣтъ незримый",—о которыхъ мы въ свое время давали уже отзывъ на страницахъ *Русской Мысли.* Здѣсь авторъ обнаружилъ то же мастерство подбора цитатъ и обширныхъ выписокъ, дающихъ и канву, и основной узоръ его весьма интереснаго и живого развитія темы. Правда, работая надъ первыми двумя книгами, гдѣ авторомъ описывались по преимуществу проявленія свѣтлой силы христіанства, онъ имѣлъ передъ глазами кристальной чистоты источникъ этой силы въ видѣ святоотеческой литературы, главнымъ образомъ, пятитомное „Добротолюбіе". Такъ какъ адептамъ темной силы не удалось еще пока опубликовать аналогичное руководство, то можно было опасаться, что тотъ типъ религіозной хрестоматіи, къ которому приближаются его первыя двѣ книги, на этотъ разъ автору не удастся. Однако это опасеніе не оправдалось. Какъ изъ свѣтской, такъ и религіозной литературы автору удалось собрать весьма характерный гербаріумъ „цвѣтовъ зла".

Онъ прекрасно использовалъ и описанія экзотическаго сатанизма у Гюисманса, и не лишенныя жизненной правдивости повѣсти Л. Андреева и Арцыбашева. Больше всего, конечно, далъ ему Достоевскій. По крайней мѣрѣ отъ него, повидимому, авторъ заимствовалъ одну изъ удачнѣйшихъ мыслей своей книги объ „инфекціонномъ" распространеніи духовнаго зла. Авторъ привлекъ къ своему разсмотрѣнію не только образы и идеи художественной литературы, но и свидѣтельства непосредственной жизни, пользуясь біографіями, житіями святыхъ, матеріалами по сектантству и т. п. Какъ и въ первыхъ двухъ книгахъ, авторъ, не давая по существу никакихъ новыхъ точекъ зрѣнія и рѣшеній, прекрасно уясняетъ, интерпретируетъ, сопоставляетъ и связываетъ въ нѣкоторое органическое единство то цѣнное и жизненно-многозначительное, что онъ нашелъ у другихъ писателей. Вообще книга автора вполнѣ удовлетворяетъ, насколько дѣло идетъ объ описаніи и, такъ сказать, классификаціи зла въ его *индивидуальныхъ* проявленіяхъ въ человѣческой средѣ. Но уже зло коллективныхъ формъ не вошло въ кругъ его изслѣдованій. Также авторъ совсѣмъ миновалъ весьма важный въ наше время вопросъ о злѣ „подъ видомъ добра".

Впрочемъ, быть можетъ, и къ лучшему. Это тема слишкомъ большая, слишкомъ отвѣтственная и, пожалуй, еще слишкомъ новая, несмотря на то, что она ясно предуказана Евангеліемъ. Но хотя многіе вопросы первостепенной важности авторомъ даже еще и не поставлены, онъ заслуживаетъ полной признательности и за то, что имъ уже сдѣлано. Его книги, доступныя пониманію широкихъ массъ, всякому даютъ здоровую духовную пищу: однихъ онѣ религіозно заинтересовываютъ, другихъ научаютъ и освѣдомляютъ, третьимъ даютъ точку отправленія и матеріалъ для движенія впередъ, четвертымъ напоминаютъ о томъ, о чемъ всегда помнить надлежитъ, пятыхъ просто нравственно согрѣваютъ своимъ искреннимъ доброжелательнымъ и религіозно-спокойнымъ тономъ. Книги Лодыжевскаго въ концѣ-концовъ учатъ религіозно понимать и чувствовать жизнь. Въ такихъ книгахъ Россія теперь нуждается болѣе чѣмъ когда-либо.

С. Аскольдовъ.

Александръ Герасимовичъ. **Творящее въ религіи. Религія на зарѣ культуры. Этюдъ матеріалистическаго истолкованія исторіи религіи. Спб., 1914 г. Стр. 146. Ц. 1 р.**

Попытка научнаго разсмотрѣнія генезиса религіозной жизни представляетъ въ современной русской литературѣ явленіе столь рѣдкое, что авторъ, поставившій себѣ такого рода задачу, во всякомъ случаѣ имѣетъ право на вниманіе. И къ вниманію невольно присоединяется симпатія, если читатель видитъ, что мысль писателя движется внѣ заѣзженныхъ путей. Несмотря на подзаголовокъ, упоминающій о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, книжка г. Герасимовича выгодно отличается отъ писаній на ту же тему, принадлежащихъ перу эпигоновъ нашего марксизма. Александръ Герасимовичъ добросовѣстно стремится мыслить самостоятельно, и конструкція, имъ предложенная, не лишена логическаго изящества и законченности.

Къ несчастію, самостоятельнаго научнаго значенія работа г. Герасимовича не имѣетъ вслѣдствіе совершенно недостаточнаго знакомства автора съ литературой вопроса. Весьма смѣлые выводы книги построены на основаніи трудовъ общаго характера, и къ тому же трудовъ большею частью устарѣлыхъ. Религіозно-этнографическіе факты г. Герасимовичъ черпаетъ почти исключительно изъ извѣстнаго сочиненія Альбера Ревилля „Les Religions des peuples non-civilisés“. Лишь иногда, въ видѣ вспомогательныхъ пособій, выступаютъ „Антропологія“ Вайца, „Этнографія“ Харузина, учебникъ Шантепи де ля Соссея, работы Тэйлора, Лёббока и Мензиса, котораго г. Герасимовичъ подвергаетъ вполнѣ заслуженной критикѣ. Но Ревилль стоитъ на первомъ мѣстѣ. Г. Герасимовичъ неизмѣнно цитируетъ его, формулируя свои теоретическія положенія.

Входить въ подробный разборъ этихъ положеній нѣтъ никакой надобности, ибо совершенно очевидно, что они лишены какого-либо солиднаго фундамента. Книга Ревилля, компилятивная и эклектическая, годится для первоначальнаго ознакомленія съ предметомъ, но, опираясь на нее, нельзя строить никакихъ прочныхъ дальнѣйшихъ выводовъ. Г. Герасимовичъ игнорируетъ всю новѣйшую англо-французскую литературу о первобытной религіи. А между тѣмъ основательное изученіе монографическаго матеріала является необходимымъ условіемъ

научнаго характера работы. При отсутствіи такого изученія авторъ рискуетъ открыть уже открытую Америку или, наоборотъ, заблудиться въ трехъ соснахъ. Этой участи не избѣжалъ и г. Герасимовичъ. Такъ, говоря о тотемизмѣ, онъ, повидимому, не подозрѣваетъ всей сложности и трудности этой проблемы. Онъ смѣшиваетъ воедино религію и магію, считая почему-то нѣкоторыя, несомнѣнно магическія операціи „богоборчествомъ". Анимизмъ и натуризмъ представляются ему двумя различными порядками религіозныхъ представленій, тогда какъ, по существу, это не болѣе, какъ двѣ теоріи, предложенныя современными учеными для истолкованія религіозной жизни на низшихъ ступеняхъ культуры. Мелкіе и крупные промахи въ этомъ родѣ встрѣчаются почти въ каждой главѣ.

Книжка г. Герасимовича, написанная языкомъ живымъ и образнымъ, можетъ быть прочитана не безъ интереса, но къ тезисамъ ея нужно относиться съ большой осторожностью.

П. Губеръ.

ИСТОРІЯ.

Инна Любименко. Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей. Вып. I. XVI вѣкъ.— Studies in the History of English Commerce in the Tudor Periode.—*W. R. Scott.* The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720.— *William Page.* The Russia Company from 1553 to 1660.

Инна Любименко. **Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей. Вып. I. XVI вѣкъ. Юрьевъ, 1912 г. Ц. 1 р.**

Studies in the History of English Commerce in the Tudor Period. University of Pennsylvania. New-York, 1912.

Работа г-жи Любименко, являясь, какъ видно изъ предисловія, первой частью задуманнаго авторомъ большого труда по исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей, несомнѣнно представляетъ собою цѣнный вкладъ въ историческую литературу. Если не считать введенія, предпосланнаго проф. Мартенсомъ къ IX тому „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами" и небольшой статьи E. Zweig'a „Die Entstehung und Organisation der englisch-russischen Handelsbeziehungen in der zweiten Hälfthe des 16 Jahrhunderts" (Beiträge zur russischen Geschichte, Otto Hötsch, Berlin, 1907), то можно сказать, что до послѣдняго времени этотъ въ высшей степени интересный вопросъ отечественной исторіи почему-то очень мало обращалъ на себя вниманіе историковъ и не подвергался всестороннему монографическому обслѣдованію, ибо изданная въ 1865 г. работа академика Гамеля „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст.", какъ справедливо замѣчаетъ г-жа Любименко, не отличается цѣльностью, а вышедшая въ 1875 г. книга Юрія Толстого „Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей", хотя и заключаетъ въ себѣ весьма интересное предисловіе, есть въ сущности не что иное, какъ собраніе цѣнныхъ матеріаловъ, подлежащихъ дальнѣйшей обработкѣ. Въ качествѣ источниковъ для своей работы г-жей Любименко использованы не только изданные матеріалы русскихъ и англійскихъ архивовъ и много затрогивающихъ настоящій вопросъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ историковъ, но и неопубликованные до сихъ поръ матеріалы, которые най-

ены авторомъ въ вышеупомянутыхъ архивахъ и частью напечатаны имъ въ качествѣ приложеній къ рецензируемой работѣ.

Поставивъ во главу англо-русскихъ торговыхъ сношеній исторію Русской или Московской компаніи, авторъ даетъ намъ всестороннее описаніе торговой дѣятельности англичанъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ. Особенный интересъ представляютъ главы первая и вторая, гдѣ, между прочимъ, содержатся свѣдѣнія о внутренней организаціи компаніи, о правахъ и обязанностяхъ ея членовъ, о служащихъ компаніи въ Россіи и о ея торговой организаціи, которую авторъ признаетъ построенной по принципу акціонерному (Joint-Stock Company).

Главы третья и четвертая заключаютъ въ себѣ разборъ привилегій компаніи, данныхъ ей московскими царями. Между прочимъ, авторъ указываетъ на умѣнье англичанъ ладить съ русскимъ населеніемъ, такъ что для XVI вѣка до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о серьезныхъ столкновеніяхъ между ними и русскимъ народомъ. Въ то же время авторъ отмѣчаетъ своеобразное вліяніе на англичанъ ихъ полувѣковой жизни въ Россіи: „въ ихъ письмахъ къ царю появляются обороты, свидѣтельствующіе о вырожденіи у нихъ ихъ національной гордости и достоинства свободнаго гражданина". Они называютъ себя „вѣрными холопами царя" и „со смиреніемъ склоняются подъ его ноги".

Въ пятой главѣ находимъ характеристику Англіи XVI вѣка въ торговомъ отношеніи, а слѣдующая, шестая глава разсматриваетъ предметы англо-русской торговли. Посвятивъ послѣднія двѣ главы (седьмую и восьмую) подробному обзору препятствій для дѣятельности компаніи въ Россіи (трудность сѣвернаго плаванія, плохіе пути сообщенія въ Россіи, некультурность ея обитателей, безпорядки въ самой компаніи, конкуренція нелегальныхъ купцовъ и враждебное отношеніе къ англо-русской торговлѣ другихъ иностранцевъ), приведшихъ дѣла компаніи къ концу XVI ст. въ серьезное разстройство, авторъ въ своемъ заключеніи не соглашается съ мнѣніемъ русскихъ историковъ о томъ, будто Англія только эксплоатировала Россію, не давая ей ничего взамѣнъ. По мнѣнію г-жи Любименко, достигнутые компаніей успѣхи и пріобрѣтенные барыши врядъ ли были на высотѣ затратъ, тогда какъ Россія извлекала большую пользу изъ этой торговли, не только получая безъ помѣхи нужные ей товары, военные припасы и мастеровъ, но и вообще подвергаясь вліянію высшей культуры.

Высказанное г-жей Любименко въ предисловіи къ ея работѣ мнѣніе о томъ, что, благодаря возрастанію у западныхъ историковъ интереса къ русской исторіи, слѣдуетъ ожидать скораго появленія въ иностранной литературѣ труда, посвященнаго англо-русскимъ сношеніямъ, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ одновременномъ выходѣ въ свѣтъ въ Америкѣ изданной пенсильванскимъ университетомъ книги подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, заключающей въ себѣ три докторскихъ работы, изъ которыхъ первыя двѣ имѣютъ своимъ предметомъ дѣятельность Московской компаніи въ XVI ст. по торговлѣ съ Россіей и Персіей и по открытію новыхъ земель, а третья посвящена вопросу о балтійской торговлѣ Англіи за тотъ же періодъ времени.

Первый очеркъ Arm. J. Gerson'а подъ заглавіемъ „The Organization and Early History of the Muscovy Company" написанъ на основаніи однихъ лишь печатныхъ источниковъ, большая часть которыхъ извѣстна

и г-жѣ Любименко, причемъ авторомъ не использованы ни русская литература (кромѣ книги Толстого), ни неизданные матеріалы русскихъ и англійскихъ архивовъ. Поэтому сообщаемыя въ этомъ очеркѣ свѣдѣнія о торговой дѣятельности Московской компаніи не всегда отличаются той полнотой, какую мы находимъ у г-жи Любименко. Тѣмъ не менѣе очеркъ г. Gerson'а очень интересенъ и можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ работѣ г-жи Любименко, такъ какъ нѣкоторые вопросы (напримѣръ, экспедиція Виллогби, доказательство организаціи компаніи по принципу Joint-Stock Company, привилегіи компаніи отъ англійскаго правительства, участіе компаніи въ дипломатическихъ сношеніяхъ между обѣими державами) изложены въ немъ гораздо полнѣе. Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ очеркѣ г. Gerson'а содержатся любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности Московской компаніи по изысканію новаго морского пути въ Китай въ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ направленіяхъ отъ Англіи.

Что касается торговли компаніи съ Персіей, то вопросъ этотъ у г. Gerson'а разработанъ очень мало. Указанный недостатокъ восполняется слѣдующимъ очеркомъ г. E. Vaughn подъ заглавіемъ „English Trading Expeditions into Asia under the Authority of the Muscovy Company (1557—1581)". Въ этомъ очеркѣ заключается подробное описаніе предпринятыхъ Московской компаніей въ періодъ времени съ 1557 по 1581 гг. попытокъ учредить постоянную торговлю съ Персіей черезъ Россію, а также открыть путь въ Китай (Cathay), Индію и къ Персидскому заливу. Представляя самъ по себѣ глубокій интересъ для лицъ, изучающихъ исторію англійской торговли, очеркъ этотъ въ то же время снабженъ цѣнными библіографическими указаніями по вопросу объ англо-персидской торговлѣ въ XVI ст.

Третій очеркъ N. R. Deardorff подъ заглавіемъ „English Trade in the Baltic during the Reign of Elizabeth" представляетъ собою основанное на англійскихъ архивныхъ источникахъ изслѣдованіе торговли англичанъ въ XVI ст. съ прибалтійскими странами: Пруссіей, Польшей, Ливоніей и Эстоніей.

Вообще всѣ эти три очерка даютъ превосходное понятіе о той кипучей энергіи, какую проявила Англія во второй половинѣ XVI ст., поставивъ себѣ задачей развить и укрѣпить свою внѣшнюю торговлю. И нельзя не согласиться съ авторомъ предисловія къ помянутымъ очеркамъ, профессоромъ Edw. P. Cheyney, въ томъ, что если бы исторія англійскихъ компаній въ царствованіе Елисаветы была надлежащимъ образомъ изучена, то историческая наука сдѣлала бы значительные успѣхи въ пониманіи какъ внѣшнихъ отношеній Англіи, такъ и ея внутренней жизни за этотъ періодъ. Жаль, что ни г-жей Любименко, ни авторами очерковъ не приложено къ ихъ работамъ хотя бы самыхъ простыхъ картъ, которыя давали бы наглядное представленіе о предпріимчивости англичанъ въ XVI в. и сферахъ распространенія ихъ торговой дѣятельности и культурнаго вліянія.

П. Остроуховъ.

W. R. Scott. **The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720. Cambridge. Univ. Press, 1910—1912, 3 тома. Pp. LVI+488; X+504; XII+563.**

Въ этомъ обширномъ сочиненіи томы II и III посвящены исторіи

отдѣльныхъ компаній, изъ которыхъ однѣ, какъ-то: Остъ-Индская, Русская, Гвинейская, Левантинская и др., открывали англійской торговлѣ новые далекіе рынки, а другія, какъ, напримѣръ, Общество Королевскихъ Рудниковъ или компаніи водоснабженія, эксплоатировали въ самой Англіи новые виды промышленной дѣятельности. Томъ же I, вышедшій по времени послѣднимъ, суммируя полученный матеріалъ, даетъ интересную картину дѣятельности торговыхъ компаній общаго капитала „Joint-Stock“ и ихъ вліянія на экономическую жизнь страны за первыя 170 лѣтъ ихъ существованія.

Первой торговой компаніей этого типа было общество, торговавшее съ Россіей и называвшееся въ памятникахъ Русской или Московской компаніей (Russia Company, Moscovy Company); начало его положено въ 1553 г., и такимъ образомъ эта дата открываетъ въ исторіи англійской торговли новую эру, которую прежніе историки-экономисты отодвигали на 50 лѣтъ впередъ, т.-е. въ первые годы XVII вѣка, когда была основана Остъ-Индская компанія, долго считавшаяся родоначальницей типа „Joint-Stock Company“. Этотъ новый типъ, по мнѣнію автора, развился постепенно изъ болѣе ранняго типа „Regulated Company“, у котораго онъ заимствовалъ свою внутреннюю гильдейскую организацію, а принципъ торговли общимъ капиталомъ развился изъ отдѣльныхъ случаевъ торговаго сотоварищества между частными лицами, а также и подъ нѣкоторыми заграничными вліяніями.

Въ противоположность Адаму Смиту и многимъ позднѣйшимъ его послѣдователямъ, авторъ считаетъ, что примитивная акціонерная компанія „Joint-Stock Company“ сыграла большую и благодѣтельную роль въ экономическомъ и финансовомъ развитіи Англіи. При появленіи первыхъ компаній ихъ капиталъ составлялъ лишь 0,013% національнаго имущества, а къ 1720 году эта цифра поднялась до 13%, выражаясь въ весьма значительной для того времени суммѣ 50 милліоновъ. Сыпавшіеся на компанію упреки въ узкой монополизаціи торговли въ значительной степени несправедливы, переходъ къ типу Joint-Stock былъ въ этомъ отношеніи скорѣе шагомъ впередъ, такъ какъ давалъ возможность, путемъ пріобрѣтенія не только цѣлаго, но и частичнаго пая, вступить въ компанію бо̀льшему числу лицъ. Намъ думается, однако, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отличать теорію отъ практики; извѣстны многіе случаи, напримѣръ, въ Русской компаніи, когда число членовъ искусственно сокращалось, и именно къ этимъ маневрамъ и слѣдуетъ относить жалобы на монополію компаній. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что образованіе подобныхъ сообществъ и дарованіе имъ исключительныхъ привилегій было въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно, лучшимъ способомъ толкнуть англійскую предпріимчивость на путь новыхъ открытій и далекихъ плаваній; беря на себя роль государства въ защитѣ англійскихъ подданныхъ въ далекихъ странахъ, содержаніи консуловъ и посланниковъ, постройкѣ фортовъ и факторій, компанія исполняла нужное и важное дѣло, на которое нехватило бы силъ и средствъ у отдѣльныхъ разрозненныхъ купцовъ.

Финансовый успѣхъ компаній болѣе всего говоритъ въ ихъ пользу, и авторъ оказалъ цѣнную услугу экономической наукѣ, показавъ рядомъ найденныхъ имъ въ документахъ новыхъ цифровыхъ данныхъ, какъ несправедливо было сложившееся подъ вліяніемъ книгъ Anderson'а

мнѣніе, будто компаніи влачили жалкое существованіе. Весьма цѣннымъ факторомъ онъ также справедливо считаетъ сотоварищество купцовъ съ крупными финансистами и выдающимися членами правительства, каковы были, напримѣръ, Walsingham и Lord Burghley, ибо для удачнаго веденія заморской торговли и колонизаціи нужны были не только купеческіе навыки, но и дипломатическіе таланты, а подчасъ и широкій кругозоръ государственнаго дѣятеля. Авторъ, быть можетъ, нѣсколько увлекается, признавая и внутреннее управленіе компаній вполнѣ удовлетворительнымъ; чтобы согласиться съ нимъ, пришлось бы совершенно не считаться съ чрезмѣрными жалобами самихъ членовъ на происходящіе у нихъ безпорядки и злоупотребленія.

Для насъ русскихъ имѣютъ особую цѣнность тѣ сорокъ страницъ II тома, которыя посвящены Русской компаніи; о финансовомъ положеніи ея авторомъ собрано не мало интересныхъ данныхъ, но лишь въ англійскихъ архивахъ, такъ какъ русскими источниками онъ не пользовался по незнанію языка. Мы узнаемъ, что подъ однимъ именемъ и по одной хартіи въ Россіи поочередно торговало нѣсколько отличныхъ другъ отъ друга товариществъ; правда, члены одного переходили большею частью въ члены другого, но финансировалось каждое предпріятіе отдѣльно, хотя часто послѣдующее брало на себя долги предыдущаго. Интересно отмѣтить, что высокіе барыши 60-хъ и 70-хъ годовъ XVI вѣка получены были не съ русской, а главнымъ образомъ съ персидской торговли, шедшей транзитомъ черезъ Россію.

Профессоръ Скоттъ больше политико-экономъ, чѣмъ историкъ, и это даетъ себя чувствовать въ нѣкоторыхъ его сужденіяхъ. Жизнь и дѣятельность компаній естественно оставлена имъ въ тѣни и область историческихъ отношеній ему чужда. Такъ, напримѣръ, онъ серьезно полагаетъ, что колебанія Грознаго въ его отношеніи къ англійскимъ купцамъ могутъ служить мѣриломъ добросовѣстнаго веденія ими своихъ дѣлъ; въ дѣйствительности же царь Иванъ Васильевичъ, наоборотъ, покровительствовалъ нелегальнымъ дѣйствіямъ англійскихъ купцовъ-зайцевъ „interlopers", извлекая выгоды изъ создававшейся такимъ образомъ конкуренціи. Общая же неровность въ его отношеніи къ англичанамъ всецѣло зависѣла отъ состоянія его дипломатическихъ переговоровъ съ королевой Елизаветой, съ которой онъ искалъ политическаго союза; вліяніе этого важнаго политическаго фактора на торговыя сношенія Россіи съ Англіей совершенно ускользнуло отъ автора.

Всѣ эти мелкія замѣчанія отнюдь не умаляютъ значенія книги профессора Скотта, появленіе которой безусловно надо считать выдающимся событіемъ въ исторіи англійской экономической науки; собранный имъ богатый новый матеріалъ послужитъ прекрасной отправной точкой для новыхъ детальныхъ работъ въ этой области.

Инна Любименко.

William Page. **The Russia Company from 1553 to 1660. Лондонъ, 1913 г.**

Книга эта по своему заглавію должна возбудить въ насъ большой интересъ. Очень изящно изданная, она украшена на заглавной страницѣ гербомъ англійской компаніи, торговавшей въ Россіи, съ изображеніемъ льва и трехмачтоваго корабля, окруженныхъ надписью „Deo est refugium nostrum". Авторомъ ея является нынѣшній секретарь „Russia Com-

pany". Правда, общество это давно уже не играетъ исключительной роли въ торговыхъ сношеніяхъ Англіи съ нашимъ отечествомъ, но тѣмъ не менѣе оно сохранилось въ консервативной Великобританіи въ видѣ торговаго клуба, который, вмѣстѣ съ традиціями старой компаніи, хранитъ и оставшіяся отъ нея бумаги. Именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно можетъ представить интересъ для историка. Къ сожалѣнію, лондонскіе пожары уничтожили всѣ бумаги компаніи до 1660 года, за исключеніемъ находящейся въ ея владѣніи хартіи царя Михаила (1628 г.).

Принявъ благоразумное рѣшеніе напечатать оставшіяся въ его рукахъ бумаги, общество, повидимому, поручило это дѣло своему секретарю, а послѣдній, въ виду отсутствія въ архивѣ компаніи документовъ до 1660 года, рѣшилъ пополнить этотъ пробѣлъ, напечатавъ въ I томикѣ своего изданія сохранившіеся въ другихъ мѣстахъ документы. Къ сожалѣнію, вмѣсто того чтобы искать ихъ въ лондонскихъ архивахъ *Public Record Office* и *British Museum*, гдѣ можно было найти не мало интереснаго, онъ предпочелъ просто перепечатать изъ вышедшаго еще въ концѣ XVI вѣка сборника Гаклюита многіе документы, относящіеся къ Россіи. Правда, богатый матеріалъ Гаклюита и до сихъ поръ далеко не использованъ, но послѣднее недавнее изданіе его легко доступно всякому. Къ тому же, какъ ни ученъ былъ знаменитый историкъ XVI вѣка, его методы критики естественно не соотвѣтствуютъ научнымъ методамъ XX; а между тѣмъ г. Page совершенно не отдалъ себѣ въ этомъ отчета, слѣпо перепечатывая памятники Гаклюита. Приведемъ этому лишь одинъ разительный примѣръ: подлинность перепечатанной имъ безъ всякихъ оговорокъ привилегіи 1555 года возбуждала сомнѣніе уже въ половинѣ прошлаго столѣтія, для насъ же совершенно ясно, что это не привилегія русскаго царя, а лишь проектъ ея, составленный самими англичанами.

Избравъ своей путеводной нитью Гаклюита, нашъ авторъ оказался въ совершенно критическомъ положеніи, когда къ концу XVI вѣка эта нить оборвалась, и ему пришлось самостоятельно дополнять свой сборникъ до 1660 года. Не имѣя привычки къ архивнымъ изысканіямъ, онъ весьма неудачно выпутался изъ нелегкой задачи, напечатавъ для этихъ шестидесяти лѣтъ, по которымъ имѣется богатый матеріалъ въ лондонскихъ архивахъ, лишь нѣсколько случайныхъ памятниковъ. Такимъ образомъ отъ него ускользнуло такое кардинальное событіе въ исторіи компаніи, какъ изгнаніе ея изъ Россіи въ 1649 году, ничѣмъ не отмѣченное въ его сборникѣ.

Обо всемъ этомъ, можетъ быть, не стоило бы много говорить, такъ какъ книжка эта составлена безусловно не ученымъ, а любителемъ; но нельзя не считаться съ тѣмъ, что, изданная лишь въ видѣ перваго тома, она, повидимому, повлечетъ за собой печатаніе дальнѣйшаго цѣннаго матеріала, сохраненнаго компаніей. Если послѣднее будетъ поручено тому же лицу, что весьма вѣроятно, то присущіе ему пріемы и полное отсутствіе научной критики могутъ совершенно обезцѣнить интересное изданіе. Между тѣмъ „Russia Company", повидимому, располагаетъ средствами и могла бы привлечь къ этой работѣ историка-спеціалиста, на что и слѣдовало бы, пока не поздно, обратить ея вниманіе.

Инна Любименко.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

І. М. Кулишеръ. Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи. — *Dr. Kart Hassert.* Allgemeine Verkehrsgeographie. — *Проф. В. Ф. Левитскій.* Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта.

І. М. Кулишеръ. **Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи. Опытъ изученія основныхъ теченій въ развитіи городскихъ финансовъ. Спб., 1914 г. Стр. VIII+465 Ц. 3 р.**

Обширное изслѣдованіе І. М. Кулишера начинается съ періода „Экономическаго и политическаго расцвѣта германскихъ городовъ" въ XIV—XVI вѣкахъ. Изученіе этой эпохи необходимо, по мнѣнію автора, для уясненія дальнѣйшаго хода развитія и современныхъ проблемъ коммунальнаго обложенія. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи трудно уловить указанную преемственность эпохи; но финансовая исторія городовъ въ въ XIV—XVI вѣкахъ и сама по себѣ представляетъ громадный интересъ. Она стала предметомъ усиленнаго вниманія историковъ съ 90-хъ годовъ; съ тѣхъ поръ накопилась обширная монографическая литература о финансахъ отдѣльныхъ городовъ (описательнаго характера), основанная на изученіи архивовъ; но весь этотъ богатый матеріалъ даже въ нѣмецкой литературѣ не подвергался еще такой полной и систематической разработкѣ, какъ въ разбираемой книгѣ; въ ней чувствуется опытный изслѣдователь экономической исторіи, владѣющій матеріаломъ и дающій стройный синтезъ его—характеристику тогдашняго городского обложенія: ничтожная роль прямого обложенія по сравненію съ косвеннымъ, временный чрезвычайный характеръ его, обратная прогрессивность поимущественнаго налога и подушный сборъ (Vorschoss) съ неимущихъ, способъ опредѣленія (присяга) и взиманія налога, „превращавшій его для состоятельныхъ лицъ въ добровольный взносъ",—все это свидѣтельствуетъ о полномъ господствѣ интересовъ земельной и денежной аристократіи. Къ сожалѣнію, авторъ не останавливается на *причинахъ*, обусловившихъ указанную финансовую систему, на той классовой борьбѣ, которая происходила и въ германскихъ городахъ, какъ и въ Италіи (хотя въ менѣе яркой формѣ); въ *общей* картинѣ коммунальныхъ финансовъ, изображаемой авторомъ, *стушевываются различія* между крупными и мелкими городами.

Второй періодъ—XVII и XVIII вѣка—характеризуется экономическимъ и политическимъ упадкомъ: государственное вмѣшательство и бремя государственныхъ налоговъ ослабляетъ коммунальное обложеніе; косвенные налоги мало измѣнились, но въ области прямого обложенія происходитъ дифференціація общепоимущественнаго налога, усиливается обложеніе недвижимости, формируется система реальныхъ налоговъ и появляются классные.

Переходя къ коммунальному обложенію Германіи въ XIX вѣкѣ, авторъ не предполагаетъ вдаваться „въ описаніе подробностей" (и правъ: этой модной темѣ посвящено въ русской литературѣ *слишкомъ* много работъ, въ то время какъ другія стороны и цѣлыя области финансовой науки не находятъ изслѣдователей). Послѣ краткаго описанія происшедшихъ въ XIX вѣкѣ измѣненій авторъ останавливается на нѣкоторыхъ изъ нихъ: сокращеніи роли косвенныхъ налоговъ и измѣненіи „принциповъ" обложенія. („Принципъ" услуги и возмездія, выражавшійся въ XIV—XVIII вв. въ цѣлевыхъ налогахъ и въ различіи налоговъ съ гра-

жданъ, съ иногороднихъ собственниковъ и проч. населенія, уступилъ мѣсто принципу платежеспособности, но затѣмъ снова получилъ признаніе, какъ основаніе *усиленнаго обложенія недвижимости.*) Авторъ подробно излагаетъ скучныя объяснительныя записки къ проектамъ и пренія въ ландтагахъ о „принципахъ" обложенія, причемъ не пытается вскрыть за словами реальную подкладку всѣхъ этихъ споровъ, реальную борьбу интересовъ (а вѣдь въ этомъ вся raison d'être изученія парламентскихъ матеріаловъ). Вообще гл. V—IX не представляютъ особаго интереса послѣ работъ Гензеля, Курчинскаго и др. Главная заслуга автора—въ изученіи эпохи XIV—XVI вв., и если бы онъ ограничился даже первыми четырьмя главами, то и тогда его работа была бы, несомнѣнно, весьма полезнымъ вкладомъ въ историко-экономическую литературу.

В. Твердохлѣбовъ.

Dr. Kurt Hassert, Professor der Geographie an der Handelshochschule Köln. **Allgemeine Verkehrsgeographie. Mit 12 Karten und graphischen Derstellungen. Berlin und Leipzig, 1913. Стр. VIII+494. Цѣна 10 марокъ.**

Пути сообщенія и средства сношеній заняли такое центральное мѣсто въ современной хозяйственной жизни, что изученіе ихъ состоянія съ точки зрѣнія хозяйственно-географической постепенно выдѣляется въ самостоятельную дисциплину. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что за послѣднее время въ Германіи стали появляться спеціально посвященные этому предмету учебники, среди которыхъ книга проф. Гассерта должна быть названа на первомъ мѣстѣ какъ по обширности ея содержанія, такъ и по ея достоинствамъ.

Вслѣдствіе весьма распространеннаго загроможденія руководствъ по экономической географіи цифрами, перечнями товаровъ и т. п. фактами, не связанными общностью идеи, эти руководства часто бываютъ очень скучны, неудобочитаемы и тяжеловѣсны. Проф. Гассерту всецѣло удалось избѣгнуть этой опасности. Его книга написана въ высшей степени живо и мѣстами читается даже съ захватывающимъ интересомъ. По содержанію своему она распадается на обширное введеніе (стр. 1—98) и на три части. Первая часть (стр. 99—250) посвящена главнымъ образомъ желѣзнымъ дорогамъ и внутреннимъ путямъ сообщенія: и тѣ и другіе разсматриваются по частямъ свѣта и по отдѣльнымъ государствамъ. Вторая часть (стр. 251—423) имѣетъ въ виду внѣшніе водные пути (Seeverkehr): здѣсь сообщаются свѣдѣнія о развитіи судоходства, о современномъ торговомъ флотѣ (въ частности подробно говорится о роли, которую и теперь еще сохранило парусное судоходство), о морскихъ гаваняхъ и о проливахъ и перешейкахъ; отдѣльныя, весьма интересныя, главы посвящены Суэцкому и Панамскому каналамъ, а равно и каналу императора Вильгельма. Наконецъ, третья часть (424—467) посвящена „торговымъ языкамъ" (Verkehrssprachen), почтѣ, телеграфу и телефону.

Отличительною особенностью руководства проф. Гассерта является почти полное отсутствіе цифръ, но зато въ немъ имѣется богатый описательный, а отчасти и историческій матеріалъ, всесторонне знакомящій читателя съ хозяйственно-географическимъ состояніемъ путей сообщенія и средствъ сношенія. Обладая громадною начитанностью и будучи

во всеоружіи знанія, авторъ сумѣлъ превосходно сгруппировать матеріалъ по изучаемымъ имъ вопросамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже сказано выше, придать своему изложенію увлекательную форму. Для преподавателей экономической географіи въ нашихъ коммерческихъ училищахъ книга проф. Гассерта составитъ незамѣнимое пособіе. Очень полезны приведенные въ концѣ каждой главы литературные указатели, отличающіеся значительной полнотой.

Несмотря на громадное значеніе, какое пути сообщенія пріобрѣли у насъ въ Россіи—достаточно указать на ростъ нашей желѣзнодорожной сѣти и на нашъ рѣчной флотъ, по своей грузоподъемности превышающій половину всего морского торговаго флота Великобританіи,—у насъ до настоящаго времени нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной и удовлетворительной книги, посвященной хозяйственной географіи путей сообщенія. Было бы, поэтому, весьма желательно, чтобы книга проф. Гассерта была переведена на русскій языкъ, причемъ, конечно, нѣкоторыя ея части—особенно тѣ, которыя касаются Россіи,—должны были бы подвергнуться переработкѣ для приспособленія ихъ къ нуждамъ русскихъ читателей.

В. Денъ.

Проф. В. Ф. Левитскій. **Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. Харьковъ, 1914 г. Ц. 2 р. 80 к.**

Профессоръ харьковскаго университета, В. Ф. Левитскій, взялъ на себя весьма трудную задачу составленія учебника одновременно и по исторіи политической экономіи, и по исторіи хозяйственнаго быта.

Хорошо справившись со своей задачей въ цѣломъ, почтенный авторъ естественно не могъ въ частностяхъ избѣжать нѣкоторыхъ дефектовъ. Онъ и самъ заявляетъ въ предисловіи, что его курсъ не вполнѣ законченъ, ибо въ немъ нѣтъ изложенія воззрѣній австрійской школы и соціалистовъ-ревизіонистовъ. Но кромѣ этого въ книгѣ не упоминается школа земельныхъ реформаторовъ съ Г. Джорджемъ во главѣ и школа кооператистовъ, имѣющія не меньшее значеніе, чѣмъ соціалисты-ревизіонисты.

Выдерживая характеръ учебника, авторъ избѣгаетъ спорныхъ взглядовъ. Но мѣстами они всетаки вкрадываются въ его изложеніе. Такъ, на стр. 136 говорится, что община не играла замѣтной роли въ колонизаціи. Совершенно обратное утверждаетъ П. Кропоткинъ въ своей книгѣ „Взаимопомощь какъ факторъ эволюціи". На стр. 424 о Фурье говорится, что онъ строитъ свой фаланстеръ изъ тѣхъ же элементовъ, которыми характеризуется современное капиталистическое хозяйство и частью даже изъ самыхъ худшихъ. Намъ кажется, что ни одинъ соціалистъ не отрѣшился такъ отъ современной ему дѣйствительности, какъ Фурье, притомъ эта дѣйствительность не была вполнѣ капиталистической. На стр. 428 говорится, что въ Англіи идея коопераціи приняла формы потребительныхъ, подсобныхъ и производительныхъ товариществъ. Намъ не ясно, что̀ понимаетъ авторъ подъ подсобными товариществами въ Англіи. Вообще, тамъ широко развита только потребительская кооперація.

В. Тотоміанцъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Дома, въ школѣ, въ лѣсу, въ полѣ. Перев. съ англійскаго „листковъ по изученію природы", издаваемыхъ американскимъ Корнельскимъ университетомъ для начальныхъ школъ.

Дома, въ школѣ, въ лѣсу, въ полѣ. Переводъ съ англійскаго „листковъ по изученію природы", издаваемыхъ американскимъ Корнельскимъ университетомъ для начальныхъ школъ. Изданіе департамента земледѣлія. Петроградъ. Стр. 461+155. Цѣна не обозначена.

Книга чрезвычайно полезная для всѣхъ учащихъ начальныхъ школъ и вообще для всѣхъ, кому приходится въ какой-либо школѣ или дома знакомить дѣтей съ окружающей природой. Книга распадается на двѣ части: первая для преподавателей, дающая практическія указанія къ наблюденію природы; вторая для дѣтей, дающая образцы популярнаго изложенія и вопросы, наводящіе на наблюденія.

Вторая часть гораздо короче и менѣе цѣнная, первая же даетъ массу интереснаго матеріала, притомъ иллюстрированнаго многочисленными рисунками. Характеръ книги лучше всего опредѣляется слѣдующими фразами изъ предисловія: „Природовѣдѣніе не есть изученіе какой-либо особой науки, какъ, напримѣръ, ботаники, энтомологіи, геологіи и т. п. Нѣтъ, оно беретъ предметы такими, какими они представляются намъ, и пытается понять ихъ сущность и жизнь, безотносительно къ систематическому порядку и взаимоотношенію этихъ предметовъ. Въ изученіи природы не должно быть послѣдовательности, какъ нѣтъ послѣдовательности въ распредѣленіи окружающихъ насъ предметовъ. Тутъ нѣтъ точныхъ опредѣленій или книжныхъ объясненій, а потому оно въ высшей степени просто и естественно". „Въ школѣ нельзя преподавать техническаго профессіональнаго сельскаго хозяйства, какъ нельзя въ ней учить законодательству или инженерному искусству, или какой-либо иной профессіи, но она можетъ возбудить въ ребенкѣ любовь къ природѣ, интересъ къ сельскому хозяйству и, такимъ образомъ, вселить въ него привязанность къ землѣ, пріучая въ то же время его умъ къ вдумчивой дѣятельности".

Эти положенія вполнѣ послѣдовательно, умѣло и живо проведены во всей книгѣ. Конечно, кое-что не подходитъ къ нашимъ условіямъ.

Было бы желательно, чтобы департаментъ переработалъ эту книгу спеціально для начальныхъ школъ, приспособивъ ее къ русскимъ условіямъ и сокративъ съ цѣлью упрощенія и удешевленія.

А. Обуховъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МАТЕМАТИКА.

Анри Пуанкарэ. Новая механика. Эволюція законовъ. — *Е. В. Маундеръ.* Наука о звѣздахъ. Перев. А. Н. Высоцкаго. — Новыя идеи въ астрономіи. Сборникъ № 4. Распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ и ихъ движеніе. — *Е. Ланкастеръ.* Вымершія животныя. Перев. подъ ред. Борисяка.—*В. А. Фаусекъ.* Біологическіе этюды.

Анри Пуанкарэ, акад.-проф. **Новая механика. Эволюція законовъ. Двѣ статьи. Переводъ съ примѣчаніями и двумя вступительными статьями Г. А. Гуревича. К-во „Современныя Проблемы". Стр. 178. Москва, 1913 г. Ц. 60 к.**

Выпущенный к-вомъ „Современныя Проблемы" небольшой томикъ посвященъ наиболѣе животрепещущимъ вопросамъ естествознанія: прин-

ципу относительности и эволюціи основныхъ міровыхъ законовъ. Обѣ рѣчи величайшаго физика-философа XX вѣка, А. Пуанкарэ, представляютъ большой интересъ, какъ по своимъ темамъ, такъ и по способу изложенія. Путемъ чрезвычайно остроумныхъ аналогій и примѣровъ Пуанкарэ даетъ ясное представленіе о сущности и значеніи этихъ новыхъ физическихъ понятій. Обѣимъ рѣчамъ предпосланы обстоятельныя статьи Г. А. Гуревича, выясняющія значеніе электронной теоріи и понятія объ электронѣ, какъ о связующемъ звенѣ между матеріей и энергіей. Ученіе механики, казавшееся доселѣ незыблемымъ, должно принять новую форму; приходится поставить во главѣ всего принципъ относительности, отвергающій понятія: матеріи, энергіи и эѳира—этихъ основныхъ столповъ физическаго ученія XIX вѣка. Этотъ переломъ въ наукѣ затронулъ всѣ современные устои, напоминая собой время перехода отъ средневѣковыхъ объясненій законовъ природы къ современному ученію естествознанія; понятія о вѣчности матеріи, недѣлимости атома, существованіи міроваго эѳира—вотъ то, что подверглось измѣненію.

Языкъ перевода вполнѣ ясенъ и довольно близокъ къ оригиналу; вступительныя статьи и замѣчанія г. Гуревича очень цѣнны. Цѣна книги невысока.

А. Лѣтникъ.

Е. В. Маундеръ. **Наука о звѣздахъ. Перев. съ англ. А. Н. Высотскій. Книгоизд-ство „Печатникъ". Стр. 125. Москва. Ц. 50 к.**

Среди популярныхъ книжекъ по астрономіи книжка Маундера должна занять совершенно обособленное мѣсто; небольшая по формату (in-8°), она на протяженіи 125 страницъ даетъ вполнѣ достаточное знакомство со всѣми основными положеніями астрономіи; къ этому нужно прибавить, что изложеніе такого труднаго предмета, при всей своей научности, вполнѣ ясно и общедоступно даже и для неподготовленнаго читателя. Русскій переводъ сдѣланъ очень хорошо, что, вмѣстѣ съ дешевой цѣной изданія, можетъ только способствовать наиболѣе широкому распространенію этой очень интересной книжки. Кромѣ обычныхъ свѣдѣній объ основныхъ законахъ астрономіи, объ измѣреніяхъ, строеніи системъ и звѣздныхъ міровъ, къ книгѣ приложена еще глава о доисторической астрономіи, представляющая особый интересъ съ точки зрѣнія развитія астрономическихъ идей. Въ концѣ книги помѣщены таблицы съ наиболѣе важными цыфровыми данными для планетъ, спутниковъ ихъ и звѣздъ. Особый интересъ представляетъ дополненіе съ обширнымъ спискомъ популярной литературы по различнымъ отдѣламъ астрономіи.

А. Лѣтникъ.

Новыя идеи въ астрономіи. Сборникъ № 4. Распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ и ихъ движеніе. Изд-ство „Образованіе". Стр. 158. Спб., 1914 г. Ц. 80 к.

Изученіе карты звѣзднаго неба знакомитъ насъ съ различными типами звѣздъ; распредѣленіе ихъ на небесномъ сводѣ, законы ихъ движенія, разстояніе ихъ отъ земли, строеніе ихъ—вотъ тѣ вопросы, которые являются логическимъ выводомъ изъ хотя бы поверхностнаго наблюденія окружающей насъ картины природы. Эти вопросы, давно уже намѣченные пытливымъ человѣческимъ умомъ, въ послѣдніе годы получили особое освѣщеніе благодаря новымъ, интереснымъ работамъ и

гипотезамъ, предложеннымъ различными учеными. Наиболѣе интересныя въ этомъ отношеніи работы, какъ, напримѣръ, Оппенгейма и Эддингтона „О распредѣленіи звѣздъ“ (2 отдѣльныя статьи), Пюизе и Макферсона „Звѣздные потоки“ (тоже 2 отдѣльныхъ труда), Стробанта и Дайсона „О движеніи звѣздъ“ и примыкающая къ этимъ послѣднимъ работа проф. Каптейна „О строеніи вселенной“, — вошли въ составъ новаго, 4-го, сборника „Новыхъ идей въ астрономіи“, давая вмѣстѣ съ предыдущими выпусками довольно полную картину современной интенсивной работы по вопросу объ установленіи общей стройной системы законовъ мірозданія. Всѣ указанныя статьи представляютъ громадный интересъ.

А. Лѣтникъ.

Е. Ланкастеръ. **Вымершія животныя. Перев. съ англ. подъ ред. А. А. Борисяка, геолога геологическаго комитета. Съ 214 рис. въ текстѣ. Изд. Д. Ф. Девріена. Спб., 1914 г. Стр. XVIII+261.**

Е. Ланкастеръ полагаетъ, что логическій методъ въ обученіи есть „одно недоразумѣніе“ и поэтому смѣло предлагаетъ свою книгу (представляющую популярный очеркъ палеонтологіи) такому читателю, который не знакомъ и съ современными животными. Болѣе смѣлая, чѣмъ убѣдительная, педагогическая идея автора и послѣ выхода его книги въ свѣтъ, конечно, столь же нуждается въ доказательствахъ, какъ и тогда, когда онъ брался за перо; но если смотрѣть на трудъ Ланкастера, какъ на книгу, довольно удачно изображающую ископаемые остатки животныхъ, какъ документы для исторіи органическаго міра на землѣ, то, „вымершія животныя“ становятся не лишними въ школьной библіотекѣ, тѣмъ болѣе, что благодаря стараніямъ переводчика и издана она вполнѣ прилично.

Самъ переводчикъ повидимому считаетъ крупнымъ достоинствомъ книги то обстоятельство, что чудовища занимаютъ Ланкастера меньше другихъ авторовъ популярныхъ сочиненій по палеонтологіи. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что и Ланкастеръ не избѣгаетъ искушенія поговорить о такихъ чудовищахъ, какъ арсинотерій или титанотерій, хотя значеніе этихъ „чудовищъ“ въ ряду другихъ документовъ эволюціи болѣе, чѣмъ скромно. Увлекаясь всетаки чудовищами и отдавая вообще позвоночнымъ 226 стр. изъ 261, Ланкастеръ, конечно, не можетъ найти мѣста ни для такого плодотворнаго въ наукѣ вообще и въ палеонтологіи въ частности понятія, какъ *конвергенція,* ни для такого блестящаго примѣра эволюціи, какъ рядъ скромныхъ Paludinidae, ни для того, чтобы ознакомить съ представленіемъ о *руководящихъ ископаемыхъ* и, въ связи съ этимъ, объ исторіи *аммонитовъ.* А вѣдь это— тѣ ископаемыя, которыя скорѣе всего могутъ попасться въ руки молодого любителя.

Заканчивая рецензію, позволимъ себѣ пожелать, чтобы переводчикъ, извѣстный палеонтологъ, умѣющій писать и доступно и интересно, порою даже увлекательно—какъ это онъ показалъ въ своемъ курсѣ палеонтологіи—создалъ бы самъ популярную книгу объ ископаемыхъ животныхъ, которая больше подходила бы для русскаго читателя, чѣмъ книга Ланкастера. А пока и ей пожелаемъ успѣха—до лучшаго будущаго!

В. Муралевичъ.

В. А. Фаусекъ. **Біологическіе этюды. Изданіе посмертное. Съ портретомъ и 56 рис. въ текстѣ. Спб., 1913 г. Стр. XVIII+2 нен.+472+2 нен. Ц. 2 р.**

Покойный В. А. Фаусекъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, въ которыхъ удивительнымъ образомъ сочетаются талантъ блестящаго ученаго и популяризатора—съ неувядающей красотою духовнаго облика. Глубокая интуиція съ рѣдкой начитанностью, одухотворенная идея и цѣлый каскадъ, порою неотразимыхъ, аргументовъ, увлекающая живость искрометной рѣчи—вихремъ охватываютъ читателя съ первой страницы и не покидаютъ до послѣдней. „Красиво, глубоко, интересно"—такъ и хочется сказать, когда закрываешь его великолѣпную книгу. Въ нее внесены статьи „Живорожденіе и паразитизмъ", „Раздражимость низшихъ организмовъ и органы чувствъ животныхъ", „Автотомія и болевая чувствительность у животныхъ", „Значеніе окраски у животныхъ", рядъ изслѣдованій „о движеніяхъ угрозы" у животныхъ, связанныхъ въ остроумномъ освѣщеніи съ любопытной теоріей англійскаго психолога Джемса; статьи „Организмъ и луна", „Какъ пчелы находятъ дорогу домой", „Изъ области нервной физіологіи", „Психологія ласточки", путевые очерки („На зоологической станціи", „Кандалакша", „На китобойномъ заводѣ", „Островъ Кильдинъ")—и въ каждой статьѣ онъ тотъ же—остроумный, увлекательный, тонкій, живой, интересный!

Не все въ его книгѣ, его мысляхъ и идеяхъ—непререкаемая истина. Многое изъ того, въ чемъ убѣжденъ былъ ученый, опрокинуто суровой критикой, въ которой по отношенію къ Фаусеку никогда не было недостатка; нѣтъ его и сейчасъ, когда его образъ скрывается въ туманной дымкѣ прошлаго (см. напримѣръ ст. Никольскаго—„Въ защиту полового подбора", ст. А. П. Семенова-Тяньшанскаго въ послѣднемъ № *Русскаго Энтомологическаго Обозрѣнія;* зоологи укажутъ на ст. Мейера по поводу взглядовъ В. А. на выдѣлительную функцію цѣлома). И если мы считаемъ, что „Біологическимъ этюдамъ" мѣсто среди тѣхъ классическихъ трудовъ изъ области „естествознанія для всѣхъ", которые украшены именами М. Богданова и К. А. Тимирязева, то не потому, что они учатъ всему, *что* нужно знать о природѣ, но потому, что они учатъ, *какъ* нужно искать ея знанія. Талантливый педагогъ и логикъ, вѣчно живой и понятный всѣмъ и каждому источникъ жажды знанія—вотъ чѣмъ дорогъ авторъ „Біологическихъ этюдовъ", чѣмъ дороги черезъ автора и „Біологическіе этюды".

Для молодежи—на университетской скамьѣ—нѣтъ лучшей русской книги, разъ она ищетъ того, что осмыслило бы ея учебную и научную работу. Вмѣстѣ съ классическими трудами К. А. Тимирязева, „Біологическими основами зоологіи" Шимкевича, „Этюды" В. А. Фаусека есть главнѣйшее, что *должно* быть впитано всѣмъ существомъ молодого натуралиста—и потому *можетъ* быть впитано; и если это будетъ — онъ никогда не будетъ „боленъ скукою". Издана книга хорошо и такъ дешево, какъ издаются, кажется, только русскія хорошія книги.

В. С. Муралевичъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 11-е февраля 1915 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Аверченко, А.** Разсказы. 11/74. (Дешевая юмористическая б-ка „Сатирикона.) Петроградъ, 1915. 63 стр. Ц. 10 к.

— Разсказы. 15. (Дешевая юмористическая б-ка новаго „Сатирикона".) Петроградъ, 1915. 58 стр. Ц. к.

— Разсказы. 12/83. (Дешевая юмористическая б-ка новаго „Сатирикона".) Петроградъ, 1915. 60 стр. Ц. 10 к.

Аксаковъ, К. С. Сочиненія. Редакція и прим. Е. А. Ляцкаго. Петроградъ, 1915. Изд. „Огни". II+656 стр. Ц. 3 р.

Аминадъ. Пѣсни войны. М., 1915. Изд. Московск. издательства, 2-е. 134 стр. Ц. 60 к.

Аѳанасьевъ, К. В. Маленькіе разсказы. М., 1915. Изд. кн-ва „Славянская лира". 85+1 нен. стр. Ц. 30 к.

Брюсовъ, В. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. IV. Stephanos. Всѣ напѣвы (1 часть). (Стихи 1905—1909 г.) Спб., 1914. Изд. „Сиринъ". 289 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Въ эти дни. Литературно-художественный альманахъ. Беллетристика и стихи: Л. Андреева, М. Арцыбашева, В. Брюсова, С. Городецкаго, А. Ершова, А. Журина, А. Куприна, В. Ленскаго, Н. Минскаго, Л. Столицы, Игоря Сѣверянина, гр. Алексѣя Н. Толстого, В. Ходасевича, В. Шершененича. Статьи: проф. Д. Анучина, П. Берлина, А. Кизеветтера, П. Крапоткина, В. Тотоміянца. Репродукціи съ картинъ и рисунковъ: Савицкаго, Самокишъ, Ярошенко, Прайса, Дюбуа и изд. „Летучей мыши". М., 1915. Изд. „Наши дни". 192 стр.+7 листовъ рис. Ц. 1 р. 25 коп.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Гимназисты. Изъ семейной хроники. Петроградъ, 1915. Изд. „Освобожденіе", 8-е. 252 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Горькій, М. Матвѣй Кожемякинъ. Повѣсть. Кн. II. Ч. III и IV. Т. XIII. Спб., 1914. Изд. „Жизнь и Знаніе". 481+64 стр. Ц. 1 р. 85 коп.

Гусевъ-Оренбургскій, С. Капитанъ Кукъ. Жалоба. Данилушка. Портретъ. М., 1915. Изд. „Польза". 98 стр.

Журинъ, А. Радостный кругъ. Вторая книга стиховъ. Съ приложеніемъ переводовъ изъ Шарля Бодлэра и комедіи Поля Верлэна. М., 1915. Изд. „Новая жизнь". 146+5 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

За славною за Кубанью-рѣкой. Терскія казачьи пѣсни. Собранныя и записанныя Е. Барановымъ. М., 1915. 31 стр.+1 огл.

Калмыковъ, Г. Пѣсни въ неволѣ. Съ портр. автора. Владивостокъ, 1914 73+IV стр. Ц. 65 к.

Климентовъ, В. Будда. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Эпизоды и картины изъ древневосточной и современной жизни народовъ. Ейскъ, 1914 г. 38+1 нен. стр. Ц. 40 к.

Криницкій, М. Пошлость. Ефимъ. Необходимость жить. Петръ Петровичъ. (Унив. б-ка, № 573.) М., 1914. Изд. 2-е, кн-ва „Польза". 103+3 нен. стр. Ц. 10 к.

Крыловъ, И. А. Басни. Съ біографическимъ очеркомъ А. Ульянова и статьей В. Г. Бѣлинскаго. Иллюстраціи А. Н. Комарова. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. XXXII+4 нен.+234+2 нен. стр. Ц. 40 к.

Кумовъ, Р. Очерки и разсказы. Петроградъ, 1915. Изд. „Жизнь для всѣхъ", 2-е. 183 стр.

Лазаревскій, Б. Три тополя. Разсказы.

Т. VIII. Петроградъ, 1915. Изд. М. В. Попова. 206 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ландау, Г. Разсказы. Дешевая юморист. б-ка новаго „Сатирикона, № 14. Петроградъ, 1914. 61 стр. Ц. 10 к.

Лики войны. Сборникъ одноактныхъ пьесъ. 1) Изъ цикла „14-й годъ"—стихи Lolo. 2) „Черкешенка" — Як. Львова. 3) „Матери"—В. Ильнарской. 4) „Плѣнники" (по Мопасану)—инсц. Е. Гартингъ. 5) „Шелковыя сѣти" (Шпіонка)—Як. Львова. 6) „Дѣтвора" (На войну!)—Як. Львова. М., 1915. Изд. журн. „Рампа и Жизнь". 76 стр.

Лучининъ, Л. Нити жемчужныя. Романъ. Петроградъ, 1915. Изд. „Орифламма". 340 стр. Ц. 2 р.

Марьинъ, В. Порывы. Владивостокъ, 1914. 34 стр. Ц. 50 к.

Миляевъ, А. Ѳ. Подъ впечатлѣніемъ войны. Стихотворенія. М., 1914. 27 стр.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Левъ св. Марка. Безъ имени. Богъ—городъ. (Унив. б-ка, № 978.) М., 1914. Изд. „Польза". 70+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Никитинъ, И. С. Стихотворенія (1849—1861). Съ приложеніемъ неизданныхъ стихотвореній и алфавитнаго указателя. (Унив. б-ка, № 560—561.) М., 1915. Изд. кн-ва „Польза", 2-е. 244+4 нен. стр. Ц. 20 к.

Оршанинъ, А. Впечатлѣнія бытія. Стихи. М., 1915. 154+V стр. Ц. 1 р. 25 к.

Оссендовскій, А. Женщины, возставшія и побѣжденныя. Фантастическая повѣсть. М., 1915. Изд. изд. „Наши дни". 153+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Пазухинъ, А. М. Въ ожиданіи милліоновъ. Романъ. М., 1915. 279 стр. Ц. 1 р.

Пуришкевичъ, В. Солдатскія пѣсни. Серія II. Петроградъ, 1915. 68 стр. Ц. 50 к.

К. Р. Избранныя лирическія стихотворенія. Петроградъ, 1915. Изд. Н. Н. Сергіевскаго. 188+IV стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сахновскій, Вас. Захолустье. Разсказы. М., 1915. Изд. кн-ва „Жатва". 127+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Сборникъ „Жизнь" (стихи и разсказы). М., 1914. Изд. Суриковск. литер.-музык. кружка. 23+1 нен. стр.

Свирскій, А. Пограничники и др. разсказы. М., 1915. Издат. „Наши дни". 178 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовичъ, А. Сухое море. Разсказы. М., 1915. Изд. кн-ва писателей. 226 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Слово. Сборникъ четвертый. Ив. Бунинъ. Весенній вечеръ. Бор. Зайцевъ. Мать и Катя (повѣсть). Гр. Алексѣй Н. Толстой. Четыре вѣка. Г. Яблочковъ. Въ плѣну (повѣсть). К. Треневъ. Мокрая балка. П. Сургучевъ. Пѣсни о любви (повѣсть). В. Вересаевъ. Марья Петровна. М., 1915. Изд. книгоизд. писателей въ Москвѣ. 292+4 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к.

Сологубъ, Ѳ. Война. Стихи. Петроградъ, 1915. Изд. „Отечество". 42 стр. Ц. 40 к.

Строевъ, В. Надрывъ. Романъ. Ч. I. М., 1915. Изд. Универсальн. кн-ва Л. А. Столяръ, 2-е. 293+11 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сухановъ, Н. И. Жизнь умерла. Пьеса въ 4-хъ актахъ. Троицкъ, 1914. Изд. автора. 62 стр. Ц. 50 к.

Сѣверянинъ, И. Ананасы въ шампанскомъ. Поэзы. М., 1915. Изд. издат. „Наши дни". 121+5 нен. стр. Ц. 2 р. 25 коп.

Толстой, Л. Н. Анна Каренина. Подъ ред. и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова. Съ рис. М. Щеглова и А. Корина. Т. I. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 336 стр.+21 листъ рис.

— Собраніе сочиненій. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія А. М. Хирьякова. Серія. II. Т. V и VIII. Спб. и Петроградъ, 1913 и 1915. Изд. книгоизд. тов. „Просвѣщеніе". 347+266 стр. Ц. по 1 р.

Треневъ, К. Владыка. Разсказы. М., 1915. Изд. кн-ва писателей. 245+5 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Трояновъ, С. Въ кровавомъ туманѣ. (Романъ изъ современной галицкой жизни.) Перев. по рукописи съ галицко-русскаго. М., 1915. Изд. кн-ва А. И. Кондратьева. 107 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Тэффи. Разсказы. Дешевая юмористическая б-ка новаго „Сатирикона". 13. Петроградъ, 1914. 64 стр. Ц. 10 к.

Утро жизни. Студенческій литературный альманахъ. Подъ ред. В. И. Мясникова. Хабаровскъ, 1914. 88 + 8 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Фонвизинъ, С. Двѣ жизни. (Молодость Муханова.) Романъ. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е. 347 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Яхонтовъ, Е. Н. „Газаватъ"—драматическія картины изъ жизни кавказской войны. Въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Ростовъ н/Д., 1914. 96 стр.

§ 16. **Австрійскій Лейтенантъ.** Куда идешь ты, Австрія? Романъ. Перев. съ нѣмецк. А. Лозового. Кіевъ, 1915. 117+2 нен. стр. Ц. 80 к.

Бангъ, Г. Безъ родины. Авториз. переводъ съ датскаго Я. Сегалъ. Съ пред. автора къ русск. изд. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 336 стр.

Біорнсонъ-Біорнстернъ. Перчатка. Пьеса. Перев. Т. А Кузьминской. Въ защиту женщины. Серія книжекъ подъ ред. И. Горбунова-Посадова. № 1. М., 1915. Изд. И. Горбунова-Посадова. 64 стр.+1 портр. Ц. 30 к.

— Перчатка. Пьеса. Перев. Т. А. Кузьминской. Къ чистой свѣтлой жизни.

Серія книжекъ подъ ред. И. Горбунова-Посадова. № 2. М., 1915. Изд. И. Горбунова-Посадова. 64 стр. + 1 портр. Ц. 30 к.

Боснійскія народныя сказки. Пер. В. К. М., 1914. Изд. І. Квебель. 98 стр.

Вассерманъ, Я. Исторія юной Ренаты Фуксъ. Романъ. Перев. съ нѣм. А. Полоцкой. (Унив. б-ка, № 724—727.) М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 396 стр. Ц. 20 к.

Вилье-де-Лиль-Аданъ. Тайна эшафота. Разсказы. Перев. съ франц. Н. Эфроса. (Унив. б-ка, № 125.) М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 84 стр. Ц. 10 к.

Гамсунъ, К. Воинствующая жизнь. Разсказы и очерки. Перев. съ норвежскаго Е. Ратьковой. Унив. б-ка, № 183. М., 19 5. Изд. 3-е, кн-ва „Польза". 111+1 нен. стр. Ц. 10 к.

— Голодъ. Перев. съ норвежск. М. Благовѣщенской. Унив. б-ка. М., 1915. Изд. 3-е, кн-ва „Польза". 215 стр.

— Редакторъ Люнге. Романъ. Перев. съ норвежск. Я. Сегалъ. Универс. б-ка, № 153—154. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 213+2 нен. стр. Ц. 20 к.

— У вратъ царства. Прологъ. Перев. съ норвежск. Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. Универс. б-ка, № 101. М., 1915. Изд. к-ва „Польза". 123+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Гауптманъ, Г. Потонувшій колоколъ. Драма-сказка. Перев. съ нѣмецк. и примѣчанія В. Дунаева. Унив. б-ка, № 49—50. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 4-е. 168 стр. Ц. 20 к.

Гёте. Фаустъ. Т. І. Текстъ (обѣ части поэмы) въ переводѣ Н. Холодковскаго. Петроградъ, 1914. Изд. А. Ф. Девріена. VI+436 стр. Ц. 4 р. за 2 тома.

Гейерстамъ, Густавъ, афъ. Голова Медузы. Исторія о привидѣніяхъ дѣйствительной жизни. Перев. со шведскаго А. и П Ганзенъ. (Унив. б-ка, № 447—449.) М, 1914. Изд. кн-ва „Польза", 2-е. 239 стр. Ц. 30 к.

— Книга о маленькомъ братцѣ. Исторія одного брака. Перев. со шведскаго В. А. Козиненко. Унив. б-ка, № 161—162. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 166+2 нен. стр. Ц. 20 к.

Гринченко, Б. Отклики. Три разсказа. Въ перев. съ малороссійск. Н. И. Перелыгина. Съ рис. А. А. Кучеренко. М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова. 32 стр. Ц. 15 к.

Дрейеръ, Максъ. Семнадцатилѣтніе. (Молодежь.) Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. съ нѣм. Р. Марковичъ. (Унив. б-ка, № 67.) М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 84+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Ибаньесъ, Бласко. Луна Бенаморъ. Романъ. Переводъ съ испанскаго А. Брюсова. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 61 стр.

Изъ одного русла. Сборникъ съ предисловіемъ Э. Ожешко. Перев. съ польск. Е. и И. Леонтьевыхъ. Т. II. М. Конопницкая. Мендель Гданскій. Яктонъ. Э. Ожешко. Сильный Самсонъ. Гедали. Звенья. А. Шиманскій. Сруль изъ Любартова. Ф. Бродовскій. Сорванные листья. (Унив. б-ка, № 389—390.) М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 193 стр. Ц. 20 к.

Калидаса. Сакунтала. Драма. Переводъ К. Бальмонта. (Памятники міровой литературы.) М., 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 190 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Конанъ-Дойль, А. Баскервильская собака. Перев. съ англ. А. Чудновской. Петроградъ, 1915. Изд. Акц. общ. типограф. дѣла. 164 стр. Ц. 20 к.

Конрадъ, І. Тайный агентъ. Романъ. Перев. съ англ. З. Венгеровой. М., 1915. Изд. „Наши дни". 195 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лондонъ, Д. Богъ его отцовъ. Разсказы. Перев. съ англ. З. Львовскаго. М., 1915. Изд. „Польза". 94 стр.

— Лунный ликъ. Разсказы. Перев. съ англ. Е. Бройдо. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 96 стр.

— Послѣдняя борьба. Разсказы. Пер. съ англ. Л. Кутуковой. М., 1915. Изд. „Польза". 96 стр.

Манъ, Г. Актриса. Повѣсть. Перев. съ нѣм. В. Гофмана. Унив. б-ка, № 188. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 84+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Михаэлисъ, К. Книга о любви. Пер. съ датскаго М. Розенфельдъ. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 183 стр.

Петрарка. Автобіографія. Исповѣдь. Сонеты. Перев. М. Гершензона и Вяч. Иванова. Памятники міровой литературы. Писатели запада. Италія. М., 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 273+1 нен. стр.+1 портр. Ц. 2 р. 25 к.

Поленцъ, В., фонъ. Деревенскіе разсказы. Перев. съ нѣм. В. Готвальтъ. Унив. б-ка, № 261. М., 1915. Изд. т-ва „Польза", 2-е. 82 стр.

Раффи. Джалаледдинъ. Перев. съ армянскаго Н. Багатуровой съ пред. Ю. Веселовскаго. (Унив. б-ка, № 706.) М., 1914. Изд. 2-е, „Польза". 74 + 2 нен. стр. Ц. 10 к.

Реймонтъ, В. Мужики. Современная повѣсть. Зима. Перев. съ польскаго В. Ходасевича. Унив. б-ка, № 366—369. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 317 стр. Ц. 40 к.

Розеггеръ, П. Въ гостяхъ у дяди. Разсказы. Перев. съ нѣм. Л. Коломѣецъ. (Унив. б-ка, № 991.) Изд. кн-ва „Польза". 112+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Сандъ, Жоржъ. Крылья мужества. Пер.

съ франц. Н. Кранихфельда. (Унив. б-ка, № 472.) 1914. Изд. 2-е, „Польза". 98+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Сербскій сборникъ. Повѣсти и разсказы въ переводѣ и съ предисловіемъ С. Русовой. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 202+5 нен. стр.

Сонъ Вардана. Изъ романа Раффи „Хентъ". Перев. Н. М. Кара-Мурза. М., 1915. Изд. Моск. армянск. студенчества, № 1. 20 стр. Ц. 25 к.

Стриндбергъ, А. Чандала. Романъ. Пер. съ шведскаго В. Козиненко. (Унив. б-ка, № 384—385.) М., 1915. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 172 стр. Ц. 20 к.

Тетмайеръ, К. Бездна. Психологическая фантазія. Перев. съ польскаго В. Высоцкаго. Унив. б-ка. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза", 2-е. 104 стр.

— Разсказы и фантазіи. Скульпторъ Мертенъ. Ксендзъ Петръ. Побѣда. Сфинксъ. Корабль призракъ. Перев. съ польскаго В. Высоцкаго. Унив. б-ка, № 123. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза", 3-е. 112 стр. Ц. 10 к.

Уайльдъ, Оскаръ. Женщина, о которой говорить не стоитъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Авториз. перев. съ англ. М. Ликіардопуло. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 94 стр.

Шоу, Бернардъ. Пигмаліонъ. Веселая комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. М. А. Потапенко и Зин. Львовскаго. Петроградъ, 1914. Изд. „Театръ и Искусство". 52 стр.

§ 3. **Мендринъ, В. М.** Соробунъ. Анализъ японскаго эпистолярнаго стиля. Частная переписка. Въ 2-хъ частяхъ. Ч. II. Кн. I. Вып. II. Историко-описательная часть: I. Очеркъ стильнаго и начертательнаго ритуала японскаго эпистолярнаго стиля (гл. I—VII). Извѣстія восточнаго института. 1912—1913 академическій годъ. Т. XLVIII. Вып. II. 1914 г., № 6. Владивостокъ, 1914. Изд. Восточнаго института. VI+209—347 стр.

§ 4. **Нагуевскій, Д.**, проф. Исторія римской литературы. Вѣкъ Августа. Т. II. Казань, 1915. XVII+819 стр. Ц. 5 р. 80 к.

Розановъ, С. С. Поэты Бельгіи (Верхарнъ — Роденбахъ — Метерлинкъ). Публичная лекція. М., 1915. 40 стр.

Сперанскій, М. Н. Исторія русской литературы XIX вѣка. М., 1914. Изд. О-ва взаимопом. студ. филолог. при м. у. 484 стр. Ц. 3 р.

§ 5. **Евлаховъ, А.** Надорванная душа (къ апологіи Печорина). Въ память 100-лѣтія со дня рожденія Лермонтова. Ейскъ, 1914. 53 стр. Ц. 50 к.

Кадминъ, Н. (**Н. Я. Абрамовичъ**). Исторія русской поэзіи. Отъ Пушкина до нашихъ дней. Т. II. М., 1915. Изд. Акц. о-ва Московское издательство. 317 + IV стр. Ц. 1 р. 25 к.

Келтуяла, В. А. Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Исторія древней литературы. Кн. II. Исторія литературы отъ половины XIII в. до конца XVII в. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. XIII+341 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Котляревскій, Н. Николай Васильевичъ Гоголь. 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е, испр. XV+572 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Саводникъ, В. Хрестоматія для изученія исторіи русской словесности. Вып. II. Древне-русская письменность (до конца XVII вѣка). М., 1915. IV+387 стр. Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Достоевскій, Ѳ. М., Соловьевъ, Вл. С.** Оправданіе войны. Изд. Религіозно-философской б-ки. М., 1915. 18 стр.+1 нен. Ц. 15 к.

Мира, П. Что нынѣ говорятъ о Богѣ, душѣ, религіи и прогрессѣ. Ч. I. Вильна, 1915. 45 стр. Ц. 10 к.

§ 2. **Блонскій, П.** Этюды по исторіи ранней греческой философіи. М., 1914. 26 стр.

Маковскій, Г. Б. Нравоученіе въ Талмудѣ. (Краткій очеркъ.) М., 1915. Изд. 2-е. 56 стр.

Малахіева-Мировичъ, В. Славянофилы и ихъ ученіе. (Библіотека войны. № 46—47.) М., 1915. Изд. К. Ф. Некрасова. 31 стр. Ц. 10 к.

Петерсонъ, Н. П. О религіозномъ характерѣ ученія Н. Ѳ. Ѳедорова. М., 1915. 30 стр. Ц. 20 к.

Шпетъ, Г. Философское наслѣдство П. Д. Юркевича. (Къ 40-лѣтію со дня смерти.) М., 1915. 75 стр.

§ 3. **Челпановъ, Г.**, проф. Учебникъ логики. Для гимназій и самообразованія. (Элементарный курсъ философіи. Ч. II. Логика.) М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думновъ. VIII+196 стр. Ц. 1 р.

§ 4. **Васильевъ, Н. А.** Лекціи по психо-

логіи, читанныя на Казанскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Казань, 1915. Изд. Голубева, 2-е допол. 225 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к.

§ 5. Въ помощь семьѣ. Доклады, читанные на выставкѣ образовательныхъ пособій и книгъ для дѣтей дошкольнаго и школьнаго возраста отъ 5--15 лѣтъ, 16—20 апрѣля 1913 года. Варшавскій Учебный Округъ. Варшава, 1914. 178+1 нен. стр.

Генеропитомцева, Е. А. Жизненный методъ преподаванія языковъ и его значеніе. Въ двухъ частяхъ съ прилож. Ч. I. Петроградъ, 1915. 253 стр. Ц. 2 р.

Горбовъ, Н. О внѣшнихъ пріемахъ воспитанія въ народной школѣ. 1915. Изд. 2-е. 53 стр. Ц. 30 к.

Демиовъ, М. И. Уроки въ народной школѣ. Краткое методическое руководство, съ рядомъ примѣрныхъ уроковъ, для народныхъ учителей и учительницъ, учительскихъ семинарій, женскихъ гимназій и епархіальныхъ женск. учил. М., 1915. Изд. А. С. Панафидиной. IV+154 стр. Ц. 60 к.

Ельницкій, К. Школьное обученіе. (Дидактика.) Петроградъ, 1914. Изд. М. М. Гутзаца. 175 стр. Ц. 75 к.

Козловъ, С. Е. Новая постановка письменныхъ работъ въ русской школѣ. Петроградъ, 1915. Изд. Н. Я. Оглоблина, 2-е. 30 стр. Ц. 30 к.

Лубенецъ, Н. Фребель и Монтессори. Кіевъ, 1915. 137 стр. Ц. 40 к.

Мусинъ-Пушкинъ, А. А., графъ. О необходимости національнаго направленія нашей школы. Петроградъ, 1915. 13 стр. Ц. 25 к.

Ортъ, Ф. Бесѣда съ сыномъ по поводу опасной привычки. Перев. Л. Горбуновой. (Къ чистой, свѣтлой жизни! Серія книжекъ подъ ред. П. Горбунова - Посадова. № 3.) М., 1915. 32 стр. Ц. 12 к.

— Бесѣда съ сыномъ по поводу опасной привычки. Перев. Л. Горбуновой. (Б-ка новаго воспитанія и образованія подъ ред. П. Горбунова - Посадова. Вып. CV.) М., 1915. 32 стр. Ц. 12 к.

Шаррэльманъ, Г. Живая вѣра въ преподаваніи и бесѣды о жизни съ дѣтьми и юношествомъ. Перев. съ нѣм. В. Кошевичъ и М. Яковлевой. (Б-ка новаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. П. Горбунова-Посадова. Вып. CIII.) М., 1914. 96 стр. Ц. 55 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 2. **Биркнеръ, Ф.** Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II. Расы и народности человѣчества. Перев. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. Спб., 1914. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. X+583 стр. Съ 32 табл. и 564 рис.

Буассье, Г. Цицеронъ и его друзья. Очеркъ о римскомъ обществѣ временъ Цезаря. Перев. съ 16-го франц. изд. Н. Н. Спиридонова. М., 1915. Изд. кн. маг. К. Н. Николаева. 379+1 нен. стр. Ц. 2 р.

Бузескулъ, В., проф. Лекціи по исторіи Греціи. Т. I. Введеніе въ исторію Греціи. Обзоръ источниковъ и очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX и въ началѣ XX вв. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е перераб. XV+592 стр. Ц. 3 р. 25 к.

Дѣдовъ, Н. Борьба Россіи за свободу народовъ въ 1813 и 1914 гг. Ставрополь, 1914. 23 стр.

Карѣевъ, Н. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Серія вторая. Петроградъ, 1915. 136 стр. Ц. 60 к.

Критсній, П. Взятіе Константинополя турками въ 1453 году. Ярославль, 1915. Изд. К. Ф. Некрасова. 16 стр.

Очерки по исторіи Византіи. Вып. IV. Подъ ред. проф. В. Н. Бенешевича. Петроградъ, 1914. Изд. студенч. издат. ком. при истор.-филол. фак. спб. университ. 154 стр.

Сарсэ, Ф. Осада Парижа 1870—1871 гг. Впечатлѣнія и воспоминанія. Перев. съ франц. Н. Эфроса и Э. Пименовой. Универсальная б-ка № 986 — 989. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 380 + 3 нен. стр. Ц. 40 к.

§ 3. **Богдановичъ, Т.** Александръ I. Историко-біографическій очеркъ. (Универ. б-ка № 652.) М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 127+1 нен. стр. Ц. 10 к.

Виноградовъ, Т. М. Памяти Царя-Миротворца, въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III. Ко дню двадцатилѣтія кончины Его. Н.-Новгородъ, 1914. Изд. 3-е. 45 стр.+1 портр. Ц. 25 к.

„Вѣстникъ Воспитанія". 1890—1915 гг. Памяти основателя журнала „Вѣстникъ Воспитанія" Н. Михайлова. Изъ исторіи „Вѣстника Воспитанія" (1890—1915 гг.). Отъ редакціи. Отзывы читателей о „Вѣстникѣ Воспитанія". Отъ редакціи. Къ 25-лѣтію „Вѣстника Воспитанія", акад.

Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ (1915 г., № 1). М., 1915. 81 стр.

Дмитріевъ, С. И. Генералъ-адмиралъ графъ Ф. М. Апраксинъ. Сподвижникъ Петра Великаго 1671—1728 гг. Петроградъ, 1914. 36 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Дѣдовъ, Н. Россія и битвы народовъ въ 1813 и 1914 гг. Ставрополь, 1911. 22 стр.

Ермиловъ, В. Е. Герои Англіи. М., 1915. Изд. И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис.

Мятлева, Т. П. Владиміро - Суздальскій край и начало Московской Руси отъ нашествія на Русь Батыя въ 1237 г. и до вокняженія въ Москвѣ Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донского въ 1360 г. Вып. I, ч. III. Петроградъ, 1915. 224+VIII стр. Ц. 70 к.

Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Ч. II. XVIII—XIX вв. Подъ ред. Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова и В. Е. и Б. Е. Сыроѣчковскихъ. М., 1915. Изд. „Задруга“. 392 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Нелидова, Е. Русь въ ея столицахъ. Историческіе очерки. III. Кіевъ. Петроградъ, 1915. V+218 стр. Съ 24 рис. Ц. 55 к.

Серебрянскій, Н. Древне-русскія княжескія житія. (Обзоръ редакцій и тексты.) М., 1915. Изд. Имп. Об-ва Исторіи и Древн. Россійск. при московск. универ. 186+VI стр.

Синюхаевъ, Г. Т. Генералъ-отъ-инфантеріи князь П. И. Багратіонъ. 1765—1812 гг. Біографическій очеркъ. Петроградъ, 1915. Изд. глав. управ. военно-учеб. заведеній. 32 стр. Съ портр. Ц. 30 к.

Срезневскій, В. И. и **Бемъ, А. Л.** Изданія церковной печати времени Императрицы Елисаветы Петровны 1741—1761 гг. Императорская Академія Наукъ. Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Покровительствомъ Выставка „Ломоносовъ и Елисаветинское время“. Т. IV. Петроградъ, 1914. XXXIX+557 стр. Съ рис.

§ 4. **Веренинкинъ, А. В.** Прошлое единаго славянства. Докладъ, прочитанный въ Ростовскомъ-на-Дону обществѣ исторіи, древностей и природы 26 октября 1914 года. Ростовъ-на-Дону, 1914. Изд. Ростовск.-на-Дону о-ва исторіи, древностей и природы. 19 стр. Ц. 15 к.

Погодинъ, А. Л., проф. Краткій очеркъ исторіи славянъ. М., 1914. Изд. Г. А. Лемана. 126 стр. Ц. 60 к.

— Славянскій міръ. Политическое и экономическое положеніе славянскихъ народовъ передъ войной 1914 года. М., 1915. VIII+420 стр.+3 карты. Ц. 1 р. 75 к.

§ 5. **Барановъ, Евг.** Наша вѣрная союзница Франція. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Барановъ, Евг. Храбрая Бельгія. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Бой подъ Варшавой и пораженіе главныхъ германскихъ силъ. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис.

Бѣловъ, В. Кровью и желѣзомъ. Впечатлѣнія офицера-участника. Августъ — сентябрь. Петроградъ, 1915. Изд. б-ка великой войны. 153 стр. Ц. 1 р.

Великая борьба народовъ. Вып. I. М., 1914. Изд. т-ва „Образованіе“. 57 стр. Съ рис.+18 лист. рис.

Во—въ, А. Люди—звѣри. (Разсказъ о варварствѣ нѣмцевъ.) Кіевъ, 1914. Изд. И. Т. Губанова. 31 стр.

Вторая Оранжевая книга. Дипломатическая переписка Россіи, предшествовавшая войнѣ съ Турціей. Петроградъ, 1914. Изд. „Освобожденіе“. 64 стр.

Гревсъ, К. Тайны германскаго главнаго штаба. (Дневникъ шпіона.) Пер. съ англ. М. Брусяниной. Петроградъ, 1915. Изд. „Освобожденіе“, 2-е, испр. и доп. 160 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гуревичъ, А. М. Политическій строй Англіи и Франціи. (Война и культура.) № 2. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 30 стр.

— Политическій строй Германіи. (Война и культура.) № 1. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. И. Н. Кушнеревъ и К°. 29 стр.

Давыдовъ, А. Великая европейская война, ея причины и исторія. Вып. I. Петроградъ, 1914. 55 стр. Ц. 20 к.

Ермиловъ, В. Е. Герои Франціи. М., 1915. 32 стр.

— Къ Царьграду. Наша вѣковая война съ турками. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис.

— Подвиги русскаго солдата въ войнѣ съ нѣмцами. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Есиповъ, В. В., проф. Милость и правда въ тюрьмѣ. Тюрьма русская и германская. Петроградъ, 1914. 23 стр. Ц. 30 к.

Жиффаръ, Л. Адская война. Перев. съ франц. „Пр. Л.“. Тифлисъ, 1914. 32 стр. Ц. 10 к.

Занятіе Галиціи и полный разгромъ австрійской арміи. М., 1915. 32 стр. Съ рис.

Ильинъ, Ю. С. Россія и Турція. Война и культура. № 4. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 44 стр.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы.) Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 27-й. Петроградъ, 1914. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. 80 стр.

Кистяковскій, Ю. А. Обезпечена ли Гер-

манія средствами продовольствія. Кіевъ, 1915. 54 стр. Ц. 35 к.

Книга лжи. Германская бѣлая книга о возникновеніи германо-русско-французской войны. По представленнымъ рейхстагу матеріаламъ. Полный переводъ. Р. Маркевичъ. Петроградъ, 1915. 63 стр.

Критскій, П. Героическая борьба сербовъ съ турками на Коссовомъ полѣ. Ярославль, 1914. Изд. К. Ф. Некрасова. 16 стр.

Ладыженскій, А. М. Отмѣна капитуляцій въ Турціи. Война и культура. № 5. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 22 стр.

Легкова, Н. Ѳ. Голландія. Война и культура. № 6. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 37 стр.

На передовыхъ позиціяхъ изъ разсказовъ и писемъ участниковъ сраженій. М., 1915. 32 стр.

Наши союзники въ великой войнѣ. Англія. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 12 нен. стр. Съ рис.

Наши союзники въ великой войнѣ. Франція. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 12 нен. стр. Съ рис.

Ковановскій, С. І. Панамскій каналъ и его міровое значеніе. Съ предисл. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ, 1914. Изд. С. В. Козьмина. IX + 588 стр. Съ 130 рис. по 71 отд. табл. и въ текстѣ + 3 карты + 1 автотипія въ краскахъ. Ц. 6 р.

Нюбергъ, С. Н. Англія. Война и культура. № 7. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 36 стр.

Пименова, Э. К. Англія наканунѣ войны. (Война и культура.) № 6. (Историческая комиссія. О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 35 стр.

Полуботко, А. І. Война Россіи съ Германіей, Австріей и Турціей. Сборникъ разсказовъ, характеризующихъ нашихъ воиновъ и непріятеля, а также описаній важнѣйшихъ сраженій съ приложеніемъ хронологіи войны. Вып. І. Петроградъ, 1915. 128 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

П. Х. Воюющая Германія. Петроградъ, 1915. 113 стр. Ц. 80 к.

Розановъ, Н. П. Освободительная война. Подольскъ, 1914. 15 стр. Ц. 10 к.

Рябининъ, С. И. Польша. Война и культура. № 9. (Историческая комиссія. О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 38 стр.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Реформы въ Арменіи. 26 ноября 1912—16 мая 1914 г. Петроградъ, 1915. Изд. Мин. Иностр. Дѣлъ. 294 стр.

Свѣнцицкій, А. Э. За родину и право. Погибель Бельгіи. Прусскія звѣрства. На Карпатахъ. М., 1914. 42 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Слѣпцова, М. Австрійскіе поляки. Война и народы. Петроградъ, 1915. Изд. автора. 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Сѣровъ, П. М. Какъ началась великая война 1914 года. Петроградъ, 1915. Изд. постоян. комиссіи народн. чтеній. 27 стр. Съ портр. Ц. 5 к.

Терешковичъ, В. Поляки подъ германскимъ владычествомъ. Война и культура. № 10. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.) М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 42 стр.

Толстой, Алексѣй Н., графъ. На войнѣ. Т. VI. М., 1915. Изд. книгоизд. „Писателей въ Москвѣ". 171 + 5 нен. стр. Ц. 1 р.

Троицкій, С. Какъ живутъ и страдаютъ православные и уніаты въ Австро-Венгріи. Петроградъ, 1914. 95 стр. Ц. 70 к.

Шафрановъ, П. Причины настоящей войны и задачи Россіи на Ближнемъ Востокѣ. (Рѣчь, произнесенная на актѣ въ Петроградскомъ Учительскомъ Институтѣ Имени Императора Александра II 25 октября 1914 г.) Петроградъ, 1914. 12 стр.

§ 6. **Беркутъ, Л. Н.** Борьба за инвеституру во время Императора Генриха V. Т. І. До папской „привилегіи инвеституры" 13 апр. 1111 включительно. Варшава, 1914. XXXI + 252 + V стр. Ц. 2 р.

Гороховъ, Д. В. Буддизмъ и христіанство. Опытъ историко-апологетическаго изслѣдованія. Кіевъ, 1914. 9 исп. + LVI + 463 стр. Ц. 4 р.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Билимовичъ, Ал.,** проф. Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Ч. І. Теорія потребностей. Понятіе субъективной цѣнности, цѣны и объективной мѣновой цѣнности. Кіевъ, 1914. Изд. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. X + 334 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Меньщиковъ, А. Матеріалы по обслѣдованію крестьянскихъ хозяйствъ Приморской области. Т. V. Новоселы, надѣлен-

ные по душевой нормѣ. (Таблицы и текстъ.) Подъ редакціей Б. Н. Клепинина. Владивостокъ, 1914 Изд. Переселенч. упр. Г. У. З. и З. XLIV+457 стр.+1 табл.

Павленко, М. Н. Матеріалы по изслѣдованію восточной сельди (Clupea harengus Z). Научно-промысловыя изслѣдованія водъ Дальняго Востока. Матеріалы къ познанію русскаго рыболовства. 1914 г. Т. III. Вып. 10. Петроградъ, 1914. Изд. Г. У. З. и З. 189 стр. Съ рис. и 12 табл.

Рилицкій, М. В. Изъ прошлаго и настоящаго черноземной деревни. Экономическіе очерки, статьи и замѣтки. (Полтавское общество сельскаго хозяйства). Полтава, 1914. Изд. журн. „Хуторянинъ". 110 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Чупровъ, А. И. Исторія политической экономіи. М., 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 8-е. 223+2 нен. стр. Ц. 80 к.

Швиттау, Г. Г. Трудовая помощь въ Россіи. Ч. II. Петроградъ, 1915. VI+600 стр.

§ 2. Внѣшняя торговля по европейской границѣ за ноябрь и за всѣ 11 мѣсяцевъ 1914 г. Вып. 351 (11). Петроградъ, 1915. Изд. Департ. тамож. сборовъ. 60 стр.

Донесенія Императорскихъ Россійскихъ Консульскихъ представителей за границей по торгово-промышленнымъ вопросамъ. № 46. Консулъ въ Кашгарѣ. Петроградъ, 1914. 130 стр. Ц. 20 к.

Желѣзорудная промышленность южной Россіи въ 1913 году. № 545. 15 ноября 1914 г. Подъ ред. Н. Ф. фонъ-Дитмара. Харьковъ, 1914. Изд. Стат. бюро сов. съѣзда горнопромышл. юга Россіи. XVI+46 стр. Ц. 1 р.

Каменноугольная промышленность Россіи въ 1913 г. Вып. I. Ежемѣсячная статистика. № 552. 23 декабря 1914 г. Подъ ред. Н. Ф. фонъ-Дитмара. Харьковъ, 1914. Изд. Статист. бюро сов. съѣзда горнопромышлен. юга Россіи. VIII+17+IX—XXII+66 стр. Ц. 1 р.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи по Европейской и Азіатской границамъ за 1913 г. Ч. I. Петроградъ, 1914. Изд. Деп. таможенныхъ сборовъ. IV + VIII + 97 + 581 стр.

§ 3. **Веселовскій, С.** Сошное письмо. Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошнаго обложенія Московскаго государства. Т. I. Вступительныя замѣчанія о хозяйствѣ Московскаго государства и объ окладныхъ единицахъ. Большая московская соха въ концѣ XVI в. и послѣ смуты. Посошные налоги XVI в., перешедшіе въ XVII вѣкъ. Налоги, введенные послѣ смуты. Оклады сошнаго письма съ конца XVI в. Государственный, международный и городовой разводъ податей и повинностей. Порядки посошнаго тягла въ частновладѣльческихъ земляхъ. Мірская раскладка податей. М., 1915. XVI + 442 стр. Ц. 3 р.

Эристовъ, А. М. О Государственномъ банкѣ. Петроградъ, 1914. 32 стр.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; кооперацiи. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 3. **Глѣбовъ, А. В. (Мернуловъ.)** Кредитныя товарищества. (Крестьянская б-ка.) Петроградъ, 1914. Изд. 3-е, исправл. 32 стр.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 1. **Джорджикія, Н. С.** Критика психологической теоріи права проф. Л. I. Петражицкаго. Кіевъ, 1915. 46 стр. Ц. 30 к.

Новыя идеи въ правовѣдѣніи. Сборникъ IV. Философія права и нравственности. (Психологическая теорія нравственности.) Подъ ред. проф. Л. I. Петражицкаго. Спб., 1915. Изд. „Образованіе". 137 стр. Ц. 80 к.

Радбрухъ, Г. Введеніе въ науку права. Разрѣшен. авторомъ перев. со второго изданія М. М. Островской и И. З. Штейнберга. Со вступ. статьей Б. Кистяковскаго. М., 1914. Изд. „Трудъ". XX+139+3 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Энгель, Г. А. Право и власть. Введеніе въ законовѣдѣніе. Конспектъ лекцій. Ч. I. Петроградъ, 1915. 206+IV стр.

§ 2. **Блиновъ, Ив.** Судебная реформа 20 ноября 1864 г. Историко-юридическій очеркъ. Петроградъ, 1914. 234 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Илбертъ, К. Парламентъ (его исторія, организація и практика). Перев. съ англ. В. Керженцева. (Всеобщая б-ка, № 222—224.) Петроградъ, 1915. Изд. Акц. общ. типогр. дѣла. 192 стр. + 1 листъ рис. Ц. 30 к.

§ 3. **Тарасовъ, И. Т.** Лекціи по полицейскому (административному) праву Т. III. Особенная часть. М., 1914. 668+IV стр. Ц. 4 р. 50 к.

Хейфицъ, Ю. Я. Галиція. Политическое, административное и судебное устройство. Петроградъ, 1914. 63 стр.

§ 4. **Бугаевскій, А.** Процессуальныя новеллы. (Критическія замѣтки.) Петроградъ, 1915. 36 стр.

Бѣляцкинъ, С. А. Война и правосудіе (къ вопросу о правовомъ положеніи на судѣ подданныхъ воюющихъ державъ.) М., 1914. Изд. журн. „Вѣстникъ Права". 28 стр. Ц. 30 к.

Исторія русской адвокатуры. Томъ I. Гессенъ, I. В. Адвокатура, общество и государство 1864—1914. М., 1914. Изд. Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. XXIV+623+4 нен. стр.+10 портр.

Кункль, А. А. „Вексельная давность". М., 1915. 7+1 нен. стр. Ц. 45 к.

Мейеръ, Д. А. Русское гражданское право. Чтенія, изданныя по запискамъ слушателей, подъ ред. А. И. Вицына. Съ исправл. и дополнен. А. Х. Гольмстена. Петроградъ, 1914. Изд. 10-е. юрид. книж. маг. Н. К. Мартынова. XXVIII + 640 + XLI стр. Ц. 3 р.

Познышевъ, С. В., проф. Очерки тюрьмовѣдѣнія. М., 1915. Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 2-е испр. и доп. 295 + III стр.+11 лист. рис. Ц. 2 р.

Русскій торговый процессъ. Пособіе къ лекціямъ, читан. на юридич. факультетѣ Императорскаго москов. университета и въ Москов. коммерч. инстит. В. А. Краснокутскимъ. М., 1915. Изд. Студенч. изд. 97 стр. Ц. 1 р.

Сергѣевскій, Н. Д., проф. Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Посмертное изд., исправл. и дополн. проф. С. Н. Трегубовымъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. VIII + 395 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Синайскій, В. И., проф. Русское гражданское право. Вып. II. Обязательное, семейное и наслѣдственное право. Кіевъ, 1915. Изд. Т. А. Касперскаго. XII+451 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Тимашевъ, Н. С. Преступное возбужденіе массъ по дѣйствующему русскому праву. (Статьи 129—132 угол. улож.). Петроградъ, 1915. 64 стр. Ц. 75 к.

§ 6. **Авдѣенко, И. К.** Временное положеніе о военной цензурѣ, въ связи съ дѣйствующимъ уставомъ о Цензурѣ и Печати. Приложенія: Правила о повременной печати и формы прошеній. Необходимая справочная книжка для редакторовъ и издателей повременныхъ и др. изданій, владѣльцевъ типографій, книжныхъ магазиновъ и т. п., а также лицъ, причастныхъ къ дѣлу печати. Одесса, 1914. 40 стр. Ц. 40 к.

Арефа, Н. И. Правила о призрѣніи нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ на счетъ казны. Пенсіи, продовольственныя пособія (денежный паекъ), единовременныя пособія. Обезпеченіе семействъ вольнонаемныхъ мастеровыхъ и рабочихъ казенныхъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ. Образцы прошеній и жалобъ. М., 1915. Изд. юрид. кн. маг. Ф. К. Бусыгина. 80 стр. Ц. 20 к.

Горевъ, В. П. „Молодой юристъ". III. Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству для начинающихъ юристовъ, студентовъ, частныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, обвинителей и обвиняемыхъ при веденіи уголовныхъ дѣлъ во всѣхъ судахъ. Петроградъ, 1915. Изд. юрид. книжн. магаз. В. Анисимова. 514 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Грамматикати, Д. И. и **Казаковъ, П. К.** О повышеніи окладовъ гербоваго сбора по закону 4 октября 1914 г. Пособіе для плательщиковъ. Харьковъ, 1914. 28 стр. Ц. 40 к.

Законы и правила призыва въ войска ратниковъ 1-го и 2-го разрядовъ до 43-лѣтняго возраста. (Глава XVI Общаго Устава о воинск. повинности). Екатеринославъ, 1915. Изд. I. Гендлера-Фишмана. 8 стр. Ц. 10 к.

Законъ о виноградномъ винѣ, одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой и Высочайше утвержденный 24 апрѣля 1914 года. Одесса, 1914. Изд. Комитета виноградарства Имп. об-ва сельск. хоз. южн. Россіи. 15 стр.

Законы о новыхъ налогахъ и повышеніе существующихъ. Налогъ съ пассажировъ. Налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Кибиточная подать. Промысловый налогъ. Налогъ съ кинематографовъ. Квартирный налогъ. Налогъ на наслѣдственныя имущества. Страховыя пошлины. Гербовый сборъ. Акцизъ на прессованныя дрожжи и спички. Налогъ на русскій хлопокъ. Акцизъ съ сахара и нефтяныхъ продуктовъ. Налогъ съ желѣзнодорожныхъ грузовъ. Акцизъ на табачныя издѣлія. Судебныя пошлины и вексельный гербовый сборъ. М., 1915. 32 стр. Ц. 30 к.

Ивановъ, Н. Законы объ иностранцахъ, подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ и Сенатская практика. Одесса, 1915. Изд. автора. 65 стр. Ц. 60 к.

Именной Высочайшій Указъ объ измѣненіи статей 1—5 Именного Высочайшаго Указа о примѣненіи правилъ морской войны, выработанныхъ на Лондонской морской конференціи 1908—1909 г. Дополненіе къ „Разъясненію, приложенному къ приказу морского министра отъ 9 сент. 1914 г., за № 304". Петроградъ, 1914. 5 стр.

Кукановъ, А. И. и Левшинъ, В. Л. Законы 4 октября и 16 декабря 1914 г. (Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 12 ноября 1914 г. № 308 и 31 декабря 1914 г. № 366) о повышеніи окладовъ гербоваго сбора. Съ приложеніемъ согласованнаго съ разъясненіями министерства финансовъ и новыми законами перечня бумагъ, актовъ и документовъ, облагаемыхъ актовымъ гербовымъ сборомъ низшаго оклада. М., 1915. 32 стр. Ц. 50 к.

Кукановъ, А. И. и Лукинъ, Б. Я. Новый законъ (4 октября 1914 г.) о повышеніи ставокъ гербоваго обложенія. Добавленіе къ книгѣ А. И. Куканова и Б. Я. Лукина: „Руководство къ гербовому уставу". М., 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 8 стр.

Мышъ, М. И. Городовое положеніе 11 іюня 1892 г. съ относящимися къ нему узаконеніями, судебными и правительственными разъясненіями. Петроградъ. Изд. 8-е, испр. и доп. LXIII стр. Ц. 7 р.

Нольненъ, А. Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ. (Ч. III Свода мѣстн. узак. губ. Остзейскихъ) со включеніемъ измѣненій и дополненій по продолженіямъ и позднѣйшимъ узаконеніямъ съ разъясненіями Правительствующаго Сената. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и пересм., юрид. книжн. скл. „Право". 950 стр. Ц. 7 р.

О призрѣніи нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ по закону 25 іюня 1912 г. Н.-Новгородъ, 1914. Изд. Нижег. гор. управы. 8 стр.

Пенсіи нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ. Тверь, 1914. Изд. Губ. земства. 1 листъ.

Плеханъ, И. С. Правила о законныхъ оцѣнкахъ имуществъ для исчисленія пошлинъ съ безмезднаго перехода имуществъ и крѣпостныхъ и гербоваго актоваго сбора и табель законной оцѣнки земель для исчисленія пошлинъ. (Собр. указ. № 308, отъ 12 нояб. 1914 г.). Петроградъ, 1915. Изд. „Право". 72 стр. Ц. 50 к.

С—кій, Е. П. Полное подробное разъясненіе всѣхъ статей новаго закона о воинской повинности для призывающихся и о льготахъ и отсрочкахъ въ 1915 и 1916 годахъ. Съ приложеніемъ списка болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ не препятствующихъ къ пріему въ войска въ военное время. Одесса, 1915. Изд. кн-ва Е. П. Сильванскаго. 8 стр. Ц. 5 к.

Тютрюмовъ, И. М. Законы гражданскіе. (Св. Зак. т. X ч. 1, изд. 1914 г.) съ разъясненіями Правительствующаго Сената и комментаріями русскихъ юристовъ, извлеченными изъ научныхъ и практическихъ трудовъ по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 февраля 1915 г.). Т. I. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е, испр. и доп. „Законовѣдѣніе". XX+1413 стр. Ц. 8 р. за оба тома.

Честухинъ, А. А. и Лукинъ, Б. Я. Новые налоги и повышеніе существующихъ налоговъ. Налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Кибиточная подать. Промысловый налогъ. Квартирный налогъ. Страховыя пошлины. Гербовый сборъ. Акцизъ. Налогъ на русскій хлопокъ. Налогъ съ грузовъ. Налогъ съ пассажировъ. Приложеніе: Календарь-справочникъ для плательщиковъ налоговъ: квартирнаго, промысловаго и налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. М., 1915. Изд. юридич. кн. маг. „Право" Ф. В. Бусыгина. 32+4 нен. стр. Ц. 30 к.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы Императора Александра II по юбилейному изданію 1914 г. съ законодательными мотивами. I. Учрежденіе судебныхъ установленій. II. Уставъ гражданскаго судопроизводства. III. Положеніе о нотаріальной части. IV. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Петроградъ, 1915. IV+668 стр. Ц. 3 р. 50 к.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **Абамелекъ-Лазаревъ, князь.** Задача Россіи и условія прочнаго мира. Съ прил. одной карты и сравнительной таблицы славянскихъ языковъ. Петроградъ, 1915. 76 стр.+1 карта+1 табл.

Андреевъ, Л. Нѣтъ смерти для того, кто любитъ родину. Петроградъ, 1914. 16 стр.

Анзиміровъ, В. Отраженія войны въ литературѣ различныхъ странъ и народовъ. Миръ и война. Б-ка общедост. очерковъ,

посвящ. войнѣ 1914 г. Вып. V. М., 1914—1915. Изд. книгоизд. „Общее дѣло". 20 стр. Ц. 10 к.

Вересаевъ, В. Живая жизнь. Ч. II. Аполлонъ и Діонисъ. (О Ницше.) М., 1915. 144 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Восторговъ, І., прот. Во дни войны. Голосъ пастыря-патріота. М., 1914. 155+II стр. Ц. 75 к.

Глубовскій, Б. (На обложкѣ Глубоковскій, Б.) (редакція В. Пичета.) Проклятый вопросъ Россіи. (Восточный вопросъ.) Миръ и война.) Б-ка общедост. очерковъ, посвящ. войнѣ 1914 г. Вып. XI. М., 1914—1915. Изд. „Общее дѣло". 20 стр. Ц. 10 к.

Гольдштейнъ, І. М. Война, германскіе синдикаты, русскій экспортъ и наши торговые договоры. М., 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. 63 стр. Ц. 60 к.

Горькій, М. О писателяхъ самоучкахъ. Петроградъ, 1914. Изд. „Жизнь и Знаніе". 32+16 стр. Ц. 25 к.

Діонео. Мѣняющаяся Англія. Ч. II. М., 1915. Изд. книгоиз. „Писателей въ Москвѣ". 120+V нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Завитневичъ, В. З. Банкротство началъ германской культуры и идеалъ русской цивилизаціи. Кіевъ, 1915. 32 стр.

Загряцковъ, М. Д., проф. Земская служба и третій элементъ. Вып. I. Петроградъ, 1914. Изд. „Земское Дѣло". 36 стр. Ц. 40 к.

Короленко, В. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Петроградъ, 1915. Изд. 7-е испр. и доп. редакц. журн. „Русское Богатство". 384 стр. Ц. 1 р.

Михельсонъ, Я. Наши богатства. Петроградъ, 1915. 15 стр.

Ренниковъ, А. Въ странѣ чудесъ. Правда о прибалтійскихъ нѣмцахъ. Петроградъ, 1915. Изд. М. А. Суворина. VI+347 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ремизовъ, А. За святую Русь. Дума о родной землѣ. Петроградъ, 1915. Изд. „ж ла „Отечество". 57 стр. Ц. 40 к.

Сахновскій, В. Г. О русской народности. Національный ликъ Россіи. (Миръ и война. Б-ка общедост. очерковъ, посвящен. войнѣ 1914 г. Вып. XII.) М., 1914—1915. Изд. кн-ва „Общее Дѣло". 39 стр. Ц. 20 к.

Чертковъ, В. Объ изданіи полнаго собранія мыслей Л. Н. Толстого. М., 1915. 27 стр.

— Объ изданіи полнаго собранія мыслей Л. Н. Толстого. М., 1915. 28+4 стр.

§ 3. **Гурій**, архим. Забытая жатва. Миссіонерская дѣятельность среди приволжскихъ калмыковъ. (Къ вопросу о методахъ миссіонерскаго воздѣйствія на ламаитовъ.) Казань, 1914. 49 стр.

§ 4. **Андреевъ, Л.** Первая ступень. О еврейскомъ вопросѣ. М., 1915. Изд. журн. „Отечество". 16 стр. Ц. 20 к.

Галантъ, И. Черта еврейской осѣдлости. Съ письмомъ Л. Н. Толстого. М., 1915. Изд. 2-е. 28 стр.

Гольдштейнъ, А., Идельсонъ, А., Пасманикъ, Д. Война, еврейство и Палестина. Петроградъ, 1915. Изд. „Востокъ". 48 стр. Ц. 10 к.

§ 5. **Ардашевъ, Ник.** Великая война и женщины русскія. М., 1915. 16 стр. Ц. 25 к.

§ 7. Воздушный флотъ. Исторія и организація военнаго воздухоплаванія. Подъ ред. Н. М. Глаголева. Петроградъ, 1915. 110 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. **Гильдебрандъ, А.** Проблема формы въ изобразительномъ искусствѣ и собраніе статей. Перев. Н. Б. Розенфельда и Б. А. Фаворскаго. М., 1914. Изд. „Мусагетъ". IX+1 нен.+193+1 нен. стр. Ц. 3 р.

Тэнъ, Ипполитъ. Лекціи объ искусствѣ. (Философія искусства.) Ч. V. Идеалъ въ искусствѣ. Перев. съ фран. Н. Соболевскаго. (Унив. б-ка № 667.) М., 1915. Изд. кн-ва „Польза", 2-е. 112 стр. Ц. 10 к.

§ 2. **Гартманъ, К. О.**, проф. Стили. Ч. II. Стили отъ Ренесанса до нашихъ дней. Подъ ред. Н. Самсонова. Авторизованный переводъ съ послѣдняго изданія А. Львова. Русское изданіе „Б-ки Гешенъ". Рига, 1915. Изд. „Наука и Жизнь". 144 стр. Съ рис.

§ 5. **Мусоргскій, М. П.** Письма къ М. А. Балакиреву (1857—1872 г.). Петроградъ, 1915. Изд. „Русской музыкальной газеты". 70+II стр. Ц. 40 к.

§ 6. **Семеновъ, А. К.** Русскій театръ при Императрицѣ Екатеринѣ II. Екатерина II. Фонвизинъ. Сумароковъ. Одесса, 1915. Изд. кн-ва М. С. Козмана. 46+II стр. Ц. 25 к.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена; § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Млодзѣевскій, Б. К.** Основы аналитической геометріи въ пространствѣ. М., 1915. Студенческое издательство, 3-е. 190 стр. Съ чертеж. Ц. 1 р. 75 к.

§ 2. **Даннеманнъ, Фр.** Какъ создавалась наша картина міра. Пер. съ нѣм. Л. Ю. Котляръ. Петроградъ, 1915. Изд. „Образованіе". 112 стр. Съ 19 рис. Ц. 60 к.

§ 3. **Копняевъ, П. П.**, проф. Лекціи. Перемѣнный токъ. Харьковъ, 1915. 56+1 нен. стр. Съ чертеж. Ц. 20 к.

Содди, Ф., проф. Радій и его разгадка. Перев. съ англ. подъ ред. Д. Д. Хмырова. Одесса, 1915. Изд. „Матезисъ". XVI+207+12 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. Т. IV. Ученіе о магнитныхъ и электрическихъ явленіяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, перер. и доп. К. Л. Риккера. VIII+852 стр. Съ 333 рис. Ц. 5 р.

§ 5. **Бухгольцъ, А. В.**, проф. Таблицы для опредѣленія высшихъ растеній. Примѣнительно къ практическимъ занятіямъ студентовъ рижскаго политехническаго института. Рига, 1915. 18 стр.

Бюшгенсъ, С. С. Теорія опредѣлителей. Курсъ лекцій, читанный въ Импер. моск. унив. въ 1914—15 году. М., 1915. Изд. кн. маг. Студенческое издательство. 100+III стр. Ц. 1 р.

Кингсли, Д. С. Сравнительная анатомія позвоночныхъ животныхъ. Пер. съ англ. М. А. Мензбира и М. М. Новикова. М., 1914. XIII+408 стр. Съ рис. Ц. 5 р. 50 к.

Мигула, В., проф. Біологія растеній. Ч. I. Общая біологія. Авториз. перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія А. Я. Брусова. (Русское изданіе „Б-ки Гешенъ".) Рига, 1914. Изд. „Наука и Жизнь". 144 стр. Съ рис.

Натансонъ, А. Общая ботаника. Перев. подъ ред. Л. М. Кречетовича. М., 1915. Изд. кн-ва „Современ. проблемы". V+539 стр. Съ рис.+4 табл. Ц. 3 р.

Ѳожинъ, А. и Воронцовъ, Ю. Опредѣлитель растеній Кавказа и Крыма. Т. II. Вып. II. Тифлисъ, 1914. Изд. Тифлисскаго ботаническаго сада. 113—192 стр. Ц. 40 к.

§ 6. **Зерновъ, Д.**, проф. Руководство описательной анатоміи человѣка. Ч. II. Вып. II. Анатомія сосудистой системы. М., 1915. Изд. 10-е. 627—790 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Михаэлисъ, Л., проф. Краткое руководство по эмбріологіи. Перев. съ 4-го нѣм. изд. съ доп. подъ ред. А. Г. Гурвича. Со статьей проф. А. Г. Гурвича „О менделизмѣ". Кіевъ, 1915. Изд. кн-ва „Сотрудникъ", 2-е испр. и доп. VIII+171+1 нен. стр. Съ 76 рис. Ц. 1 р.

Первухинъ, А. Гигіена. Подъ ред. Н. А. Макарова. Руководство для сестеръ милосердія. М., 1915. 60 стр. Ц. 40 к.

Слугиновъ, С. П. Теорія анатомическихъ функцій. Казань, 1914. V+175+2 нен. стр.+2 листа чертеж.

§ 7. **Андріяновъ, П. А.** О землетрясеніяхъ вообще и о мессинскомъ (1908 г.) въ особенности. М., 1914. Изд. Москов. об-ва нар. чтеній. 24 стр. Ц. 5 к.

Бенгульянцъ, Р., свящ. (Сѣверянинъ.) По турецкой Арменіи. Впечатлѣнія отъ поѣздки лѣтомъ въ 1914 году. Ростовъ н/Д., 1914. 94 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Васильевъ, А. С. На Шпицбергенъ и по Шпицбергену во время градуснаго измѣренія. Наблюденія, путешествія и замѣтки. Одесса, 1915. IX+141 стр. Съ фотограф. и картой. Ц. 1 р. 50 к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В. Экономическая Турція. Къ концу перваго десятилѣтія XX вѣка. Очеркъ экономической географіи страны. Петроградъ, 1915. 48 стр. Ц. 60 к.

Лаговъ, Н. М. Галичина. Ея исторія, природа, населеніе, богатства и достопримѣчательности. Петроградъ, 1915. Изд. Н. П. Карбасникова. VIII + 123 стр. Ц. 80 к.

Переходъ, В. И. Сыпучіе пески и ихъ облѣсеніе. М., 1915. Изд. т-ва „Агрономъ". 31 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

П—ій, А. Б. Современная Монголія. Петроградъ, 1915. 31 стр. Ц. 30 к.

Танфильевъ, Г. И. Галиція и Буковина. Географическій очеркъ. Съ приложеніемъ географической карты въ масштабѣ 1 : 750.000 (въ 1 сант. 7.5 килом.). Одесса, 1915. 52 стр.+1 карта. Ц. 50 к.

§ 8. **Половцовъ, В. В.**, проф. Проблема наслѣдственности, какъ научная схема.

Петроградъ, 1915. Изд. А. С. Панафидиной. 31 стр. Ц. 20 к.

Филипченко, Ю. А. Измѣнчивость и эволюція. Петроградъ, 1915. Изд. А. С. Панафидиной. 90 стр. Съ черт. Ц. 30 к.

§ 9. **Поссе, К.**, проф. Международная комиссія по преподаванію математики. Конференція въ Парижѣ 1—4 апрѣля (н. ст.) 1914 г. Одесса, 1914. 8 стр.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Методика ариѳметики для учителей начальныхъ школъ, въ 2-хъ частяхъ. Ч. I. М., 1915. Изд. 8-е, т-ва И. Д. Сытина. VI+316 стр. Ц. 1 р. 10 коп.

X. Книги для дѣтей.

Абрамовъ, К. З. Въ Зырянскомъ краю. М., 1914. Изд. кн. скл. С. Курнинъ и К°. 136 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Авенаріусъ, В. П. Исторія моисика. (Изъ дневника Любочки.) Рис. Р. Г. Шнейдера. М., 1915. Изд. Н. Д. Ступина, 2-е. 46 стр. Съ рис.

Авиловъ, П. Вдали. Разсказы изъ чукотской жизни. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 168 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— На камнѣ. Разсказъ изъ чукотской жизни. „Въ школѣ и дома". № 4. М., 1915. Изд. кн. ск. М. В. Клюкина. 40 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

— Старикъ. Разсказъ изъ чукотской жизни. „Въ школѣ и дома". № 40. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 38+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 12 к.

— Шаманъ. Разсказъ изъ чукотской жизни. № 3. „Въ школѣ и дома". М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 40 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Аксаковъ, С. Т. Аленькій цвѣточекъ. Сказка. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка „Новой Школы". Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. XVII. М., 1915. Изд. 4-е. 48 стр. Съ портр. Ц. 5 к.

Алексѣевъ, П. Въ пустыняхъ. Въ школѣ и дома. № 2. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 62 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Алешинъ, Вл. Лѣсныя сказки. М., 1915. 87 стр. Ц. 50 к.

Алтаевъ, А. Въ лѣсу. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Въ поискахъ счастья. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1914. Изд. „Юная Россія". 61+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Въ неволѣ и на волѣ. Первые разсказы изъ жизни природы. Рис. А. Н. Комарова. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 63 стр. Ц. 30 к.

— Забавники. (Деш. б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. „Юная Россія". 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Кружка слезъ. Старинное германское сказаніе. Къ свѣту. Сказка. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Крупеничка изъ русскихъ народныхъ сказавій. (Дешев. б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. „Юная Россія". 15+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Андреевъ, П. Тоже жизнь. Разсказы для дѣтей. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 79 стр. Съ рис. Ц. 45 к.

Антоновъ, П. За хлопкомъ. Разсказъ. Въ школѣ и дома. № 1. М., 1915. Изд. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Среди азіатовъ. Разсказы для дѣтей. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 64 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Бажина, С. Какъ Миша попалъ на фабрику. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 48 стр. Съ рис.

Берлинъ, Я. А. Дѣла и думы людскія. VII. Живая библія. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. „Юная Россія". 45+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 12 к.

— Дѣла и думы людскія. Очеркъ VIII. Въ старой Европѣ. (Изъ повседневной жизни XVI+XVII вѣковъ.) (Дешев. б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 47 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Буковецкая, С. Пять сутокъ подъ землей. (Съ польскаго.) Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 14. М., 1915. Изд. 4-е т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 4 к.

Булгакова, Е. Старый домъ. Повѣсть для дѣтей средняго возраста. Рис. В. И. Комарова. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 132 стр. Ц. 50 к.

Вагнеръ, П. Школа въ лѣсу. Разсказъ. „Въ школѣ и дома". № 41. М., 1914. 112 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Вадзинская, А. Бабушкина семья. Разсказъ изъ жизни домашнихъ животныхъ. (Дѣтская б-ка.) М., 1915. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Вагнеръ, П. Дѣти, любите лошадей. Разсказъ. („Въ школѣ и дома". № 38.) М., 1914. 38 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Верга, Дж. Исторія одной малиновки. Повѣсть. Перев. съ итальянск. П. Рождественскаго. (Унив. б-ка № 713.) М., 1914. Изд. т-ва „Польза", 2-е. 100+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Вериго, М. Въ лѣсу. Перев. съ польск.

О. Зарембы. 3-я книжка для чтенія на первомъ году обученія. „Б-ка новой школы". Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 28. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 24 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

— Въ лѣсу. Перев. съ польск. О. Зарембы. Первая книжка для чтенія на второмъ году обученія. „Б-ка новой школы". Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. XXI. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 30 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Вернъ, Жюль. Владыка міра. Перев. съ франц. Г. Галиной. (Б-ка для семьи и школы.) М., 1914. Изд. 2-е, ред. журн. „Юная Россія". 126 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

— Деревня на воздухѣ. Повѣсть. Пер. съ франц. Н. Васина. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 144 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Витинъ, А. Тайга. Разсказъ. Харьковъ, 1915. 79 стр.

Въ зеленомъ царствѣ. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. (Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 20.) М., 1915. Изд. 5-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Въ родной деревнѣ. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы. № 17. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1915. Изд. 5-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Гауффъ, В. Судьба Саиды. Сказка. Пер. съ нѣмецк. Б-ка сказокъ. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 52 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Холодное сердце. Пер. съ нѣм. Б-ка сказокъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Гданскій, Л. Маленькіе маляры. Петроградъ, 1914. 48 стр.

Гомулицкій, В. Воспоминанія синяго мундирчика. Перев. М. В. Лаврова. М., 1914. Изд. I. Кнебель. 260 стр. Съ рис.

Горбунова, Е. и Лукьянская, В. Для крошечныхъ людей. Картинки Е. Бемъ. Съ разсказами и стихами. (Б-ка № 85.) М., 1915. Изд. И. Горбунова-Посадова. 101 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Гофманъ, Р. Снѣжная принцесса. Сказка. Съ рис. П. Е. Литвиненко. М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова, 4-е. 20 стр. Съ рис.

Гуси-лебеди. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. (Б-ка Новой школы. № 7. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова.) М., 1915. Изд. 6-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Дарлингъ, Ю. Маленькій „я тоже". Разсказъ изъ жизни американскаго мальчика. Перев. съ англійск. Н. Страховой. (Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей.) М., 1915. 47+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Дворня. Времена крѣпостного права. Для старшихъ. (Б-ка новой школы. № 3). Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1915. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Ц. 4 к.

Дени, Нинъ. Плѣнники Сихотэ Алинъ. Повѣсть. Съ рис. Н. Денисова. М., 1915. Изд. журн. „Дѣтскій Міръ". 101 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Дефо, Даніэль. Робинзонъ Крузо. Удивительныя приключенія, разсказанныя имъ самимъ. Новая обработка подъ редакц. Н. Жбанковой. М., 1914. Изд. I. Кнебель. 218 стр. Съ рис.+1 портр.

Де-Фо. Робинзонъ Крузо. Переработка Л. Громозовой. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, Вятскаго книгоизд. тов. „Народная Б-ка". 308 стр. Съ 48 рис. Ц. 1 р.

Джексонъ, Э. Леди Ноггсъ, дочь Лэра. Пересказъ съ англійскаго Нободи. Петроградъ, 1914. VI+389 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Давидъ Копперфильдъ. Въ пересказѣ для дѣтей старшаго возраста Алисы Джэксонъ. Пер. съ англ. М. П. Благовѣщенской. Петроградъ, 1914. 136 стр.

Додэ, А. Малышъ. Исторія одного ребенка. Изданіе для юношества. Перев. съ франц. Е. и И. Леонтьевыхъ. М., 1915. Изд. „Польза". 248 стр.

Дроздовъ. Робинзонъ Крузо и его необычайныя приключенія. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. М., 1915. Изд. Е. Коноваловой и К°. 158 стр.

Елачичъ, Е. Жизнь въ тропическомъ лѣсу Африки. Петроградъ, 1914. Изд. Постоян. комиссіи народ. чтеній, 3-е. 54 стр. Съ 17 рис. Ц. 25 к.

Елисѣевъ, П. На морѣ. Разсказъ изъ морской жизни. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 7 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Заринъ, А. Е. Великій праведникъ. (Біографія и дѣятельность Джона Говарда.) Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельн. подъ ред. А. Е. Зарина.) М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова. 48 стр.+1 портр. Ц. 15 к.

— Дѣдушка Крыловъ. Біограф. очеркъ. (Замѣчательные люди всего міра, описаніе ихъ жизни и дѣятельн. подъ ред. А. Е. Зарина.) М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова. 45 стр.+1 портр.

— Первый книгопечатникъ I. Гуттенбергъ и исторія изобрѣтенія книгопечатанія. Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельн. подъ ред. А. Е. Зарина. М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова. 61+3 нен. стр. Ц. 20 к.

— Первый книгопечатникъ I. Гуттенбергъ и исторія изобрѣтенія книгопечатанія. (Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельности подъ ред. А. Е. Зарина.) М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова. 61+3 нен. стр.+1 портр. Ц. 20 к.

— Царь-Освободитель. (Жизнь и цар-

ствованіе Александра II.) Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельности подъ ред. А. Е. Зарина. М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова. 95 стр.+1 портр. Ц. 25 к.

Зарницына, М. Три товарища. Разсказъ изъ жизни деревенскихъ школьниковъ. М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думнова. 131 стр. Ц. 45 к.

Засодимскій, П. В. Бывальщины и сказки. Съ рис. В. Навозова. М., 1915. Изд. 5-е. 236 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— Свѣтъ и тѣни. Разсказы для старшаго возраста. М., 1915. Изд. 6-е, т-ва И. Д. Сытина. 202 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

— Свѣтъ и тѣни. Разсказы для старшаго возраста. М., 1915. Изд. 6-е, т-ва И. Д. Сытина. 160 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Зилозъ, Левъ. Азбука по Юру и Валю. Рис. М. Н. Яковлевъ. М., 1914. Изд. „Цвѣтокъ". 35 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Императоръ Наполеонъ I. Для старшихъ. № 2. „Б-ка новой школы". Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 31+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Каррикъ, В. Сказки-картинки. № 10. Лисица и Мужикъ. Волкъ-Рыболовъ. М., 1915. Изд. „Задруга", 2-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Сказки-картинки. № 21. Лисица и Дроздъ. М., 1914. Изд. „Задруга", 2-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Сказки-картинки. № 22. Хобіасы. (Англійская сказка.) М., 1915. Изд. „Задруга", 2-е. Съ рис. Ц. 10 к.

— Сказки-картинки. № 23. Кошачій король. Заяцъ, Левъ и Львица. М., 1914. Изд. „Задруга", 2-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Кеннеди, Г. Индѣйскія сказки. Книга первая. 160 стр. Съ рис. Книга вторая. 158 стр. Съ рис. Перев. М. Языкова. М., 1914. Изд. I. Кнебель.

Колобокъ. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. (Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 10.) М., 1915. Изд. 6-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Корчакъ, Я. Слава. Повѣсть. Перев. съ польскаго Э. П. М., 1915. Изд. журн. „Дѣтскій Міръ". 74 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Кругловъ, А. В. Геніальный поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова для дѣтей школьнаго возраста. Съ портретомъ М. В. Ломоносова, снимками съ памятниковъ и рисунками художника А. А. Кучеренко. М., 1915. Изд. 11-е, Д. П. Ефимова. 45 стр. Ц. 30 к.

— Жизнь. Разсказы для дѣтей. Съ рис. П. Яковлева. М., 1915. Изд. Д. П. Ефимова, 3-е. 63 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Лонгъ, Е. На крайнемъ сѣверѣ. (По тропинкамъ и дорожкамъ.) Очерки изъ жизни животныхъ на крайнемъ сѣверѣ. Перев.

Лори, А. Дядя изъ Чикаго. Повѣсть изъ жизни американской школы. Перев. съ франц. П. Васина. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 3-е. 159+1 нен. стр. Ц. 45 к.

Лукашевичъ, К. Гроза надвигается. (Очерки изъ обороны Севастополя.) Для дѣтей и народа. 1. Синопскій бой. 2. Битва при Четати. 3. Бомбардированіе Одессы. Щеголевъ. М., 1915. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. 35 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

— Другъ несчастныхъ докторъ Гаазъ. Краткая біографія. М., 1915. Изд. 8-е, т-ва И. Д. Сытина. 72 стр. + 1 портр. Ц. 5 к.

— Медаль. М., 1915. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Помощь родинѣ. (Очерки изъ обороны Севастополя.) Даша-Севастопольская. Сестра милосердія. Помощь женщинъ. Юные герои Севастополя. М., 1915. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. 71 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Львова, М. А., кн. Сынъ моряка. Разсказъ. Съ рис. А. А. Кучеренко. М., 1915. Изд. 3-е, Д. П. Ефимова. 23 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Лятскій, М. Л. Великіе міра. Избранники исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Разсказы и очерки. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. II+290 стр. Съ рис.

Мальчикъ съ пальчикъ. Волшебная сказка, пересказанная Шарлемъ Перро. М., 1915. Изд. 3-е, Т/Д. Е. Коноваловой и К°. 24 стр. Съ рис.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Елка. Сказка. (Деш. б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 2-е, ред. „Юная Россія". 15 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Кукольный магазинъ. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. 2-е, ред. журн. „Юная Россія". 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Маныкинъ-Невструевъ, Н. Театръ для дѣтей и юношества. № 2. У снѣжной бабы. М., 1915. Изд. П. Юргенсона. 11 стр.

— Театръ для дѣтей и юношества. № 3. Солнечный кругъ. М., 1915. Изд. П. Юргенсона. 12 стр.

— Театръ для дѣтей и юношества. № 4. Сватовство. М., 1915. Изд. П. Юргенсона. 23 стр. Ц 1 р.

— Театръ для дѣтей и юношества. № 5. Гномы-шалуны и живые часы. М., 1915. Изд. П. Юргенсона. 7 стр.

— Театръ для дѣтей и юношества. № 8. Радость смѣха. М., 1915. Изд. П. Юргенсона. 11 стр. Ц. 60 к.

Митропольскій, Ив. Изъ волжскихъ разсказовъ. Волжане. Астрахань. Ледоходъ.

М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Наши герои. Разсказы о великой войнѣ. Для семьи и школы. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис.+ 3 листа съ рис. Ц. 15 к.

— Наши раненые. Разсказы о великой войнѣ. Для семьи и школы. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис.+ 3 листа рис. Ц. 15 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Телушка. Разсказъ. (Деш. б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 2-е, ред. „Юная Россія". 16 стр. Ц. 5 к.

— Мертвая бухта. Очеркъ. (Деш. б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 2-е, ред. „Юная Россія". 15 стр. Ц. 5 к.

Нечаевъ, А. П. Работа подземныхъ силъ. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Б-ка для всѣхъ. М., 1915. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. 174 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Николаевъ, М. Мои воспоминанія. Посвящается моимъ дѣтямъ. Перепечатано съ изданія 1900 года. М., 1914. 34 стр.

Нольде, М. П. Семья Нечаевыхъ. Разсказъ для дѣтей. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Островскій, В. Краткій очеркъ строенія и жизни человѣческаго тѣла. (Б-ка для семьи и школы.) М., 1914. Изд. ред. „Юная Россія". 88 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Перелыгинъ, Н. И. Въ своемъ гнѣздышкѣ. Ерши. Два паука. Зайцы. Жаворонки. Легкомысленная бѣлочка. М., 1915. Изд. Н. Ефимова, 4-е. 53 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Про плутовку лису. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. (Б-ка новой школы, № 5. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Про мышь зубастую да про воробья богатаго. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 6. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Прусъ, Б. Шарманка. Разсказъ. Перев. съ польскаго. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Б-ка новой школы. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 13. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 32 стр. Ц. 4 к.

Пушкинъ, А. С. Иллюстрированный сборникъ произведеній для дѣтей старшаго возраста. Со статьей Гоголя о Пушкинѣ. Русскіе писатели для дѣтей и юношества. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 415 стр. Съ рис.+1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

Рагоза, Н. Положеніе Чернушки. II. Зимняя ночь. Разсказъ. (Читальня народной школы.) Петроградъ, 1914. 28 стр.

— Похожденія Чернушки. Въ сорочьемъ гнѣздѣ. Разсказъ. Петроградъ, 1914. 16 стр. Съ рис.

— Похожденія Чернушки. Разсказъ. Среди вѣтвей. Петроградъ, 1914. 39 стр.

Разсказы и сказки о животныхъ. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. (Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 18.) М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Разсказы и стихи. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. (Б-ка новой школы. № 19. Н. В. Тулунова и П. М. Шестакова.) М., 1915. Изд. 5-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Робинзонъ-Слонъ. Приключенія слона Джумбо и его друга мишеньки Субботы на необитаемомъ островѣ. М., 1915. Изд. Е. Коноваловой и К°. 24 стр. Съ рис.

Робертсъ, Ч. Ребята дикихъ. Разсказы изъ жизни дѣтей животныхъ. Перев. съ англ. П. Буланже. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 302. М., 1914. 159+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Рогова, О. Путешествіе доктора Гулливера въ страну лилипутовъ и къ великанамъ. По Свифту передѣлка для русскаго юношества. Петроградъ, 1914. Изд. А. Ф. Девріена, 6-е, просм. и доп. 56 стр.

Рождественскій сборникъ. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 21. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Розеггеръ, П. Въ Альпахъ. Разсказы изъ тирольской жизни. Перев. съ нѣм. З. Журавской. Петроградъ, 1915. Изд. „Всходы", 3-е. 187 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Свѣшникова, Е. Ледяной домъ. (По роману И. И. Лажечникова.) (Б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 6-е, жур. „Юная Россія". 159 стр. Ц. 30 к.

Сказки и стихи. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. (Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и Шестакова, № 10.) М., 1915. Изд. 5-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Смѣльская, В. Ѳ. Таня и Леночка. Волшебная пьеска въ 7-ми картинахъ, съ пѣніемъ, танцами, живыми картинами и апоѳеозомъ. Петроградъ, 1914. Изд. В. Ѳ. Ѳедоровой. 27 стр. Ц. 20 к.

Снѣгурка. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 3. М., 1915. Изд. 6-е, т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Станюковичъ, К. М. Въ Индійскомъ океанѣ. М., 1914. Изд. С. Курнинъ и К°. 29 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Страшная коза. Книжка для чтенія на ервомъ году обученія. Б-ка новой шко-ы. № 9 Н. В. Тулупова и П. М. Шеста-ова. М., 1915. Изд. 6-е, т-ва И. Д. Сы-ина. 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Тихомировъ, Е. Н. За свободу братьевъ-лавянъ. Очерки. Дешевая б-ка для семьи школы. М., 1915. Изд. ред. журн. Юная Россія", 3-е. 112 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Толстой, Л. Н. Разсказы о природѣ. Книжка 1. Книжка для чтенія на третьемъ оду обученія. № 38. Б-ка новой школы И. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 32 тр. Съ рис. Ц. 4 к.

Томпсонъ-Сэтонъ, Э. Животныя герои. Перев. Г. Г. Оршанскаго. М., 1914. Изд. . Кнебель. 276 стр. Съ рис.

— Исторія одного кролика. Перев. В. А. Отвальта. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Б-ка новой школы И. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 24. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 80 стр. Ц. 7 к.

— Мои дикіе знакомые. Перев. подъ ред. С. Г. Григорьева. М., 1914. Изд. . Кнебель. 329 стр. Съ рис.

Филипповъ, Н. Н. Разсказы для дѣтей русскихъ писателей. Петроградъ, 1915. Изд. Н. С. Аскарханова, 5-е. 64 стр. Ц. 10 к.

Хижина дяди Тома или бѣлые и черные (по Бичеръ-Стоу). М., 1915. Изд. 3-е, Е. Коноваловой и К°. 24 стр. Съ рис.

Хшонщевская, Я. Большое и малое. Сказка. Перев. съ польскаго. (Б-ка новой школы. Подъ ред. И. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 11.) М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 24 стр. Ц. 4 к.

Черскій, Л. Ф. Святая Нина, просвѣтительница Грузіи. Историческій очеркъ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 3-е. 16 стр. Ц. 5 к.

Чижовъ, Е. Стефенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е. 16 стр. Ц. 5 к.

Шведеръ, Е. Грибной дѣдъ. Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 32 стр. Ц. 10 к.

— Поводырь. Повѣсть. Съ рис. П. Е. Литвиненко. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 100 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Шишкинъ, Бор. Ванька-охотникъ и другіе разсказы изъ дѣтской жизни. Сестренка. Заблудилась. Аленка. Б-ка „Новой народной школы". Подъ ред. Ѳ. П. Борисова и Н. П. Лаврова. М., 1914. Изд. т-ва В. В. Думнова. 54+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 3. **Затворницкій, Н. М.** Наполеоновская эпоха. Библіографическій указатель. Вып. II. Петроградъ, 1915. 313 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Саввинъ, Н. А. Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Дѣтская литература и журналистика за 1914 годъ. (Учит. б-ка.) М., 1915. Изд. журн. „Педагогическій Листокъ". 66 стр. Ц. 20 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 февраля по 1 марта 1915 г.

Аксаковъ, К. С. Сочиненія. Т. I. Изд. „Огни". 1915 г. Ц. 3 р.

Александровъ, П. А. Сѣверная система. М., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Алтаевъ, А. Король и инфантъ. Изд. т-ва Сытина. Ц. 90 к.

Алешинъ, Вл. Лѣсныя сказки. Изд. Сытина. Ц. 50 к.

Берманъ, Л. Неотступная свита. 1915 г. Ц. 50 к.

Бернеръ, Н. Одиннадцать. Кн-во „Жатва". М., 1915 г.

Бобровъ, С. Т. Гофманъ и профессоръ эстетики.

Боголюбовъ, Н. Философія религіи. Т. I. Кіевъ, 1915 г. Ц. 3 р.

Брюсовъ, Валерій. Полное собраніе сочиненій. Т. III и XV. Изд. „Сиринъ". М. Ц. каждаго тома 1 р. 75 к.

Буасье, Г. Общественное настроеніе временъ римскихъ цезарей. Изд. Карбасникова. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Бѣлорусовъ, А. Франція. Кн-во Писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Вайсфельдъ, М. Стремленія и чувства. Изд. „Образованіе". Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросы колонизаціи. № 16 за 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

Волынкинъ, Н. Періодическій законъ Менделѣева. Екатеринославъ, 1915 г. Ц. 20 к.

Всѣ въ войнѣ. Изд. Сытина. Ц. 15 к.

Въ нѣмецкомъ плѣну. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ эти дни. Альманахъ. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. Л. Польша и ея историческія судьбы. М., 1915 г. Ц. 25 к.

Гердъ, А. Я. и **В. А.** Учебникъ минералогіи. Изд. „Образованіе". Петроградъ, 1914 г. Ц. 60 к.

Городецкій, Сергѣй. Царевна Сластена. Изд. Сытина. Ц. 15 к.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій. Вып. I. III, V. М., 1915 г.

Даннеманнъ, Фр. Какъ создавалась наша картина міра. Изд. „Образованіе". Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Дымовъ, Осипъ. Бѣгущіе креста. Изд. „Наши Дни". М., 1915 годъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Желтухинъ, А. Н. Математика и физика во французскихъ лицеяхъ. Одесса, 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Житомірскій, К. Какъ же учить грамотѣ? Изд. „Трудъ". М., 1915 г. Ц. 50 к.

— Молохъ XX вѣка. Изд. „Трудъ". М., 1915 г. Ц. 1 р.

Жуковскій, В. А. Сборникъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. т-ва Сытина. Ц. 1 р. 25 к.

Журинъ, Александръ. Радостный кругъ. Изд. „Новая Жизнь". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иванова, Евгенія. Въ лѣсу и дома. Изд. Сытина. Ц. 40 к.

Икскуль, В. Я., баронъ. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Ц. 1 р.

Имшенецкій, В. Божья овечка. Изд. Сытина. Ц. 40 к.

Исторія западной литературы подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн. 9-я. Изд. т-ва „Міръ". М.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге и др. Вып. XXXII и XXXIII. Изд. т-ва „Міръ". М.

Карѣевъ, Н. Исторіологія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Нѣсколько сравнительныхъ таблицъ къ моимъ изслѣдованіямъ объ артельномъ харчеваніи фабрично-заводскихъ рабочихъ Моск. губ. М., 1915 г. Ц. 1 р.

Конрадъ, Іосифъ. Тайный агентъ. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Корона, Александръ. Лампа Аладина. Изд. „Поэзія". Петроградъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Корниловъ, А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Изд. Сабашниковыхъ. М., 1915 г. Ц. 4 р. 50 к.

Коробовъ, Ив. Въ дыму шрапнели. М., 1915 г. Ц. 20 к.

Криницкій, Маркъ. Маскарадъ чувствъ. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Кн-во Сабашниковыхъ. М., 1915 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Лелива. Переоцѣнка цѣнностей. Петроградъ, 1915 г. Ц. 25 к.

Ленскій, Вл. Бѣлыя крылья. Т. I и II. Изд. „Московск. книгоизд.". Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Вадимъ. Изд. т-ва Сытина. М., 1915 г. Ц. 25 к.

Лукашевичъ, Клавдія. Радуга. Ц. 1 р. 25 к. Патріотическое школьное литературное утро. Ц. 1 р. 25 к. Подвиги родныхъ героевъ. Ц. 1 р. Москва. Изд. Сытина.

— Во время войны. Изд. т-ва Сытина. Ц. 90 к.

Масловскій, Валентинъ. Смѣхъ Желѣзнаго города и Тайна стыдливой Зорьки. Ц. 65 к.

Масловъ, Петръ. Экономическія причины міровой войны. Изд. т-ва Сытина. М., 1915 г. Ц. 25 к.

Мезенцевъ, В. И. Качество зерна въ Черноморско-Азовскомъ районѣ. Изд. Харьк. общ. сельск. хоз. Харьковъ, 1915 г.

Мережковскій, Д. С. Двѣ тайны русской поэзіи. Ц. 50 к. Было и будетъ. Ц. 1 р. 50 к. Изд. т-ва Сытина. 1915 г.

Мечниковъ, И. Основатели современной медицины. Изд. „Научнаго Слова". М., 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Монтессори, Марія, д-ръ мед. Методъ научной педагогики, примѣняемый къ дѣтскому воспитанію въ домахъ ребенка. Кн-во „Задруга". М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Научные бюллетени 1914 г. Вып. I. Изд. О-ва содѣйствія изд. научн. трудовъ слуш. унив. Шанявскаго. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ. Сборникъ № 7. Природа положительныхъ и рентгеновскихъ лучей. Новыя идеи въ экономикѣ. Сборникъ № 6. Теорія денегъ Кнаппа. Новыя идеи въ правовѣдѣніи. Сборникъ № 3. Эволюція преступленій и наказаній. Сборникъ № 4. Философія права и нравственности. Новыя идеи въ біологіи. Сборникъ № 7. Опредѣленіе пола. Новыя идеи въ химіи. Сборникъ № 7. Ученіе о растворахъ. Естествознаніе въ школѣ. Сборникъ № 7. Преподаваніе ботаники. Новыя идеи въ математикѣ. Сборникъ № 10. Математика и философія. Новыя идеи въ философіи. Метафизика. Изд. „Образованіе". Петроградъ, 1915 г. Цѣна каждаго выпуска 80 к.

„Нѣмецкое зло". Сборникъ статей. М., 1915 г. Ц. 70 к.

Окуневъ, Я. На передовыхъ позиціяхъ. Кн-во Попова. Петроградъ. Ц. 1 р. 25 к.

Оршанинъ, А. Впечатлѣнія бытія. М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Оссендовскій, А. Женщины, возставшія и побѣжденныя. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Ц. 1 р.

Отчетъ по естественно-ист. музею Таврич. губ. земства за 1914 г. Труды естественно-истор. музея Тавр. губ. земства. Симферополь, 1914 г.

Подворная перепись Симбирской губ. 1910—11 г. Вып. I. Симбирскій уѣздъ. Изд. Симб. губ. земства. 1915 г.

Подъячевъ. Бѣлинскій и романтизмъ.

Потребленіе топлива желѣзными дорогами въ 1913 году. Изд. Совѣта съѣзда бак. нефтепром. Баку, 1915 г.

Пятидесятилѣтній юбилей газеты „Русскія Вѣдомости" (1863—1913 гг.). М., 1915 г.

П—ій, Б. А. Современная Монголія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 30 к.

Райковъ, Б. Е. Тетрадь для практическихъ занятій по природовѣдѣнію. Изд. Карбасникова. Петроградъ, 1915 годъ. Ц. 40 к.

Ремизовъ, Алексѣй. Весеннее порошье. Изд. „Сирпнъ" 1915 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Романчукъ, Я. Европейската война и руско-украинския въпросъ. Варна, 1914 г. Ц. 20 к.

Сельскохозяйственное машиностроеніе. Изд. Имп. русскаго технич. о-ва. Петроградъ, 1914 г.

Сборникъ статей въ честь В. П. Бузескула. Харьковъ, 1915 г.

Свирскій, А. Пограничники. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Софоклъ. Драмы. Т. II. Изд. Сабашниковыхъ. М., 1915 г. Ц. 3 р.

Сперанскій, Александръ. Квартира фонъ-Кронша. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

„Стрѣлецъ". Сборникъ первый. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Суздальцевъ, Н. Хозяйство безъ рубля, что корабль безъ руля. М., 1915 г. Ц. 8 к.

Сѣверянинъ, Игорь. Ананасы въ шампанскомъ. Изд. „Наши Дни". Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, Л. Н. Казаки. Изд. т-ва Сытина. М., 1915 г.

Толстой, Алексѣй Н., графъ. День битвы. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Ц. 1 р.

— Обыкновенный человѣкъ. Изд. „Наши Дни". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цимкинъ, И., д-ръ. О нервной дегенераціи въ частности среди евреевъ. Кн-во „Прогрессъ". Рига, 1914 годъ. Ц. 20 к.

Цѣлебныя силы Россіи. № 1 и 2. 1915 г.

Щеголевъ, И. М. Вредныя насѣкомыя и болѣзни растеній, наблюд. въ Таврич. губ. въ 1914 г. Симферополь, 1915 г.

Юркинъ, Петръ. Утро мечты. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Литература, исторія литературы и литературная критика: Письма *Чехова*. Т. V.—*В. Ѳ. Лазурскій*. Курсъ исторіи западно-европейской литературы. Ч. I. Средневѣковая литература.—*А. Шалыгинъ*. Учебный курсъ исторіи русской литературы и хрестоматія.—*А. М. Хирьяковъ*. Очерки исторіи русской литературы.—*Н. М. Мендельсонъ*. Очерки по исторіи русской литературы. Изд. 2-е 1

Языкознаніе: *Проф. Е. Ѳ. Будде*. Русскій языкъ. — *К. М. Т.* О доисторическомъ языкѣ Закавказья 6

Философія и религія: *М. В. Лодыженскій*. Мистическая трилогія. Темная сила. — *Александръ Герасимовичъ*. Творящее въ религіи. Религія на зарѣ культуры 8

Исторія: *Инна Любименко*. Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей. Вып. I. XVI вѣкъ.—Studies in the History of English Commerce in the Tudor Periode.—*W. R. Scott*. The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720.—*William Page*. The Russia Company from 1553 to 1660. — *I. M. Кулишеръ*. Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи. — *Dr. Kart Hassert*. Allgemeine Verkehrsgeographie.—*Проф. В. Ѳ. Левитскій*. Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта 10

Педагогика и народное образованіе: Дома, въ школѣ, въ лѣсу, въ полѣ. Перев. съ англійскаго „листковъ по изученію природы“, издаваемыхъ американскимъ Корнельскимъ университетомъ для начальныхъ школъ . 19

Естествознаніе и математика: *Анри Пуанкарэ*. Новая механика. Эволюція законовъ. — *Е. В. Маундеръ*. Наука о звѣздахъ. Перев. А. Н. Высоцкаго.—Новыя идеи въ астрономіи. Сборникъ № 4. Распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ и ихъ движеніе.—*Е. Ланкастеръ*. Вымершія животныя. Перев. подъ ред. Борисяка.—*В. А. Фаусекъ*. Біологическіе этюды 19

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 февраля по 1 марта 1915 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Фирма удостоена на россійскихъ и заграничныхъ выставкахъ
болѣе 100 наградъ.

СѢМЕНА

ородныя, сельско-хозяйственныя, лѣсныя и цвѣточныя,
маго высш. достоинства, вѣрныхъ сортовъ и съ испытанной всхо-
стью, предлагаетъ въ самомъ богатѣйш. выборѣ по сам. умѣрен. цѣнамъ

ейнрихъ Геттингеръ въ Ригѣ,

Сѣменная торговля (существуетъ съ 1851 г.).

талогъ высылается безплатно, а главный каталогъ со многими новостями и съ
болѣе 700 рисунками высылается за 30 коп., съ наложеннымъ платежемъ 50 коп

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1915 годъ
(Третій годъ изданія).

НА ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ.

Задача журнала — освѣщать важнѣйшія событія кооперативнаго движенія въ Россіи и за-границей и способствовать ознакомленію русскаго общества съ дѣломъ кооперации.

„Кооперативная Жизнь" выходитъ 2 раза въ мѣс. книжками въ 64—80 стр.

Въ 1914 году всѣмъ подписчикамъ были высланы безплатно 2 сборника статей, составленныхъ при участіи **проф. А. З. Вормса, К. П. Огановскаго, З. С. Каценеленбаума, К. А. Мацѣевича, А. В. Чаянова, кн. Д. И. Шаховского** и др.

Кромѣ того по вопросу объ организаціи волостныхъ попечительствъ и по вопросу объ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ въ кооперативныхъ учрежденіяхъ были даны брошюры прис. пов. **А. И. Пересъ** и прис. пов. **Н. Н. Полянскаго.**

Редакціонный Комитетъ:

М. П. Авсарксовъ, В. И. Анисимовъ, А. А. Евдокимовъ, В. А. Кильчевскій, А. Е. Кулыжный, Г. А. Мартюшинъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чаяновъ и кн. **Д. И. Шаховской.**

Подписная цѣна: на годъ—5 руб., на 1/2 года—3 рубля.

Проспекты объ изданіяхъ „Кооперативной Жизни" высыл. по требованію безплатно.

Пробный номеръ высылается за 2 десятикопеечныя марки.

Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная Жизнь", **Москва, Моховая, д. № 14, кв. 2, тел. 555-48.**

Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышл. т-вахъ при М. О. С. Х.

Подписка и пріемъ объявленій производится въ конторѣ журнала (Моховая, 14), въ Московскомъ Народномъ Банкѣ (Мясницкая, 15), на текущій счетъ № 3, въ конторѣ Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

(III годъ изданія)

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Журналъ, издаваемый Русскимъ Библіографическимъ Обществомъ при Императ. Московскомъ Университетѣ подъ редакціей **Б. С. Боднарскаго.**

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Статьи и друг. работы по вопросамъ теоретической и прикладной библіографіи: изслѣдованія изъ области библіографіи, библіотековѣдѣнія, библіофиліи и книжнаго дѣла, указатели по отдѣльнымъ отраслямъ жизни и знанія, критико-библіографическіе обзоры, рецензіи. Хроника и varia: библіографическая жизнь въ Россіи и за границей, выдающіеся факты изъ жизни обществъ и учрежденій, преслѣдующихъ задачи изученія книги, разныя замѣтки на библіографическія темы, отвѣты на вопросы читателей и пр. Объявленія.

Сроки выхода: Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ: въ апрѣлѣ, іюлѣ, октябрѣ и декабрѣ, размѣромъ не менѣе 5 печ. листовъ въ каждомъ №.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—4 р., на 1/2 г.—2 р. Отд. №—1 р. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 страница—40 руб., 1/2—20 руб., 1/4—10 р., 1/8—5 р., 1/16—2 р. 50 к., строка петита въ 1 колоннѣ (стр. 2 кол.)—40 к.

Контора и редакція: Москва, Моховая, 11 (старое зд. унив.), Библіографическое Общество. Отдѣленіе конторы: Б. Никитская, 10, книжн. маг. „Наука".

Подписка на журналъ принимается въ конторѣ редакціи, отдѣленіи конторы и во всѣхъ столичныхъ и большихъ провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ. Вся переписка должна быть направляема въ Библіогр. О-во или по адресу редактора: Москва, Б. Палашевскій, 2, Богдану Степановичу Боднарскому.

Личные переговоры—по понедѣльникамъ отъ 7 1/2 час. веч. въ помѣщеніи Библіографическаго Общества, въ остальные дни—по предварительному соглашенію.

12 №№ — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.** — **2 рубля.**

(V г. изданія.)

ВѢСТНИКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Ежемѣсячный информаціонный, справочный и библіографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи **В. И. Чарнолускаго.**

Общіе вопросы образованія и воспитанія.—Семейное воспитаніе.—Дошкольное воспитаніе.—Начальная и высшая нач. общеобразов. школы.—Низш. професс. школа.—Образованіе неворм. дѣтей.—Образованіе учащаго персонала.—Внѣшн. образованіе.—Самообразованіе.—Дѣтское чтеніе.

Отдѣлы журнала:—Законы, циркуляры, сенатск. разъясненія.—Библіографія нов. книгъ по вар. образованію, учебниковъ и учебн. пособій.—Рефераты и сводъ рецензій о нов. книгахъ и журналахъ по нар. образованію.—Своды отзывовъ: о научно-попул. книгахъ и общ. журналахъ о дѣтскихъ книгахъ в журналахъ.—Списки: произведеній, допущ. въ учебн. заведенія; изъятыхъ произведеній. — Хроника. — Изъ литературы и жизни. — Изъ практики для практики.—Вопросы и отвѣты.—Сообщенія и заявленія.—Объявленія.—Особыя приложенія. Сост. В. Чарнолускимъ.

Условія подписки: I. На **„Вѣстникъ Народнаго Образованія"**—2 р., отд. №—25 к.; любит. изданіе съ печатью на одной сторонѣ—3 р.: II. На особыя приложенія: 1) „Ежегодникъ народнаго образованія". Годъ II (4 вып.) — 3 р.; 2) „Настольная книга по народному образованію". Изд 2-е перер. Годовой подписной взносъ на очередн. выпуски—3 р. 3) „Спутникъ народн. учителя и дѣятеля народнаго образованія". Изд. 2-е, перер.—75 к.; „Вѣстникъ Народнаго Образованія" со всѣми особыми приложеніями—8 р. 75 к. Полный комплектъ „Вѣстника за 1911—1914 гг. (39 №№)—5 р. Отдѣльно отъ „Вѣстника" подписка на особ. приложенія не принимается. Разсрочка допускается только при подпискѣ черезъ контору журнала и подписной суммѣ свыше 3 р.: при подпискѣ—3 р., къ 1 апрѣлю—3 р., ост.—къ 1 іюля. Желающіе получить квитанцію, оплачиваютъ герб. сборъ (5 к. и почтов. пересылку). Книжные магазины удерживаютъ 5%. Подробн. проспекты безплатно.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, д. 92, кв. 17.

Редакторъ-издатель **Е. Ф. Проскурякова.**

Книгоиздательство К. Ф. НЕКРАСОВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЦЕРКОВЬ ИЛІИ ПРОРОКА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Текстъ Н. Г. ПЕРВУХИНА.

Книга печатается in folio и составитъ около четырехъ листовъ текста, иллюстрированнаго 75-ю фототипическими снимками.

Книга печатается въ количествѣ 450 нумерованныхъ экземпляровъ.

Цѣна по подпискѣ 12 руб. 50 коп. (съ пересылкой).

Подписныя деньги адресовать: Москва, Петровка, д. 25, кв. 27, издательству **К. Ф. Некрасова.**

Подписка принимается до 1 апрѣля.

По выходѣ въ свѣтъ цѣна книги будетъ увеличена до 16 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на ежемѣсячный, посвященный вопросамъ теоріи и практики кооперативнаго дѣла въ Россіи и за границей, журналъ

ВѢСТНИКЪ КООПЕРАЦІИ,

(седьмой годъ изданія)

издаваемый Петроградскимъ Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышленныхъ товариществахъ подъ редакціей проф. **М. И. Туганъ-Барановскаго.**

„Вѣстникъ Кооперацiи“ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюня, іюля и августа, отдѣльными книжками.

Цѣль журнала—выясненіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія, а также систематизированіе и опубликованіе важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи и практикѣ кооперативнаго движенія въ Россіи и за границей.

Являясь единственнымъ въ Россіи научнымъ кооперативнымъ органомъ, „Вѣстникъ Кооперацiи“ разсчитываетъ на широкую поддержку со стороны земскихъ, общественныхъ и другихъ учрежденій, преслѣдующихъ цѣли поднятія благосостоянія широкихъ народныхъ массъ.

Въ журналѣ ведутъ спеціальные текущіе отдѣлы: **А. Меркуловъ**—Кооперативное движеніе въ Россіи; **М. Хейсинъ**—Обзоръ иностранной и русской печати; **П. Шимановскій**—Земство и Кооперація.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Россіи: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., отдѣльная книжка—60 коп. За границу: на годъ—6 руб., на полгода—4 руб.

Народные учителя имѣютъ скидку въ 25%.

Принимаются объявленія спроса и предложенія труда въ кооперативахъ и земствахъ по пониженному тарифу.

За вкладку взимается съ каждой тысячи экземпляровъ вѣсомъ до 1 лота—9 руб.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала: Петроградъ, ул. Жуковскаго, 38.

25-й годъ изд. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ** 25-й годъ изд.

на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію

РУССКАЯ ШКОЛА.

Программа журнала:

Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность государств. и обществ. учрежденій по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Начальная и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессіональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ **слѣдующіе постоянные отдѣлы:** I. Экспериментальная педагогика, **подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцева.** II. Критика и библіографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, **подъ ред. А. Я. Гуревичъ.** III. Хроника общаго и професс. образованія въ Россіи и за границей. IV. Хроника библіотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія. V. Земскіе очерки. VI. Разныя извѣстія. VII. Новости литературы. VIII. Новѣйшія правительственныя распоряженія и законодательныя постановленія.

Въ настоящее время въ журналѣ организуется **новый отдѣлъ „Новѣйшія педагогическія** теченія на Западѣ", къ непосредственному участію въ которомъ приглашаются видные представители педагогической мысли Западной Европы и Америки. До настоящаго времени дали согласіе сотрудничать: д-ръ А. Лай, проф. I. Болдуинъ, проф. К. Лампрехтъ, проф. П. Наторпъ, проф. В. Рейнъ, проф. Роб. Зейдель, д-ръ Люд. Гурлиттъ, Рудольфъ Шульце, Т. Линдеманъ, Отто Эрнстъ, Бертольдъ Отто, д-ръ Гехеебъ, д-ръ Г. Литцъ, д-ръ Зейфертъ, Генрихъ Шаррельманъ, Генрихъ Шульцъ, д-ръ Г. Кершенштейнеръ, проф. О. Кюльпе, проф. Т. Циглеръ, д-ръ Е. Симонъ, д-ръ Виннекенъ, д-ръ Гертруда Боймеръ, В. Штернъ, Э. Клапаредъ, Генріетта Роландъ-Гольстъ, д-ръ А. Панкукъ, Ф. Ганзбергъ, д-ръ Адель Шрейберъ и др. **Отдѣлъ организуется С. А. Левитинымъ и будетъ находиться въ его завѣдываніи.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Н. Андреевъ, Н. Бахтинъ, Н. Борецкій-Бергфельдъ, Н. Бочкаревъ, Э. О. и В. П. Вахтеровы, проф. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. Владимірскій, С. В. Вознесенскій, Ч. Вѣтринскій, проф. А. Грунскій, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, Евг. Елачичъ, П. Жулевъ, проф. П. Заболотскій, В. Зеленко, С. Знаменскій, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, Н. Н. Іорданскій, И. Кавунъ, А. Калмыкова, П. Ѳ. Каптеревъ, В. Келтуяла, чл. Г. Думы Ив. Клюжевъ, проф. Н. М. Книповичъ, Н. И. Коробко, Л. Кравченко, проф. И. Лапшинъ, проф. А. Лазурскій, Э. Ф. Лесгафтъ, Э. Лямбекъ, Н. П. Малиновскій, П. Г. Мижуевъ, А. Мезіеръ, проф. А. Музыченко, А. Налимовъ, проф. А. П. Нечаевъ, М. В. Новорусскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л, Оршанскій, А. Н. Острогорскій, Ф. И. Павловъ, проф. А. Л. Погодинъ, д-ръ В. Рахмановъ, Б. Райковъ, прив.-доц. Г. И. Россолимо, Н. А. Рубакинъ, Н. Е. Румянцевъ, С. Ф. Русова, Е. Рѣпина, С. И. Сазоновъ, Л. С. Севрукъ, Б. Соколовъ, Н. М. Соколовъ, М. М. Соловьевъ, Е. Соломинъ, чл. Г. Думы I. Титовъ, Н. А. Томилинъ, М. Тростниковъ, Г. Г. Тумимъ, М. В. Усковъ, С. Фарфоровскій, В. А. Флеровъ, А. П. Флеровъ, Б. Р. Фрометтъ, проф. Г. В. Хлопинъ, В. И. Чарнолускій, В. И. Чернышевъ, Н. В. Чеховъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, С. Я. Штрайхъ и др.

„Русская Школа" выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ. листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ Петроградѣ безъ дост.—**7 р.**, съ дост.—**7 р. 50 к.**; для иногородн.—**8 р.**; за границу—**9 р.** въ годъ. Для **сельскихъ учителей**, выписыв. **журналъ за свой** счетъ,—**6 р.** въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ—**3 р.** и къ 1 июля—**3 р.**). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., **уступка въ 15%**. Книжн. магазинамъ за **комиссію 5%** съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой **только въ конторѣ** редакціи (Петроградъ, Лиговская, д. 1.).

Подписчики „Русск. Школы" на 1914 годъ **могутъ пріобрѣсти** (при подпискѣ непосредственно черезъ редакцію) сочиненіе **С. М. Соловьева:**

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ".

Въ 7 книгахъ (5300 стран. въ 2 столбца) за **11 р.**, вмѣсто **18 р.** (не считая пересылки).

Редакторъ-издатель **Я. Я. Гуревичъ.**

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Контора редакціи **не отвѣчаетъ** за аккуратную доставку **по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.**

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины со своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно **въ главную контору редакціи—Петроградъ, Нюстадская, 6.**

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ главную контору редакціи **не позже,** какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо** прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) О **каждой** перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 1-го числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) За перемѣну адреса взимается **25** коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **50** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

3-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ** 3-й годъ изданія.

на

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

журналъ, основанный Московскимъ Юридическимъ Обществомъ

и издаваемый при содѣйствіи Петроградскаго Юридическаго Общества и Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ,

подъ общей редакціей *Б. А. Кистяковскаго.*

„Юридическій Вѣстникъ“ выходитъ четыре раза въ годъ: въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ—книгами размѣромъ отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ комплекты **„Юридическаго Вѣстника“** за 1913 годъ продаются по 8 рублей. Для лицъ, подписавшихся на 1914 или 15 гг., цѣна остается прежняя—6 рублей.

Подписная цѣна на 1915 годъ—6 рублей, на полгода—3 рубля съ пересылкою и доставкою. Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ 2 рубля. Подписка принимается въ редакціи журнала **„Юридическій Вѣстникъ“** въ Москвѣ, Пречистенка, Б. Левшинскій пер., д. № 13, кв. 8. По дѣламъ конторы обращаться по буднимъ днямъ отъ 12 до 3 ч. дня по телефону 3-44-48. Въ Кіевѣ подписка принимается къ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, д. № 33.

Издатель: проф. **А. С. Алексѣевъ.** Редакторъ **Б. А. Кистяковскій.**

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Петроградъ, Нюстадская, 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора „Введеніе въ метафизику". Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ*. Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный переводъ съ французскаго *В. Флеровой*. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна **1** р. **75** к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ*. Подъ ред. *С. В. Лурье*. Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка*. Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка*. Стр. 256. Цѣна **1** р. **80** к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна **3** рубля.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна **1** р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи. Статьи „Замаскированное самоубійство" и „Политическая провокація" посвящены террору и провокаціи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **50** к. (Изданіе распродано.)

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна **15** к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). **Русская литература по ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г. — декабрь 1912 г.). **Библіографическій обзоръ.** Стр. 55. Цѣна **60** к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.) Стр. 56. Цѣна **60** коп.

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Стр. 40. Цѣна **60** к.

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна **1** р. **75** к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развиваемыхъ въ нихъ мыслей... Я старалась уяснить себѣ основы эстетики".

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пресуществленіе). — **Красота и свобода.** — **Цвѣты и кристаллы.** — **Искусство вожатый.** — **Тишина.** — **О воздушныхъ мостахъ критики.** — **Путь и цѣль въ искусствѣ.** — **Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна **1** р. **75** к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (перевела) **Объ Окассенѣ и Николетъ.** Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатается:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга*.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

Санаторій „СОКОЛЬНИКИ“

Д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА.

Москва, Сокольники, Поперечный проѣзд. Телефонъ № 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней **нервныхъ, внутреннихъ, обмѣна** и т. п. По роскошнымъ удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ. Проспекты по требованію.

Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., собств. домъ. Телефонъ № 102-77.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

книгоиздательства „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

А. Бергсонъ.

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.

Единственный авторизованный перев. съ франц. *В. А. Флеровой.* Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Баронъ Б. Э. Нольде,

профессоръ международнаго права Политехн. Инст. Императора Петра Великаго.

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Опытъ дипломатической исторіи.

Стр. 40.

Цѣна 60 коп.

Частныя лица, выписывающія книги изъ издательства (Петроградъ, Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій— при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., соб. д.

Петръ Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв.

Содержаніе: I. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. II. Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. III. Крѣпостная статистика. IV. Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустройства. V. Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II. VI. Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. VII. Два отзыва (о книгѣ В. Г. Бажаева и И. И. Игнатовичъ). Стр. 340 съ тремя таблицами и діаграммой. **Цѣна 2 руб.**

Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ. Москва, Тверской бульваръ, 6.

Книжный магазинъ и складъ удешевленныхъ книгъ

А. Н. ПОЛЯКОВА.

Петроградъ, Вознесенскій пр., 153, зданіе Н.-Александровскаго рынка В.

ПРЕДЛАГАЕТЪ

русскихъ и иностранныхъ писателей по дешевой цѣнѣ.

Андреевъ, Л. 17 т.—3 р.
Боборыкинъ. 12 т.—2 р. 50 к.
Вересаевъ. 10 т.—1 р. 75 к.
Гамсунъ. 18 т.—2 р. 50 к.
Гауптманъ. 10 т.—1 р. 50 к.
Гейне. 16 т.—1 р. 25 к.
Гоголь. 1 т. съ рис.—1 р. 30 к.
Гончаровъ. 12 т.—6 р. 50 к.
Горбуновъ. 4 т.—75 к.
Григоровичъ. 12 т. — 6 р., въ пер. 8 р.
Данилевскій. 24 т.—3 р.
Достоевскій. 24 т.—15 р.
Екатерина II. 1 т.—50 к.
Жуковскій. 12 т.—1 р. 50 к.
Ибсенъ. 18 т.—2 р. 50 к.
Козловъ. 1 т.—50 к.
Кольцовъ. 1 т.—1 р.
Лермонтовъ. 1 т. съ рис.—90 к.
Ломоносовъ. 1 т.—50 к.
Лѣсковъ. 36 т.—3 р.
Мей. 8 т.—1 р.
М.-Печерскій. 22 т.—4 р.
Михайловъ-Шеллеръ. 50 т.—3 р.
Писемскій. 38 т.—4 р.
Полежаевъ. 1 т.—50 к.
Помяловскій. 5 т.—1 р.
Салтыковъ-Щедринъ. 40 т.—5 р.
Станюковичъ. 40 т.—4 р.
Толстой, А. 12 т.—3 р. 50 к.
Тургеневъ. 10 т.—9 р.
Уайльдъ, О. 8 т.—1 р. 50 к.
Успенскій, Гл. 28 т.—3 р.
Фетъ. 6 т.—1 р. 25 к.
Фонвизинъ. 1 т.—50 к.
Чеховъ, А. 903 годъ 16 т.—6 р.
Чеховъ, А. 911 годъ 12 т.— 3 р. 50 к. Оба года вм. 9 р.
Баратынскій. 2 т.—75 к.
Ганъ. 6 т.—1 р.
Давыдовъ. 3 т.—1 р.
Державинъ. 4 т.—1 р. 50 к.
Дмитріевъ. 2 т.—50 к.
Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. 12 т. въ пер.—6 р.
Соловьевъ, Всев. (романистъ). 10 т.—7 р.
Мольеръ. 10 т.—1 р. 50 к.
Тютчевъ. 3 т.—75 к.
Буссенаръ. 40 т.—5 р.
Диккенсъ. 46 т.—7 р.
Добролюбовъ. 4 т.—3 р.
Дюма (отецъ). 84 т.—9 р.
Жаколіо. 18 т.—3 р.
Ж.-Вернъ. 88 т. въ пер.—20 р.
Караазинъ. 20 т.—5 р.
Конанъ-Дойль. 22 т.—4 р.
Куперъ. 36 т.—5 р.
Майнъ-Ридъ. 40 т. съ альбомомъ въ пер.—13 р.
Маркъ Твенъ. 28 т.—5 р.
Капитанъ Марріетъ. 24 т.—3 р. 50 к.
Міръ приключеній. За годы 910, 911, по 1 р. 50 к.
Немировичъ-Данченко. 30 т.—7 р. 50 к.
Брэмъ. Жизнь животныхъ. 3 т. въ пер.—5 р.
Фламмаріонъ. Атмосфера. 5 т.—1 р.
Фламмаріонъ. Популярная астрономія. 7 кн.—1 р. 25 к.
Рюминъ. Чудеса техники. 6 кн.—1 р. 25 к.
Жукъ. Мать и дитя.—2 р. 70 к., въ пер.—3 р. 30 к.
Малаховецъ. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ.—3 р. 60 к., въ пер.—4 р. 25 к.
Боккачіо. Декамеронъ.—1 р. 80 к., въ пер.—2 р. 40 к.
Бабенко. Полный курсъ двойной бухгалтеріи. Больш. томъ—3 р. 40 к.
Нельсина. Молодая хозяйка: руководство къ практической постановкѣ и веденію дома: съ многими рисунками. 442 стр. 1913 г. въ роскошн. перепл.—вм. 3 р. 50 к. за 2 р. 50 к.
Форель. Половой вопросъ. 2 т.—вм. 2 р. 50 к. за 90 к.
Вейнингеръ. Полъ и характеръ. 1 т.—вм. 2 р. за 85 к.
Пушкинъ. 5 т.. изд. Брокгауза-Ефрона, въ пер., ц. 40 т. за 26 р.
Ростанъ. 5 т. соч.—1 р. 50 к.
Толстой, Л. Н., соч. 24 т.—6 р.
Аткинсонъ. Культура памяти. Вм. 1 р. 50 к. за 1 р.

Большая Энциклопедія. 22 тома, вмѣсто 132 за 40 руб.

Всѣ вышеозначенныя книги высылаются налож. платежомъ немедленно по полученіи заказа. Казеннымъ учрежденіямъ безъ налож. платежа.

Пересылка за счетъ заказчика. Упаковка за счетъ магазина.

Цѣны безъ пересылки.

Высылаются книги по всѣмъ рекламамъ, по ихъ цѣнамъ и дешевле. Добросовѣстное исполненіе заказовъ, быстрое и аккуратное.

Интересы заказчиковъ строго соблюдаются.

Принимаются заказы на пополненіе и составленія всякаго рода библіотекъ.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.
1915 г.

BINDING SECT. NOV 11 1975

AP
50
R8
g.36
kn.3

Russkaia mysl'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 17 15 13 014 9